

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный университет»

На правах рукописи

Аржакова
Лариса Михайловна

**ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС
И ЕГО ПРЕЛОМЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПОЛОНИСТИКЕ XIX ВЕКА**

Раздел 07.00.00 – исторические науки

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Диссертация
на соискание ученой степени доктора исторических наук

Санкт-Петербург – 2014

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Польша и поляки в русской исторической традиции до первой четверти XIX в.	67
Глава 2. Польский вопрос и польские студии 1830-х–1850-х годов	126
Глава 3. Польский вопрос и полонистика в 1860-е – 1870-е гг.	219
Глава 4. Польский вопрос и польская тематика в литературе 1880-х – 1890-х годов	369
Заключение	462
Список источников и литературы	480

Введение

Актуальность и научная значимость темы. Известно, сколь весомую роль в политической и общественной жизни Российской империи играл польский вопрос, особенно если рассматривать его в контексте внешней политики Российской империи или международных отношений на рубеже XVIII – XIX вв.

Вместе с тем, не меньшее значение польский вопрос имел для России как комплекс устоявшихся в обществе стереотипов по поводу Польши и поляков в сочетании с соответственно интерпретируемой информацией о прошлом и настоящем польского народа, тем самым отражаясь на судьбах поляков в разделенных польских землях. Временами, прежде всего в период внутривнутриполитических кризисов, он приобретал особую остроту. Не напрасно Н.Н. Страхов свои известные заметки по поводу польского вопроса, опубликованные в пору польского восстания 1863 г., озаглавит: «Роковой вопрос».

Немаловажно также и то, что динамика русско-польских взаимоотношений ощутимо влияла едва ли не на все сферы жизни русского общества, в частности, активно воздействовала на развитие отечественных полонистических студий, во многом предопределяя выбор тематики и, что существенно, подход к ней. Кроме всего прочего, складывавшиеся в рассматриваемый период традиции в освещении истории Польши до сих пор заметно влияют как на современную трактовку польского вопроса в исторической ретроспективе, так и на развитие отечественной полонистики. Не приходится упускать из виду также и то, что польский вопрос наложит свою печать на ряд крупнейших явлений отечественной культурной и общественно-политической жизни, самые хрестоматийные среди них – пушкинская ода «Клеветникам России», опера М.И. Глинки «Жизнь за царя», трактат «Россия и Европа» Н.Я. Данилевского и многое другое.

В новейшее время, как известно, произошли значительные перемены как в самих русско-польских взаимоотношениях, так и в трактовке многовековой истории польского вопроса (в самом широком смысле этого слова) в России. Но

все же представляется слишком оптимистичным заявление Л.Е. Горизонтова, который, полагая, что «польский вопрос как фактор внутреннего развития России ныне целиком принадлежит истории», полтора десятилетия назад уверенно утверждал, что «это счастливый и /.../ редкий пример освобождения государства и общества от тягостного и для первого, и для второго бремени прошлого». Впрочем, и сам автор приведенных строк все же не смог обойтись без оговорки, отметив, что «отголоски русско-польского противостояния XIX – начала XX в. до сих пор дают о себе знать в обостренной на всем пространстве Центральной и Восточной Европы исторической памяти народов»¹.

Говоря об истории русско-польских отношений, уместной представляется характеристика, данная этим отношениям Чеславом Милошем, признавшим, что «описать запутанные истоки распри так же трудно, как причины застарелой вражды двух семейств, испокон веков живущих на одной улице /.../ и корни здесь уходят куда глубже двух последних веков»². Действительно, хотим мы того или не хотим, но приходится констатировать, что польский вопрос, имеющий за своими плечами многовековую историю, не утратил ни своей злободневно политической, ни научной актуальности и в России XXI века³.

В определенной мере преломление польского вопроса в российской полонистике XIX века есть основание рассматривать как попытку – или опыт – русско-польского диалога, результаты которого были способны воздействовать на положение в разделенных польских землях. Другое дело, насколько этот опыт оказался удачным. Так или иначе, но перманентный русско-польский диалог, понимаемый как своего рода диалог двух миров, несмотря на то, что речь идет о взаимоотношениях двух представителей славянского мира, разумеется, имел

¹ Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. ... д.и.н. М., 1999. С. 1.

² Милош Ч. Родная Европа. М.; Вроцлав, 2011. С. 119–120.

³ Лишним подтверждением актуальности, даже злободневности, польского вопроса (в исторической ретроспективе в том числе) может служить хотя бы такая, вышедшая под эгидой Института русской цивилизации книга, как: Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Россия и Польша: Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации. М., 2011, – авторы которой, по их собственным словам, выступают «в необычном жанре – психолого-политического исследования исторических реальностей». По мнению авторов, которые с завидной легкостью рассуждают о сложнейших проблемах, как то: «...почему именно Польша трижды подвергалась так называемым разделам» (С. 5–6), Польша рассматривается в качестве примера потому, что феномен лимитрофизации находится у нее внутри, а не вовне.

место и раньше. Но теперь, в XIX веке, он вышел на качественно иной уровень, обусловленный рядом факторов, в частности, переменами, связанными с обще-европейскими сдвигами. На данном этапе этот диалог приобретал, пожалуй, большее, чем прежде значение, поскольку от его результатов зависели взаимоотношения как между Россией и остальным славянским миром, так между Россией и Западом. Но что было особенно важно для поляков, от этого диалога зависел как характер взаимоотношений непосредственно между Россией и Польшей (и не только русской Польшей, т.е. Королевством Польским, но и всем, пусть и разделенным, польским народом), так и будущее самой (независимой) Польши. Что важно, такое восприятие наследия XIX века, в основном, характерно и для современной польской историографии, для которой свойственно понимание того, что «Польша – не Восток и не Запад. Польша – центр европейской цивилизации». И если Европа – это цивилизация политической свободы, то Польша – стала центром этой цивилизации в XIX веке⁴.

Все это вместе взятое – в сочетании с недостаточной разработанностью данной проблематики в отечественной исторической литературе – определяет актуальность предпринятых нами изысканий⁵.

Объект и предмет исследования. Объектом данного исследования является русская общественная мысль дореволюционного периода (в известной мере – польская общественная мысль), а предметом – публицистика и исторические сочинения (отчасти – литературные произведения), так или иначе отразившие восприятие польского вопроса (понимаемого в самом широком смысле этого словосочетания) как русским обществом, так и отголоски этого восприятия – в польских землях.

В значительной мере работа носит интердисциплинарный характер, поскольку рассмотрение в ней эволюции польского вопроса сочетается с анализом общественно-политических перемен, имевших место в Российской империи, а

⁴ Nowak A. *Od Polski do post-polityki. Intelktualna historia zapaści Rzeczypospolitej*. Kraków, 2011. S. 187. См. также: Nowak A. *Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni*. Kraków, 2007.

⁵ Особенно учитывая то значение, какое в настоящее время приобретает «рассмотрение конкретных историографических ситуаций в точки зрения преемственности и изменчивости в исторической науке; определение векторов историографической динамики и сложных процессов дифференциации и интеграции». – Предисловие // Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 9.

также тех сдвигов, какие происходили в отечественной полонистике на протяжении более чем столетия.

Источниковая база исследования. В комплекс используемых в диссертации источников вошли как уже попадавшие в поле зрения исследователей исторические труды (Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, В.И. Герье, С.М. Соловьева, Н.И. Кареева, Н.Н. Любовича, А.Л. Погодина, А.А. Корнилова и мн. др.), так и недостаточно используемые в современном нам научном обороте тексты.

Специфика темы подразумевает, что исторические труды одновременно могут использоваться и как источники, и как историография. Опираясь в первую очередь на печатную продукцию (что продиктовано постановкой проблемы исследования), диссертант, вместе с тем, привлек и архивные материалы из фондов Российской Национальной Библиотеки, Пушкинского дома. Так, в диссертации анализируется ранее не привлекавший достаточного внимания исследователей лекционный курс по истории Польши, прочитанный О.М. Бодянским в Московском университете⁶. Вводятся в современный нам научный оборот незаслуженно забытые труды Н.И. Павлицева – автора первого в России гимназического учебника по истории Польши и солидных монографий по истории Польши.

Понимая под исторической полонистикой XIX века – научной славистической дисциплиной, которая в начале XIX столетия пребывала на стадии становления и лишь в 1860-е годы вступает в фазу своего активного развития, диссертант использует не только собственно исторические труды. В качестве источников привлечены также публицистические сочинения, отчасти художественные произведения и мемуары, которые есть основание рассматривать с точки зрения преломления в них польского вопроса.

Хронологические рамки исследования. Основное внимание в работе уделено материалам XIX – начала XX вв., т.е. периоду, когда в состав Российской империи входило Королевство Польское, политические события в котором и в соседних с ним губерниях (включавшие в себя восстания 1830–1831 и 1863–

⁶ Достаточно сказать, что в фундаментальной монографии Л.П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX веке» (М., 2005) об этом курсе лишь упоминается.

1864 г.) придавали особую злободневность обращению русских историков и публицистов к польской тематике.

Вместе с тем логика исследования эволюции польского вопроса заставляет – хотя бы кратко – рассмотреть то, как, начиная еще с давних пор, задолго до XIX в., формировалась русская традиция в подходе к польскому вопросу, тем самым постепенно закладывая основы отечественных полонистических студий, получивших заметное развитие в XIX столетии.

Цель и задачи исследования. Цель заключается в том, чтобы, собрав и систематизировав материалы, касающиеся рассматриваемой темы, выяснить, как в историко-культурном контексте взаимодействовали между собой польский вопрос (понимаемый широко, в том числе, как мировоззренческая категория) и российская историческая полонистика. Говоря о российской исторической полонистике, подразумеваются как собственно исторические сочинения и сочинения публицистические, так и иные формы проявления состояния общественной мысли в том, что касается польского вопроса. Соответственно автор ставил перед собой следующие **задачи**:

- проанализировать их под углом зрения как сути и эволюции польского вопроса, так и тех существенных перемен, какие происходили не только в сфере исторической науки, изучающей историю Польши, но и в представлениях русского общества о Польше и поляках;

- выяснить основную направленность и характер наблюдаемых в исследуемый период сдвигов в содержании и интенсивности занятий русских ученых и публицистов рассматриваемой в диссертации проблематикой;

- выявить типичность сюжетов из польской истории, привлекавших подчеркнутое внимание отечественных авторов, прослеживая судьбы бытования и распространения этих сюжетов в российской исторической полонистике XIX в.;

- выделить ключевые моменты, нашедшие отражение в исторической памяти двух соседних народов и вошедшие в историческую традицию, затрудняющие взаимопонимание и налаживание диалога между двумя славянскими народами;

- показать специфику восприятия польского вопроса русским обществом XIX – начала XX века с учетом как сложившихся к тому времени идеологических и культурных стереотипов, так и политических и культурных реалий эпохи;

- определить контекст преломления польского вопроса в русской исторической традиции, сконцентрировав внимание на выяснении сложной взаимосвязи между динамикой российских полонистических исследований и общественно-политическими переменами, происходившими в Российской империи;

- уточнить датировку и сущностное определение такого понятия как польский вопрос;

- скорректировать периодизацию истории отечественной полонистики XIX – начала XX вв. в контексте принятой в историографии периодизации истории российского славяноведения в целом.

Методологическая основа исследования. Исследование базируется на общенаучных принципах *историзма* и *объективности*, что предполагает изучение исторических фактов и явлений в их изменчивости и развитии в контексте разнородных (многогранных и зачастую противоречивых) конкретно-исторических условий и обстоятельств.

В исследовании использованы различные методы исторического анализа, в частности, *проблемно-хронологический* метод, в соответствии с которым проблемы русско-польских взаимоотношений, находившие отражение в русской общественной мысли, анализируются в их развитии и в хронологической последовательности. Изучение эволюции польского вопроса и различных этапов развития отечественной исторической полонистики XIX века обусловило применение *синхронного* и *диахронного* методов исследования. Специфика темы историографического исследования потребовала использования методов *текстологического* и *герменевтического анализа* источников. С учетом специфики изучаемых объектов, характеризующихся сложным переплетением научно-познавательных и злободневно-политических элементов, в рамках комплексного подхода, реализуемого в историческом исследовании, использовались также методы *социокультурного* и *историко-антропологического* анализа. Использо-

вание *историко-генетического* метода позволило проследить бытование польского вопроса в русской исторической полонистике (понимаемой здесь широко, подразумевая не только собственно исторические труды, но также публицистику и отчасти художественную и мемуарную литературу) на протяжении длительного времени. Методы исследования, применяемые в диссертации, учитывают специфику изучаемых объектов, характеризующихся сложным переплетением научно-познавательных, художественно-культурных и злободневно-политических элементов.

Научная новизна исследования. Практически впервые под таким углом зрения и столь детально, с учетом как менявшейся политической и культурной ситуации в Российской империи, так и тех перемен, какие происходили в сфере политики и культуры в самих польских землях, рассматривается обширный комплекс разновременных и разнородных по своему характеру и содержанию материалов, в которых так или иначе преломлялся польский вопрос.

Проведенное исследование позволило скорректировать понимание такого, казалось бы, общеизвестного термина (понятия) как польский вопрос. Уточнено смысловое и содержательное понимание польского вопроса как своеобразного явления русской общественной жизни XIX в., отношение к которому в той или иной мере отражалось, в том числе, на состоянии разделенных польских земель. Польский вопрос как обиходное для русского общества XIX века понятие (явление) фактически включало в себя весь комплекс социально-политических и этнокультурных проблем, болезненно преломлявшихся в русско-польских взаимоотношениях, отягощенных наследием исторической памяти не одного столетия. Это позволяет рассматривать польский вопрос не только в контексте имперского периода истории России, но и гораздо шире – в контексте истории России доимперской поры. Польский вопрос есть основание анализировать и в мировоззренческой плоскости, где особым образом преломлялись общественное мнение и общественные настроения по отношению к полякам (с оглядкой на опыт, запечатленный в историописании, в том числе, в ходе взаимного общения на протяжении длительного времени).

Показано, что в российской исторической полонистике XIX в. имело место преломление именно польского вопроса, а не вполне ожидаемое присутствие в русской историографии польской темы. Впервые показано, что в России XIX столетия существовала известная взаимозависимость между состоянием польского вопроса и развитием полонистических исследований. Причем, подчеркнута зависимость не только прямая – иначе говоря, влияние польского вопроса на характер и направленность занятий польской историей, на процесс становления и интенсивности развития российской исторической полонистики, но и зависимость обратная, ранее мало привлекавшая внимание исследователей, а именно: активное и углубленное изучение польской истории воспринималось как возможность разрешения польского вопроса. Очевидно, это позволяет говорить о трудно улавливаемом обычно воздействии достижений науки не только на восприятие обществом конкретной внутривнутриполитической проблемы, но и на попытки решения этой проблемы в сфере политической практики.

Скорректировано представление о времени, когда в русской научной среде было впервые обращено внимание на полемику, имевшую место в польской историографии между Краковской и Варшавской историческими школами, воспринимаемую в России как сближение трактовок в польской и русской исторической науке причин гибели Польши. Было выяснено, что, вопреки утвердившемуся в литературе мнению, сведения об этой новой волне полемики в польских землях относительно причин падения Речи Посполитой появились в русской периодике гораздо раньше выступлений Н.И. Кареева (1886) и Н.А. Попова (1884), и даже раньше выхода знаменитой книги М. Бобжиньского «Очерк истории Польши» (1879).

Предложена уточненная, по сравнению с распространенной в настоящее время, периодизация истории российской исторической полонистики XIX в., согласно которой промежуточным, добавочным рубежом для российской полонистики в пределах обширного периода, продолжавшегося с начала столетия до начала 1860-х годов, следует считать начало 1830-х годов (а не начало 1840-х годов, как для других отраслей славяноведения, согласно периодизации Л.П. Лаптевой), т.е. сдвигая грань ниже, где ориентиром выступает университетский

указ 1835 г., который предписывал учреждение кафедр истории и литератур славянских наречий в четырех российских университетах. Лишним доводом в пользу такой датировки служит реакция русского общества, и российской полоники в том числе, на польское восстание 1830 г., которое не только резко обострило русско-польские взаимоотношения, но и, придавало острую злободневность польскому вопросу, и, как следствие, экскурсам в историю Польши, хотя публицистические и историографические отзвуки варшавских событий не содержали в себе заметных, тем более – концептуальных, новаций по сравнению с предшествующими десятилетиями.

Приведены доводы в пользу более раннего, чем предлагает считать Л.П. Лаптева, проявления в российских полонистических исследованиях новых методологических, в том числе, позитивистских веяний, сдвигая таким образом грань с 1890-х на 1880-е гг., отчасти, подразумевая труды С.М. Соловьева, и на 1860-е – 1870-е гг.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Характеризуя уровень развития российской полоники на протяжении более чем столетия (от начала XIX в. до первых десятилетий XX в.), нельзя обойтись без обращения, хотя бы краткого, к предшествующим периоду, когда только закладывались основы полонистических студий. Отражение сюжетов польской истории в русской исторической традиции до первой четверти XIX в. тесно связано с восприятием польского вопроса и польской истории русским обществом XIX в. и отражением их в полонистических трудах. Без общих представлений о взаимодействии русского и польского историописания до XIX в. и роли этого взаимодействия в формировании, в том числе, взаимных стереотипов, почти невозможна характеристика и понимание истории отечественной полоники.

2. Сообщения о польско-русских политических и культурных контактах, нашедшие отражение в польской и русской исторической традиции средневековья и раннего нового времени, были широко востребованы в русском историописании вплоть до первой четверти XIX в. Только проследив более ранние польские реминисценции, можно говорить об определенных успехах на ниве

полонистике, каких добился Н.М. Карамзин, свидетельством чему его «История Государства Российского» и политическая публицистика. Особо следует учитывать, что русское общество в основном разделяло позицию Н.М. Карамзина в польском вопросе, причем, вне зависимости от своих политических и идеологических предпочтений. Польский вопрос зачастую выступал как фактор, объединяющий русское общество в его противостоянии – и противопоставлении себя – Западу.

3. Болезненность отражения польского вопроса в российской исторической полонистике была обусловлена, в том числе, остротой русского вопроса и проблемой самоидентификации обывателей Российской империи. Разница польских и русских политических представлений и политических традиций нередко определяла угол преломления польского вопроса в разнородных писаниях полонистического (или близкого к таковому) содержания (А.С. Пушкин, П.А. Вяземский, П.Я. Чаадаев, Д.В. Давыдов, М.С. Лунин и др.).

4. Начиная с рубежа XVIII–XIX вв., польская тематика в отечественных полонистических сочинениях все больше (особенно в пору польских восстаний 1830 и 1863 гг.) трансформировалась в польский вопрос, что, помимо прочего, способствовало упрочению уже ранее существовавших антипольских стереотипов. Преломление польского вопроса проявляло себя настолько, что даже профессиональные историки, как, например, М.П. Погодин, говоря о польском прошлом, пусть невольно, делали выбор в пользу внеисточникового знания (определение Ежи Топольского), что, в частности, находило выражение в априорной уверенности в аномальном характере польской государственности.

5. Промежуточным, добавочным рубежом для российской полонистики в пределах обширного периода, продолжавшегося с начала столетия до начала 1860-х годов следует считать начало 1830-х годов (а не начало 1840-х годов, как для всего славяноведения). Лишним доводом в пользу такой датировки служит реакция русского общества, и российской полонистики в том числе, на Ноябрьское восстание, которое не только резко обострило русско-польские взаимоотношения, но и придало острую злободневность польскому вопросу, и, как следствие, экскурсам в историю Польши. И это вне зависимости от того, что темпе-

раментные публицистические и историографические отзвуки варшавских событий не содержали в себе сколько-нибудь заметных, тем более – концептуальных – новаций по сравнению с предшествующими десятилетиями.

6. Утверждение С.М. Соловьева, что «польский вопрос родился вместе с Россией» дает основание считать, что польский вопрос как обиходное для русского общества XIX века понятие (явление) фактически включало в себя весь комплекс социально-политических и этнокультурных проблем, болезненно преломлявшихся в русско-польских взаимоотношениях, отягощенных наследием исторической памяти не одного столетия. Что позволяет рассматривать польский вопрос не только в контексте имперского периода России, но и гораздо шире – в контексте истории России доимперской поры. Польский вопрос есть основания анализировать, в том числе, в мировоззренческой плоскости, где особым образом преломлялись общественное мнение и общественные настроения по отношению к полякам (с оглядкой на опыт, запечатленный в историописании, в том числе, в ходе взаимного общения на протяжении длительного времени).

7. Заявление С.М. Соловьева о том, что «польский вопрос родился вместе с Россией» могло быть сформулировано историком только в ходе углубленного изучения истории русско-польских отношений, что стало возможно лишь в результате длительных и кропотливых изысканий. Именно с монографией «История падения Польши» (1863) С.М. Соловьева, а не с монографией В.И. Герье «Борьба за польский престол в 1733 году» (1862), следует связывать начало очередного этапа в развитии отечественной полонистики XIX века. Помимо прочего, это дает основание говорить о более раннем, чем принято было считать, проявлении в российских полонистических исследованиях позитивистской методологии.

8. Разные формы русско-польских научных контактов как в первой половине XIX в., так и в дальнейшем можно расценивать как опыт или, по крайней мере, попытку, русско-польского диалога (Н.М. Карамзин и Й. Лелевель, М.П. Погодин и Е. Бандтке, Н.И. Кареев и М. Бобжиньский), направленного на примирение сторон. Надежды на такое примирение оживились в связи с полемикой

в польской исторической науке по поводу причин гибели Речи Посполитой. Когда в России становится известно о так называемом «новейшем перевороте в польской историографии», который выразился в признании превалирования внутренних причин гибели Польши (как было принято считать в русской историографии) над причинами внешними, известие пробудило надежды на русско-польское взаимопонимание и скорое сближение.

9. Взаимодействие польского вопроса и полонистики (в первом из этих компонентов решительно преобладали стереотипы в сочетании с эмоциями, а во втором – не без труда, но прокладывало себе дорогу позитивное знание) было достаточно тесным. Но, что важнее, существовала зависимость не только прямая – иначе говоря, влияние польского вопроса на характер и направленность занятий польской историей, на процесс становления и развития российской исторической полонистики, но и зависимость обратная, ранее мало привлекавшая внимание исследователей. Однако и в 1907 г. А.Л. Погодин констатировал, что причинами неудачи русско-польского примирения следует считать взаимное незнакомство и непонимание друг друга: русскими – поляков, поляками – русских.

10. На счету российской исторической полонистики XIX в. немало достижений. Многие из того, что было сделано, делалось ради русско-польского примирения, ради решения польского вопроса. Однако полонистические сочинения А.А. Корнилова и А.Л. Погодина и других (менее известных авторов), вышедшие в начале Первой мировой войны, свидетельствуют скорее о том, что польский вопрос в России XIX – начале XX вв. во многом по-прежнему оставался открытым. Ставка на изучение – и популяризацию в русском обществе – польской истории с целью разрешения польского вопроса оказалась несостоятельной.

Практическая значимость работы. Содержащиеся в диссертационном исследовании основные выводы и положения, как и фактический материал, составивший их основу, могут быть использованы как в научно-педагогической практике, так и при дальнейшей разработке широкого круга вопросов, связанных, в том числе, с историей русско-польских культурных связей, историей рос-

сийской полонистике и историей отечественной и польской общественной мысли, состояние которых отражалось на положении польских земель, а также в комплексных исследованиях междисциплинарного характера.

Апробация исследования. Основные положения диссертации были изложены автором в монографии: Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2010 (21,6 п.л.); на международных и всероссийских конференциях, а также в 49 научных публикациях общим объемом около 30 п.л., в том числе в 15 научных публикациях (около 10 п.л.), изданных в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, входящих в перечень ВАК РФ (всего соискатель имеет 59 печатных трудов). Диссертация была обсуждена на кафедре истории славянских и балканских стран СПбГУ, а также на кафедре истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова.

Степень изученности проблемы.

К более детальному рассмотрению польского вопроса и его места в общественно-политической жизни России (в том числе, понимаемого, вольно или невольно, как попытка русско-польского диалога), так или иначе обращались уже сами современники таких драматических событий как разделы Речи Посполитой, передел польских земель на Венском конгрессе, Ноябрьское и Январское восстания.

Темпераментно обсуждая эти события, аргументируя собственную позицию и изобличая своих идейных и политических оппонентов, они постоянно и неизбежно обращались к прошлому Польши и России, к истолкованию этого прошлого и в публицистике, и в исторической литературе. Эскурсы историографического характера займут видное место как в отечественных, так и в иностранных (прежде всего, разумеется, польских) трудах на протяжении длительного периода, от начала XIX – вплоть до начала XXI в.

Литература, касающаяся истории русско-польских взаимоотношений заявленного периода, а также польского вопроса и его преломления в дореволюционной отечественной исторической полонистике, не только обширна, но и разнообразна. Здесь присутствуют как изыскания строго научного характера, так и зло-

бодневная, предельно политизированная публицистика. Вообще в трудах на интересующую нас тему наука и политика зачастую оказывались переплетенными друг с другом самым тесным, неразрывным образом, если не сказать, что польские сюжеты нередко оказывались в центре внимания пишущих как раз под воздействием тех или иных внутривнутриполитических (преимущественно) событий.

Драматичность русско-польских взаимоотношений, крайняя их болезненность для обеих сторон конфликта наложат свою печать на восприятие русским обществом польского вопроса в любом его проявлении, и это самым непосредственным образом отразится на обширной историографии рассматриваемой здесь проблемы, перманентно испытывавшей на себе влияние ментального климата эпохи.

Более подробно речь об этом пойдет в главах диссертации. Здесь же лишь подчеркнем, что основы писаний такого рода закладывались еще летописцами, так или иначе касавшимися польских дел и их места в жизни Руси. Позднее, особенно во времена Российской империи, сочинения в данной области, во многом стимулируемые текущей политической обстановкой, приобретут весьма широкий размах.

Особое место в литературе вопроса занимают такие труды обобщающего характера, как статья А.Н. Пыпина «Польский вопрос в русской литературе» (1880) или монография Н.И. Кареева «"Падение Польши" в исторической литературе» (1888). Однако представляется, что в рамках краткого, носящего вводный характер историографического обзора следует оставить в стороне характеристику названных, бесспорно значимых для заявленной диссертационной темы, произведений Нового времени. Это кажется допустимым потому, что об этих фундаментальных, основополагающих, с точки зрения заявленной тематики, трудах и об их месте как в историографическом процессе, так и об их влиянии на развитие польского вопроса достаточно подробно речь пойдет далее, в соответствующих разделах диссертации.

Вместе с тем, надо отметить, что как эти два капитальных труда, так и ряд других работ (статей и книг) дореволюционного периода предстают в диссертации в двояком качестве. С одной стороны, они выступают предметами предпри-

нятого исследования, ставящего своей целью выяснение того, как их авторами трактовался польский вопрос, позволяя (когда более, когда менее внятно) уяснить, каким образом та или иная трактовка, в свою очередь, воздействовала на состояние польского вопроса. Но, с другой стороны, как названные, так и прочие труды являются своего рода носителями сделанных их авторами порой весьма существенных наблюдений историографического характера.

Иными словами, в данном вступительном разделе – во Введении, кажется более целесообразным остановиться лишь на тех наиболее значительных исследованиях, которые появились уже в Новейшее время, т.е. вне хронологических рамок данного диссертационного исследования. Труды подобного рода занимают, как известно, видное место в отечественной научной продукции XX – начала XXI вв.

Если, не касаясь здесь трудов, появившихся в предреволюционные десятилетия, поскольку о них речь пойдет в четвертой главе диссертации, сразу перейти к литературе XX века (советского и постсоветского периодов), то придется, прежде всего, констатировать, что на протяжении ряда лет интересующая нас проблематика практически не разрабатывалась. Точнее говоря, о Польше и поляках всегда писали немало – такие сюжеты, как русско-польские революционные связи или советско-польская война 1919–1921 гг., не сходили со страниц советских книг и журналов. Но иные аспекты польского вопроса практически не привлекали к себе внимания исследователей. В частности, это относится к преломлению польского вопроса в российской исторической полонистике.

Что же касается самой традиции изучения русско-польских революционных связей, то она была упрочена в первые послереволюционные годы, подобная тематика активно разрабатывалась Феликсом Коном, другими польскими эмигрантами в Советском Союзе. Позднее данная тема получит развитие в ряде отечественных работ и, в частности, займет значительное место в монографии С.Н. Драницына «Польское восстание 1863 года и его классовая сущность» (Л., 1937).

В послевоенные десятилетия информация о состоянии польского вопроса в России XIX столетия органично войдет в ряд трудов, так или иначе касавшихся истории русско-польских революционных контактов. К этой теме многократно обращались такие видные исследователи, как В.А. Дьяков, И.С. Миллер, С.М.

Фалькович, М.В. Миско, А.Ф. Смирнов, С.М. Стецкевич, В.Г. Ревуненков, В.М. Зайцев и др.⁷.

Вообще, история изучения русско-польских революционных связей, с историографической точки зрения, достойна отдельного внимания и способна выступить предметом специального исследования⁸, в том числе, с целью проведения компаративистского анализа российской и польской историографии вопроса.

Однако со временем, ближе к исходу XX века число такого рода работ заметно пойдет на убыль, уступая место исследованиям по Новейшей истории. Аналогичные процессы в определенной мере характерны и для польской историографии, которая в силу произошедших в стране перемен во многом изжила свои прежние увлечения революционной тематикой в контексте исследования русско-польских отношений XIX в.

Пожалуй, можно согласиться, пусть отчасти, с утверждением Л.Е. Горизонтова, что «революционный приоритет в польской теме практически исчерпал себя к середине 1970-х гг.», однако при этом следует обратить внимание на авторское уточнение по поводу, так сказать, исчерпанности. Поскольку Горизонтов тут же добавил: «чего нельзя сказать об архивных материалах – многое оставалось еще незатронутым»⁹. В своей характеристике состояния полонистических исследований в последние десятилетия XX в., Л.Е. Горизонтов опирался на авто-

⁷ См., напр.: Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи. М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М., 1962 (среди авторов этого сборника статей и материалов – В.А. Дьяков, С.М. Фалькович, Л.А. Обушенкова, Ю.И. Штакельберг и др.); Русско-польские революционные связи. В 2 т. М.–Вроцлав, 1963; Революционная Россия и революционная Польша (Вторая половина XIX в.). М., 1967; Связи революционеров России и Польши конца XIX – начала XX вв. М., 1968; Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. Л., 1957; Дьяков В.А. 1) Состояние и задачи изучения русско-польского революционного сотрудничества в допролетарский период // Связи революционеров России и Польши XIX – начала XX веков. М., 1968; 2) Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890). М., 1972. Подробнее о трудах В.А. Дьякова см.: Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995). М., 1996; Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; Фалькович С.М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. XIX в. М., 1966; Смирнов А.Ф. 1) Революционные связи народов России и Польши: 30–60-е годы XIX в. М., 1962; 2) Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963; Миско М. В. Польское восстание 1863 г., М., 1962; Фалькович С.М. 1) Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. XIX в. М., 1966; 2) Пролетариат России и Польши в совместной революционной борьбе (1907 – 1912). М., 1975; Яжборовская И.С. 1) У истоков польского освободительного движения. М., 1976; 2) Идеино-развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX – первая треть XX вв.). М., 1973; Зайцев В.М. Социально-сословный состав участников восстания 1863 г. (Опыт статистического анализа). М., 1973; и др.

⁸ См., напр.: Куликовская А.М. Советская историография российско-польских революционных связей 20-30-х гг. XIX века. Автореф. ... к.и.н. Киев, 1991.

⁹ Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. ... д.и.н. М., 1999. С. 5.

ритет В.А. Дьякова, который, осознавая смену исследовательских приоритетов и в российской и в польской науке, во второй половине 1980-х гг. выступил за «расширение исследования этой важной и все еще не исчерпанной проблематики»¹⁰.

Вместе с тем, обращает на себя внимание, что на рубеже 1970-х – 1980-х и в 1990-е гг. в славистических исследованиях наметилась тенденция к более широкому изучению контекста истории общественной мысли и русско-польских контактов в частности, примером чему могут служить труды В.А. Дьякова, С.М. Фалькович и др.¹¹ Исходя из широкой трактовки польского вопроса, к историографии истории польского вопроса следует отнести огромный пласт работ, посвященных изучению русско-польских культурных контактов. Значительный вклад в разработку этой многогранной темы был внесен трудами таких отечественных историков, как А.И. Рогов, Б.Н. Флоря, Ю.А. Лимонов, А.С. Мыльников, Н.И. Щавелева и др.¹². Вместе с тем, обращает на себя внимание, что ряд вопро-

¹⁰ Цит. по: Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос... С. 5. Конечно, практически невозможно обойти без акцентирования факта, пусть несколько условной, исчерпанности революционной тематики в польской и российской историографии последних десятилетий. Так или иначе, смена исследовательских приоритетов не сказывается на интенсивности исследований польской общественной мысли XIX в., свидетельством чему может служить последняя монография Хенрика Глембоцкого об Адаме Гуровском (Głębocki H. „Diabeł Asmodeusz” w niebieskich binoklach i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012), а также едва ли не каждая книга Анджея Новака, который, при всем своем пристрастии к периоду новейшей истории, похоже, не может не оглядываться на XIX в., не апеллируя, в частности, к общественной мысли XIX столетия. Подтверждением сохраняющегося интереса к проблематике XIX века в польской научной среде служат и монографии Анджея Вежбицкого, анализирующего крайне негативное восприятие в польской исторической мысли (шире – общественно-политической) столь типичных для русской традиции, с точки зрения поляков, явлений как деспотия, тирания и пр. – Wierzbicki A. Groźni i wielcy. Polska myśl historyczna XIX i XX wieku wobec rosyjskiej despotii. Warszawa, 2001.

¹¹ См., напр.: Дьяков В.А. 1) Идея славянской взаимности и ее воздействие на развитие славяноведения (конец XVIII – первая половина XIX в.) // *Štúdie z diejin svetovej slavistiky do polovice 19. storočia*. Bratislava, 1978; 2) Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993; и др.; Фалькович С.М. 1) Отношение польского национального движения к Австрийской империи и идеологии австрославизма в контексте идей панславизма и пангерманизма (50 – 70-е годы XIX в.) // *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы (конец XVIII – 70-е годы XIX в.)*. М., 1995; 2) Национальный вопрос в русской и польской революционно-демократической мысли // *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы*. С. 213–236; Филатова Н.М. Польский политический либерализм в 1815–1820 гг. // *Из истории общественной мысли народов Центральной и Восточной Европы*.

¹² Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966; Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004; Лимонов Ю.А. 1) Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. Л., 1978; 2) Летописания Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967; Флоря Б.Н., Турилов А.А., Иванов С.А. Судьбы Кирилло-Мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000; Свирида И.И. Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве. М., 1999; Мочалова В.В. 1) Русско-польские литературные связи XVII–XVIII вв. и становление личностного начала в русской литературе // *Литературные связи и литературный процесс: из опыта славянских литератур*. М., 1986; 2) Петербургские поляки (Сенковский, Булгарин) и Мицкевич // *Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре*.

сов – в большей или меньшей степени – связанных с диссертационной тематикой (в частности, таких как эволюция взаимоотношений Пушкина и Мицкевича, отклики русских литераторов на польские восстания 1830 и 1863 гг. и пр.) активно разрабатывался – и продолжает разрабатываться – не только историками, но и литературоведами (В.А. Францев, Г.П. Федотов, Д.Д. Благой, С.Н. Браиловский, В.Э. Вацуру, В.А. Хорев, Д.П. Ивинский, И.Л. Великодная, А.В. Кушаков, А.В. Липатов, В.В. Мочалова, Н.М. Филатова и др.)¹³, что в полной мере подтверждает справедливость тезиса, сформулированного И.И. Свиридой, который сводится к утверждению (разделяемому автором диссертации), что «историческое сознание не локализовано в замкнутой сфере науки, оно разлито по всему пространству культуры, находя выражение как в интеллектуально-рациональной форме, так и в эмоционально-психологических реакциях»¹⁴.

Свидетельством сохраняющегося интереса к данной проблематике и, в то же время, показателем интенсивных русско-польских научных контактов в XXI в., могут служить коллективные труды российских и польских ученых «Поляки в глазах русских – русские в глазах поляков»¹⁵, «Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты»¹⁶ или, например, монография польского историка Петра Глушковского, изданная в Санкт-Петербурге: «Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и

М., 2007; Мыльников А.С. Картина Картина славянского мира: Взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996; Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории Яна Длугоша» (книги I – VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004.

¹³ См., напр.: Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.: Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага. 1929; Кушаков А. Пушкин и Польша. Тула, 1978; Браиловский С.Н. К истории русско-польских литературных отношений: Мицкевич и Пушкин: (По поводу книги: Tretjak J. Studia i szkice. Warszawa, 1906) // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. Вып. 7. СПб., 1908; Вацуру В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х гг.: (Разыскания) // Литературные связи славянских народов: Исследования. Публикации. Библиография. Л., 1988 (перепечатано в кн.: Вацуру В.Э. Избранные труды. М., 2004); Муравьева О.С. «Вражды бессмысленной позор...»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994; Ивинский Д.П. 1) Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., 2003; 2) Адам Мицкевич и «Борис Годунов» // Пушкин и русская драматургия. М., 2000; Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005; Дворский А. Пушкин и польская культура. СПб., 1999; Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. Филатова Н.М. Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в зеркале романтизма // Польская культура в зеркале веков. М., 2007.

¹⁴ Свирида И.И. Историческая рефлексия в искусстве эпохи Просвещения // История и культура. М., 1991. С. 53–54.

¹⁵ Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków. Warszawa, 2000.

¹⁶ Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011.

политических воззрений»¹⁷. Эта монография привлекла к себе внимание научной общественности не в последнюю очередь потому, что автор предпринял плодотворную попытку пересмотреть образ человека, который «польским историческим сознанием /.../ воспринимался как русский, а в русской памяти предстает олицетворением отталкивающего образа поляка»¹⁸. Глушковский безусловно прав, когда призывает учитывать в имагологических исследованиях как в Польше, так и в России особенности носителей многокомпонентной идентичности¹⁹. Вместе с тем, некоторые наблюдения польского автора не могут не вызвать вопросов. Так, он пишет, что, с точки зрения Булгарина, полякам следовало продемонстрировать лояльность по отношению к Петербургу, с тем, чтобы «получить взамен утраченные после восстания права. Он [Булгарин] стремился показать, что его соотечественники могут не хуже других народов интегрироваться в Российскую империю»²⁰. Вопрос: зачем было соотечественникам Булгарина (участникам восстания) стремиться к тому, чтобы интегрироваться в Российскую империю? Во всяком случае, Маурици Мохнацкий прямо заявлял, что Польша всегда была «республикой земель коронных, литовских и русских. В ином составе и сегодня мы ее не понимаем! Вековая Польша в извечных своих границах ...»²¹ (отсюда, как известно, и цель повстанцев – только «восстановление территории страны»²²)...

Среди трудов, расширяющих наши представления о разных сферах бытования польского вопроса в России, немало таких, центральным сюжетом в которых выступают исследования этноконфессиональной ситуации в Российской импе-

¹⁷ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб., 2013. См. также, напр.: Акимова Н.Н. Ф.В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века. Автореф. ... д. филол. н. СПб., 2003; Шишкова Т.Б. Литературная позиция и тактика Ф.В. Булгарина – журналиста в 1820-е годы: формирование и развитие. Автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 2009; Кузовкина Т. Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Автореф. ... д. филол. н. Тарту, 2007. – Ср. Рейтблат А.И. [Рец.] на: Кузовкина Т. Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 161 с. // Новое литературное обозрение. 2007. № 88. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/re18.html>. Рецензент, обратив внимание на недостаточную разработку автором монографии польских сюжетов у Булгарина и недостаточное использование польской литературы вопроса, в том же номере журнала представил библиографический список книг и статей (1958–2007) о Ф.В. Булгарине.

¹⁸ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях. С. 193.

¹⁹ Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях. С. 199.

²⁰ Там же. С. 198.

²¹ Mochnacki M. Powstanie narodu Polskiego w roku 1830 I 1831. T. 1. Warszawa, 1984. S. 61.

²² Mochnacki M. Powstanie narodu Polskiego. S. 81.

рии. Самые заметные среди них в последние годы это монографии М.Д. Долбилова «Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II» (М., 2010) и А.Ю. Бендина «Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)» (Минск, 2010), как и другие работы обоих авторов. Несколько раньше (по сравнению с монографиями М.Д. Долбилова и А.Ю. Бендина) вышла монография А.А. Комзоловой «Политика самодержавия в Северо-Западной крае в эпоху Великих реформ» (М., 2005). Долбилов в своей книге пишет, в частности, о специфических чертах имперской политики в Северо-Западном крае, выявленных им в результате глубокого анализа огромного фонда материалов. В книге, помимо прочего, предпринимается попытка дать ответ на вопрос «Кто и почему боялся католицизма?» (подразумевая европейский контекст)²³, но в полной мере принять предлагаемую версию ответа можно лишь с оговорками. Для заявленной в диссертации темы особую важность представляют те сюжеты монографии М.Д. Долбилова, которые (в большей или меньшей степени) имеют отношение к характеристике позиций по польскому вопросу М.О. Кояловича и И.П. Корнилова.

Работы М.Д. Долбилова, А.И. Миллера, М.В. Калашникова и ряда других авторов составляют одно из активно и плодотворно разрабатываемых в современной историографии направлений, – исследование имперской политики России (зачастую под эгидой *Ab Imperio*), в том числе в польских землях. В контексте разработки подобного рода проблематики важно отметить выход в свет коллективного труда «Западные окраины Российской империи» (М., 2007), где, помимо прочего, со знанием дела была охарактеризована современная украинская, польская, литовская и белорусская историография вопроса или двухтомного исследования международного коллектива авторов (А.И. Миллер, М.Д. Долбилов, П. Верт, Э. Лор и др.) «Понятия о России. К исторической семантике имперского периода» (М., 2012), а также «переводных» сборников трудов «Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет» (М., 2005), «Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма» (М., 2010), где авторами вы-

²³ Долбилов М.В. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 230–235.

ступили признанные специалисты в этой области исследований (А. Каппелер, Р. Брубейкер, Х. Кон, А. Реннер, Т. Вискс и др.), а также недавно вышедшую в русском переводе книгу Даниэля Бовуа «Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914)»²⁴.

По-своему дополняют общую характеристику внутривосточной обстановки в Российской империи, где польский вопрос выступал болезненной, но не единственной, проблемой, исследования, посвященные истории русского консерватизма XIX в., начала которого нередко связывают с Н.М. Карамзиным (В.Я. Гросул, В.А. Твардовская, А.Ю. Минаков, В.А. Гусев, А.В. Репников, Т.А. Егерева)²⁵.

Существенное значение для понимания атмосферы, в какой пребывало русское общество и, в частности, российская историческая полонистика, будучи в состоянии перманентного столкновения с польским вопросом, имеют историко-софские исследования, как, например, книги В. Кантора – «Русский европеец как явление культуры (философско-исторический анализ)» (М., 2001) или «Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России» (М., 2007) (хронологически выходящие за рамки XIX в., что как раз соответствует пониманию польского вопроса диссертантом), или монография 1929 г. Александра Койре «Философия и национальная проблема в России начала XIX века» (М., 2003), по-прежнему привлекающая к себе внимание исследователей и широкого круга читателей, разделяющих интерес французского автора к феномену имперской России.

²⁴ Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011.

²⁵ См., напр.: Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000; Гусев В.А. 1) Консервативная русская политическая мысль. Тверь, 1997; 2) Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001; Репников А.В. Консервативная концепция российской государственности. М., 1999; Минаков А.Ю. 1) Русский консерватизм в первой четверти XIX века. Воронеж, 2011; 2) Русская партия в первой четверти XIX века. М., 2013; Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. М., 2014. Из англоязычной литературы (в том числе, в переводе) привлекают к себе внимание труды Р. Пайпса, посвященные как истории имперской России в целом (Пайпс Р. Россия при старом режиме М., 1993), так и изучению специфики русского консерватизма (Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. М., 2008).

Под углом зрения заявленной темы особую важность представляют работы Л.Е. Горизонтова²⁶, в том числе, монография «Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше» (М., 1999), где, в частности, под определенным углом зрения рассматривается польский вопрос, предложены хронологические рамки его бытования в России²⁷. В трудах Л.Е. Горизонтова детальное освещение получила политика Российской империи, в контексте которой по своему отразилось переплетение польского и русского вопросов, в отношении поляков – как одной из категорий подданных империи. По сути, во всех работах Л.Е. Горизонтова в центре внимания находится, по его собственному определению, «российский сектор разделенной в екатерининскую эпоху Речи Посполитой», ставший «со второй трети XIX века /.../ ареной ожесточенного противоборства имперской государственности /.../ и польской исторической традиции». Для заявленной темы особенно важным, даже бесспорным, представляется утверждение Л.Е. Горизонтова, что «концентрированным выражением столкновения этих двух стихий был польский вопрос, чье значение далеко выходило за региональные рамки»²⁸. Также для заявленной темы представляет интерес Вып. 15 «Русского сборника», приуроченного к 150 годовщине Январского восстания²⁹.

Отдельно следует сказать о капитальных трудах П.В. Стегния «Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795» (М., 2002) и Б.В. Носова «Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768» (М., 2004), в которых польский вопрос был рассмотрен в контексте взаимоотношений Пруссии, Австрии и России накануне и в эпоху разделов. Но если моногра-

²⁶ См., напр.: Горизонтов Л.Е. 1) Идея сотрудничества общественно-политических сил России и Польши в программе русских либералов в 40-80-х гг. XIX в. // Общественно-политическая мысль в Европе конца XVIII – начала XX в. М., 1987; 2) Славянофильство и политика самодержавия в Польше в первой половине 60-х гг. XIX в. // Россия и славяне: политика и дипломатия. М., 1992; 3) Польский вопрос и конфессиональная политика самодержавия (середина 19 – начало 20 в.) // Православие в Польше и католицизм в России. Warszawa, 1997; 4) Помещик или мужик? Русское землевладение в стратегии решения польского вопроса // Имперский строй России в региональном измерении (XIX – начало XX века). М., 1997; 5) Раскольнический клин. Польский вопрос и старообрядцы // Славянский альманах. 1997. М., 1998; 6) Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» // Автопортрет славянина. М., 1999; 7) Gorizontow L. Rzut oka na Rosyjską historiografię Polskich powstań XIX wieku // Polskie powstania narodowe na tle przemian europejskich XIX wieku. Lublin, 2000; 8) Служить или не служить империи? Поляки в России XIX в. // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011.

²⁷ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики. С. 7.

²⁸ Горизонтов Л.Е. Помещик или мужик? Русское землевладение в стратегии решения польского вопроса // Имперский строй России в региональном измерении (XIX начало XX века). М., 1997. С. 86.

²⁹ Русский сборник. Вып. XV. Польское восстание 1863 года. М., 2013.

фия П.В. Стегния с концептуальной точки зрения примыкает к тому направлению в отечественной литературе вопроса, которое идет от С.М. Соловьева и его продолжателей, традиционно оправдывавших действия Екатерины сложившимися обстоятельствами, то фундаментальное исследование Б.В. Носова представляет собой отказ от ранее устоявшихся и зачастую упрощенных трактовок. Кроме того, ряд своих работ Б.В. Носов посвятил анализу отечественной и зарубежной историографии проблемы³⁰.

Для заявленной в диссертации темы большое значение имеет коллективная монография «Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830» (М., 2010), где польский вопрос выступает в своем наиболее распространенном в контексте XIX века качестве – как внутренняя проблема Российской империи. Особое значение для нашей темы имеет раздел этой монографии «Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг.», написанный Н.М. Филатовой, а также многие другие работы Н.М. Филатовой³¹. Отдельного упоминания заслуживает исследование М.В. Лескинен «Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: ”другой” сквозь призму идентичности» (М., 2010), имеющее значение как для характеристики состояния российской науки XIX века, так и социокультурной атмосферы, свойственной России той поры. Для понимания менталитета польской шляхты (многократно вызывавшей нареkania со стороны русских авторов XIX века) важны и другие труды М.В. Лескинен, в которых охарактеризованы сарматская идеология и сарматская культура. Это, в частности, монография «Мифы и образы сарматизма» (М., 2000), разделы в коллективных трудах «Польская культура в

³⁰ Носов Б.В. 1) Разделы Речи Посполитой и русско-польские отношения второй половины XVIII века в зарубежной историографии (1970-е – начало 1990-х годов) // Славяноведение. 1993. № 5; 2) Разделы Речи Посполитой в трудах польских и российских историков второй половины XIX – начала XX вв. и становление современной историографии // Российско-польские научные связи в XIX – XX вв. М., 2003. – С. 103–116; 3) «Упадок Речи Посполитой» и разделы Польши в общественной и исторической мысли европейских стран XVIII – начала XIX вв. // Россия. Польша. Германия: История и современность европейского единства в идеологии, политике, культуре. М., 2009. С. 231–251

³¹ См., напр.: Филатова Н.М. 1) Русское общество и Королевство Польское в 1815–1830 гг. // Польша и Россия в первой трети XIX века: Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. М., 2010. С. 469–518; 2) Польша в синтезах российской историографии (Карамзин – Соловьев – Ключевский) // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000. С. 141–150; 3) Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 110–118.

зеркале веков» (М., 2007), «Категории и концепты славянской культуры» (М., 2008), «Утопия и утопическое в славянском мире» (М., 2002) и др.

Упомянутые труды, а также работы Н.И. Цимбаева, В.А. Китаева, Б.Ф. Егорова, Е.А. Дудзинской, А.А. Ширинянца и др.³², посвященные истории общественной мысли в Российской империи, не только характеризуют состояние русского общества XIX века, но и дают представление о той обстановке, в которой развивалась отечественная полонистика. Помимо прочего, эти исследования позволяют точнее оценить ту роль, какую польский вопрос играл в полемике славянофилов и западников (даже учитывая условность этих привычных дефиниций).

Вместе с тем, нельзя не отметить тот факт, что при всем тематическом разнообразии появившихся в советской полонистике во второй половине XX в. работ – от изысканий в области внешней политики (В.Д. Королюк, И.Б. Греков, Б.Н. Флоря, В.Г. Ревуненков и др.) и социально-экономической истории (Д.Л. Похилевич, В.А. Якубский и др.) до истории культуры и культурных связей (А.И. Рогов, И.И. Свирида, Л.А. Софронова), сравнительно мало внимания по-прежнему уделялось изучению истории отечественной полонистики. В еще меньшей степени в контексте развития полонистики говорилось о польском вопросе – если точнее, о его преломлении в отечественной исторической полонистике XIX века.

Что касается собственно историографических сюжетов, то к более систематическому их изучению одним из первых среди советских историков обратился В.А. Дьяков³³. Как известно, он вообще уделял значительное внимание историографическим исследованиям, приняв самое деятельное участие в подготовке таких фундаментальных трудов, как «Славяноведение в дореволюционной России.

³² См., напр.: Цимбаев Н.И. 1) И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; 2) Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 1986; Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983; Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. М., 2003; Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004; Ширинянец А.А. Русский хранитель. М., 2008.

³³ Как пишет Л.Е. Горизонтов, интерес к истории исторической науки сформировался у В.А. Дьякова еще в 1950-е годы. – Горизонтов Л.Е. Путь историка // Владимир Анатольевич Дьяков (1917–1995). М., 1996. С. 20.

Биобиблиографический словарь» и «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян»³⁴.

Говоря о разработке историографических сюжетов, нельзя обойти вниманием сравнительно недавно переизданную «Историю славянской филологии»³⁵ И.В. Ягича или фундаментальный труд В.П. Бузескула «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», недавно переизданный³⁶. Во «Всеобщей истории...» В.П. Бузескула³⁷ (впервые изданной в полном объеме и снабженной новым справочным аппаратом), пусть в минимальной степени, но содержится информация о тех историках, сочинения которых выступают предметом исследования в данной диссертации. Однако, как сказано в аннотации к изданию XXI в., «монография академика В.П. Бузескула (1858–1931) представляет собой фундаментальный обзор (подчеркнуто нами. – Л.А.) развития отечественной исторической науки, начиная с XVIII в. вплоть до конца 1920-х гг., где подведены итоги русских ученых в области истории Древнего Востока, антиковедения, медиевистики, византиноведения, славяноведения, истории Нового времени»³⁸.

Отметим, что в предисловии к биобиблиографическому словарю «Славяноведение в дореволюционной России» В.А. Дьяков и А.С. Мыльников, в частности, констатировали, что российской исторической славистикой второй половины XIX в. «преимущественное внимание обращалось на южных славян, отчасти на чехов и в рамках их взаимоотношений с Россией – на поляков (подчеркнуто нами. – Л.А.)»³⁹, что, по сути, есть признание несколько обособленного положения российской исторической полонистики в рамках отечественной исторической славистики в целом. Вместе с тем, в том же обзоре историко-славистических исследований авторами было отмечено, что труды В.И. Герье, С.М. Соловьева, В.А. Мякотина, Н.Н. Любовича и ряда других ученых позволя-

³⁴ Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979; Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян. М., 1988.

³⁵ Ягич И.В. История славянской филологии. М., 2003.

³⁶ Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. М., 2008. Первое, однако не полное, издание двух частей: Л., 1929 и 1931.

³⁷ Матвеева Л.В. Владислав Бузескул – историк своего времени. Киев, 2008.

³⁸ Бузескул В.П. Всеобщая история. С. 4.

³⁹ Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 29. Далее: СДР ... словарь.

ют говорить о том, что во второй половине XIX – начале XX в. «значительно оживилось изучение польской истории XVIII–XIX вв.»⁴⁰.

Среди работ историографического характера особый интерес с точки зрения заявленной диссертационной темы представляет опубликованная на рубеже 1970-х – 1980-х годов большая статья В.А. Дьякова «Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев)»⁴¹. При этом нельзя не заметить, что если о научном наследии Кареева-полониста у нас в те годы все же время от времени вспоминали⁴² (а во вступительной статье В.А. Дьякова и А.С. Мыльников к библиографическому словарю как раз книги Н.И. Кареева на польскую тему отмечались особо)⁴³, то труды остальных славистов, перечисленных в подзаголовке названной статьи В.А. Дьякова, долгое время были преданы забвению. Однако в настоящее время ситуация начинает меняться к лучшему, и особая заслуга здесь принадлежит Л.П. Лаптевой, которая в своих трудах не раз обращалась к творчеству А.Л. Погодина⁴⁴. Что касается Н.И. Кареева, то о нем, пожалуй, и в настоящее время чаще пишут как о социологе, а если как об историке, то не как о полонисте⁴⁵.

⁴⁰ СДР ... словарь. С. 31.

⁴¹ Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 147–161.

⁴² Об этом подробнее см.: Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007). Казань, 2008.

⁴³ Дьяков В.А., Мыльников А.С. Предисловие // СДР... словарь. С. 31.

⁴⁴ Лаптева Л.П. 1) Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011; 2) Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А.Л. Погодина // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; 3) История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.

⁴⁵ Покатов Д.В. Н.И. Кареев о сущности общественной деятельности и роли политической элиты // Известия Саратовского университета. 2008. Сер. Социология. Политология. Вып. 2; Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева. Л., 1988; Мягков Г.П. 1) «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; 2) Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М., 1995; Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX – 1917 г.). Гродно, 2003; и др. Заметим, что в последние годы особую активность здесь проявляют представители Казанского университета. См., напр.: Филимонов В.А. 1) «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции. М., 2008; 2) Лекционные курсы Н.И. Кареева по древней истории // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Сб. статей Международной научно-практической конференции к 90-летию со дня рождения профессора Василия

Впрочем, нельзя при этом не обратить внимания, что в данной, весьма содержательной статье В.А. Дьякова давала о себе знать – вообще свойственная ряду отечественных трудов Новейшего времени – известная недооценка отечественной пореформенной полонистики. Так, по словам Дьякова, «польская проблематика не пользовалась особой популярностью, а если ею и занимались, то на научную разработку мог рассчитывать лишь древнейший период, тогда как новейшая история освещалась чаще всего в таких сугубо официозных трудах, как сочинения Ф.Ф. Смита и А.К. Пузыревского по восстанию 1830–1831 гг.»⁴⁶.

Нетрудно заметить, что данному утверждению В.А. Дьякова, – якобы «польская проблематика не пользовалась популярностью», – противоречит значительное число появившихся в дореволюционной России, пусть различных и по объему и по уровню исполнения научных (и околонаучных) публикаций, посвященных Польше и полякам – причем, отнюдь не только «древнейшего периода». Нельзя не отметить и того, что исследователь оставил без должного комментария, скажем, суждение А.Л. Погодина о причине неудач русско-польского сближения. По словам автора «Главных течений польской политической мысли», основная причина этих неудач заключалась «в полном взаимном непонимании и незнакомстве»⁴⁷. Так или иначе, осознание тесной взаимосвязи между польским вопросом и развитием полонистических исследований у русских историков XIX века, похоже, присутствовало, что лишний раз говорит в пользу избранного в настоящем исследовании угла зрения⁴⁸.

Евгеньевича Майера. Ижевск, 2008; 3) М.С. Куторга и Н.И. Кареев: коммуникативная специфика и трудности верификации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 30. М., 2010; 4) Антиковеды Варшавского университета в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011; Мягков Г.П., Филимонов В.А. 1) Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «досуговый дискурс» историка // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1; 2) Н.И. Кареев и «толстые журналы» его времени: в поисках «своего» издания // Мир историка: историографический сборник. Вып.6. Омск, 2010; Дунаева Ю. В. Западноевропейская история в исторической концепции Н. И. Кареева. Автореф. ... к.и.н. М., 2002.

⁴⁶ Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии. С. 152–153.

⁴⁷ Там же. – Ср.: Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907. С. VI.

⁴⁸ В определенной мере есть основание солидаризироваться с мнением А.И. Миллера, считающего, что «"национальная" история или даже история взаимодействия определенной этнической общности и имперских властей в большинстве случаев не дают адекватного масштаба для анализа процессов в империи». Поскольку в центре внимания здесь внутренние дела Российской империи и большой для империи польский вопрос, трудно не согласиться с тем, что, «как правило, число акторов, включенных во взаимодействие по тому или иному вопросу, неизменно больше двух, даже если мы станем упрощенно рас-

Но, в конце концов, важнее даже подчеркнуть не отдельные спорные моменты, содержащиеся в статье В.А. Дьякова, а тот факт, что данная статья положила начало более углубленной разработке одной из важных проблем в отечественной полонистике XX века. Иначе говоря, в Новейшее время трудами В.А. Дьякова и ряда других наших историков, были заложены прочные основы углубленных, отвечающих требованиям современной исторической науки изысканий, посвященных развитию отечественных полонистических студий, в контексте которых особое место, на наш взгляд, должен был занять польский вопрос.

Говоря об отечественной историографии вопроса, и подразумевая, в первую очередь, ее историософскую составляющую, нельзя не подчеркнуть ту роль, какую в разработке рассматриваемой здесь проблематики сыграла ленинградско-петербургская школа славистики, представленная, прежде всего, трудами С.И. Стецкевича, В.А. Якубского⁴⁹ и их учеников. Так, в том же году, что и статья В.А. Дьякова, вышла статья С.М. Стецкевича и В.А. Якубского «Становление и развитие советской исторической полонистики»⁵⁰, где, в частности, также было констатировано, что все еще остаются незаслуженно забытыми полонистические труды Н.И. Кареева и Н.Н. Любовича⁵¹.

Среди многочисленных публикаций Института славяноведения и балканистики АН СССР, имеющих прямое отношение к диссертационной теме, нельзя не назвать коллективную монографию «Очерки революционных связей народов России и Польши; 1815–1917» (М., 1976), где И.С. Миллер сразу давал понять, что, с точки зрения авторов, польский вопрос органически вошел в политиче-

сматривать отдельные этнические сообщества и имперский центр как внутренне единых акторов» – См.: Миллер А. Империя Романовых и национализм. М., 2008. С. 80.

⁴⁹ См., напр.: Стецкевич С.М., Якубский В.А. 1) Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой. (К вопросу об истоках марксистской концепции) // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974; 2) Становление и развитие советской исторической полонистики // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981; Якубский В.А. 1) Республиканские и монархические тенденции в Речи Посполитой накануне ее падения и их освещение в историографии // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. М., 1968; 2) Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 2. СПб., 2000; 3) «Польское бескорольевье» А.С. Травецкого и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3. СПб., 2001.

⁵⁰ Стецкевич С.М., Якубский В.А. Становление и развитие советской исторической полонистики // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М., 1981.

⁵¹ Стецкевич С.М., Якубский В.А. Становление и развитие. С. 22, 46.

скую жизнь России с начала XIX в.⁵². Убеждение хоть и не небесспорное, но, пожалуй, преобладавшее в те годы в отечественной полонистике. Важнее другое, что обращает на себя внимание, – польский вопрос в «Очерках...» рассмотрен в широком контексте, – от совместной борьбы под лозунгом «За нашу и вашу свободу» до характеристики русско-польских культурных контактов.

Позднее, на исходе 1980-х годов, Институт славяноведения выпустит капитальную (уже здесь упоминавшуюся) монографию «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян» (М., 1988). Возглавляемый В.А. Дьяковым авторский коллектив обобщил в этом труде огромный фактический материал, касающийся развития отечественного славяноведения, и историческая полонистика заняла в этом обзоре подобающее ей место. В то же время нельзя не учитывать, что книга готовилась под неусыпным надзором со стороны Отдела науки ЦК КПСС, который корректировал и отбор приводимого авторами материала, и во многом концептуальное его осмысление. Не приходится удивляться, что такое вмешательство не пошло книге на пользу. Но, в целом, и четверть века спустя труд этот сохраняет свою научную значимость.

Постепенно историографические исследования накапливались. Среди них по-своему показательна совместная статья С.М. Стецкевича и В.А. Якубского «Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой. (К вопросу об истоках марксистской концепции)»⁵³, посвященная одной из кардинальных – и вместе с тем во многом остающейся дискуссионной – проблем полонистики. Вообще, для нашей исторической литературы 1970-х гг. характерен как раз тот путь, какой избрали авторы статьи, выступив против укоренившегося в нашей науке упрощенного (сводящего всю проблему к шляхетскому своеволию и злоупотреблению *liberum veto*) представления о причинах, которые свели в могилу некогда могущественное Польское государство. По обыкновению тех лет, Стецкевич и Якубский постарались подкрепить свою точку зрения ссылкой на авторитет классика марксизма, сославшись на суждения Ф. Энгельса по поводу госу-

⁵² Очерки революционных связей народов России и Польши.. 1815–1917. М., 1976. С. 5.

⁵³ Стецкевич С.М., Якубский В.А. Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой. (К вопросу об истоках марксистской концепции) // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. М., 1974. С. 218–231.

дарственно-политического устройства России, Польши и Германии. Сам собой возникал вопрос: так ли уж отличались порядки Речи Посполитой, однозначно осуждаемые в разноязычной исторической литературе, от того, что происходило в соседних странах? Историографы в качестве главного своего аргумента использовали проводимую Энгельсом параллель между внутренним развалом Германской империи и польскими порядками. Это дало основание авторам статьи задаться и другим вопросом, «не рассматривал ли Энгельс Польшу как государственный организм, – промежуточный между Российской державой и Германской империей не только географически, но и типологически (поскольку в Речи Посполитой, как известно, не утвердился ни абсолютизм великодержавный, ни абсолютизм регионально-княжеский, т.е. оказались невозможными ни российский, ни немецкий варианты)?»⁵⁴. Следует подчеркнуть, что те вопросы, какими задавались С.М. Стецкевич и В.А. Якубский, обратившись к трактовке одной из кардинальных проблем истории Польши, во многом соответствовали той исследовательской линии, которая при решении аналогичных задач в свое время была намечена одним из видных польских историков XX в. Владиславом Конопчиньским⁵⁵.

Среди тех работ, где рассматривались обстоятельства, в которых развивалась российская полонистика XIX века, нельзя также не отметить такие содержательные статьи, как, например, «Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.)» В.А. Дьякова или «Теоретические основы трудов русских историков-славяноведов начала XX в.» М.А. Робинсона⁵⁶.

⁵⁴ Стецкевич С.М., Якубский В.А. Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой. С. 229–230.

⁵⁵ См., напр.: Konopczyński W. 1) *Geneza i ustanowienie Rady Nieustającej*. Kraków, 1917; 2) *Liberum veto. Studium historyczno-porównawcze*. Kraków, 1918; 3) *Konfederacja barska*. Т. 1–2. Warszawa, 1936–1938. Заметим, что одна из монографий Владислава Конопчиньского, способная пролить свет на обстоятельства столь драматичного в станиславовскую эпоху события как I раздел Польши и трактовку этого события, вышла недавно, т.е. спустя шестьдесят лет после смерти ее автора. – См.: Konopczyński W. *Pierwszy rozbiór Polski*. Kraków, 2010.

⁵⁶ Дьяков В.А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // *Методологические проблемы славистики*. М., 1978; Робинсон М.А. Теоретические основы трудов русских историков-славяноведов начала XX в. // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике*. М., 1984. С. 216–239.

Отдавая должное работам М.Ю. Досталь, Е.П. Аксеновой, Ю.Ф. Иванова, А.Н. Бачинина и других авторов⁵⁷, которые внесли свой вклад в изучение отечественной историографии XIX в., и славистики в том числе, нельзя не обратить подчеркнутого внимания на обширный цикл историографических трудов Л.П. Лаптевой⁵⁸. Но, прежде всего, обращают на себя внимание две фундаментальные монографии⁵⁹ – «История славяноведения в России в XIX веке» (М., 2005) и «История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в.» (М., 2012), которыми вводится в научный оборот огромный архивный материал, непосредственно касающийся, в том числе, состояния отечественной полонистики⁶⁰. Л.П. Лаптева рассматривает российскую полонистику как важную составную часть отечественного славяноведения, и в ее капитальном исследовании на первый план выходят не результаты отдельных – пусть и крайне важных – изысканий, а движение исторической мысли, качественные сдвиги в состоянии отечественной исторической науки.

Если же в первую очередь акцентировать польский вопрос и его преломление в отечественной полонистике XIX в., то надо обратиться к одной из работ В.В. Кутявина – «Польша и поляки в российской историографии»⁶¹. Эта объемная статья, затрагивая близкую к нашей диссертации тематику, привлекает к себе

⁵⁷ Досталь М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005; Аксенова Е.П. А. Н. Пыпин о славянстве. М., 2006; Кирсанова Е.С. Методологические идеи русской консервативно-либеральной историографии второй половины XIX – начала XX вв. М., 2004; Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. Казань, 2011; Иванов Ю.Ф. Жизнь и творчество Н.Н. Любовича // Вопросы истории славян. Вып. 18. Воронеж, 2007; Бачинин А.Н. 1) Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина // Балканские исследования. М., 1992. Вып. 16; 2) М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». Историография, источниковедение, методы исторических исследований. № 7 (50) /10. М., 2010.

⁵⁸ Отметим лишь некоторые из работ Л.П. Лаптевой последних лет: Лаптева Л.П. 1) Два века славяноведения в России (к 170-летию создания славистических кафедр в российских университетах) // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. М., 2007; 2) Контакты русских ученых с чешским ученым и политическим деятелем Т.Г. Масариком (до 1917 г.) // Мыслящие миры российского либерализма. Павел Милуков (1859–1943). М., 2010; 3) Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А.Л. Погодина // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; и мн. др.

⁵⁹ Лаптева Л.П. 1) История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005; 2) История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. См. также нашу рецензию на книгу Л.П. Лаптевой. – *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. № 1–2. 2007. С.152–156.

⁶⁰ См. также: Лаптева Л.П. Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.

⁶¹ Kutiawin W. Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Warszawa, 2006. S. 411–440.

особое внимание. Автор статьи⁶² известен циклом работ по истории и историографии Польши XIX века⁶³. Ставя своей целью охарактеризовать «наиболее важные интерпретации польского вопроса, характерные для русской, главным образом академической, историографии XIX–XX вв.», В.В. Кутявин бесспорно сделал ряд заслуживающих внимания наблюдений над эволюцией польского вопроса в России. Но все же попытка охватить в данной статье динамику польского вопроса от древности до конца XX века не обошлась без существенных издержек. Так, при рассмотрении развития польского вопроса на протяжении XIX в. из поля зрения историка практически выпало почти столетие – от позиции Н.М. Карамзина он переходит прямо к воззрениям историков 1860-х годов. Есть в статье и, по меньшей мере, спорные утверждения. На взгляд В.В. Кутявина, на исходе XVIII ст. в России происходит «возрождение антипольской враждебности»⁶⁴, хотя, насколько можно судить, не видно оснований полагать, что в предшествующие десятилетия враждебность эта так уж угасала.

Заметим также, что в последнее время в Интернет-пространстве активный интерес к заявленной в диссертационной работе теме демонстрирует А.А. Тесля (Тихоокеанский госуд. университет), автор таких, во многом примечательных статей, как, например, «“Польский вопрос” в публицистике М.Н. Каткова 1863 года», «Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма», «Понятие ”нации” и “народности” в государственной идеологии конца 20-х – начала 30-х годов XIX века в связи с “польским вопросом”»⁶⁵ и др. Впрочем, у

⁶² В свое время – студент и аспирант исторического факультета Ленинградского государственного университета, ученик профессора С.М. Стецкевича.

⁶³ См., напр.: Кутявин В.В. 1) Первая мировая война и повороты российской исторической полоники // Война и общество: К 90-летию начала первой мировой войны. Самара, 2004; 2) Польша и поляки в советской и современной российской историографии. Устойчивость стереотипов [Электронный ресурс] – Режим доступа:

[⁶⁴ Ibid. S. 412.](http://docs.google.com/viewer?a=v&q=cache:5VrN0eWP0noJ:www.ssu.samara.ru/files/teachers/kutiawin/kutiawin_polsha.doc;Kutiawin W. Pamięć historyczna Rosjan: między dziejopisarstwem akademickim a historiografią „ludową” // Pamięć i politika historyczna: Doświadczenia Polski i jej sąsiadów. Łódź, 2008.</p>
</div>
<div data-bbox=)

⁶⁵ Тесля А.А. 1) ”Польский вопрос” в публицистике М.Н. Каткова 1863 года // http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_katkov.php (последнее посещение: 05.05.13), 2) Значение 1863 года в истории русской общественной мысли // <http://www.hrono.ru/statii/2011/tes1863.php>; 3) Неославянофильство в период первой русской революции и становления «думской монархии» (по материалам дневника А.А. Кирева 1905 – 1910 гг.) // <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2224>;

4) Понятие «народности» в русской общественной мысли 20-х – 60-х годов XIX века // http://hrono.info/statii/2011/tes_narod.php; 5) Славянофильское направление в начале 60-х г. XIX века // http://www.hrono.ru/statii/2011/tes_slvnfl.php (последнее посещение: 03.10.11); 6) Конструирование на-

А.А. Тесли на первый план в большей степени выходят философские аспекты, что особенно явно проявляется в последних статьях автора⁶⁶.

В данной работе белорусская и украинская историческая полонистика не рассматривается сколько-нибудь детально (представляется, что посвященный этой тематике историографический пласт слишком значителен и важен, чтобы говорить о нем мимоходом⁶⁷, – все же материал этот требует специального исследования). Пожалуй, стоит напомнить, что подобное самоограничение – т.е. выведение за скобки украинской и белорусской литературы – достаточно традиционно. В данном случае можно сослаться на авторитетное мнение С.И. Николаева, который в одной из своих недавних работ, посвященных истории польско-русских литературных связей, специально этот вопрос оговаривает. Разъясняя свою позицию в отношении ставших предметом его исследования сюжетов, С.И. Николаев, в частности, подчеркивает, что в его исследование «включены материалы, относящиеся только к польско-русским литературным связям, т.е. в нее не включены памятники польско-украинского или польско-белорусского литературного общения». На наш взгляд, С.И. Николаев справедливо констатирует, что «иногда эти связи рассматривались и иногда рассматриваются до сих пор не дифференцированно как польско-восточнославянские связи в целом, но при этом утрачивается или частично стирается их историческая специфика»⁶⁸.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что интересующие нас сюжеты привлекают к себе пристальное внимание белорусских коллег. В последние годы ус-

ции: национальный вопрос в публицистике И.С. Аксакова // http://www.hrno.ru/libris/pdf/tesla_aksakov_konstruirovane.pdf; 7) Этапы истории славянофильства в контексте исследований национализма // http://www.hrno.ru/statii/2010/tes_slavjano.php; 8) Понятия «нации» и «народности» в государственной идеологии конца 20-х – начала 30-х годов XIX века в связи с «польским вопросом» // http://www.hrno.ru/statii/2010/tes_naci.php; 9) Понятие «империя» в современной историографии русской истории. – Режим доступа: http://www.hrno.ru/statii/2010/tesla_empie.php (последнее посещение: 05.05.13).

⁶⁶ См., напр.: Тесли А.А. Запрещенная 6-я статья И.С. Аксакова из цикла «О взаимном отношении народа, общества и государства» // Социологическое обозрение. Т.11. № 2. 2012.

⁶⁷ В качестве яркой иллюстрации того, как воспринималась данная проблема в украинских землях, могут служить слова М.П. Драгоманова: «Польша сама своею неумелостью подарила обширную провинцию своему будущему могущественному сопернику. /.../ Но теперь наступила очередь неумелости за Москву, которая тоже не была в состоянии иначе отнестись к новым провинциям, как по своему шаблону. Польские политики прикладывали к Украине мерку шляхетской республики и католической административной нетерпимости; московские стали применять к ним аршин боярской монархии и нетерпимости православно-обрядовой». – Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия // Драгоманов М.П. Собрание политических сочинений. Т. 1. Париж, 1905. С. 16.

⁶⁸ Николаев С.И. Польско-русские литературные связи XVI – XVIII вв. Библиографические материалы. СПб., 2008. С. 5.

пешно развиваются историографические (в том числе, полонистические) исследования в Гродненском государственном университете Беларуси под руководством А.Н. Нечухрина. С точки зрения заявленной в диссертации темы, наибольший интерес представляют работы Т.Т. Кручковского, посвященные изучению истории Польши в дореволюционной российской историографии (в частности, в трудах Н.М. Карамзина, Н.И. Кареева, В.О. Ключевского)⁶⁹, хотя, на наш взгляд, польский вопрос, которого автор не раз касается, не получил в его работах должной трактовки.

Историографический обзор, естественно, не ставит своей целью перечисление всех книг и статей, привлекавшихся в ходе работы над диссертацией. Можно было бы отметить также статью А.С. Мыльников «Об истоках становления славяноведения в России. (К вопросу об изучении "предыстории" славистики)»⁷⁰, которая для заявленной в диссертации темы важна хотя бы тем, что в ней нашли развернутое отражение сюжеты, имеющие прямое отношение к истории отечественной полонистики⁷¹. Еще раз можно отметить также, что историографические сюжеты не раз становились предметом исследований для Б.В. Носова⁷² или С.М. Фалькович⁷³ (в последние годы исследовательница уделяет им подчеркнутое внимание).

Значительный интерес с точки зрения нашей темы представляют и работы, в которых польский вопрос рассматривался в контексте деятельности российских научных учреждений. В этом отношении весьма показательна статья В.В. Ищу-

⁶⁹ См., напр.: Кручковский Т.Т. 1) Кручковский Т.Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX – начала XX века // Славяноведение. 1993. № 5. С. 76–85; 2) Отношения Польши и Великого княжества Литовского в период от Кревской до Люблинской уний в оценке российской историографии второй половины XIX – начала XX вв. // Смена парадигм в историографии XIX – начала XX в. Гродно, 2012. С. 175–189; 3) Падение Речи Посполитой в оценке Н.М. Карамзина // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. Гродно, 2012. С. 225–232.

⁷⁰ Мыльников А.С. Об истоках становления славяноведения в России. (К вопросу об изучении "предыстории" славистики // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 5–42.

⁷¹ Там же. С. 14, 16–19, 21, 25–26.

⁷² Носов Б.В. 1) Разделы Речи Посполитой и русско-польские отношения второй половины XVIII века в зарубежной историографии (1970-е – начало 1990-х годов) // Славяноведение. № 5. 1993; 2) Разделы Речи Посполитой в трудах польских и российских историков второй половины XIX – начала XX вв. и становление современной историографии // Российско-польские научные связи в XIX – XX вв. М., 2003.

⁷³ См., напр.: Falkowicz S. 1) Polska problematyka w rosyjskiej historiografii // «O nas bez nas». Historia Polski w historiografiach obcojęzycznych. Poznań, 2007; 2) Польская проблематика в российской историографии. – Режим доступа: jazon.hist.uj.edu.pl/zjazd/materialy/falkowicz.pdf.

тина «Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848 гг.)»⁷⁴, где, помимо прочего, охарактеризовано участие в работе заседаний ОИДР Иоахима Лелевеля⁷⁵. Данную статью можно рассматривать как существенное дополнение к характеристике общественной и научной деятельности видного польского историка эпохи Романтизма (чему посвящены, например, работы Б.С. Попкова или А.М. Басевича⁷⁶). Для нашей темы существенно, в частности, то, что В.В. Иштутин рассматривает воздействие польского вопроса на характер деятельности ОИДР непосредственно в период польского восстания 1830–1831 гг. и вскоре после него. Так, по мнению автора, именно воздействием политической ситуации объясняется тот факт, что ряд заседаний в этот период времени был отведен чтению председателем Общества А.Ф. Малиновским своей статьи «Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России»⁷⁷. Правда, тот вывод, к которому приходит автор статьи, уверенный в том, что Николай I «прекрасно понимал предвзятый характер сочинения Малиновского»⁷⁸, трудно считать доказанным.

Характеризуя состояние рассматриваемой нами проблемы, говоря о работах Л.П. Лаптевой и многих других ученых, так или иначе касавшихся преломления польского вопроса в российской исторической полонистике XIX в., нельзя не отдать должного тому опыту, какой накопила в данной сфере исследований польская историческая наука.

Говоря о состоянии изученности вопроса в польской историографии, в первую очередь следует обратиться к фундаментальной монографии Мариана Хенрика Серейского «Европа и разделы Польши» (Варшава, 1970), которая во многом перекликается с монографией Н.И. Кареева «Падение Польши» в истори-

⁷⁴ Иштутин В.В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848 гг.) // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. М., 1984. С. 97–115.

⁷⁵ Там же. С. 103.

⁷⁶ Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. М., 1974; Басевич А.М. Иоахим Лелевель. Польский революционер, демократ, ученый. М., 1961.

⁷⁷ Малиновский А.Ф. Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России. Ч. VI. М., 1833. В статье В.В. Иштутина ошибочно указан год издания «Исторических доказательств...», как 1837 г.

⁷⁸ Иштутин В.В. Славянская проблематика... С. 104, 114.

ческой литературе» (1888), однако польский автор, сконцентрировав свое внимание на работах конца XIX–XX вв., все же иначе, чем его российский предшественник, подошел к рассмотрению историографии разделов Польши. Так или иначе, традиция углубленного изучения историографии разделов Польши, если говорить шире – бытования польских сюжетов в российской исторической литературе, заложенная трудами Н.И. Кареева и М.Х. Серейского, в дальнейшем была достаточно эффективно продолжена в польской исторической науке. За минувшие после выхода в свет монографии Серейского десятилетия польская литература вопроса пополнилась рядом капитальных исследований.

Современный, углубленный подход польских коллег к данной проблематике – пусть и увиденной, так сказать, с несколько иной (по сравнению с российскими авторами) стороны – демонстрирует, в частности, монография Катажины Блаховской «Рождение империи: Территориальное расширение государства в представлении российских историков XVIII и XIX веков» (Варшава, 2001)⁷⁹, где основное внимание исследовательницы было сосредоточено на выяснении того, как в трудах русских историков преломлялась и получала дальнейшее развитие имперская идея. Под таким углом зрения Катажиной Блаховской были рассмотрены труды целой плеяды российских историков XVIII – первых десятилетий XX веков (от В.Н. Татищева до М.Н. Покровского).

В своей монографии К. Блаховская, помимо прочего, стремилась найти ответ на вопрос: *как и насколько*, по мнению российских историков, повлияло на формирование внутренних структур империи поглощение Россией соседних народов⁸⁰. Значительный интерес с точки зрения рассматриваемой нами проблемы представляет даваемая польской исследовательницей трактовка участия России в разделах Речи Посполитой. На взгляд Блаховской, «участие России в разделах стало последним аккордом в многовековой, ожесточенной борьбе двух соседних государств. Борьбе, в которой на протяжении всего этого времени Польша представляла собой смертельную опасность для России»⁸¹. Конечно, сформулирован-

⁷⁹ Błachowska K. *Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku*. Warszawa, 2001.

⁸⁰ Błachowska K. *Narodziny Imperium*. S. 7.

⁸¹ Błachowska K. *Narodziny Imperium*. S. 190.

ный тезис отнюдь не нов – Катажина Блаховская сама при этом ссылается на С.М. Соловьева. Но, исходя из заявленного ею, невольно напрашивается вывод: коль скоро Польша в конце XVIII в. (и, видимо, особенно после провозглашения Конституции 1791 г.) по-прежнему представляла для России такую опасность, – то, значит, Речь Посполитая была не столь слаба, как это принято утверждать в российской историографии XIX века. Заметим, что историографические изыскания К. Блаховской были продолжены и получили дальнейшее развитие в одной из ее последних работ – «Одно государство – много историй: Образ истории Великого княжества Литовского в представлении историков польских, российских, украинских, литовских и белорусских»⁸².

Вообще нельзя не отметить, что в трудах не только Блаховской, но и ряда других польских авторов, на первый план, как правило, выходит именно имперская составляющая российских исторических концепций. Примером такого рода исследований может служить капитальная – как по охвату материала, так и по характеру его интерпретации монография Анджея Новака «От империи к империи: Взгляд на историю Восточной Европы» (Краков, 2004)⁸³. Обозревая период русской истории от правления Петра I и Екатерины II и до первой трети XIX в. включительно (в историографической плоскости – до Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина), исследователь, в частности, наглядно показывает, каким образом польский вопрос был интегрирован в концепцию «просвещенного российского империализма». При этом польский историк особо подчеркивает ту роль, какую сыграл Н.М. Карамзин в распространении и утверждении в русском обществе антипольских настроений⁸⁴. В целом соглашаясь с этим утверждением, нельзя обойтись все же без уточнения, что антипольские настроения получают распространение в Российской империи гораздо раньше, чем русское общество получило возможность познакомиться с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина и его публицистикой⁸⁵.

⁸² Błachowska K. Wiele historii jednego państwa. Obraz dziejów Wielkiego Księstwa Litewskiego w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku. Warszawa, 2009.

⁸³ Nowak A. Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Kraków, 2004.

⁸⁴ Nowak A. Od Imperium. S. 64–90.

⁸⁵ См. подробнее: Зорин А. Кормя двуглавого орла...: Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М., 2004. С. 165–167. Здесь автор, в частности, ссылается на сочинение П.В. Львова «Пожарский и Минин, спасители отечества» (1810), где говорилось о

Характерной чертой исследовательской манеры не только этого видного польского историка является стремление к созданию масштабных по охвату материала трудов, в которых подробное изложение событий достаточно органично сочетается с попыткой историософского их осмысления. Подобный подход наглядно обнаруживает себя как в монографии А. Новака «Между царем и революцией»⁸⁶, где в центре авторского внимания история польско-русских взаимоотношений XIX в., так и в тех его книгах, где на первый план нередко выходят события XX века, но всегда с оглядкой на историческую ретроспективу: «Как разбить Российскую империю? Идеи польской восточной политики (1733–1921)»⁸⁷, «История политических традиций. Пилсудский, Путин и другие», «От Польши до пост-политики. Интеллектуальная история краха Речи Посполитой»⁸⁸.

Как подчеркивал А. Новак в своей монографии 1994 года, «проблема России стала для польской эмиграции своего рода навязчивой идеей, которую она стремилась передать – прежде всего, посредством литературы, – грядущим поколениям поляков»⁸⁹. В свою очередь, такой «навязчивой идеей» (если воспользоваться выражением Новака) для русского общества XIX века был польский вопрос, что, так или иначе, нашло отражение в российской исторической полонистике.

Несколько иной подход к проблематике демонстрирует в своем фундаментальном исследовании Хенрик Глембоцкий «Фатальное дело: Польский вопрос в русской политической мысли (1856–1866)» (Краков, 2000). Рассматривая польский вопрос в контексте общественно-политических событий эпохи Январского восстания, ученый сконцентрировал свое внимание на том, как интерпретировались эти события на страницах тогдашней русской прессы (в том числе эмигрантской). В поле зрения польского исследователя оказались суждения И.С. Ак-

«древней завистнице Российского царства, всегдашней ненавистнице Москвы, властолюбивой Польше, всегда искавшей нам бед». – Цит. по: Зорин А. Кормя двуглавого орла... С. 165.

⁸⁶ Nowak A. *Mędzy carem i rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849*. Warszawa, 1994.

⁸⁷ Nowak A. *Jak rozbić Rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733–1921)*. Warszawa, 1995.

⁸⁸ Nowak A. *Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni*. Kraków, 2007; Nowak A. *Od Polski do postpolityki. Intelktualna historia zapaści Rzeczypospolitej*. Kraków, 2011.

⁸⁹ Nowak A. *Mędzy carem i rewolucją...* S. 5, 7.

сакова, Ю.Ф. Самарина, А.И. Герцена, М.Н. Каткова, Н.Я. Данилевского и ряда других общественных и государственных деятелей. В своей последней монографии (Краков, 2012)⁹⁰ Глембоцкий всесторонне рассматривает непростую историю взаимоотношений (если можно так выразиться) одного из активных деятелей польского восстания 1830 г. графа Адама Гуrowsкого и России.

В контексте темы Россия – Запад, составной частью которой в Российской империи воспринимались отношения России с Польшей, привлекают к себе внимание капитальные труды Анджея Валицкого, внесшие существенный вклад в разработку этой масштабной темы⁹¹.

Неослабевающий интерес польских ученых привлекает тема сосуществования двух этносов – поляков в России, русских в Польше. Среди польских авторов, отдавших дань разработке данной проблематики, можно назвать, в частности, Зигмунда Лукавского («Поляки в России. 1863–1914»), Агату Тушиньску («Русские в Варшаве»), Анджея Шварца («Под иноземной властью. 1795–1864»)⁹². Заметим, что упоминавшаяся ранее монография Л.Е. Горизонтова в концептуальном отношении в определенной мере созвучна книгам Агаты Тушиньской и Зигмунда Лукавского, что лишний раз говорит об актуальности и значимости данного исследовательского направления, как в Польше, так и в России. Органичным образом к названным работам примыкают также те, что отражают восприятие России в польской литературной среде и Польши – в русской⁹³.

Под каким бы углом зрения в XIX веке ни рассматривались русско-польские взаимоотношения и процесс формирования национальной идентичности как в России, так и в Польше, всегда дает о себе знать крайняя устойчивость стереотипов восприятия поляков в России, и русских в Польше, что неизбежно отзывалось как на состоянии польского вопроса, так и на российской полонистике. В

⁹⁰ Głębocki H. «Diabeł Asmodeusz» w niebieskich binoklach i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja. Kraków, 2012.

⁹¹ См., напр.: Walicki A. 1) Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002; 2) Zarys myśli Rosyjskiej. Od Oświecenia do Renesansu religijno-filozoficznego. Kraków, 2005.

⁹² См.: Łukawski Z. Ludność Polska w Rosji. 1863–1914. Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1978; Tuszyńska A. Rosjanie w Warszawie. Warszawa, 1992; Szwarz A. Pod obcą władzą. 1795–1864. Warszawa, 1997.

⁹³ См., напр.: Zielińska M. Polacy. Rosjanie. Romantyzm. Warszawa, 1998; Fiecko J. Rosja Krasińskiego. Rzecz o nieprzejednaniu. Poznań; Бахуж Ю. Образы русских в произведениях Болеслава Пруса на фоне польской межповстанческой традиции (1831–1863) // Творчество Болеслава Пруса и его связи с русской культурой. М., 2008.

большей или меньшей степени изучение этой темы находит отклик в польской и российской научной среде. Примером тому могут служить, например, работы Анджея Кемпиньского «Лях и Москаль. Из истории стереотипов» (Варшава, 1990) или Яна Орловского «Из истории антипольских предрассудков в русской литературе. От XVIII века до 1917 года» (Краков, 1992) в Польше, а также содержательные исследования В.А. Хорева, А.В. Липатова, С.М. Фалькович, Н.М. Филатовой, В.В. Мочаловой и др. в России (в том числе, в составе совместных русско-польских исследований)⁹⁴.

Особо при этом следует подчеркнуть, что исследование истории бытования стереотипов – восприятия поляков в России и русских в Польше – проходит в тесном сотрудничестве историков и литературоведов двух стран. Показательными в этом смысле можно считать выпущенные совместными, польских и российских авторов, усилиями ряд сборников⁹⁵, в том числе выходящих за рамки собственно исторических студий, как, например, совместное польско-российское издание «Поляки и русские в карикатуре друг друга»⁹⁶, и, в целом, подтверждающее интенсивное исследование истории бытования стереотипов – как с польской,

⁹⁴ См., напр.: 1) Хорев В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; 2) О живучести стереотипов // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Липатов А.В. 1) Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // Россия – Польша...; 2) Polska Puszkina i Rosja Mickiewicza // Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków. Warszawa, 2000; Фалькович С.М. 1) Представления русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа // Россия – Польша. Образы...; 2) Основные черты польского национального характера // Polacy w oczach Rosjan...; Филатова Н.М. 1) Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия // Россия – Польша. Образы...; 2) Польша в синтезах российской историографии (Карамзин – Соловьев – Ключевский) // Polacy w oczach Rosjan...; Мочалова В.В. 1) Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // Россия – Польша. Образы...; 2) Polska i Polacy oczyma Rosjan w wieku XVII // Polacy w oczach Rosjan...; Цыбенко О.В. Польша и поляки в русской литературе конца XIX – начала XX века // Polacy w oczach Rosjan...; Бак Д.П. Польша и поляки в русской литературе 1860-х годов (роман Николая Лескова «Некуда») // Поляки и русские: взаимопонимание...; Лескинен М.В. Сарматский патриотизм в контексте формирования польской национальной мифологии в XVII веке // Польская культура в зеркале веков. М., 2007.

⁹⁵ См., напр.: Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków. Warszawa, 2000; Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003; Literatura, kultura i język Polski w kontekstach i kontaktach światowych. III Kongres Polonistyki zagranicznej. Poznań, 2007.

⁹⁶ Де Лазари А., Рябов О. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново, 2007; – Ср. De Lazari A., Riabow O. Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze. Warszawa, 2008; де Лазари А., О. В. Рябов «Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново, 2008; Де Лазари А. Поляки и русские глазами друг друга (Постановка проблемы на материалах политической карикатуры). – Режим доступа: http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/06lazari.pdf.

так и с российской стороны – в контексте истории культуры Польши и России. Одним из последних совместных российско-польских проектов стал (уже упоминавшийся) сравнительно недавно изданный сборник статей «Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты» (М., 2011), подготовленный под эгидой Посольства Республики Польша в Российской Федерации и Постоянного представителя Польской академии наук при Российской Академии наук. История взаимных русско-польских стереотипов в настоящее время привлекает внимание и специалистов в области социальной антропологии, которые, опираясь на опыт историков, филологов, культурологов, изучают бытование взаимных стереотипов преимущественно на современном материале⁹⁷.

Ряд англоязычных авторов в разное время (от начала XIX до начала XXI вв.) и в разной мере отдали дань изучению польской истории (от Д. Флетчера, У.Р. Морфила, А. Босуэлла, У.Д. Роуза до Р.Ф. Лесли, Н. Дэвиса, Д. Стоуна и др.)⁹⁸.

Вызывающие наибольший интерес в польской научной среде англоязычные исследования, как правило, становятся доступны полякам и в переводе. Так было с классической монографией Ричарда Ховарда Лорда «Второй раздел Польши. Исследование дипломатической истории» (англ. Кембридж; Гарвард, 1915), которая вышла в Варшаве в 1973 г., аналогичным образом, но с минимальной разницей во времени перевода и издания, сложилась судьба монографии Ричарда Баттервика «Польская революция и Католический костел. 1788–1792» (англ. Оксфорд, 2011), которая по-польски была издана в Кракове в 2012 г.

Рассматриваемой в данной диссертации теме в разное время уделяли внимание многие исследователи – от А.Н. Пыпина, Н.И. Кареева до В.А. Дьякова, М. Серейского, Л.П. Лаптевой. Даже не перечисляя всех и всё, так или иначе имеющее отношение к изучаемой проблематике, приходится, тем не менее, признать, что даже отдавая должное бесспорным достижениям в данной области, проблематика не только далека от исчерпания, но и ряд вопросов – начиная, ска-

⁹⁷ См., напр.: Чубарова В.В. Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 206. М., 2008.

⁹⁸ См. также: Митина Н.П. Изучение истории Польши в Великобритании // Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980. С. 131–144; Горизонтов Л.Е. Изучение истории Польши в Великобритании: организация исследований и научные кадры // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США. М., 1989. С. 39–55.

жем, с датировки появления польского вопроса в России – остается предметом дискуссий⁹⁹.

Несмотря на то, что такое понятие (или термин) как польский вопрос и общеизвестно и широко употребляемо в историографии на протяжении последних двухсот лет, нет уверенности в том, что используя данный термин, мы трактуем его одинаково. Кроме того, приходится различать то, как толковали польский вопрос в XIX в., и то, какой смысл вкладывают в него историки другой эпохи, анализирующие события, случившиеся в позапрошлом столетии и события более ранние, касающиеся как самой Польши, так и русско-польских отношений. Поэтому есть все основания рассмотреть варианты трактовки такого понятия как польский вопрос с учетом его восприятия как в XIX веке, так и в последующем.

К неопределенности того, что представляет собой польский вопрос, так сказать, сущностно, добавляются трудности определения временных границ самого понятия, иначе говоря, времени его возникновения в России. Когда польский вопрос являет себя в русских пределах – проблема дискуссионная. Сразу, однако, скажем, что, на наш взгляд, своего рода начала польского вопроса в России следует искать гораздо ранее собственно XIX века, вне зависимости от того, что само устойчивое словосочетание – польский вопрос, несущее определенную смысловую нагрузку, – в большей степени принадлежит веку девятнадцатому. Безусловно, говоря об определенной смысловой нагрузке такого понятия как польский вопрос, неизбежно приходится сталкиваться с версиями его толкования.

О польском вопросе, подразумевая внешнеполитические дела как самой Российской империи, так и международные отношения в Европе, писали – как прежде, так пишут чаще всего и теперь, – преимущественно применительно к рубежу XVIII–XIX веков. К такой датировке польского вопроса склонялся в

⁹⁹ Если, по мнению С.М. Соловьева, польский вопрос появился уже с момента рождения Русского государства, то в литературе нередко встречаются и иные точки зрения. Некоторые историки (в наши дни, напр., Т.Н. Жуковская) относят его появление к эпохе разделов Речи Посполитой, А.А. Тесля – к наполеоновским временам. А.Н. Пыпин в свое время полагал, что данный вопрос возник еще позже, лишь с появлением возможности публично обсуждать польские дела. Диссертант придерживается точки зрения Соловьева, полагая, что иные датировки фактически обозначают лишь рубежи в процессе развития польского вопроса

свое время, например, А.А. Корнилов, предпочитавший рассматривать польский вопрос в плоскости международных отношений первых полутора десятилетий XIX столетия, констатировавший, что именно решение польского вопроса представляло наибольшую трудность на Венском конгрессе. Впрочем, к тому времени, когда писал (1912–1914 гг.) Корнилов, подобная констатация уже стала общим местом.

Говоря о XIX веке, польский вопрос, в основном, трактуют в контексте внутривосточных дел Российской империи, и, что обращает на себя особое внимание, речь при этом идет о взаимоотношениях между Королевством Польским (Привислинским краем) как одним из субъектов империи, пусть ставшим таковым поневоле, и собственно империей. Обострение польского вопроса как одного из внутренних вопросов Российской империи (шире – русского общества), конечно, всегда было связано с польскими восстаниями 1830 г. и 1863 г., причем, каждое из восстаний в русском обществе получило свои четкие ассоциации. Первое из них, Ноябрьское, прочно ассоциируется со стихотворным выступлением А.С. Пушкина, с его одой «Клеветникам России». Реакция русского общества на второе (Январское) во многом ассоциируется с «Заметкой по польскому вопросу» Н.Н. Страхова, окрестившего тогда польский вопрос – вопросом «роковым».

И в первом, и во втором случае польский вопрос, приобретая обостренное звучание на волне выступлений польских повстанцев, вызывал в русском обществе менее всего разночтений в смысле трактовки. В условиях обострения русско-польских отношений он выступал одновременно как дестабилизирующий фактор внутренней жизни Российской империи (эту самую жизнь возмущавший, так сказать, изнутри) и как дестабилизирующий фактор международных отношений Российской империи со странами Западной Европы, реагировавшими на выступления поляков, что, в свою очередь, провоцировало реакцию на эти выступления со стороны имперских властей. В большей или меньшей степени, как констатировал А.Л. Погодин в своей монографии «История польского народа в XIX веке» (1915), со времени третьего раздела с польским вопросом никто из западноевропейских правителей не мог не считаться.

Однако все это вместе взятое – разделы Польши, Венский конгресс, образование Королевства Польского, восстания 1830 и 1863 гг. – лишь событийная канва, некий контур, в рамках которого в большей или меньшей степени проявлял себя польский вопрос. Но сама сфера бытования польского вопроса в Российской империи, в русском обществе была и шире и глубже, поскольку включала, в том числе, комплекс стереотипов в отношении Польши и поляков, который к началу XIX столетия становится достаточно устойчивым. Не будет, наверное, большим преувеличением сказать, что самую заметную роль в укреплении и распространении этого комплекса (сложившегося, однако, раньше), на который с доверием и пониманием отзывалось русское общество на протяжении всего XIX столетия, сыграл Н.М. Карамзин, его знаменитая «История государства Российского» и злободневная публицистика.

С одной стороны, нельзя не согласиться с утверждением Л.Е. Горизонтова, что почти невозможно дать четкое определение тому, что есть польский вопрос. Но, с другой, затруднительность формулирования этой (по словам Горизонтова) «достаточно компактной дефиниции»¹⁰⁰ не исключает попытки конструирования подобных дефиниций. И подобные попытки предпринимались уже давно.

Одну из попыток дать такое определение, причем попытку, вполне уверенную, предпринял полтора столетия назад С.М. Соловьев, прямо провозгласивший в одной из своих статей, что «польский вопрос родился вместе с Россией»¹⁰¹. Из этого лаконичного заявления (не привлечшего, впрочем, к себе особого внимания) следует, что Соловьев, судя по всему, под польским вопросом понимал едва ли не весь комплекс русско-польских отношений на протяжении всего длительного существования по соседству друг с другом Руси (России) и Польши (Речи Посполитой). Четко выраженное С.М. Соловьевым понимание того, когда возникает польский вопрос в России, отталкиваясь от которого появляется возможность конструировать и само определение этого понятия, пожалуй, не могло сложиться ранее 1860-х годов. Это суждение могло быть разрабо-

¹⁰⁰ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 8.

¹⁰¹ Соловьев С.М. Европа в конце XVIII века // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. М, 1998. С. 200.

тано только в результате углубленного анализа истории русско-польских отношений на протяжении веков, в результате длительной и кропотливой работы ученого, и только после уразумения того, чем польский вопрос был, и чем он является теперь, С.М. Соловьев оказался готов к тому, чтобы сформулировать свою мысль.

У С.М. Соловьева нашлись единомышленники и в польской среде. Примерно такого же понимания сущности польского вопроса придерживался один из видных польских историков и литературоведов XIX столетия Станислав Тарновский¹⁰² (1837–1917), также делавший акцент на том, что «на протяжении веков длится этот исторический процесс между двумя народами, двумя цивилизациями, двумя верами»¹⁰³. Польский вопрос у Тарновского непосредственным образом был вплетен в событийную канву XIV–XIX вв., пусть по-разному, в зависимости от обстоятельств, себя проявляя. При этом историк настаивал, что польский вопрос становится все более значимым фактором польско-русских отношений по мере усиления позиции России. Что важно, польский исследователь также не видел оснований ограничивать польский вопрос рамками только XIX века.

Подобной трактовки польского вопроса, похоже, придерживается и современная польская исследовательница Катажина Блаховская. Практически вторя С.М. Соловьеву, Блаховская пишет, что «участие России в разделах стало последним аккордом в многовековой, ожесточенной борьбе двух соседних государств. Борьбе, в которой на протяжении всего этого времени Польша представляла собой смертельную опасность для России»¹⁰⁴. Блаховская не скрывает, что ориентируется на Соловьева, но трактует слова русского историка по-своему. Если С.М. Соловьев писал, что во второй половине XVIII века России,

¹⁰² Самые известные его капитальные труды, давно ставшие классикой, – «О польской литературе XIX века» (переиздано в 1977 г.) и «Политические писатели XVI века» (переиздано в 2000 г.). Весьма емкую характеристику Станиславу Тарновскому – как «наиболее плодовитому писателю из среды так называемых “станчиков”», как автору «более двадцати книг, нередко состоящих из двух томов, бесчисленного количества статей», дал А. Жегоцкий, прямо заявивший, что «каждый, кто занимается XIX веком, не сможет обойтись без Тарновского, вне зависимости от того, лежат ли его интересы в области истории, литературы, политики или политической мысли» // Rzegocki A. Wstęp // Tarnowski S. Z doświadczeń i rozmyślań. Kraków, 2002. S. XIV–XV.

¹⁰³ Tarnowski S. Nasze położenie polityczne // Tarnowski S. Z doświadczeń i rozmyślań. Kraków, 2002. S. 28.

¹⁰⁴ Włachowska K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. S. 190.

как он выражался, «надобно было свести старые счета с Польшею»¹⁰⁵, то из того, что сказано Блаховской, следует, что Польша и в эпоху разделов была способна представлять для России серьезную (буквально – «смертельную») опасность. По мысли польского историка, Речь Посполитая даже накануне своей гибели была не столь слаба, как это настойчиво провозглашалось в российской историографии и публицистике XIX века. Как видно, классик русской историографии С.М. Соловьев и современный польский историк К. Блаховская сходятся в констатации самого факта многовековой борьбы, но совершенно по-разному оценивают силы своих стран. Уверенное заявление К. Блаховской базируется на солидной польской историографической традиции, но, на наш взгляд, особый интерес представляет то, что подобную оценку внутренней ситуации Речи Посполитой на рубеже 1780-х – 1790-х гг. встречаем и в русской историографии начала XX в.

Достаточно трезво, и вполне оптимистично с точки зрения возможных (хоть и не открывшихся) для поляков перспектив, писал о состоянии польских дел в эпоху Четырехлетнего сейма А.Л. Погодин, рассматривавший деятельность Великого сейма как борьбу за спасение поляками своей родины. Пункт за пунктом отмечая благотворные приметы обновления, в которых Польша нуждалась, и которые способна была, на взгляд Погодина, обеспечить ей действующая (а не только провозглашенная) Конституция, историк фиксировал эвентуальные признаки новой жизни. Погодин, судя по всему, исходил из уверенности, что в случае осуществления задуманных польскими реформаторами преобразований, Речь Посполитая, невзирая на первый раздел, была способна превратиться в достаточно сильное государство.

Наблюдения над тем, что и как писалось о Польше и поляках в России XIX в., дает основания рассматривать польский вопрос как неотъемлемую часть всего комплекса русско-польских политических, общественных и культурных контактов на протяжении длительного времени. Однако следует признать: та мысль, что польский вопрос по существу тождественен многовековым русско-

¹⁰⁵ Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 409.

польским отношениям и, что существенно, тождественен их осмыслению россиянами, а его истоки теряются в глубине столетий, прозвучала еще до С.М. Соловьева. Чеканную поэтическую форму этой мысли (и, что существенно, сразу нашедшую отклик в душах многих обитателей Российской империи) придал А.С. Пушкин. Ответив всем «клеветникам России» в пору Ноябрьского восстания, поэт, можно сказать, предложил свою трактовку польского «вопроса, которого не разрешите вы». Подчеркнув внутривосточный характер польского вопроса, Пушкин напомнил: «Уже давно между собою / Враждуют эти племена; / Не раз клонила под грозою / То их, то наша сторона». Слова Пушкина, помимо прочего, могут свидетельствовать о том, что С.М. Соловьев в своей трактовке, в своем глубоком понимании истории польского вопроса для России – пионером не был.

Учитывая, что исследователи, главным образом, датируют польский вопрос временем не раньше разделов Речи Посполитой, чаще даже с тяготением к XIX веку, приходится констатировать, что А.С. Пушкин и С.М. Соловьев по-прежнему оказываются в меньшинстве. Объяснение тому, что предпочтение, как правило, отдается не варианту Соловьева-Пушкина, самое простое: возникновение польского вопроса в Российской империи прочно увязывается со временем утраты Речью Посполитой государственной независимости – сначала частичной, а затем окончательной. В контексте рассуждений о польском вопросе допускались отдельные поправки по времени его возникновения, обусловленные уточнением обстоятельств (когда и как он себя проявил), но, пожалуй, дальше расхождений в несколько десятилетий, имея в виду датировку, дело все-таки не шло.

Так, В.И. Герье, обращаясь к эпохе, когда особенно заметно стала возрастать роль России в европейских делах, склонен был фиксировать внимание на малейших свидетельствах, имевших отношение к оценке роли и силы России в той борьбе, которая развернулась в 1733 году за польский престол. Русский историк не удержался даже от того, чтобы не передать слова французского маршала Тиссе, похоже, не сомневавшегося в том, что судьба польской короны находилась в руках русского императора. Признавая, что тогда все европейские прави-

тели проявляли заинтересованность в польском вопросе и, по мере своих сил, принимали участие в его разрешении, В.И. Герье рассматривал польский вопрос в контексте международных отношений, тем самым невольно выступая за то, чтобы датировать появление польского вопроса первой третью XVIII века. Впрочем, нельзя исключать, что использование историком самой этой формулировки («польский вопрос») применительно к характеру описываемых им событий, было обусловлено всего лишь тем, что этот термин был уже широко распространен в современной В.И. Герье историографии XIX века.

Даже солидарность с мнением С.М. Соловьева, что польский вопрос родился вместе с Россией, не позволяет не учитывать того обстоятельства, что состояние польского вопроса не оставалось неизменным. Зато всегда неизменной оставалась решимость уразуметь, что этот вопрос представлял собой, по сути. Собственно, именно сущностное понимание польского вопроса диктует определение времени его возникновения – и наоборот. Так, профессор Варшавского университета И.П. Филевич, размышляя в своем сочинении 1894 г. об истории польского вопроса, признавался, что пусть нам точно и неизвестно, с каких пор ближайшие соседи – русские и поляки – поддерживали друг с другом взаимоотношения, но не приходится сомневаться в том, что эти взаимоотношения были враждебны. Филевич подчеркивал, что уже «при Владимире Святом мы видим грозное столкновение русского и польского мира; слепец Василько собирался “мстить ляхам за землю Русскую“, – древнейшие польские летописи полны хвастливых рассказов о польских победах над Русскими, а русские люди представляли себе беса “в образе ляха“». Во многом дублируя давно известные читающей публике сюжеты, И.П. Филевич, вместе с тем, предлагал заслуживающее внимания осмысление многогранности проявления польского вопроса в России. Историк настаивал, что польский вопрос «представляет не минутную общественную злобу. До сих пор в нем всегда оказывалось нечто, заставляющее опять и опять к нему возвращаться; а новые пересмотры вопроса всегда открывали в нем какие-нибудь новые стороны. Это черты, свойственные только крупным историческим вопросам»¹⁰⁶. Из этого признания, по крайней мере, следует то, что

¹⁰⁶ Филевич И.П. Польша и польский вопрос. М., 1894. С. 1–2.

польский вопрос на рубеже XIX–XX столетий по-прежнему оставался вопросом открытым, и открытым, в том числе, для разных толкований, ведь «в нем всегда оказывалось нечто»...

Другой замечательный свидетель эпохи – П.А. Вяземский, на склоне лет мысленно возвращаясь к последним годам царствования Александра I, утверждал, что «тогда польского вопроса еще не было». Объяснял он свое заявление тем, что время, о котором он вспоминал, «не было столь вопросительно, как наше. Возбуждение вопросов порождает часто затруднительность и многосложность их»¹⁰⁷. По мнению князя, Польшу тогда мало знали, и потому мало о ней говорили. Он соглашался, что это было не хорошо, но тут же не без горечи, добавлял, что теперь ситуация изменилась только в том смысле, что знать стали не больше, а говорят – охотно¹⁰⁸, что также не вызывало одобрения наблюдателя и строгого критика.

По-видимому, на себя и на своих друзей, к числу которых, как известно, принадлежал А.С. Пушкин, П.А. Вяземский не распространял негативную оценку относительно незнания Польши – и вообще-то имел на то все основания. Еще с молодости живо интересуясь польскими делами¹⁰⁹, он и свою службу начинал в Царстве Польском, где на протяжении трех лет (1818–1821) служил чиновником при императорском комиссаре Н.Н. Новосильцеве¹¹⁰. Сразу столк-

¹⁰⁷ Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 291.

¹⁰⁸ Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине. С. 291.

¹⁰⁹ Теме «Вяземский и Польша» посвящена обширная литература. См., в частности: Спасович В. Вяземский и польские отношения и знакомства // Спасович В. Соч. Т. VIII. СПб., 1896, Великодная И.Л. 1) Вяземский и Польша (опыт исследования стихотворных переводов). Автореферат дисс. ... к.и.н. М., 1990; 2) Проблемы взаимного перевода в истории русско-польских литературных связей (на примере творчества П.Вяземского и Ф. Моравского // *Studia Rossica II. Związki interdyscyplinarne w badaniach gusycystycznych*. Warszawa, 1994. S. 261–267; 3) Петр Вяземский и Франтишек Моравский. Эпизод из истории русско-польских литературных отношений // *Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание*. М., 2000; Бэлза С.И. Польские связи П.А. Вяземского // *Польско-русские литературные связи*. М., 1970. Бэлза, в частности, утверждает (С. 219), что именно четвертая записная книжка П.А. Вяземского, относящаяся к 1823 г. (ЦГАЛИ. Ф. 195. Оп. 1. Ед. хр. 1108), содержит обширные материалы по истории Польши. С сожалением приходится констатировать, что в издании 2003 года, – заявленном как полное, специально отмечено, что «Тексты из “Книжки 4” не публикуются, т.к. она содержит лишь выписки из исторических и литературных документов» // Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 571.

¹¹⁰ Об этом подробнее см., напр.: Акульшин П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001; особенно – Глава 2. «Варшавский период» жизни П.А. Вяземского (1818–1821 гг.). С. 54–78.

нувшись с необходимостью перевода на польский язык важных государственных материалов, он вскоре овладел и польским языком¹¹¹.

Вяземский усматривал также и иные причины отсутствия во времена Александра I польского вопроса. Хорошо зная, что многие представители русского общества сетовали на то, что Царство Польское, созданием своим во многом обязанное Александру I, оказалось в привилегированном положении¹¹², он все-таки считал, что это было всего лишь подспудное недовольство создавшейся ситуацией, что оно не имело «племенной вражды»¹¹³.

Аналогичным образом, наверное, можно было бы трактовать и слова Пушкина, у которого на первом месте тоже, как будто, стояло (по выражению Вяземского) политическое соображение. Но можно ли с полной уверенностью сказать, подразумевал ли поэт наряду с политическим соображением национальную подоплеку или нет? Во всяком случае, сама постановка Пушкиным вопроса: «Славянские ль ручьи сольются в русском море? Оно ль иссякнет», вполне может говорить в пользу своего рода национальной составляющей понимания Пушкиным польского вопроса. Кроме того, отсутствие племенной вражды, и наличие – по мысли Вяземского – исключительно политических соображений, совсем не означало решительного, как он настаивал, отсутствия польского вопроса.

Когда уже в начале XX века по поводу тех давних лет, о которых в свое время вспоминал П.А. Вяземский, писал уже упоминавшийся А.Л. Погодин, он решительно оспаривал мнение, что русское общество 1820-х гг. было совершенно индифферентно настроено по отношению к полякам. Опираясь, по-видимому, на иные, нежели князь Петр Андреевич, источники информации, По-

¹¹¹ П.А. Вяземский «хорошо знал польскую литературу, переводил И. Красицкого, Ф. Моравского, при случае и сам мог написать стихи на польском языке». – Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., 2003. С. 57.

¹¹² Как известно, русское общество пребывало в ожидании преобразований и для всей империи, но «уже в 1820 г. была положена под сукно “Государственная уставная грамота Российской империи”, так называемая конституция Н.Н. Новосильцева, заказанная императором Александром». – Гросул В.Я. Истоки трех революций // Отечественная история. 1997. № 6. С. 36. В 1818 г. в своей варшавской речи Александр I обещал дать России конституцию (об этом широко писали западные газеты). А уже в 1820 г. была положена под сукно «Государственная уставная грамота Российской империи», так называемая конституция Н.Н. Новосильцева, заказанная императором Александром.

¹¹³ Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 291–292.

годин настаивал, что русско-польские отношения в Варшаве отличали взаимное недоверие и неприязнь.

Собственно, А.Л. Погодин всего лишь констатировал то, о чем не раз писали современники той эпохи, болезненно и раздраженно воспринимавшие все конституционные преобразования, какие, по воле Александра I, достались полякам. Все это расценивалось русским обществом не иначе, как унижение русского национального достоинства. А.А. Корнилов в этом смысле также оказывался на стороне своего младшего современника, будучи не склонен отрицать того, что антипольские настроения русского общества Александровской поры, если не сказать – враждебное отношение к полякам¹¹⁴, были отнюдь не редкостью (во всяком случае, свидетельств тому немало).

Когда А.Л. Погодин писал о польском вопросе, «которого тогда будто бы и не было»¹¹⁵, историк недвусмысленно давал понять, что сам он был уверен, что вопрос, разумеется, существовал, но, другое дело, что в русском обществе тогда преобладало желание «будто бы» отгораживаться от польского вопроса, тем самым невольно умаляя его значение. Сопоставление даже нескольких суждений – А.С. Пушкина, С.М. Соловьева, П.А. Вяземского, В.И. Герье, А.А. Корнилова, А.Л. Погодина (а таких суждений, размышлений, конечно, гораздо больше) – лишний раз убеждает в необходимости переосмысления (и пересмотра датировки) того явления, которое в историографии привычно именуется польским вопросом.

Соображения С.М. Соловьева, как и солидарного с ним Станислава Гарновского, уводящие в глубь веков генезис польского вопроса, понимаемого историком весьма расширительно – так, что он фактически оказывается неотделим от всего комплекса русско-польских взаимоотношений и связанных с этим процессов, включая сюда и развитие в России студий из области польской истории, – представляются достаточно резонными. Хотя, надо признать, такой подход принимают отнюдь не все. К примеру, на взгляд одного из польских иссле-

¹¹⁴ О том, как воспринимали Александра I – «воскресителя Польши», сами поляки, см., напр.: Филатова Н.М. Император Александр I в отражении польской литературы // Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты. М., 2011. С. 115–138.

¹¹⁵ Погодин А.Л. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. Т. 1–2. М., 1912. Т. 2. С. 2.

дователей – В. Бортновского, «до Ноябрьского восстания в России не существовало польского вопроса»¹¹⁶, а наша соотечественница Т.Н. Жуковская полагает, что впервые польский вопрос возник в эпоху разделов Речи Посполитой¹¹⁷, А.А. Тесля считает, что польский вопрос появляется после наполеоновских войн¹¹⁸. В определенной мере можно считать солидарным с Т.Н. Жуковской и Я. Орловского, который, в частности, пишет, что польская тематика начинает чаще встречаться в российской литературе лишь с конца XVIII в.¹¹⁹

Когда Н.Н. Страхов в свое время назвал польский вопрос «роковым», он тем самым предположил, что «в польском вопросе есть черта, которая дает ему страшную глубину и неразрешимую загадочность»¹²⁰. Размышляя над тем, что «порождает вражду поляков против русских», Страхов приходил к выводу, что, помимо прочего, существующую вражду определяет существенный, с его точки зрения, элемент: «Поляки возбуждены против нас /.../ как народ образованный против народа менее образованного или даже вовсе необразованного. /.../ Каковы бы ни были поводы к борьбе, но одушевление борьбы очевидно воспламеняется тем, что с одной стороны борется народ цивилизованный, а с другой – варвары»¹²¹. Пожалуй, Страхов был прав, когда не акцентировал разницы между народом (условно – простонародьем) и русским образованным обществом, хотя, как известно, нередко встречалось и иное представление о том, что есть народ и что есть варварство. Например, К.Н. Леонтьев, соглашаясь, что «в России еще много того, что зовут ”варварством”», тем не менее, утверждал, что «это наше счастье, а не горе». И пояснял при этом свою мысль писатель следующим образом: «...я хочу сказать только, что наш безграмотный народ более чем мы храни-

¹¹⁶ См: Bortnowski W. Powstanie listopadowe w oczach Rosjan. Warszawa, 1964. S. 23. С Бортновским солидарен и Л.Е. Горизонтов, воспринимающий, как и многие историки (по его словам), «1831 г. как основополагающий рубеж в польской политике самодержавия». – Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики... С. 7.

¹¹⁷ Жуковская Т.Н. Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. // Памяти Ю.Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. С. 612.

¹¹⁸ Тесля А.А. «Польский вопрос» в русской общественной мысли 1-й половины XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rummuseum.ru/portal/node/2223>

¹¹⁹ Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917. Warszawa, 1992. С. 5.

¹²⁰ Русский [Страхов Н.Н.]. Роковой вопрос (Заметка по поводу польского вопроса) // Время. 1863. № 4. С. 152.

¹²¹ Русский [Страхов Н.Н.]. Роковой вопрос. С. 152–153.

тель народной физиономии, без которой не может создаваться своеобразная цивилизация»¹²².

Можно, наверное, сказать, что Н.Н. Страхов, вольно или невольно перевел польский вопрос в область мировоззренческую, над-событийную, что дает основания рассматривать его, в том числе, в контексте развития российской исторической полонистики, включая сюда, помимо собственно исторических трудов, и сочинения публицистического характера. Это обстоятельство – в сочетании с недостаточной изученностью рассматриваемой в работе проблематики лишний раз определяет актуальность настоящего исследования. И недостаточная разработанность рассматриваемой в диссертации проблематики самым наглядным образом проявляет себя именно при попытках датировать появление польского вопроса в России, и это, заметим, – при всем обилии литературы, касающейся творчества Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, С.М. Соловьева, Н.И. Кареева и др.

Ведь показателен не только большой разброс мнений по данному поводу, но и заметные расхождения в тех мотивировках, какие при этом предлагаются. Все это вместе взятое, как покажет анализ исторической литературы, явственным образом сказывалось и на преломлении польского вопроса в отечественной исторической полонистике.

Человек, не менее сведущий в сфере общественного мнения, чем П.А. Вяземский, но принадлежавший к другому, поколению и другой социальной среде – филолог, историк, этнограф А.Н. Пыпин, придерживался схожего взгляда на время появления польского вопроса. Правда, мотивировка у него оказывалась несколько иной. «В литературе нашей, – писал Пыпин в 1880 году, – польский вопрос появляется очень недавно, то есть как предмет, о котором могут быть два разных мнения. Старая точка зрения была немногосложна. Она указывалась действиями правительства – оставалось восклицать, как в стихах Державина на взятие Варшавы: пошел – и где тристаты злобы! Этого было достаточно: исследование, откуда берутся тристаты, было излишне»¹²³.

¹²² Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. 2. М., 1886. С. 9.

¹²³ Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Февраль. С. 706, ср. С.

Иначе воспринимал проблему М.П. Погодин, также оставивший, как известно, заметный след в истории русской общественной мысли XIX века. В начале 1860-х годов решив собрать воедино то, что, начиная еще с 1830-х годов, было написано им на польскую тему, он без колебания дал книге, которая «по цензурным недоразумениям» (как выражался сам автор) увидит свет только в 1868 г., название – «Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний». Встречались и другие суждения. К примеру, журналист (редактор «Виленского вестника»¹²⁴) и историк М.Ф. де-Пуле датировал появление польского вопроса в России временами Петра Первого¹²⁵.

Такие терминологические и хронологические расхождения между авторами, безусловно, компетентными, равно как и сопутствовавшая этому различная расстановка акцентов при обозначении сути польского вопроса, лишней раз напоминают о сложности, многогранности изучаемого объекта, где злободневно-политические реминисценции тесно переплетались как с традиционно стереотипной трактовкой близкого и далекого польского прошлого, так и с научным осмыслением польского исторического процесса. Одновременно такой разнобой во взглядах явственно свидетельствует и о недостаточной изученности проблемы.

Что касается данной работы, то мы, подобно М.П. Погодину и ряду других авторов, не видим оснований относить возникновение польского вопроса лишь к пореформенной эпохе. Не кажется логичным и привязка этого, зачастую столь болезненного, вопроса лишь к временам существования Царства (Королевства) Польского, разделов Речи Посполитой или к Петровской эпохе (хотя все названные рубежи, бесспорно, составили заметные вехи на пути его утверждения).

Собственно говоря, отмеченные выше расхождения в датировке польского вопроса отражают не только различные подходы к предмету, но и тот достаточно общеизвестный факт, что на протяжении столетий происходили резкие пово-

718. Тристаты – военачальники.

¹²⁴ Редактору «Виленского вестника» М.Ф. Де Пуле, отмечавшему, «что в экс-униатском духовенстве из-под навязанной польскости проступает наконец-то исконная русскость», немало места отводится на страницах монографии М.Д. Долбилова. – См.: Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера... С. 378, 492, и др.

¹²⁵ Де-Пуле М. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг. СПб., 1871. С. 214.

роты в русско-польских взаимоотношениях, и, соответственно, менялось их восприятие. Так, одним из рубежей на этом пути станет Смутное время, когда поляки достигли Москвы, а столетие спустя роли поменяются и в итоге Речь Посполитая исчезнет с карты Европы (что многими русскими историками будет восприниматься как естественный и закономерный итог в контексте русско-польских отношений)...

В связи с этим еще одна оговорка. Королевство Польское, волей или неволей оказалось слишком тесно связано с Российской империей, чтобы была возможность строго отделить собственно польскую публицистику и историографию от российской. Если судить по анкетным данным, то среди отечественных полонистов в XIX веке (впрочем, как и в другие времена) нередко встречались этнические поляки, – равно как чехи, немцы, не говоря уж об украинцах или белорусах. Кого из них числить за русской, а кого за иноземной (если правомерно употребление этого термина в данном контексте) наукой – вопрос непростой. Когда дело доходит до практики, то исследователю, очевидно, прежде всего, приходится считаться с самоидентификацией рассматриваемых им авторов, с тем, на каком языке они по преимуществу писали, в какой этнокультурной среде чувствовали себя своими. Не менее, наверное, показательны и то, под каким углом зрения ими рассматривались события прошлого и настоящего.

Нет нужды долго пояснять, что в рассматриваемый период общественно-политическая актуальность сюжетов, касающихся Польши и ее прошлого, была весьма ощутима, и наша историческая полонистика развивалась под знаком так называемого польского вопроса. Другими словами, политические и прочие реалии воспринимались сквозь призму прочно утвердившихся в общественном сознании стереотипов, чаще всего отчетливо негативных по отношению к Польше и полякам. Обостренная реакция российского социума на сложные, зачастую – крайне болезненные – моменты в польско-русских взаимоотношениях влекла за собой усиленный и далеко не всегда беспристрастный интерес к истории этого славянского, братского народа, который, вместе с тем по своим политическим ориентирам, по религии и некоторым иным характеристикам был достаточно далек от российских традиций.

Несмотря на то, что на протяжении веков менялись восприятие польского вопроса и его острота, не будет большим преувеличением сказать, что обращение наших публицистов и ученых к прошлому беспокойного западного соседа России или прямо диктовалось политическими мотивами, или на освещение предмета накладывало свой зримый отпечаток состояние российско-польских взаимоотношений. Общественно-политические реалии во многом определяли не только направленность и интенсивность занятий в России польской историей, но и тот угол зрения, под каким эта история рассматривалась. Вообще, эти два понятия – польский вопрос (воспринимаемый, подчеркнем особо, сквозь призму прочно устоявшихся в общественном сознании стереотипов) и изучение истории Польши – нередко попросту сливались воедино.

Изучение прошлого и настоящего Польши издавна составляет один из активно разрабатываемых в России разделов всеобщей истории. Вместе с тем, польский материал органично и прочно вошел в студии по отечественной истории. Он присутствует, – порой даже выходит на первый план, – в самых разнообразных сферах знания, начиная с исследований внешнеполитических акций и заканчивая изысканиями, посвященными взаимопроникновению элементов русской и польской культуры. Наряду с этим польская тематика занимала, и занимает, значительное место в отечественной публицистике, равно как и в художественной литературе. Едва ли требует доказательств тот факт, что столь настойчивый интерес к польским делам обусловлен, прежде всего, историческими реалиями – теснейшим, во многом внутренне противоречивым, а то и глубоко драматичным переплетением судеб русского и польского народов, а зачастую – прямым или подспудным интересом ко всему тому, что происходило, и происходит, в соседней Польше.

Со временем – иногда весьма динамично, иногда исподволь – расширялся фронт российских полонистических студий. Постепенно статьи и книги, – специально посвященные польским историческим сюжетам, либо хоть в какой-то мере их затрагивающие, – сами становились объектом научных наблюдений. О том, как развивалась, эволюционировала эта отрасль отечественных исторических знаний, как уже было отмечено, писали, и пишут немало.

Вместе с тем, опыт как российских, так и зарубежных ученых убеждает в том, что многие моменты остаются все еще недостаточно изученными, а трактовка ряда проблем представляется спорной. Более того, из поля зрения исследователей попросту выпали некоторые труды и имена. Так, напрочь забытым оказался Николай Иванович Павлищев. О нем если и вспоминают, то разве что пушкинисты (поскольку он был женат на сестре поэта). В упомянутый выше биобиблиографический словарь и иные славяноведческие издания он не попал, хотя Н.И. Павлищев – автор первого российского учебника по истории Польши, предназначенного для польских гимназий¹²⁶, и таких солидных монографий, как «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину» или «Седмицы польского мятежа 1861–1864 гг.»¹²⁷...

Что касается периодизации рассматриваемых исторических процессов, то в этом отношении значительные сложности возникают, как уже было сказано, при определении времени появления польского вопроса в России. Что же касается дальнейших периодизационных рубежей, то здесь особых трудности не наблюдается. Как уже говорилось, такие эпохальные события в польской истории, как разделы Речи Посполитой, передел польских земель, увенчанный созданием Королевства Польского, Ноябрьское и Январское национально-освободительные восстания, достаточно четко обозначают периодизационные рубежи бытования польского вопроса в России.

В то же время, с периодизацией процесса становления и развития полонистических студий дело обстоит, пожалуй, сложнее. Тот вариант периодизации историографического процесса, какой положен в основу построения данной работы, очевидно, требует соотнесения с тем, как в нашей литературе трактуется восхождение дореволюционного российского славяноведения – и в его рамках исследований, посвященных истории Польши – по ступеням стадияльно-типологической лестницы.

Известно, что когда какая-либо отрасль исторических знаний сама становится объектом пристального изучения, уже на первых его шагах естественно

¹²⁶ Павлищев Н.И. Польская история. В виде учебника. Варшава, 1843.

¹²⁷ Павлищев Н.И. 1) Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. СПб., 1878; 2) Седмицы польского мятежа. 1861–1864. СПб., 1887.

возникает вопрос о периодизации исследуемого процесса. Наше славяноведение – и полонистика в том числе – не составили исключения. Должно быть, не требует долгих пояснений то, что проведение четких периодизационных рубежей по знаменательным событиям (которые чаще всего принадлежат к политической истории) либо по десятилетиям – во многом условность.

Отечественными историками не одного поколения было приложено немало стараний к тому, чтобы разработать периодизацию истории российского славяноведения и его составных элементов. Задача эта, конечно, не сводилась лишь к чисто утилитарному, ради удобства работы с материалом, подразделению всего накопившегося за десятилетия и столетия множества исторических трудов на более компактные части. «Периодизация истории славистики выступает в качестве способа познания внутренних закономерностей эволюции этой дисциплины», – с полным основанием было в свое время сказано А.С. Мыльниковым¹²⁸.

Но и гораздо раньше об этапах развития российской славистики писали А.Н. Пыпин, И.В. Ягич, другие ученые. Из работ не столь давних значительный интерес представляет выпущенный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР сборник «Методологические проблемы истории славистики» (М., 1978), – составивший первый из пяти томов, выходявших под эгидой Комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов «Исследований по истории мировой славистики». На первом месте в этом томе стояли именно вопросы периодизации истории славяноведения. Для нашей темы особую важность имеет уже цитировавшаяся статья А.С. Мыльникова «Проблемы периодизации истории мировой славистики: цели и принципы», где автор развивал мысль о том, что в истории славяноведения как науки действуют два ряда закономерностей. Один из них олицетворял собственно развитие славистики, ее имманентную эволюцию. Другой ряд закономерностей – отражал воздействие на нее общественных условий¹²⁹, что имеет прямое отношение к избранному в данной работе ракурсу исследования: преломление польского вопроса в российской полонистике, взаимовлияние двух этих компонентов друг на друга.

¹²⁸ Мыльников А.С. Проблемы периодизации истории мировой славистики: цели и принципы // Методологические проблемы истории славистики. М., 1978. С. 41–42.

¹²⁹ Мыльников А.С. Проблемы периодизации... С. 43.

Заметными вехами на пути дальнейшей разработки периодизационной схемы явились ранее упоминавшиеся статьи В.А. Дьякова и А.С. Мыльникова, открывающая библиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979), и подготовленный (спустя примерно десятилетие) Институтом славяноведения и балканистики АН СССР коллективный труд «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян» (М., 1988) («Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России»).

В основу последнего была положена периодизация, при которой история дореволюционной славистики подразделялась на четыре периода. Первый из них охватывал время с конца XVIII века до середины 1830-х годов, будучи аттестован как время становления нашего славяноведения. Событием, открывающим второй период, предлагалось считать «создание славянских кафедр в университетах в 1835 г.». Завершение периода было отнесено к началу 1860-х годов, «когда сложились основные идейно-научные направления дворянско-буржуазной науки о славянах». Третий по счету период был доведен до конца XIX в., тогда как четвертый включал в себя «предоктябрьское двадцатилетие»¹³⁰.

Такое подразделение прочно вошло в научный обиход в отечественном славяноведении, хотя при его использовании порой вводятся более или менее значительные коррективы. Не перечисляя всех вариантов схемы, отметим лишь тот, которого придерживается Л.П. Лаптева в своей фундаментальной «Истории славяноведения в России в XIX веке»¹³¹.

Всю историю отечественной славистики XIX столетия исследовательница подразделила «на два периода: с начала столетия до реформ 60-х гг. и после этих реформ – до 90-х гг.». В рамках первого периода ею был предусмотрен внутренний рубеж, который отнесен к началу 1840-х гг. и связан с развитием университетского славяноведения. Выбор же конечной даты второго периода – «до 90-х гг.» – был обусловлен, как пояснено в авторском предисловии, «про-

¹³⁰ Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 414–415

¹³¹ Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

цессом смены научных направлений, когда, например, в области изучения истории славян наступает заметный отход от романтических теорий и переход к позитивизму и иным методологическим течениям»¹³². При всей обоснованности данного варианта периодизации нельзя не подчеркнуть, что был и остается актуальным вопрос о разработке отраслевых версий периодизации истории отечественной славистики и, в том числе, – истории полонистики.

Динамику историко-полонистических студий в нашей историографической литературе принято рассматривать как неотъемлемую составную часть истории российского славяноведения, и такой подход, бесспорно, оправдан. Нельзя не согласиться с тем, что стадияльное развитие рассматриваемой в данной работе отрасли исторических знаний – то есть полонистики – в целом соответствовало ходу эволюции всего нашего славяноведения, и потому принятая в литературе периодизация истории нашего славяноведения могла быть положена в основу этой книги. Однако при переносе общей периодизации истории нашего славяноведения на динамику польских студий, разумеется, нельзя не учитывать и своеобразие той ниши, какую отечественная историческая полонистика занимала (и занимает) в комплексе славяноведческих дисциплин.

С точки зрения и общей, и отраслевой периодизации, обоснованные, думается, сомнения вызывает ведущее свое начало от А.Н. Пыпина признание выхода университетского устава 1835 г., которым предусматривалось открытие славянских кафедр в четырех университетах, эпохальным событием в прошлом отечественной славистики¹³³. Ориентация на принятие университетского устава прочно вошла в историографическую практику, хотя давно известно, что на деле новые кафедры создавались с большим трудом, а порой и с явным (относительно провозглашенного в 1835 г. устава) запозданием. Недаром Л.П. Лаптева, чья капитальная монография, как уже говорилось, посвящена преимущественно развитию именно университетской науки, по-своему вполне логично скорректировала датировку, сдвинув периодизационную грань с 1835 г. на начало 1840-х годов.

¹³² Лаптева Л.П. История славяноведения. С. 10.

¹³³ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 1. С. 110–112; Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. Кн. 8. С. 710.

Но, возникает вопрос, насколько и после такой поправки учреждение «кафедра истории и литературы славянских наречий» способно претендовать на роль знакового момента в жизни нашего дореформенного славяноведения? По-видимому, для славянской филологии данное событие – пусть запоздавшее и не в полной мере оправдавшее возлагаемые на него надежды – еще может считаться заметной вехой. Но едва ли оно являлось таковым на пути становления отечественной исторической славистики. Во всяком случае, на состоянии полонистических студий реализация положений университетского устава 1835 г. сказалась в самой малой степени.

Потому, если уж искать место для промежуточного, добавочного рубежа в пределах обширного периода, продолжавшегося до начала 1860-х годов, то здесь для полонистики, с нашей точки зрения, скорее уместна подвижка от 1835 г. не вверх, к началу 1840-х годов (как у Л.П. Лаптевой), а вниз. Иначе говоря, есть, как представляется, достаточно веские основания считать таким рубежом начало 1830-х годов, когда Ноябрьское восстание, резко обострив русско-польские взаимоотношения, придало особую, острую злободневность польскому вопросу и как следствие – экскурсам в область польской истории. Хотя нельзя при этом не подчеркнуть, что темпераментные публицистические и историографические отзвуки варшавских событий осени 1830 г. и последовавшей затем военной кампании не содержали в себе, как уже было сказано, сколько-нибудь заметных содержательных, тем более – концептуальных – новаций по сравнению с предшествующими десятилетиями.

Различия между первым и вторым периодами, если точнее, – между состоянием дел в публицистике и науке до и после Ноябрьского восстания, – носили преимущественно количественный характер. Не напрасно в периодизационном варианте 1979 года В.А. Дьяков и А.С. Мыльников, подразделив всю историю дореволюционного отечественного славяноведения на два «этапа», – до 1860–1870-х годов и после, сочли издание университетского устава 1835 г. событием второстепенным и присвоили ему ранг всего лишь рубежа между «периодами», на которые был подразделен «этап»¹³⁴.

¹³⁴ Дьяков В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной

Заканчивая ранний период развития нашей полонистических студий началом 1830-х годов, т.е. беря, так сказать, в общие скобки многовековое движение общественной мысли, начиная с летописных времен, не приходится также упускать из виду необходимость выделения дополнительных, внутренних рубежей. Так, нельзя не отметить, что в начале XIX столетия, когда память о разделах Речи Посполитой была еще совсем свежа, сильный импульс не только публицистической, но и научной разработке полонистических сюжетов был дан – в сочетании с иными существенными переменами, отразившимися на ментальном климате России, – серией политических акций, увенчанных появлением на карте Королевства (Царства) Польского в составе Российской империи. Как раз тогда, в первой четверти XIX века, Н.М. Карамзиным была создана – весьма долговечная, как покажет будущее – концепция, осмысляющая польское прошлое с позиций русской государственной школы.

В истории полонистики (как и в любой другой отрасли исторической науки) теснейшим образом переплетаются показатели, тесно связанные с теми сдвигами, что происходили как в общественно-политической сфере, так и в недрах самой науки. Соотнесение, сбалансирование этих двух показателей – общественно-политических и собственно научных начал – в литературе вопроса реализуется по-разному. Скажем, в изданном в 1987 г. университетском учебном пособии «Историография истории южных и западных славян» (пособии, понятно, по ряду формулировок и определений заметно устаревшем, но по-прежнему остающемся – за неимением иного – в учебном обиходе) социально-политические и методологические характеристики котируются, можно сказать, на равных правах и выстраиваются в один общий ряд. Применительно к пореформенной России в указанном пособии продемонстрирована следующая очередность: до конца 70-х годов XIX в. господствовало «славянофильское направление», к 1870-м – 1890-м годам отнесено «народническое направление», и отмечено, что в эти же десятилетия постепенно набирало силу «позитивистское

направление»¹³⁵. То есть, если в первых двух случаях избраны идейно-политические ориентиры, то в третьем – ориентир методологический.

Особо обращает на себя внимание, что чаще всего в имеющихся разновидностях периодизации соотношение между общественно-политическими и методологическими факторами складывается не в пользу последних. Моделирование историографического процесса с уклоном в сторону общественно-политических явлений само по себе, по-видимому, не должно вызывать особых возражений. К традиционному выдвигению на первый план политики толкает хотя бы уже то обстоятельство, что – повторим это еще раз – так называемый польский вопрос оставался в России постоянно действующим раздражителем, порой приобретая крайнюю остроту.

Указанные соображения определили структуру данной диссертационной работы. Здесь выделены два внутренних периодизационных рубежа: это, как уже было сказано, – 1830 г. (Ноябрьское восстание), а также начало 1860-х гг., связанное с крестьянской реформой, событием эпохальным для общественной жизни России, но, что наиболее существенно для нашей темы, вместе с тем это событие почти совпадает по времени с польским восстанием 1863–1864 гг.

Соответствующим образом произведена разбивка текста на главы. И если в пореформенные десятилетия – точнее, после Январского восстания – польский вопрос приобрел чрезвычайную остроту и полонистика (в самом широком смысле слова), к этому времени накопившая значительный опыт, развивалась особенно интенсивно, материал был разнесен по двум главам. Внимание в одной из них преимущественно сосредоточено на периоде 1860–1870 гг., а в другой – в основном на печатной продукции, появившейся в 1880–1890 гг. (с минимальным выходом в XX столетие).

Приходится согласиться с тем, что при построении периодизации историк вплотную сталкивается с той трудностью, о которой самокритично писали в свое время В.А. Дьяков и А.С. Мыльников: «Взаимосвязи между научным прогрессом и общественным развитием, наличие которых мы охотно признали тео-

¹³⁵ Историография истории южных и западных славян. М., 1987. С. 179–180.

ретически, на практике не так легко обнаруживаются»¹³⁶. Написано это было четверть века тому назад, однако наблюдение и поныне не утратило своей силы. Действительно, механизм такого взаимодействия в славяноведении далеко не всегда поддается раскрытию.

Как показывает знакомство с отечественной научной продукцией последних десятилетий, политизированный подход к истории российского славяноведения в целом или его отдельных отраслей (что в большей мере относится как раз к исторической полонистике) конкурирует, а иногда кооперируется с подходом концептуальным, методологическим. Возможность при разработке периодизации опереться на методологический показатель, используя при этом общую стадиально-типологическую схему движения общественной мысли в XIX веке, выглядит очень привлекательно.

Но на практике историк сразу же сталкивается с разного рода сложностями. Однако к этому предмету логичнее будет обратиться в конце работы – после того, как будет рассмотрен сам процесс движения польского вопроса и соответственно развития отечественных полонистических студий на протяжении XIX – начала XX веков.

¹³⁶ Дьяков В.А., Мыльников А.С. Заключение // Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 380.

Глава 1.

Польша и поляки в русской исторической традиции до первой четверти XIX в.

Когда на исходе первого тысячелетия нашей эры русские и польские земли приняли христианство, Русь, как известно, избрала ориентацию на православную Византию, а Польша – на католический Рим, что, по выражению А.В. Липатова, обозначило «разнополюсное тяготение к центрам внутренне дифференцированной европейской цивилизации»¹³⁷. Такой выбор со временем разведет по разным цивилизационным зонам эти два славянских этноса¹³⁸, осложнив и без того непростые взаимоотношения между двумя славянскими народами, но не помешает активному обмену историографической информацией и вообще поддержанию теснейшей связи между историописанием двух стран.

В свое время М.А. Алпатов в монографии «Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв.», отметив, что «в истории исторической мысли Польша служила теми воротами, через которые чаще всего западное влияние достигало России», решил все же не касаться польского историописания. «Это, – по его словам, – увело бы нас слишком далеко в сторону от основной те-

¹³⁷ Липатов А.В. Пушкин и Мицкевич: Два типа национальной проекции европеизма // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. М., 2007. С. 118.

¹³⁸ Б.Н. Флоря, размышляя об истоках и последствиях религиозного раскола в славянском мире (ссылаясь, в том числе, на исследования А.И. Рогова), отмечает, что «в польских хрониках Галла Анонима (начало XII в.) и краковского епископа Винцентия Кадлубка (начало XIII в.) русские не называются “схизматиками”, и в этих хрониках не содержится каких-либо выпадов против их веры». Б.Н. Флорей отмечено также характерное для того времени чувство общехристианской солидарности, проявлявшееся при столкновении мира христианского как с миром мусульманским, так и с язычниками. Со временем, однако, ситуация претерпела изменение, что выразилось не только в разрыве «существовавших связей между западнорусскими землями и латинским миром, но и формированию в польском обществе представления о Руси как части внешнего враждебного, не христианского мира». – Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира (XIII век). СПб., 2004. С. 22, 219. В связи с христианской солидарностью попутно заметим, что тяготение Польского государства к государству Русскому наблюдалось и в более поздние времена, уже тогда, когда польская литература, главным образом, публицистика (вт. пол. XVI – п.п. XVII вв.), именвала москвитов не иначе как схизматиками. Однако все претензии к соседям («схизматики», «тиранию терпят») уходили на второй план, когда вставал вопрос о необходимости организации совместной обороны, в частности, создания антитурецкой лиги – во имя общеевропейской христианской солидарности. И все-таки тяготение, и примирение, как правило, были продиктованы внешними обстоятельствами.

мы»¹³⁹. Но, во-первых, нет оснований считать польскую историческую литературу только транслятором, безучастным передатчиком идей, идущих с Запада. Во-вторых, историческая мысль Руси и Польши развивалась в таком тесном взаимодействии, что абстрагироваться от польского материала, исследуя эволюцию отечественной науки, практически невозможно. Больше того, не будем сбрасывать со счетов прямо сформулированное П.Н. Милюковым утверждение, что «наша средневековая философия истории есть, несомненно, заимствованная – польская. Образование последней начинается еще с XIII в., с Кадлубека, а с XVI в. ее результаты употребляются уже для создания русской национальной исторической теории»¹⁴⁰ ...

В том, что оказался недостаточно точен (что касается польского историописания), М.А. Алпатов убедился и сам, и потому поспешил оговорить отступление от провозглашенного им же правила в двух случаях: «в разделе о Киевской Руси, где речь идет о Мартине Галле и его последователях, и в сюжетах XVII в., когда влияние польских хроник заметно сказывалось на русской исторической литературе»¹⁴¹. Нельзя не признать, что такая оговорка по существу сводила на нет все введенное автором ограничение, тем более что по ходу изложения у него будут фигурировать и Длугош, и Мартин Бельский, и другие польские историки, формально не попадающие в оговоренные два случая.

Если «истоки» понимать в широком смысле слова, то, как кажется, не будет большим преувеличением сказать, что истоки отечественной исторической полонистики – пусть с известной долей условности – восходят, по меньшей мере, к «Повести временных лет». Как известно, прежде чем поведать читателю об отвоевании князем Владимиром червенских городов у ляхов, о походе польского князя Болеслава Храброго на Киев и прочих событиях подобного рода, летописец счел нужным дать – давно уже ставший хрестоматийным – краткий историко-географический обзор, касающийся всех славян и, в том числе, поляков. **«По мнозѣхъ же временѣхъ, - повествует он, - сѣли сѣть словѣни по Дѹнаевѣ, гдѣ**

¹³⁹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII–XVII вв. М., 1973. С. 24.

¹⁴⁰ Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. – Ср. также с монументальным исследованием В.С. Иконникова «Опыт русской историографии» (Киев, 1891–1892. Т. 1. Кн. 1–2; Т. 2. Кн. 1–2).

¹⁴¹ Алпатов М.А. Русская историческая мысль. С. 24.

есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. И от тѣхъ словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени свои, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ. Яко пришедше, сѣдоша на рѣкѣ имянемъ Морава, и прозвашася моравя, а друзии чеси нарекошася. А се ти же словѣни: хрватѣ бѣли и серебъ и хорутанѣ. Волухомъ бо нашѣдим на славѣни на дѣнайския, и сѣдшемъ в нихъ, и насилящемъ имъ, славѣне же ови придоша и сѣдоша на Вислѣ, и прозвашася ляхове, а отъ тѣхъ ляховъ прорзвашася поляне, ляхове друзии лѣтчи, ини мазовшанѣ, инѣ поморянѣ»¹⁴².

На протяжении веков летописные традиции Руси и Польши тесно соприкасались, переплетались – а иногда и резко расходились – друг с другом. В литературе не раз производилось сопоставление русских и польских летописных реляций о походе Болеслава Храброго на Киев и других событиях¹⁴³. Хорошо известно, что на исходе Средневековья знаменитый польский историк Ян Длугош (1415–1480) при создании своих «Анналов, или Хроник славного королевства Польского» многократно обращался к русским летописям¹⁴⁴. Учитывая непосредственное соседство и тесное переплетение судеб русских и польских земель, вполне понятен интерес крупнейшего польского историка эпохи позднего Средневековья к источникам сведений о землях украинских и белорусских – они воспринимались им как часть Польско-Литовского государства. В то же самое время Длугош, по наблюдениям Ю.А. Лимонова, выступал в своем фунда-

¹⁴² Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. С. 5–6.

¹⁴³ Об этом: Алпатов М.А. Русская историческая мысль... С.80–97. В той или иной степени сопоставления такого рода неизбежно встречаются у всех исследователей, кто имеет дело с русскими летописями. См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. – См. современное издание избранных (важнейших) историко-филологических трудов А.А. Шахматова, в частности, об «Анналах Польши» Яна Длугоша и его русских источниках («Мистиша Свенельдич и сказочные предки Владимира Святославича»). – Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 245–270; Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. IV; Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947; Творогов О. В. «Повесть временных лет» и «Начальный свод» (Текстологический комментарий) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. XXX. С. 3–26; и др. См. также: Наливайко Р. А. О русско-литовских источниках XV в «Annales Poloniae» Яна Длугоша // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2007. Сер. 2. История. Вып. 3. С. 55–62.

¹⁴⁴ [Клосс Б.М.] Русские источники I–VI книг Анналов Длугоша // Щавелева Н.И. Древняя Русь в Польской истории» Яна Длугоша (книги I – VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004. С. 34–52; Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 67–68; Карнаухов Д.В. Русские известия Хроники Яна Длугоша в отечественной и польской историографии // Российско-польский исторический альманах. Выпуск VI. Ставрополь–Волгоград, 2012. С. 3–19; Карнаухов Д.В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII вв. Новосибирск, 2009.

ментальном труде не только как поляк-политик, но и как идеолог славянской взаимности, напоминая об общих предках западных и восточных славян, и потому писал о Московии и Северо-Восточной Руси¹⁴⁵.

Об использовании польским историком русских летописей, как и вообще о взаимодействии историографических традиций двух стран, многократно писалось как в отечественной, так и в польской историографии. Особенно интенсивное изучение труда Длугоша под этим углом зрения развернется после первого полного издания его «Истории Польши», осуществленного в Кракове в 1867–1870-х гг. Дань изучению «Анналов...» Яна Длугоша в свое время отдали такие польские историки, как А. Белёвский, М. Бобжиньский, С. Смолька, А. Семкович, Е. Перфецкий... Значительный вклад был внесен и российскими исследователями – от К.Н. Бестужева-Рюмина, А.А. Шахматова на рубеже XIX–XX вв. до В.Т. Пашуто, М.Н. Тихомирова, Я.С. Лурье, А.Н. Насонова и др. в XX столетии¹⁴⁶.

А.А. Шахматов в своих знаменитых «Разысканиях о древнейших русских летописных сводах» не один параграф посвятил как самим «Анналам...» польского историка, так и их русским источникам¹⁴⁷. Отметим, между прочим, что сведения о самом Яне Длугоше, обстоятельствах его жизни и его трудах, А.А. Шахматов почерпнул из классической монографии виднейших представителей Краковской исторической школы – Михала Бобжиньского и Станислава Смольки¹⁴⁸. Использовал Шахматов и «Критический разбор Истории Польши Яна Длугоша (до 1384 года)» (1887) Александра Семковича¹⁴⁹. Позднее, уже подробный сравнительный анализ Длугошева труда и его русских летописных источников – Лаврентьевской, Ипатьевской, Ермолинской и др. летописей – предпринял Ю.А. Лимонов, реализуя на практике то, что когда-то А.А. Шахматов

¹⁴⁵ Лимонов Ю.А. Русские летописи и русская историография XV–XVI вв. // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 158–160.

¹⁴⁶ Подробнее об этом: Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках. Л., 1978. С. 10–11.

¹⁴⁷ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших летописных сводах. СПб., 1908. С. 340–378.

¹⁴⁸ Bobrzyński M., Smolka S. Jan Długosz: Jego życie i stanowisko w piśmiennictwie. Kraków, 1893.

¹⁴⁹ Semkowicz A. Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza (do roku 1384). Kraków, 1887, – но при этом А.А. Шахматов оставил в стороне другой опыт А. Семковича в области критического разбора труда Длугоша. – См.: Semkowicz A. Krytyczny rozbiór dziewiętej księgi Jana Długosza „Historii Polskiej” // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-philosophicznego Akademii umiejętności. Kraków, 1874. Т. II. S. 289–395.

рассматривал как перспективу, признав «исследование Длугоша со стороны русских источников делом будущего»¹⁵⁰. Выявлению, так сказать, следов русских источников в монументальном труде Яна Длугоша Ю.А. Лимонов посвятил специальный раздел в своей монографии «Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII веках» (Л., 1978). Кроме того, Ю.А. Лимонову удалось выявить сведения из русских источников, присутствующие в сочинениях других польских – а также не только польских – авторов, таких как «Трактат о двух Сарматиях» Матвея Меховского, «Записки о Московской войне» Рейнгольда Гейденштейна, «Записки о московитских делах» Сигизмунда Герберштейна¹⁵¹.

Существенную роль в изучении характера использования русских источников в «Анналах Польши» Яна Длугоша сыграло исследование Н.И. Щавелевой «Древняя Русь в "Польской истории" Яна Длугоша» (завершенное и подготовленное к изданию стараниями А.Н. Назаренко)¹⁵². Важно и то, что Н.И. Щавелевой было проанализировано отношение Яна Длугоша к ближайшим соседям поляков – к русским, и тем самым наша исследовательница отреагировала на упрек одного из польских коллег, отметивших отсутствие в российской историографии подобных наблюдений¹⁵³. Так, Щавелевой был выявлен образ русских, увиденный глазами польского историка. Исследовательница отметила, что Длугош указывал не только на недостатки русских – лень, хитрость, легкомыслие, жестокость по отношению к пленным, несоблюдение присяги¹⁵⁴ (вообще Длугош, по словам современного автора, был уверен в превосходстве поляков над русскими и в старшинстве Польши над Русью¹⁵⁵), но видел и их достоинства¹⁵⁶. Среди новейших исследований, в которых выявлено и проанализировано использование русских источников в польском историописании позднего сред-

¹⁵⁰ Шахматов А.А. Разыскания о древнейших летописных сводах... С. 342.

¹⁵¹ Лимонов Ю.А. Ян Длугош и русские летописи // Культурные связи России... С. 6–96.

¹⁵² Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (книги I – VI): Текст, перевод, комментарий. М., 2004.

¹⁵³ Щавелева Н.И. Древняя Русь... С. 56.

¹⁵⁴ Щавелева Н.И. Древняя Русь... С. 57–59.

¹⁵⁵ Щавелева Н.И. Древняя Русь... С. 55.

¹⁵⁶ Щавелева Н.И. Древняя Русь... С. 61–62.

невековья и раннего нового времени (Длугош, Стрыйковский и др.), обращают на себя внимание статьи и монографии Д.В. Карнаухова¹⁵⁷.

Как поляки прибегали к русским источникам при написании истории Польши, так и на Руси, в свою очередь, читали, переводили, использовали в собственных сочинениях писания Яна Длугоша, Матвея Меховского и других польских историков. По подсчетам М.А. Алпатова, половину переводной литературы в России XVII в. составляла именно литература польская¹⁵⁸.

Особую популярность в русских землях приобрела «Хроника польская, литовская, жмудская и всяя Руси» Матвея Стрыйковского (1547 – после 1582), которую до наших дней включительно нередко рассматривают, в том числе, и в контексте действовавших в Восточной Европе Раннего нового времени этногенетических мифов и легенд¹⁵⁹. История бытования этого польского текста на Руси, степень и характер заимствований из Стрыйковского в сочинениях русских авторов, были детально рассмотрены А.И. Роговым в монографии «Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения»¹⁶⁰. Четверть века спустя его наблюдения дополнит исследование Збыслава Войтковяка¹⁶¹.

Даже в рамках беглого обзора работ, имевших отношение к закладке основ отечественной полонистики, вряд ли можно обойтись хотя бы без упоминания о таком видном памятнике исторической мысли эпохи украинского барокко, как «Синопис, или Краткое описание от различных летописцев о начале славяно-русского народа о первоначальных князьях богоспасаемого града Киева, о житии святого благоверного великого князя Киевского и всяя Руси первейшего

¹⁵⁷ Карнаухов Д.В. 1) История русских земель в польской хронографии конца XV начала XVII в. Новосибирск, 2009; 2) Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения. Новосибирск, 2010; 3) Проблема русских летописных источников Яна Длугоша и Матвея Стрыйковского в отечественной и зарубежной историографии // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 69–73.

¹⁵⁸ Алпатов М.А. Русская историческая мысль. С. 417.

¹⁵⁹ Мыльников А.С. 1) Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века. СПб., 1996; 2) Картины славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999; Михайлов Н. А. Славяне в рамках славянской и западноевропейской (итальянской) «Модели мира»: «Этномифология» и реальная ситуация // Славяноведение. 1997. № 2; и др.

⁸ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966; Watkowiak Z. Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: Kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990; Ср.: Хроника Матвея Стрыйковского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 4. Т – Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 215–218.

¹⁶¹ Wojtkowiak Z. Maciej Strykowski, dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990.

самодержца Владимира и о наследниках Благочестивые державы его Российские». Как справедливо заметил в свое время П.Н. Милюков, «характеристика “Киевского синопсиса” должна лежать в основе изложения русской историографии прошлого столетия»¹⁶². Рассматривая в данном случае только подступы к российской исторической полонистике XIX века, вряд ли допустимо проигнорировать этот любопытнейший памятник исторической мысли, по сей день привлекающий внимание исследователей¹⁶³.

Так или иначе, вышедшую в 1674 г. из стен Киево-Могилянской академии, первую, напечатанную кириллицей книгу по русской истории¹⁶⁴, которая обнаруживает сильное влияние сочинений Мартина Бельского и Матвея Стрыйковского, кто-то из нынешних историков назвал первым бестселлером среди русских исторических сочинений. Действительно, «Синопсис», который, по словам С.Л. Пештича, сыграл «видную роль в распространении исторических знаний в России»¹⁶⁵ (потребность в которых ощущалась и в XIX столетии), получит необычайно широкое по тем временам хождение. За полторы сотни лет (после 1674 г.) его раз тридцать переиздавали в Киеве, Петербурге, Москве, порой внося в текст значительные дополнения и смысловые коррективы¹⁶⁶. После долгих лет наступившего затем полузабвения, уже в наше время появляются очередные пе-

¹⁶² Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. Изд. 3-е. СПб., 1913. С. 7. – Ср. современное издание: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. С. 13. В данной работе используется издание: М., 2006.

¹⁶³ Впрочем, нельзя забывать и о том, что «центральный (и при этом наиболее ранним) памятником восточнославянской легендарной историографии XVII в., – как напоминает А.А. Турилов, – является /.../ не “Синопсис”, а написанная не позднее 1630-х годов и не дошедшая до печатного станка “Повесть / Сказание о Словене и Руссе” (или “О Великом Словенске”)». А.А. Турилов обращает внимание на то, что данное сочинение (о числе списков которого XVII–XIX вв. даже трудно судить), легло «в основу целого ряда русских легендарно-исторических сочинений последней четверти XVII – первой половины XVIII вв.». – Турилов А.А. Возникновение древнерусского государства в восточнославянской «легендарной» историографии XVII в. // Древняя Русь и Средневековая Европа: Возникновение государств. М., 2012. С. 290.

¹⁶⁴ Гольдберг А.Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 13. Л., 1982. С. 50–63.

¹⁶⁵ Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. Л., 1961. С. 58. Причину такой популярности приводит П.Н. Милюков – со ссылкой на слова митрополита Евгения, который в предисловии к изданию 1836 г. отметил, что «книга сия, по бывшему недостатку других российской истории книг печатных, была в свое время единственною оной учебною книгой». – Цит. по: Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. С. 13.

¹⁶⁶ См., напр., перечень изданий в кн.: Библиография русского летописания / Сост. Р.П. Дмитриева. М.; Л., 1962. С. 5–6.

реиздания «Синописиса»¹⁶⁷. Хотя «Синописису» посвящено немало литературы¹⁶⁸, в истории этого сочинения не так все ясно¹⁶⁹.

Но еще больше разногласий вызывала – и вызывает, – так сказать, идейно-политическая направленность произведения (учитывая заявленную тему, – вопрос, более других нас интересующий). Текстологический анализ выявляет доводы, как в пользу, так и против промосковской ориентации «Синописиса», а освещение данного вопроса в литературе, насколько можно судить, зачастую определяется априорной установкой пишущих. Так, составителями московского 2006 года издания «Синописиса» (названного «Мечта о русском единстве») по поводу Гизеля безоговорочно сказано, что «автор не считает этот период (пребывание юго-западных русских земель в составе Литвы и Польши. – Л.А.) своей региональной истории ни положительным, ни благоприятным, ни закономерным»¹⁷⁰. Смело используя современную нам терминологию, О.Я. и И.Ю. Сапожниковы – авторы «Предисловия» к «Мечте о русском единстве», столь же категорично заявляют: «Он (автор. – Л.А.) всеми доступными средствами проводит ту мысль, что часть русского народа, подчиненная литовцам и полякам, не выработала но-

¹⁶⁷ См.: Келейный летописец святителя Дмитрия Ростовского с прибавлением его жития, чудес, избранных творений и Киевского Синописиса архимандрита Иннокентия Гизеля. М., 2000; Мечта о русском единстве: Киевский синописис (1674). М., 2006. – Ср. украинское издание: Синописис Київський. Київ, 2002. Западные украинисты и русисты, культурологи и специалисты в сфере истории межэтнических отношений также обращаются к «Синописису» с интересом и вниманием.

¹⁶⁸ Обзор литературы подробнее см., напр.: Сverdlov M.B. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 100–105. Западные украинисты и русисты, культурологи и специалисты в сфере истории межэтнических отношений последовательно обращаются к «Синописису». См., напр.: Plochy S. The Symbol of Little Russia: The Pokrova Icon and Early Modern Ukrainian Political Ideology // Journal of Ukrainian Studies. 1992. Vol. XVII. Nr. 1–2. P. 171–188; Frick D.A. Lazar Baranovych, 1680: The Union of Lech and Rus // Culture, Nation, and Identity. The Ukrainian-Russian Encounter (1600–1945). Edmonton – Toronto, 2003. P. 19–56; Kogut Z.E. Dynastic or Ethno-Dynastic Tsardom? Two Early Modern Concepts of Russia // Extending the Borders of Russian History. Essays in Honor of A.J. Rieber. Budapest – New-York, 2003. P. 17–30; Franklin S. Identity and Religion // National Identity in Russian Culture. An Introduction. Cambridge, 2004. P. 95–116.

¹⁶⁹ Нет полной уверенности, что издание 1674 г. было действительно первым – появлялись сведения об изданиях 1670, 1672 гг., о чем в свое время писал С.Л. Пештич. См.: Пештич С.Л. «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. Кн. XV. Л., 1958. С. 284–285. Много споров всегда вызывал вопрос об авторстве. Если традиция связывала книгу с именем архимандрита Киево-Печерской лавры, ректора Киево-Могилянской академии Иннокентия Гизеля, то в ученых кругах по этому поводу преобладал скепсис. Однако к настоящему времени сомнения более или менее рассеялись, авторство архимандрита (возможно, не обошедшегося без соавторов) признано. Одним из подтверждений того может служить тот факт, что, например, в таком солидном издании, как «Словарь книжников и книжности Древней Руси» специальная статья о «Синописисе» отсутствует, – все сведения, какие составители сочли нужным сообщить об этом произведении, помещены в статье, посвященной Иннокентию Гизелю. – Иннокентий Гизель // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Часть 2. И–О. СПб., 1993. С. 43–46.

¹⁷⁰ Сапожников О.Я., Сапожникова И.Ю. Предисловие // Мечта о русском единстве: Киевский синописис (1674). М., 2006. С. 29.

вой самоидентификации, а осталась такой же русской, как и жители Московии»¹⁷¹. При этом никаких текстуальных подтверждений не приводится – несмотря на то, что категоричность заявления, казалось бы, предполагает их наличие.

Вполне мотивированным представляется вывод, сформулированный С.Л. Пештичем, который логично вытекал из его наблюдений над текстом «Синописа»: «Историческую необходимость воссоединения Украины с Россией автор “Синописа” обосновывал не только родством и близостью “российских народов”, под которыми он разумел всех славян, входивших в состав Древней Руси. Воссоединение для него – это восстановление былого государственного единства, понимаемого как восстановление единой, т.е. монархической власти»¹⁷². Здесь же С.Л. Пештич обратил внимание на угадываемое в этом сочинении XVII в. противопоставление двух идей: с одной стороны, «политической теории панской республики с выборностью короля и шляхетскими вольностями», а с другой, «единства самодержавной власти в России»¹⁷³. При этом исследователь счел нужным подчеркнуть, что «в представлении автора (“Синописа”. – Л.А.) история самодержавия в России неразрывно связана с Киевом», причем, опорой для подобного вывода исследователю послужили нередко встречающиеся в тексте напоминания такого рода: «преславное самодержавие Киевское», Киев – есть «первоначальный всея России царственный град» и т.д.¹⁷⁴. Иными словами, речь здесь, скорее всего, может идти о противостоянии двух, выражаясь современным языком, моделей государственно-политического устройства, российской и польской¹⁷⁵.

Понятное сочувствие идеям «Синописа», пожалуй, несколько затрудняет объективную оценку того места, какое эта книга заняла в истории исторической

¹⁷¹ Сапожников О.Я., Сапожникова И.Ю. Предисловие. С. 29–30.

¹⁷² Пештич С.Л. «Синопис» как историческое произведение. С. 291.

¹⁷³ Пештич С.Л. «Синопис» как историческое произведение. С. 293, 298.

¹⁷⁴ Там же. С. 296.

¹⁷⁵ Больше того, разница в представлениях об идеальной, так сказать, форме правления (при всех различиях русского и польского исторического опыта) в предшествующие времена, уже в XIX веке приводила из области умозрительной – к прямому военному столкновению, зачастую выступая одной из главных причин русско-польских конфликтов. Вообще, имевшее место противостояние мнений, представлений, окажется весьма устойчивым, пройдет, если можно так выразиться, испытание временем и продемонстрирует свою живучесть (во многом – вплоть до наших дней).

науки. Трудно согласиться с Е.В. Чистяковой и А.П. Богдановым, когда исследователи, пренебрегая приведением веских доводов, заявляют, что автор «Синописа» демонстрирует некий «новый подход к источнику»¹⁷⁶. Как отстраниться от того, что Гизель по-прежнему всерьез излагал библейские и иные легенды, например, о том, как Ной разделял земли между тремя сыновьями (где наследство Ноя – это Азия, Африка и Европа, а давно открытая Америка проигнорирована), о том, как славяне пришли на помощь Александру Македонскому в его завоеваниях и пр. Не столь однозначную (хоть и не вполне определившуюся) позицию занимают О.Я. и И.Ю. Сапожниковы. Они признают, что «Синописис» – «это уже не хронограф, но еще и не историческое исследование», но если, по их словам, «еще и не историческое исследование», чем объяснить их же заявление, что этот труд сыграл «особую роль в формировании русской исторической науки»¹⁷⁷? Впрочем, примерно такую же, несколько двусмысленную, оценку (или идею) отстаивал в свое время С.Л. Пештич. Будучи убежден, что XVII век – это время «перехода от донаучного метода летописных сводов к научному, т.е. к историческим исследованиям с философией истории и критикой», исследователь позволял себе тут же заявить, что «все исторические труды XVII в. все еще очень близки к летописным произведениям, так как в них по-прежнему нет систематической критики источников, событий и фактов, а также философского понимания истории, но появление нелетописных исторических опытов /.../ свидетельствовало о новых явлениях в развитии русской исторической мысли»¹⁷⁸.

Не вполне выверенное, если не сказать – противоречивое, суждение авторитетного историографа явственно показывает, сколь затруднительной оказывается любая попытка оценить уровень развития исторической мысли эпохи барокко¹⁷⁹. Заметим, однако, что сложность дать более или менее адекватную оценку уровня научного развития, не мешает наблюдениям над текстами с точки зрения их

¹⁷⁶ Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». М., 1988. С. 58.

¹⁷⁷ Сапожников О.Я., Сапожникова И.Ю. Предисловие // Мечта о русском единстве... С. 6–7.

¹⁷⁸ Пештич С.Л. Русская историография... С. 67.

¹⁷⁹ А.П. Богданову не раз приходилось обращаться к этому вопросу, см. об этом подробнее, напр.: Богданов А.П. 1) От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века. М., 1995; 2) Летописец и историк конца XVII века: Очерки истории исторической мысли «переходного периода». М., 1994.

эмоционального настроения, что напрямую касается имевших место в таких сочинениях оценок по отношению к Польше и полякам...

Кроме того, в своей более ранней работе, вышедшей за три года до появления цитировавшейся книги, а именно в одной из статей 1958 г., С.Л. Пештич, сначала констатировав, что «отрицать элементы научности у автора первой печатной книги по русской истории, думается, неверно. Это значит не видеть того нового, что пробивало себе дорогу сквозь старую средневековую идеологию и летописную форму повествования»¹⁸⁰, на этом все же не остановился. Не будучи уверен, есть ли достаточные основания для того, чтобы «считать “Синописис” произведением уже нелетописным», он оставлял без ответа им же сформулированный вопрос: «К какому типу исторических произведений принадлежит “Синописис” – к старому или новому, т.е. к летописному или нелетописному, /.../ т.е., проще говоря, к донаучному или научному?»¹⁸¹ Более лаконично, и более точно, по поводу роли и места «Синописиса» в истории русской исторической мысли высказался П.Н. Милюков, заключив: «Составляя /.../ исходный пункт историографии прошлого века, ”Синописис“, в то же время, важен для нас как резюме всего, что делалось в русской историографии до XVIII ст.»¹⁸².

Подчеркивая тесную взаимосвязь между русской и польской исторической традициями, Милюков не закрывал глаза и на то, сколько «невольных недоразумений» из польской средневековой литературы перешло в русскую литературу XVII века, и потому одну из задач историков следующих поколений видел в том, чтобы, как он выражался, «разрушить ”Синописис“ и вернуть науку назад, к употреблению первых источников», чтобы избавиться от «искажения первоисточников», начавшегося «с тех пор, как польские хронисты стали употреблять в дело показания русских летописей»¹⁸³.

Не удивительно, что политическая, идеологическая подоплека исторических сюжетов всегда привлекает особое внимание исследователей. Однако, вполне, казалось бы, справедливое замечание по данному поводу О.Я. и И.Ю.

¹⁸⁰ Пештич С.Л. «Синописис» как историческое произведение... С. 290.

¹⁸¹ Там же. С. 297.

¹⁸² Милюков П.Н. Главные течения... С. 14.

¹⁸³ Там же. С. 14–15.

Сапожниковых, что в пору создания «Синописа» историописатель «уже не только фиксатор, но и выразитель определенной идеологии», заметно девальвируется, когда выясняется, что именно числят по категории «определенная идеология» составители предисловия к «Мечте о русском единстве». «Определенная идеология», на их взгляд, это когда «автор “Синописа” направляет внимание читателя и формирует у него правильную оценку событий»¹⁸⁴ (подчеркнуто нами. – Л.А.). Вряд ли можно признать бесспорным утверждение, что «оценка событий» и «идеология» – понятия тождественные, да и что, в таком случае возникает вопрос, следует понимать под «правильной оценкой»?

По-разному трактуется в литературе (достаточно вспомнить хотя бы суждения П.Н. Милюкова) характер использования Гизелем польских исторических трудов. Так, на взгляд С.Л. Пештича, автор «Синописа», черпая материал у Стрыйковского, «систематически проверял, дополнял и корректировал свидетельства польской хроники русскими летописями»¹⁸⁵. А.И. Рогов – думается, небезосновательно – в этом усомнился, полагая, что С.Л. Пештич вообще «несколько преуменьшает заимствования автора “Синописа” из Стрыйковского»¹⁸⁶.

Говоря о «Синописе» как о памятнике исторической мысли XVII в., нельзя не отметить позицию в этом вопросе М.В. Дмитриева¹⁸⁷, который, прежде всего, стремился поместить анализ «Синописа» в контекст новейших исследовательских методик. Поэтому исследователь выдвигает перед собой совершенно иные задачи, нежели, скажем, в свое время А.С. Лаппо-Данилевский, С.Л. Пештич, и др. Для М.В. Дмитриева «Синопис» – это один из образцов «модели этноисторической памяти». При этом он оставляет в стороне вопрос о том, какого уровня историческое сочинение создано Иннокентием Гизелем, зато уверенно относит автора «Синописа» к «историографам западной формации». Основанием для такого отнесения ему служит восприятие автором «Синописа» истории человечества как совокупности истории народов¹⁸⁸. При всей важности делаемых уче-

¹⁸⁴ Сапожников О.Я., Сапожникова И.Ю. Предисловие // Мечта о русском единстве... С. 6–7.

¹⁸⁵ Пештич С.Л. «Синопис» как историческое произведение... С. 291.

¹⁸⁶ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи... С. 301.

¹⁸⁷ Дмитриев М.В. Киево-Могилянская Академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Киев, 2006. Вып. 2–3. С. 14–31.

¹⁸⁸ Дмитриев М.В. Киево-Могилянская Академия и этнизация исторической памяти. С. 25.

ным наблюдений над текстом Гизеля, трудно согласиться с тем, что «прославление неких особых качеств и добродетелей описываемого народа» является характерной особенностью исключительно «западного опыта»¹⁸⁹.

Вызывающий столько споров «Синописис» вообще являет собой весьма любопытный для историка социокультурный памятник. По сути своей он стоял ближе к мифу, чем к историческому исследованию, и, по-видимому, как раз это качество обеспечило ему такую популярность у давних читателей (не считая огромную учащуюся братию), и, наверное, по той же причине – такой интерес и внимание не одного поколения исследователей. При всех разногласиях, какие до сих пор возникают по поводу этого сочинения, неоспоримым остается тот, существенный для рассматриваемой здесь проблематики факт, что текст «Синописиса»¹⁹⁰ обнаруживает теснейшее взаимодействие польско-литовской и русской историографических традиций¹⁹¹.

Использование польского опыта в русском историописании продолжится и в дальнейшем – и, надо сказать, будет весьма продуктивным, хотя дело не обошлось и без издержек. Их в свое время отметит (и, как нам представляется, сильно гиперболизирует) такой знаток истории отечественного славяноведения, как А.Н. Пыпин, весьма нелестно отозвавшийся о той роли, какую сыграла польская историография в деле становления российской славистики.

По словам знаменитого исследователя, «до начала нашего (т.е. XIX. – Л.А.) столетия дошли те нелепые представления о славянстве, которые стали распространяться у нас в конце XVII века, в особенности под влиянием польских хронистов, проникавших в Москву и особенно в Киев»¹⁹². Причем, Пыпин не ограничился лишь обозначением направления, откуда проникали в Россию «нелепые представления» о славянстве, – он нелестно отозвался также о мотивах,

¹⁸⁹ Дмитриев М.В. Киево-Могиланская Академия... С. 26.

¹⁹⁰ Который, по мнению Милокова, «преимущественно основан на польских компиляторах: Длугоше, Бельском, Кромере, Меховском, Стрыйковском; русские летописи являются только как дополнение». – Милоков П.Н. Главные течения... С. 16.

¹⁹¹ Милоков это взаимодействие понимал по-своему и прямо, как говорится, называл «ответственного» за содержание «Синописиса» (при этом опираясь на исследования вопроса А.В. Старчевским и др.): «...это /.../ не неизвестный составитель "Синописиса", а его единственный источник – игумен Михайловского монастыря Феодосий Сафонович, с хроники которого почти целиком списан "Синописис"». – Милоков П.Н. Главные течения... С. 16.

¹⁹² Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии // Вестник Европы. 1889. Кн. 7. С. 268.

какими при этом руководствовались польские историки, будучи убежден, что «здесь не было даже и интереса узнать что-либо о славянской древности, а только повод к риторическому пустословию»¹⁹³.

Подтверждением того, что Пыпин здесь был явно пристрастен, говорит хотя бы вторая редакция «Хронографа» (1617 г.)¹⁹⁴, основанная главным образом на «Хронике всего света» Мартина Бельского (ок. 1495–1575), первой всемирной хронике на польском языке. Эта редакция во многом – и в лучшую сторону – отличалась от первоначального варианта столетней давности, что напрямую говорит в пользу благотворного влияния польского историописания на историописание русское¹⁹⁵.

Плодотворность русско-польских научных контактов в Раннее новое время подтверждают и наблюдения над таким примечательным образчиком русского историописания XVII века, как «Скифская история»¹⁹⁶ Андрея Ивановича Лызлова (? – после 1696). Написанное на исходе столетия, сочинение это долго ходило в списках, и было опубликовано Н.М. Новиковым в 1776–1777 гг. (а новой публикации дождется лишь через две с лишним сотни лет, в 1990 г., когда «Скифская история» будет издана в академической серии «Памятники исторической мысли», – с подробным комментарием А.П. Богданова¹⁹⁷).

Важно, помимо прочего, и то, что компилятивности своей книги, посвященной борьбе Руси с татарами и турками, автор не скрывал – свидетельством тому служит хотя бы подзаголовок к основному названию: «От разных иностранных историков, паче же от российских верных историй и повестей, от Андрея Лызлова с премногими труды сложена и написана». «Скифская история» демонстрирует хорошее знание, – наряду с восточнославянскими летописями,

¹⁹³ Пыпин А.Н. Русское славяноведение. С. 268.

¹⁹⁴ Подробнее см., напр.: Попов А.Н. Обзор хронографов русской редакции. Ч. 1–2. М., 1866–1869; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975.

¹⁹⁵ О самом «Хронографе» (а также библиографию) см. подробнее: Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск. 3 (XVII в.). Часть 4. Т–Я. СПб., 2001. См. также: Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск. 3 (XVII в.). Часть 4. Т–Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 219–220; Творогов О.В. Русский Хронограф. Хронограф редакции 1512 г.; Хронограф Западно-русской редакции и вопрос о времени создания Русского Хронографа // Творогов О.В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 160–187, 188–207.

¹⁹⁶ По уточнению М.Б. Свердлова, в рукописях труд А.И. Лызлова именуется «История Скифская». – Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 128.

¹⁹⁷ Лызлов А.И. Скифская история. М., 1990.

разрядными книгами и иными источниками, – произведений Длугоша, Меховского, Бельского, Кромера, и особенно Стрыйковского¹⁹⁸. Причем, как особо подчеркивают исследователи, Лызлов избегал так называемых «ложных» ссылок на источники¹⁹⁹. В Российской Национальной библиотеке хранится экземпляр первого издания «Хроники польской...» Стрыйковского из библиотеки Лызлова, с его пометами, а также пометами Феофана Прокоповича (в чье владение потом перешла книга) и других лиц²⁰⁰. Кроме того, сохранилась также и «История о начале нашествия народу, обитающему на земле», – не что иное, как сделанный Лызловым перевод нескольких разделов «Хроники польской, литовской, жмудской...» с его комментариями и дополнениями²⁰¹.

Однако, как подчеркнет Е.В. Чистякова, «Лызлов не только переписывал текст Хроники Стрыйковского, но пытался проводить сопоставление его с другими источниками, как польскими, так и русскими (Степенной книгой, хронографами, летописями и др.)»²⁰². И, пожалуй, М.А. Алпатов имел все основания повторить вслед за Е.В. Чистяковой: «„Скифская история“ примечательна прежде всего объемом привлеченных источников и чрезвычайно плодотворными попытками их интерпретации»²⁰³.

К основному тексту, как оговорено самим А.И. Лызловым, была приложена «повесть о поведении и жительстве в Константинополе султанов турецких, еже переведена от словенопольского языка в словенороссийский язык», то есть перевод памфлета Шимона Старовольского «Двор цезаря турецкого и резиденция его в Константинополе»²⁰⁴. Злободневность темы этого памфлета для XVII в., казалось бы, и так была очевидной, но Лызлов, тем не менее, счел нужным дать

¹⁹⁸ Чистякова Е.В. «Скифская история» А.И. Лызлова и труды польских историков XVII-XVIII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX. С. 348, 350; Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление. С. 131–134.

¹⁹⁹ Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление. С. 129.

²⁰⁰ См.: Григорьева И.Л., Салоников Н.В. «Хроника» Матвея Стрыйковского из библиотеки А.И. Лызлова // Старая Европа: Очерки истории общества и культуры. СПб., 2007.

²⁰¹ Рогов А.И. Русско-польские культурные связи... С. 208–209.

²⁰² Чистякова Е.В. «Скифская история» А.И. Лызлова и труды... С. 355. Это же подчеркивают и другие исследователи, – см., напр.: Моисеева Г.Н. Русская историческая проза первой половины XVIII в. и польские историки // Польско-русские литературные связи. М., 1970. С. 85.

²⁰³ Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – первая четверть XVIII в. М., 1976. С. 302.

²⁰⁴ Этот вопрос довольно подробно рассматривает Е.В. Чистякова, при этом ссылаясь, в частности, на работу Е.М. Иссерлина «Лексика русского литературного языка XVII века» (М., 1961) // Чистякова Е.В. «Скифская история» А.И. Лызлова... С. 351–352.

читателям пояснение: «с ним, с султаном же, мы, россияне и поляки, ближнее соседство имеем»²⁰⁵, будто напоминая о переплетении русско-польских исторических судеб в прошлом, и указывая на общность внешнеполитических интересов в настоящем.

Активное взаимодействие с польской литературой сохранится и в XVIII веке²⁰⁶. Характерная, особенно с учетом заявленной темы, деталь: для опубликованных в петровскую эпоху «Деяний церковных и гражданских» (М., 1719), каковые, по замыслу власть предержащих, должны были способствовать искоренению старообрядчества, за основу был взят не оригинальный текст «Церковных annалов» Цезаря Барония, а его польская адаптация, выполненная стараниями Петра Скарги (причем, с его же – видного иезуитского проповедника – предисловием)²⁰⁷. Поэтому трудно не согласиться с тем, что «особую и значительную роль сыграла для России Польша еще в допетровское время, подготавливая русскую культуру к восприятию и усвоению новых для нее ценностей латинского мира, а тем самым создавая само культурное поле непосредственной встречи русскости с окцидентальностью»²⁰⁸.

Переходя к российскому историописанию XVIII века, в большей или меньшей степени отразившему русско-польское взаимовлияние в данной сфере, нельзя не признать, что более, пожалуй, основательно, чем его предшественники, подошел к польским материалам Василий Никитич Татищев (1686–1750), которого есть основания считать «первым, кто попытался осмыслить материалы по истории славянских народов в духе научной критики и философии раннего Просвещения»²⁰⁹.

²⁰⁵ Цит. по: Чистякова Е.В. «Скифская история» А.И. Лызлова... С. 352.

²⁰⁶ Что находило выражение, например, в том, что, как пишет М.Б. Свердлов, в богатой библиотеке Д.М. Голицына было немало книг по истории Польши. – Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление. С. 174.

²⁰⁷ См., например: Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII – первая четверть XVIII в. С. 326.

²⁰⁸ Липатов А.В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) // Россия и Польша: Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 147.

²⁰⁹ Дьяков В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах истории славяноведения в дореволюционной России // СДР... словарь. М., 1979. С. 12. Как сочла нужным подчеркнуть (со ссылкой на С.Л. Пештича) при характеристике труда В.Н. Татищева в своей капитальной монографии Катажина Блаховская, именно «Историю Российскую» Татищева ценила Екатерина II, ставя этот исторический труд выше «Древней российской истории» М.В. Ломоносова и «Истории Российской» князя М.М. Щербатова. – Włachowska

В то же время, если попытаться охарактеризовать тот труд, который был предпринят В.Н. Татищевым, нельзя не оговориться, что в ходе работы над своей «Историей Российской» Татищев на первых порах будто сам еще не был вполне уверен в том, что (как в свое время отметил С.Н. Валк) надо «идти по путям, проложенным новейшими западными образцами»²¹⁰. Вслед за С.Л. Пештичем Г.Н. Моисеева сделала предположение, что Татищев «убедился в невозможности создания им нового типа исторического повествования и начал писать традиционным летописным порядком, следуя за хронологической канвой, объясняя только причины и следствия некоторых исторических событий»²¹¹, хотя, например, по мнению М.Н. Тихомирова, «История Российская» В.Н. Татищева, стала «первой попыткой осветить русскую историю на научных основаниях»²¹².

Лишним подтверждением крайней сложности исследуемой материи служат и нередко проявляющиеся в литературе противоречия (причем, нередко – у одного и того же автора). Так, Г.Н. Моисеева в своей статье дает понять, что разделяет мнение С.Н. Валка, полагавшего, что Татищев сомневался в целесообразности «идти по путям, проложенным новейшими западными образцами», кроме того, подкрепила это мнение близким по смыслу суждением С.Л. Пештича, убежденного, что Татищев не мог создать историческое повествование нового типа. Но буквально через пару страниц исследовательница приводит уже другое утверждение С.Н. Валка: «Татищев /.../ был первым представителем возникающего нового типа историографического труда», – к которому исследовательница также присоединяется, либо не заметив противоречия, либо не желая делать по этому поводу каких-либо оговорок²¹³.

K. Narodziny imperium. Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku. Warszawa, 2001. S. 17.

²¹⁰ Цит. по: Моисеева Г.Н. Русская историческая проза... С. 86.

²¹¹ Моисеева Г.Н. Русская историческая проза... С. 87.

²¹² Цит. по: Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 418.

²¹³ Моисеева Г.Н. Русская историческая проза... – Ср. С. 86 и 90.

В целом разделяя наблюдения исследователей²¹⁴ об уровне и характере исторического труда В.Н. Татищева (едва ли поддающегося помещению в строгие методологические рамки), все-таки трудно согласиться с ними полностью. С одной стороны (и, пожалуй, прежде всего), возражение вызывает то, что следование хронологии признается свойством исключительно летописных сочинений, а с другой, то, что объяснение – только – причин и следствий исторических событий выступает своего рода свидетельством отсталости – неразвитости – летописей, их невозможности стать на одну доску с «историческими повествованиями нового типа». Вроде бы, и последующие поколения историописателей отнюдь не спешили отказаться от следования хронологической канве, да и объяснение причин и следствий (которое не всегда присутствует в летописных сочинениях) – пусть даже «некоторых исторических событий» – представляется как раз показателем далеко не среднего уровня писания.

Если же прислушаться к самому В.Н. Татищеву, то получится, что он попросту «рассудил за лучшее писать тем порядком и наречием, каковые в древних находятся, собирая из всех полнейшее и обстоятельнейшее в порядок лет, как они написали, не переменяя, ни убавляя из них ничего»²¹⁵ ...

Но со временем Татищев, очевидно, пересмотрел свой подход к предмету. И, как видим, С.Л. Пештич, в конце концов, приходит к выводу, что вторая редакция его труда говорит в пользу того, что он «уже писал историю, но не составлял летописный свод»²¹⁶. Думается, что в данном случае есть все основания солидаризироваться с позицией такого знатока вопроса, как С.Н. Валк, признавшим, что «на Татищева мы смотрим теперь уже не как только сводчика летописных текстов /.../, а стремимся понять “Историю Российскую” как итог общественно-политических взглядов, а также представлений о задачах и приемах исторического исследования нашего первого ученого-историка»²¹⁷. Впро-

²¹⁴ Тихомиров В.Н. 1) Труды В.Н. Татищева // Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. (1955–1985 гг.). М., 1955. Т. 1; 2) О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В.Н. История Российская. Л., 1962. Т. 1; Добрушкин Е. М. «История Российская» В.Н. Татищева и русские летописи // Рукописное наследие древней Руси. Л., 1972; Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в трудах в трудах отечественных исследователей XIX – начала XX века. Подготовительные фрагменты // Валк С.Н. Избранные труды...; Пештич С.Л. Русская историография...; и мн. др.

²¹⁵ Цит. по: Милюков П.Н. Главные течения... С. 31.

²¹⁶ Пештич С.Л. Русская историография... С. 237.

²¹⁷ Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в трудах Н.М. Карамзина // Валк С.Н. Избранные

чем, кто-то из исследователей, предпочитая уклониться от полемики по этому поводу, всего лишь признает, что «первые попытки создания научной истории были связаны с деятельностью В.Н. Татищева, хотя о его методах работы с историческим текстом современники и более поздние исследователи отечественного прошлого отзывались весьма скептически»²¹⁸.

В то же время, для нас, конечно, наиболее существенный вопрос – заимствования Татищева-историописателя из польской историографии, и потому здесь нельзя не вспомнить, что Польшу Татищев знал не только по литературе, – известно, что в годы военной службы ему доводилось там бывать²¹⁹. В числе выполняемых им тогда служебных поручений – поездка в 1717 г. в Данциг (Гданьск) для проверки, действительно ли является древней реликвией хранившаяся там русская икона (эта экспертиза, к слову сказать, дала отрицательный ответ). Владел Татищев и польским языком.

В духе предшествующей традиции в «Истории Российской» Татищева были широко использованы труды польских авторов. С опорой на признания самого Татищева, Пештич по этому поводу подчеркивал, что «заимствование и использование Стрыйковского и других авторов Татищев делает совершенно сознательно, так как он убежден, что польские писатели пользовались летописными, давно утраченными» памятниками²²⁰. И потому уже первая редакция татищевской «Истории...» была «не свободна от заимствования из польских писателей, особенно из Стрыйковского»²²¹, во второй же редакции заимствований станет еще больше. По справедливому замечанию А.П. Толочко, «стараниями А.А. Шахматова, С.Л. Пештича, С.Н. Валка собраны и описаны все сохранившиеся

труды... С. 458. К. Блаховская, со ссылкой на С.Н. Валка, М.Н. Тихомирова и др. русских историков, также специально останавливается на этом вопросе. – Włachowska K. *Narodziny imperium...* S. 17–18.

²¹⁸ Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина. Днепропетровск, 1993. С. 130–131.

²¹⁹ Об этом см., напр.: Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009. С. 29.

²²⁰ Пештич С.Л. Русская историография... С. 241.

²²¹ Пештич С.Л. Русская историография... С. 241; Моисеева Г.Н. Русская историческая проза... С. 87–88; Рогов А.И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 154–155.

рукописи «Истории», установлены редакции и между ними распределены списки»²²².

В своей характеристике источников (во многом с опорой на предшественников), к каким прибегал русский историописатель, А.П. Толочко специально не акцентировал внимания на польских источниках «Истории Российской» В.Н. Татищева, но в «Татищевских известиях» не раз отметил обращение русского автора к свидетельствам польских коллег по перу – Мартина Бельского, Александра Гваньини или Матвея Стрыйковского²²³. Татищев черпал информацию у Кромера, Бельского и других, но при этом весьма нелицеприятно отзывался об их – как и прочих иностранцев – трактовке описываемых событий, обличая «сущия лжи», недоброжелательность по отношению к России. Так, по поводу похода Болеслава II на Русь Татищев счел нужным заметить: «Кромер, Длугош, Гванин, а наиболее Бельский о сем обстоятельстве польское хвастанье изъявили, и один другого тщился перелгать»²²⁴. Попутно Татищев подверг критике и «Синописис», где «многое нужное пропущено, но вместо того польских басен и недоказательных включений с избытком вписано»²²⁵. На своеобразный характер использования Татищевым иноземных авторов обращал внимание еще Н.М. Карамзин²²⁶.

Герарда Фридриха Миллера²²⁷, немало сделавшего для популяризации «Истории Российской» В.Н. Татищева²²⁸, считал своим наставником и учителем ставший затем официальным историографом²²⁹ Российской империи М.М. Щербатов²³⁰, также – как и другие русские авторы – привлекавший в своей «Исто-

²²² Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева. Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 25.

²²³ Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева. С. 218, 325–326, 481, 483.

²²⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. 2. М.; Л., 1962. С. 247.

²²⁵ Там же. Т. 1. С. 84.

²²⁶ См., напр.: Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т. М., 1991. Т. II–III. С. 281.

²²⁷ О деятельности Г.Ф. Миллера также см., напр.: Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление. С. 410–434.

²²⁸ См., напр.: Белковец Л.П. Г.-Ф. Миллер и В.Н. Татищев // Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 21, 27; Каменский А.Б. 1) Г.Ф. Миллер и наследие В.Н. Татищева // ВИ. 1987. № 12; 2) Ломоносов и Миллер – два взгляда на историю // Ломоносов. Сб. статей и материалов. СПб., 1991. Т. 9; 3) Судьба и труды Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное. М., 1996; 4) У истоков русской исторической науки: Г.Ф. Миллер / А.Б. Каменский // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012; Włachowska K. Narodziny imperium... S. 17.

²²⁹ Как сформулировал в свое время П.Н. Милоков, «занятия русской историй в XVIII в. есть своего рода официальная служба» (Милоков П.Н. Главные течения. С. 24).

²³⁰ Włachowska K. Narodziny imperium. S. 22. Впрочем, об этом, собственно, поспешил сообщить своим читателям сам автор: «Я при сем случае не могу удержаться, чтобы должного благодарения не принести

рии...» сочинения польских коллег по перу. Правда, Щербатов спешил предупредить читателей (и особенно потенциальных критиков своей «Историей...»), что, по незнанию польского языка, он не использовал труды Длугоша, Кромера или Бельского, зато активно привлекал сочинение Матвея Стрыйковского, поскольку имел в своем распоряжении перевод «Хроники польской, литовской, жмудской...»²³¹.

М.М. Щербатов со своей «Историей Российской от древнейших времен», как и предчувствовал, стал, что называется, легкой добычей для критиков, среди которых особенное усердие проявил И.Н. Болтин²³², вступивший с автором в полемику. По мнению К. Блаховской, эта полемика сама по себе представляет интерес и, можно считать, что она по-своему обогатила историю русской исторической мысли²³³. В целом, однако, эта полемика к нашей теме большого отношения не имеет, разве в той своей части, где речь идет об упущениях (например, Летописи епископа Иоакима), допущенных со стороны Щербатова (и указанных ему Болтиным²³⁴), поскольку эти сюжеты отчасти касались и польских источников²³⁵. С другой стороны, как раз эта полемика позволила, в конце концов, прийти к тому выводу, что «работа князя Щербатова не была оценена ни современниками, ни потомками»²³⁶.

господину советнику Миллеру, /.../ знаемому своими многими трудами о Российской истории, что в успехе сего труда многу от него получил помощь, как чрез сообщение мне разных списков, так и от его советов. Я должен признаться, что он не токмо мне вложил охоту к познанию отечества моего, но увидя мое прилежание, и побудил меня к сочинению оной /.../. – Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. Т. 1. СПб., 1770. С. XIV.

²³¹ Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. I. С. V–VI.

²³² Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. Т. 1–2. СПб., 1788; Щербатов М.М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторыя сокрытия и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. М., 1789; Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. Об этом см. также: Пештич С.Л. Русская историография... Ч. I. С. 223–224.

²³³ Włachowska K. *Narodziny imperium*. S. 24–25.

²³⁴ По мнению С.М. Соловьева, «Болтин, бесспорно, самый талантливый из всех занимавшихся русскою историею в XVIII веке, как своих, так и чужих». – Соловьев С.М. Н.М. Карамзин и его литературная деятельность: «История Государства Российского» // Соловьев С.М. Соч. В 18 кн. Кн. XVI. М., 1995. С. 61.

²³⁵ Щербатов М.М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. С. 22–24, 52–53 и др. – Ср. Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова. С. 13–14.

²³⁶ Włachowska K. *Narodziny imperium*... S. 25. В этом вопросе К. Блаховская разделяет мнение Т.В. Артемьевой. – Артемьева Т.В. Русская историография XVIII века. СПб., 1996. С. 45. Утверждение, впрочем, спорное или, по крайней мере, допускающее различные толкования. Достаточно вспомнить, что Н.М. Карамзин во многом именно М.М. Щербатову был обязан уже готовым (обработанным) материалом. – Об этом пишет сама же Катажина Блаховская (S. 44) и др. авторы (Милоков П.Н. Главные тече-

Дальнейшее развитие тема (использование сочинений польских авторов в русском историописании) получит у Михаила Васильевича Ломоносова²³⁷ (1711–1765), хотя присущая его трудам манера изложения, как многократно отмечалось в литературе, мало похожа на ту, какую демонстрирует «История...» В.Н. Татищева²³⁸. Приверженец риторического направления в науке, Ломоносов вместе с тем резко заострил полемическую направленность своих исторических сочинений, отчаянно воюя с Герардом Фридрихом Миллером²³⁹ и другими иностранными учеными на русской службе.

К полонистике прямое отношение имеет «Древняя Российская история» – главный исторический труд М.В. Ломоносова, над которым тот работал с начала 1750-х гг., правда, успев довести изложение только до середины XI столетия. Издадут «Древнюю Российскую историю от начала российского народа до кончины Великого князя Ярослава I, или до 1054 года» лишь после смерти автора, в 1766 году. При издании научный аппарат в книге был сведен до минимума²⁴⁰. Автограф давно утрачен, и читателю далеко не всегда удается судить об источниках приводимой Ломоносовым информации и о том, каких «многих внешних (т.е. иноземных. – Л.А.) писателей»²⁴¹, уничижительно отзывавшихся о России, он оспаривал в своем сочинении.

ния. С. 163–164, 170, 180 и др.).

²³⁷ Об изучении творчества Ломоносова-историка см. подробнее: Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011. С. 10–32.

²³⁸ См., например: Старчевский А.В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845; Мыльников А.С. Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: Опыт сравнительной характеристики // Ломоносов: Сб. статей и материалов. СПб., 1991. Т. 9.

Своеобразную оценку творчества Ломоносова – причем, заодно со Щербатовым (нельзя сказать, что связка достаточно логичная) – дал П.Н. Милюков, считавший, что: «Ломоносов с Щербатовым /.../ представляют мутную струю в историографии XVIII в.: первый – вследствие патриотическо-панегирического направления, второй – вследствие невежества в вопросах древней истории». – Милюков П.Н. Главные течения. С. 103.

²³⁹ Как метко по поводу судьбы Миллера (одного из трех знаменитых немцев на русской службе) в России высказался П.Н. Милюков: «...самый дюжинный (Миллер) согласился на обрусение; но и этому далеко не сразу удалось представление о том, что такое государственная тайна и как широки ее границы в вопросах древней русской истории». – Милюков П.Н. Главные течения... С. 24. Ср. С. 81 («Миллер совершил, наконец, шаг, перед которым долго колебался: принял русское подданство»).

²⁴⁰ Как подчеркивал П.Н. Милюков, «Ломоносов должен был сделать русскую историю достойной внимания высшего общества; для этого нужно было только украсить старую материю новыми приемами изложения, приодеть русскую историю в приличный времени ложноклассический костюм. /.../ Таким образом, на искусство, на язык обращено преимущественное внимание в "Древней российской истории"». – Милюков П.Н. Главные течения. С. 36–37.

²⁴¹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа // Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2 т. М., 1986. Т. 2. С. 49.

Для нас важно то, что поляки у Ломоносова фигурируют уже во «Вступлении» к «Древней Российской истории», где автор, в частности, рассуждает о том, что «междоусобные и отвне нанесенные войны» не помешали отечеству вознестись «на высочайший степень величества, могущества и славы»²⁴². При этом особо обращает на себя внимание то, что поляков – вместе с уграми, печенегами, половцами, татарскими ордами, шведами и турками – историк записал в число тех внешних врагов, которым так и не удалось истощить силы России («не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила») ²⁴³. Попутно отметим, что и спустя десятилетия это не вполне привычное смешение народностей используется нашими авторами в аналогичном ключе. Например, у И.С. Киреевского читаем: «Татары, ляхи, венгры, немцы и другие бичи, посланные ему (русскому народу. – Л.А.) Провидением, могли только остановить его образование и действительно остановили его, но не могли изменить существующего смысла его внутренней и общественной жизни»²⁴⁴.

О взаимоотношениях Руси и Польши речь в «Древней Российской истории» пойдет не раз. Естественно, что Ломоносов, прежде всего, опирался на «Повесть временных лет». К ней он относился с почтением и в свое время укорял Миллера как раз за то, что немецкий ученый «о святом Несторе, летописце, говорит весьма предезостно и хулительно так: ошибся Нестор, и сие неоднократно»²⁴⁵. Из «Повести...» взяты и сведения о приходе на Вислу тех славян, что назвались ляхами, и о том, что «от ляхов прозвались иные лутичи, иные мазовшане, иные поморяне». Летописное сообщение историк дополнил справкой: язык славян, живущих «около Дуная и в Иллирике /.../ много сходнее с великороссийском, нежели с польским, невзирая на то, что поляки живут с ними ближе, нежели мы, в соседстве»²⁴⁶. С точки зрения нашей темы, важно и то, что Ломоносов, как уже было сказано, изначально разместив поляков (наряду с татарскими ордами, турками и шведами) среди тех народов, которые не могли, однако, «утомить Рос-

²⁴² Ломоносов М.В. Древняя российская история. М., 2011. С. 5.

²⁴³ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. С. 48.

²⁴⁴ Киреевский И.С. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Киреевский И.С., Киреевский П.В. Полн. Собр. соч. Т. 1. Калуга, 2006. С. 84.

²⁴⁵ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» // Ломоносов М.В. Избранные произведения. С. 21.

²⁴⁶ Ломоносов М.В. Древняя Российская история... С. 63.

сию»²⁴⁷, в другой главе «Древней Российской истории», – где идет речь «О величестве и поколениях славенского народа», – уже весьма доброжелательно пишет о таких славянах, как «ляхи по Висле, чехи по вершинам Албы, болгары, сербы и мораване около Дуная»²⁴⁸, делая акцент главным образом на том, что они «имели своих королей и владетелей, храбрыми делами знатных». Впрочем, объяснение здесь, по-видимому, самое простое – в данном случае Ломоносов отзывался о славянах в том же духе, как это было принято у византийских авторов (у кого он, в том числе, черпал информацию)²⁴⁹.

Ломоносов, активно используя в своих исторических трудах сочинения польских авторов, кроме всего прочего, демонстрировал, что, пожалуй, наиболее востребованным из польских историков – для наших авторов – по-прежнему оставался Матвей Стрыйковский. Больше того, разыскания Г.Н. Моисеевой позволили ей прийти к выводу о том, что Ломоносов, не исключено, был знаком с сочинениями польских историков еще до того, как перебрался в Москву (по-видимому, активно используя библиотеку Соловецкого монастыря, где хранились, в частности, «Хроники» и М. Бельского, и М. Стрыйковского)²⁵⁰.

Также примечательно, что М.В. Ломоносов, несмотря на несколько ревнивое (если можно так выразиться) отношение к полякам – как «соседственному» народу, – в своей горячей полемике с Г.Ф. Миллером апеллирует, прежде всего, как раз к сообщению Стрыйковского: «Весьма смешна в работе перемена города Изборска на Иссабург, которая только для того вымышлена, чтобы опровергнуть потомков Гостомысловых во Пскове; однако сие ясно показуется рождением Ольги, великой княгини, которая в Прологе псковитянынею, а у Стрыйковского правнукою Гостомысловою называется»²⁵¹.

Вообще, нельзя не заметить, что Ломоносов в основном с доверием относится к сообщениям польских историков (или, если воспользоваться обычным

²⁴⁷ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. С. 48.

²⁴⁸ Здесь используется также издание: Ломоносов М.В. Древняя Российская история. М., 2011. С. 14.

²⁴⁹ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. М., 2011. С. 18–19, 21–24.

²⁵⁰ Моисеева Г.Н. 1) Соловецкий сборник в исторических и литературных сочинениях М.В. Ломоносова // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969. С. 49–58; 2) Русская историческая проза. С. 90.

²⁵¹ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию... С. 20; Подробно об использовании «Хроники» М. Стрыйковского Ломоносовым см.: Моисеева Г.Н. Русская историческая проза. С. 92–98.

для П.Н. Милюкова выражением, «польских компиляторов»²⁵²). Примерно в том же ключе воспринимал он и труд Мартина Кромера «30 книг о происхождении и истории поляков» (первое, базельское издание – 1555 г.), которому, похоже, при написании своей «Древней Российской истории» он все-таки отдавал предпочтение. Охотно солидаризировался Ломоносов, в частности, и с развиваемой Кромером сарматской теорией («народ славенопольский по справедливости называет себя сарматским; и я с Кромером согласно заключить не обинуюсь (без колебания, не раздумывая), что славяне и венды вообще суть древние сарматы»)²⁵³.

При рассказе о взаимоотношениях киевского князя Владимира Святославича с Мечиславом (Мешко) и его преемниками на польском престоле он контаминировал информацию нашей летописи и Кромера²⁵⁴. Так, сообщение Длугоша о переселении при Юлии Цезаре «некоторого числа римлян» на балтийское побережье подкреплено в «Древней Российской истории» отсылкой все к тому же Кромеру²⁵⁵ – очевидно, самого Яна Длугоша Ломоносов не читал. Сходным образом приводимое здесь же мнение «польского летописца Матвея Меховского», судя по ссылке, почерпнуто из сочинения немецкого историка конца XVII в. Вейсселя. Как уже говорилось, с «Хроникой...» Матвея Стрыйковского («Стрыйковского») Ломоносов был знаком, – причем, как подтверждено исследователями, неплохо²⁵⁶. Правда, в «Древней Российской истории» сочинение Стрыйковского понадобится ему лишь однажды – по поводу сомнения о том, как звали одного из сыновей Владимира Святославича²⁵⁷. Но это обстоятельство, тем не менее, вряд ли способно поколебать лидирующие позиции Матвея Стрыйковского – как наиболее востребованного русским историописанием XVIII в. польского автора.

Так или иначе, история России настолько тесно переплелась с польской, что едва ли было возможно абстрагироваться от последней, берясь за исследование отечественного прошлого. Естественно, что наши писатели эпохи Просвещения,

²⁵² Милюков П.Н. Главные течения. С. 14, 16 и др.

²⁵³ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. С. 54.

²⁵⁴ Там же. С. 108.

²⁵⁵ Там же. С. 78.

²⁵⁶ Моисеева Г.Н. Русская историческая проза. С. 92–98.

²⁵⁷ Ломоносов М.В. Древняя Российская история. С. 111.

под пером которых историописание постепенно приобретало черты подлинной науки, в большей или меньшей степени опирались на сведения, почерпнутые (прямо либо через посредников) из польских исторических сочинений. В то же самое время при формировании в русском обществе представлений о польской истории, заметно давали о себе знать и стереотипы, складывавшиеся под воздействием этноконфессиональных и политических конфликтов²⁵⁸.

Присущий отечественной литературе критический подход к идущей от Стрыйковского, Кромера и других польско-литовских авторов традиции был производным от двух разнородных факторов. С одной стороны, совершенствовалась исследовательская техника, – в частности, постепенно менялось само отношение к историческому источнику. С другой, все сильнее давало о себе знать подогреваемое имперскими амбициями стремление во что бы то ни стало представить описываемые события в благоприятном для России духе, списав информацию иного рода на «басни и лжи» иноземцев.

Если в отечественном историописании послепетровской эпохи польско-литовские исторические сочинения по-прежнему считались важным источником сведений о прошлом России и соседних стран (пусть и требующим идеологической корректуры), то со временем заметно возрастает удельный вес иных, помимо познавательного, аспектов польской проблематики.

По мере усиления имперско-этатистских настроений все большее внимание будет привлекать броская, наглядная антитеза: набирающая силу самодержавная Российская монархия лучше всего смотрелась на фоне деградирующей Речи Посполитой, республики, которую губит шляхетское (вариант – магнатское) своеволие. Как в недалеком будущем безапелляционно заявит М.П. Погодин, у

²⁵⁸ Изучению стереотипов в последние годы уделяется больше (по сравнению с предшествующим временем) внимания. Подробнее о стереотипах поляков в русском обществе XVI–XVII вв. см., например: Флоря Б.Н. Образ поляка в древнерусских памятниках о Смутном времени // Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. 381–415. О стереотипах: Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000. *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000; Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000; Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002; Фалькович С.М. 1) Значение фактора Европы для истории, культуры, общественного сознания и менталитета поляков // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 55–61; 2) Основные черты польского национального характера в представлениях русских (Эволюция стереотипа) // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000. С. 115–140; Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М., 2004. С. 62–75; и др.

анархической по своей природе республики изначально не было шансов выжить в условиях Нового времени, и потому на исходе XVIII века она вполне правомерно была стерта с лица Европы, поскольку «прочитав внимательно начало и продолжение польской истории, предчувствуем окончание»²⁵⁹...

Возникает, однако, вопрос, насколько обоснованны были подобные упреки, – если не сказать, обвинения со стороны российских авторов – по адресу бывшей Речи Посполитой, обвинения, органично вошедшие в русскую историческую литературу и публицистику XIX века? Справедливости ради надо сказать, что, по крайней мере, неточностью грешит традиционное отождествление Речи Посполитой с вечной безурядией, воплощением которой привыкли считать одну из отличительный черт государственно-политического устройства Речи Посполитой – принцип *liberum veto*²⁶⁰.

Как известно, ранее признаваемый лишь в теории, данный принцип впервые был реализован в Речи Посполитой только в 1652 г., в ту пору, когда шляхетская демократия (а именно она, как правило, оказывается объектом нападков со стороны русских авторов) уже переродилась в магнатскую олигархию. Больше того, с 1764 г. эта норма практически перестала действовать, а Конституция 1791 г. ее и вовсе отменила. Иными словами, на протяжении более половины того срока, который был отпущен Речи Посполитой историей, принцип «не позволяем», с непониманием (если не с презрением) воспринимавшийся в России, не функционировал.

Вместе с тем, если говорить об успехах российской исторической науки последних лет века Просвещения, успехах, на которых как раз и закладывался фундамент российской полонистики XIX в. (выкристаллизовывалось понимание того, что, собственно, есть Польша и ее история), следует подчеркнуть, что разработка польской истории (стремление ее уразуметь, а, заодно, и поляков-современников) стимулировалась и чисто практическими соображениями российских политиков. Несмотря на то, что спорные вопросы о сферах влияния и

²⁵⁹ Погодин М.П. Исторические размышления об отношении Польши к России // Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1868. С. 7.

²⁶⁰ Об этом подробнее см., например, классическую монографию Владислава Конопчиньского: Konopczyński W. *Liberum Veto: Studium porównawczo-historyczne*. Kraków, 1918. – Переиздание: Kraków, 2002.

государственных границах, в конечном счете, решались – когда путем дипломатических комбинаций, – когда на полях сражений, но и знание истории, позволявшее аргументировать свои притязания ссылками на давние трактаты, династические права и пр., служило все-таки действенным инструментом внешней политики. Другой вопрос, всегда ли к месту и ко времени этот инструмент удавалось применять.

С точки зрения интересов как внешнеполитического ведомства России, так и отечественной полонистики неоценим вклад в науку, внесенный Николаем Николаевичем Бантыш-Каменским²⁶¹ (1737–1814). Знания, полученные им в Киево-Могилянской академии, а затем пополненные усердными занятиями в Славяно-греко-латинской академии и Московском университете, он применил в своих многолетних архивных разысканиях. Уже в начале своей служебной карьеры, в 1760-х гг., по материалам Московского архива Коллегии иностранных дел Н.Н. Бантыш-Каменский составил – наряду с «Исторической выпиской из всех дел, происходивших между Российской и Турецкой империями, с 1512 по 1700 г.», которая тоже весьма небезынтересна с точки зрения истории Польши, – «Выписку обстоятельную о выборе на польский престол кандидата в случае смерти Августа II и о избрании потом в короли сына его, Августа III». Позже, в 1780 годах, им был создан пятитомный, капитальный труд «Дипломатическое собрание дел между Российским и Польским дворами с самого оных начала по 1700 год». За свою долгую жизнь ученый успел подготовить, помимо своих собственных исследований, великое множество архивных описей, реестров разного рода и публикаций. В последние годы жизни он деятельно включился в издание «Собрания государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии

²⁶¹ С.А. Ганус счел необходимым, ссылаясь на мнение Зенона Когута, подчеркнуть, что «Н.Н. Бантыш-Каменский по квалификационным признакам ... является типичным ассимиляционистом, что возымело непосредственное влияние на его политическое мировоззрение и направленность научных взглядов». – Цит. по: Ганус С.А. Рецепция истории церкви в восточнославянских историографиях эпохи романтизма конца XVIII – первой половины XIX в.: этнокультурные контексты и познавательные модели (на примере творчества М.М. Лучкая, Н.Н. Бантыш-Каменского и Д.И. Зубрицкого) // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянками. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 300. Заметим попутно, что подобного рода «классификационные признаки», позволяющие определять историка/археографа/источниковеда в ту или иную нишу вряд ли имеет особое значение, если говорить о внесенном историком вкладе в развитие науки. Также, впрочем, представляется излишним (при условности любых периодизационных границ) указание на эпоху романтизма «конца XVIII – первой половины XIX в.», как это отмечено в названии статьи данного автора, будто есть основание говорить об эпохе романтизма, например, рубежа XIX–XX вв. ...

иностранных дел» (часть I – М., 1813), где польская тематика также присутствовала. Все это вместе взятое мало-помалу способствовало формированию образа Польши в глазах исследователей, а затем и более широкого круга русского общества.

Представление о свойственной Н.Н. Бантыш-Каменскому манере работы с материалом и о его понимании сути польского вопроса способно дать «Историческое известие о возникшей в Польше унии. С показанием начала и важнейших, в продолж[ении] оной через два века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении». «Историческое известие...», над которым Бантыш-Каменский трудился по поручению обер-прокурора Святейшего синода, было завершено к 1795 году, к последнему году существования Речи Посполитой²⁶².

Со свойственной ему основательностью подойдя к решению поставленной перед ним задачи, Н.Н. Бантыш-Каменский²⁶³ начал свои изыскания издалека, стараясь проследить хотя бы кратко всю историю взаимоотношений восточной и западной церквей, и, конечно, не упустив случая пояснить, что «под именем Унии разумеется присоединение христиан греческого исповедания к церкви римско-католической»²⁶⁴.

Ясно давая понять, кто в сложившихся обстоятельствах прав, а кто виноват, Бантыш-Каменский заявлял: «Греки, а потому и россияне, однажды отлучившись и разделившись от римской церкви, никогда уже не хотели к оной присоединиться, но римляне всеми силами покушались склонять иногда греков, иногда же россиян к принятию их догматов веры, дабы тем соединить обе сии церкви»²⁶⁵. Буквально с первых страниц определив позиции сторон (и приняв за аксиому правоту одной из них, на основании чего по его адресу звучат упреки в

²⁶² Об этом см., напр.: Ганус С.А. Рецепция истории церкви в восточнославянских историографиях. С. 290–292.

²⁶³ Козлова Н.А. Труды Н.Н. Бантыш-Каменского по истории России // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 287–293.

²⁶⁴ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше унии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении, по высочайшему блаженной памяти императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся государственной Коллегии иностранных дел в Московском Архиве и разных исторических книг, действительным статским советником Николаем Бантышем-Каменским 1795 года собранное (с издания 1805 года). Вильно, 1864. С. 5.

²⁶⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие. С. 6.

тенденциозности²⁶⁶), автор приступает к изложению сути дела. Свободно ориентируясь в историческом материале, он, по всему видно, старался отметить каждый, – важный, с его точки зрения, – эпизод в истории взаимоотношений двух церквей. Он сообщал о контактах папы Иннокентия IV с князем Даниилом Галицким, поездке Антония Поссевина в Москву, «покушении к соединению Греко-российской с римскою церковью» в 1668 г., и о многом другом²⁶⁷. На его взгляд, ошибочность «мнения римлян», считающих, что «в 1439 году /.../ торжественно будто соединялась Греко-восточная, а следовательно и российская церковь с западною римскою на бывшем во Флоренции соборе /.../ и будто от сего собора Флорентийского (как многие нынешние униаты и римляне думают) началась потом в Польше *Уния* (курсив в оригинале. – Л.А.)»²⁶⁸, – была совершенно очевидна. Сам же автор был убежден в обратном: «сим Флорентийским собором всегда гнушалась греческая и российская церковь»²⁶⁹.

Чутко улавливая смысл полученного им, что называется, социального заказа, для автора существенным было напомнить, что еще «в привилегиях польских королей Александра I в 1499, и Сигизмунда I в 1511 году, данных исповедующему греческую веру шляхетству видно, что тогда в воеводы, старосты, и наместники жалованы были наравне как римского, так и греческого закона люди»²⁷⁰.

Так или иначе, но Бантыш-Каменский вынужден был констатировать, что «из всех упомянутых покушений римского двора, силившегося разнообразно поработить благочестивых, греческую исповедующих веру, чрез соединение с своею церковью, по несчастью, было удачнее то, которое в 1595 году чрез посольство из Киева в Рим происходило»²⁷¹. Основная идея автора (в полном соответствии с данным ему поручением) – понятна, его позиция – предсказуема, изложение – детально. Но при этом, безусловно, нельзя не признать, что сочинение базируется поистине на огромном, что бесспорно, историческом материале, причем, вне зависимости от того, что оно было, как несколько витиевато вы-

²⁶⁶ Ганус С.А. Рецепция истории церкви в восточнославянских историографиях. С. 291.

²⁶⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие. С. 8, 16, 28.

²⁶⁸ Там же. С. 9.

²⁶⁹ Там же. С. 13.

²⁷⁰ Там же. С. 34, 35.

²⁷¹ Там же. С. 31.

ражается современный автор, написано «по заказу, то есть по предварительно заданному направлению изложения»²⁷².

Для нас примечательно, что в своем труде Н.Н. Бантыш-Каменский охотно прибегал к свидетельствам польских авторов. Так, когда он пишет о Казимире Великом, который «взял во владение свое Львов, Перемышль, Санок, Галич и другие города, – он, хотя сам был римско-католицкого закона, во всех /.../ свободах и преимуществах уравнил русских и поляков, княжества переменял в воеводства и поветы, а русских бояр воеводами, кастелянами и старостами переименовал»²⁷³, – то ссылается на «Историю Польши» Яна Длугоша. Часто встречаются в «Историческом известии...» ссылки на Мартина Кромера, и, конечно, на наиболее популярного (как было уже не раз сказано, и в чем придется убедиться еще не раз) в России Матвея Стрыйковского (как и многими другими нашими авторами называемого «Стриковским»).

Бантыш-Каменский особенно хорошо знал полемическую литературу, привлекая книги, как (по его собственному выражению) «со стороны благочестивых против униатов, так и от стороны униатской против благочестивых»²⁷⁴. Например, в его труде встречаются ссылки на «...увещание Виленской братии церкви Св. Духа 12 декабря 1628» (Краков, 1629), где содержится совет «всем русским соединиться с римской церковью»²⁷⁵, или на «Плач Восточной Церкви на отступление некоторых от древнего греческого исповедания и от повиновения Патриарху константинопольскому» (Вильна, 1610), или на «Историю о Славенской Церкви» (Амстердам, 1679) Андрея Венгерского. Вполне естественно, что в своем «Историческом известии...» Н.Н. Бантыш-Каменский широко использовал фонды Архива Московской Коллегии иностранных дел, в частности, неоднократно цитируя хранящееся в архиве «Собрание Польских конституций».

Но, вне зависимости от того, черпал Н.Н. Бантыш-Каменский информацию из «Церковных анналов» Цезаря Барония, из «Летописца Малой России», из

²⁷² Ганус С.А. Рецепция истории церкви в восточнославянских историографиях. С. 291.

²⁷³ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие. С. 59.

²⁷⁴ Там же. С. 83 и др.

²⁷⁵ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие. С. 82.

«Литовской Метрики» или прибегал к сведениям из «Записной книжки Киевского митрополита Петра Могилы», из писем Рогозы или Поцея, или из «Славенской грамматики», – эта информация интерпретировалась им в соответствии с исходной установкой²⁷⁶. Автор стремился всячески изобличать «ежедневно наносимые благочестивым обиды», напоминал о «вопле, стенаниях и жалобах благочестивых, вне России пребывающих», о том, что «римляне и униаты не удержались преследовать благочестивых, в Польской Украине живущих», или, подобно средневековому хронисту, перечислял за годом год, констатируя, что «не прошел и сей год без жалоб благочестивых в Польше живущих людей о причиненных им ругательных мучениях и крайнем разорении»²⁷⁷ и т.д.

По-своему вполне логично, что особое место отведено Н.Н. Бантыш-Каменским правлению Екатерины II – российской монархини, которая, как он писал, «не может спокойно взирать на воздыхания как единоверных своих, так и диссидентов, в Польше и Литве пребывающих; и для того требует скорого им возвращения всех прав, вольностей и богослужения, каковое они имели по древнему становлению»²⁷⁸.

Примечательно также и то, что автор «Исторического известия...» порой отходит от основной (заявленной в названии) темы, чтобы высказать свое мнение по поводу сравнительно недавних дел – по поводу состояния Речи Посполитой накануне ее падения. Отношение автора к Станиславу Августу, которому, как он выражался, российская императрица, «доставила /.../ польскую корону», и «первейшим /.../ поставила долгом напомнить новому сему королю чрез своих в Варшаве находившихся тогда министров Кейзерлинга и князя Репнина о пользе благочестивых, в его владениях живущих»²⁷⁹, – вполне соответствует российской исторической традиции. Несмотря на то, что данный труд посвящен истории унии, Бантыш-Каменский не преминул задержать внимание читателей на том, как, в частности, развивались события в Польше после провозглашения

²⁷⁶ Что позволило С.А. Ганусу заявить, что книга Н.Н. Бантыша-Каменского есть «некое квадратное уравнение, в которой намерения автора задекларированы даже не на первых страницах, а в самом названии». – Ганус С.А. Рецепция истории церкви в восточнославянских историографиях. С. 291.

²⁷⁷ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие. С. 204, 319, 339, 269.

²⁷⁸ Там же. С. 326.

²⁷⁹ Там же. С. 325.

«Правительственного закона», не без удовлетворения при этом отметив, что «раздоры и беспокойствия, происшедшие в Польше после перемены 3 мая 1791 года, недолго продолжались». Не приходится удивляться, что Бантыш-Каменский безоговорочно одобрял тех «благонамеренных из поляков», которые, «желая спасти погибающее отечество и дать оному прежнюю вольность и независимость, составили в Тарговице генеральную конфедерацию». Похоже, автор не видел ничего предосудительного в том, что Тарговицкая конфедерация, – писал он здесь же, – была составлена «под защитою и покровительством Российского двора». Попутно (но явно благосклонно) им было также отмечено, что и «сам король польский /.../ оную конфедерацию одобрил»²⁸⁰, – правда, историк не счел нужным пояснять, когда и почему это произошло.

В скобках заметим, что этот щекотливый вопрос долгое время преподносился односторонне, в том числе и в польской историографии, – с нескрываемым осуждением поступка короля Станислава Августа (что, как известно, было, по сути, спровоцировано одним из бывших его ближайших сподвижников Гуго Коллонтаем, который предпочел замолчать тот факт, что решение о присоединении короля к Тарговицкой конфедерации было принято Стражей законов, членом которой был и сам Коллонтай²⁸¹)... После архивных разысканий, если не сказать – открытий, Эммануила Ростворовского, поколебавшего давно, казалось бы, устоявшиеся суждения о Станиславе Августе как об одном из антигероев польской истории, прошло еще не одно десятилетие прежде чем, и теперь уже в XXI в., в историографии, в том числе в польской, были пересмотрены обстоятельства тех драматических событий, среди участников которых был и последний польский король²⁸².

Так или иначе, для Н.Н. Бантыш-Каменского был важен результат, и он был вполне доволен, что «между императрицей и польским королем и Речью Посполитой Трактатом восстановлена в Польше тишина и спокойствие». Важ-

²⁸⁰ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие... С. 350.

²⁸¹ Подробнее об этом см., например: Rostworowski E. 1) Ostatni król Rzeczypospolitej. Warszawa, 1966; 2) Legendy i fakty XVIII w. Warszawa, 1963.

²⁸² См. новейшие исследования: Butterwick R. Polska rewolucja a Kościół Katolicki. 1788 –1792. Kraków, 2012. S. 450–454 и др.; Zielińska Z. Polska w okowach „Systemu Północnego”. 1763–1766. Kraków, 2012. S. 10–16 и др.

нее всего для него, конечно, было то, что «присоединена к России отторженная от оной в смутные времена та часть Польши, которая тогда составила три российских губернии, Минскую, Изяславскую и Браславскую, населенные великим числом уставших от гонения благочестивых жителей»²⁸³.

Особо следует подчеркнуть то, что автор здесь говорит о возвращении Россией лишь тех земель, что отошли к Речи Посполитой в начале XVII столетия, – в то время как позднейшая российская полонистика, как известно, напомнит и о более давних потерях. Отмечая заслуги Н.Н. Бантыш-Каменского перед отечественной полонистикой, остается лишь отметить, что в последние годы своей жизни он деятельно включился в публикацию «Собрания государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел» (часть I – М., 1813).

Отдавая должное отечественным историописателям Раннего нового времени, стараниями которых закладывался фундамент российской полонистики, не приходится, однако, забывать о том, что результаты их трудов нередко входили в научный оборот с большим запозданием. Как уже упоминалось, «Скифская история» А.И. Лызлова будет напечатана спустя примерно 80 лет после написания. «Историю Российскую» В.Н. Татищева начнут издавать только посмертно, в 1768 г., и публикация затянется не на одно десятилетие. Что касается основных полонистических студий Н.Н. Бантыш-Каменского, то их издательская судьба также сложится непросто – до них у издателей руки дойдут далеко не сразу. К примеру, составленное при Екатерине II «Историческое известие о возникшей... унии...» выйдет в свет лишь при ее внуке (М., 1805), это же издание позднее будет повторено (Вильна, 1864). Подготовленным трудами Н.Н. Бантыш-Каменского «Дипломатическим собранием дел между Российским и Польским дворами» еще Н.М. Карамзин, как известно, будет пользоваться в рукописи. Опубликуют его – да и то частично – только в начале 1860-х годов²⁸⁴. Что касается «Записки об избрании Августа III», то ее напечатают немногим ранее, в 1841 г.²⁸⁵

²⁸³ Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие. С. 350–351.

²⁸⁴ ЧОИДР. М., 1860. Кн. 4; 1861. Кн. 2; 1862. Кн. 4.

²⁸⁵ Русский вестник. 1841. Т. 4.

В глазах людей конца XVIII – начала XIX в. связанные с Польшей события екатерининской поры, увенчанные суворовским штурмом Праги, правобережного предместья польской столицы, и третьим разделом Речи Посполитой, еще не успели стать достоянием истории. Последовавшие за ними геополитические перемены первых десятилетий нового, XIX века, – и, в том числе, появление в 1807 г. по воле Наполеона под боком у России Варшавского герцогства, чьи войска примут участие в походе 1812 года на Москву, новый передел польских земель на Венском конгрессе – никак не давали русскому обществу отойти от польской тематики²⁸⁶ и побуждали оглядываться назад, благо – многовековая история русско-польских взаимоотношений доставляла богатый материал для всяких аналогий. Пожалуй, именно этот взгляд в прошлое, рефлексия по поводу давних (и, как правило, непростых) взаимоотношений между Россией и Польшей, всегда придавали полонистическим занятиям (причем, самого разного рода и объема) неизменную актуальность.

С победой в Отечественной войне и созданием Королевства Польского, т.е. с включением значительной части этнической польской территории в состав Российской империи на правах ограниченной автономии, тематика эта особенно актуализировалась²⁸⁷. Помимо прочего, оживились личные и научные контакты с поляками.

Именно таким образом в историю российской науки вошел, например, Адам Чарноцкий (1784–1825). Поляк, родом из Минского воеводства, в свое время послуживший в наполеоновской армии, он в послевоенные годы взял себе псевдоним Зориан Доленга-Ходаковский и под этим именем приобрел известность как этнограф, историк, фольклорист. Как известно, с Россией был тесно связан на-

²⁸⁶ Во всяком случае, с точки зрения Яна Орловского, польская тематика (как видно, понимаемая польским автором довольно узко) особенно часто начинает появляться в российской литературе, что, в основном, было связано с политическими событиями, когда польский вопрос для России становился делом едва ли не первостепенным. – Orłowski J. *Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej. Od wieku XVIII do roku 1917.* Warszawa, 1992. S. 5.

²⁸⁷ См.: Жуковская Т.Н. 1) Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. // Памяти Ю.Д. Марголиса: Письма, документы, научные работы, воспоминания. СПб., 2000. 2) Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002; 3) Дворянский либерализм при Александре I. Споры о конституциях и «Рабстве» в русских журналах 1800–1810 годов. Петрозаводск, 2002.

чальный период творчества Иоахима Лелевеля (1786–1861), крупнейшего польского историка эпохи романтизма²⁸⁸.

Все больше входившее в моду в образованных кругах собирательство памятников древности – «антикварский дилетантизм», как выразился В.О. Ключевский²⁸⁹ по поводу увлечения весьма чтимых им А.И. Мусина-Пушкина и других коллекционеров – не обошло своим вниманием польские манускрипты и редкие издания. Подогреваемое патриотическими чувствами и пользующееся благорасположением властей, такое увлечение способствовало опубликованию ряда источников, стимулировав и исторические студии.

Среди наших ученых первой трети XIX века, которые – пусть с немалыми оговорками – могут быть сопричислены к полонистам, первое место, бесспорно, принадлежит Николаю Михайловичу Карамзину (1766–1826) с его «Историей Государства Российского», где русско-польские отношения стали фактически сквозной темой. Польские экскурсы – разного характера и объема – проходят через все прославленное сочинение. Карамзину не просто принадлежит особая заслуга в разработке польской проблематики. Именно карамзинская трактовка никогда не терявшего актуальности для России польского вопроса надолго станет господствующей в нашем обществе, сыграв огромную роль в формировании национальной исторической традиции²⁹⁰.

Впрочем, свое понимание сути русско-польских отношений – и разделов Речи Посполитой в том числе – великий историк изложил еще до того, как стал официальным историографом. Выступив в 1802 г. с «Историческим похвальным словом Екатерине Второй», Н.М. Карамзин с полным одобрением отозвался о шагах императрицы по отношению к Речи Посполитой. По поводу российских приобретений в ходе разделов 1772–1795 гг. сказано без колебаний: «Монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние и когда уже слабый дух ветхой

²⁸⁸ См., например: Басевич А.М. Иоахим Лелевель. Польский революционер, демократ, ученый. М., 1961; Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты. М., 1974.

²⁸⁹ Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 236.

²⁹⁰ Подробнее об этом см., напр.: Афиани В.Ю., Козлов В.П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» // Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т. 1. М., 1989. С. 520; Glebocki H. Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). Kraków, 2000. S. 27–33; Nowak A. Od imperium do imprium. Spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Kraków, 2004. S. 147–166; Włachowska K. Narodziny imperium... S. 37.

республики не мог управлять ее пространством». Карамзина, уверенного в том, что «сей раздел есть действие могущества Екатерины и любви ее к России»²⁹¹, восхищали как геополитические успехи российской императрицы, так и ее высокий патриотизм. Не удивительно поэтому, что отмена польским сеймом Кардинальных прав, гарантированных самой Екатериной, была представлена Карамзиным как «бунт», а в восстании 1794 г. акцентировано «предательское» нападение на русские гарнизоны в польских городах.

Писатель не сомневался, что о гибели Польского государства «никто не жалеет», а «ее мятежные и несчастные жители, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державой трех союзных государств»²⁹². На взгляд историка, «Польша была также предметом ее (Екатерины. – Л.А.) внимания»²⁹³, императрица не только действовала в интересах России, но и облагодетельствовала «мятежных и несчастных жителей» Речи Посполитой, которые обрели, наконец, мир.

Говоря о недавних польских делах, Карамзин отнюдь не забывал все те неприятности, какие поляки издавна доставляли России²⁹⁴. Неприятности эти он связывал, прежде всего, со временами Самозванца, да и весь исторический путь беспокойного соседа был им охарактеризован соответственным образом. Польша, писал он, «была всегда игрищем гордых вельмож, театром их своеволия и народного унижения...». Напомнив, что Афинская, Спартанская или Римская республики знавали времена своего расцвета, по поводу Польши Карамзин заявлял, что это – «республика без добродетели и геройской любви к отечеству», что

²⁹¹ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 290.

²⁹² Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово // Карамзин Н.М. О древней и новой России. С. 294.

²⁹³ Там же. С. 293.

²⁹⁴ В связи с этим трудно не выступить против утверждения Н.М. Филатовой, которая (по-видимому, разделяя мнение польского исследователя Р. Волошиньского) пишет, что «в первой трети XIX века (до восстания 1830–1831 годов) представления о Польше, свойственные просвещенной части общества, опережались – в соответствии с приоритетами Просвещения – еще не столько идеей исторической “народной” вражды, восходящей к Смутному времени, сколько пришедшим с Запада образом Польши как отсталого во всех отношениях государства, где господствует анархия». – Филатова Н. Польша в синтесах российской историографии (Карамзин – Соловьев – Ключевский) // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000. S. 142. По крайней мере, спорным кажется заявление, что представления о господствующей в соседней Польше анархии позаимствованы в России с Запада.

она – «есть неодоушевленный труп»²⁹⁵. Потому он желал лишь, чтобы ветром развеялся пепел «тех развалин, где тирания была идолом»²⁹⁶.

Что же могло служить опорой для такого безапелляционного вердикта? Сугубо пророссийскую, этатистскую по своему характеру позицию автора, очевидно, в значительной мере питала национальная память о тех бедах, какие поляки издавна приносили Руси. Именно эта, прочно закрепившаяся в поколениях, и к XIX веку уже изрядно обросшая легендами, историческая память подсказывала Карамзину те хлесткие эпитеты, к каким он охотно прибегал в своем «Похвальном слове».

Впрочем, Карамзин и не притязал на беспристрастие, рисуя явно идеализированный портрет императрицы – российской патриотки и государственницы. Он восхищенно живописал²⁹⁷, как императрица «часто, облокотясь священной рукою на бессмертные страницы *Духа законов* (курсив в оригинале. – Л.А.), раскрывала в уме своем идеи о народном счастье, предчувствуя, что она сама будет творцом оного для обширнейшей империи в свете!»²⁹⁸. В то же самое время историк признавал, что «правило народов и государей не есть правило честных людей; благо сих последних требует, чтобы первые более всего думали о внешней безопасности: а безопасность есть – могущество!»²⁹⁹. И коль скоро речь идет о таком могуществе, невозможно, по мысли Карамзина, отрицать стремления государей к территориальным приобретениям. Историк отдавал себе отчет в том, что «Петр и Екатерина хотели приобретений, но, – пояснял он, – единственно для пользы России, для ее могущества и внешней безопасности, без которой всякое внутреннее благо ненадежно»³⁰⁰.

²⁹⁵ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово. С. 294.

²⁹⁶ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй. М., 1802. С. 39–41.

²⁹⁷ По мнению П.Н. Милюкова, Н.М. Карамзин исходил из того, что «история должна быть занимательна: по соображениям утилитарным, по соображениям эстетическим, по соображениям патриотическим. Вот основная задача, преследующая историографа. Разумеется, сам он сделает все возможное и употребит все средства для осуществления этой задачи: сократит, раскрасит, оживит патриотизмом». – Милюков П.Н. Главные течения... С. 168.

²⁹⁸ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово. М., 2002. С. 286.

²⁹⁹ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово. С. 287.

³⁰⁰ Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово. С. 287.

Конечно, «Похвальное слово» – не тот жанр, который располагал к полной искренности, а тем более к объективности. Но, восхваляя деяния Екатерины и, в том числе, разделы Речи Посполитой, автор, судя по всему, не покривил душой.

В то же время нельзя не подчеркнуть, что карамзинское восприятие польских реалий все-таки не сводилось лишь к возвышенным тирадам и нравоучениям. Больше того, оно вообще не было столь уж однозначным. Доказательством тому – «Мнение Русского гражданина», записка, которую Карамзин представил царю в 1819 году, когда распространился слух о намерении Александра I «восстановить Польшу в *ее целостности* (курсив в оригинале. – Л.А.)»³⁰¹.

Рискуя навлечь на себя царский гнев, историк предсказывал губительные последствия восстановления независимой Польши: «Мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к Царю: остыли бы душою и к Отечеству, видя оное игрищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением государства, но и духом; унизились бы пред другим и пред собой»³⁰². Восстановление Польши, убеждал Карамзин, сулит альтернативу: или падение России, или «сыновья наши обагрят своею кровью землю польскую и снова возьмут штурмом Прагу». Опасаясь превращения поляков в «державный народ», он не доверял и «Полякам-Россиянам», хотя и не считал их столь опасными. Его основополагающая идея сводится к тому, что «никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками»³⁰³.

Любопытно, что в «Мнении Русского гражданина», – в отличие от «Похвального слова Екатерине», – автор если не готов был сам признать разделы Польши нелегитимными, то, по крайней мере, допускал возможность такой трактовки (хотя в итоге такое допущение все равно для автора ничего по суще-

³⁰¹ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина // Карамзин Н.М. О древней и новой России... С. 436.

³⁰² Наверное, Т.А. Володина по-своему права, когда делает акцент не столько на имперском характере требований Н.М. Карамзина, сколько на проявившемся в связи с польским вопросом характере взаимоотношений между государем и его подданными. Автор статьи настаивает, что в предупреждении Карамзина слышится предупреждение всего общества – «мы отвернемся от Вас, Государь!», настаивая на том, что дело было «не только в Польше. В начале XIX века в общественных умонастроениях многое приобрело национальную окраску. Образованная элита вдруг почувствовала потребность усилить и подчеркнуть свою "русскость"». – Володина Т.А. «Русская история» С.Н. Глинки и общественные настроения в России в начале XIX века // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 148.

Однако, на наш взгляд, и подчеркивание «русскости», и утверждение права «меча» в данном случае выступают неразрывно и, прежде всего, они связаны с характерным для русского общества восприятием Польши и поляков.

³⁰³ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина. С. 438.

ству не меняло). Кроме того, аргументы исторического характера (возвращение «древнего нашего достояния») или выражение сочувствия «несчастливым жителям»³⁰⁴ Речи Посполитой – теперь были отодвинуты в сторону: «Скажут ли, что она (Екатерина. – Л.А.) незаконно разделила Польшу? Но Вы, – обращался Карамзин к царю, – поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали заглазить Ее несправедливость разделом самой России (т.е. отдать полякам Литву, Волынь и пр. – Л.А.). Мы, – напоминал Карамзин, – взяли Польшу мечом: вот наше право, коему государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний»³⁰⁵.

Что здесь обращает на себя внимание? Карамзин, как и его читатели, по видимому, не замечал уязвимости, даже рискованности своего главного аргумента. Ведь, придавая такой вес «праву меча» и, признавая, что «государства /.../ все составлены из завоеваний», он фактически должен был бы признать, что в государственной политике всё, в конечном счете, решают не высокие побуждения, а грубая сила и геополитические интересы. Что же касается западнорусских земель, то они, как всем известно, в свое время принадлежали Польше как раз по тому же «праву меча». Не выходит ли в таком случае, что давние захваты русских земель литовцами или поляками получали у Карамзина – вопреки его собственным намерениям – некую легитимацию? Так или иначе, но свою основную цель историограф видел в том, чтобы внушить Александру I: «Екатерина отвечает Богу, отвечает истории за свое дело; но оно сделано и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное российское владение»³⁰⁶.

Примечательно, что присутствовавшая в конфиденциальной записке по своему трезвая (и одновременно, по сути своей, – геополитическая, имперская) аргументация была оставлена Карамзиным за рамками открытого обсуждения польского вопроса – как в «Историческом похвальном слове Екатерине Второй», так и позднее, на страницах «Истории Государства Российского». На публике в ход привычно шли стереотипы, уже прочно закрепившиеся в общественном сознании. Вернее сказать, геополитическая составляющая у Карамзина, автора все-

³⁰⁴ О противопоставлении поляков – русским («россиянам») у Н.М. Карамзина см.: Долбилов М.В. Поляк в имперском политическом лексиконе // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II. С. 297.

³⁰⁵ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина. С. 437.

³⁰⁶ Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина. С. 437.

ми охотно читаемой «Истории Государства Российского»³⁰⁷, тоже будет присутствовать. Однако там она выступит в смягченном, облагороженном виде, и на первом плане окажутся такие доводы, как возвращение исконно российского достояния, защита единоверцев.

Политика – политикой, но в основе воззрений Н.М. Карамзина на польскую проблематику, как бы их ни оценивать, лежало, – наряду с преклонением перед величием России и перед самодержавием – солидное знание предмета. Судить о нем позволяет многотомная «История государства Российского», над которой историограф трудился до конца своих дней. Давно замечена известная дистанция между основным корпусом монументального творения и превышающими его по объему «Примечаниями»³⁰⁸: в первом случае верх обычно брали эмоции художника и морализаторство патриота-государственника, во втором – свободнее пробивал себе дорогу талант и эрудиция ученого. Судя по всему, не поддаваясь тому обаянию «Истории государства Российского», которое испытали на себе современники Н.М. Карамзина, П.Н. Милюков уверенно заявлял, что: «Если /.../ "Примечания" оставляют /.../ несравненно более выгодное впечатление, чем самый текст "Истории", то это объясняется не столько критическим талантом автора, сколько его ученостью»³⁰⁹. Успех творения Карамзина у читающей публики ничуть не удивлял Милюкова, поскольку текст «Истории государства Российского», с его точки зрения, попросту был «приноровлен к литературным вкусам большой публики»³¹⁰.

Материал для таких наблюдений доставляют также и польские экскурсы. Разного характера и объема, они проходят через весь огромный труд. Польская составляющая источниковой базы монументального творения Карамзина весьма основательна. Ее характеристике отведено немало места в научном аппарате начатого два десятилетия тому назад и до сих пор, кажется, не завершеног

³⁰⁷ Об этом см., напр.: Козлов В.П. «История Государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников. М., 1989; Włachowska K. Narodziny imperium. S. 41–43; Милюков П.Н. Главные течения. С. 187.

³⁰⁸ Об этом подробнее: Козлов В.П. «Примечания» Н.М. Карамзина к «Истории Государства Российского» // Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. М., 1989. Т. I.

³⁰⁹ Милюков П.Н. Главные течения. С. 179–180, 165, 187.

³¹⁰ Милюков П.Н. Главные течения. С. 179–180; также см.: С. 165, 187.

демического издания «Истории Государства Российского». Тем не менее он пока еще не получил достаточного освещения в нашей литературе³¹¹.

Обращение к польским средневековым и позднейшим историческим сочинениям в поисках сведений как о Руси, так и о соседних землях вошло в практику российского историописания, как было отмечено, задолго до Карамзина³¹². Но, бесспорно, Карамзин делал это гораздо более основательно и систематично, чем его предшественники. Какие-то тексты доставались ему из вторых рук – как, например, отрывки из так называемой Великопольской хроники (XIII–XIV вв.), воспроизводимые им по «Истории польского народа» Адама Нарушевича, представлявшей собой высшее достижение польской исторической мысли эпохи Просвещения. Но, как правило, Карамзин обращался к более ранней историографической традиции.

Сведения о тех сочинениях (или об их авторах), на которые опирался Н.М. Карамзин, сосредоточены преимущественно как раз в «Примечаниях», хотя встречаются они, пусть эпизодически, и в основном тексте. Например, в первом томе «Истории Государства Российского» находим прямую цитату из «Хроники» Матвея Стрыйковского (у Карамзина – Стриковского³¹³). Там, где речь идет о древнем славянском богослужении, читаем: «Слыша вой бури (пишет Стриковский), сии язычники с благоговением преклоняли колена»³¹⁴. В основном корпусе своего знаменитого труда Карамзин, надо сказать, редко прибегал к непосредственным выдержкам из трудов своих предшественников (если признать, что отчасти задача состояла в том, чтобы «иное сократить, иное раскрасить; /.../ остановиться на благоприятных эпизодах и характерах»³¹⁵), и потому ссылка на польского историка XVI века тем более обращает на себя внимание.

Вообще, хорошо зная сочинения Яна Длугоша, Матвея Меховского, Мартина Кромера и других авторов, Карамзин, подобно большинству своих предшественников, особенно охотно прибегал к «Хронике польской, литовской, жмудской

³¹¹ Космолинская Г.А. Об иностранных источниках «Истории Государства Российского» // Вопросы истории. 1986. № 3. С. 172–176; Аржакова Л.М. Тема русско-польских отношений в трудах Н.М. Карамзина // Страницы Российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2008. С. 23–32.

³¹² См., напр.: Старчевский А.В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845.

³¹³ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 339.

³¹⁴ Там же. С. 80.

³¹⁵ Миллюков П.Н. Главные течения. С. 166.

и всей Руси» Матвея Стрыйковского. В собрании Карамзина имелся список сделанного в 1688 г. русского перевода этой хроники. В одних случаях имя хрониста Карамзиным упоминается вскользь, в других – воспроизводится (когда более, когда менее подробно) суждение создателя «Хроники...» по тому или иному поводу.

Нередко Стрыйковский присутствует в «Истории Государства Российского» не в одиночку, а вместе с другими польскими историописателями, рядом то с Яном Длугошем – автором знаменитой «Истории Польши», то с Мартином Кромером. Реже упоминается среди других польских авторов хронист Винцентий Кадлубек (рубеж XII–XIII вв.), вовсе эпизодически – служивший в Польше итальянец Александр Гваньини (которого с большими на то основаниями подозревают в присвоении себе авторства одного из сочинений Матвея Стрыйковского – «Описания Европейской Сарматии»)³¹⁶.

Иными словами, «Примечания» к «Истории Государства Российского» и сам ее текст со всей очевидностью показывают, что ее создатель достаточно основательно изучил польскую историографическую традицию с самых ее истоков – начиная с XII в., когда возникает «Хроника...» Галла Анонима (у Карамзина он – Мартин Галлус), и вплоть до XVIII столетия, когда будет написана капитальная, доведенная до 1386 г. «История польского народа» Адама Нарушевича. Кроме того, Н.М. Карамзин неоднократно прибегает к свидетельствам «Синопсиса»³¹⁷, не упуская случая попенять его автору за то, что тот заимствовал сведения преимущественно у польских историков и, к примеру, «ссылается, вместо Нестора, на Стриковского»³¹⁸.

Карамзин отдавал «Хронике польской...» такое предпочтение, что один из критиков в 1823 г. упрекнет его за излишнее доверие к Стрыйковскому, на которого, по мнению автора журнальной статьи, «можно сослаться только в таком случае, когда надо представить пример легкомыслия в предметах историче-

³¹⁶ Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej. Poznań, 2003. S. 39; Хроника Александра Гваньини // Словарь книжников и книжности. Выпуск. 3 (XVII в.). Часть 4. Т – Я. Дополнения. СПб., 2004. С. 205–207.

³¹⁷ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. I. С. 198, 228.

³¹⁸ Там же. С. 228.

ских»³¹⁹. Такой подход к «Хронике польской...» все-таки грешил гиперкритицизмом, но сам по себе упрек не был вовсе беспочвенен. Хотя, надо сказать, Карамзин отдавал себе отчет в том, насколько долог и сложен был путь сведений о седой древности, прежде чем они попали в «Хронику...» Стрыйковского. Так, упомянув о войне князя Владимира с ляхами, он счел нужным в примечании пояснить читателю, что «Длугош упоминает о сей войне единственно по известию Нестеру, прибавляя от себя, что счастье благоприятствовало той и другой стороне /.../ Мартин Галлус и Кадлубек не знали Нестора. Длугош пользовался Кадлубеком и Нестером; Кромер также; Стриковский брал известия свои о древней России из Длугоша, Кромера и Герберштейна»³²⁰.

Наряду с общеизвестными сочинениями русских, польских, западноевропейских авторов (таких, как, например, П.Ж. Солиньяк) Карамзин привлекал и труднодоступные издания. Примером тому может служить основанный на «Письмах Общества Иисуса» рассказ о переходе Самозванца в католическую веру, сопровождаемый следующим пояснением Карамзина: «Сии письма, напечатанные в 1618 г., весьма редки, они доставлены мне из бывшей Полоцкой иезуитской библиотеки»³²¹. Освещая взаимоотношения России с Литвой и Польшей, ученый опирался также и на отечественные архивные фонды (им, в частности, упоминаются «Дела польского двора» и др.).

Надо отметить, что со своими польскими предшественниками Н.М. Карамзин нередко полемизировал – чаще в примечаниях, но иногда и в основном тексте. Один из поводов для полемики дали рассуждения о действиях короля Сигизмунда III после взятия им летом 1612 г. Смоленска. «Историки польские, – читаем у Карамзина, – строго осуждая его неблагоразумие в сем случае, пишут, что если бы он, взяв Смоленск, немедленно устремился к Москве, то (русское. – Л.А.) войско... рассеялось бы в ужасе, как стадо овец; что король вошел бы победителем в Москву... и возвратился бы в Варшаву завоевателем не одного Смо-

³¹⁹ Цит. по: Козлов В.П. «История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников... С. 173.

³²⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского... Т. I. С. 281–282. Мартин Галлус – это, иначе говоря, Галл Аноним; вслед за русским переводчиком «Хроники польской...» Матвея Стрыйковского Н.М. Карамзин именовал Стриковским.

³²¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского (Репринтное воспроизведение 5-го издания 1824–1844 гг.). М., 1988. Т. XI. Примеч. 213.

ленска, но целой державы Российской». Соответствующее примечание (№ 778) отсылает к сочинениям А. Нарушевича и Ю. Немцевича.

Отчего заключение этих двух почтенных польских историков «едва ли справедливое»? Аргументация Карамзина по-своему примечательна: «Ибо тысяч пять усталых воинов, с королем мало уважаемым ляхами и ненавидимым россиянами, не сделали бы, вероятно, более того, что сделал после новый его военачальник, как увидим; не переменяло бы судьбы, назначенной Провидением для России!»³²². Иначе говоря, здесь у автора «Истории...» воедино сведена прагматическая, житейская мотивировка со ссылкой на Провидение. По всему видно, что ход мыслей ученого в данном случае остается в пределах давних (и, главное, воспринимаемых большинством) стереотипов. Больше того, он не замечал некоторой даже кощунственности своих собственных доводов: не выходит ли, по его логике, что большое и свежее войско во главе с популярным полководцем чуть ли не способно было бы даже нарушить предначертания Всевышнего?

Этот эпизод, как и некоторые другие из польских экскурсов «Истории государства Российского», заставляют несколько усомниться в правоте А.Н. Сахарова, ответственного редактора академического издания «Истории...», который – вместе с М.Б. Свердловым – уверяет, что Карамзину «были чужды провиденциалистско-теологические теории»³²³.

Военные и дипломатические контакты России с Польшей, вполне понятно, стояли у Карамзина на первом плане, а внутривосточная проблематика оставалась в тени. Но ученый все же не прошел мимо такого, с его точки зрения, важнейшего в истории любого народа, события, как то, что «Польские Славяне, Ляхи, наскучив бурною вольностию, подобно Славянам Российским, еще ранее их прибегнули к Единовластию». В примечании информация была дополнена: «Польские Славяне, около половины IX века, быв до того времени игрищем несогласных Воевод своих, избрали себе в Государя Пиаста или Пяста, которого потомки царствовали до конца XIV века»³²⁴.

³²² Карамзин Н.М. Т.ХП. С. 576. «Новый военачальник» – гетман Ходкевич.

³²³ Сахаров А.Н., Свердлов М.Б. Послесловие. Начальный период отечественной истории в освещении Н.М. Карамзина // Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 1989. Т. I. С. 595.

³²⁴ Там же. Т. I. С. 145 и 281.

О дальнейших переменах в государственном устройстве страны упоминается бегло. Так, при объяснении, отчего польский король Ян Ольбрахт (у Карамзина – «Алберт») не поддержал в споре с Москвой Литву, где правил младший брат короля Александр, историк сослался на польскую «особенную государственную систему»³²⁵. На порядки в «республике», то есть в Речи Посполитой обоих народов, возникшей после Люблинской унии, он взирал с явным неодобрением, показывая, как выборность королей открывала простор интригам и раздорам. Им безоговорочно осуждались как вечно враждовавшие между собой вельможи, так и «мятежная шляхта», которая «любила законодательствовать на сеймах»³²⁶.

К своим польским источникам Н.М. Карамзин, продолжая идущую от Ломоносова, Татищева и их предшественников традицию, подходил строго критически. Сходство обнаруживает себя и в том, что далеко не всегда можно понять, чем продиктованы неодобрительные эпитеты по адресу поляков – результат это критики источника в строгом, источниковедческом смысле этого слова или здесь сказываются национальные предубеждения. Пожалуй, один из самых употребительных у Карамзина эпитетов по отношению к Длугошевым известиям – «сказка», «басня», «вымысел».

В одном месте встречаем: «сказка новейшего Длугоша»³²⁷, в другом – «Длугош, по своему обыкновению, вымыслил» или: «Далее он (Длугош. – Л.А.) баснословит». Учитывая, что Матвей Стрыйковский в своей «Хронике...» шел по стопам Яна Длугоша, неудивительно, что нелицеприятные эпитеты достаются и ему: «Кромер, Стриковский и другие повторили сказку Длугоша, смесь Нестеровых и древних Польских известий, раскрашенную вымыслом»³²⁸, «Щербатов и Левек, повторили нелепости Длугошевы, взяв оные из М. Стриковского»³²⁹ и т.п. Обратим внимание, что Карамзин здесь пребывает уже на иной (по сравнению с изначальной) стадии самооценки: на первом этапе изложения своей «Истории...» оттолкнувшись от Щербатова, по прошествии времени он почти освобо-

³²⁵ Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1999. Т. VI. С. 145.

³²⁶ Карамзин Н.М. История. М., 1988. Т. III. С. 100.

³²⁷ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. М., 1991. С. 548.

³²⁸ Там же. С. 247, 299, 199.

³²⁹ Там же. С. 299.

дился от его влияния, и потому позволяет себе открыто критиковать предшественника³³⁰.

Впрочем, желая, очевидно, более мягко выразить свое несогласие с польскими авторами, Карамзин употребляет такие обороты речи, как «они (Кромер и Нарушевич. – Л.А.) несправедливо говорят», «Длугош несправедливо пишет», «Длугош ошибся»³³¹ и т.д.

В более выигрышном свете предстает разве что Адам Нарушевич. Ссылки на него, как правило, сопровождаются уважительным комментарием. Судя по всему, Карамзин, числил Нарушевича уже по иному разряду, нежели других (более ранних) польских историков – похоже, что российский историограф историографа польского воспринимал как равного себе, и потому писал о нем в иной тональности: «Нарушевич сомневается» или «справедливее думал, кажется, Нарушевич», «Нарушевич доказывает»³³².

Отношения Руси с Литвой и Польшей, как и все остальное, у Карамзина подчеркнута персонифицированы. Он не чуждался глобальных категорий (у Литвы «древняя, естественная ненависть к России»³³³), но отдавал предпочтение колоритным портретам, что во многом и обеспечило ему читательские симпатии. Действовавшие на страницах «Истории...» польские политики, как правило, воплощали в себе зло. Они должны были оттенять добродетели и заслуги создателей Российской державы. Своему любимому герою – Ивану III, «творцу величия России», который «принадлежит к числу весьма немногих Государей избираемых Провидением решать надолго судьбу народов»³³⁴, ученый противопоставил Казимира IV Ягеллончика. Сей король польский и великий князь литовский в одном лице охарактеризован был крайне нелестно: всегда малодушный, предавал своих союзников – как татар, так и новгородцев и пр.

Такой малопривлекательный образ монарха отчасти брал начало в польской историографической традиции. Еще в 1870-х годах, одному из столпов так называемой Краковской школы, М. Бобжиньскому (о трудах которого и их воспри-

³³⁰ См., например: Милюков П.Н. Главные течения. С. 179.

³³¹ Карамзин Н.М. История Государства Российского. Т. II–III. С. 207, 236, 247.

³³² Там же. С. 205, 302, 548.

³³³ Там же. С. 371.

³³⁴ Карамзин Н.М. История... Т. VI. С. 207, 209.

ятии в России еще будет идти речь в дальнейшем), придется доказывать своим соотечественникам, что Ян Длугош, от которого и пошла эта традиция, «не будучи в состоянии примириться с направлением политики Казимира Ягеллончика и будучи враждебно настроен против нового, неприязненного для церкви политического движения, /.../ умолчал обо всем, что говорило в пользу этого последнего, и оставил нам весьма отрывочное и тенденциозно окрашенное изображение тех времен»³³⁵.

Но, конечно, определяющим для Карамзина было то, что Казимир – враг Москвы. Неоднократно было повторено, что король ненавидел Россию, «боялся твердого, хитрого, деятельного и счастливого Иоанна» и питал к нему ненависть. Рассказ о том, что в Москве сожгли двух заговорщиков, по Казимирову наущению собиравшихся отравить Великого князя, вдохновил историка на патетическую тираду: «Никогда выгода государственная не может оправдать злодеяния; нравственность существует не только для частных людей, но для Государей: они должны поступать так, чтобы правила их деяний могли быть общими законами»³³⁶.

Безусловно, в основе воззрений Н.М. Карамзина на польскую проблематику лежало солидное знание материала, столь наглядно демонстрируемое в «Истории Государства Российского». Но обуревавшие его патриотические чувства, восхищение деяниями московских самодержцев накладывали зримый отпечаток на все повествование.

Любящий нравоучения Карамзин не заметил (впрочем, в этом отношении он не был ни первым, ни последним), что к поступкам Ивана III им прилагалась совсем иная мерка, чем к делам польских или литовских политиков. Впрочем, политика двойных стандартов, которой не чуждался автор, была не нова для российской (и не только российской) исторической науки. Реляция о том, как тот осенью 1482 г. наслал татар на принадлежавший Литве Киев, сопровождается справкой: «Сей случай оскорбил православных Москвитян, которые видели с сожалением, что Россия насылает варваров на единоверных». Самого же истори-

³³⁵ Бобржинский М. Очерк истории Польши / Под ред. Н.И. Кареева. СПб, 1888. Т. I. С. 248.

³³⁶ Карамзин Н.М. История. Т. VI. С. 147.

ка вполне удовлетворила констатация: Великий Князь думал «единственно о выгодах государственных»³³⁷. Свое пристрастие к Ивану III историк еще яснее проявил в повествовании о том, как тот, заключив в 1503 г. перемирие со своим зятем Александром, после смерти Казимира IV унаследовавшим литовский престол, тайно уговаривал хана Менгли-Гирея продолжать войну с литовцами и обещал сохранить неизменным союз с ханом против Литвы. Тут же сообщалось, что Александр, у которого было немало претензий к тестю, арестовал нескольких русских послов. Мнение историка обо всем этом таково: «Великий Князь действовал по крайней мере согласно с выгодами своей Державы; напротив чего Александр /.../ следовал единственно движениям малодушной досады»³³⁸.

По той же примерно схеме, что Казимир IV, в «Истории...» обрисованы характеры и деяния прочих польско-литовских контрагентов Москвы. Самую, пожалуй, положительную аттестацию получил король Стефан Баторий, за которым были признаны прозорливость, твердость, непреклонность. С похвалой сказано, что ради готовящейся войны он умерил расходы двора, сыпал в казну собственное золото и серебро и т.п. В таком доброжелательном подходе к врагу Москвы, возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что воевал Баторий против Ивана IV, которого Карамзин, как известно, строго судил за жестокость. Тем не менее, и этому польскому королю в вину поставлены лесть дворянству, вероломство. Русский историк не мог простить ему, что, желая снискать благоволение султана, «он не усомнился нарушить святую обязанность чести: ибо думал, что совесть должна молчать в политике и что государственная выгода есть главный закон для государя»³³⁹. Поводом для сурового вердикта послужила казнь захватившего валашский престол казака Подковы, хотя ранее король гарантировал ему личную безопасность.

Замечали ли читатели, что у Карамзина оправдание неблаговидных шагов государственной выгодой выступало выборочно, распространяясь только на российских государственников, тогда как с польских политиков спрос был другой? Трудно сказать. Во всяком случае, если кто и замечал, то, скорее всего, относил-

³³⁷ Карамзин Н.М. История. Т. VI. С. 105.

³³⁸ Карамзин Н.М. История. Т. VI. С. 197.

³³⁹ Карамзин Н. М. Т. История. Т. III. С. 117.

ся к этому с пониманием – карамзинская логика явно гармонировала с чувствами читательской аудитории.

Краковский исследователь Анджей Новак в своей монографии «От империи к империи»³⁴⁰ утверждает, что Карамзин был основоположником того понимания польского вопроса, какое воцарилось в русском обществе, и что именно от него пошли проекты декабристов насчет Польши и т.п.

Строгое разграничение тех идей, что витали в воздухе еще до Карамзина, вдохновляя последнего, и того, что в данном вопросе привнес сам автор «Истории Государства Российского», думаем, едва ли возможно. Но тезис краковского коллеги в любом случае представляется нам сильно утрированным. Трудно поверить, что, не будь соответствующей национальной традиции, воззрения Карамзина способны были бы так молниеносно завоевать признание. Ведь польская тема в «Истории...» выходит на авансцену в последних томах сочинения, а десятый и одиннадцатый тома, посвященные событиям времен правления Федора Иоанновича, Бориса Годунова, Федора Годунова и Дмитрия Самозванца, появятся лишь в 1824 г., двенадцатый же, так и не заверченный автором, том издадут посмертно, в 1829 году. Не говоря уж о дискусионности безоговорочного зачисления декабристов – пусть даже в отдельно взятом польском вопросе, – в разряд единомышленников Карамзина (как никак «Русская Правда» Пестеля предполагала существование независимой Польской республики, дружественной России³⁴¹). В свое время А.Л. Погодин, сознававший справедливость постановки вопроса: «Было ли передовое общество России расположено к полякам?», давал на него уверенный ответ: «О декабристах говорить нечего: польские революционеры были их союзниками, славянская федерация их политической мечтой», – вместе с тем, признавая, что «все это рисовалось смутно, в самых неопределенных чертах»³⁴².

³⁴⁰ Nowak A. Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej. Kraków, 2004. S. 78–80.

³⁴¹ См., напр.: «Все племена, населяющие Россию, должны быть слиты в один народ, ради ее единства, и должны именоваться "русскими", с единою нераздельною верховною властью, единым образом правления и общими законами для всех частей государства. /.../ Исключение им делалось только в отношении поляков, для которых он требовал полной независимости и восстановления Польши в ее старинных и исторических границах (подчеркнуто нами. – Л.А.)». – Цит. по: Глинский Б.Б. Борьба за конституцию. 1612–1861 гг. СПб., 1908. С. 182.

³⁴² Погодин А.Л. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. М., 1912. Т. 2. С. 2.

Идейный настрой «Истории...», как и ее литературные достоинства, сыграл, кто спорит, немалую роль в формировании подхода российского общества. Но, по крайней мере, не меньшее значение имела, по-видимому, национальная память, на которую опирался Карамзин и которой он сумел придать четкие, по своему гармоничные очертания. А.Л. Погодин позднее так оценит состояние умов (в том числе, что касается польского вопроса) в первой трети XIX в.: «Масса общества стояла далеко от декабристов, а среди передовых людей было столько колебаний между искренним национализмом Карамзина, пугливым подобострастием перед властью и либерализмом за стаканом вина, что о серьезном отношении к “польскому вопросу”, которого тогда будто бы и не было, нельзя и говорить»³⁴³ ...

Такой знаток предмета, как А.Л. Шапиро, по праву высоко оценив вклад создателя «Истории Государства Российского» в отечественную историографию, настаивал, что «Карамзина следует считать беспристрастным историком», поскольку, мол, «он всегда писал в соответствии со своими убеждениями и совестью»³⁴⁴. В том, что Карамзин писал добросовестно, причин сомневаться как будто бы нет. Но беспристрастно ли? Посвященные польским делам страницы «Истории Государства Российского», скорее, говорят об обратном.

Оттолкнувшись от утверждения самого Н.М. Карамзина, что «историк не летописец», поскольку «последний смотрит единственно на время, а первый на свойство и связь деяний», А.Н. Сахаров попытался оспорить хрестоматийное определение А.С. Пушкина, назвавшего Н.М. Карамзина «последним летописцем». Признав подобную характеристику одновременно «блестящей» и «ошибочной», современный исследователь счел необходимым разъяснить, что «автор “Истории” и “Записки” (о древней и новой России. – Л.А.) меньше всего может удостоиться звания архаического трудолюбивого хроникера»³⁴⁵. Походя обидев ни в чем не повинного хроникера, и до странности не уловив поэтической мысли А.С.

³⁴³ Погодин А.Л. Адам Мицкевич. С. 2.

³⁴⁴ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. [Б. м.] 1993. С. 301.

³⁴⁵ Сахаров А.Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 99.

Пушкина (которая давно и удачно обыграна в нашей литературе³⁴⁶), А.Н. Сахаров, тем самым, как бы вступает в полемику с В.О. Ключевским.

Небесспорная, но подтверждающая глубину наблюдений, мысль Ключевского сводилась к тому, что «цель труда Карамзина морально-этическая: сделать из русской истории изящное назидание /.../ в образах и лицах. Поэтому у него события – картины, исторические деятели либо образцы мудрости и добродетели, либо примеры обратного качества»³⁴⁷.

Несколько иронично, но, по существу, вторит Ключевскому и Милюков, отмечая все «литературно-художественные приемы карамзинского изложения»³⁴⁸ («...не историческое изучение, не разработка сырого материала истории, а художественный пересказ данных, уже известных – вот та заманчивая задача, которая рисуется в воображении /.../ историка»)³⁴⁹.

Больше того, Ключевский предъявил своему предшественнику, Карамзину, претензии по поводу того, что тот, будучи склонен видеть «явления с поучительной стороны» и не обнаруживая в источниках такого материала, «восполнял их психологической выразительностью»³⁵⁰, или, и это уже претензия со стороны Милюкова, – «другой литературный прием, не менее вредящий научному достоинству изложения. Это – психологическая мотивировка событий»³⁵¹.

И то бы ничего. Но именно здесь Ключевский проводит параллели между характером труда Карамзина и – трудом летописца. На взгляд Ключевского, у Карамзина отсутствует как раз то, что будто (по мнению А.Н. Сахарова и самого Н.М. Карамзина) отличает труд историка от труда летописца. Ключевский считал, что у официального историографа империи: «Научная задача не идет далее возможно точного воспроизведения хода отдельных событий в хронологическом порядке и характера лиц и действий; но связи причин и следствий, нити событий, последовательного движения народной жизни, того, что зовем *историческим процессом* (курсив в оригинале. – Л.А.), не видит читатель».

³⁴⁶ См., например: Эйдельман Н.Я. Последний летописец. М., 1983.

³⁴⁷ Ключевский В.О. Н.М. Карамзин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 135.

³⁴⁸ Милюков П.Н. Главные течения. С. 172.

³⁴⁹ Там же. С. 166.

³⁵⁰ Ключевский В.О. Карамзин. С. 136.

³⁵¹ Милюков П.Н. Главные течения. С. 170.

И главное, чем подытоживает свой критический сюжет В.О. Ключевский: у Н.М. Карамзина, по его мнению, «нет критики (источников, ни критики) фактов (вместо первой – обширные выписки в примечаниях), вместо второй – моральные сентенции или похвальные слова, как у *древнерусского летописца* (курсив в оригинале. – Л.А.)». И, будто очертив своеобразный круг, Ключевский возвращается к тому, с чего начал: «Карамзин не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках, что ему хотелось рассказать живописного и поучительного. Не собирал, а выбирал факты, данные»³⁵². Претензии высказаны серьезные, но, не будем забывать, в свое время опубликованы они не были. В то же время, именно акцентирование Ключевским свойственной Карамзину манеры восприятия исторического материала лишний раз убеждает в правомерности использовать его труды в интересующем нас контексте.

Публицистика Н.М. Карамзина и особенно его капитальный исторический труд, пожалуй, как никакой другой из памятников эпохи, позволяют судить о том, как в России начала XIX века воспринимали польский вопрос. С одной стороны, произведения Карамзина отвечали царившим в обществе настроениям, – без этого был бы невозможен потрясающий успех многотомного труда. С другой, личная, карамзинская трактовка событий прошлого, – в том числе событий, связанных с польской тематикой, – станет, без преувеличения, явлением общественным. «История...» явится своего рода эталоном исторического сочинения. Ее образы и идеи надолго овладеют умами публики. В частности, сведения о Польше и о вековых русско-польско-литовских взаимоотношениях более или менее определяют тот объем информации на данную тему, каким будут оперировать в российских образованных кругах. Что еще более существенно – «История Государства Российского» во многом обозначит и тот угол зрения, под которым будут рассматриваться польские сюжеты.

«История Государства Российского», помимо прочего, примечательна тем, что наблюдаемое здесь смешение понятий геополитического и, так сказать, возвышенно-патриотического свойства станет типичным для российской полонистики. Та интерпретация российско-польских взаимоотношений, которая исхо-

³⁵² Ключевский В.О. Карамзин. С. 136.

дила от Карамзина, была, вне всякого сомнения, созвучна этатистским настроениям в русском обществе. Свидетельством тому – огромная популярность книги и, в частности, тот факт, что вышедшие в марте 1824 г. 10-й и 11-й тома «Истории...» вдохновили А.С. Пушкина на создание в скором времени (1824–1825 гг.) трагедии «Борис Годунов», где польская сюжетная линия была выстроена, что называется, по Карамзину³⁵³.

Совсем иного рода образчик русской истории предложил читающей публике предприимчивый издатель журнала «Русский вестник» Сергей Николаевич Глинка (1775–1847), уже в юные годы проявлявший тягу к историческим сочинениям: «Знакомство с русской стариной принадлежит к счастливейшим дням моей жизни, – вспоминал он позднее, – в летнее время читал я летописи за городом, под тенью рощей, под открытым небом; прислушиваясь к ходу столетий»³⁵⁴.

Впоследствии Глинка получил известность не только как журналист, литератор, общественный деятель, но и как историк, в частности, как автор исторического труда, имевшего не совсем привычное название: «Русская история. В пользу воспитания» (М., 1817)³⁵⁵. Как позднее не без юмора писал С.Н. Глинка в своих автобиографических «Записках» о том, каким образом явилось добавление к заглавию «Русской истории»: желая поместить объявление о выходе книги в свет, ему необходимо было получить формальное разрешение. Возникла заминка. Знающий свое дело чиновник отвечал: «Карамзину поручено писать историю», тем самым будто давая понять, что другой версии быть не пристало. Глинка, однако, не растерялся, тут же снабдив изначальное (столь хрестоматийное) название своего сочинения припиской: «В пользу воспитания»³⁵⁶.

И, можно сказать, что его «Русская история» вполне отвечала своему подзаголовку. Адресованная отнюдь не только юным читателям, она вскоре приобрела большую популярность, одним из подтверждений чему могут служить

³⁵³ Об этом подробнее см., напр.: Эйдельман Н.Л. Карамзин и Пушкин // Пушкин: исследовательские материалы. Л., 1986. Т. XII. С. 299–304; Вацура В.Э. Пушкин и Денис Давыдов в 1818–1819 гг. // Источниковедение и краеведение в культуре России. М., 2000. С. 152.

³⁵⁴ Глинка С.Н. Записки. М., 2004. С. 360. – Ср. Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895.

³⁵⁵ Здесь используется издание: Глинка С.Н. Русская история. Ч. 2–10. М., 1823; Ч. 11–13. М., 1824; Ч. 1, 14. М., 1825.

³⁵⁶ Там же. С. 356.

появившиеся одно за другим четыре переиздания (с неперменной пометкой на титульном листе: «издание /.../ и вновь дополненное»).

Популярность «Русской истории» С.Н. Глинки вполне объяснима. Написана она языком живым, колоритным, автор не слишком утомлял читателей ненужными, видимо, на его взгляд, подробностями, но зато – не пренебрегал и нравоучениями. Примеров тому может набраться множество: «Междоусобие пагубнее всех других распрей. Воюя с иноплеменниками, войско отечественное знает, кого отражать и вслед за вождями идет к назначенной цели. В войне домашней никто не знает, где враги и где друзья, страх и недоумение распространяются повсеместно»³⁵⁷, или – «...и для наблюдателей человеческих деяний очевидно, что от разврата страстей, от утеснения общих выгод личною корыстью, от забвения веры и добродетели происходит падение царств и народов»³⁵⁸, и т.д.

Иными словами, созданное автором повествование, безусловно, увлекательное, не в последнюю очередь носило наставительно-нравоучительный характер. Сначала Глинка мог написать – вполне в духе романтической литературы: «В злополучный 1607 год, когда, по словам летописей, бедствия исчезали и возрождались подобно морским волнам, едва погибающим и возникающим вновь», а затем сразу же пойти по пути утешения: «Яд разврата быстро разливается и заражает души. Зависть и корыстолюбие заглушают голос совести и веры»; или – «От порывов и домогательства необузданных страстей, история условий и договоров почти всегда представляет историю новых раздоров и усилий зависти»³⁵⁹ ...

Что касается сведений о польских делах, то они в «Русской истории» поданы по-разному – и с разными эмоциями, и в разной степени насыщенности. В одних случаях, когда Глинка не желал упустить ни одну подробность, он от описания физических характеристик Болеслава I Храброго – «от непомерной дородливости [он] едва мог сидеть на коне», тут же переходил к свойствам его природы, причем пишет едва ли не с симпатией по отношению к польскому ко-

³⁵⁷ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 5. С. 91.

³⁵⁸ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 2. С. 228.

³⁵⁹ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 5. С. 93, 85, 107.

ролю. «При невыгодной наружности, – продолжает Глинка, – Болеслав был отважен и прозорлив. Зная, что пример вождя всего сильнее действует, Болеслав пустился на коне чрез брод и возопил к воинам своим: ”Если вы не дорожите честью князя своего, я один погибну!” Воспылав гневом и мщением, воины Болеславовы бросились за ним в реку»³⁶⁰.

Правда, к другим польским правителям отношение Глинка уже меняется. Поэтому по адресу Казимира III Великого употреблены иные эпитеты: «Казимир, увлекаясь завистью...»³⁶¹, «Казимир, неутомимый в зависти, коварными внушениями...»³⁶², примерно те же чувства вызывал у автора «Русской истории» и Сигизмунд I Старый: «Раздраженный вероломством и жестокостью Сигизмунда, русский князь прервал мир, обещанный на словах, а делами отринутый...»³⁶³, «По наущению Сигизмунда, таившего злонамерение...», «Сигизмунд, неутомимый в ухищрениях...»³⁶⁴, и т.д.

В других случаях автор достаточно небрежен в описании деталей. Так, Сигизмунд III у Глинка оказывается «Сигизмундом Четвертым», о котором автор решил сообщить читателям «некоторые подробности /.../, чтобы показать, что побудило его снять личину миролюбия»³⁶⁵.

Своеобразно Глинка описывал события в Польше начала XVII века: «По-всеместный мятеж волновал Польшу. Вельможи и дворяне, составя между собой союз, требовали, чтобы Сигизмунд отдал отчет в управлении своем и чтобы искоренил злоупотребления. К ослаблению буйного духа вельмож своих он, как будто бы неумышленно, позволял им нападать на Россию, разорять ее пределы, а сам выжидал случая, когда способнее ему будет напасть на Россию изнеможенную»³⁶⁶. Эта небольшая цитата способна дать некоторое представление о том, как виделись автору «Русской истории» проблемы Речи Посполитой, – причем, в то самое время, когда у самой ближайшей соседки, у России, хватало своих. Хотя русский читатель, скорее всего, затруднился бы составить себе чет-

³⁶⁰ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 2. С. 36–37.

³⁶¹ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 4. С. 10–11.

³⁶² Глинка С.Н. Русская история. Ч. 4. С. 15.

³⁶³ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 4. С. 42.

³⁶⁴ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 4. С. 48.

³⁶⁵ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 5. С. 108.

³⁶⁶ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 5. С. 109–110.

кую картину того, в чем же там, в соседней Польше, было дело, ознакомившись с этим захватывающим повествованием. Вряд ли смогли бы прояснить ситуацию и некоторые детали, которыми автор порой насыщал свой текст (не вполне, правда, ясно, чем он руководствовался в своем выборе), повествуя, например, об обстоятельствах жизни и правления Сигизмунда Вазы на польском престоле, его притязаниях на престол шведский и т.д. Иногда Глинка, напротив, бывал излишне лаконичен, если не сказать, туманен в своих формулировках. Как в случае, когда писал, что «мечты и замыслы» французского короля Генриха «произвели пагубные следствия для России. По внушениям его Польша и Швеция не только стесняли Россию, но и стремились к общему ее ниспровержению. Сперва опустошили Россию вельможи польские, а затем и сам Сигизмунд ополчился»³⁶⁷. Наверное, можно согласиться с А. Койре в том, что Глинке была свойственна «абсолютная искренность», что «захватившее его сердце национальное чувство побуждало его равно любить настоящее и прошлое России». Учитывая, что, как это сформулировал Койре, «одной из главных его целей стало пробуждение у читателей образов того прошлого, которое он заранее стал считать славным»³⁶⁸, следует, пожалуй, признать, что этот тезис органичным образом соответствовал тому восприятию русским обществом (но, понятно, с обратным знаком) образов прошлого Польши, которое станет свойственно российской исторической полонистике на протяжении всего XIX столетия.

Среди работ 1820-х годов, где затрагивались польские сюжеты, по-своему выделялась дилетантская и все же небезыңтересная попытка дать общий очерк польской истории. Ее предпринял Владимир Борисович Броневский³⁶⁹ (1784–1835), военный моряк, а после отставки (1816) видный чиновник и одновременно – писатель и ученый. В 1828 г. он выпустил двухтомное описание своей былой поездки «Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г.». Зная, что о славянских и венгерских землях, через которые пролегал его путь, публика мало

³⁶⁷ Глинка С.Н. Русская история. Ч. 5. С. 112.

³⁶⁸ Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века. М., 2003. С. 16.

³⁶⁹ См. содержательную статью М.М. Захаровой, посвященную литературному дебюту В.Б. Броневского, а именно – публикации его «Записок морского офицера» (1818–1819). – Захарова М.М. К вопросу о биографии В.Б. Броневского // Вестник РГГУ. № 11/08. Серия Журналистика. Литературная критика. М., 2008. С. 58–74.

осведомлена, Броневский включил в свою книгу не только сведения этнографического характера, но и обзоры истории Венгрии, Галиции, Польши.

Польский очерк получился довольно большим – на полсотни страниц. Особой глубиной он, правда, не отличался. Автором были последовательно, один за другим, перечислены польские монархи – с добавлением попутной, иногда анекдотической, информации. По мере приближения к современности изложение становится более развернутым. Броневский с уважением относился к ряду польских политиков, включая сюда (что традиционно для российских авторов) Тадеуша Костюшко. Однако уже Гуго Коллонтай для него – исключительно «злой» и «злодей». Зато его безусловное восхищение вызывали русские государи, их миролюбие в польском вопросе и мудрость.

Для В.Б. Броневского все ясно и просто: «...кому не очевидно, – восклицал он, – что пока короли управлялись самодержавно, до тех только пор могущество Польши росло и внутреннее ее благосостояние поддерживалось»³⁷⁰. Понятно, не Броневский был автором этой максимы. Она вошла в обиход до него – и будет на разные лады повторяться в дальнейшем, чуть ли не до наших дней включительно. Едва ли нужно пояснять, что красивый афоризм имел мало общего с историческими реалиями: перемены во «внутреннем благосостоянии» далеко не всегда совпадают с ростом или убылью могущества державы, а рост могущества Польши не оборвался с подписанием Генриховых статей. Но популярные стереотипы не слишком считаются с реалиями...

Основной вывод, к которому приходил Броневский, сводился к следующему: «Раздел (Польши. – Л.А.) был необходимым следствием беспорядков и несчастий, до того ее обременивших, что уничтожение ее самобытности, в отношении к народу можно назвать истинным благодеянием»³⁷¹. В итоге, резюмировал автор, «история Польши принадлежит теперь России»³⁷².

Не приходится, пожалуй, сомневаться в том, что любой из русских читателей «Путешествия от Триеста до Санкт-Петербурга...» не усомнился в правильности (если не сказать, выверенности) этого вывода, который был сформулиро-

³⁷⁰ Броневский В.Б. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г. М., 1828. Т. 2. С. 282.

³⁷¹ Броневский В.Б. Путешествие от Триеста. С. 282, 287.

³⁷² Броневский В.Б. Путешествие от Триеста. С. 248.

ван автором с завидной легкостью. Распространенность подобного рода умозаключений не освобождает нас, однако, от наблюдений над текстами тех российских исторических трудов XIX в., которые в большей или меньшей степени есть основания причислять к полонистической продукции, и, пожалуй, больше того, дают основания судить, в какой степени полонистические писания (представления) воздействовали на бытование польского вопроса. И потому еще только предстоит дать ответ на вопрос, в какой мере можно говорить о существовавшей между состоянием полонистических студий и польским вопросом в России XIX в. взаимозависимости, что, надо думать, будет проявлять себя в ходе эволюции польского вопроса и полонистических изысканий, для которых к первой трети XIX века были заложены определенные основания.

Глава 2.

Польский вопрос и польские студии 1830-х–1850-х годов

Восстание 1830–1831 годов, Ноябрьское восстание³⁷³, как его привыкли называть поляки, стало катализатором, побудившим русское общественное мнение яснее обозначить свое понимание польского вопроса и по-своему стимулировавшим интерес к истории Польши, причем, рассматриваемой, как правило, в определенном – резко негативном по отношению к государственным институтам былой Речи Посполитой и к ее внутренней и внешней политике – ключе.

Большинство из тех, кто публично или приватно высказался насчет событий на Висле, негодовало. Полякам заодно припомнили участие в походе Наполеона на Москву и прочие, более давние (прежде всего подразумевая Смуту) грехи. Чрезвычайно ко времени оказалось предание об Иване Сусанине, которым в посленаполеоновские годы уже вдохновлялись наши авторы, как, например, упоминавшийся в предыдущей главе С.Н. Глинка (1818) или К.Ф. Рылеев (1822).

Известно, что вскоре после Ноябрьского восстания подвиг Сусанина воспевает в «Жизни за царя» (1836) М.И. Глинка. Либретто оперы, написанное бароном Е.Ф. Розеном при участии В.А. Жуковского, Н.В. Кукольника и некоторых других лиц, никак не могло притязать на историческую достоверность (равно как и либретто А.А. Шаховского, положенное в основу оперы «Иван Сусанин» (1815) обосновавшегося в Петербурге венецианца К.А. Кавоса). Зато, что и определяло популярность и успех подобного рода произведений, они вполне отвечали настроениям публики (публики, что греха таить, не слишком ориентированной в историческом контексте)³⁷⁴.

³⁷³ См., напр.: Powstanie listopadowe 1830–1831. Dzieje wewnętrzne. Militaria. Europa wobec powstania. Warszawa, 1980; Powstanie listopadowe 1830–1831. Geneza – uwarunkowania – bilans – porównania. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1983; Kłak Cz. Romantyczne tematy i dylematy. Echa powstania listopadowego w literaturze, historiografii i publicystyce. Rzeszów, 1992; Poezja powstania listopadowego. Wrocław, 1971; Znamierowska J. Liryka powstania listopadowego. Warszawa, 1930; Zaewski W. Powstanie listopadowe. 1830–1831. Polityka – Wojna – Dyplomacja. Toruń, 2003.

³⁷⁴ О требованиях широкой читающей аудитории к историческим сочинениям (будить «счастливую гор-

Реакцию русского общества³⁷⁵ на Ноябрьское восстание настойчиво и детально изучала советская наука, руководствуясь идеями Маркса, Энгельса и Ленина, всегда симпатизировавших борьбе поляков с самодержавием. При этом отечественные исследователи нередко придавали непропорционально большое значение революционным связям народов России и Польши, подтверждением чему служит поистине огромный пласт литературы³⁷⁶. Правда, самым слабым местом ряда таких работ оказывалось следование жесткой схеме, где положительное восприятие русским обществом XIX столетия польского национально-освободительного движения было намертво слито с понятием прогрессивности. Вера в то, что «польское национально-освободительное движение вызывало горячие симпатии передовых кругов русского общества»³⁷⁷, проходит красной нитью через многие и многие статьи и книги.

Убежденность в том, что «разделы Польши оказали глубокое влияние на русское общество, заставив наиболее прогрессивную его часть (подчеркнуто нами. – Л.А.) осудить их, испытать чувство вины и стыда, выразить полякам симпатию и сочувствие, предложить им союз для совместной борьбы за свободу»³⁷⁸, характерно и для постсоветских лет. Звучит это обнадеживающе. Но если попробовать от общих констатаций перейти на личности, то сразу возникают сомнения.

дость за отечество», творить национальный миф, проникнутый «русским духом») см., в частности, статью Т.А. Володиной. – Володина Т.А. «Русская история» С. Н. Глинки и общественные настроения в России начала XIX в. // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 154, 155, и др.

³⁷⁵ Например, по мнению Т.Н. Жуковской, в правление Александра I в Российской империи уже «складывается общество как институт, оно противопоставляет себя государству и ищет способы влияния на власть». – Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 3. Заявление, впрочем, не бесспорное.

³⁷⁶ Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М., 1962; Смирнов А.Ф. 1) Революционные связи народов России и Польши: 30 – 60-е годы XIX в. М., 1962; 2) Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963; Миско М. В. Польское восстание 1863 г., М., 1962; Русско-польские революционные связи. В 2 т. М. – Вроцлав, 1963; Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; Фалькович С.М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. XIX в. М., 1966; Революционная Россия и революционная Польша (Вторая половина XIX в.). М., 1967; Связи революционеров России и Польши конца XIX – начала XX вв. М., 1968; Яжборовская И.С. 1) У истоков польского освободительного движения. М., 1976; 2) Идеино-политическое развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX – первая треть XX вв.). М., 1973; Очерки революционных связей народов России и Польши: 1815–1917.1. М., 1976; и др.

³⁷⁷ Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель: Русская проблематика и контакты. М., 1974. С. 169.

³⁷⁸ Фалькович С.М. Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли (Эпоха польских национально-освободительных восстаний) // Славянский вопрос: Вехи истории. М., 1997. С. 108.

При таком подходе тут же поименованный исследовательницей весьма плодовитый литератор, библиограф и переводчик Василий Григорьевич Анастасевич³⁷⁹ (1775–1845) окажется одним из самых прогрессивных людей эпохи. В свое время его неброские, но действительно основательные, причем – антикрепостнические по своему духу, выступления в печати снискали известность. Он увлеченно занимался польской литературой и много писал на эту тему. Историки обычно вспоминают, что Анастасевичем был переведен «Статут Великого княжества Литовского» (СПб., 1811), который он сопроводил «подведением в надлежащих местах ссылок на конституции, приличные содержания оного». О направленности его ученых интересов говорят как раз осуществленные им переводы с польского языка. В.Г. Анастасевич предпринял перевод с польского языка на русский одного из сочинений известного польского правоведа, некогда участвовавшего в разработке Конституции 3 мая 1791 г. (а с 1799 по 1806 г. – ректора Виленского университета), Иеронима Стройновского «Наука права природного, политического, государственного хозяйства и права народов» (Ч.1–4. СПб., 1809)³⁸⁰. Внимание современников привлек также сделанный достаточно оперативно (на следующий же год после издания на польском) перевод В.Г. Анастасевичем книги Валериана Стройновского (брата упомянутого выше Иеронима Стройновского) «О условиях помещиков с крестьянами» (Вильна, 1809)³⁸¹, где были затронуты большие вопросы положения польской деревни. Для характеристики общественной позиции В.Г. Анастасевича – безусловно, требующей определенного гражданского мужества – не менее показательны и то, что, будучи на протяжении некоторого времени цензором, он лишился места из-за того, что пропустил в печать поэму Адама Мицкевича «Конрад Валленрод».

Бесспорно, В.Г. Анастасевич – человек во многих отношениях примечательный, достойный всяческого уважения. Но все-таки на общем культурном

³⁷⁹ На счету В.Г. Анастасевича как библиографа, в частности, такие труды, как: 1) Прибавление к систематической росписи российским книгам, изданным в 1821 году. СПб., 1822; 2) Прибавление к систематической росписи российским книгам, изданным в 1823 году. СПб., 1824.

³⁸⁰ СДР... словарь. М., 1979. С. 51.

³⁸¹ Stroynowski W. O ugodach dziedziców z włościanami. Wilno, 1808; – или иной вариант перевода названия: Стройновский В. О соглашении помещиков с крестьянами. Вильно, 1809. – См. также: Stroynowski W. Ekonomia powszechna Kraiowa narodów. Warszawa, 1816; и перевод: Стройновский В. Всеобщая экономика народов. 4 т. Варшава, 1817.

фоне России первой половины XIX в. он был заметен меньше иных своих современников. Его влияние на русское общество³⁸², вообще на развитие свободомыслия (даже с учетом способности принимать по-своему смелые – как в случае с поэмой Мицкевича, решения) не шло ни в какое сравнение с влиянием, скажем, П.Я. Чаадаева.

Между тем, если руководствоваться означенным критерием прогрессивности, у Петра Яковлевича Чаадаева (1794–1856) не останется шансов оказаться в ряду «наиболее прогрессивной части общества», поскольку он прямо осудил восстание 1830–1831 гг., с нескрываемым восторгом откликнувшись на оды А.С. Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина». Правда, что касается этих знаменитых стихотворений Пушкина, представлявших в свое время своеобразный тест на патриотизм, то они, по мнению В.А. Францева, хоть и были написаны по поводу польского восстания, в действительности «направлены были исключительно против современной Франции, парламентские представители которой выступали /.../ с речами весьма резкими и исполненными прямых угроз по адресу России»³⁸³. На наш взгляд, это говорит, во-первых, о том, что Францев, вольно или невольно, будто умалял значение собственно польского вопроса – в ходе самого польского восстания, и, во-вторых, данный тезис Францева способен был напомнить, что Польша (хоть и славянское племя) в русском общественном сознании устойчиво ассоциировалась с Западом. Но тогда возникает вопрос, если так, если «особость» поляков как славянского племени почти не оспаривалась, то чем, кроме соображений геополитического порядка, было вызвано настойчивое стремление русской стороны подчинить себе сторону польскую? Действительно, для начала 1830-х гг. открытые разгово-

³⁸² О зарождении русского общества, этапах его развития от начала XVIII до начала XX в. см., напр.: Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М.: Наука, 2003. Говоря о русском обществе XIX века, приходится также иметь в виду трудности процесса формирования русской нации в силу сложности внутриэтнических отношений (что, вместе взятое, неизбежно отражалось на восприятии польского вопроса. В связи с этим заслуживает внимания полемика по этому поводу. См., напр.: Сергеев С. Дворянство как идеолог и могильщик русского национализма // Вопросы национализма. 2010. № 1. С. 26–48; Святенков П.В. Аристократическая привилегия для всех (чем нация отличается от народа) // Москва. 2009. № 6. С. 135–141.

³⁸³ Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 65. По-другому расставляет акценты, например, О.С. Муравьева. – Ср. Муравьева О.С. «Вражды бессмысленный позор...». Ода «Клеветникам Росси» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 198.

ры о национальности были преждевременными. Пройдет не одно десятилетие, прежде чем будут сформированы идеи, особенно ярко выраженные А.Г. Градовским, уверенным в том, что «национальный вопрос поставлен и сформулирован в XIX веке. Он вытекает из факта признания в народе нравственной и свободной личности, имеющей право на самостоятельную историю, следовательно на свое государство»³⁸⁴. Но в первой четверти XIX в., когда русское общество все еще пребывало под впечатлением того факта, что Королевство Польское было поставлено в исключительное положение в составе Российской империи, о праве поляков на самостоятельную историю почти не могло быть речи. Вооруженное выступление поляков³⁸⁵ в 1830 г. было воспринято русским обществом, не дождавшимся введения в жизнь разрабатываемых Н.Н. Новосильцевым по поручению императора проектов «законно-свободных» учреждений для самой империи»³⁸⁶, как горькое последствие польских инициатив Александра I³⁸⁷.

В своем письме к Пушкину Чаадаев признавался: «Не могу выразить Вам того удовлетворения, которое Вы заставили меня испытать. /.../ Стихотворение к врагам России в особенности изумительно /.../. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране»³⁸⁸. Когда В.А. Францев писал, что «пришло время выразить нравственное право России в решении ”домашнего старого спора” и указать всю неуместность притязания врагов России подчинить ее их воле»³⁸⁹, он в полной мере одобрял поэтическое выступление Пушкина и реакцию на него Чаадаева. У Пушкина аргументы геополитического порядка прочитываются совершенно недвусмысленно: «За кем останется Волынь? За кем наследие Богдана? / Признав мятежные права, / От

³⁸⁴ Градовский А. Национальный вопрос в истории и в литературе. СПб., 1873. С. II.

³⁸⁵ См. об этом также: Шильдер Н. Император Николай I и Польша. 1825–1831 гг. // Русская старина. 1900; Вылежинский Ф. Император Николай Первый и Польша в 1830 году. Новые материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. СПб., 1903.

³⁸⁶ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки. СПб., 1908. С. 359; 356–358.

³⁸⁷ Позднее, когда появится труд А.Н. Пыпина «Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки» (1870), где автор специально рассмотрит, в том числе, польский вопрос, труд этот приобретет большую популярность, и в 1908 г. (уже по смерти А.Н. Пыпина) выйдет четвертое его издание.

³⁸⁸ Письмо П.Я. Чаадаева – А.С. Пушкину от 18 сентября 1831 г. // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 72–73.

³⁸⁹ Францев В.А. Пушкин и польское восстание... С. 68.

нас отторгнется ль Литва?»³⁹⁰, но, другое дело, что геополитикой мотивация эта могла не ограничиваться.

Сохранившаяся в рукописи статья П.Я. Чаадаева «Несколько слов о польском вопросе» не оставляет сомнений в том, что Чаадаев также был решительным противником «отторжения нынешнего Царства с целью превращения его в ядро новой независимой Польши». Этот небольшой чаадаевский набросок как бы вобрал в себя два больших для России XIX столетия вопроса, а именно, – вопрос польский и вопрос русский. Стремление отстоять русский вопрос, русские интересы, выразилось у П.Я. Чаадаева в том, что, едва ли не буквально вторя Н.М. Карамзину (в его «Мнении русского гражданина» (1819), где официальный историограф Российской империи говорил о грозящем «разделе России», если бы Александр I осуществил задуманное «восстановление Польши»), Чаадаев заявлял, что: «Расчленять Россию, отторгая от нее силой оружия западные губернии, оставшиеся русскими по своему национальному чувству, было бы безумием. Сохранение же их составляет для России жизненный вопрос»³⁹¹. Впрочем, очевидная четкость выражений Чаадаева не избавляет от сомнений, неизбежно возникающих при прочтении этих строк.

Заметим, что автор говорил о расчленении России, опасался такого расчленения, не беря в расчет, что Российская империя расширила свои пределы в ходе расчленения Речи Посполитой, объявив, что возвращает «древнее наше достояние», т.е. те земли, которые входили в состав Польско-Литовского государства на протяжении не одного столетия. Здесь же идет речь о расчленении России, подразумевая утрату империей земель, которые были включены в ее пределы чуть более тридцати пяти лет назад (если считать от 1793 г.). Понятно, что самоидентификация, выражаясь современным языком, обитателей присоединенных западнорусских земель, по-видимому, не представляла проблему для тех, кто придерживался точки зрения Пушкина и его единомышленников.

Вместе с тем, упорное желание разобраться в том, что есть польский вопрос, приводило Чаадаева к убеждению, что «народ польский, славянский по

³⁹⁰ Пушкин А.С. Бородинская годовщина // Пушкин А.С. Собр. соч. В 10 т. Т. 2. М., 1959. С. 342.

³⁹¹ Чаадаев П.Я. Несколько слов о польском вопросе // Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 514.

племени, должен разделить судьбы братского (русского. – Л.А.) народа, который способен внести в жизнь обоих народов так много силы и благоденствия»³⁹². Чаадаев по-своему проявлял заботу о польском народе, исходя из уверенности, что «в соединении с этим большим целым поляки не только не отречутся от своей национальности, но таким образом они ее еще более укрепят, тогда как в разъединении они неизбежно подпадут под влияние немцев, поглощающее воздействие которых значительная часть западных славян уже на самих себе испытала»³⁹³. Примечательно, что для Чаадаева нет сомнения в том, что «народ польский, славянский по племени», это как раз сближает его позицию в польском вопросе с позицией Пушкина («это спор славян между собою, / Домашний, старый спор»).

Примерно то же самое можно сказать и о князе Петре Андреевиче Вяземском (1792–1878), строгом критике поэтических откликов В.А. Жуковского и А.С. Пушкина на польское восстание³⁹⁴. Его до глубины души возмущала их тональность. Особенно доставалось «шинельным стихам» Жуковского («такая пакость, что я предпочел бы им смерть»). Вяземский, противопоставляя свою позицию взглядам двух поэтов на польское восстание, признавался: «Я более и более *уединяюсь, особняюсь* в своем образе мыслей»³⁹⁵. Его оскорбляло уподобление событий 1830 г. Отечественной войне: «Что /.../ за святотатство сочетать *Бородино с Варшавой?*». По его выражению: «Россия вопиет против этого беззакония. Хорошо *Инвалиду* («Русский инвалид». – Л.А.) сближать эпохи и события в календарских своих калейдоскопах, но Пушкину и Жуковскому, кажется бы, и стыдно»³⁹⁶. Мотивируя свое неприятие проведения подобной параллели, он писал: «Там мы бились один против десяти, а здесь, напротив, десять против одного»³⁹⁷.

³⁹² Чаадаев П.Я. Несколько слов о польском вопросе. С. 515.

³⁹³ Там же.

³⁹⁴ На взятие Варшавы: Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина. СПб., 1831. – Известно, что брошюра также была переведена на немецкий и французский языки. – Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений. М., 2003. С. 224.

³⁹⁵ Вяземский П.А. Старая записная книжка. М., 2003. С. 635; Вяземский П.А. Пол. собр. соч. Т. I–XII. (1878–1886 гг.). СПб., 1884. Т. IX. С. 157–158.

³⁹⁶ Там же. С. 636.

³⁹⁷ Вяземский П.А. Старая записная книжка... С. 632 – 633. См. об этом также: Мочалова В.В. Польская тема у Пушкина // А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000. С. 139–140.

Вяземский считал, что Пушкину не годилось становиться «поэтом *событий* (курсив в оригинале. – Л.А.), а не *соображений*», и потому, обращая внимание на непоследовательность в высказываниях своего друга, с нескрываемой иронией замечал: «Смешно, когда Пушкин хвастается, что мы *не сожжем Варшавы их* (курсив в оригинале. – Л.А.)». Он растолковывал приятелю: «Вы так уже сбились с пахвей в своем патриотическом восторге, что не знаете, на чем решится, то у вас Варшава неприятельский город, то наш посад»³⁹⁸. Не зная, как взять в толк происходящее, он раз за разом возвращается к непонятному для него слову – «взятие». «Да у кого мы ее взяли, – раздумывает он, – что за *взятие* (курсив в оригинале. – Л.А.), что за слова без мысли»³⁹⁹.

Однако подобного рода несообразности вполне уживались в нашей литературе (когда традиционно громко превозносились имена усмирителей восстания – как бы забывая о том, что речь шла о подавлении выступления подданных Российской империи, а не внешних врагов), точнее даже – в сознании многих представителей русского общества. Поэтому и в годину подавления очередного польского мятежа (1863 г.) стихотворение Пушкина «Клеветникам России» не утратило своей актуальности: настрой одних (победителей) и восприятие ими других (польских повстанцев) остались почти неизменными и спустя тридцатилетие. Так, в номере газеты «Русский Инвалид» за июль 1863 г. сообщалось, что во время прощального ужина по случаю проводов генерала И.С. Гонецкого один из его участников – П.С. Лебедев (бывший профессор Николаевской академии генерального штаба) «с большим воодушевлением и с свойственным ему уменьем /.../ прочитал “Клеветникам России” Пушкина»⁴⁰⁰. В других тостах с тем же удовлетворением констатировалось, что «финляндцы напомнили восстанию о силе русского штыка /.../ Услышали повстанцы и грозный крик во славу Русского царя, за родное достояние. Пусть же финляндцы услышат теперь наш громкий привет в честь русского оружия, за славу русского победоносного войска!»⁴⁰¹.

³⁹⁸ Вяземский П.А. Старая записная книжка... С. 636.

³⁹⁹ Там же. С. 634.

⁴⁰⁰ Корнилов И.П. Воспоминания о польском мятеже 1863 года. СПб., 1900. С. 6.

⁴⁰¹ Цит. по: Корнилов И.П. Воспоминания о польском мятеже 1863 года. СПб., 1900. С. 6–7.

...Но, что показательно, П.А. Вяземскому (и, надо думать, не ему одному), вместе с тем, было не чуждо признание законности правительственной акции, что позволило, в конце концов, прибегнуть к многозначительному сравнению: «Очень хорошо и законно делает господин, когда приказывает высечь холопа, который вздумает отыскивать незаконно и нагло свободу свою»⁴⁰².

Симптоматично, что формулу – «передовая часть русского общества выразила свое сочувствие героической борьбе польского народа»⁴⁰³ – даже не пробовали прилагать к поэтическим («Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой») и прозаическим откликам А.С. Пушкина на бурные польские события 1830–1831 гг.

Лишний раз оговоримся, что обращение здесь к сюжету «Пушкин и Польша» ни в коей мере не претендует на исчерпание темы, с давних пор активно разрабатываемой в российской и польской историографии. То же самое можно сказать и в целом об откликах на польское восстание 1830 г. в русской литературе XIX в.⁴⁰⁴, чему посвящена солидная русская и польская историография⁴⁰⁵. Задача данной работы, в основном видится в том, чтобы показать процесс трансформации польского вопроса по мере эволюции общества – и, прежде всего, в контексте развития российской исторической литературы.

⁴⁰² Вяземский П.А. Записные книжки. М., 1992. С. 151–152.

⁴⁰³ Очерки революционных связей народов России и Польши: 1815–1917. М., 1976. С. 83.

⁴⁰⁴ Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 г. // Военный сборник. 1875. № 4; Вылежинский Ф. Император Николай и Польша в 1830 году. СПб., 1905; и мн. др.

⁴⁰⁵ См., напр.: Беляев М.Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е.М. Хитрово // Письма Пушкина к Е.М. Хитрово. 1827–1832 / Труды Пушкинского Дома. Вып. XLVIII. Л., 1927; Сидоров А.А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). Исторический очерк. Т. 1. Варшава, 1899; Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.: Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929; Хорев В.А. 1) Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 100–109; 2) Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005; Филатова Н.М. Русское общество о Польше и поляках накануне и во время восстания 1830–1831 гг. // *Polacy i Rosjanie. 100 kluczowych pojęć*. Warszawa, 2000; Mochnicki M. Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. T. 1, 2. Warszawa, 1984 (Издания XIX века: Mochnicki M. Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831. Paryż, 1834. Переиздания 1850, 1863 гг. и др.); Bortnowski W. Powstanie listopadowe w oczach Rosjan. Warszawa, 1964; *Poezja powstania listopadowego*. Wrocław, 1971; Kłak Cz. Romantyczne tematy i dylematy. Echa powstania listopadowego w literaturze, historiografii i publicystyce. Rzeszów, 1992; Znamirowska J. *Liryka powstania listopadowego*. Warszawa, 1930; Przybylski R. *Symbolika powstania listopadowego* // *Powstanie listopadowe 1830-1831. Geneza – uwarunkowania – bilans – porównania*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1983; Orłowski J. *Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej*. Warszawa, 1992; *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000; и др.

Разумеется, что в самой польской литературе и поэзии отклики на восстание 1830 г. также составили значительный пласт произведений, оказавших заметное влияние на дальнейшее развитие польской литературы (и не только периода романтизма), что не раз становилось предметом специального исследования, в том числе, российских авторов⁴⁰⁶. Нельзя, пусть с некоторыми оговорками, не согласиться с мнением Н.М. Филатовой, что «восстание способствовало утверждению романтического автостереотипа польской нации как бастиона европейской свободы, защитницы республиканских ценностей /.../. Литература отразила и закрепила этот образ, воспев героизм, вольнолюбие и страдания поляков»⁴⁰⁷.

Что же касается того, что поляки воспринимали себя защитниками европейской (в более широком контексте – христианской) свободы, то оно все-таки сложилось гораздо раньше, и восходит, по крайней мере, к XVI–XVII вв. Именно в Раннее новое время каждой из сторон – и Польше, и Русскому государству – особенно перед лицом экспансионистских планов Оттоманской Порты – шаг за шагом приходилось отстаивать как собственные геополитические интересы, так и, что со временем приобретало все большее значение, собственную идентичность⁴⁰⁸.

...Так или иначе, советские ученые предпочитали отзываться о «Бородинской годовщине» и других откликах Пушкина на польские дела с деликатным неодобрением. Так, в 1952 г., в пору самого строгого надзора партийных инстанций за состоянием умов, крайне осторожный в формулировках Д.Д. Благой констатировал: «Пушкин не смог увидеть и понять объективно освободительной стороны восстания»⁴⁰⁹. Или другой вариант: по выражению Б.С. Поп-

⁴⁰⁶ См., напр.: Филатова Н.М. Образ врага в польской повстанческой поэзии 1830–1831 гг. // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 85–102. – Ср.: Хорев В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 100–109.

⁴⁰⁷ Филатова Н.М. Образ врага. С. 85.

⁴⁰⁸ См., напр.: Мочалова В.В. Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002. С. 44–64; Флоря Б.Н. Образ поляка в древнерусских памятниках о Смутном времени // Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество. М., 2005. С. 381–415; Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu. Warszawa; Kraków, 1990; и др.

⁴⁰⁹ Благой Д.Д. Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) // Литературное наследство. М., 1952. Т. 58. С. 19.

кова, занимал «нереволюционные позиции по отношению к ноябрьскому восстанию»⁴¹⁰ и т.п.

Укоризну по адресу поэта принято было немедленно амортизировать ссылками на смягчающие обстоятельства. Например, на консерватизм повстанческого руководства, благо под рукой имелась спасительная цитата из Ф. Энгельса, назвавшего польское восстание «консервативной революцией». Читателю предлагалось понимать дело так, что будь программа повстанцев более радикальной и не мечтай они о границах 1772 г. – Пушкин отнесся бы к «варшавскому бунту» иначе. По-своему заботясь о добром имени великого поэта, исследователи готовы были изобразить его едва ли не пассивной жертвой обстоятельств. «Восстание в Польше породило волну шовинизма настолько сильную, что в определенной мере она увлекла даже А.С. Пушкина», – уверял в 1970-е гг. В.А. Дьяков⁴¹¹.

Отечественные литературоведы и историки не любили особенно задерживать читательское внимание на пушкинских высказываниях по поводу взявшихся за оружие поляков. И, надо сказать, цензура такому подходу способствовала. Впрочем, по обыкновению строгий Горлит вообще-то прямо не запрещал рассуждать на данную тему. Но щекотливость темы и без того ощущалась, потому редакторы, вместе с большинством авторов, даже не ожидая начальственного окрика, сами проявляли требуемую деликатность. На личном опыте в этом убедился Л.Г. Фризман, написавший в 1962 г. содержательную, далеко вышедшую за рамки приглаженных, уклончивых формулировок, статью о реакции Пушкина на восстание 1830–1831 гг. Статью тогда одобрили Б.С. Мейлах и другие специалисты. Однако каждый из них порекомендовал напечатать труд не в своем, им возглавляемом издании, а в том журнале, за который он не нес ответственности. В итоге статья (в которую автор позднее включил и краткое описание своих хождений по редакциям) попала в печать лишь в 1992 г.⁴¹². Надо добавить, что за истекшие десятилетия она несколько не устарела.

⁴¹⁰ Попков Б.С. Указ. соч. С. 165.

⁴¹¹ Очерки революционных связей. С. 85.

⁴¹² Фризман Л. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 209–237.

Наблюдения Фризмана существенно дополнила небольшая статья О.С. Муравьевой⁴¹³, где была предпринята удачная, насколько можно судить, попытка выяснить мотивы, какие двигали автором оды «Клеветникам России», его единомышленниками и оппонентами. Исследовательница, среди прочего, утверждает, что, исходя из посыла о невозможности существования Польши как суверенного государства (поскольку это противоречило интересам России), Пушкин «вдохновляется не тем, что “хорошо в поэтическом отношении”, а тем, что “правильно” в отношении политическом». На этом основании Муравьева вполне справедливо рассматривает пушкинские стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» в контексте традиции «русской государственно-патриотической поэзии, развивающей тему “Россия и Запад”»⁴¹⁴. Известно, что эта тема – «Россия и Запад» (и, как составная ее часть, – тема «Россия и Польша») оставалась практически сквозной для русской общественной мысли на протяжении всего XIX века, что, в свою очередь, неоднократно становилось предметом специальных исследований⁴¹⁵.

К названным статьям Л.Г. Фризмана и О.С. Муравьевой примыкает, в частности, работа В.В. Мочаловой, которая наглядно показала, насколько неоднозначна была в русском обществе реакция на «польские» стихи великого поэта. По крайней мере, в частной переписке, видные его представители (как, например, А.И. Тургенев в письме к брату⁴¹⁶) позволяли себе самые нелестные отзывы о Пушкине – как раз из-за его откликов на польское восстание: «Твое заключение о Пушкине справедливо: в нем точно есть варварство и Вяземский

⁴¹³ Муравьева О.С. «Вражды бессмысленный позор...»: Ода «Клеветникам России» в оценках современников // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204.

⁴¹⁴ Там же. С. 199, 202; – Ср. Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений... С. 222. – По мнению автора, Пушкин считал, что «от того, как решится участь восставшей Варшавы, зависит судьба России, исход ее противостояния Западу».

⁴¹⁵ В связи с этим нельзя не отметить обстоятельные труды Анджея Валицкого, которыми был внесен существенный вклад в разработку данной проблематики. См., например: Walicki A. 1) W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa. Warszawa, 1964 (сравнительно недавнее издание. – Warszawa, 2002); 2) Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002; 3) O inteligencji, liberalizmach i o Rosji. Kraków, 2007; и др.

⁴¹⁶ Мочалова В.В. Польская тема у Пушкина // А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000. С. 140.

очень гонял его в Москве за Польшу /.../ Он только варвар в отношении к Польше»⁴¹⁷.

Свобода от цензуры открыла дорогу не только исследованиям Л.Г. Фризмана и О.С. Муравьевой, – по-своему логично, что к суждениям Пушкина о польском вопросе апеллировали сторонники государственно-патриотической, имперской идеи. Так, А.С. Пушкарев рассмотрел проблему, отправляясь от провозглашенной им (вернее – повторенной, поскольку то же самое задолго до него писали Н.Я. Данилевский⁴¹⁸ и др.) исторической аксиомы: «Отечество наше не раз вело справедливые оборонительные войны и неоднократно приходило на помощь соседям, подвергшимся вражескому нападению, но при этом никогда не мстило побежденным и не пыталось решать свои проблемы за чужой счет»⁴¹⁹.

Впрочем, у Пушкарева были, конечно, предшественники и в советской историографии. Еще в доперестроечные годы А.В. Кушаков писал: «В 1830–1831 годах А.С. Пушкин относился к Польше, к польской теме, прежде всего как к теме военно-патриотической. Поэтому он в размышлениях и в творчестве часто сопоставлял 1830–1831 годы и 1812 год»⁴²⁰. Но у Пушкарева были все основания не принимать обкатанного в советской литературе тезиса, согласно которому пушкинские оды 1831 г. общественного мнения не отражали, да и не были характерны для самого поэта. Однако, не остановившись на этом, Пушкарев утверждает, что заявленная в стихах позиция была абсолютно верна⁴²¹.

Так или иначе, Пушкин (в этом, скорее всего, можно не сомневаться) действительно выражал, а во многом и формировал общественное мнение в польском вопросе. Во всяком случае, к настоящему времени не осталось, пожалуй, сомнений в том, что «стихотворение А.С. Пушкина “Клеветникам России” создавалось как произведение прямо публицистическое, непосредственный отклик

⁴¹⁷ Цит. по: Мочалова В.В. Польская тема у Пушкина... С. 140.

⁴¹⁸ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 27–44.

⁴¹⁹ Пушкарев А.С. «Вы грозны на словах – попробуйте на деле»: А.С.Пушкин как выразитель русского общественного мнения о Польском восстании 1830–1831 гг. // Наш современник. 2001. № 6. С. 252.

⁴²⁰ Кушаков А.В. Пушкин и Польша. Тула, 1990. С. 83.

⁴²¹ Обращаясь к восприятию этой темы уже в наши дни, заметим, что еще дальше в ревизии представлений о пушкинских одах и вообще о контактах России с Европой и «ее родной дочерью Польшей» пошел, в частности, активно эксплуатирующий тему «Россия и Польша» главный редактор журнала «Наш современник» С.Ю. Куняев. На его взгляд: «Главный пафос стихотворения направлен против газетных и парламентских провокаторов, против европейского интернационала, против сатанинской антанты всех антирусских сил Европы». – Куняев С.Ю. Русский полонез. М., 2006. С. 23.

на близившееся завершение девятимесячной борьбы с повстанцами»⁴²². Его точку зрения на близкую и далекую от него по времени историю Польши, очевидно, следует признать репрезентативной. Теперь, можно сказать, уже общепризнано, что именно Пушкину принадлежит решающая роль «в упрочении негативного образа поляка в русской поэзии»⁴²³.

Разумеется, импульсивным откликом на известие о восстании в Варшаве: «наши исконные враги» либо вскоре прозвучавшим противопоставлением: «кичливый лях иль верный росс»⁴²⁴ – не исчерпывалось восприятие польской истории как поэтом, так и солидарной с ним большей частью общества. Но его позиция по отношению к восстанию, бесспорно, была однозначно негативной.

При этом с уверенностью можно говорить, что оды «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Перед гробницею святой» (которые польский пушкинист Вацлав Ледницкий назвал в свое время «антипольской трилогией»⁴²⁵) не транслировали предписанные свыше суждения. Скорее всего, здесь была близость (если не совпадение) позиций, а не вынужденное или слепое следование императорскому диктату. Вместе с тем, в современной литературе звучат и такие оценки: «отношение к восстанию, сформулированное в ”польских“ текстах А.С. Пушкина, совершенно совпадает с официальным и в какой-то мере обслуживает правительственный заказ»⁴²⁶. В данном случае можно согласиться с мнением А.В. Липатова, по образному выражению которого здесь мы наблюдаем не что иное, как «возвышающийся над панславизмом и подчиняющий его российской государственной идее великодержавный патриотизм Пушкина»⁴²⁷.

Что же касается пушкинского понимания русско-польских взаимоотношений в целом, то оно, хотелось бы подчеркнуть, вовсе не было примитивно-однозначным, не сводилось к противопоставлению двух миров, свойственному обывательским или казенным представлениям (вне зависимости от позиции по-

⁴²² Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки. М., 2011. С. 21.

⁴²³ Хорев В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 105.

⁴²⁴ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. X. М., 1965. С. 325 и Т. III. М., 1963. С. 222.

⁴²⁵ Lednicki W. Aleksander Puszkina. Studja. Kraków, 1926. S. 36.

⁴²⁶ Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность». С. 22.

⁴²⁷ Липатов А.В. Пушкин и Мицкевич: личная дружба или творческое содружество? // А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000. С. 124.

эта, какую он занял по отношению к польскому восстанию 1831 г.). Это наглядно демонстрирует трагедия «Борис Годунов», не случайно николаевская цензура долго не пропускала ее в печать. Как известно, написанная в 1824–1825 годах, трагедия получила цензурное разрешение лишь в 1830 г. (и лишь в 1831 г. была напечатана), да и то с оговоркой: «...под его (т.е. Пушкина. – Л.А.) ответственность»⁴²⁸.

Несмотря на то, что в трагедии нет прямого противопоставления двух миров – польского и русского, наблюдения над текстом «Бориса Годунова» не давали повод филологам к сравнению двух языков – польского и русского, используемых Самозванцем. В данном случае подразумевается отмеченная в свое время Ю.М. Лотманом удивительная способность «поэта создавать образ чужого языка посредством родного»⁴²⁹. Дополняя наблюдения предшественников собственными наблюдениями, М.В. Безродный приходит к выводу, что польский язык для Самозванца (читай – для Пушкина), уподоблен змеиному шипению, а Марина Мнишек – змее. Но, что важнее, польский язык для Самозванца (по воле Пушкина), как считает современный исследователь, – это «язык достижения власти»⁴³⁰. Развивая эту мысль, можно добавить, что, в таком случае, есть основание говорить, пусть о подсознательном, ощущении поэтом существующего между двумя мирами различия. И это различие, прежде всего, касается власти. Характерно и другое наблюдение над текстом: по воле поэта, Самозванец лишь в порыве гнева на Марину (и ни в каком ином случае) позволяет себе назвать «ее соплеменников ”поляками безмозглыми“»⁴³¹...

Нелегко складывалась судьба «Бориса Годунова» и в советскую эпоху. По существу, повторилось нечто подобное тому, что и в николаевские времена. Трудно поверить, но в год пышно отмечаемого в СССР столетия со дня гибели поэта трагедию и ее автора заподозрили (ни много, ни мало) в полонофильстве.

⁴²⁸ Об обстоятельствах борьбы А.С. Пушкина за право напечатать свою «Комедию о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» (т.е. «Бориса Годунова»), – борьбы, растянувшейся на несколько лет (1826–1831 гг.), – см., например: Ларионова Е.О. «Борис Годунов»: проблема критического текста // Пушкин и его современники. Вып. 4 (43). СПб., 2005. С. 281–286.

⁴²⁹ Цит. по: Безродный М.В. О польской речи в «Борисе Годунове» // Пушкин и его современники. Вып. 2 (41). СПб., 2000. С. 222.

⁴³⁰ Безродный М.В. О польской речи в «Борисе Годунове» // Пушкин и его современники. Вып. 2 (41). СПб., 2000. С. 224.

⁴³¹ Безродный М.В. О польской речи в «Борисе Годунове». С. 223.

Это нашло выражение в том, что летом 1937 года Сталин запретил предполагаемую постановку «Бориса Годунова» в Московском Художественном театре. Мотивы своего запрета (который, разумеется, был строжайше засекречен) вождь сформулировал в беседе с А.А. Ждановым и П.М. Керженцевым: спектакль не годится из-за «хорошего изображения Пушкиным поляков и Лжедмитрия и невыгодного изображения русских: приняли Лжедмитрия»⁴³².

Позднее, в 1836 г. Пушкин писал о первом разделе Польши как о следствии войны, которую воспламенила Барская конфедерация⁴³³. Но, что представляется важным подчеркнуть, в обоих случаях участие России в разделах подано поэтом как непреложный – и, бесспорно, отрадный – факт.

Мимо польской проблематики, – и вопроса о роли магнатства в судьбах страны, в том числе, – не прошел в 1830-е годы Николай Васильевич Гоголь (1809–1852). Ему не нашлось места в словнике биобиблиографического словаря «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979), где представлены даже, к примеру, А.Н. Радищев или В.Г. Белинский. Между тем, как известно, он был одним из первых отечественных славяноведов – равно как и одним из первых отечественных медиевистов-западников⁴³⁴, что тоже нередко остается в тени. Писатель весьма недурно для того времени знал историческую литературу, его интересовали многие проблемы отечественной и всеобщей истории⁴³⁵. Будучи недолгое время профессором Петербургского университета⁴³⁶, он разработал «План преподавания всеобщей истории» (1834)⁴³⁷, главная задача которой,

⁴³² Власть и художественная интеллигенция: Документы... о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 774, примеч. 77.

⁴³³ Пушкин А.С. Полн. собр. соч. ... Т. VII. М., 1964. С. 328.

⁴³⁴ Гоголь Н.В. «Заметки о крестьянском быте», «Лекции, наброски, материалы по всеобщей истории», «Наброски, материалы по славянской, русской и украинской истории» // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 9 т. Т. 8. М., 1994.

⁴³⁵ Е.И. Анненкова, ссылаясь на В.Т. Семенова и Е.А. Косминского, напоминает, что Гоголь «по праву может быть назван одним из первых медиевистов, непосредственным предшественником Т.Н Грановского». – Анненкова Е.А. Гоголь и русское общество. СПб., 2012. С. 355, а также подробнее специальный раздел в книге Е.А. Анненковой: Гоголь и Т.Н. Грановский: концепция средних веков. С. 353–376.

⁴³⁶ Впрочем, что касается преподавательской деятельности Н.В. Гоголя, слушатели о ней отзывались по-разному, и не всегда лестно. Например, по воспоминаниям Н.И. Иваницкого «лекции Гоголя были очень сухи и скучны», разве что кроме той, на которой – по его собственному приглашению – присутствовали А.С. Пушкин и В.А. Жуковский. – Цит. по: Берков П.Н. Пушкин и Петербургский университет // Вестник Ленинградского университета. 1949. № 6. С. 122. – Примерно в том же ключе характеризуется Н.В. Гоголь В.П. Бузескулом, по словам которого, Гоголю «профессура оказалась не по его силам – он не был к ней достаточно подготовлен». – Бузескул В.П. Всеобщая история... С. 70.

⁴³⁷ Гоголь Н.В. План преподавания всеобщей истории // ЖМНП. 1834. Ч. 1. С. 189–209.

на его взгляд, «показать /.../ великий процесс, который выдержал свободный дух человека кровавыми трудами, борясь от самой колыбели с невежеством, природой и исполинскими препятствиями». Поэтически трактуемая писателем «цель всеобщей истории» заключалась в том, чтобы «собрать в одно все народы мира, разрозненные временем, случаем, горами, морями и соединить их в одно стройное целое; из них составить одну величественную полную поэму»⁴³⁸. Так или иначе, разработанный Гоголем план обнаруживал глубокое осознание необходимости в совокупности рассматривать «все события мира», которые, как подчеркивал писатель, «должны быть так тесно связаны между собой и цепляться одно за другое, как звенья в одной цепи». Вместе с тем, развивал Гоголь свою мысль, «связь эту не должно понимать в буквальном смысле. /.../ Она не есть та видимая, вещественная связь, которою часто насильно связывают происшествия, или Система, создающаяся в голове независимо от фактов, и к которой после своевольно притягивают события мира. Связь эта должна заключаться в одной общей мысли: в одной неразрывной Истории человечества». Больше того, Гоголь настаивал, что при этом «преподаватель должен призвать в помощь географию, но не в том жалком виде, в каком ее часто принимают /.../. География должна разгадать многое, без нее неизъяснимое в истории»⁴³⁹.

Но все-таки здесь важнее, наверное, другое. То, что Гоголь, как и Пушкин, может быть отнесен, по выражению Л.В. Черепнина, к тому разряду писателей, которые «выступают в отдельных своих произведениях /.../ как историки-профессионалы и тем самым становятся в ряд тех, кто внес непосредственный вклад в развитие исторической науки в России», добавляя при этом, что «большинство классиков русской литературы интересовались проблемами не только русской, но и всемирной истории»⁴⁴⁰. Развивая свою мысль, Л.В. Черепнин справедливо отмечал, что «у Гоголя, как и у Пушкина, глубокий интерес к историческому прошлому был стимулом не только к художественному творчеству, но и к научному исследованию»⁴⁴¹. Подтверждением тому могут служить его

⁴³⁸ Гоголь Н.В. План преподавания всеобщей истории. С. 189.

⁴³⁹ Там же. С. 190–191.

⁴⁴⁰ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. М., 1968. С. 5–6.

⁴⁴¹ Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы. С. 80, 100.

многочисленные выписки из книг, заметки, наброски, отчасти реализованные в статьях замыслы⁴⁴².

Кроме того, полагая, что «народы, события – должны быть непременно живы, и находиться как бы пред глазами слушателей, или читателей, чтобы каждый народ, каждое государство сохраняли свой свет, свои краски; чтобы народ со своими подвигами и влиянием на мир проносился ярко, в таком же точно виде и костюме, в каком был он в минувшие времена»⁴⁴³, Гоголь, можно сказать, выказывал себя сторонником своего рода исторических реконструкций. Помимо всего прочего, обращает на себя внимание, как Гоголь пишет о западноевропейском средневековье, когда «все обратилось в рыцарство, все кочует, все неспокойно: каждый вместе и воин, полководец, и вассал и повелитель, и слушается, и не слушается, – век величайшего разъединения, и вместе единства! Каждый управляется своей волей и между тем все согласны в одной цели и мыслях»⁴⁴⁴. Гоголь здесь невольно выразил отношение к единовластию (или, точнее, к его отсутствию), и в данном контексте напрашивается аналогия с бичуемой в русской традиции золотой шляхетской вольностью. Гоголь, как видим, не усматривал ничего фатального в ситуации, когда «каждый управляется своей волей», поскольку всем вместе это ничуть не мешает находить согласие «в одной цели и мыслях». Другое дело, что это никоим образом не было привязано к польским реалиям, что, по-видимому, способно объяснить столь широкий взгляд писателя...

Увлекаясь историей Малороссии, а с конца 1820-х гг. собирая материалы для обширного сочинения на эту тему, Гоголь, естественно, касался и польских дел. Замысел, правда, не был реализован. Однако известное представление о том, что думал писатель о польской шляхте, и как им понимались судьбы Речи Посполитой, дают его художественные произведения.

⁴⁴² О Гоголе как об историке см., например: История исторической науки в СССР. Дооктябрьский период. Библиография. М., 1965. с. 522–523; Айзеншток И.Я. Н.В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского университета. 1952. № 3. С. 17–38.

⁴⁴³ Гоголь Н.В. План преподавания... С. 190–191.

⁴⁴⁴ Там же. С. 201.

В первоначальной, опубликованной в 1835 году⁴⁴⁵, редакции «Тараса Бульбы», разумеется, не было заметно каких-либо симпатий ни к шляхтичам, ни к королевской власти. Однако рассказ о казни Остапа в Варшаве сопровождается пояснением. «Я не стану, – говорил автор от своего лица, – смущать читателей картиной страшных мук /.../. Они были порождение тогдашнего грубого, свирепого века /.../. Должно однако ж сказать, что король всегда почти являлся первым противником этих ужасных мер. Он очень хорошо видел, что подобная жестокость наказания может только разжечь мщение казачьей нации. Но король не мог сделать ничего против дерзкой воли государственных магнатов, которые непостижимою недалечностью, детским самолюбием, гордостью и неосновательностью превратили сейм в сатиру на правление»⁴⁴⁶.

При создании на рубеже 1830–1840-х гг. второй редакции «Тараса Бульбы»⁴⁴⁷, когда, по словам комментаторов⁴⁴⁸, существенно обновился весь идейно-художественный замысел повести, изменения коснулись и процитированного выше отрывка. Теперь фрагмент звучал иначе: «Напрасно некоторые, немногие, бывшие исключениями из века, являлись противниками сих ужасных мер. Напрасно король и многие рыцари, просветленные умом и душой, представляли, что подобная жестокость наказаний может только разжечь мщение казачьей нации. Но власть короля и умных мнений была ничто пред беспорядком и дерзкой волею государственных магнатов»⁴⁴⁹. Писатель, по-видимому, не заметил в новом тексте известной несообразности: «некоторые, немногие, бывшие исключениями из века» в следующей же фразе названы им «многими рыцарями». Но существенно то, что в прежнем варианте человеколюбием и прозорливостью

⁴⁴⁵ Заметим, что с этого же времени, с сер. 1830-х гг., как пишет Е.З. Цыбенко, произведения Гоголя становятся известны в Польше. – Цыбенко Е.З. Гоголь и польская литературы // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 227.

⁴⁴⁶ Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9 т. Т. 7. М., 1994. С. 233–234.

⁴⁴⁷ Как отмечает А.Л. Хорошкевич, во второй редакции повести, «термин “Украина” даже не варьируется, а заменяется термином “Россия”, причем, с определением “Малая”», что Хорошкевич объясняет тем, что Гоголь «постепенно усвоил “столичное” – имперское словоупотребление». – Хорошкевич А.Л. К истории создания повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х гг. и мифа эпохи романтизма о славянском единстве // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 84.

⁴⁴⁸ Гоголь Н.В. Собр. соч. в 9 т. Т. 1–2. С. 451.

⁴⁴⁹ Там же. С. 314.

наделен был только король, а теперь к монарху добавлены «многие рыцари», правда, бессильные перед лицом магнатства.

Повесть Н.В. Гоголя мало поддается сколько-нибудь уверенной привязке к историческим реалиям⁴⁵⁰. Нет возможности определить, кого из польских королей и каких рыцарей он мог иметь в виду. Но зато обе редакции «Тараса Бульбы»⁴⁵¹ позволяют без колебаний отнести автора к числу тех, кто видел главную беду Речи Посполитой во всевластии «государственных магнатов».

Подобный вывод находит подтверждение и в найденном в бумагах Гоголя наброске, который условно принято именовать «Размышление Мазепы» (написано не позднее 1834 г.). В нем писатель воссоздавал ход рассуждений «преступного гетмана», который помышлял о том, чтобы отделиться от России, а посему раздумывал над тем, на кого же из соседей он в этом деле сможет опереться. «Нужна была дружба такого государства, которое всегда бы могло стать посредником и заступником. Кому бы можно это сделать, как не Польше, соседке, единоплеменнице?». Однако, как устами Мазепы констатировал Гоголь: «царство Баториево было на краю пропасти и эту пропасть изрыло само себе. Безрассудные магнаты позабыли, что они члены одного государства, сильного только единоклассием, и были избалованные деспоты в отношении к народу и непокорные демокра[ты] к государю. И потому Польша действовать решительно [не могла]»⁴⁵². Насколько можно судить, фраза – «...сильного только единоклассием», косвенным образом свидетельствует о том, что Гоголь все же довольно высоко оценивал⁴⁵³ потенциал Речи Посполитой (как государственно-политической модели) в ее лучшие времена.

⁴⁵⁰ Вместе с тем, А.Л. Хорошкевич в своей статье приводит убедительные доводы в пользу того, что немало реалий, вошедших в повесть, Гоголь позаимствовал из «Описания Украины» Боплана. – Хорошкевич А.Л. К истории создания повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х гг. и мифа эпохи романтизма о славянском единстве. С. 89, 91, 93–95.

⁴⁵¹ По-своему любопытно, что вплоть до начала XXI в. повесть Гоголя не переводилась на польский язык. Перевод, а также издание за свой счет, осуществил в 2001 г. Ежи Шот. Хотя в послесловии уже, так сказать, к официальному, варшавскому изданию, которое последовало годом позже (2002), Януш Тазбир сообщал, что впервые «Тарас Бульба» по-польски был издан в 1850 г. Однако в результате разысканий выяснилось, что издание 1850 г. являло собой перевод на «галицко-русский язык», как значилось на титульном листе. – Хорев В.А. «Тарас Бульба» в Польше // Н.В. Гоголь и славянские литературы. М., 2012. С. 239.

⁴⁵² Гоголь Н.В. Собр. соч. Т. 7. С. 150–151.

⁴⁵³ Что позволяет несколько усомниться в полонофобии Гоголя, о чем пишет А.Л. Хорошкевич (правда, в контексте исследования истории создания «Тараса Бульбы»). – Хорошкевич А.Л. К истории создания

Когда речь заходит о степени знакомства с польской историей и о восприятии польского вопроса в России пушкинской поры, на первый план, естественно, выходят такие знаковые фигуры, как сам Пушкин или Гоголь. Но, возникает вопрос, насколько их позицию по данным поводам можно признать репрезентативной? С полной уверенностью говорить об объеме и эмоциональной окраске той информации о прошлом и настоящем нашего ближайшего западного соседа, какой оперировали страты тогдашнего российского общества, во многом мешает скудость, фрагментарность сохранившихся и введенных в научный оборот свидетельств.

Поэтому, думается, есть смысл остановить внимание на тех суждениях по поводу Польши, какие находим в литературном наследии Дениса Васильевича Давыдова (1784–1839). Обстоятельства жизни и род занятий отнюдь не располагали к тому, чтобы он мог много времени уделять изучению исторической литературы. Тем не менее, его сочинения демонстрируют тот устойчивый интерес, какой проявлял Денис Давыдов к польским делам. Убеждения насчет поляков и русско-польских взаимоотношений, формировавшиеся у него, похоже, еще с детских лет и, не в последнюю очередь, под влиянием его кумира А.В. Суворова, утвердились в ходе Отечественной войны, но особенно – в период польского восстания 1830–1831 гг.

Ко времени бурных варшавских событий он был уже в отставке, но поспешил вернуться на действительную службу (как затем чеканно напишет об этом в автобиографии: «Давыдов скачет в Польшу»⁴⁵⁴) и приложил руку к подавлению польского мятежа. О своих действиях во время польской кампании Давыдов позднее расскажет и с гордостью, и довольно подробно, что дало повод одному из современных нам исследователей без лишних слов резюмировать: «успешно подавил польский мятеж в 1831 году и получил желанный чин генерал-лейтенанта»⁴⁵⁵.

повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х гг. и мифа эпохи романтизма о славянском единстве. С. 99.

⁴⁵⁴ Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова <Автобиография> // Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1940. С. 34.

⁴⁵⁵ Сахаров В.И. [Вступительная статья] // Давыдов Д. Стихотворения. Военные записки. М., 1999. С. 7.

Польская тема, мало кого оставлявшая равнодушным и раньше, в связи с восстанием 1830–1831 гг. приобрела особое звучание, отразив – в том числе, в ряде стихотворных откликов – гамму чувств, испытываемых в русском обществе по отношению к Польше и полякам. Крайние позиции здесь были обозначены, с одной стороны, одами Пушкина «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина», а, с другой – достигшим столиц из далекого Нерчинска, темпераментным откликом на выступление польских повстанцев декабриста Александра Ивановича Одоевского (1802–1839): «...на Висле брань кипит! / Там с Русью лях воюет за свободу»⁴⁵⁶.

Трудно не заметить, что преобладавшее в обществе негодование на время свело вместе людей, которых, казалось бы, было трудно счесть единомышленниками. Сходство мнений по поводу поляков-повстанцев находим, например, у Д.В. Давыдова и П.Я. Чаадаева, хотя несколькими годами позже – после появления знаменитого «Философического письма» – Давыдов в своем стихотворении «Современная песня» (1836) с нескрываемой иронией (если не сказать, с издевкой) упомянет о Чаадаеве («Старых барынь духовник, / маленький аббатик»). Похоже, в чаадаевских писаниях поэт усматривал возможность нежелательного развития событий, отсюда его настораживающий прогноз:

И весь размежеван свет
 Без войны и драки!
 И России уже нет,
 И в Москве поляки!⁴⁵⁷

И все же в стихотворном наследии Д.В. Давыдова польская тема представлена лишь эпизодически. Зато, тем более, не может не обратить на себя внимания стихотворение «Голодный пёс» (1832), редко включаемое в собрания его стихотворных произведений. Стихотворение, по признанию самого Давыдова, было написано под влиянием «мыслей и подозрения, невольно запавшего в душу каждого солдата, что главнокомандующий (Дибич. – Л.А.) подкуплен врагами», и сразу получило, по словам самого автора, «некоторый современный ус-

⁴⁵⁶ Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX в. Л., 1970. С. 520–521.

⁴⁵⁷ Давыдов Д. Стихотворения. Военные записки. С. 154.

пех». Однако напечатано стихотворение не было, а затем вошло в «Воспоминания о польской войне 1831 года»⁴⁵⁸. Даже отдельные выдержки из этого стихотворения способны дать представление о произведении в целом, и, кроме всего прочего, объяснить причины его неприятия издателями.

Лях из Варшавы
 Нам кажет шиш,
 Что ж ты, шаршавый,
 Под лавкой спишь?
 Задай, лаяка,
 Варшаве чёс!
 Хватай, собака,
 Голодный пёс.

«Все это жжется...
 Я братъ привык, что так дается...
 Царьград велик.
 Боюсь я ляха!..»
 А ты не бось!
 Хватай, собака,
 Российский пес.

Авторские эмоции по отношению к повстанцам здесь выражены совершенно недвусмысленно. Что же касается несколько неожиданного для горячего патриота Давыдова (а в этом вряд ли кто мог усомниться) уподобления русской армии голодному и трусоватому псу, то в нем, очевидно, сквозит возмущение поэта нерешительностью и бездарностью действий военных властей в Царстве Польском, о чем Денису Давыдову доводилось писать и в своих прозаических сочинениях.

⁴⁵⁸ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне 1831 года // Давыдов Д. Собр. соч. В 3 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 250.

Действительно, в прозе Давыдова находим более подробное, чем в его стихах, – и не менее колоритное, – отражение чувств и представлений по поводу Польши и поляков.

Впрочем, наш «гусар и поэт» («красноречивый забияка», «повеса») имел случай высказывать свое мнение по поводу Польши и до 1830 года. Так, в очерке «1812 год» (1825) при описании войны с Наполеоном Варшава аттестовалась Денисом Давыдовым не иначе, как «горнило козней, вражды и ненависти к России»⁴⁵⁹. Будучи поклонником, по его собственному выражению, «героя-полубога» А.В. Суворова, он именно его глазами смотрел на подавленное полководцем «восстание Польши». В своем более позднем очерке «Встреча с великим Суворовым» (1835), Давыдов не преминул подчеркнуть человеколюбие полководца. Суворов знал, что во время штурма Праги «остервенение наших войск /.../ достигло крайних пределов», поэтому, «вступая в Варшаву, [он] взял с собою лишь те полки, которые не занимали /.../ столицы /.../ в эпоху вероломного побоища русских /.../, дабы не дать им [русским полкам] случая удовлетворить свое мщение»⁴⁶⁰.

Наиболее четко свою позицию в отношении Польши и польских дел Давыдов определил после известия о восстании 1830 года. Ему сразу стало ясно: раз «в Польше возникли беспокойства, полагать должно, что загремит скоро там оружие»⁴⁶¹. Сколь опасным он считал это восстание для России, видно из того, что польскую войну 1830–1831 гг. Давыдов называл «близким родственником 1812 года»⁴⁶².

Так или иначе, но, учитывая, что Денис Давыдов, по его собственному признанию, считал «себя рожденным единственно для рокового 1812 года»⁴⁶³, его реакция на польские события вполне предсказуема: «Какое русское сердце, чис-

⁴⁵⁹ Давыдов Д.В. 1812 год // Давыдов Д.В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. Стихотворения. Военные записки. М., 1962. С. 398.

⁴⁶⁰ Давыдов Д. Встреча с великим Суворовым // Давыдов Д.В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. С. 168.

⁴⁶¹ Письмо А.И. Чернышеву от 1 января 1831 г. // Давыдов Д.В. Собр. соч. В 3 т. СПб., 1893. Т. 3. С. 178.

⁴⁶² Давыдов Д. Автобиография // Давыдов Д. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова... С. 34.

⁴⁶³ Давыдов Д. 1812 год. С. 281.

тое от заразы общемирного гражданства, – воскликнет он в автобиографических записках, – не забилось сильнее при первом известии о восстании Польши?»⁴⁶⁴.

«Воспоминания о польской войне 1831 года», где «Давыдов сводит счеты с современностью»⁴⁶⁵, в свое время получили широкое распространение в списках. Об этом сообщает, в частности, К.А. Пузыревский в предисловии к своей «Польско-русской войне 1831 г.»: «Записки Давыдова, написанные им в 1836 году, ходили долго по рукам в различных списках, наконец, у нас в России напечатаны лишь в 1872 г. в "Русской Старине". Еще ранее того, а именно в 1863 г. они были изданы в Лондоне кн. Долгоруковым, но издание это не допущено к обращению в России»⁴⁶⁶. Причем, публикация этого сочинения Давыдова на страницах журнала не прошла незамеченной, но отзывы оказались разные. Если, к примеру, по мнению одного из авторов той же «Русской старины», где «Воспоминания...» впервые увидели свет в России, это – «превосходные "Записки"...»⁴⁶⁷, то, с точки зрения уже упомянутого К.А. Пузыревского, «"Записки Давыдова" отличаются более литературными нежели военно-историческими достоинствами». Пузыревского как профессионала в области военной истории, не устраивало то, что: «Принимая ограниченное участие на второстепенном театре войны, автор не дает никаких крупных фактических сведений; что же касается оценки событий и лиц, то, крайне пристрастно относясь к Дибичу, Давыдов является одним из самых ненадежных рассказчиков об этой войне. Его ненависть к фельдмаршалу переходит всякие пределы и вызывает явно несправедливые упреки»⁴⁶⁸. Безусловно, стоит прислушаться к мнению профессионала, для нас же в данном случае важнее не столько оценки Давыдовым русского командования (которые, впрочем, по-своему тоже показательны), сколько его суждения о Польше и поляках-повстанцах.

⁴⁶⁴ Давыдов Д. Автобиография // Давыдов Д. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова... С. 34.

⁴⁶⁵ Орлов Вл. Денис Давыдов и его «Записки» // Давыдов Д.В. Военные записки... С. 20.

⁴⁶⁶ Пузыревский К.А. Польско-русская война 1831 г. СПб., 1886. С. X. – См. также: Записки партизана Дениса Давыдова: Воспоминания о польской войне 1831 г. // Русская старина. 1872. Т. VI. Июль. С. 1–38; Октябрь. С. 309–390. См. также: Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурой не пропущенные. Лондон, 1863.

⁴⁶⁷ Воспоминания Колзакова. 1815–1830 // Русская старина. 1873. Т. VII. С. 424.

⁴⁶⁸ Пузыревский К.А. Польско-русская война. С. X.

Еще одно примечание по поводу издательской судьбы «Записок...» Д.В. Давыдова, а именно – первого, лондонского издания. Если точнее, то место издания «Записок...», во всяком случае, так явствует из титульного листа, – Лондон-Брюссель, но напечатаны они были в лондонской типографии кн. Петра Долгорукова. Следует уточнить, что в лондонском издании «Записок...» собственно «Воспоминания о польской войне 1831 года» составляют лишь одну из глав (глава IV, с. 88–152); а также содержат заметки «О польских событиях 1830 года» (глава V, с. 70–88), заметки, которые почти не встречаются в других изданиях сочинений Д.В. Давыдова. Есть основания полагать, – и это осталось вне поля зрения К.А. Пузыревского, – что в 1863 г. «Воспоминания о польской войне...» были напечатаны в сокращении, либо, учитывая, что они долгое время ходили в списках, в Лондоне был использован список, отличный от того, который позднее будет воспроизведен в собрании сочинений Д.В. Давыдова⁴⁶⁹.

В «Воспоминаниях...» были освещены не только те события, непосредственным очевидцем которых был поэт. Там изложен – когда подробно, когда буквально в двух словах – весь ход польской кампании 1830–1831 гг. и весьма нелицеприятно, и, по словам К.А. Пузыревского, «крайне пристрастно», охарактеризовано русское командование (чем как раз можно объяснить долгую задержку с публикацией). Но, что примечательно, здесь находим совпадение взглядов, казалось бы, антиподов (в восприятии польских событий) – Давыдова и Вяземского, который, как и Давыдов, считал, что «в Паскевиче нет ничего Суворовского, а война наша с Польшей тоже вовсе не Суворовская»⁴⁷⁰. Уже одно это позволяет, по крайней мере, усомниться в том, что упреки Пузыревского по адресу Давыдова (как раз в пристрастности) были в полной мере справедливы. Что же касается самого «гусара и поэта», то он также выражал, по меньшей мере, недоумение и по поводу нерасторопных действий великого князя Константина Павловича⁴⁷¹.

⁴⁶⁹ Давыдов Д.В. Воспоминания о польской войне 1831 года // Давыдов Д.В. Собр. соч. В 3 т. Т. 3. СПб., 1895. С. 200–328. Достаточно сравнить листаж: в лондонских «Записках...» «Воспоминания...» занимают 65 стр., в журнальной публикации – 119 стр., а в издании 1895 г. – 128 стр. – Ср.: Отзывы и мнения военачальников о польской войне 1831 г. СПб., 1867; Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1830 г. СПб., 1878.

⁴⁷⁰ Вяземский П.А. Старая записная книжка. С. 636.

⁴⁷¹ Впрочем, Давыдов был не первым и не последним, кто с упреком вспоминал о бездеятельности вели-

Так или иначе, но для Давыдова все-таки главный объект критики и ненависти в контексте польских событий – конечно, мятежники-шляхтичи и их покровители на Западе. Не раз им будет подчеркнута, что восстали именно шляхтичи, помещики, если же оглянуться на «многочисленнейший класс народонаселения, состоящий из хлебопашцев, мещан и ремесленников», то он, на взгляд мемуариста, относится к русским вполне лояльно. Зато мятежникам (читай – шляхте) Давыдов адресует самые нелестные эпитеты. Для него мятежники – это «одно шляхетство и городская сволочь из тунеядцев», «шляхетство и разная буйная сволочь, обитавшая в окрестностях [Варшавы]»⁴⁷². Давыдов замечает, что, как и во времена Наполеона, «Варшава – /.../ гнездилище вражды против России»⁴⁷³. Персональные обвинения, коль скоро речь идет о шляхте, Давыдов обращает по адресу княгини Чарторыйской, – по его разумению, «главнейшей виновницы всех козней, заговоров и предприятий, возникавших в Польше против России в течение шестидесяти лет сряду»⁴⁷⁴.

Поскольку былая Речь Посполитая ассоциировалась у Давыдова с правлением шляхты, проникнутой духом своеволия и «враждебной мудрому единодержавию»⁴⁷⁵, неудивительна та уничижительная оценка способностей поляков (по контексту Давыдова – шляхты), так сказать, к государственному устройству. Без малейшей тени сомнения Давыдов уверял своих потенциальных читателей, что «для Польши самостоятельность есть дело весьма трудное и доселе невозможное, – до сего времени, едва лишь Польша была предоставлена самой себе, как она накликала на себя ряд бедствий и вмешательство сильных соседей становилось необходимым»⁴⁷⁶.

кого князя. Когда позднее писал о польских событиях 1830–1831 гг. Н.В. Берг, он вынес строгий вердикт: «Революция застала нас врасплох. Не будь этого, будь власти, особенно князь, хотя немного к этому приготовлены, думай о заговоре немного серьезнее, имей об нем более точные сведения, чем те, какие сообщались правительству в массе всяких секретных донесений, огонь мог быть потушен ту же минуту, и к утру 30 ноября (1830) многие жители даже и не знали бы, что приготавлился какой-то нештучный взрыв». – Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях. М., 1873. С. 9.

⁴⁷² Давыдов Д. Воспоминания о польской войне. С. 218, 228.

⁴⁷³ Там же. С. 217. – Ср.: Свирида И.И. О гедонистической ипостаси топоса Варшавы / И.И. Свирида // *Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева*. М., 2002. С. 398–408.

⁴⁷⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне. С. 224.

⁴⁷⁵ Там же. С. 232.

⁴⁷⁶ Там же. С. 207.

Но при этом Давыдов не задавался вопросом, по какой, собственно, причине «сильные соседи» проявляли такую готовность вмешиваться в польские дела, как только видели, что дела эти (с точки зрения, сторонних наблюдателей) пошатнулись.

Давыдов, по-видимому, не отдавал себе отчета в противоречивости ряда своих суждений. Так, с одной стороны, у него звучало заявление, что «для Польши самостоятельность есть дело весьма трудное», с другой – отмечалось, что «инстинкт и разум народа гораздо пронизательнее, чем полагают их вольнодумные апостолы аристократического света», что, хоть и косвенным образом, свидетельствовало о достаточно высокой оценке способностей польского народа (включая шляхту) к самоорганизации.

Во втором издании своей автобиографии, которое увидело свет в 1832 г. (но, как и издание 1828 г., анонимно⁴⁷⁷), пытаясь понять смысл польских событий 1830–1831 гг., Давыдов представил их следующим образом: «Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствующий всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть – и не мог!»⁴⁷⁸. Обвинив во всех бедах Польши откровенно презираемую им шляхту, Денис Давыдов в характеристику последней ввел, как видим, колоритную деталь: корень зла, оказывается, лежал в губительном женском влиянии. Вообще-то гендерный мотив, если воспользоваться привычным теперь для нас термином, вовсе не был чужд российской литературной традиции.

О чарах красавиц-полек у нас писалось не раз: достаточно вспомнить Марину Мнишек из пушкинской трагедии или панночку, из-за которой покрыл себя позором младший из сыновей Тараса Бульбы, у Гоголя. Но Давыдов эту идею, можно сказать, генерализировал, усмотрев тут общее правило. Впрочем, примечательнее здесь другое: судя по всему, наш «гусар и певец» не отдавал себе отчета в том, насколько обоюдоострой была тема женского начала в полити-

⁴⁷⁷ Давыдов Д. Военные записки... С. 431.

⁴⁷⁸ Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова <Автобиография> // Давыдов Д. Военные записки... С. 34.

ке. В конце концов, для Польши все более или менее оставалось на уровне легенд и домыслов, тогда как в Российской империи память о нравах при дворе матушки Екатерины и ее предшественниц на троне была еще свежа. Заметим, что сам Давыдов с большим почтением относился к императрице, утверждая, что «век Екатерины» – «век чудес»⁴⁷⁹, а «сама Екатерина – бессмертная Екатерина»⁴⁸⁰.

Попутно отметим, что представление Д.В. Давыдова о польской «шляхте, искони подстрекаемой и руководимой женщинами», как и иные встречающиеся в отечественной литературе высказывания по поводу пагубности женского влияния на польские дела, способны несколько поколебать поддержанный Полом Вертом тезис⁴⁸¹, согласно которому только после восстания 1863 года «многие чиновники и публицисты /.../ определяли польский национальный характер в терминах феминности», вследствие чего «”демонизация” польки стала ключевым аспектом русской полонофобии»⁴⁸². Пожалуй, есть основание говорить о том, что поражение Январского восстания способствовало усилению роли женщины-католички в процессе воспитания детей, но вряд ли можно согласиться с тем, что «”демонизация” польки» в русской общественной мысли не встречалась в более ранние времена⁴⁸³. Апелляция при этом к Ю.Ф. Самарину («злой дух Польши в образе ксендза-духовника запускает свое жало в сердце жены, а жена, в свою очередь, мутит воображение и совесть мужа»⁴⁸⁴) потребовалась современным нам авторам в разных ситуациях. Если для Верта это – повод утвердиться во мнении, что «именно женская часть польской шляхты обьявлялась главным носителем польского национального сознания»⁴⁸⁵, то для русского историка – подтверждение собственного заявления по поводу того, что

⁴⁷⁹ Давыдов Д. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. С. 168.

⁴⁸⁰ Давыдов Д. О России в военном отношении // Давыдов Д. Военные записки. С. 415.

⁴⁸¹ При этом Пол Верт во многом опирается на те выводы, которые были сформулированы М.Д. Долбиловым и Л.Е. Горизонтовым.

⁴⁸² Верт П. Православие, инославиe, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 166.

⁴⁸³ См., например, любопытные, и аргументированные (как с филологической, так и исторической точек зрения) доводы о возможных, предложенных Пушкиным читателю, ассоциациях польки Марины Мнишек в «Борисе Годунове» со змеей: Безродный В.С. Безродный М.В. О польской речи в «Борисе Годунове» // Пушкин и его современники. Вып. 2 (41). СПб., 2000. С. 223.

⁴⁸⁴ Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. Статьи различного содержания и по польскому вопросу. М., 1877. С. 337.

⁴⁸⁵ Верт П. Православие, инославиe, иноверие. С. 166.

русское общественное мнение, «отдавая дань очарованию польских женщин, /.../ отводило им совершенно определенную роль в противоборстве двух народов»⁴⁸⁶.

Давыдов, с давних пор проявлявший интерес к польским делам, рассказ о польском восстании и его предпосылках воспринял, помимо прочего, как повод для экскурсов в историю русско-польских отношений и даже больше того, – для изложения своих историософских взглядов. Так что его – пусть с оговорками, но и с известным на то основанием, – можно было бы причислить к первым российским историкам-полонистам. Автор «Воспоминаний о польской войне» не только пересказывает, но и приводит выдержки из дипломатических актов – к примеру, из русско-прусского трактата 1815 года. Очевидно и его знакомство с некоторыми из исторических сочинений, хотя Давыдов совсем не склонен вспоминать их авторов, – разве что называет решительно оспариваемого им Солтыка⁴⁸⁷, «превозносящего героизм и самоотверженность поляков во время последнего мятежа»⁴⁸⁸. Однако, судя по всему, основу его представлений о Польше все же составила информация, почерпнутая преимущественно не из книг, – зато она (будучи соответственно подобранной и истолкованной) скорее лишь служит иллюстрацией к твердо им усвоенным антипольским стереотипам, которые бытовали в русском обществе.

М.В. Лескинен в своей рецензии на книгу В.А. Хорева «Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки» (М., 2005), на наш взгляд, совершенно справедливо обращает внимание на основополагающую идею одного из составляющих книгу Хорева очерков⁴⁸⁹, которая заключается в том, что «негативно-критическое и даже во многом унижающее польское национальное достоинство отношение русского образованного общества к полякам формировалось на протяжении нескольких десятилетий – начиная с разде-

⁴⁸⁶ Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999. С. 86.

⁴⁸⁷ Трудно сказать наверняка, какого именно Солтыка имел в виду Давыдов, но, не исключено, что речь идет о Романе Солтыке (1791–1843), участнике Наполеоновских войн, вышедшем в отставку в 1816 г. в чине полковника, принимавшем участие в Ноябрьском восстании, с сентября 1831 г. – генерале, после поражения восстания эмигрировавшем.

⁴⁸⁸ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 206.

⁴⁸⁹ Хорев В.А. Стереотип поляка накануне и после национально-освободительного восстания 1830 г. // Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005.

лов Речи Посполитой»⁴⁹⁰. Вместе с тем, трудно согласиться с указанной здесь хронологической границей, а именно – «начиная с разделов Речи Посполитой». На наш взгляд, грань эту следовало бы отнести к временам значительно более ранним. Выбор именно такой хронологической черты принять тем сложнее, что тут же фигурирует признание самой М.В. Лескинен: «Ключевыми этапами на этом пути являлись художественные ”отклики“ на двухсотлетнюю годовщину Смутного времени, и воспринятая крайне отрицательно пронаполеоновская позиция поляков в русско-французском военно-политическом противостоянии 1804–1814 гг.»⁴⁹¹. Но если, невольно возникает вопрос, признается воздействие на русское общественное мнение празднования двухсотлетней годовщины события, то отчего же на первый план в этом ряду – по силе воздействия – выведена двухсотлетняя годовщина, а не само событие двухсотлетней давности, т.е. 1612 год, событие, сыгравшее немалую роль в процессе формирования негативного образа поляка в русском обществе? Тем более что эти знаки исторической памяти, – 1612 – 1812 – 1830, – в русском общественном сознании первой трети XIX в. буквально витали в воздухе, и, что важно, оказывали значительное влияние, – причем, именно неразрывно связанные друг с другом.

Что касается Давыдова, то он, опираясь на собственные наблюдения, несколько смещал акценты. Самый важный с его стороны корректив: свои упреки он все-таки адресовал исключительно шляхте, только она, по его мнению, – является носителем всех национальных пороков и ненавистницей России. «Истинный представитель характера польской нации» для мемуариста – это генерал Ян Круковецкий: «Дерзкий и спесивый, проныра и низкопоклонный по обстоятельствам, властолюбец /.../ он не был способен ни к военному, ни гражданскому делу»⁴⁹². Именно к шляхте относил Давыдов обвинение поляков в непостоянстве, а также в том, что им свойственны, «несогласия и споры, /.../ междоусобные брани». Кроме всего прочего, «все польское шляхетство», не сомне-

⁴⁹⁰ Лескинен М.В. Рец. на: Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005 // Славяноведение. 2009. № 1. С. 113. – Ср. Филатова Н.М. «Гордый лях» в русских глазах // Новое литературное обозрение. 2006. № 1. С. 442–446. – Рец. На: Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М.: Индрик, 2005. 231 с.

⁴⁹¹ Лескинен М.В. Рец. на: Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. С. 113. С. 113–114.

⁴⁹² Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 240.

вался автор, крайне неблагодарно. Подтверждения неблагодарности «шляхетства» он без труда находил в событиях недавней эпохи.

Уступки со стороны Александра I, по его мнению, «великодушного, но слишком доверчивого монарха»⁴⁹³, проявившиеся в том, что «земледелие, промышленность, торговля царства», были приведены «в цветущее состояние /.../ попечениями российского правительства»⁴⁹⁴, равно как и мероприятия, способствовавшие созданию польской армии – все это вместе взятое, по убеждению Давыдова, лишь давало «им средства к явному против нас возмущению», а также «новые поводы к усилению ненависти, питаемой к нам во все времена поляками»⁴⁹⁵. Потому не приходится удивляться, что стремления Александра I «навсегда прекратить искони существующую между Россией и Польшею вражду» названы автором не иначе, как «заблуждениями», которые «стоили нам дорого». Давыдов был абсолютно уверен, что истоки того, что поляки получили «огромные способы к восстанию и продолжительной борьбе с Россией, о коих они не смели и помышлять», следует искать в действиях предшественника Николая I на троне. Давыдов, как видно, не сомневался, что именно с тех пор «Польша, чреватая мятежом, зарожденным в ней Александром I в минуты несчастной либеральной склонности его, нетерпеливо ожидала срока своего разрешения»⁴⁹⁶.

Давыдов не питал никаких иллюзий насчет шляхты, в которой, на его взгляд, господствует «дух своеволия, столь враждебный мудрому единодержавию»⁴⁹⁷. В то же время, нельзя не заметить, что когда заходит речь о требовании свободы, Давыдов, создается впечатление, не слишком выделяет поляков среди прочих европейских народов. По его глубокому убеждению, свобода вообще годилась только древним грекам и римлянам, «исполненным любви и самоотвержения и твердым в своих убеждениях», в современном же мире она гибельна. Оглядываясь на окружавший его мир, он с грустью восклицал: «Денежная выгода и расчет – вот убеждения нашего века»⁴⁹⁸.

⁴⁹³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне С. 208.

⁴⁹⁴ Там же. С. 207–208.

⁴⁹⁵ Там же. С. 207.

⁴⁹⁶ Там же. С. 209.

⁴⁹⁷ Там же. С. 232.

⁴⁹⁸ Там же. С. 206.

Потому, считал мемуарист, «не желудкам нашего нравственно-хилого века переваривать такую пищу, как свобода /.../. Либо рабство, либо анархия»⁴⁹⁹, – и Давыдов безоговорочно отдает предпочтение первой из возможностей. Впрочем, он говорит о несколько иной альтернативе, – «духу своеволия» и анархии противопоставляя «мудрое единодержавие». По мнению автора, «лишь подобное единодержавие было в состоянии направить их [людей] частные усилия к одной общей цели»⁵⁰⁰. По-видимому, следует понимать дело так, что российское самодержавие – при всех имеющихся у него, с точки зрения Давыдова, недостатках – было вполне годной формой государственного устройства, и особенно – по сравнению с «духом своеволия», характерным для шляхетской республики.

Также следует отметить, что ликвидация Герцогства Варшавского на Венском конгрессе Давыдовым названа «разделом Польши»⁵⁰¹. Либеральная политика Александра I в отношении Польши, предоставление особого статуса польским землям, подвластным Петербургу, освещены им строго критически. По убеждению Давыдова, какое он не раз демонстрировал, полякам вообще нельзя предоставлять независимости⁵⁰². Заметим, что подобное представление – по поводу неспособности Польши к самостоятельному существованию – в русской среде оказалось чрезвычайно живучим. Спустя примерно два десятилетия, в разгар Крымской войны, М.П. Погодин сразу после восклицания: «Объявите независимость Польши», тут же впал в сомнения: «Но может ли Польша существовать особо? Рассматривая внимательно, хладнокровно, и беспристрастно *Историю* (курсив в оригинале. – Л.А.) Польши, чувствуешь, что она особо существовать не может...», поскольку – без каких-либо доказательств заявлял историк, – «это есть страна дополнительная, пограничная, и отнюдь не самобытная»⁵⁰³.

⁴⁹⁹ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне. С. 205.

⁵⁰⁰ Там же. С. 232.

⁵⁰¹ Там же. С. 201.

⁵⁰² Там же. С. 207.

⁵⁰³ Погодин М.П. Письмо о Польше // Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1868. С. 37. Попутно заметим, что свои способности, по крайней мере, к самоорганизации, поляки продемонстрировали летом 1812 г. (на волне успехов продвижения Великой армии Наполеона), обнародовав Акт Генеральной Конфедерации Королевства Польского, в статье 2 которой говорилось: «Генеральная Конфедерация, пользуясь всей широтой власти, принадлежащей Все-

Погодин, правда, не заметил закравшегося в его утверждение противоречия, даже несуразности. Какой смысл он вкладывал в понятие «пограничная страна»? В конце концов, каждая страна – пограничная с соседней. Если понимать Польшу как некую грань между Востоком и Западом (как, собственно, и было), то приходится признать, что земли, находящиеся по разные стороны от этой грани, в равной мере будут проявлять тяготение отодвинуть реальную границу, одна – на запад, другая – на восток. Иными словами, Погодин не сказал ничего нового, кроме того, что всем было известно, а вскоре будет четко сформулировано С.М. Соловьевым по поводу неизбежности исхода длительного соперничества между Польшей и Россией. Хотя фраза Погодина звучала столь двусмысленно, что вообще-то могла означать, что подобное же «пограничное» состояние может оказаться не в пользу другой соседней страны, т.е. России...

Опираясь историческими доводами, Давыдов решительно отметал *как* все притязания поляков на независимость, *так* и обвинения по адресу России со стороны Запада – за нежелание таковую предоставить. «Борьба России с Польшей продолжалась несколько столетий сряду. Были времена, когда Волынь, часть Литвы и часть коренной Польши принадлежала России», – пишет автор, не давая никаких пояснений. «Была эпоха, – продолжает Давыдов, подразумевая, надо думать, период, который позднее назовут Смутным временем, – когда Польша около пяти лет сряду, и не далее двухсот лет тому назад, владычествовала над Россией оружием, но более всякого рода кознями и пронырствами»⁵⁰⁴. Судя по всему, ситуацию, когда Россия, – по словам самого Давыдова, – теперь владычествует над Польшей, следовало воспринимать не только как состояние естественное, пришедшее на смену владычеству польскому, но и как то, что не может претерпеть изменений. Сравнить же пятилетнее «польское владычество» с превосходящим его по продолжительности более чем в три раза российским Давыдов, по-видимому, не собирался.

народному собранию, провозглашает Польское Королевство восстановленным и польский народ снова соединенным в одно целое». – Акты, документы и материалы о политической и бытовой истории 1812 года. СПб., 1909. С. 39.

⁵⁰⁴ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 254.

Согласие России на восстановление независимости Польши, уверял Давыдов, было бы для первой из них «политическим самоубийством». Здесь же мемуарист формулировал причины, по которым, на его взгляд, невозможно допустить такого развития событий: тогда бы «ближайший угол» этого возрожденного государства «находился от Москвы не далее четырех, а от Петербурга не далее пятисот верст!»⁵⁰⁵. Давыдов, увлеченный изложением своей мотивации, не заметил, что здесь он явно не в ладах с картой – все-таки аппетиты польских повстанцев чаще всего не шли дальше границ 1772 года. Картину он при этом рисует крайне неоптимистичную: «Столь благодушным поступком, – рассуждал Давыдов, – Россия сама бы себя изгоняла из среды европейских государств, поступая добровольно в состав азиатских государств; передав в руки Польши все отверстия, чрез которые проникает к нам просвещение, она должна была совершенно отказаться от многих хозяйственных, финансовых и торговых предначертаний своих и беспрекословно покориться игу Польши и Европы, не имея, по их мнению, права отстаивать свое нравственное и вещественное могущество»⁵⁰⁶.

Выходит так, что автор открыто признавал: Польша для России – это своего рода «окно в Европу», возможность на равных говорить с Западом в сфере просвещения, торговли и пр., и, напротив, потеря Польши – во всех смыслах нежелательный для России откат назад. Автор, должно быть, не замечал двусмысленности столь нелестного для собственного отечества утверждения. При этом сам собой возникал (вообще-то весьма неприятный) вопрос: по какой причине наши авторы так дружно заявляли о неспособности Польши к самостоятельному существованию, коль скоро потеря Россией – всего лишь польских земель – по мнению одного из них, может для нее обернуться «политическим самоубийством»?

Кроме того, Давыдов настаивал на том, что Россия имеет все права на Польшу, «которой она владела в силу трактатов и с согласия всех государств Европы». Но дело даже не в том, что автор стремился призвать недоброжелате-

⁵⁰⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 254.

⁵⁰⁶ Там же. С. 254–255.

лей России соблюдать букву закона, – его беспокойство распространяется и на дальнейшие последствия, какие имела бы уступка со стороны Петербурга требованиям западных либералов. «Россия, восстановив Польшу, нашлась бы вынужденной признать самостоятельность и других областей, поступивших искони и силою оружия в состав ее. /.../ Не надлежало ли нам возвратить всем соседям все земли, от них приобретенные?», – риторически вопрошал Давыдов. При этом автор не мог не напомнить Франции и Англии, особенно настаивавшим в 1830-е гг. «на добровольном с нашей стороны удовлетворении требованиям польских мятежников», что тогда и им самим пришлось бы лишиться многих из своих провинций. «Вообще нет государства, которое невозможно было бы разоблачить таким путем»⁵⁰⁷, – уверенно заявлял Давыдов.

Автору «Воспоминаний...» никак не откажешь в известной политической трезвости. Для него характерно, что в изобличении мятежников и их западных покровителей он не прибегает к столь частым в российской литературе ссылкам на этноконфессиональные мотивы в действиях русского правительства как при Екатерине II, так и при ее преемниках. Не ссылается Давыдов и на необходимость воссоединения исконно русских земель в ходе разделов Речи Посполитой. Его рассуждения основываются исключительно на геополитических, прагматических соображениях. Если о «праве меча» как основании законных притязаний России на территории, приобретенные в результате разделов Речи Посполитой, Н.М. Карамзин решался писать только во «Мнении Русского гражданина», конфиденциальной записке, представленной им императору, в своих же публикуемых произведениях предпочитая оперировать стандартно-патриотическими мотивировками⁵⁰⁸, то Давыдов не стеснял себя подобного рода условностями.

Характеризуя атмосферу, в какой развивалось Ноябрьское восстание, мемуарист, вопреки утверждениям либералов, подчеркивает, что оно не было ни всеобщим, ни национальным – восстала только шляхта. Впрочем, сходного мнения по поводу состава участников восстания (даже в более резких выраже-

⁵⁰⁷ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 255.

⁵⁰⁸ Аржакова Л.М., Якубский В.А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой (Византийская библиотека). СПб., 2005. С. 176–177.

ниях) был и П.А. Вяземский, восприятие которым польских событий в целом заметно отличалось от того, что демонстрировал Давыдов. Тем не менее, оценивая первые, полученные им из Варшавы сообщения, Вяземский счел возможным заявить: «Подпрапорщики не делают революции, а разве производят частный бунт. 14 декабря не было революцией», будучи совершенно «уверен, что все это происшествие – вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря». Но, с сожалением признавал князь, «теперь дело запуталось, потому что его запутали»⁵⁰⁹.

Что же касается очевидца и участника событий с русской стороны – Давыдова, то он-то ничуть не сомневался, что в восстании «средний класс и крестьяне» по своей воле в повстанческую армию не шли, а многие «от рекрутского набора /.../ скрывались в лесах». Однако Давыдов счел нужным сделать оговорку: «находясь в рядах мятежников они (рекруты. – Л.А.) сражались храбро; это свойство славянских народов»⁵¹⁰. Следует ли понимать это, – по-видимому, невольное, – признание как своеобразное (пусть подспудное) проявление Давыдовым чувства некой славянской взаимности, или это лишь иллюстрация к пушкинской идее о «славянском море»?

Вместе с тем, нельзя не отметить, что о самом повстанческом диктаторе поляков – Юзефе Хлопицком, Давыдов отзывался с большой симпатией. Дело в том, что этот «кумир [польской] армии» всеми силами стремился «к прекращению возникавшего между Россией и Польшей разрыва, не прибегая к оружию» и, к тому же, принимал меры «для прекращения безначалия»⁵¹¹. Нашему мемуаристу явно импонировало заявление (свидетельствующее о глубине внутренних противоречий в среде повстанцев), с каким тот выступил перед возмущенными его действиями повстанцами: «Если ваша совесть позволяет вам разрывать узы клятв, данных вами законному государю, я вас с тем поздравляю; я не изменю своих правил и все, что я делаю здесь, я действую лишь именем царя моего Николая»⁵¹². Давыдов же считал, что в Хлопицком говорила его «совесть, чистая и

⁵⁰⁹ Вяземский П.А. Старая записная книжка... С. 627–628.

⁵¹⁰ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне... С. 257.

⁵¹¹ Там же. С. 236.

⁵¹² Там же. С. 237.

безмятежная»⁵¹³. Примечательно, что «Санкт-Петербургские ведомости» (от 21 января 1831 г.), публикуя полученный из Варшавы отчет о начале работы сейма, на заседании которого «генерал Хлопицкий сильно и пламенно провозгласил, что нация не может нарушить присяги, данной ею императору Николаю»⁵¹⁴, ссылаются примерно на те же слова польского генерала.

С точки зрения Давыдова, империя «еще потому не могла удовлетворить их [повстанцев] требования, что они могли быть противны выводам в двадцать раз большей массы людей, не требовавших и даже избегавших сего удовлетворения»⁵¹⁵. Иначе говоря, согласно логике мемуариста, Петербург не мог остаться безучастным к судьбам польского простонародья, не мог не выступить защитником их интересов⁵¹⁶. Впрочем, эта гуманная мотивировка в рассуждениях Давыдова ничего по существу не меняла, поскольку им и так уже было провозглашено: независимость Польше не может быть возвращена потому, что нельзя отказаться от занятых территорий.

Судя по всему, польская тематика для Давыдова нередко оказывалась лишь поводом, чтобы высказать свое мнение, в том числе, и о происходящем в Европе. «Свежа еще в нашей памяти французская революция, Июльский переворот и мятеж царства Польского, – все это, по мнению тогдашних говорунов, было совершено лишь для блага общего», – констатировал Давыдов. Но сам он на сей счет не обольщался: «Пусть назовут мне хотя одну личность из числа многих всплывших, так сказать, среди этих кровавых событий, для которого общее благо стояло бы выше собственного – к сожалению, вы не назовете ни одной. У каждого, как у лисицы Крылова, “рыльце в пуху”»⁵¹⁷. В такой оценке современной ему ситуации, по-видимому, скрывалось скептическое восприятие Давыдовым, в том числе, и требования свободы – от кого бы это требование ни исходило. Давыдов выражал уверенность, что «надо сперва постараться сделаться достойными этой небесной манны, и лишь тогда она сама собой низойдет к нам с неба;

⁵¹³ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне. С. 238.

⁵¹⁴ Цит. по: Шайтанов И.О. Пушкин и польский вопрос в контексте идеи всемирной истории // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000. С. 78.

⁵¹⁵ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне. С. 256.

⁵¹⁶ Там же. С. 256, 259.

⁵¹⁷ Там же. С. 205–206.

но пока всепоглощающее “я” будет единым кумиром, единым рычагом всей нашей деятельности, все наши усилия и стремления будут тщетны»⁵¹⁸.

Что же касается ответа на ключевой для судеб Польши, для русско-польских отношений вопрос, – кто виноват, – Давыдов над ним голову особо не ломал, изначально зная ответ, что виновница всех несчастий Польши – шляхта. При этом можно не сомневаться, что информация, на которую он при этом опирался, была почерпнута отставным генерал-лейтенантом преимущественно не из ученых сочинений. Скорее всего, он нередко повторял расхожие, уже вполне утвердившиеся в дворянской, в частности, военной, среде стереотипы, которые питались, помимо прочего, отвращением российских государственников к политическому устройству былой Речи Посполитой. Но, по всему видно, поляков Давыдов не жаловал. Мог, зная «дикий, необузданный нрав» Константина Павловича, посочувствовать обывателям управляемого цесаревичем Царства Польского. Но – не более того...

Примерно в те же годы, что и Д.В. Давыдов, к польской тематике обратился профессионал-историк – адъютант, а затем профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин (1800–1875). В недалеком будущем он, ревностный и удачливый собиратель старославянских рукописей, и, заодно, их публикатор, автор множества работ, посвященных прошлому и настоящему России, славянских и иных стран, темпераментный публицист, живо откликавшийся на происходящее в мире и поддерживавший тесные связи со многими из российских и зарубежных деятелей культуры, приобретет широкую известность. Погодин не обойден и вниманием историографов⁵¹⁹. Больше всего о нем писали и пишут русисты⁵²⁰ (пусть и не всегда доброжелательно). Отечественными слави-

⁵¹⁸ Давыдов Д. Воспоминания о польской войне. С. 205.

⁵¹⁹ Конечно, главное свидетельство внимания к М.П. Погодину – это капитальный труд Н.П. Барсукова: Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. В 22 кн. СПб., 1888–1910.

⁵²⁰ О книге историка-русиста Н.И. Павленко «Михаил Погодин» (М., 2003) сдержанно критически отозвался А.А. Ширинянец, особенно по поводу признания Н.И. Павленко, что тот, в основном, опирался при написании своей книги на 22-томный труд Н.П. Барсукова. – Ширинянец А.А. Русский хранитель. М., 2008. С. 265. Правда, Н.И. Павленко делает оговорку: что касательно «научных и публицистических трудов, его исторической концепции, то анализ и оценка их выполнены мною самостоятельно, независимо от сочинения Н.П. Барсукова». Но при этом, как выясняется, современный автор столкнулся с трудностями, пытаясь создать «портрет нашего героя», которые были вызваны неумением М.П. Погодина «сосредоточиться на том, что он сам считал для себя главным призванием». Такие признания, в свою очередь, способны вызвать у читателей немало вопросов к автору книги. – Павленко Н.И. Михаил

стами особенно подробно изучены его контакты с П.Й. Шафариком⁵²¹, В.С. Карджичем и другими видными деятелями славянского национального Возрождения. В статьях и книгах Л.П. Лаптевой, М.Ю. Досталь и других наших исследователей⁵²², естественно, рассматриваются и работы Погодина в области полонистики⁵²³. Но эта сторона его многогранной деятельности все еще освещена недостаточно. Пожалуй, наиболее часто цитируемые в связи с погодинскими историческими сочинениями о Польше работы – статьи А.Н. Бачинина «Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина» и «М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки»⁵²⁴, где автор рассматривает преимущественно публицистическую составляющую полонистического наследия М.П. Погодина⁵²⁵.

Наблюдения над текстами историко-публицистических сочинений М.П. Погодина приводит А.Н. Бачинина к небесспорному, на наш взгляд, выводу, что «Погодин выдвинул парадигму этнополитического синтеза поляков и русских, обосновав идею культурно-исторической интеграции». Также сложно согла-

Погодин. М., 2003. С. 5.

⁵²¹ См., например, специально посвященную изучению чешско-русских контактов диссертацию: Широкова Е.В. П.Й. Шафарик и М.П. Погодин. К вопросу о чешско-русских научных связях в 30–60-е гг. XIX в. Дисс. ... кин. М., 1999.

⁵²² См., напр.: Лаптева Л.П. 1) Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. М., 1997. С. 31–39; 2) Павел Йозеф Шафарик и русское славяноведение первой половины XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1996. № 1. С. 10–21; 3) Чешско-русские научные связи в XIX в.: переписка П.Й. Шафарика и М.П. Погодина // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2003. № 2. С. 72–84; Досталь М.Ю. 1) Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1833–1844) // Славянская филология. К X Международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Вып. VI. С. 24–34; 2) Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844) // Досталь М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005. С. 6–16; Савран Е.В. В.И. Григорович и М.П. Погодин (по данным переписки) // Славистика в университетах России. Тверь, 1993. С. 68–81.

⁵²³ В книге А.А. Ширинянца специальная глава отведена анализу историографии творчества М.П. Погодина. Этот содержательный историографический очерк лишний раз убеждает, что полонистическое наследие М.П. Погодина до сих пор остается недостаточно исследованным. Что же касается заявления К.Б. Умбрашко о существовании «множества работ», которые будто посвящены разным «политическим сюжетам» (и, значит, в том числе, польскому вопросу), затрагиваемым Погодиным-публицистом, то, как справедливо обратил внимание Ширинянец, Умбрашко затруднился дать ссылки на такие работы (за исключением единственного автореферата). – Ширинянец А.А. Русский хранитель. М., 2008. С. 255–280.

⁵²⁴ Бачинин А.Н. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина // Балканские исследования. Вып. 16. М., 1992. С. 165–174. – Ср. Бачинин А.Н. М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки // Вестник РГГУ. № 7 (50) / 10. Сер. Исторические науки. Историография, источниковедение, методы исторических исследований. М., 2010. С. 28–42.

⁵²⁵ Зато А.А. Ширинянец высоко оценивает совместную работу А.Н. Бачинина и В.И. Дурновцева «Разъяснить явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин» (в кн.: Историки России XVIII–XX вв. М., 1996), в которой, на взгляд Ширинянца, не только подведены некоторые итоги советской историографии творчества М.П. Погодина, но и дано «концептуальное осмысление исторической и историческо-философской концепции русского мыслителя». – Ширинянец А.А. Русский хранитель. М., 2008. С. 261.

ситься с тем заключением Бачинина, что «польский вопрос, т.е. вопрос о достижении прочного мира с Польшей, трактовался Погодиным в рамках внешнеполитического проекта, который можно условно квалифицировать как либеральный империализм», согласиться с данным тезисом тем более трудно, что автор статьи не вдаётся в подробности того, как, собственно, он толкует определение «либеральный империализм»⁵²⁶. Кроме того, возникает вопрос, как можно говорить о «достижении прочного мира с Польшей /.../ в рамках внешнеполитического проекта» и, одновременно, утверждать, что «Погодин никогда не допускал мысли о нарушении территориальной целостности России и был в этом смысле неистощим на разного рода аргументы»⁵²⁷. И, кстати сказать, что касается суждений о польских делах, то отметим, забегая вперед, что с обоснованием и аргументацией дело у Погодина обстояло все-таки неважно...

Среди тех, кто в последние годы идет по стопам А.Н. Бачинина, можно назвать, в частности, Р.Е. Стайцова⁵²⁸. Правда, не со всеми наблюдениями и этого автора можно согласиться. Трудно принять сторону современного исследователя, когда в контексте рассуждений по поводу идеи объединения славян под эгидой Петербурга он, насколько можно судить, свое собственное недоумение выдает – за недоумение Погодина: «... разработав программу создания союза, Погодин встречает на своем пути преграду – Польшу, которая никак не вписывается в рамки нового объединения»⁵²⁹. Одним из объяснений тому может служить то, что польские сюжеты М.П. Погодина разбираются преимущественно в публицистическом ключе, отстраненно от истоков его собственно исторических воззрений на Польшу, в основном сконцентрированных в работах 1830-х гг.,

⁵²⁶ Бачинин А.Н. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина. С. 173.

⁵²⁷ Там же..

⁵²⁸ Стайцов Р.Е. 1) М.П. Погодин и польское восстание 1830–1831 гг. // Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков. Самара, 2008. С. 124–127; 2) Тема Польши в публицистике М.П. Погодина (50-е годы XIX в.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. 2010. № 6. С. 222–228. – Во второй из указанных статей без каких-либо комментариев (на наш взгляд, совершенно необходимых) автор приводит красочную (значит, разделяя ее) оценку-характеристику А.Н. Бачинина о статье М.П. Погодина «Исторические размышления об отношениях Польши к России» – как блистательном образце ранней имперской публицистики». – Стайцов Р.Е. Тема Польши в публицистике М.П. Погодина (50-е годы XIX в.)... С. 222. Что касается употребления подобного рода эпитетов – «ранняя имперская публицистика», они требуют пояснения хотя бы потому, что влекут за собой вопросы: что было до «ранней», какая стадия последовала за ней, или чем, скажем, «ранняя» отличалась по своим идеям от «поздней» и т.д.

⁵²⁹ Стайцов Р.Е. Тема Польши... С. 223.

что, в конечном счете, затрудняет в должной мере проследить эволюцию взглядов М.П. Погодина на польские дела⁵³⁰.

По-своему характерно и то, что в университетском учебнике по славянской историографии его имя даже не упомянуто, несмотря на то, что о Погодине бытует мнение, что «по многообразию сфер приложения сил и способностей»⁵³¹ среди коллег-историков ему не было равных. Между тем в ряду Погодинских печатных произведений труды на польскую тему занимают, пусть не первое, но видное место. Когда в 1865 г. М.П. Погодин взялся за большую, в известной мере, итоговую статью «Польское дело», у него были основания сказать о себе: «Много я писал, читал, думал, говорил о польском вопросе – в продолжение сорока почти лет – с поляками и русскими, разных оттенков и возрастов; вопрос был переверочен, кажется, на все стороны»⁵³². Сам автор придавал немалое значение своим писаниям о Польше и потому в начале 1860-х годов задумал собрать их воедино.

Весной 1863 г. им было составлено предисловие к предполагаемому сборнику, но появлению книги помешали, как позднее уклончиво выразится автор, «цензурные недоразумения»⁵³³. Но книга «Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний» смогла выйти только спустя четыре года⁵³⁴. Новое собрание статей из польского цикла Погодин подготовил в начале 1870-х годов в виде раздела в пятом томе своих сочинений, озаглавленном «Статьи политические и польский вопрос (1856–1867)», правда, эта книга увидела свет в 1876 г., уже после смерти ученого. Двумя годами раньше, еще при жизни историка, вышел другой сборник его работ: «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны (1853–1856)»⁵³⁵. Как предупреждает заголовок, в издание 1876 г. вошли лишь публикации о польском вопросе, появившиеся после окончания Крымской войны. По каким-то причинам сюда не попала из пер-

⁵³⁰ О польских статьях М.П. Погодина 1830-х – начала 1840-х гг. см., напр.: Павленко Н.И. Михаил Погодин. М., 2003. С. 233–235.

⁵³¹ Павленко Н.И. Михаил Погодин. С. 76.

⁵³² Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1868. С. 488

⁵³³ Там же. (Предисловие 1863 года) С. IV.

⁵³⁴ Примечание: на обложке указан 1868 год, на титульном листе – 1867.

⁵³⁵ Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

вого сборника статья «По поводу новых слухов», хотя по хронологии (написана в 1863 г.) она вполне подходит. Более ранние работы теперь были рассредоточены по отведенным истории, критике, публицистике томам (так и не реализованного в полном объеме) собрания сочинений ученого.

Названные два сборника не охватили всего написанного Погодиным на польскую тему. Кое-что способны добавить, например, его «Исторические афоризмы». Польские сюжеты присутствуют в ряде его книг по русской истории, они также неоднократно затрагиваются в его обширнейшей переписке (среди Погодинских корреспондентов были и поляки – например, известный историк права Вацлав Мацеёвский и др.)⁵³⁶. Кстати сказать, в издательском проекте «Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель», осуществленном стараниями В.А. Францева⁵³⁷, значительное место отведено научным контактам чешского архивиста и историка как с русскими, так и с польскими историками (в частности, с упомянутым в связи с Погодиным В. Мацеёвским, а также Т. Дзялынским, В. Цыбульским и др.). Отметим также, что решение опубликовать переписку было принято, в том числе, с учетом пожеланий, выраженных в польской исторической периодике («Kraj», «Kwartalnik historyczny»)⁵³⁸. Своеобразным лирическим знаком, подтверждающим активно развивавшиеся в первой трети XIX в. русско-польско-чешские научные контакты можно счесть и то, что для предисловия к этому изданию, в качестве эпитафии, взяты слова видного польского просветителя Гуго Коллонтая: «В поисках материалов рождается историк»⁵³⁹.

На протяжении долгих десятилетий постоянно, и настойчиво, возвращаясь к так называемому польскому вопросу, Погодин вкладывал в это обиходное для Российской империи словосочетание самый широкий смысл. Оно фактически включало в себя весь клубок социально-политических и этнокультурных проблем, так болезненно преломлявшихся в российско-польских взаимоотношениях.

⁵³⁶ См., напр.: Письма М.П. Погодину из славянских земель. Вып. I – III. М., 1880 (Здесь так же, как и в случае со сборником статей встречаются разночтения по поводу года издания, поскольку на обложке указан 1880 год, а на титульном листе – 1879 г.); и др.

⁵³⁷ Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905.

⁵³⁸ Письма к Вячеславу Ганке. С. 7.

⁵³⁹ Письма к Вячеславу Ганке. С. 5.

ях, и особенно – в пору военных конфликтов, в которых участвовала Россия, а поляки, с точки зрения большинства представителей русского общества, не оправдывали возлагаемых на них ожиданий⁵⁴⁰. Однако соотношение между составными частями этого сложного, выражаясь современным языком – комплексного, понятия, со временем заметно трансформировалось.

Если в самом начале своей ученой и публицистической карьеры М.П. Погодин больше внимания уделял польской исторической проблематике (например, выступив с обширной рецензией на «Историю Польши» Георга Бандтке), то в последующие годы исторические экскурсы заметно отходят на задний план, уступив место сугубо злободневным сюжетам, продиктованным сиюминутными политическими соображениями. По этой причине погодинские работы 1830-х годов – работы, в которых не только был затронут ряд существенных проблем истории Польши, но и уже достаточно четко отразилось свойственное ученому представление об особенностях ее исторического пути – заслуживают особого внимания⁵⁴¹.

Вполне естественный для историка-русиста М.П. Погодина интерес к польскому прошлому получил во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг. добавочный стимул в силу сугубо житейских обстоятельств. У способного питомца Московского университета, чья магистерская диссертация «О происхождении Руси» (1824) получила высокую оценку, были известные основания смотреть на себя, как на законного преемника своего учителя – М.Т. Каченовского по кафедре русской истории. Но исполнения надежд пришлось ждать долго. Только в 1835 г. Каченовского переведут на вновь созданную кафедру истории и литературы славянских наречий, и Погодин займет его прежнее место.

В ожидании русской кафедры Погодин в 1826 г. принял приглашение на кафедру всеобщей истории. Там он охотно занимался, помимо прочего, польской тематикой, которая в ближайшем будущем, с началом Ноябрьского восстания, приобретет особую актуальность. В 1830–1831 академическом году он

⁵⁴⁰ Показательным в этом смысле можно считать как раз сборник: Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны.

⁵⁴¹ Аржакова Л.М. «Польские» статьи М.П. Погодина 1830-х годов // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 66–78.

прочтет студентам лекционный курс по истории Польши⁵⁴². В основу курса им был положен только что появившийся, выполненный по изданию 1820 г., русский перевод книги известного польского ученого Ежи (в русской передаче – Георга) Самуэля Бандтке «История Государства Польского» (СПб., 1830).

Что касается фигуры самого автора «Истории Государства Польского» – Е.С. Бандтке (1768–1835), то нельзя не отметить, что он оставил заметный след в истории польской культуры, получил известность как филолог, библиограф, историописатель⁵⁴³. На заре своей юности он окончил гимназию в Бреслау (Вроцлаве), затем продолжил образование в Галле, Йене, после чего состоял домашним учителем в семействе графов Ожаровских и вместе с графской семьей некоторое время прожил в Петербурге. Следующая страница его биографии связана с преподавательской деятельностью в Бреслау, а с 1811 г. он становится профессором библиографии в Ягеллонском университете (каковой в ту пору именовался Краковской Главной Школой).

Из ученых трудов Бандтке можно назвать трехтомную «Историю типографий в Польше и Великом Княжестве Литовском» (1825–1826). Кроме того, российские читатели могли помнить его статью «Замечания о языках богемском, польском и нынешнем российском», напечатанную в «Вестнике Европы» за 1815 г.⁵⁴⁴

Изданная в Петербурге в год Ноябрьского восстания «История Государства Польского», в оригинале (увидевшем свет в 1820 году в Бреслау) была озаглавлена несколько иначе – «История Королевства Польского» и состояла из двух томов. Примечательно, что ей предшествовал изданный десятью годами ранее более краткий – хоть также в двух томиках, очерк польской истории. Позднее, в 1835 году, появится еще и третий, расширенный и переделанный вариант книги,

⁵⁴² Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 93. Как отмечает М.Ю. Досталь, именно польское восстание 1830 г. побудило М.П. Погодина к составлению курса «История Царства Польского», что в определенной мере явилось дополнением к лекциям по славянской филологии М.Т. Каченовского. – См.: Досталь М.Ю. Славистика в университетских курсах М.П. Погодина (1825–1844) // Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки. М., 2005. С. 10.

⁵⁴³ О нем см., напрр: Barycz H. Jerzy Samuel Bandtkie założyciel studium historycznego w Kragowie // Barycz H. Wśród gawedziarzy, pamiętnikarzy i uczynych galicyjskich. T. 2. Kraków, 1963; о Бандтке также: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005.

⁵⁴⁴ Вестник Европы. 1815. № 21. С. 23–25; № 22. С. 118–124.

который получит то же самое название, что и сочинение Нарушевича: «История народа польского». Понятно, что именно Ноябрьское восстание сделало сюжет переведенной в России книги максимально злободневным. Не удивительно, что московский историк счел нужным не только обратить внимание читающей публики на появление такого перевода, но и особо при этом подчеркнуть, что, по его мнению, польский автор верно расставил, так сказать, идейные акценты.

Итак, молодой московский историк выступил в только что начавшем выходить журнале Н.И. Надеждина «Телескоп» с обширной рецензией на этот перевод, аттестовав книгу как «первый опыт полной истории государства Польского на нашем языке»⁵⁴⁵. Собственно говоря, автор книги в определенной степени мог бы притязать на первенство также и в польской историографии. Ведь его предшественник, знаменитый Адам Нарушевич (1733–1796), довел свою «Историю народа польского» только до 1386 года, тогда как у Бандтке излагались события вплоть до конца правления Августа III. Заметим, что тридцатилетие правления последнего польского короля Станислава Августа автором практически не освещено, о состоянии же дел после разделов, начиная с 1796 г., была дана лишь краткая справка.

Что особенно понравилось в книге Бандтке рецензенту, так это тезис, согласно которому вошедшие в польскую практику со времен Людовика Венгерского соглашения между монархом и дворянством стали источником «споров о престоле, которые впоследствии довели было до мнимого свободного избрания и, так названной золотой вольности, погубившей Польшу и многие другие государства»⁵⁴⁶. Почти дословно передав мысль Бандтке о золотой вольности как причине падения Польши и многих других государств и воздержавшись от комментариев, Погодин, очевидно, солидаризировался с поляком, который в этом вопросе отходил от распространенного представления, что «золотая вольность» была сугубо польским феноменом.

Но рецензент предпочел оставить без внимания присутствующее в тексте «Истории Государства Польского» авторское примечание. В нем Бандтке, пере-

⁵⁴⁵ Погодин М.П. Рецензия польской Истории Бандтке // Погодин М.П. Польский вопрос... С. 11.

⁵⁴⁶ Погодин М.П. Рецензия... С. 16.

числив эти «многие государства», – так же, как и Польша пострадавшие от «так названной золотой вольности», – наряду с Империей Римско-Немецкой, Богемией, Венгрией, Королевством Иерусалимском, Латинской империей, «Швецией, соделавшейся достоянием Дании», вспомнил и о «России, подпавшей татарскому игу на 240 лет»⁵⁴⁷.

Погодину, однако, показалось, что мысль Бандтке о причине падения Польши все-таки прозвучала недостаточно ясно. Потому, дойдя в своем изложении содержания книги до ситуации в Речи Посполитой XVIII века, он уже от собственного имени заключил: «внимательный и знающий читатель /.../ сам может сделать математическое заключение, что такое государство без посторонней чужой помощи не могло сохранить свою политическую самобытность, что и действительно случилось»⁵⁴⁸.

Польский историк, действительно, не был апологетом золотой шляхетской вольности, и это очень импонировало как М.П. Погодину, так и ряду близких к нему по мировоззрению ученых и публицистов, до И.В. Ягича включительно. Последний по поводу Бандтке писал, что «он тяготился односторонним настроением польской современной науки, не выносившей голоса истины, если он не льстил национальному самолюбию»⁵⁴⁹.

Отрекомендовав сочинение Бандтке как первый опыт такого рода на русском языке и, в целом, одоблив подход польского историка к оценке государственного строя давней Польши, рецензент, тем не менее, предъявил автору серьезные претензии. Если полвека спустя Н.И. Кареев авторитетно скажет, что курс польской истории Бандтке – был «хороший для своего времени»⁵⁵⁰, то рецензент 1831 г. оказался куда более строг и категоричен. «Бандтке, – по словам Погодина, – /.../ принадлежит к старой школе историков, которые в истории обращали главное внимание на внешние сношения, то есть на войны, миры, приобретения и потери, и которые почти совершенно упускали из виду последовательность умственного личного образования, промышленности, нравственности, религи-

⁵⁴⁷ Бандтке Г.С. История государства Польского. СПб., 1830. С. 258.

⁵⁴⁸ Погодин М.П. Рецензия... С. 16, 27.

⁵⁴⁹ Ягич И.В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 147.

⁵⁵⁰ Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе. СПб., 1888. С. 32.

озных понятий, – или упоминали об них только мимоходом»⁵⁵¹. Как считал По-годин, «в лабиринте собственных имен и мелких происшествий автор забывает человека, видя лишь гражданина или, менее того, воина»⁵⁵². В вину своему польскому коллеге-историку было поставлено и то, что в его книге не выяснены коренные причины, обусловившие своеобразие польских государственных учреждений, остается неясность в освещении происхождения дворянства и крепостного крестьянства, в показе «причин преимущества дворянства над удельными князьями»⁵⁵³.

Бесспорно, критические замечания рецензента были вполне дельными. Бандтке по своим воззрениям, действительно, принадлежал скорее эпохе Просвещения. Романтическим веяниям он остался чужд, не восприняв ни социально-политических, ни сугубо научных идей Лелевелевской школы. Политическая, событийная история в его глазах заслоняла собой все остальные стороны жизни общества.

Справедливости ради надо сказать, что Бандтке в своем сочинении не прошел мимо сообщений об успехах земледелия, ремесел, торговли в пору Казимира Великого (что как раз осталось не подчеркнуто рецензентом), который «решительно воспретил /.../ междоусобия в Польше, от чего земледелие начало процветать, число народа увеличилось, и города украсились стенами и великолепными зданиями. Торговля и ремесла возродились под покровительством короля /.../. Краков превосходил даже и Бреславль, будучи столицей государства, и имея в своих руках всю торговлю медью и вином». Например, по отношению к 1385 году упоминается о польских сукнах, привезенных для продажи в Великий Новгород⁵⁵⁴.

Хотя, конечно, напрасно было бы искать в книге Бандтке глубокий анализ социальных процессов, а тем более – убедительное выяснение породивших их первопричин. Вопрос, однако, в том, *как* понимал смысл своих упреков сам По-

⁵⁵¹ Погодин М.П. Рецензия... С. 27.

⁵⁵² Там же.

⁵⁵³ Там же.

⁵⁵⁴ Бандтке Г.С. История... С. 259, 266–267.

годин и *что* он сам был способен противопоставить ретроградной, на его взгляд, позиции автора «Истории государства Польского».

Задуматься над этим заставляет, прежде всего, сам характер Погодинской рецензии. Примерно девять десятых всего ее немалого объема занял бесхитростный пересказ рецензируемого труда (в скобках заметим, что подобная манера писания рецензий не изжила себя и в наши дни) – Погодин, не мудрствуя, перечислил одного за другим фигурировавших в книге польских князей и королей вместе с главными, пришедшимися на их правления, деяниями.

Роль России, само собой, рисовалась в самых светлых тонах. Погодин не забыл воздать хвалу «великодушному посредничеству императора Российского Александра», которому «Польша в 1814 г. одолжена возвращением к политической жизни и таким благоденствием, которого давно она не имела и при самых знаменитых своих государях»⁵⁵⁵. Само по себе все это было отнюдь не оригинально: и здесь, и в других своих работах на польскую тематику Погодин мало в чем выходил за рамки той же, по его неодобрительному выражению, «старой школы историков» с присущими ей (и им же самим перечисленными) чертами.

Если перечень претензий рецензента к сочинению Бандтке рассматривать как некую позитивную программу исторических изысканий, то придется, пожалуй, признать, что она бесспорно хороша, но в условиях первой половины XIX в. едва ли была выполнима. Решение столь категорично поставленных сложнейших задач, скорее всего, вообще было не по силам тогдашней полонистике – и уж совершенно ясно, что оно превышало возможности самого Погодина. Лишним подтверждением тому может служить итоговое признание рецензента, что «мало еще история русская и польская проверены одна другою. /.../ Надлежало бы разобрать древние свидетельства. Утвердить или отвергнуть их, или хотя оставить под сомнением, но только в обеих историях»⁵⁵⁶.

Иначе говоря, масштаб задач, необходимость решения которых декларировал М.П. Погодин, не может не впечатлять, в то же время совершенно определенным образом характеризуя масштаб личности самого историка. Как в свое

⁵⁵⁵ Погодин М.П. Рецензия... С. 27.

⁵⁵⁶ Погодин М.П. Рецензия... С. 28.

время напишет о нем В.О. Ключевский, «природа несомненно наделила его историч[еским] чутьем; а это – драгоценный дар историка. Погодина как будто невольно тянуло к историческим фактам, в которых чуялся научный вопрос, и он умел иногда угадывать путь, которым надо идти, чтобы найти ответ»⁵⁵⁷. Впрочем, Ключевский – довольно строгий критик. Наряду с очевидными достоинствами Погодина-историка, он не закрывал глаза и на его явные недостатки как профессионала: «Вина Погодина в том, что он не позаботился обработать свое природное чутье в научное понимание, несомненно тлевший в нем огонек, порывисто вспыхивавший своенравными догадками, раздуть в ровный урегулированный свет знаний»⁵⁵⁸. Не будет, наверное, большим преувеличением сказать, что подобные наблюдения Ключевского как нельзя лучше могут быть проиллюстрированы польскими опытами Погодина.

В том же 1831 г. в «Телескопе» вышла еще одна работа М.П. Погодина, небольшая по объему, но весьма звучно озаглавленная и, так сказать, проблемная статья⁵⁵⁹, в которой своеобразно преломлялся польский вопрос. Пожалуй, следует признать справедливость замечания А.А. Ширинянца, который уточнил и дополнил мнение П.В. Стегния, «почему-то игнорировавшего роль М.П. Погодина в формировании ”национальной“ концепции раздела Польши», напомнив, что «задолго до выхода в свет исследования С.М. Соловьева, его учитель – М.П. Погодин, в своих трудах, начиная со статьи 1831 года ”Исторические размышления об отношении Польши к России“, твердо и последовательно проводил идею о том, что в результате разделов Польши Россия ”возвратила“ то, что ей искони принадлежало»⁵⁶⁰.

Итак, статья называлась «Исторические размышления об отношении Польши к России», в журнальном тексте имелся еще и подзаголовок (опущенный при перепечатке в сборнике 1868 года), который гласил: «По поводу разных статей о том же предмете, помещенных в иностранных журналах». Статья,

⁵⁵⁷ Ключевский В.О. М.П. Погодин // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 149.

⁵⁵⁸ Ключевский В.О. М.П. Погодин. С. 149.

⁵⁵⁹ По мнению М.Ю. Досталь, как раз эта статья вместе с рецензией на книгу Г. Бандтке дает общее представление о содержании курса М.П. Погодина «История Царства Польского». – Досталь М.Ю. Славистика в университетских курсах М.П. Погодина... С. 10.

⁵⁶⁰ Ширинянец А.А. Русский хранитель. М., 2008. С. 140.

в которую автор, по его уверению, включил «мысли, родившиеся /.../ при чтении польской истории, без всякого отношения к нынешним происшествиям», содержала резкую отповедь «западным писателям», которые говорят о польских делах, но не имеют надлежащего понятия о славянских народах и «при исторических рассуждениях своих уклоняются от славянской истории общими местами или даже проходят ее молчанием». И это при том, напоминал историк, что «славянские народы составляют почти десятую часть всей земной поверхности, и наконец, в лице России, занимают первое место в системе государств, следовательно имеют всемирное значение»⁵⁶¹. Упрек Погодин адресовал даже Ф. Гизо, чьи заслуги он всегда признавал, и здесь отметив, что француз, подобно Л. Шлецеру⁵⁶² и Й. Гердеру, открыл новую эру в исторической науке.

Погодин был обеспокоен проникновением в Россию ложных, на его взгляд, западноевропейских воззрений. Как на пример он ссылаясь на «повторяемую даже в некоторых наших официальных учебных книгах» мысль об участии Российской империи в разделах Польши. По его уверениям, тогда, в 1770–1790-годах, «Россия не сделала никаких похищений, как обвиняют наши враги, не сделала никаких завоеваний, как говорят наши союзники, а только возвратила себе те страны, которые принадлежали ей искони по праву первого занятия, наравне с коренными ее владениями»⁵⁶³.

В подтверждение сказанного историк перечислил все некогда утраченные Россией владения, стараясь не упустить ни одного города, ни одной земли, принадлежавших в свое время «внукам Ярославовым». В итоге выходило, что и за Литвой «что /.../ останется? Только часть губернии Виленской и Гродненской. Но и в сих местах литовцы (племя по своему происхождению столь же чуждое Польше, как и России), – вразумлял Погодин читателей, – с незапамятных времен платили дань князьям русским, наравне с прочими славянскими и фински-

⁵⁶¹ Погодин М.П. Исторические размышления об отношении Польши к России // Погодин М.П. Польский вопрос... С. 1.

⁵⁶² См. статью А.Б. Каменского, где автор, в частности, пишет, что: «Присмотревшись к обзору источников в Опыт Миллера, нетрудно заметить, что по составу и построению он очень близок к принятой в современной науке классификации письменных источников по истории России XVI–XVII веков». – Каменский А.Б. У истоков исторической науки: Г.Ф. Миллер // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 50.

⁵⁶³ Погодин М.П. Исторические размышления... С. 2.

ми племенами, вошедшими в состав Русского государства». Поэтому русский историк без тени сомнения заявлял: «Кто же может сказать, что Россия имеет на Литву меньшее право, чем Англия на Валлис (т.е. Уэллс. – Л.А.), или Франция на Бретань?»⁵⁶⁴.

Вопреки нападкам «европейских политиков» Погодин доказывал, что приобретение Александром I Царства Польского было вполне легитимным. Неопровержимым, как он считал, аргументом служила ссылка на то, что «со смерти последнего Пяста, в XIV столетии, на престоле польском последовательно сидели и Литовские, Седмиградские князья, и Французские, Шведские принцы, и Саксонские курфюрсты», а также на то, что вольных в полном смысле слова, без подкупов и вмешательства чужестранцев, избраний короля в Польше никогда не бывало⁵⁶⁵. «Почему же кажется /.../ странным, что этот престол занят ныне Российским Императором?», – возмущенно вопрошал Погодин, восклицая при этом: «И я не знаю, найдется ли во всей польской истории хотя одно восшествие на престол благороднее Александрова – был ли избран сей Российский Император по единогласному желанию Сената и представителей Польских, или по соглашению с прочими Государствами, решавшими в ту пору судьбу Европы, или как победитель, пришедший вслед за поверженными неприятелями, которые дымились еще кровию родных его детей!»⁵⁶⁶.

Автор, руководствуясь идеей о действующем в истории человечества возмездии и о том, что оно «нигде /.../ не совершалось столь кротким, можно сказать, христианским образом, как в России», признавал виноватой в русско-польских конфликтах только одну сторону. Он задавался вопросом: «От основания Русского государства и до позднейших времен, /.../ от IX-го столетия и до XVII-го, посягал ли русский меч хотя на одну каплю польской крови? /.../ Иссякали ли хотя на короткое время, в продолжение сих столетий, реки русской крови, пролитой польскою, литовскою саблею /.../ – крови, пролитой из самого

⁵⁶⁴ Погодин М.П. Исторические размышления... С. 4.

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же. С. 5.

сердца России, Москвы?»⁵⁶⁷. Для самого Погодина в обоих случаях отрицательный ответ был бесспорен.

«Неужели, – вновь задавался он вопросом, – за тяжелые страдания России – например, в эпоху католического могущества в Украине, /.../ за судорожные мучения /.../ при самозванцах, поляки заплатили нам шестнадцатилетним подданством императорам Александру и Николаю, когда они были едва ли не счастливее своих предков, в эпоху их величия и славы»⁵⁶⁸? Склонный к широким обобщениям, автор далее развивал мысль о том, что каждое государство, подобно небесному светилу, проходит через свой зенит. Чем позже государство его достигнет, тем оно дольше в нем останется. Для Польши он датировал эпоху максимального подъема XVI столетием, что следует подчеркнуть, – поскольку в данном случае автор не входил в противоречие ни с русской, ни с польской историографией. Здесь же перечислив, что полякам тогда досталось (Богемия, Венгрия, Молдавия, Запорожье, Украина, Россия, Лифляндия, Пруссия, Померания, Ганза, Швеция), Погодин, с нескрываемым удовлетворением, констатировал: «Немногого недоставало, чтоб она удержала владычество над всеми сими обширными странами, но сего немногого не достало!...». Объяснение того, почему так случилось, историк не давал, ограничившись лишь туманным заявлением, что, мол, тогда «Польша не успела, не могла воспользоваться благоприятными обстоятельствами, с своим *liberum veto*; и, – что было особенно важным для него самого, и необходимым напоминанием для российского читателя, – с той минуты, при Сигизмунде III, начинается ее поступательное падение»⁵⁶⁹. Казалось бы, гипотетичность посылок автора статьи очевидна, но это ему не мешало делать глобальные выводы. Наверное, у В.О. Ключевского были основания утверждать: «Своим чутьем он схватывал смысл отдельных явлений; но ни этот смысл, схваченный оцупью, не развивался в научное положение, ни отдельные явления не связывались в последовательное, стройное историческое

⁵⁶⁷ Погодин М.П. Исторические размышления... С. 5.

⁵⁶⁸ Там же. С. 6.

⁵⁶⁹ Там же. С. 6–7.

течение, потому что одного чутья далеко не достаточно, чтобы уловить связь исторических явлений»⁵⁷⁰.

От Польши, продолжал Погодин, роль лидера в Восточной Европе перешла к Швеции, а та, при Карле XII почти покорив Данию и Польшу, после Полтавской битвы уступила первенство России. По поводу своего отечества автор выражался осторожно, сказав, что оно «стремится к зениту своего могущества, возывая к новой жизни те земли, которые Провидение к ней присоединило»⁵⁷¹. Обращает на себя внимание, что на сей раз о преходящем характере такого лидерства не упоминалось.

Усмотрев в возвышении Российской империи «действие Провидения», он заключал: «Россия и Польша соединились между собою, кажется, по естественному порядку вещей, по закону высокой необходимости для собственного и общего блага». В оправдание такого соединения следовала ссылка на переход целых областей и стран под власть новых династов путем бракосочетаний (Мария Бургундская принесла Максимилиану Австрийскому Бургундию и т.п.). С одной стороны, историк готов был признать неестественной практику, когда целые народы доставались в приданое «почти в сундуках, вместе с рухлядью», но, с другой, не мог не напомнить: «сими несообразными действиями утвердилась в Европе XVI столетия спасительная власть монархическая и доручено зданию феодализма»⁵⁷². Но если установившаяся власть монархическая – «спасительная», то зачем же мешать ее новым деяниям, «может быть, благодетельнейшим для человеческого рода»⁵⁷³?

В принципе признавая право народа на политическую независимость – «независимость народов священна», даже говоря по этому поводу, что «я согласен», историк здесь же задавал каверзный вопрос, а «что значит независимость, и где сии независимые народы?». Он был свято уверен, что распад империй на этнические части чрезвычайно опасен: «разделять химически эти части, желая возвратить им независимость – предприятие /.../ суетное, невозможное, безум-

⁵⁷⁰ Ключевский В.О. М.П. Погодин... С. 150.

⁵⁷¹ Погодин М.П. Исторические размышления... С. 6.

⁵⁷² Там же. С. 7–9.

⁵⁷³ Там же. С. 9.

ное»⁵⁷⁴. В таком случае, предупреждал историк, «всю Европу надобно будет поставить верх дном, погрузив в бездну междоусобий, разъединить гражданские общества, чтоб возвратить народам, или лучше, уже семействам их прежнюю независимость, вместе с варварством»⁵⁷⁵.

«Чем, – вопрошал Погодин, – состояние Шотландии, Ирландии, /.../ Болгарии, Кроации, Славонии, Далмации, отличается в этом смысле от Польши?». Увлеченный полемикой, настоятельно доказывая законность владения Российской империей польскими землями, Погодин не заметил, что такое сопоставление Царства Польского с Болгарией звучало, по меньшей мере, двусмысленно – тогда получалось, что историк ставил на одну доску положение угнетаемых турками болгар с положением поляков (славян-одноплеменников) под властью Петербурга...

Но российские читатели, по-видимому, таким образом, как предлагал им Погодин, сопоставление не истолковали. Во всяком случае, никто автора за него не упрекнул. Напротив, «Исторические размышления...» встретили самый теплый прием, обозначив благоприятный поворот в карьере Погодина. Он отправил свою статью начальнику Третьего отделения графу А.Х. Бенкендорфу, который принял ее благосклонно, автор же был удостоен награды (статья привлекла внимание сильных мира сего к способному и трезвомыслящему начинающему ученому).

Своего рода итогом занятий Погодина на кафедре всеобщей истории стали «Исторические афоризмы» (М., 1836). В ряду содержавшихся там весьма смелых, нередко экстравагантных историософических построений Польше тоже нашлось место. Один из сформулированных Погодиным афоризмов гласил: «Вся история народа явствует из первых его действий, как все огромное дерево заключается в зародыше, как в младенце виден уже весь будущий человек»⁵⁷⁶, при этом явно переключаясь с провозглашенным им раньше, в 1831 г., (и процитированным выше) тезисом: «Прочитав внимательно начало и продолжение

⁵⁷⁴ Погодин М.П. Исторические размышления... С. 8.

⁵⁷⁵ Там же. С. 8–9.

⁵⁷⁶ Погодин М.П. Исторические афоризмы. М., 1836. С. 53.

польской истории, предчувствуем окончание»⁵⁷⁷. Казалось бы, применительно к Польше такая идея наталкивала историка на обращение к польским древностям, которое должно было пролить свет на корни запутанных поворотов в судьбе некогда могущественной, притязавшей на главенство в Восточной Европе, а потом пришедшей в ничтожество Речи Посполитой.

На деле получалось скорее наоборот. Археология тогда практически ничем не помогала. Легенды, связанные с рождением Польского государства, вдохновляли фантазию, но не способны были служить твердой опорой. Неудивительно, что незаметным для Погодина образом то исследование, которое должно было восходить от седой древности к Новому времени, обратилось в уже привычную – и достаточно субъективную – ретроспекцию. Уверовав в аксиому, – «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления. Здание должно было рухнуть, ибо опоры были негодные, – вот содержание польской истории до кончины последнего короля»⁵⁷⁸, – Погодин надлежащим образом препарировал летописные предания и наслоившиеся на них реляции давних и новых авторов. В духе популярной в XIX веке теории завоевания истоки польской государственности он увидел в нашествии на страну иноземцев, которые, покорив аборигенов, установили феодальные порядки.

Погодин констатировал: в других землях феодализм (т.е. политическая раздробленность, – в понимании той эпохи) со временем трансформируется в «государство в настоящем смысле этого слова», иными словами – в самодержавие, но в Польше этого не произошло. В разные годы по-разному – то лаконично, то с подробностями – Погодин излагал свою версию польской истории, но суть оставалась прежней.

Правда, историк не решался сказать, кем были завоеватели, составившие господствующий слой – шляхту, но полагал все же, что «она имеет в себе значительную примесь крови западной, не славянской, а кельтической». И все-таки главная, на его взгляд, причина польской аномалии – отнюдь не этническое различие само по себе, а многочисленность «пришлого племени», в силу чего

⁵⁷⁷ Погодин М.П. Исторические размышления... С. 7.

⁵⁷⁸ Погодин М.П. Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам // Погодин М.П. Польский вопрос... С. 31.

«пришлецы польские» сохранили свою обособленность (в отличие от Руси, где, по Погодину, пришедшие туда норманны за двести лет совершенно ославянились). Из этой обособленности – заметим, только постулируемой, не подтверждаемой никакими вескими доказательствами – ученый выводил губительные по своим последствиям черты шляхетского характера: «Совершенное отчуждение от прочих славянских племен⁵⁷⁹, которых Польша никогда знать не хотела, хотя и жила рядом с ними /.../ Презрение к собственному племени, то есть к крестьянам, что свидетельствуется всеми местными наблюдениями, и происходящая оттуда ненависть между сословиями...»⁵⁸⁰. Однако такого рода наблюдения над картиной межсословных отношений не подводили автора к необходимости хоть минимального сопоставления польской ситуации с ситуацией в соседних с Польшей землях.

К названным работам М.П. Погодина по времени и по духу примыкает «Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам» (1839). Но в данной статье центр тяжести перенесен автором с прошлого Польши на современное состояние Царства Польского и его учебных заведений, в частности. Поспешив отрекомендовать поляков как «самое живое, впечатлительное племя», с которым, если не оскорблять их самолюбия, «еще более лаская оное, можно делать /.../ что угодно»⁵⁸¹, автор далее останавливался на рекомендациях по части преподавания польского языка и польской истории в школах Царства Польского. Известно, что как прежде, так и после поражения Ноябрьского восстания – тем более, одна из ключевых задач российских властей по отношению к полякам заключалась в том, чтобы «примирить их с нами, ибо они все еще ненавидят нас»⁵⁸². Для этого, на взгляд Погодина, необходимо было оказывать «покровительство их языку, литературе, исто-

⁵⁷⁹ Как позднее твердо объявит А.Ф. Гильфердинг: «Поляки стоят одинокими в славянском мире». – Гильфердинг А.Ф. Развитие народности у западных славян // Гильфердинг А.Ф. Соб. соч. С. 2. СПб., 1868. С. 68.

⁵⁸⁰ Погодин М.П. Исторические афоризмы... С. 176–177.

⁵⁸¹ Ср. эту погодинскую характеристику поляков с характеристикой Вяземского: «Польша слабая струна есть национальность, и поелику поляки народ ветреный, то им довольно поговорить о национальности; играя искусно этой струной, Наполеон умел вести их на край света и на ножи. У нас же, напротив, хотят оборвать эту струну и удивляются, что дела идут нехорошо». – Цит. по: Вяземский П.А. Старая записная книжка... С. 628.

⁵⁸² Погодин М.П. Исторические афоризмы... С. 177.

рии»⁵⁸³. Автор «Донесения...» выступал за то, чтобы в учебных заведениях язык польский преподавали наравне с языком русским. Вполне сознавая, что «мысль уничтожить какой-нибудь язык есть мысль физически невозможная», он воспринимал проблему сугубо прагматически. Погодин, что подтвердится в скором будущем, справедливо опасался, что, в случае исключения польского языка из преподавания «поляки будут доучиваться ему дома гораздо с большим рвением и успехом, и мы не только не достигнет своей цели, но еще более отдалимся от нее и сверх того будем вооружать тайных врагов»⁵⁸⁴.

Но, руководствуясь своего рода чувством самосохранения, и потому проявляя озабоченность сохранением в образовательной сфере польского языка, Погодин, тем не менее, ни в коей мере не хотел нанести ущерб позиции русского языка. Русский язык, без сомнения заявлял он, «так могуществен и заключает в себе столько свойств, принадлежащих всем славянским наречиям порознь, что может почитаться их естественным представителем, и /.../ без всяких насильственных мер, рано или поздно, сделается общим литературным славянским языком». Сама по себе идея была отнюдь не нова, в свое время, как известно, ее пропагандировал Юрий Крижанич⁵⁸⁵. Но Погодин и сам признавал, что это дело будущего. Но пока, по словам историка, «всякий поляк должен знать по-русски», уже будто отрешившись от опасения, что требование «знать по-русски» могло войти в противоречие со стремлением сохранить свой родной, польский язык, стремление, как он сам писал, способно было лишь усугубить остроту польского вопроса. Однако Погодин, как видно, не склонен был культивировать собственные опасения, предпочитая акцентировать перспективы распространения русского языка во всем славянском мире, и пионерами этого движения сделать поляков. Придавая при этом большое значение лингвистическим изысканиям, Погодин в качестве образца ссылался на «сравнительный словарь польский и русский, над которым трудился знаменитый Линде», и вы-

⁵⁸³ Погодин М.П. Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам // Погодин М.П. Польский вопрос... С. 29.

⁵⁸⁴ Погодин М.П. Отрывок из донесения. С. 29.

⁵⁸⁵ Об этом см., напр.: Воробьева И.Г. Юрий Крижанич и его трактат «Объяснение сводное о письме славянском» // Тверская рукопись Юрия Крижанича. Тверь, 2008. С. 7–23. – См. также: Запольская Н.Н. «Объяснение сводное о письме славянском»: графико-орфографические опыты Крижанича // Там же. С. 181–197.

ражал уверенность, что осуществление такого предприятия «есть не только великое дело литературное, но и политическое»⁵⁸⁶.

Наметив некоторые действительные, по его выражению, меры по части утверждения польского языка в учебных заведениях, он обратился к не менее сложной проблеме – преподаванию польской истории. Московский ученый советовал на то, что в настоящее время польскую историю преподают не отдельным курсом, а только как составную часть всеобщей истории. Он же утверждал, что «польская история, беспристрастная, правдивая, подробная, есть самая верная союзница России, которая может принести нам пользы более нескольких крепостей». Именно «основательное изучение польской истории», был убежден Погодин, позволит примирить «новое поколение поляков с настоящим порядком вещей, убедить в необходимости соединения Польши с Россией»⁵⁸⁷.

Причем, автор в своем «Донесении...» не ограничился абстрактным противопоставлением «беспристрастной, правдивой, подробной» польской истории и «истории польской злоупотребленной», которая «умышленно направлена к беззаконной цели». Им были даны и чисто практические рекомендации. Во-первых, злоупотребительную историю «должно преследовать, как злостный обман, как оскорбление науки, как святотатство». Во-вторых, необходимо «написать вновь польскую историю для училищ». Впрочем, Погодин допускал, что начальный период польской истории можно читать «по Бандтке, даже /.../ по /.../ Лелевелю»⁵⁸⁸. Но тогда неизбежно возникает вопрос, как Погодин предполагал отличить одну разновидность истории от другой? По его мнению, две эти разновидности польской истории отличались тем, какого ответа та или другая придерживались на вопрос о причинах гибели Речи Посполитой. Правдивая история, по мысли историка, это та, которая, как нетрудно предположить, полагала, что «Польша пала не от политики соседей, а первоначально от своего безначалия, от форм правления». Что касается России, то она, по мнению Погодина, в сложившихся в соседнем государстве обстоятельствах, не могла оставаться сторонней наблюдательницей – ей просто «нужно /.../ было заботиться /.../, чтоб

⁵⁸⁶ Погодин М.П. Отрывок из донесения... С. 30.

⁵⁸⁷ Там же. С. 31.

⁵⁸⁸ Там же.

здание не задавило», да, к тому же, «распорядиться так, чтоб камни, падая, улеглись на земле в порядке, не ушибя того и другого, иногда правого наравне с виноватым». Оставалось лишь еще раз напомнить, что «России из упавшего здания достались только свои собственные древние материалы»⁵⁸⁹. Таково, по логике Погодина, должно было быть изложение правдивой, беспристрастной польской истории. Наряду с курсами польской и русской истории, считал Погодин, «должно преподавать историю прочих славянских государств и показывать, как искони раздор и несогласие губили и подвергали жестокому игу ино-племенников, под которым нигде и никогда славяне не были счастливы»⁵⁹⁰.

Предлагаемые Погодиным «действительные меры» преследовали не столько цели нравоучительного характера («показывать, как искони раздор и несогласие губили» и т.д.), сколько политического свойства. Наверное, надо согласиться с мнением, что «оппозиция в отношении поляков была характерной чертой русского национализма уже на самых ранних стадиях его развития»⁵⁹¹. Характерно, что автор «Отрывка из донесения...» выражал беспокойство по поводу того, что «соединение многих молодых людей вместе» может быть опасно. Проявляя заботу о «покровительстве языку, литературе, истории, и вообще просвещению в Польше», Погодин уточнял, что такое покровительство должно осуществляться «в пределах благоразумия и осторожности», и, что для историка, по-видимому, было главным, – «без ущерба русскому началу». Недаром, напоминал он, «славяне обвиняют вообще поляков в легкомыслии, накликавшем и накликающем на себя беды, многие русские меры приписывают коварным советам австрийцев, а более всего считают оные временным последствием беспрестанно открываемых польских заговоров, и уверены, что при исправлении поляков, русское управление примет другой характер»⁵⁹².

Трудно сказать, подействовали ли на начальство рассуждения Погодина о пользе преподавания истории Польши в школах Царства Польского или идея эта и без того носилась в воздухе, но в том же 1839 г. министр народного про-

⁵⁸⁹ Погодин М.П. Отрывок из донесения... С. 32.

⁵⁹⁰ Там же. С. 33–34.

⁵⁹¹ Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. Эссе по методологии исторического исследования. М., 2008. С. 161.

⁵⁹² Погодин М.П. Отрывок из донесения ... С. 34.

свещения граф С.С. Уваров ввел в гимназиях «Привислинского края» преподавание польской истории. Естественно, предмет этот, как и прочие предметы, должен был читаться на русском языке.

Возвращаясь к М.П. Погодину, надо отметить, что и в дальнейшем, на протяжении не одного десятилетия многократно обращаясь к прошлому и настоящему Польши, он нередко пересматривал свои оценки событий. Так, если в «Исторических размышлениях...», как видели, вся вина за польско-русские столкновения, происходившие на протяжении столетий, безоговорочно возлагалась на поляков, то четверть века спустя историк скорректирует свою позицию.

Так, в своем «Послании к полякам» (1854) он вопрошал: «На что разрывать священные для нас могилы и искать там виновников? Вины были, разумеется, на обеих сторонах, точно как обе стороны находились попеременно в счастливых и несчастливых обстоятельствах»⁵⁹³.

Подобно тому, как даже те авторы, кто был далек от самостоятельных исторических изысканий в области польской истории, но писал о польских делах, оглядываясь при этом на картинки из прошлого русско-польских отношений, Погодин тем более не обошелся без экскурсов в историю. Он вспоминал, что «было время, когда Владислав IV избирался на всероссийский престол, а ныне Николай I занимает польский престол. Вы завоевали у нас прежде всю страну, почти до Москвы – мы возвратили ваше завоевание и пошли далее. Явления обыкновенные в истории всех смежных государств»⁵⁹⁴. Но на какое понимание со стороны поляков, возникает вопрос, рассчитывал автор, если он тут же заявлял: «В прежнее положение ни нам, ни вам, прийти нельзя, как нельзя никому воротить вчерашнего дня»⁵⁹⁵?

Правда, создается впечатление, что такой решительный пересмотр вывода (сочетаемый с заметным смягчением самой тональности изложения) был продиктован не чем иным, как изменившейся внешнеполитической конъюнктурой. Писалось это в годы Крымской войны, когда неудачи севастопольской кампании явно склоняли к миролюбию. Потому исключительно обстоятельствами

⁵⁹³ Погодин М.П. Отрывок из донесения ... С. 43.

⁵⁹⁴ Там же. С. 44.

⁵⁹⁵ Там же. С. 43–44.

можно объяснить оптимизм тогдашнего заявления Погодина: «Теперь мы можем привлечь поляков на свою сторону, теперь они обрадуются неожиданному счастью, теперь они станут в наши ряды, благородные и готовые на службу, против общих врагов, врагов России и всего славянского союза, а после – о, это будет уже совсем другое дело. Надо ковать железо пока горячо»⁵⁹⁶. Видимо, как раз подобный настрой московского профессора позволил современному исследователю прийти к выводу (справедливому, на наш взгляд, лишь отчасти), что «для Погодина интересы России объективно совпадали с интересами всех славян. Последовавшая защита и реализация российских интересов (включая высшие, т.е. национальные, интересы славян) – таково политическое и моральное кредо историка»⁵⁹⁷. Во всяком случае, резко негативная реакция историка на восстание 1863 г. доказывает, что погодинского миролюбия в отношении поляков хватило ненадолго.

Суждения Погодина о Польше и до Крымской войны, и после нее нередко бывали продиктованы политической злободневностью – что, к примеру, подтверждает статья «Записка о Польше» (1856), где Погодин прямо говорит соотечественникам: «на Польшу /.../ необходимо обратить нам великое внимание», и при этом поясняет – почему: если «возникнет где-нибудь европейская война, /.../ Польша сделается нашею пяткою, открытою вражеским, ядом наполненным, стрелам, пяткою, чрез которую, уязвленную, антонов огонь может разлиться по всему организму»⁵⁹⁸. Впрочем, автор ясно сознает, что ситуация не остается неизменной, и потому, даже если «Польша была для России самую уязвимою, опасною пяткою: Польша должна сделаться крепкою ее рукою». И, с другой стороны, если «Польша отдаляла от нас весь славянский мир: Польша должна привлечь его к нам», и, больше того, «Польшею мы поссорились с лучшею европейскою публикою: Польшею мы должны и примириться с нею»⁵⁹⁹.

⁵⁹⁶ Погодин М.П. Письмо о Польше // Погодин М.П. Польский вопрос. Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. М., 1868. С. 42.

⁵⁹⁷ Бачинин А.А. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина // Балканские исследования. Вып. 16. М., 1992. С. 173.

⁵⁹⁸ Погодин М.П. Записка о Польше // Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867). М., 1876. С. 335.

⁵⁹⁹ Там же. С. 339.

По всему видно, что в условиях 1856 г. Погодин был готов на многое. Ни много ни мало, он выражал уверенность, что «достигнуть такой блистательной цели» можно «очень просто». Не опасаясь быть непонятым, он рекомендовал соотечественникам: «Дайте ей [Польше] особое, собственное управление. Оставаясь в неразделенном владении с империей Российской, под скипетром одного с нею государя, с его наместником, пусть управляется Польша сама собою, как ей угодно, соответственно с ее историей, религией, народным характером, настоящими обстоятельствами»⁶⁰⁰.

Так или иначе, неизменным оставалось одно: в основе убеждений, и суждений Погодина всегда лежала твердая вера в величие Российской империи, совершеннее которой ничего в мире не было и нет (что он и пробовал аргументировать, например, еще в статье 1832 г. «Взгляд на русскую историю»⁶⁰¹). Как известно, ученый вполне верноподданнически отреагировал на восстание 1830–1831 гг. и приветствовал правительственные репрессии. Восстание 1863 г. его еще более возмутило. Он сожалел по поводу излишней, на его взгляд, умеренности действий правительства, восклицая: «Не только постой, но экзекуции и контрибуции принадлежат к числу самых законных наказаний для Царства Польского»⁶⁰².

Однако сентенциями, доказывавшими приверженность М.П. Погодина идеям самодержавия, православия и народности (но порой несколько расходящимися с сиюминутными правительственными соображениями и потому порой вызывавшими неудовольствие цензуры), не исчерпывалось содержание его статей и заметок о Польше. Даже за сильно политизированными, злободневными высказываниями по поводу поляков стояло основательное по тем временам знание предмета и чутье историка.

Рассуждая о тесно переплетавшихся судьбах двух соседних народов – русских и поляков, историк стремился обнаружить действовавшие здесь закономерности и для этого прибегал к историческим параллелям, к сравнительному

⁶⁰⁰ Погодин М.П. Записка о Польше. С. 339.

⁶⁰¹ Погодин М.П. Взгляд на русскую историю // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 1–18.

⁶⁰² Погодин М.П. Записка о Польше. С. 339.

рассмотрению процессов, наблюдаемых здесь и в иных краях. Русский (всегда остававшийся в центре его исследовательских интересов) и польский феномены настойчиво осмысливались Погодиным как разновидности общеевропейского развития. Занимаясь конкретными, даже мелкими вопросами, он охотно прибегал к аналогиям с другими странами, отыскивал в наблюдаемых явлениях черты сходства или различия. По меркам той эпохи его польские студии вообще отличал концептуальный подход. При этом, как убеждает сопоставление ранних и поздних трудов ученого, его представления о Польше и ее истории в основном сформировалась именно в 1830-х годах.

В писаниях на польскую тему патриотические чувства иной раз брали верх над рациональными доводами. М.П. Погодин упорно выступал в роли ревностного защитника России от упреков за соучастие в разделах Польши и возмущался, встречая «повторяемую даже в некоторых наших официальных учебных книгах»⁶⁰³ мысль – пусть и одобрительную – об участии Екатерины II в дележе. Его логика была проста: раз императрица не завладела этническими польскими землями, то, значит, говорить так недопустимо. Поэтому он, как видно, не сомневался, что «предоставление Польши самой себе /.../ есть вместе искупление великого европейского греха (не нашего), которое не может остаться без великого вознаграждения»⁶⁰⁴.

В 1772, 1793, 1795 гг., настаивал историк, Россия просто возвращала себе исконные земли – и то не все. Почему такое возвращение исключает дележ государственной территории Речи Посполитой (она же – Польша), Погодин не считал нужным объяснять. Увлекаемый эмоциями, он не заметил, что, если принять его точку зрения, то о втором разделе Речи Посполитой вообще не придется говорить. Раздел ведь предполагает наличие нескольких, по меньшей мере, двух, партнеров. Кто же тогда делил в 1793 г. Польшу – одна лишь захватчица-Пруссия?

Нельзя попутно не отметить, что подобного рода построения, при всей своей несостоятельности, оказываются весьма долговечными – примерно ту же на-

⁶⁰³ Погодин М.П. Польский вопрос... С. 2.

⁶⁰⁴ Погодин М.П. Записка о Польше... С. 341.

ивно-патриотическую софистику, которая и в XIX веке не украшала ученого, использовали некоторые наши историки в послевоенные годы. Со всей наглядностью это отразил изданный в 1951 г. первый том университетского учебника по Новой истории. Соответствующий параграф там был озаглавлен: «Частичный раздел Речи Посполитой Пруссией и Австрией в 1772 г. и возвращение России ряда древних русских земель», а в тексте автор (А.Я. Манусевич) сообщал, что «Пруссия захватила /.../, Австрия захватила /.../, Россия возвращала свои древние земли, а также приобрела польскую часть Лифляндии» (подчеркнуто нами. – Л.А.)⁶⁰⁵. Впрочем, и в учебной литературе последнего десятилетия находим примерно те же формулировки, лишь отчасти смягченные: «Австрия захватила /.../, Пруссия захватила /.../, Россия получила /.../; Австрия и Пруссия захватили /.../, к России отошли /.../»⁶⁰⁶.

Попутно отметим, что это, не первое в данной работе, обращение к учебной литературе дает повод солидаризироваться с мнением, согласно которому «учебники представляют собой комплексный источник информации об уровне и качестве освоенных культурой знаний, об особенностях коллективного и индивидуального мышления, о способах и формах их передачи»⁶⁰⁷.

Больше того, в некоторых изданиях постперестроечного периода такая тенденция была доведена до полного абсурда. «Участие России в “разделах Польши” конца XVIII века – либеральный миф», – провозгласил В.В. Кожин, безоговорочно поддержанный С.К. Куняевым⁶⁰⁸. Выходит, что для них, скажем, Карамзин, который не раз писал об участии Екатерины II в разделах – это тоже либерал-мифотворец⁶⁰⁹ ...

Невольно возникает вопрос: почему не обремененный излишней ученостью Д.В. Давыдов и вполне эрудированный историк М.П. Погодин одинаково виде-

⁶⁰⁵ Новая история. Т. I. М., 1951. С. 363–364..

⁶⁰⁶ История России. С начала XVIII до конца XIX века. М., 2001. С. 255, 265.

⁶⁰⁷ Лескинен М.В. «Отечество» и «Родина» в российских учебниках географии последней трети XIX в. Конструирование территориальной идентичности // Культура сквозь призму идентичности. М., 2006. С. 126.

⁶⁰⁸ Куняев С. Указ. соч. С. 56

⁶⁰⁹ По логике Кожина – Куняева, к мифотворцам, очевидно, надо отнести саму Екатерину II и ее дипломатов, которые в Петербурге договорились со своими австрийскими и прусскими коллегами об «окончательном разделении» Польши, «разделе этой республики между соседними державами» (Договоры, относящиеся к разделам Речи Посполитой. – Цит. по: Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002. С. 442, 445).

ли в шляхте основного губителя Польского государства? Нельзя сказать, чтобы они оба пришли к подобным выводам, располагая весомыми аргументами. Скорее всего, в дело вступали политические страсти, с заметно этноконфессиональной окраской. Альтернативные объяснения причин падения Речи Посполитой ни тем, ни другим автором даже не брались в расчет. Мысль о том, что хотя бы часть вины ложится на Россию как покровительницу политической смуты в Речи Посполитой и соучастницу разделов⁶¹⁰, отметалась с порога.

Но даже если искать только внутренние причины польской национальной катастрофы, то все равно под рукой был еще один вариант объяснения, которого, как было показано, придерживался Н.В. Гоголь. В польской историографии и публицистике давно и настойчиво звучали доводы в пользу того, что не мелкая и средняя шляхта, а именно магнатство больше всего виновато в разгуле политической анархии XVII–XVIII вв., а затем и в прямом предательстве государственных интересов Речи Посполитой. Трудно сказать, был ли осведомлен о таких обвинениях генерал-лейтенант в отставке, но ординарный профессор Московского университета наверняка слышал об антимагнатских филиппиках Станислава Сташица и других общественных деятелей, о популярности этих филиппик в радикальных, близких к национально-освободительному движению кругах, где тон задавала шляхта. Впрочем, последнее обстоятельство, скорее всего, способно было лишь усилить нелюбовь российских авторов к «кичливым ляхам» – шляхтичам.

Тексты Пушкина, Давыдова и других упоминаемых здесь авторов по своему зафиксировали как представления их создателей о прошлом и настоящем Польши, так и, что не менее существенно в контексте заявленной темы, эмоциональное восприятие ими польского вопроса. В этом отношении данные тексты, можно полагать, достаточно репрезентативны, позволяя, в целом, судить о распространенности антипольских настроений в русском обществе, потрясенном Ноябрьским восстанием. Этому, думается, не противоречит бесспорное присутствие тех крамольных, так сказать, политических симпатий к поля-

⁶¹⁰ Об этом см., напр.: Cegelski T., Kądziela L. *Rozbiory Polski. 1772 – 1793 – 1795*. Warszawa, 1990. S. 98–101, 112–113, 231, 233–240; Konopczyński W. *Dzieje Polski nowożytnej*. T. II. Warszawa, 1986. S. 239–243, 252–253; и др.

кам вообще, к восстанию 1830 года в частности, какие запечатлелись в уже цитированных стихах декабриста А.И. Одоевского либо в воспоминаниях А.И. Герцена: «Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неудачам поляков»⁶¹¹. Такого рода симпатии вызывают глубокое уважение. Они также важны для характеристики общественных течений в Николаевской России. Но, тем не менее, подобное восприятие событий все-таки оставалось маргинальным. Голоса в защиту Польши, нельзя не признать, были почти не слышны не только из-за правительственных репрессий, но и по причине того, что такие чувства все-таки преимущественно шли вразрез с настроениями, царившими в русском обществе.

Среди множества откликов на польское восстание 1830 г. (которые в своей сумме демонстрируют самый широкий диапазон мнений с явным преобладанием неодобрительных оценок) небезынтересны суждения о восстании, о поляках, вообще о польском деле декабриста Михаила Сергеевича Лунина (1787–1845).

Подполковник Лунин, участник кампаний 1805 и 1807 гг., войны 1812 г. и заграничного похода, судя по рассказам современников, был человеком незаурядным, всегда привлекая к себе внимание. Кумир своего времени (наряду с Денисом Давыдовым), он бывал «прежде всего храбр, остроумен, дерзок с высшим начальством», и, кроме прочего, принадлежал к числу тех, кто сумел «сделаться не только “людьми оригинальными”, но и “историческими людьми”»⁶¹². Принято считать, что он был «близок наиболее просвещенным кругам страны», да и сам образ его мыслей, «его особый взгляд на Польшу объективно способствовали революционному сближению двух славянских народов»⁶¹³ (как раз последнее, разумеется, особо подчеркивала советская историография). Польшу он знал неплохо, на протяжении некоторого времени будучи адъютантом великого князя Константина Павловича в Варшаве, свободно овладел польским языком. Как отмечено Н.Я. Эйдельманом, в бытность свою в Царстве Польском М.С. Лунин стремился – явно в противовес действовавшей тогда системе Н.Н. Ново-

⁶¹¹ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. М., 1956. Т. VIII. С. 134.

⁶¹² Эйдельман Н.Я. Лунин и его сочинения // Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 11, 14–15. – См. также: Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988.

⁶¹³ Там же. С. 17.

сильцева, которую «отличала “пламенная ревность к исключительным пользам России”» – отстаивать «необходимость уступок, ревность также и к “пользам” польского народа»⁶¹⁴.

За участие в восстании декабристов приговоренный к десяти годам каторги, а с 1836 г. переведенный на поселение под Иркутск, М.С. Лунин не утратил интереса к животрепещущим проблемам политики. Свои суждения по польскому вопросу он изложит в «Письмах из Сибири» и в статье «Взгляд на польские дела г-на Иванова, члена Тайного общества Соединенных славян». Написанные в 1839–1840 гг., т.е. спустя десятилетие после варшавских событий, эти сочинения, пожалуй, могут служить лишним подтверждением того, сколь мощное воздействие оказало Ноябрьское восстание на русское общество. Дополнительным стимулом к тому, чтобы обратиться к польской теме, для ссыльного Лунина, по видимому, стало и появление в Сибири польских ссыльных.

Едва ли не главный вывод, к которому он приходит, говоря по поводу трагических польских событий, содержится в его грустной констатации: «Рассматривая этот вопрос политически, найдем, что таковое множество изгнанников – потеря для Польши без малейшей пользы для России»⁶¹⁵. Как показывают наблюдения над текстами «Писем из Сибири», и особенно – статьи «Взгляд на польские дела», восприятие Луниным русско-польских взаимоотношений отнюдь не было однозначным.

Несмотря на почти одновременное появление и «Писем...», и «Взгляда...», их тональность в том, что касается поляков, различна, что уже не раз было отмечено в литературе⁶¹⁶. В «Письмах из Сибири» М.С. Лунин больше был склонен к тому, чтобы пропагандировать «общее мнение», которое сводилось к тому, «что надо что-нибудь сделать для поляков», особенно учитывая признание ими «отеческого права власти, которая их карает, они ждут помощи от руки, их сокрушившей»⁶¹⁷. Он не сомневался сам и стремился внушить своим читателям

⁶¹⁴ Эйдельман Н.Я. Лунин и его сочинения... С. 17.

⁶¹⁵ Лунин М.С. Письма из Сибири // Лунин М.С. Сочинения... С. 104.

⁶¹⁶ См., напр.: Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин. Л., 1962. С. 223–225; Эйдельман Н.Я. 1) Лунин и его сочинения... С. 47–48; 2) М.С. Лунин и его сибирские сочинения // Лунин М.С. Письма из Сибири. М., 1988. С. 325–327.

⁶¹⁷ Лунин М.С. Письма из Сибири... С. 108.

мысль о том, что «варшавские высшие общества, увлекая массы, неспособные рассуждать, восстали не против народа, но против русского правительства»⁶¹⁸.

Во «Взгляде...» же определяющим становится иной настрой. Здесь автор при анализе действий польских повстанцев заметным образом отдает предпочтение скепсису. В статье сквозит плохо скрываемое неудовольствие по поводу того, что «волнения в Царстве Польском возбудили политический вопрос, вызывающий сочувствие народов и привлекающий внимание правительств». Лунина раздражала «словесная война, следовавшая за вооруженным столкновением». Он заявлял: «Вместо того чтобы успокоить умы, уяснив им их истинные интересы, и сблизить братьев, она лишь разожгла новые страсти»⁶¹⁹.

Но если можно согласиться с мнением С.Б. Окуня, что Лунин в статье 1840 г. фактически полемизировал с польской эмиграцией, сосредоточенной вокруг отеля «Ламбер», то оценка Н.Я. Эйдельмана, считавшего, что, отказавшись от «односторонней защиты польской позиции», Лунин дал «довольно объективный анализ ошибочности, авантюристичности многих повстанческих действий»⁶²⁰, представляется недостаточно аргументированной. Лунин отнюдь не оставался равнодушен к тому, как в свете польских событий выглядела Россия, иначе как объяснить его призыв: «Воспользуемся случаем доказать Европе, что Россия может сделать все, что пожелает»⁶²¹.

Однако нельзя не заметить, что столь ощутимый в статье «Взгляд на польские дела» критический подход в известной мере обнаруживает себя и в «Письмах...». Не о том ли свидетельствуют слова Лунина: «Спросите всех и каждого (поляков. – Л.А.): какая была у них цель? Никто не сумеет отвечать вам»⁶²². Трудно сказать, на чем основывалась эта уверенность автора в том, что у восставших поляков отсутствовала внятная национальная идея. Но пройдет еще почти четверть века и И.С. Аксакова озадачит аналогичный вопрос: «Да и кто скажет нам: чего хочет Польша?»⁶²³ ...

⁶¹⁸ Лунин М.С. Письма из Сибири... С. 106.

⁶¹⁹ Лунин М.С. Взгляд на польские дела // Лунин М.С. Сочинения... С. 152.

⁶²⁰ Эйдельман Н.Я. Лунин и его сочинения... С. 48.

⁶²¹ Там же.

⁶²² Лунин М.С. Письма из Сибири // Лунин М.С. Сочинения... С. 104.

⁶²³ Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. М., 1886. С. 58.

Если вполне можно принять точку зрения Н.Я. Эйдельмана, считавшего, «что, по всей видимости, предполагаемым адресатом “Взгляда на польские дела” была общественность Западной Европы», и потому в этой статье «требовалась более широкая, общая оценка»⁶²⁴, то нельзя также не сказать и о другом. Получалось, что (вольно или невольно) Лунин в значительной мере оправдывал если не самодержавие – как систему власти, то действующее в непростых обстоятельствах правительство.

Эти два понятия в его восприятии тесно связаны друг с другом, однако далеко не совпадают. И оценивает их автор по-разному. Сквозь осторожные формулировки отчетливо проступает неодобрение политики самодержавия, то есть политического строя России, прочно сложившегося порядка вещей. Тогда как к российскому правительству – людям, в условиях этого порядка управляющим страной – Лунин относится даже с известным пониманием. Им подчеркнута сложность того положения, в каком правительство оказалось, будучи лишенным «средств, коими государства с представительным образом правления располагают для распознавания истины и направления своих действий сообразно с нею». Ведь, напоминал он, «печать нема – как ей положено при самодержавии; иностранная же пресса, полная слепой ненависти к русским, не вызывает доверия»⁶²⁵.

Рассуждая о польском восстании 1830 г., взвешивая слабые и сильные стороны участников конфликта, М.С. Лунин все-таки оставался верен убеждению, что «хотя русское правительство и несет долю ответственности за беспорядки, оно не могло поступить иначе, как покарать виновников восстания и восстановить свой поколебленный авторитет». Как здесь не вспомнить П.А. Вяземского, возмущенного стихотворными откликами Пушкина и Жуковского и, в то же время, – одобрявшего правительственные меры! На взгляд Лунина, правительство имело право прибегнуть к репрессиям против поляков, поскольку те сами «ему дали на это право, взявшись за оружие»⁶²⁶.

⁶²⁴ Эйдельман Н.Я. Лунин и его сочинения... С. 47–48.

⁶²⁵ Лунин М.С. Взгляд на польские дела... С. 158.

⁶²⁶ Там же. С. 157.

Однако даже порицая русское правительство, вставшее на «ложный путь гонений, облеченных в форму законности, вместо того чтобы укрепить свой авторитет широкими милостями», Лунин, создается впечатление, остается при убеждении, что «репрессивные меры отнюдь не находят сочувствия и у русского народа». Народ, по его словам, «осуждает ничтожность амнистий /.../, дорогостоящее и безнравственное использование шпионов /.../, сооружение Варшавской цитадели, которая сможет заменить распущенную армию; упразднение двух университетов для основания третьего»⁶²⁷. Примечательно, что тут же он все-таки делает и оговорку: «Впрочем, значение репрессий не следует преувеличивать». И сам же объясняет, почему: «Так как правительство действует без участия народа, сфера его нравственного воздействия по необходимости ограничена, чтобы не сказать ничтожна»⁶²⁸.

К тому же, считает нужным пояснить автор, русское правительство «лишено национального характера», и уж по одной этой причине не могло, как казалось Лунину, «уничтожить польскую национальность»⁶²⁹, что следует, по видимому, расценить как вариант ответа на упреки Запада в подавлении интересов польского меньшинства.

Еще раз хотелось бы подчеркнуть, что ни Лунин, ни другие авторы, воззрений которых мы коснулись выше, разработкой истории Польши специально не занимались (хотя порой и высказывали весьма плодотворные идеи на этот счет – как, к примеру, Гоголь по поводу роли магнатства в судьбе Речи Посполитой). Говоря об интересе русского общества той поры к прошлому и настоящему польского народа, о появляющихся изысканиях на эту тему, разумеется, необходимо к материалам такого рода присоединить предпринимавшиеся тогда публикации источников, а также те работы, которыми вводились в научный оборот новые источники, и исследовалось прошлое самой России.

Восстание 1830 г. в Королевстве Польском, вызвав ужесточение цензуры по отношению к литературе на интересующие нас темы, в то же самое время, дало стимул соответствующим образом ориентированным научным изысканиям

⁶²⁷ Лунин М.С. Взгляд на польские дела... С. 157.

⁶²⁸ Там же. С. 158.

⁶²⁹ Там же. С. 157.

и введению в научный оборот новых исторических источников. Большую известность приобрели тогда публикации Павла Александровича Муханова (1798–1871), который, будучи офицером Генерального штаба и участвуя в кампании 1831 г., а после того, занимая видные посты в Царстве Польском, обзавелся ценными польскими рукописями. На основе собственного собрания и архивных находок он опубликует немало памятников в «Русской старине», «Русском архиве» и других изданиях.

В 1834 г. в Москве вышло собрание русских и польских документов 1606–1622 гг., озаглавленное: «Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши, преимущественно во время самозванцев, собрал и издал гвардии полковник Павел Муханов» (шесть лет спустя, т.е. в 1840 г., поляки переиздадут эту книгу в Силезии).

Свою публикацию П.А. Муханов предварил кратким пояснением того, что подвигло его к публикаторской деятельности. Сообщив читателям, что волею случая он получил «на время» доступ к нескольким рукописям, «из коих большая часть принадлежит к XVII веку», и, зная, что «эпоха, к которой они относятся, в русской истории или мало или вовсе не описана», сделал с них списки. Кроме того, «опасаясь, чтобы подлинные рукописи /.../ не затерялись или не сделались жертвою времени», он – главным образом заботясь о том, чтобы «принести посильную дань на алтарь отечественного просвещения», приступил («не щадя ни трудов, ни издержек») «к изданию сих рукописей с единственною целью доставить пользу занимающимся отечественною историей»⁶³⁰.

Чтобы опубликованные источники были «одинаково удобными для русских и поляков», объяснял Муханов, они были изданы им на языке оригинала и в переводе (т.е. по-польски, и по-русски). Собственно публикации источников был предпослан исторический очерк «Поход Владислава в Россию в 1617 и 1618 годах», в котором, в частности, говорилось: «Сигизмунд III, рассчитывая, что наиболее удобное время для Польши выгодно окончить дела свои с Россией, пока сия последняя не успела еще совершенно оправиться от продолжительных войн, и

⁶³⁰ Муханов П.А. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834. С. I–II.

следственно не будет иметь достаточно средств для защиты своей, вознамерился вновь вторгнуться в Россию»⁶³¹. Муханов, опираясь на работы польских авторов (Нарушевича, Немцевича и др.), следующим образом сформулировал «цель сей войны». Она, по его разумению, заключалась в том, чтобы «распространить владения Польши на счет России, и, как Нарушевич говорит, время было Посполитой Речи искренно подумать об увеличивавшейся опасности со стороны Москвы, а предлог – дабы Владислав силою оружия добивался Московского престола, на который не имел более прав»⁶³².

Помимо этих «Подлинных свидетельств...» Муханов издавал записки Жолкевского (оригинальный текст и русский перевод): «Начало и успех Московской войны в царствование е.в. короля Сигизмунда III под началом пана Станислава Жолкевского» (М., 1835), и (второе издание) «Записки гетмана Жолкевского о Московской войне» (СПб., 1871). Финалу восстания Костюшки была посвящена публикация «Штурм Праги 24 октября 1794 г.» (М., 1835). Кроме того, полторы сотни грамот, записок и пр., в том числе по истории русско-польских отношений, составили «Сборник» (так наз. «Сборник Муханова») (М., 1836, второе, дополненное издание – 1876). Сборник, в котором были помещены источники XIV–XVIII вв. (на долю XVIII в. досталось меньше всего памятников, примерно поровну – на XVI и XVII вв., и, пожалуй, больше всего, на XV в.), был снабжен именованным и географическим указателем⁶³³.

На этом фоне несколько особняком выглядит сочинение П.А. Муханова, в самом названии которого содержится рекомендация: «Что желательно для русской истории»⁶³⁴. Важным здесь для нашей темы является то, что среди прочих рецептов и рекомендаций, в этом сборнике есть специальный параграф под названием «О необходимости основательного изучения истории Польши и об издании подробной польской истории на русском языке», в котором автор, в частности, четко заявляет: «Для основательного изучения истории России, необходимо изучить историю Польши». И тут же дает лаконичное пояснение, почему

⁶³¹ Поход Владислава на Россию в 1617 и 1618 годах // Муханов П.А. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях... С. 3–4.

⁶³² Поход Владислава на Россию в 1617 и 1618 годах... С. 4–5.

⁶³³ Сборник Муханова. М., 1836. С. 1–14.

⁶³⁴ Муханов П.А. Что желательно для русской истории. СПб., 1870.

это необходимо сделать: «Борьба этих государств, продолжавшаяся в несколько веков, ясно указывает на эту необходимость»⁶³⁵.

Сознавая, что между польской и русской историей существует тесная связь, специальный параграф (содержащий конкретные рекомендации) Муханов так и озаглавил: «Каким образом воспользоваться польскими источниками для русской истории», дополнив его рассуждением – «Об исторических актах, относящихся к русской истории, писанных на польском языке»⁶³⁶.

В развернутой властями, и нашедшей понимание у большей части российского общества, антипольской пропагандистской акции принял участие и Алексей Федорович Малиновский (1762–1840). Сенатор и опытный архивист, который в свое время участвовал в издании «Слова о полку Игореве»⁶³⁷, Малиновский опубликовал в «Трудах и летописях Общества истории и древностей российских при Московском университете» (Ч. 6, 1833) статью «Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России». Престарелый автор, возглавлявший Московский главный архив Коллегии иностранных дел, соответственно komponуя материалы, всячески доказывал благотворность и спасительность для поляков, которых губило их республиканское правление, вхождения в Российскую империю. Важно, что статью сопровождало документальное приложение – публикация ряда актов 1570–1674 гг.⁶³⁸.

По ходу дела Малиновский будто включался в давнюю полемику относительно характера польской монархии⁶³⁹, утверждая: «Хотя поляки никогда не переставали называть своего Королевства избирательным; но непрерывный ряд веков противоречит сему общенародному их мнению. Легко доказать можно, что в первых трех династиях Леха, Пяста и Ягеллона обладание Польшею пере-

⁶³⁵ Муханов П.А. Что желательно для русской истории. С. 86.

⁶³⁶ Там же. С. VIII.

⁶³⁷ СДР... словарь. С. 232–233.

⁶³⁸ Малиновский А.Ф. Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России // Труды и летописи общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. Часть VI. М., 1833. С. 195–275.

⁶³⁹ Еще Бишинг отстаивал подобную точку зрения. Польша, по его словам, «была прежде сего государство наследственное, но после того до вступления в государство нового короля, объявление его королем государственным чинами предшествовало; но короли не только по согласию народа, а паче и по праву наследства Польского государства и всех присоединенных к нему земель, наследниками назывались». – Королевство Польское и Великое Герцогство Литовское с присоединенными к оному землями из Бишинговой географии. СПб., 1775. С. 41–42.

ходило из рода в род наследственно»⁶⁴⁰. Можно, наверное, было бы и обойтись без особых уточнений, но автор счел необходимым расставить все точки над *i*, сообщив читателям: «Если бы польский народ всегда властен был избирать себе королей по своему произволению, то не для чего было в 1041 году посылать во Францию отыскивать там постриженного в монахи Казимира I и возвесть его на престол польский единственно потому, что он вел род свой от Пияста. /.../ избирательною корона польская сделалась с тех пор, когда, по пресечении рода Ягеллонов, начали возлагать ее на другие роды, и когда перестала она оставаться в потомстве тех королей, которые по одному только праву избрания обладают оною»⁶⁴¹.

Но, естественно, для Малиновского важнее все-таки было другое. Его основная мысль сводилась к тому, что «сродно было Российским государям простирать свои виды на обладание Королевством Польским, потому что Великое Княжение Литовское, вмещавшее в себе тогда Киев, Полоцк со многими другими городами, Галиция и Волыния были издревле достоянием России»⁶⁴². Помимо прочего, представляется небезынтересной (по-своему даже показательной) предложенная автором интерпретация сюжета, касавшегося участия «Иоанна Васильевича, по кончине Сигизмунда II» в избирательной кампании по выбору на польский престол, коему («избранию царя /.../ в польские короли»), на его взгляд, не только «воспрепятствовали происки французской партии, не щадившей ни золота, ни льстивых обещаний, для доставления сей короны принцу Генриху», но и то, что «царь и сам не пожелал еще тогда (подчеркнуто нами. – Л.А.) обладать поляками»⁶⁴³.

В 1843 г. к этому довольно пестрому по своему характеру и уровню набору работ, так или иначе касавшихся истории Польши (число которых, понятно, не ограничивается перечисленными), присоединился сравнительно большой общий обзор польской истории – «История Польши. В виде учебника» Н.И. Павлицева.

⁶⁴⁰ Малиновский А.Ф. Исторические доказательства... С. V.

⁶⁴¹ Там же. С. V–VI.

⁶⁴² Там же. С. X.

⁶⁴³ Там же. С. 22.

Создается впечатление, что имя Николая Ивановича Павлицева (1801–1879) мало что говорит современному читателю. В качестве историка-полониста Павлицев и вовсе давно забыт.

Выпускник Царскосельского лицея, окончивший это учебное заведение двумя годами позже Пушкина, подававший надежды литератор, который дружил с Дельвигом, печатался в «Литературной газете», Павлицев в 1828 г. породнится с великим поэтом. Ольга Сергеевна Пушкина вопреки воле родителей вышла за него замуж, и потому имя его не раз будет фигурировать в пушкинской корреспонденции. Впрочем, по большей части оно упоминалось в не слишком благожелательном контексте – зять сильно докучал Пушкину, добываясь от него сведений по поводу крайне запутанных финансовых дел, связанных с именьями родителей поэта.

Н.И. Павлицеву не нашлось места ни в библиографическом словаре «Славяноведение в дореволюционной России» (М., 1979), ни в обобщающем труде «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян» (М., 1981). Правда, статья о нем вошла в биографический словарь «Русские писатели. 1800–1917» (М., 1999), но при всей содержательности этой статьи, об исторических писаниях Н.И. Павлицева в ней говорится в минимальной дозе⁶⁴⁴. Справедливости ради надо, впрочем, сказать, что полонистические изыскания Н.И. Павлицева были отмечены литературоведом В.Э. Вацуру, подчеркивавшим, что Павлицев, «обосновавшись в Варшаве, принялся за серьезное изучение польской истории и культуры и впоследствии стал автором обширных исторических сочинений»⁶⁴⁵.

Между тем, Павлицев, безусловно, принадлежал к числу далеко не самых малозначительных отечественных полонистов XIX века. Как-никак на его счету был гимназический учебник, который на фоне отечественной (не такой уж богатой) литературы первой половины XIX столетия выглядел вполне прилично. Из других, имевшихся в те годы популярных очерков по истории Польши, можно

⁶⁴⁴ Штакельберг Ю. Н.И. Павлицев // Русские писатели. 1800–1917. М., 1999. Т. 4. М–П. С. 478–479.

⁶⁴⁵ Вацуру В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х годов (Разыскания) // Вацуру В.Э. Избранные произведения. М., 2004. С. 680. – Ср. также. Литературные связи славянских народов: Исследования. Публикации. Библиография. Л., 1988. С. 22–57.

назвать разве значительно проигрывавшее «Истории Польши» Н.И. Павлищева «Краткое начертание истории государства Польского» (1847), – анонимную брошюру, единственным, пожалуй, достоинством которой был иллюстративный материал (галерея портретов польских князей и королей), текст же был представлен крайне скупо. Некоторое представление о том, какого рода сведения он содержал, могут дать, например, следующие цитаты: «Владислав скончался на 53 году. Он получил отличное воспитание и путешествовал по Европе», речь идет о Владиславе IV (1632–1648). Или другой пример: «Но вскоре смерть лишила Польшу Августа II. Он был красив наружностью и владел удивительною силою. Август III, сын Августа II любил науки, искусства. Доказательством этому служит открытая им Дрезденская картинная галерея»⁶⁴⁶. Понятно, что русскому читателю, в руках которого оказалось бы «Краткое начертание...», было бы затруднительно составить представление о польской истории, разобраться в перипетиях внутрисословной политической борьбы или характере противоборства между королем и шляхтой.

Помимо названного учебника, на счету Н.И. Павлищева еще несколько крупных монографий (о чем речь пойдет в главе 3). Незаслуженное забвение заставляет несколько подробнее остановиться на самой этой фигуре и его трудах. Стимулом к занятиям польской историей послужил перевод тридцатилетнего петербургского чиновника Коллегии иностранных дел в Варшаву. Произошло это в 1831 году, так что Павлищев еще застал в Царстве Польском непосредственные отголоски Ноябрьского восстания. Зарекомендовав себя способным, инициативным администратором, отнюдь не только по обязанности претворяющим в жизнь правительственные предначертания, он сделал там блестящую карьеру. Среди сменявших друг друга на протяжении сорока лет его службы в Польше постов и званий – помощник статс-секретаря Государственного совета Царства Польского, обер-прокурор общего собрания варшавских департаментов Правительствующего сената и др.

И все же Павлищева, среди всей его разнообразной занятости, больше привлекали вопросы, касавшиеся учебных заведений и печати. Он становится

⁶⁴⁶ Краткое начертание истории государства Польского. СПб., 1847. С. 59, 66–67.

членом Совета народного просвещения, директором периодической печати и «Всеобщего дневника», издаваемого как по-русски, так и по-польски. Одно время ему довелось совмещать административные должности с преподаванием истории России, и этот факт его служебной биографии не забыт в современной польской литературе⁶⁴⁷. В годы пребывания в Польше Павлицев активно печатался, выпустил «Исторический атлас России» (1845), «Гербовник дворянских родов Царства Польского» (1853) и пр.

Когда заходит речь о решении графа С.С. Уварова ввести в гимназиях «Привислинского края» преподавание истории Польши (непрерывно на русском языке), как-то забывается, что сама эта идея возникла во многом, что называется, с подачи Павлицева. Дело в том, что осенью 1839 г. он отправил на имя министра народного просвещения записку, которая – вместе с упомянутым ранее «Донесением...» М.П. Погодина, – можно думать, и побудила С.С. Уварова «ввести в преподавание Польскую историю и для написания ее объявить конкурс». В этой записке Павлицев, в частности, отмечал, что в гимназиях Царства Польского преподается лишь русская история по «известному сочинению профессора Устрялова», однако «история Устрялова, – считал Павлицев, – не удовлетворяет здесь по двум главным причинам: во-первых, потому что она не заключает в себе польской истории, необходимой для юношей здешнего края, и, во-вторых, потому что она не пользуется здесь тем уважением, какое по справедливости заслужила в империи»⁶⁴⁸.

Кстати сказать, Н.И. Павлицев в своей записке даже не упоминал о другой, существовавшей тогда учебной книге по русской истории: «Начертание русской истории» (1837) М.П. Погодина. Следует признать, что она, действительно, мало годилась для того, чтобы обучать юных поляков истории их отечества. В ней, безусловно, присутствовали упоминания о польских правителях (князьях или королях), но это были не более чем глухие привязки к сообщениям о событиях русской истории.

⁶⁴⁷ См.: Wolczuk J. Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego. 1833–1862. Wrocław, 2005. S. 130–131, 145, 318.

⁶⁴⁸ РО ИРЛИ. Ф. 221. Ед. хр. 31172. Л. 2 об.

Приведем лишь некоторые выдержки: «Изяслав был потом дважды изгоняем из Киева, /.../ тщетно просив помощи у короля польского, императора немецкого Генриха IV и римского папы Григория VII»; «сестра его Мария, прозванная Добронегою, была в супружестве с Казимиром, королем польским, которому Ярослав помогал много. Сыновья были женаты также на иностранных княжнах, /.../ Изяслав на сестре Казимира Польского»; «...князья, ссорясь, мирясь, воюя, помогая друг другу, вступая в брачные союзы, находились в непрерывных сношениях между собою, и их владениями, их покорениями, как в остальной Европе ленами, обозначались пределы будущего государства. Язык и вера сохраняли всего более единство между ними»; «Польша была очень расстроена; но наконец Владислав с осьмидесятысячным войском предпринял поход на Россию (1616), и многие воеводы начали ему сдаваться. /.../ Малочисленное войско польское, не получая жалованья, бунтовало, и многие поляки оставили Владислава /.../»⁶⁴⁹, и т.д. Иными словами, сведения о польской истории – но, главным образом, о польских правителях – в буквальном смысле слова растворялись в русском материале, который, разумеется, в «Начертании русской истории» по праву превалировал.

Так или иначе, Павлицев довольно быстро, судя по всему, обосновавшись в Королевстве Польском, пришел к убеждению, что «польскую историю нужно знать не только здешним уроженцам, но каждому русскому», подчеркивая при этом: «если вспомним слова императрицы Екатерины, что “всякому народу знание своей собственной истории и географии нужнее нежели посторонних, однако ж без знания иностранных народов истории, наипаче же соседственных /.../ своя не будет ясна и достаточна”»⁶⁵⁰. Так, цель была поставлена, задача ясна, оставалось еще раз внимательно рассмотреть имевшиеся в распоряжении у Павлицева исторические курсы с точки зрения их годности для польского юношества. Итак, опыты в области русской истории Н.Г. Устрялова, автора «Русской истории», выдержавшей несколько изданий, и др. сочинений (тоже не раз пере-

⁶⁴⁹ Погодин М.П. Начертание русской истории. Для гимназий. Издание второе, исправленное и умноженное. М., 1837. СС. 34, 27, 37, 260, и др.

⁶⁵⁰ РО ИРЛИ. Ф. 221. Ед. хр. 31172. Л. 3.

издававшихся)⁶⁵¹ для обучения польского юношества Павлицевым были отвергнуты. Но дело не только в том, что Павлицев, в целом критически оценивая уровень современной ему русской исторической науки, не видел возможности адаптировать «Русскую историю» Н.Г. Устрялова для польских гимназистов. Нельзя было не учитывать того, что, как признавал сам автор: «К концу XVII в. /.../ Русь восточная образовала могущественное царство, в котором все носило печать народности самобытной; Русь западная, не успев слиться с восточною, подпала игу поляков. Отселе главный предмет нашей истории – судьба восточной Руси, судьба России»⁶⁵².

Строгий Павлицев был убежден, что «едва ли есть наука, для изучения коей требовалось бы столько трудов, столько напряженных усилий, столько тщательных изысканий /.../ как русская история», но тут же с горечью был вынужден констатировать: «Поля ее еще так мало возделаны, что редкий соберет с них обильную жатву»⁶⁵³. Но дело в том, что Устрялов, и это следует особо отметить, в принципе сомневался в возможностях познания прошлого. Он прямо писал, что «...при всем уважении к истине, при всем беспристрастии и трудолюбию, мы не имеем счастливого дара переноситься воображением в минувшие веки, отделяться от современных понятий и представлять события в истинном их свете и значении»⁶⁵⁴.

У Павлицева, пожалуй, были основания отказаться адаптировать «Русскую историю» Устрялова для обучения польских гимназистов (да, к тому же, ему отнюдь не были свойственны сомнения Устрялова в познании истории). Павлицев пояснил, почему, на его взгляд, необходимо «знакомить здешних юношей с деяниями их предков», поскольку – «в противном случае мы оставим их искать разрешение вопросов о минувшем в таких сочинениях, которые совершенно противны понятиям о настоящем порядке вещей»⁶⁵⁵. Удалось ли достичь поставленной цели, как ее сформулировал для себя Павлицев? Заметим, что ко-

⁶⁵¹ Например: Устрялов Н.Г. 1) Сказания современников о Дмитрие Самозванце. Вып. 1 – 4. СПб., 1859; 2) Сказания князя Курбского. СПб., 1868; и др.

⁶⁵² Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 2. Новая история. СПб., 1855. С. 5.

⁶⁵³ Устрялов Н.Г. Исследование вопроса, какое место в русской истории должно занимать Великое княжество Литовское? СПб., 1839. С. 7.

⁶⁵⁴ Там же. С. 8.

⁶⁵⁵ РО ИРЛИ. Ф. 221. Ед. хр. 31172. Л. 3 об.

гда годы спустя, после подавления Январского восстания вновь встанет вопрос о преобразованиях в учебной сфере, на этот вопрос будет дан отрицательный ответ. Во всяком случае, официальная констатация дает основания считать именно так: «Тридцать лет мы в Польше учили целые поколения по-русски, знакомили их с силою и славою нашего отечества, с историческими недугами Польши, сделавшими невозможным ее независимое существование. Однако учение наше не переделало ни одного из них, ибо характер и образ мыслей слагаются под влиянием религии, семьи и общества, а не под одним действием внешнего знания, приобретаемого уроками»⁶⁵⁶...

Уже в своей записке 1839 г. Павлищев показал себя если не знатоком польской истории, то вполне уверенным критиком полонистических студий. Так, он безапелляционно провозглашал, что «польской истории нет»⁶⁵⁷. Основанием для такого громкого заявления стала его уверенность в том, что «единственное, почти полное и правдоподобное сочинение Г. Бандтке /.../ не заслуживает имени истории и должно быть причислено лишь к материалам, и то бессвязным и нестройным и, к сожалению, не всегда верным». Иными словами, взявшись за написание учебника по польской истории, Павлищев, по его собственным словам, возлагал на себя, в том числе, «утомительную обязанность опровергать на каждом шагу небылицы, внесенные другими в летописи Польши»⁶⁵⁸.

Когда в 1840 г. конкурс на написание учебника был объявлен, Павлищева (сотрудника российской администрации) пригласили принять в нем участие, он приглашение принял – и победил. Впрочем, одержать победу было не так уж трудно – особого ажиотажа конкурс не вызвал. Пожелали в нем участвовать, помимо Павлищева, еще два человека, поляки – историк и литератор, и лишь один из них в срок представил свою работу. Сам Павлищев довольно скупо упоминает о двух других участниках конкурса, называя лишь их имена – Балинский и гр. Леон Потоцкий⁶⁵⁹.

⁶⁵⁶ Общая объяснительная записка об устройстве учебной части в Царстве Польском (лето 1864 г.). / Из переписки князя В.А. Черкасского и Н.А. Милютина. Реформа учебной части в Царстве Польском // Славянское обозрение. 1892. июль – август. С. 313.

⁶⁵⁷ РО ИРЛИ. Ф. 221. Ед. хр. 31172. Л. 3 об.

⁶⁵⁸ Там же.

⁶⁵⁹ Там же. Л. 11, 20; От издателя // Павлищев Н.И. Сочинения. Т. 1. СПб., 1878. С. 5.

Одержавшая победу на конкурсе «История Польши. В виде учебника» вышла в Варшаве, как уже сказано, в 1843 году, и была удостоена премии министра народного просвещения. На следующий год ее издадут – уже на польском языке. Перевод учебника на польский язык (куда Павлищев внес некоторые добавления, включив при этом внушительный список привлекаемых им польских, русских и иных изданий), однако, не предназначался гимназистам, – его целью было «ознакомить родственников и воспитателей учащегося юношества», не читающих по-русски.

Каких-либо научных новаций школьный учебник, понятно, не содержал. На протяжении без малого трехсот страниц в нем излагалась политическая история по правителям, начиная с абсолютно легендарного Земомысла (начало властвования которого отнесено к 860 г.), вместе с еще двумя другими предшественниками князя Мечислава (Мешко), и заканчивая Станиславом Августом Понятовским. Потому и оглавление учебника являло собой простой перечень князей и королей с обозначением дат их правления и отсылкой к нужным страницам.

Павлищев писал историю именно государства, его подъема и краха, выводя отсюда надлежащую мораль. Как он констатировал, «польская история начинается в половине IX века основанием Польского государства и оканчивается падением его в исходе XVIII века»⁶⁶⁰. События в польских землях после 1795 г. в историю Польши Павлищева уже не попадали, в книге о них не сказано ни слова. На том основании, что в гимназии «преподается русская история, заключающая в себе между прочим дела России с Польшею», русско-польские отношения были охарактеризованы автором кратко, «в объеме, какой нужен для соблюдения связи в повествовании»⁶⁶¹. Однако показу благотворности русского влияния и пагубности для Речи Посполитой любых антирусских интриг Павлищев место нашел, уделив этому вопросу внимание самое пристальное. Другая основополагающая мысль, проходящая через весь учебник, сводилась к

⁶⁶⁰ Павлищев Н.И. Польская история. В виде учебника. СПб., 1843. С. I

⁶⁶¹ От автора // Павлищев Н.И. Польская история. (Вне пагинации).

тому, что – к упадку, а затем к гибели Речь Посполитую привело ограничение шляхтой самодержавия.

Соответственно имевшимся у автора учебника представлениям (и знаниям) строилась периодизация: вся тысячелетняя польская история в учебнике была разделена на три периода. Первый длился, как сосчитал Павлицев, 526 лет, охватывая времена династии Пястов вместе с недолгим правлением Людовика Венгерского и его дочери (до того, как Ядвига выдали замуж). Хотя Польша и пережила длившийся два столетия распад на уделы, тем не менее, к удовлетворению автора, самодержавное начало его все-таки преодолело, воссоединив земли. С воцарением Ягеллонской династии, каковым открывается второй период (длившийся 186 лет), «настали лучшие времена Польши». Однако подчеркнуто, что постепенно происходило «ограничение самодержавия», развивалось господство шляхты, которое со смертью Сигизмунда Августа «утвердилось с решительным понижением прочих сословий»⁶⁶². Отличительный же признак последнего, третьего периода – «безусловно избирательный престол», все эти 223 года (1572–1795) шло «постепенное развитие анархии, беспримерной в новейшей истории». В полной же мере анархия проявила себя в 1696–1795 годах (этот период определен как «время разрушения»). Тогда, как сказано в учебнике, «Речь Посполитая осталась без всякого правительства и, как неспособная к существованию самобытному, вошла постепенно в состав соседних, благоустроенных держав»⁶⁶³.

Гимназистам предлагалось усвоить, что к разделам Речи Посполитой вели дело Австрия и Пруссия. Говоря об ответственности Австрии и Пруссии, Павлицев отдавал дань традиции, хотя ранее, в своей записке 1839 г., настаивал, что «мысль раздела Польши (подчеркнуто Павлицевым. – Л.А.) гораздо древнее, нежели ее до сих пор считали: я нашел ее в XVI веке, в сношениях с Австриею». И на этом основании Павлицев утверждал, что «раздел 1773 (так в оригинале. – Л.А.) года, приписываемый обыкновенно замыслам Пруссии, родился и созрел в Венском кабинете»⁶⁶⁴. Что касается роли России, то, на взгляд автора,

⁶⁶² Павлицев Н.И. Польская история. С. 70–71.

⁶⁶³ Павлицев Н.И. Польская история. С. III.

⁶⁶⁴ РО ИРЛИ. Ф. 221. Ед.хр. 31172. Л. 9 об.

Петербург вынужден был согласиться на раздел только в силу неблагоприятных политических обстоятельств. Екатерина и после 1772 г. «проявляла /.../ живейшее участие в судьбе Польши». Однако Четырехлетний сейм «начал действовать неприязненно против России», принял законы, «противные всем прежним договорам», и императрица, естественно, поддержала конфедератов, выступивших против «нового устава» (т.е. Конституции 3 мая). Примерно в том же ключе были описаны второй раздел, восстание Тадеуша Костюшки и его разгром. Зато штурм Праги солдатами Суворова, по разумению автора, – «украшение военной истории веков прошедших и будущих»⁶⁶⁵. Автор учебника не упустил случая подчеркнуть, что по третьему разделу «Екатерина присоединила к Империи Литву и остатки Подолья, Волыни и Белой Руси, предоставив собственно Польскую землю во власть своих союзников».

Черпая сведения главным образом у Иоахима Лелевеля (которого он признавал «ученейшим из польских историков»⁶⁶⁶) и у других поляков, Павлицев, разумеется, адаптировал трактовку исторического процесса к российским официальным представлениям. Лелевелевская идеализация шляхетской демократии была им безоговорочно отброшена, зато в самых розовых тонах обрисована политика Петербурга. Все это писалось, насколько можно судить, вполне искренне, лукавить Павлицеву не приходилось.

Иной опыт интерпретации польской истории принадлежит перу Осипа Максимовича Бодянского (1808–1877), которого, как известно, отличала широта научных интересов. Занимаясь различными периодами славянской истории и филологии, углубленно изучая славянские древности, фольклор, свободно оперируя русским, чешским, южнославянским материалом, он не обошел вниманием и польскую проблематику. Польской истории Бодянский отводил значительное место в своих общих лекционных курсах – в частности, в читаемом им в Московском университете общем курсе истории славян, где он главным образом останавливался на периоде независимого государственного бытия славян-

⁶⁶⁵ Павлицев Н.И. Польская история. С. 271

⁶⁶⁶ Павлицев Н.И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину // Павлицев Н.И. Соч. Т. 1. СПб., 1878. С. 13.

ских стран. Потому историю Польши в этом курсе Бодянский доводил до 1795 года⁶⁶⁷. Вместе с тем им был разработан и отдельный курс истории Польши⁶⁶⁸.

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки хранится рукопись лекционного курса, который читался Бодянским в 1858 году⁶⁶⁹. Текст, занявший полтысячи двойных листов, охватывает период от начала польской государственности – иначе говоря, от середины X в., и до середины 80-х гг. XVI в., заканчивая правлением Стефана Батория. Лектора живо интересовали даже детали описываемых событий. Но особенно привлекал Бодянского XVI век. Этому столетию (вернее, первым восьми с половиной его десятилетиям) посвящено более половины всего текста.

Для лекционного курса естественно, что в нем далеко не всегда указывалось, откуда почерпнута информация. Лишь изредка даются постраничные ссылки. Составленный автором перечень привлекаемых трудов и источников заведомо неполон. В этом перечне преобладали немецкие работы, здесь же присутствовали и русские источники – летописи и другие памятники. Из российских славистов Бодянский несколько раз ссылался на А.Ф. Гильфердинга, на его «Историю балтийских славян». Из чешских историков назван Франтишек Палацкий. Из поляков Бодянский обращался к Иоахиму Лелевелю, ссылаясь на его «Историю Польши», реже – на труд Адама Нарушевича (доведенный, как известно, только до конца XIV века).

При характеристике особенно интересовавшей Бодянского польской литературы XVI в. названы Матвей Стрыйковский, Мартин Бельский, Мартин Кромер и некоторые другие. Отдельные разделы в своем лекционном курсе Бодянский посвятил видным польским поэтам XVI в. – Яну Кохановскому и Николаю Рею, а также польскому политическому писателю Анджею Фрычу Моджевскому и его знаменитому трактату «Об исправлении Речи Посполитой».

В лекциях уделено внимание как внешнеполитическим, так и внутривнутриполитическим делам. Правда, внешняя политика описывается автором так, как будто

⁶⁶⁷ Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 138.

⁶⁶⁸ Об этом см.: Аржакова Л.М. О.М. Бодянский и польская проблематика // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). М., 2009. С. 158–165.

⁶⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 86, Ед. хр. 2. – (Бодянский О.М. Польская история).

она являла собой процесс, абсолютно не связанный с тем, что происходит внутри страны⁶⁷⁰. Следует также отметить, что Бодянский, говоря о Речи Посполитой, говорил о собственно Польше, т.е. о Короне, не касаясь Великого княжества Литовского.

Повествуя о давних временах, Бодянский обычно воздерживался от прямых оценок. Тем не менее, видно, что и здесь его симпатии были скорее на стороне королевской власти, а не ее противников. Когда же историк переходил к XVI веку, им будут четко расставлены, как говорится, все точки над *i*. Обращает на себя внимание явно антишляхетская тональность лекционного курса. Вместе с тем, Бодянский все же избегал крайностей. Он вполне был согласен с тем, что «прекрасно равенство, как противоположность /.../ самовластию, поправую всяких прав», но тут же спешил добавить, что «нежелательны пределы, переходя за которые сама добродетель становится пороком»⁶⁷¹.

Стремясь быть правильно понятым своими слушателями, он еще раз повторит, что не имеет ничего против «прекрасного братства, как противоположности высокомыслию, заносчивости, нечеловечности, но и братство, – настаивал он, – не должно быть доведено, /.../ до отречения всякого порядка и законности, не до безрассудства». Что же касается Речи Посполитой, то в ней, на его взгляд, возобладало именно безрассудство. Это как раз и привело «к ограничению, с одной стороны, королевских прав, а с другой /.../ к умножению свобод»⁶⁷².

Бодянский, рассуждая о достоинствах и недостатках различных форм государственной правления, безусловно, отдавал предпочтение абсолютной власти (хотя не употреблял подобной терминологии). Для него была неприемлема польская модель государственного устройства, при которой «ограничение коро-

⁶⁷⁰ В противоположность тому можно привести мнение С.М. Соловьева, который в своей лекторской деятельности исходил, по его собственному признанию, из убеждения, что «нет никакого основания поднимать вопрос о преимуществе истории внешней над внутренней. Это – две стороны народной жизни, которые тесно связаны друг с другом и не могут быть поняты одна без другой». На этом основании А.Н. Шаханов делает вывод, что, по мнению Соловьева, «только сбалансированность в подаче материала внутренней и внешней истории способствует максимально полному раскрытию предмета». – Цит. по: Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. 2002. М., 2002. С. 103.

⁶⁷¹ ОР РНБ. Ф. 86, Ед. хр. 2. Л. 236.

⁶⁷² Там же.

левской власти вызвало господство шляхты»⁶⁷³. Не исключено, что как раз по этой причине Бодянский практически обошел молчанием принятые в 1454 г. Нешавские статуты, а также крайне скупом упомянул о возникновении при Яне Ольбрахте вального сейма. Создается впечатление, что он просто не считал необходимым говорить обо всем спектре польских политических сил, характеризовать возникавшие политические институты (хотя вопрос – не поздно ли? – а также сравнение с соседними землями, вроде, подразумевались). Заранее зная, в каком направлении будет развиваться ситуация в Речи Посполитой, зная, что постепенное укрепление политических позиций шляхты, перерастание шляхетской республики в магнатскую олигархию не доведут до добра, он, по видимому, считал не обязательным задерживать внимание слушателей на этих сюжетах.

Когда Бодянский писал о польских монархах, он не скрывал, что его симпатии – на стороне Сигизмунда I Старого. Им, в частности, подчеркивалось, что «вся его (польского короля. – Л.А.) мощь, казалось, обращена не столько на борьбу с внешними врагами, сколько с внутренними, в силу того положения своего престола, в которое поставили [его] он и предшественники его»⁶⁷⁴. На вопрос: «Какие же это внутренние опасности, с которыми он (Сигизмунд. – Л.А.) так упорно сражался и которые все-таки не в состоянии был окончательно победить?», – историк тут же отвечал: «Те же самые, что и его предшественников. Дворянство, преследуя свои виды, более и более выносило себя над простым народом»⁶⁷⁵.

Бодянский, похоже, даже сочувствует польскому королю Сигизмунду, когда пишет: «Напрасно король силился улучшить состояние большинства населения: дворянство ничего не смущалось, издавало законы только в свою пользу...»⁶⁷⁶. О своего рода сочувствии свидетельствует и другая констатация: «Сигизмунд особенно старался о законодательстве и при нем столько составле-

⁶⁷³ Там же. Л. 237.

⁶⁷⁴ Там же. Л. 304.

⁶⁷⁵ Там же. Л. 304 об.

⁶⁷⁶ Там же. Л. 305 об.

но было их (законов. – Л.А.), сколько ни при одном из /.../ государей /.../ хотя, к сожалению, большая часть этих законов не могла быть осуществлена...»⁶⁷⁷.

Бодянский, буквально в одной фразе, попытался четко изложить причины и следствия польских бед, как он их понимал. С одной стороны, это, на его взгляд, – «безграничное властолюбие вельмож и необузданность дворянства, а с другой, совершенная безгласность и отстранение от всякого участия в общем деле простого сословия, подкапывали очень сильно и быстро самые основания государственной жизни»⁶⁷⁸.

Для восприятия Бодянским польской истории характерно акцентирование им бедственного положения польских крестьян. Его возмущала ситуация, когда «при этой золотой вольности, составляющей верховный закон для всех и во всем, вся тяжесть бремени падала на бедных хлопков»⁶⁷⁹. При этом он не забывал подчеркнуть, что польское «простонародье /.../ не только исключено было от участия в государственной жизни, но и лишилось свободы, будучи отдано в полную зависимость /.../ посредством прикрепления к земле»⁶⁸⁰. На взгляд Бодянского, подобного рода тезисы должны были, очевидно, пробудить в русских слушателях сочувствие к польскому народу, пребывавшему в столь плачевном состоянии. Как видно, нашему автору представлялось совсем не обязательным или, во всяком случае, неуместным сопоставлять положение крестьянского сословия в Польше XVI века и в России как XVI, так и XIX в., где лишь спустя два года будет отменено крепостное право.

В своих лекциях О.М. Бодянский без тени сомнения воспринимал свидетельства современников описываемых им событий – суждения, в том числе, того же Яна Кохановского или Анджея Фрыча Моджевского. О том, что они могли неверно оценить обстановку или сознательно, в полемических целях, преувеличить масштабы изобличаемых ими пороков, Бодянский, по-видимому, не думал.

⁶⁷⁷ Там же. Л. 306, 306 об.

⁶⁷⁸ Там же. Л. 486.

⁶⁷⁹ Там же. Л. 238.

⁶⁸⁰ Там же. Л. 402, 402 об.

Автор, взявшись за разработку курса лекций по польской истории, можно полагать, стремился, прежде всего, показать, что в польской модели государственного устройства, в «шляхетской республике», были изначально заложены те пороки, что приведут ее, в конце концов, к гибели. Не исключено, что как раз в этом была одна из причин, по которой Бодянский свой курс ограничил XVI веком, – временем, которое Иоахим Лелевель и его последователи ассоциировали с «золотым периодом» польской государственности и польской культуры.

Если, характеризуя отечественную историческую продукцию 1830–1850-х гг., так или иначе касавшуюся Польши и ее прошлого, сопоставить с работами, где на первом плане стоял польский вопрос, с теми, где центр тяжести смещался в сторону разработки сугубо исторической проблематики, то безусловный перевес окажется на стороне сочинений первого типа. Сиюминутная политика самым наглядным образом теснила исторические студии. Даже история русско-польских взаимоотношений – неотъемлемая часть истории отечественной – оставалась изученной слабо.

Подтверждением тому может служить казус с не слишком удачной сдачей С.М. Соловьевым в 1845 г. магистерского экзамена, о чем позднее расскажет сам историк в свих «Записках». В качестве вопроса по русской истории М.П. Погодин предложил своему нелюбимому ученику «изложить историю отношений России к Польше с древних времен до настоящего времени». У Соловьева были все основания, вспоминая далекое прошлое, назвать такой вопрос «нелепым», ибо «для сколько-нибудь удовлетворительного решения этого вопроса тогда не сделано было ничего»⁶⁸¹. Все, что известно о состоянии отечественной полонистики той поры, подтверждает справедливость этой строгой (и нелюбезной) оценки.

В середине века положение все же стало заметно меняться в лучшую сторону, и во многом к этому приложит руку сам С.М. Соловьев. Выходившие, начиная с 1851 г., регулярно, год за годом, тома «Истории России с древнейших времен» знаменовали разрыв с привычным канонам, являя собою «качественно

⁶⁸¹ Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М., 1995. Кн. XVIII. С.594–595.

новое явление в сравнении с трудами Н.М. Карамзина и М.П. Погодина»⁶⁸². Менялась не только стилистика, но и суть повествования. Но, что обращает на себя особое внимание, политическая история при этом по-прежнему доминировала. Государство представлялось Соловьеву высшей ценностью, наиболее полным воплощением жизни и духа русского народа⁶⁸³. Однако в научной среде, как известно, выход в свет первого тома «Истории России с древнейших времен» вызвал самые противоречивые, преимущественно критические отклики, и главным образом со стороны М.П. Погодина⁶⁸⁴. Один из рецензентов так и заявил, что, мол, «наука Истории России нисколько не обязана новому труду господина Соловьева: ни на шаг он не подвинул ее с пьедестала, воздвигнутого Карамзиным...»⁶⁸⁵.

Соловьев тяжело переживал подобные нападки, понимая, «что в окружении Погодина вызывает раздражение как “дерзкий, которому исполнилось тридцать лет”, но который “в Карамзины лезет” и хочет быть господствующим авторитетом»⁶⁸⁶. Появление следующих томов «Истории...» также не обходилось без критических замечаний, но уже не было ничего похожего на то, что было раньше (когда, например, К.С. Аксаков заявил, что «история России г. Соловьева – не история»⁶⁸⁷), а вскоре даже язвительные критики были вынуждены прислушаться к мнению К.Н. Бестужева-Рюмина, расценившего труд С.М. Соловьева как серьезный шаг на пути развития русской исторической науки⁶⁸⁸.

Что касается писательской манеры Соловьева, то изложение политических событий (нередко, если это позволял источник, с передачей мельчайших деталей), как правило, оставалось на первом плане и занимало львиную долю лис-

⁶⁸² Носов Б.В. Разделы Речи Посполитой в трудах польских и российских историков второй половины XIX – начала XX вв. и становление современной историографии // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. М., 2003. С. 105.

⁶⁸³ См., например: Włachowska K. Narodziny imperium... S. 161–162, 166–167.

⁶⁸⁴ Подробнее об этом см., например, у А.Н. Цамутали, где суммированы критические отзывы на выход первого тома «Истории...» С.М. Соловьева. – Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века. Л., 1977. С. 97–114, 115–126; Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 172–190; Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. 2002. Историографический вестник. М., 2002. С. 111.

⁶⁸⁵ Цамутали А.Н. Я родился историком: Сергей Михайлович Соловьев // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 226.

⁶⁸⁶ Цамутали А.Н. Я родился историком. С. 227.

⁶⁸⁷ Цамутали А.Н. Борьба течений... С. 109.

⁶⁸⁸ Там же. С. 124.

тажа. Однако в поле зрения историка попадали и некоторые социально-экономические сюжеты. Он старался осветить положение сельского люда, изучая, в частности, ход прикрепления крестьян к земле. Не меньше его интересовала городская жизнь, особенно развитие торговли. Иначе говоря, историк изначально осуществлял ту задачу, которую сформулировал в Предисловии к I тому своей «Истории...»: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начал, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление из внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию»⁶⁸⁹.

Как видно, такого рода критика затрагивала и польские экскурсы, содержащиеся в первых томах «Истории...» С.М. Соловьева, которым уже в 1850-е годы отводилось, иной раз весьма значительное, место. Судить об этом позволяет хотя бы третья глава седьмого тома (первое издание – 1857 г.). Несмотря на то, что она названа «Продолжение царствования Феодора Иоанновича», польским делам посвящено в ней больше половины текста и действие по преимуществу развертывалось на территории Речи Посполитой, на сейме или в кулуарах польской политики.

Открывающий главу раздел «Состояние Польши в начале царствования Феодора» начинался с очень характерного для С.М. Соловьева рассуждения по поводу Стефана Батория, который и до того уже многократно выступал на страницах шестого и того же седьмого томов «Истории России», а теперь «оканчивал свое царствование». По словам историка, «Баторий принадлежал к числу тех исторических лиц, которые, опираясь на свои личные силы, решаются идти наперекор делу веков и целых поколений, и успевают на время остановить ход неотвратимых событий; эти люди показывают, какое значение может иметь в известное время одна великая личность, и в то же время показывают, как ни-

⁶⁸⁹ Соловьев С.М. Соч. В 18 кн. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1998. С. 51.

чтожны силы одного человека, если они становятся на дороге тому, чему рано или поздно суждено быть»⁶⁹⁰.

Король ставил перед собой цель утвердить могущество Польши, уничтожив могущество Московского государства. В этом он во многом преуспел. «Но, – продолжает Соловьев, – когда он вздумал нанести этому государству решительный удар, то внутри собственной страны встретил тому препятствия, приготовленные веками и сокрушить которые он был не в состоянии». Он не мог справиться с могуществом вельмож, каждый из которых преследовал свои цели, но все они были согласны в одном – «не дать усилиться королевской власти»⁶⁹¹. В подтверждение тому историк подробно рассказывает о распре братьев Зборовских с Яном Замойским и ее последствиях для Польши.

Еще более детально описано междуцарствие после смерти Батория и соперничество между русским царем, австрийским эрцгерцогом и шведским королем, в результате чего корона Речи Посполитой досталась последнему...

Автор «Истории России» здесь широко использовал иностранную литературу, в том числе польскую. Но в основном он опирался на архивный материал, главным образом на «Польские дела», во многом выступая первооткрывателем. Исследовательский характер польских экскурсов С.М. Соловьева неоспорим. Вместе с тем, изложение в «Истории...» не выходило за рамки политики, включая разбор мелочных интриг, которые так или иначе влияли на русско-польские отношения. В отличие от основных разделов капитального труда, посвященных России, социально-экономические моменты здесь не стали предметом наблюдений. Встречающиеся время от времени сообщения о том, что казна пустовала, и королю нечем было расплатиться с войском или что такие-то села и города были разорены войной, – понятно, в расчет приниматься не могут. Но едва ли Соловьеву по этому поводу можно предъявить упрек в непоследовательности. В самой польской историографии социально-экономическая проблематика оставалась почти незатронутой, а используемые московским историком архивные документы не содержали нужной информации.

⁶⁹⁰ Соловьев С.М. Соч. М., 1989. Кн. IV. С. 193–194.

⁶⁹¹ Там же. С.194

В связи с проблемой состояния источникового фонда и его пополнения следует упомянуть о переиздании в Петербурге – на рубеже 1850–1860-х годов, свода польских законодательных памятников 1347–1780-х гг., выпущенного в XVIII столетии орденом пиаристов (в основном – стараниями Станислава Ко-нарского), и к середине XIX века ставшего библиографической редкостью: *Volumina legum*. Т. 1–8. SPb., 1859–1860. Переиздание было предпринято Юзе-фатом Огрызкой (1826–1890), видным литератором, принадлежавшим к поль-ской диаспоре российской столицы⁶⁹².

Следует отметить, что активная научная деятельность польской диаспоры в России, выходящие под ее эгидой издания на польском языке в данной работе не рассматриваются: это – весьма интересная, и многогранная, но все-таки со-вершенно особая тема. Однако выход в Петербурге капитального восьмитомни-ка, которым до сих пор пользуются ученые, – равно как и выход там же, выпол-ненного В.Д. Спасовичем по находившимся в Публичной библиотеке двум ма-нускриптам, перевода с латыни на польский такого важного источника, как «Восемь книг бескорольвья» Свентослава Ожельского, очевидца и участника описываемых событий – избрания на польский трон Генриха Валуа, а затем Стефана Батория⁶⁹³, едва ли можно здесь хотя бы не упомянуть.

Подводя итоги, приходится констатировать, что при всех бесспорных успе-хах отечественной исторической мысли, в середине XIX в. история Польши все еще оставалась слабо изученной научной сферой, хотя ситуация менялась бук-вально на глазах, главным образом, благодаря архивным разысканиям и актив-ной исследовательской деятельности С.М. Соловьева.

⁶⁹² Как характеризовал его впоследствии член Виленской особой следственной по политическим делам комиссии Н.В. Гогель, – «довольно популярное лицо /.../. тип *поляка на русской службе* и вместе с тем – агент варшавского ржонда». – Цит. по: Гогель Н.В. Иосафат Огрызко и Петербургский ржонд в деле последнего мятежа. Вильна, 1866. С. 3–4.

⁶⁹³ *Świętosława Orzelskiego beskrólewia książę ósmioro*. SPb., 1856. Т. 1–3.

Глава 3.

Польский вопрос и полонистика в 1860-е – 1870-е гг.

Любые периодизационные рубежи – и, пожалуй, особенно в контексте историографического процесса – конечно, условны. Тем не менее, нельзя не признать, что проводившиеся в России с начала 1860-х годов реформы, ощутимо изменив социально-политический климат в стране, бесспорно, обозначили наступление нового периода и в истории русской общественной и научной мысли. При этом полонистика не составила исключения. Опираясь на исподволь происходившее накопление – как информации, так и исследовательского опыта – теперь она превращается в динамично развивающуюся отрасль наших исторических знаний.

Сильнейший импульс такой ее трансформации дало вспыхнувшее в январе 1863 г. польское национально-освободительное восстание, которое всколыхнуло все русское общество, придав особую остроту (впрочем, не сходявшему с повестки дня на протяжении предшествующих десятилетий) польскому вопросу. Звучали даже заявления, – пожалуй, все-таки излишне, оптимистичные, – что «восстание прервало движение к ”органическому соединению“ России и Польши, начавшемуся в последнее время. Интерес Европы – в их разделении или, что еще желательное, в ”механическом соединении“»⁶⁹⁴.

Полярные, взаимоисключающие позиции в подходе к польским делам обозначили в те годы «Колокол» А.И. Герцена и «Московские ведомости» М.Н. Каткова⁶⁹⁵. Как в свое время справедливо было подчеркнуто В.Г. Чернухой, «уже в 1862 г. Катков был для правительства самой подходящей фигурой для того, чтобы наконец публично обрушиться с политическими обвинениями на А.И. Герцена, упоминание имени которого до того было запрещено. Каткову

⁶⁹⁴ Цит. (из письма М.М. Стасюлевич к П.А. Плетневу) по: Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.). Саратов, 2004. С. 230.

⁶⁹⁵ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Вып. 1–3. М., 1887.

предложили начать полемику и он с готовностью за это взялся»⁶⁹⁶. Хотя нельзя не заметить, что вообще-то М.Н. Катков, подобно М.М. Стасюлевичу, будто сожалел об упущенных возможностях, считая, что «искусственными попытками к примирению было нарушено естественное тяготение к примирению», и потому «в Царстве теперь /.../ нужна диктатура»⁶⁹⁷. При этом Катков не разъяснял, что именно он подразумевал под «естественным тяготением к примирению». Впрочем, в этой ничем не иллюстрируемой убежденности редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника» был не одинок. Всего лишь один пример: десятью годами позже среди рассуждений Ф.М. Уманца об истории русско-польских взаимоотношений встречаем, в частности, такое безапелляционное заявление: «...соединение всей Польши с Россией было давно предначертано в умах русских и поляков XVI и XVII века, /.../ лучшие люди обоих народов давно к нему стремились»⁶⁹⁸.

Так или иначе, но потрясенное (и, безусловно, возмущенное) очередным выступлением поляков русское общество, будто лишь теснее сплотилось вокруг трона, и потому трудно согласиться с мнением, что польское восстание 1863 г. заставило Александра II и его правительство усомниться «в правильности проводимой политики»⁶⁹⁹. В основном все-таки как современники событий, так и современные нам историки склоняются к тому, что польское восстание 1863 г. (еще в большей степени, чем восстание 1830 г.) сплотило русское общество в его осуждении польских повстанцев.

Одним из подтверждений здесь могут служить уверения «Вестника Европы», что правительство, покарвав революционеров и выступив освободителем народной массы от гнета высшего сословия, «одержало победу во всех пунктах»⁷⁰⁰. Яркой демонстрацией того может служить и признание Б.Н. Чичерина,

⁶⁹⁶ Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 151.

⁶⁹⁷ Катков М.Н. 1863 год. Вып. 2. С. 683, 667.

⁶⁹⁸ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. СПб., 1872. С. XLVIII–XLIX.

⁶⁹⁹ Разумеется, абсолютного единства мнений не было, чему посвящена статья С.В. Ананьева, но, вместе с тем, трудно говорить о том, что выступление поляков поколебало уверенность в проводимом правительством курсе. – Ананьев С.В. Политическая борьба в правящих кругах Российской империи в связи с польским восстанием 1863–1864 гг. // Российско-польский исторический альманах. Выпуск V. Ставрополь – Волгоград, 2011. С. 124.

⁷⁰⁰ Китаев В.А. Либеральная мысль в России С. 231–232.

который констатировал, что «вся Россия востепенулась» в ответ на волнения в Польше. Слова известного либерала⁷⁰¹, пожалуй, говорят сами за себя: «Каковы бы ни были различия мыслей, когда дело шло об отечестве, русские люди всех сословий и оттенков единодушно столпились вокруг престола»⁷⁰².

Именно обострение польского вопроса во многом способно было стереть идеологические и политические границы между различными стратами русского социума, актуализируя в русском обществе осознание собственной национальной идентичности. Примером тому может служить эпизод, когда М.А. Бакунин, поддерживавший достаточно тесные контакты с поляками, отказался по приглашению польской эмиграции принять участие в митинге памяти казненных декабристов, проводимом в июле 1845 г. в Лондоне. Свой отказ Бакунин мотивировал тем, что «не определил еще в уме своем то отношение, в котором я, хоть и демократ, но все-таки русский (подчеркнуто нами. – Л.А.), должен был стоять к польской эмиграции, да и к западной публике вообще»⁷⁰³. Следует признать справедливость замечания Ю.А. Борисенка, констатировавшего, что Бакунин «к своим польским контактам этого периода /.../ относился достаточно легко, не придавая им особо серьезного значения»⁷⁰⁴. Осознание Б.Н. Чичериным и М.А. Бакуниным собственной русскости (понятно, что в этом они были не одиноки), по-видимому, оказывалось для них выше, и сильнее, любых идеологических и политических пристрастий.

Размышляя о причинах, не позволивших русским либералам сказать свое слово в пору польского восстания 1863 г., В.А. Китаев приходит к выводу, что, по крайней мере, одна из них заключалась в том, что либералы в этот период времени «оказались /.../ в стороне от активной работы в журналистике. По этой причине [они] не оставили после себя такого богатого литературного наследства по польскому вопросу, как редактор “Московских ведомостей” М.Н. Катков. Являясь по-прежнему видными фигурами в либеральном движении, Кавелин и

⁷⁰¹ Калашников М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. 1. – С. 464–513.

⁷⁰² Чичерин Б.Н. Воспоминания. В 2 т. Т. 2. М., 2010. С. 68.

⁷⁰³ Цит. по: Борисенко Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы. М., 2001. С. 160.

⁷⁰⁴ Борисенко Ю.А. Михаил Бакунин. С. 160. – Ср.: Рудницкая Е.Л. Русская демократическая мысль. Демократическая печать. 1863–1873. М., 1984. С. 81–82, 98–104.

Чичерин тем не менее не оказали никакого воздействия на формирование общественных настроений в 1863 г.»⁷⁰⁵, даже при том условии, что, по мнению В.Я. Гросула, тогда «роль общественного мнения была несомненной»⁷⁰⁶. Вместе с тем, представляется слишком поспешным, ссылаясь на признание самого Б.Н. Чичерина, что он, мол, «никогда не был врагом Польши» и негодовал по поводу участия России в разделах Польши, считая, что «дележ был актом насилия»⁷⁰⁷, делать заключение об отношении либерала-Чичерина к Польше. Экскурсы в польскую историю (как и историю русско-польских отношений), какие находим на страницах его воспоминаний, свидетельствуют о сложности и внутренней противоречивости позиции Б.Н. Чичерина в польском вопросе. Для него были неприемлемы требования польских повстанцев, грезивших о восстановлении границ 1772 года, «т.е. о возвращении издревле русских областей, от которых Россия никогда не могла отказаться»⁷⁰⁸, что говорит о приверженности видного либерального мыслителя утвердившейся в русском обществе XIX в. традиции восприятия требований польских повстанцев и польской истории в целом. Но если, с одной стороны, для Чичерина было бесспорно то, что «поляки своим легкомысленным поведением, анархическим своеволием /.../ сами были причиною своей слабости и подготовили свое падение», то, с другой стороны, он признавал, что никогда прежде разделов Речи Посполитой «злоупотребление силою и презрение ко всему человеческому не достигали такой степени цинизма»⁷⁰⁹.

Вместе с тем, Чичерин демонстрировал верность интересам «всей России», которая, «как один человек, обратилась к царю с выражением безграничной преданности престолу и с готовностью все пожертвовать для пользы и славы отечества», как только возникло опасение вмешательством извне в период польского восстания, против чего не могло не возмущаться «русское народное чувство»⁷¹⁰.

⁷⁰⁵ Китаев В.А. Русские либералы и польское восстание 1863 года // Славяноведение. 1998. № 1. С. 54.

⁷⁰⁶ Гросул В.Я. Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков // Труды Института Российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 141.

⁷⁰⁷ Китаев В.А. Русские либералы. С. 54.

⁷⁰⁸ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 68.

⁷⁰⁹ Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 70.

⁷¹⁰ В создавшихся условиях Б.Н. Чичерин был уверен в том, что, «каково бы ни было различие мнений относительно польского вопроса, все здравомыслящие люди понимали, что перед революционным движением не может быть речи ни о каких уступках». – Чичерин Б.Н. Воспоминания. Т. 2. С. 71.

Особо обращает на себя внимание, как на волне восстания авторы трактуют, так сказать, историческую составляющую польского вопроса. Первое, что следует подчеркнуть – это ставшая едва ли не традиционной ассоциация польских восстаний XIX века с событиями 1612 и 1812 гг. В своих рассуждениях о польских делах в пору польского восстания 1830 г. нередко прибегали к аналогии с 1812 годом (Д.В. Давыдов, А.С. Пушкин). Иногда к сопоставлению с 1812 годом добавлялось сравнение с 1612 г. (об этом писали, например, А.Ф. Гильфердинг и Ф.М. Уманец⁷¹¹) – поскольку и в первом, и во втором случае поляки, с русской точки зрения, проявили себя по отношению к России самым неблагоприятным (неблагодарным) образом.

Понятно, что в подцензурной прессе диапазон колебаний был гораздо уже, чем такие крайности, как Герцен и Катков. Если действия правительства и вызвали неодобрение, то оно могло быть выражено разве что молчанием – так поступал, к примеру, М.Е. Салтыков-Щедрин. Как позднее напишет об этих годах П.Н. Миллюков, «Крымская война и польское восстание обострили враждебное к нам отношение европейского общественного мнения, и русскому патриотизму пришлось вынести тяжелое испытание, в котором сокрушилось много русских либерализмов и расшаталось много гуманитарно-космополитических воззрений»⁷¹².

Попытки ретроспективно взглянуть на драматические события 1863–1864 гг. и на их восприятие русским обществом предпринимались уже современниками, – и, что называется, по горячим следам, как в статье Н.Н. Страхова⁷¹³, подписанной – «Русский», где автор, в частности, вопрошал: «Что такое мы, русские?»⁷¹⁴ И – спустя некоторое время, как в статьях Н.П. Барсова или А.Н. Пыпина⁷¹⁵. Разумеется, в последующие годы и десятилетия отечественные и польские исследователи к этой теме обращались многократно. В советские годы

⁷¹¹ Гильфердинг А.Ф. Развитие народности у западных славян // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1868. С. 66; Уманец Ф.М. Вырождение Польши. СПб., 1872. С. XXVIII.

⁷¹² Миллюков П.Н. Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893. С. 9.

⁷¹³ Страхов Н.Н. Роковой вопрос (Заметка по поводу польского вопроса) // Время. 1863. № 4. С. 152–163.

⁷¹⁴ Страхов Н.Н. Роковой вопрос... С. 154.

⁷¹⁵ См., напр.: Барсов Н.П. Славянский вопрос и его отношение к России. Вильна, 1867; Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Кн. 2 5, 10–11 (по-польски. – Варшава, 1881) и др.

на ситуацию в Российской империи начала 1860-х гг. внимание обращалось преимущественно под углом зрения того, как в тех условиях развивались русско-польские революционные связи.

Наряду с научно-популярными пропагандистскими статьями, в послевоенные годы выходили построенные на архивных материалах основательные (хотя и не свободные от известных преувеличений) труды В.А. Дьякова, И.С. Миллера, В.М. Миско и других ученых⁷¹⁶. Данная проблема активно изучалась – и изучается – нашими польскими коллегами. В ее разработку значительный вклад внесла школа Стефана Кеневича, 100-летию которого была посвящена организованная в 2007 г. Историческим институтом Варшавского университета конференция, и, на основании материалов конференции, недавно вышедшая книга⁷¹⁷.

Если говорить о польских работах, вышедших на рубеже XX – начала XXI вв., то среди них, кроме тех, что в большей степени посвящены событийной канве⁷¹⁸, выделяется (уже упоминавшаяся) монография Генрика Глембоцкого «Фатальное дело: Польский вопрос в русской политической мысли (1856–1866)»⁷¹⁹, где подробнейшим образом рассмотрены отклики российской прессы (в самом широком плане) на события в Царстве Польском и западных русских губерниях. Современная российская историография также проявляет пристальное внимание к изучению последовавшего за поражением Январского восстания периода. Заметно сместив акценты по сравнению с советской историографией,

⁷¹⁶ Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М., 1962; Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши: 30 – 60-е годы XIX в. М., 1962; Он же. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии. М., 1963; Миско М. В. Польское восстание 1863 г., М., 1962; Русско-польские революционные связи. В 2 т. М. – Вроцлав, 1963; Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М., 1964; Фалькович С.М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50 – 60-х гг. XIX в. М., 1966; Революционная Россия и революционная Польша (Вторая половина XIX в.). М., 1967; Связи революционеров России и Польши конца XIX – начала XX вв. М., 1968; Яжборовская И.С. У истоков польского освободительного движения. М., 1976; Она же. Идеиное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX – первая треть XX вв.). М., 1973; Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917. М., 1976; и мн. др.

⁷¹⁷ Stefan Kieniewicz i jego dziedzictwo w polskiej historiografii. Warszawa, 2011. – См. также: Kieniewicz S. Powstanie styczniowe. Warszawa, 1972; Kieniewicz S. Warszawa w powstaniu styczniowym. Warszawa, 1983; Ramotowska F. Rząd Narodowy polski w latach 1863–1864 (skład, organizacja, kancelaria). Warszawa, 1978; и др.

⁷¹⁸ См., напр.: Szwarz A. Pod obcą władzą. 1795–1864. Warszawa, 1997; Kieniewicz S., Zachorski A., Zajewski W. Trzy powstania narodowe: kościuszkowskie, listopadowe i styczniowe, Warszawa, 2000.

⁷¹⁹ Śliwowska W. Petersburg i społeczeństwo rosyjskie wobec kwestii polskiej w przededniu i w czasie powstania styczniowego // Powstanie Styczniowe. 1863–1864. Wrzenie. Bój. Europa. Wizje. Warszawa, 1990; Głębocki H. Fatalna sprawa: Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1866–1866). Kraków, 2000.

практически отказавшись от чрезмерного акцентирования польско-русских революционных связей, авторы теперь стремятся более четко охарактеризовать политическую линию Российской империи в польском вопросе, учитывая болезненность этой внутренней проблемы Российской империи⁷²⁰.

Встречаются, конечно, и в новейшей литературе достаточно спорные утверждения, такого, например, свойства: в России после 1815 года имело место «сочувственное отношение к Польше», поскольку та воспринималась «как неотъемлемая часть славянского мира, пусть ”неверная“ и католическая»⁷²¹. Однако ситуация, как замечает автор статьи, стала меняться после польских восстаний, особенно после восстания 1863 г., когда «восприятие Польши русской общественностью заметно усложнилось». Причиной подобных перемен, как поясняет С.И. Иванова, становится «жестокость польских мятежников /.../ к русскому населению, проживающему в охваченных восстанием областях /.../ а также необоснованные притязания поляков на восстановление “Великой Польши от моря до моря”», что, в конце концов, и способствовало изменению суждений о Польше и повлекло за собой «решительные военные действия со стороны русского правительства и осуждения со стороны общественного мнения»⁷²². Столь детальное цитирование этой статьи можно счесть излишним, если не рассматривать воспроизведение подобных клише официальным транслированием, лишь вызывающим сожаление, но нимало не способствующим разрешению сложнейших вопросов уразумения русско-польских отношений в контексте XIX столетия.

Ни в коей мере не притязая на охват всего, практически необъятного, множества газетных и журнальных статей, брошюр и книг на польскую тему,

⁷²⁰ См., напр.: Захарова Л.Г. Александр II и польский вопрос // *Problemy historii Polski i Rosji XIX i XX wieku*. Łódź, 1996; Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше. М., 1999; Долбилов М.Д. 1) Стереотип поляка в имперской политике: Деполонизация Северо-Западного края (1860-е годы) // *Перекресток культур: Междисциплинарные исследования в области гуманитарных наук*. М., 2004; 2) «Обратная уния»: проект присоединения католиков к православной церкви в Российской империи (1856–1866 годы) // *Славяноведение*. № 5. 2005; Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западной крае в эпоху Великих реформ. М., 2005; Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве, Белоруссии при Александре II. М., 2010; и др.

⁷²¹ Иванова С.И. Идентичность сквозь призму «рокового вопроса» в философской концепции Н.Н. Страхова (по материалам публицистики 1860-х годов) // *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2010. № 1. С. 20.

⁷²² Иванова С.И. Идентичность... С. 20.

появившихся под впечатлением бурных событий в Королевстве Польском и западных российских губерниях, остановимся, прежде всего, на статье «Три раздела Польши» – публикации, весьма по-своему симптоматичной для того времени. Что важно, статья наглядно демонстрирует, как в нашей литературе, в большей или меньшей мере претендующей быть причисленной к разряду полонистической, воспринимался (точнее, даже преломлялся) польский вопрос – преимущественно в исторической плоскости – на волне очередного русско-польского военного противостояния.

Статья (состоящая из трех частей, каждая из которых посвящалась одному из разделов Речи Посполитой) появилась на страницах «Отечественных записок» за 1863 год. Ее автор, скрывшийся под инициалами «М.Л.», счел нужным сразу предупредить читателей, что свою статью он написал, опираясь на иностранные книги – две французские и две немецкие (в частности, Г. Зибеля)⁷²³. Иными словами, перед нами – элементарная компиляция. Однако заслуживает внимания то обстоятельство, что автор статьи, не ограничившись перечислением событий, попытался показать первопричины крушения Речи Посполитой, как он их понимал. По его словам: «Польский народ, фанатически преданный католичеству, заключив свой быт в формы, крайне неблагоприятные для дальнейшего развития, не обладая правильно организованною торговлею, не совершенствуя своего сельскохозяйственного промысла, давно уже лишил себя прочных условий внутреннего благосостояния, и потому давно внутренние дела Польши сделались предметом иностранного вмешательства»⁷²⁴.

При этом автор статьи, что по-своему любопытно, отнюдь не был апологетом екатерининской политики. По поводу вмешательства соседних держав, а в особенности России, в польские дела им было сказано: «Такие меры, очевидно, только увеличивали неурядицы несчастного государства». Осторожный М.Л. прямо такого вывода не сделал, но из всего изложенного явно вытекало, что не

⁷²³ Frédéric II, Catherine et le partage de la Pologne. Fr. Smitt. Paris, 1863; Saint Priest Al. Le partage de la Pologne en 1772 // Etudes diplomatiques et littéraires. Paris, 1850; Sybel H. Geschichte der Revolutionszeit, 1789 bis 1795. Düsseldorf, 1859; Häusser L. Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Groszen bis zum Gründung des deutschen. Leipzig, 1854. – Три раздела Польши // Отечественные записки. Т. 149. 1863. С. 660.

⁷²⁴ Три раздела Польши // Отечественные записки... С. 660.

будь вмешательства извне и «покровительства», Речь Посполитая устояла бы, что шло вразрез с традиционной российской трактовкой гибели Польши. Относительно участников дележа Речи Посполитой он отмечал, что «в этих случаях, чуждые державы руководствовались не одними интересами поляков»⁷²⁵.

В такой постановке вопроса, возможно, сыграло определенную роль то, что М.Л. в основу своей статьи положил именно иностранные труды, в ряде пунктов расходившиеся с утвердившимися в России постулатами, – хотя уже в самом подборе используемых книг, очевидно, проявилась и собственная позиция автора. Характерно, что примерно та же мысль – что в гибели Речи Посполитой повинны не столько польские неурядицы, сколько аппетиты соседних держав – присутствовала (и тоже, что примечательно, была пропущена цензурой) у Иоахима Лелевеля в его брошюре «Польша и Испания». В брошюре, которая была переведена и издана в Петербурге в том же 1863 г., Лелевель, в частности, писал: «все эти ошибки – тут дурное ведение дел государством, там дурное поведение народа», иначе говоря, – «все эти несчастные внутренние причины могли повести за собой истощение, революцию /.../ но не упадок, если бы к этим внутренним причинам не присоединились еще внешние»⁷²⁶.

Для польского историка-романтика подобное предположение было вполне естественным, но в российской статье второй половины XIX в. оно звучало непривычно. К тому же М.Л. на этом не остановился. Приводя слова из инструкции Екатерины II своему послу в Польше Сиверсу, ставшие крылатыми в отечественной исторической литературе, что, мол, «наше участие в нем (подразумевался второй раздел Польши. – Л.А.) было чисто вынужденным», автор «Трех разделов» прокомментировал их следующим образом: «она (Екатерина. – Л.А.) не желала раздела, пока являлась возможность мирно властвовать над всею страной»⁷²⁷. Как видим, и авторский комментарий также резко расходился с традиционным представлением о добрых намерениях российской императрицы,

⁷²⁵ Три раздела Польши. С. 665.

⁷²⁶ Лелевель И. Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях. М., 1863. С. 30.

⁷²⁷ Три раздела Польши... Т. 150. С. 247.

напоминая, что в ее первоначальные планы попросту входило единоличное – т.е. исключительно российское – властвование над Речью Посполитой.

Достаточно близка к этой работе статья «Польша в 1830-х и 1831 годах», помещенная в том же томе «Отечественных записок», что и последняя часть «Трех разделов»⁷²⁸. Судя по духу и стилистике, можно даже предположить, что она вышла из-под пера того же автора, только на сей раз избравшего иной псевдоним – «Г.». Сочинитель сообщал читателям, что статья его «служит продолжением “Трех разделов Польши” и что им главным образом использовано сочинение Ф. Смита: “История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов”»⁷²⁹. Действительно, здесь в избытке приводятся выдержки из книги Ф. Смита, а там, где нет прямых цитат, в ход идут обороты: «Смит говорит...», «Смит передает следующие подробности...», «Смит приводит в пример...», «Смит почерпнул сведения...» и т.п.

Коль скоро подобного рода компилятивным статьям находилось место на страницах солидного журнала, редактор, очевидно, не сомневался, что драматические моменты из истории русско-польских отношений, в том или ином виде, но все равно привлекут внимание читателей⁷³⁰.

Среди публикаций тех лет заметный интерес представляет только что упомянутый перевод брошюры видного польского историка – «Польша и Испания. Историческая параллель между ними в XVI, XVII и XVIII в.». К 1863 году долго сохранявшийся запрет на издание в России трудов И. Лелевеля (1786–1861) – и, вместе с тем, активного участника восстания 1830–1831 гг. – был уже снят. Своего рода свидетельством некоторой перемены в отношении властей к польскому историку, которого уже не было в живых, может служить хотя бы тот факт, что незадолго до Январского восстания были переведены на русский язык его

⁷²⁸ Польша в 1830 и 1831 годах // Отечественные записки. Т. 151. 1863. С. 510–546.

⁷²⁹ Польша в 1830 и 1831 годах... С. 510. Трехтомная монография Фридриха (в российском обиходе – Федора Ивановича) Смита (1787–1865) «История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов», изданная по-немецки в Берлине в 1839–1848 гг., не сильно отличалась от собрания документов. Автор в 1820-х гг. трудился цензором в Вильне, а в пору Ноябрьского восстания состоял при Главной квартире армии, отправленной в Польшу. Ему было поручено редактировать предназначенные для иностранных газет известия о действиях русских войск. В том же верноподданническом духе, что и эти известия, он позднее составил свой трехтомник, опираясь на массу официальных материалов и выборочно привлекая прессу и повстанческие документы.

⁷³⁰ См. также: Три раздела Польши // Северная почта. 1864. № 120–143 (с перерывами).

«Краткие очерки истории польского народа» (СПб., 1862). В этих очерках, как и было заявлено автором, – кратко, дается изложение польской истории от баснословных, по его выражению, преданий, вплоть до конца XVIII в. Весьма незатейливо повествуя о правлении Казимира III Великого, который, напоминал читателям Лелевель, «присоединил к Польше выморочное по нем *княжество галличское или русское*», автор спешил при этом заметить, что на это присоединение «охотно согласилась большая часть обитателей Руси», и как бы между прочим (в контексте перманентной русско-польской дискуссии о принадлежности западнорусских земель) замечал: «Дело обошлось без войны»⁷³¹. В целом же Лелевель отстаивал в этой краткой версии истории Польши свои излюбленные тезисы, один из которых сводился к ответственности шляхетского сословия перед собственной отчизной. Польский историк, характеризуя период (по его собственному определению) цветущей Польши, в частности, писал, что тогда «от разумных действий шляхты зависело общественное благоденствие», но при этом вынужден был констатировать (не исключено, несколько сгущая краски): «Шляхта в эти времена утрачивала рассудок, склонялась на все беззакония, всех обижала, часто неистовствовала, уничтожала, в несколько месяцев, благие начинания многих лет»⁷³². Подобные оценки историка-поляка вполне отвечали духу утвердившейся в российской историографии традиции считать причинами гибели Речи Посполитой причины в основном внутренние, что как раз и объясняет решение русской стороны – даже в пору серьезного обострения русско-польских отношений – не отказаться от намерения напечатать сочинение почтенного польского историка. Помимо прочего, обращает на себя внимание тот факт, что Лелевель, доведя изложение польской истории до ее гибели в 1795 году, третий раздел лишь констатирует.

На первый взгляд, может показаться, что отсутствие третьего раздела и на страницах «Истории падения Польши» (1863) С.М. Соловьева, есть некоторое по отношению к нему небрежение со стороны историков. Но по-своему это, пожалуй, вполне объяснимо. Поражение восстания Тадеуша Костюшки и скорое,

⁷³¹ Лелевель И. Краткие очерки польского народа. СПб., 1862. С. 82.

⁷³² Там же. С. 145.

уже на рубеже 1794–1795 гг., подписание декларации о третьем разделе между Россией и Австрией⁷³³, говорило само за себя, освобождая (если можно так выразиться) С.М. Соловьева, всегда столь внимательного к деталям и фактам историка, от изложения обстоятельств решенного, по сути, дела. По-своему объяснимо и то, что свою монографию он заканчивает почти как роман, в котором будто поставлена последняя точка: «Станислав-Август не возвратился в Варшаву; Польша исчезла с карты Европы»⁷³⁴ (но точка, которая, вместе с тем, дает волю фантазии читателя – волю размышлять, как развивались события дальше...).

Внимание со стороны русских издателей к сочинениям польского историка Иоахима Лелевеля можно понимать по-разному. С одной стороны, издание сочинений И. Лелевеля в России, известного отечественному читателю еще с тех пор, когда он выступал с критическими рецензиями на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина, отчасти можно счесть определенным шагом навстречу польскому обществу, польской исторической науке, как, наконец, своего рода попытку налаживания русско-польского диалога. Диалог этот, впрочем, преимущественно носил форму полемики, в данном же случае, предоставляя слово оппоненту, русская сторона будто демонстрировала добрую волю, но дело-то в том, что оппонент (в силу естественных причин) уже не мог повлиять на ход и содержание полемики, участником которой он на сей раз стал...

С другой стороны, публикация тех, а не иных сочинений Лелевеля была, очевидно, вызвана именно тональностью этих сочинений. В Лелевеле русская сторона искала, и, казалось, находила, своего сторонника, ведь в достаточно бесхитростных «Кратких очерках истории польского народа» есть немало тезисов, близких истолкованию польского прошлого российской полонистикой. Из-

⁷³³ Декларация России и Австрии о третьем разделе Польши // Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 442–444 (= Декларация, относящаяся до третьего раздела Польши // Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. II. Трактаты с Австрией. 1772–1808. СПб., 1875. С. 238–243).

⁷³⁴ Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Сочинения. Кн. XVI. М., 1995. С. 628. К слову сказать, иное решение предпочитает современный нам историк. Так, П.В. Стегний не только посвящает третьему разделу Польши отдельную главу, но и специально останавливается на характеристике деятельности русской дипломатии на последнем этапе независимого существования Речи Посполитой, а также контактам России, Австрии и Пруссии в период восстания Т. Костюшки, и переговорам, предшествовавшим оформлению (по выражению П.В. Стегния) третьего раздела. – Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 338–405.

дание сочинения И. Лелевеля и в следующем году, когда очередь дошла «Польши и Испании», лишь подтверждает предположение о мотивах русской стороны. По-видимому, развиваемые И. Лелевелем идеи в написанной им еще в 1820 г. брошюре «Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях», показались злободневными в России именно в году 1863. Книжка увидела свет в Москве осенью 1863 г. (цензурное разрешение датировано 12 октября 1863 г.), когда польское восстание еще не было окончательно задавлено.

Надо думать, издателя Ф. Каширина (он же переводчик и автор небольшого, но по-своему знакового для характеристики восприятия русским обществом польского вопроса предисловия) привлекли утверждения знаменитого поляка, вполне, как ему представлялось, созвучные официозным представлениям о причинах гибели Речи Посполитой. Русский публикатор брошюры Лелевеля (сочинения, заметим, давно популярного, в свое время переведенного на немецкий и на французский языки), стремился «познакомить русских читателей с мнением польского историка о внутренних причинах падения Польши и о тех болезнях, которые принесли Польше смерть – “обессиление и омертвление народных сил”, по выражению Лелевеля»⁷³⁵.

Не будет, наверное, большим преувеличением сказать, что «стремление познакомить русских читателей с мнением польского историка» в данном случае вызвано стремлением подчеркнуть, что и польские историки способны уразуметь истинные причины падения Польши, те причины, о которых не раз говорилось в российской исторической литературе и публицистике.

Судя по всему, примерно теми же соображениями руководствовалась и цензура, разрешившая издание этого опыта историко-сравнительного анализа судеб Польши и Испании, двух некогда могущественных держав, одна из которых пришла в упадок, а вторая вовсе исчезла с политической карты Европы. Лелевель в своей брошюре, в частности, писал: «Во время троекратных междуцарствий после смерти последнего Ягеллона открылись в республике раны, которые при совершившемся образовании демократической шляхты, при разных уч-

⁷³⁵ Каширин Ф. От переводчика // Лелевель И. Польша и Испания... С. II.

реждениях и переменах носили зародыш упадка Польши»⁷³⁶. И слова поляка-патриота о пороках политического устройства Речи Посполитой также вполне отвечали пророссийской трактовке польского вопроса: «В Польше все зло происходило от интересов властвующих и ошибок шляхты, каждый считал себя независимым и мог сносить стеснения свободы. Шляхта знала, что она была всем». А в качестве заключительного аккорда следовало заявление Лелевеля: «Удивительное разъединение и всеобщая рознь подвергали республику гибели»⁷³⁷. Настолько ли оригинальна суровость оценки польским историком внутреннего состояния своей отчизны? Отнюдь нет. Не чужды были подобной строгой наблюдательности (по отношению к собственной отчизне) и российские авторы: «Глубокое недовольство царило накануне смуты во всем населении; несогласия и вражда уже давно разделяли людей разных сословий»⁷³⁸. Разница лишь в том, что Речь Посполитая погибла, а Россия, так или иначе, смуту все-таки пережила. Тогда возникает вопрос, не следовало ли в таком случае оглянуться на внешние причины падения Польши, коль скоро внутреннее положение двух соседей-соперниц, России и Польши, не было так уж различно, причем, с точки зрения отечественных – каждой из сторон – историков?

Что обращает на себя особое внимание: ни издатель, ни цензор как-то не придали значения тому, что констатацией пороков внутренней жизни Речи Посполитой польский историк вовсе не ограничился. Признав, что в Речи Посполитой «народ в постоянном разъединении, так как не только низшие сословия, но и все диссиденты лишены политического значения», он здесь же прямо указывал на губительное «чуждое влияние», которое «принадлежит России, Пруссии и Австрии» и, больше того, даже счел нужным подчеркнуть – «более всего России». «Главный удар, – по его словам, – нанесен был Россиєю»⁷³⁹. Цензура закрыла глаза и на это безапелляционное заявление.

Нельзя не заметить, что какие бы ни были недостатки (или пороки) у Речи Посполитой, по сравнению со своим восточным соседом-соперником она, судя

⁷³⁶ Лелевель И. Польша и Испания... С. 19.

⁷³⁷ Там же. С. 30.

⁷³⁸ Агинский Б.Р. Смутное время в Московском государстве: Кн. 1: Борис Годунов и Лжедмитрий I. СПб., 1912. С. 21.

⁷³⁹ Лелевель И. Польша и Испания... С. 39, 40.

по брошюре, смотрелась, тем не менее, выигрышно. Лелевель безапелляционно утверждал, что в Речи Посполитой, «казалось, /.../ заключена была вся восточная Европа. Царствовали в ней избирательные короли. /.../ Ни один народ не уклонялся от союза с Польшей, а Москва при слабых царях, терзаемая интригами правителя, казалась легкой добычей»⁷⁴⁰. По-видимому, не слишком лестные для российского читателя характеристики России должны были, по крайней мере, уравновешиваться признанием автором пороков польской жизни.

Помимо прочего, небезынтересно и предисловие самого издателя и переводчика Ф. Каширина к этой брошюре Иоахима Лелевеля, предисловия, в котором тот предпринял попытку уразуметь причины, так сказать, безуспешности решения польского вопроса в России. Что особенно показательно, причинами таковой безуспешности, на его взгляд, были – «наше общественное бессилие, безучастие, наша бездеятельность, а главное – наше незнание»⁷⁴¹. Примечательно то, что в предисловии была, по существу, подчеркнута не только зависимость успехов отечественной полонистики от состояния польского вопроса, но и зависимость обратная – влияние разработанности польской проблематики в нашей литературе на возможность разрешения польского вопроса. И, как можно более спешного разрешения, учитывая едва ли не чрезвычайную его актуальность: «польский вопрос требует разрешения, и если Россия не разрешит его сама, то невольно передаст свое право Европе, стерегущей каждый наш промах»⁷⁴².

Впрочем, признавая «наше общественное бессилие, безучастие, нашу бездеятельность, а главное – наше незнание», Ф. Каширин не снимал вину и с польской стороны – за то, что польско-русские взаимоотношения оказались почти в тупике. По его мнению, вина поляков заключалась в том, что все действия российских властей наталкивались на «многие притязания, желания и требования» поляков. И все-таки, несмотря ни на что, автор выражал надежду, что «при ближайшем знакомстве с поляками – польский вопрос потеряет для нас свою загадочность», поскольку теперь «наступает время для прямого непосред-

⁷⁴⁰ Там же. С. 15, 16 – 17.

⁷⁴¹ Каширин Ф. От переводчика. С. I.

⁷⁴² Аксаков И.С. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос // Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 1886. С. 54.

ственного знакомства с поляками, с их историей и литературой, с их общественным развитием и настроением». По его наблюдениям, вообще наступал новый этап в истории польского вопроса в России. Как полагал Ф. Каширин: «Польский вопрос, кажется, перестает быть вопросом дня, перестает быть темой обыденных разговоров, криков и возгласов; он исчез, если можно так выразиться, с поверхности общества, но зато тем глубже должен он проникать в умы и сознания людей мыслящих и сознающих»⁷⁴³.

Внимательный переводчик, и, надо думать, внимательный читатель, описав язвы шляхетской республики, и подчеркнув губительность влияния иезуитов на судьбы Польши, Каширин сделал вывод, сильно расходившийся с мнением самого Лелевеля: «Подобное положение привело Польшу к политической смерти»⁷⁴⁴. Заявив, что «польский вопрос для России делается русским вопросом для поляков» и, будучи убежден, что «тесная связь с Польшей и необходимость взаимного знакомства очевидны»⁷⁴⁵, переводчик на свой лад позиционировал себя сторонником польско-русского сотрудничества. Особо подчеркнем, что о необходимости «взаимного знакомства» речь заходит – уже после второго (со времени образования в 1815 г. Королевства Польского) восстания поляков...

Прежде чем несколько подробнее остановиться на том, как отреагировали на восстание 1863 г. российские слависты, отметим характерную для царившей тогда в русском обществе атмосферы брошюру историка Г.В. Есипова (сотрудника, а затем заведующего Общим архивом Министерства Императорского Двора) «Тушинский вор» (1863)⁷⁴⁶.

В поисках повсюду извечной «польской интриги» эта брошюра, написанная бесхитростным слогом, отнюдь не перегруженная ссылками на источники и литературу, являет собой яркий образчик сочинения, будто призванного освежить историческую память россиян в отношении поляков. Написанная в сугубо повествовательном ключе, брошюра решала незатейливую задачу, поставленную перед собой самим ее автором – передать «вкратце эти события»⁷⁴⁷, связан-

⁷⁴³ Каширин Ф. От переводчика... С. II.

⁷⁴⁴ Каширин Ф. От переводчика... С. III.

⁷⁴⁵ Там же. С. IV.

⁷⁴⁶ Есипов Г.В. Тушинский вор. М., 1863.

⁷⁴⁷ Есипов Г.В. Тушинский вор. С. 7.

ные с Самозванцем, который «в истории нашей известен под прозванием Тушинского вора»⁷⁴⁸. Есипов вообще-то признавал: «Откуда был этот человек и кто такой, никто не знал наверное», но при этом тут же уверенно заявлял, что это «поляки отыскиали Самозванца»⁷⁴⁹. Дабы подчеркнуть недобрые помыслы поляков, Есипов приводит их слова, сказанные в ответ на предложение царя (Шуйского) освободить их пленных, «только чтоб поляки покинули Самозванца и вышли из Московского государства. Поляки отвечали: ”скорее помрем, чем наше предприятие оставим; дороги нам наши родные и товарищи, но еще дорожке добрая слава”»⁷⁵⁰. Не удивительно, что при описании событий (хоть и излагаемых, как было сказано автором, «вкратце») в ход шли уничижительные по адресу поляков эпитеты: «поганый король (польский)», «коварные поляки», «толпы наших врагов пришельцев-поляков»⁷⁵¹, вполне уместные, по логике автора, в годину очередного столкновения с польскими повстанцами...

Для появлявшихся тогда в русской печати многочисленных откликов (в том числе, вышедших из-под пера славистов) на польские дела по-своему характерна одна из статей О.М. Бодянского. Свои соображения по поводу польской истории еще на исходе 1850-х годов О.М. Бодянский изложил в развернутом лекционном курсе (о чем шла речь во второй главе). Но вспыхнувшее Январское восстание побудило историка вновь взяться за перо. Так в «Чтениях Общества истории и древностей российских» в 1863 г., в разделе «Смесь», была напечатана его статья «Польское дело». Точнее, статья эта была опубликована без подписи, но исследователями давно – и, похоже, точно – установлено, что авторство ее принадлежит Бодянскому.

Пожалуй, нет ничего удивительного в том, что статья содержала идеи, вполне типичные для журнальных и газетных публикаций той поры, и при этом живо, несмотря на минувшие три десятилетия, напоминающие реакцию русского общества на восстание 1830 года. Хотя встречались, конечно, и отличия. Как известно, в связи с польским восстанием 1863 г. «либералов не без основания

⁷⁴⁸ Там же. С. 10.

⁷⁴⁹ Там же.

⁷⁵⁰ Там же. С. 16.

⁷⁵¹ Там же. С. 18–19, 29.

встревожила судьба российских реформ»⁷⁵². В годину Ноябрьского восстания русское общество и не помышляло о реформах (некоторые надежды на которые угасли со смертью Александра I⁷⁵³).

Но сходств, признаться, предостаточно, и недаром статья Бодянского начиналась с крылатых пушкинских слов о «домашнем, старом споре, давно уж взвешенном судьбою», ставших к тому времени общим местом в нашей литературе. Ключевая, по своей сути – традиционно-славянофильская, мысль автора сводилась к противостоянию России и Запада, который «пытается перетянуть весы в противную сторону». Как убежденно писал в мартовские дни 1863 г. (в самый разгар восстания) И.С. Аксаков, «Европа добивается вовсе не безусловной справедливости, вовсе не истины в этом деле, а ослабления могущества России» и потому-то «все немецкие ”либеральные” газеты шипят и пузыряются негодованием на Россию и симпатией к полякам»⁷⁵⁴.

О.М. Бодянский, со своей стороны, также счел нужным подчеркнуть, что «нынешнее содействие Запада польской шляхте направлено к одной, равно желанной для обеих сторон, цели – разделению /.../ России, единственной славянской самостоятельной державы, на создание которой потребовалось целое тысячелетие от нас, славян, прославившихся своим несогласием и братской враждой»⁷⁵⁵.

Бодянский и здесь – подобно тому, как он делал это в своей «Польской истории» (1858) – резко противопоставлял польскую шляхту и польский народ. Он почти внушал читателям, что «настоящий народ польский... помогает [нам] против незваных заступников, потому что не верит больше любви к отчизне тех, кто никогда не любил корня отчизны, простолюдина, кто не допускал его ни к чему в его же родине, а осудил на вечное рабство. Он слишком хорошо знает собственным опытом, что значит “старая Польша”/.../ и что такое золотая воль-

⁷⁵² Walicki A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska. Warszawa, 2002. S. 100.

⁷⁵³ Об этом см., напр.: Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013. С. 107–108. В.Я. Гросул здесь ссылается, в частности, на мнение А.А. Корнилова в его «Курсе истории России XIX века» (М., 1912); Парсамов В.С. Пути развития русской общественной мысли первой четверти XIX века // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. М., 2011. С. 181–182; Цимбаев Н.И. Славянофильство и западничество. Поиски пути общественного развития // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. М., 2011. С. 204–205.

⁷⁵⁴ Аксаков И.С. Польский вопрос. С. 49.

⁷⁵⁵ [Бодянский О.М.] Польское дело // Чтения ОИДР. 1863. Кн. 1. С. 199.

ность /.../». О.М. Бодянский, создается впечатление, стремился убедить и своих возможных оппонентов: «Не говорите, что хлоп польский не ведает, что творит, не любит сам себя и своего добра, своей земли: человек себе не враг, тем пуще народ»⁷⁵⁶.

Причины жесткой, не чуждающейся угроз по адресу повстанцев, позиции автора понятны, он их не скрывал. Потому он прямо заявлял, что «вопрос о выдаче Западной и Южной Руси кому бы то ни было, действительно, есть вопрос жизни и смерти для России». Буквально вторил Бодянскому – причем, на высокой эмоциональной ноте – И.С. Аксаков, когда восклицал: «Что касается до русских областей, некогда принадлежавших Польскому королевству, то неужели поляки могут еще сомневаться, что скорее реки потекут вспять и Висла вместо Балтийского побежит в Черное море, прежде чем хоть одна пядь земли в этих областях будет отдана нами во власть не-русской народности!»⁷⁵⁷ Можно сказать, что более трезво, если не сказать – почти цинично, трактовал ситуацию «Россия – Польша – Европа» М.Н. Катков, уверявший, что «теперь Польша представляет большой интерес для нее (Англии. – Л.А.) как готовое орудие против России, как самое дешевое средство диверсии»⁷⁵⁸.

Однако Бодянский в данной статье не ограничивался лаконичным заявлением, и, развивая свою мысль, писал о геополитических интересах России: «Коль скоро это станется, Восточная Русь с той поры сделается непременно государством второстепенным»⁷⁵⁹. Попутно отметим, что здесь неизбежно возникает ассоциация с Давыдовым, логика которого в контексте рассуждений по польскому вопросу была лишена, как уже говорилось, каких-либо сантиментов, лирических формулировок, как, например, у Аксакова. Давыдов – для себя – знал, и провозглашал, лишь одно: земли полякам отдавать нельзя ни в коем случае, поскольку Россия, «передав в руки Польши все отверстия, чрез которые проникает к нам просвещение, /.../ должна была совершенно отказаться от мно-

⁷⁵⁶ [Бодянский О.М.] Польское дело. С. 195.

⁷⁵⁷ Аксаков И.С. Польский вопрос. С. 57.

⁷⁵⁸ Катков М.Н. 1863 год. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи. Вып. Первый. М., 1887. С. 124.

⁷⁵⁹ [Бодянский О.М.] Польское дело. С. 188.

гих хозяйственных, финансовых и торговых предначертаний своих и беспрекло-словно покориться игу Польши и Европы»⁷⁶⁰.

Приходится признать, что выводимая Бодянским (как и Давыдовым) жесткая зависимость: если Россия лишится западнорусского края, то она неизбежно превратится во второстепенное государство, выглядела весьма нелестно для державы, претендовавшей на первенство в Восточной Европе и славянском мире в целом. Правда, Бодянский счел нужным здесь же напомнить, что и сама Польша – «пока /.../ была без русских земель, /.../ ничего не значила, /.../ и когда русские земли отошли от нее, по ее же грехам, Польша стала тем, чем была до того – ничтожным государством»⁷⁶¹.

Размышления о характере польско-русских взаимоотношений привели Бодянского в итоге к малоутешительной мысли: для России обретшие независимость поляки навсегда останутся «злейшими врагами», а не представителями, пусть не всегда дружной, но все-таки единоплеменной семьи славянских народов. По его мнению, польские повстанцы – это всего лишь «Повислянские недруги, посягающие на пределы Руси и соединенных с нею навсегда земель». Автор провозглашал: Россия, «не ища преобладания ни над кем и нигде, /.../ предоставляя всякой народности свободно развиваться, пользоваться равноправностью и равноответственностью за свои действия перед общим государственным строем /.../», в то же время не допустит, «чтобы и другое какое племя присваивало себе право возвышаться над другими исключительно, преследовать лишь свои выгоды»⁷⁶².

Сопоставляя эту статью О.М. Бодянского с его же лекционным курсом, можно констатировать, что под влиянием политических потрясений на смену довольно взвешенному восприятию событий польской истории в лекциях, спустя каких-то пять лет приходит эмоциональная (не всегда логически выверенная) оценка современных геополитических проблем. Антипольский – если точнее, антишляхетский – настрой статьи 1863 г. вполне объясним, и понадобится еще немало времени, чтобы эмоции отступили на второй план, чтобы и в русском, и

⁷⁶⁰ Давыдов Д.В. Воспоминания о польской войне 1831 года... С. 254–255.

⁷⁶¹ [Бодянский О.М.] Польское дело... С. 190.

⁷⁶² [Бодянский О.М.] Польское дело... С. 190, 189.

в польском обществе возникла устойчивая тенденция к движению навстречу друг к другу.

Несколько иначе воспринимал польские события Александр Федорович Гильфердинг (1831–1872), ученый и публицист, автор таких, завоевавших признание в профессиональной среде трудов, как «История балтийских славян», «Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века», «Очерки истории Чехии», «Гус. Его отношение к православной церкви», «История сербов и болгар» и др.⁷⁶³

Лишним доводом в пользу того, чтобы рассматривать сочинения Гильфердинга в контексте отечественной полонистики XIX в. может служить признание того факта, что вплоть «до начала XX в. в изучении истории Польши более существенная, чем для исторической науки в целом, роль принадлежала славянофильской традиции»⁷⁶⁴. Также нельзя не отметить, что, по авторитетному мнению Л.П. Лаптевой, именно А.Ф. Гильфердинг являлся наиболее крупным историком славянофильского направления в области изучения славян, и его по праву «можно отнести к родоначальникам научного исследования истории зарубежного славянства в России»⁷⁶⁵.

О подходе ученого к славянским делам известное представление дает произошедший у него спор с И.С. Аксаковым. Поводом к тому стала статья А.Ф. Гильфердинга о славянских народах, которую он отдал в газету «Санкт-Петербургские ведомости». Его единомышленник-славянофил Аксаков, «убежденный, что “нельзя о славянах писать в газетах западнического направления”», был возмущен этим поступком коллеги. Сам же Гильфердинг, полагая, что «патента на славянскую идею, как и на всякую другую, не берут», решительно выступал «против этой узости, против претензии славянофилов на какую-то монополию»⁷⁶⁶.

⁷⁶³ О большинстве трудов А.Ф. Гильфердинга см.: Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. М., 2005. С. 256–280; также: С. 257–257 – библиография работ Л.П. Лаптевой о А.Ф. Гильфердинге, которые вышли до монографии 2005 года.

⁷⁶⁴ Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1999. С. 3–4.

⁷⁶⁵ Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 145, 148.

⁷⁶⁶ Из переписки А.Ф. Гильфердинга с И.С. Аксаковым // Голос минувшего, 1916, № 2. С. 201–203.

Несмотря на то, что в огромном и разнородном научном наследии А.Ф. Гильфердинга труды на польскую тему занимают сравнительно скромное место, нельзя не отметить, что он немало, и со знанием дела, писал о прошлом и настоящем польского народа. Весьма неплохо разобрался он и в современной обстановке в Королевстве Польском, не напрасно его привлекут к разработке готовившегося под руководством Н.А. Милютинина проекта аграрной реформы 1864 г. в Царстве Польском.

Своего рода итогом размышлений Гильфердинга о Польше – причем, именно в историческом контексте, стала его статья «Развитие народности у западных славян» (1858), во многом основанная на личных впечатлениях, вынесенных из поездки по славянским землям в 1855–1857 гг., где автор, в частности, отметил «роковое значение» шляхты в судьбах польского народа. В статье выражено неподдельное беспокойство автора в связи с тем, что «дух славянский, воплощенный в Польше, всегда старался усвоить себе идеи Запада и распространить их в остальном славянском мире»⁷⁶⁷.

Насколько можно судить, акцент здесь был сделан не на том, что поляки традиционно откликались на идеи Запада, и нередко принимали их, но как раз на том, что, опираясь на свои достижения, они, по сути, могли претендовать на первенство в славянском мире. Конечно, такого рода беспокойство (порой только подспудное) – стало едва ли не общим местом для сочинений славянофильского (и близкого к нему по духу) толка. В данном ключе находились и рассуждения Н.Н. Стрехова, который писал: «Так как из всех славянских племен только они одни достигли высшей культуры, то по праву, по идее им должна принадлежать главная роль в славянском мире; они должны бы стоять во главе и руководить другими племенами»⁷⁶⁸.

Пытаясь разобраться, почему случилось так, как случилось, Гильфердинг приходил к выводу, что «из всех славянских племен, польское наименее способно сопротивляться наплыву германскому: ни у кого из славян нет такой ненависти к немцам, как у поляка, и несмотря на то, никто из славян не превраща-

⁷⁶⁷ Гильфердинг А.Ф. Развитие народности у западных славян // Гильфердинг А.Ф. Соч. Т. 2. С. 56.

⁷⁶⁸ Стрехов Н.Н. Роковой вопрос... С. 156.

ется так легко в немца, как поляк». Причем, зная, что «поляки до сих пор были всегда более или менее недоверчивы к России, прочие славяне, напротив, полны сочувствия и уважения к ней»⁷⁶⁹, автор все же опасался того негативного влияния, какое поляки (легко, по его словам, превращавшиеся в «немца») могли оказать на других славян. Действительно, это обстоятельство должно было настораживать в первую очередь «славянофильствующих» авторов, которые сами же самокритично и признавали: «...мы, славяне, все та же рознь /.../ по старому усобим и враждуем, друг друга губим»⁷⁷⁰...

Наблюдения А.Ф. Гильфердинга над «развитием народности у западных славян», в конце концов, привели его к убеждению, что «исключительный дух одной касты, хранящей в себе народный патриотизм, мешает поляку сблизиться со своими братьями славянами, живущими в совершенно другой общественной сфере»⁷⁷¹. Автор статьи был почти уверен, что «поляк /.../ охотнее примет даже сторону турка, нежели сербского или болгарского *райи*. Поляк не скоро решится протянуть руку своим братьям славянам и соединить с ними свою деятельность»⁷⁷². Причину такой, – с точки зрения славянского патриота, противоположной – ситуации он видел в том, что «в Польше жила, чувствовала, действовала одна только аристократия, *шляхта*. В одной шляхте сосредоточивались чувства патриотизма и народности»⁷⁷³.

Развивая эту, традиционную для отечественной литературы, антишляхетскую тему, Гильфердинг обращал внимание читателей-соотечественников еще на одно отличие поляков от остальных славян. Если всем славянам было изначально свойственно «природное братство между людьми и проистекающее из него общинное устройство, эти первоначальные основы славянского быта», то у поляков со временем произошел явный отход от этого идеала. В результате чего «природное братство» сделалось «в Польше исключительным достоянием одного сословия, которое, вследствие разных обстоятельств и влияний, стало полно-

⁷⁶⁹ Гильфердинг А.Ф. Развитие народности у западных славян... С. 59.

⁷⁷⁰ [Бодянский О.М.] Польское дело... С. 194.

⁷⁷¹ Гильфердинг А.Ф. Развитие народности у западных славян... С. 62.

⁷⁷² Там же. С. 63.

⁷⁷³ Там же. С. 59.

властным хозяином в государстве»⁷⁷⁴. Но и такое «братство, – на взгляд Гильфердинга, – было лишь пустым словом в устах гордой касты, которая угнетала народ, резалась между собою»⁷⁷⁵.

Автор не сомневался, что со времен «Весны народов» «поляки стоят одинокими в славянском мире». Что же касается остальных славян, то, по его убеждению, «другие славяне сожалеют о них; они желают, чтобы они присоединились к их стремлениям, но не имеют возможности питать к ним действительно-го сочувствия». «Одиночество поляков в общем возрождении славянского мира» Гильфердинг считал predetermined, поскольку в 1848 г., «поляки хотели быть распорядителями и вождями всех других западных славян, в надежде увлечь их к революции, на которой они думали основать политическую независимость своего отечества и его первенство в славянском мире. /.../ Таким образом поляки отстранились от всех своих западных единоплеменников»⁷⁷⁶.

Среди выступлений Гильфердинга на польскую тематику (в ее злободневно-политическом ключе) выделяются три статьи, опубликованные им в период Январского восстания в «Русском инвалиде» (и затем перепечатанные газетой «День»⁷⁷⁷): «За что борются русские с поляками» (апрель 1863 г.), «В чем искать разрешения польскому вопросу» (июнь 1863 г.), «Положение и задачи России в Царстве Польском» (декабрь 1863 г.). Пять лет спустя эти статьи без изменений, но теперь составив единое целое, и под одним общим названием – «Польский вопрос», войдут во второй том его сочинений. Причем, при подготовке этого тома собрания сочинений⁷⁷⁸, Гильфердинг, по его собственному признанию, решил не сглаживать тогдашнего «исторического колорита /.../ борьбы с поляками, хотя многое, что в то время казалось сомнительным, с тех пор оконча-

⁷⁷⁴ Гильфердинг А.Ф. Развитие народности. С. 67.

⁷⁷⁵ Там же. С. 65.

⁷⁷⁶ Там же. С. 68.

⁷⁷⁷ Нередко возникающий в связи с этой газетой и другими изданиями вопрос, – как воспринимала цензура подобного рода сочинения, отметим, что, например, В.А. Дьяков, говоря как раз о газете «День», подчеркивал, что «оппозиционность ее была довольно ограниченной и непоследовательной». При этом историк ссылался на воспоминания И.А. Гончарова, по наблюдениям которого, «основным направлением газеты был, с одной стороны, пылкий патриотизм, а с другой – любимая, задушевная и неудобноисполняемая мечта – обратить Россию в древнюю Русь. Это... не тревожило главного начальства цензуры, который всегда имел средство обуздать излишнюю смелость газеты». – См. подробнее: Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 46.

⁷⁷⁸ Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 1–4. СПб., 1868–1874.

тельно уяснилось, и, – как считал он, – многое осуществилось, о чем в 1863 году едва дерзали мечтать»⁷⁷⁹.

На этих трех статьях достаточно подробно остановился в своей историографической монографии Н.И. Кареев⁷⁸⁰. Внимание дотошного историографа, в первую очередь, привлекла трактовка Гильфердингом причин гибели Речи Посполитой, но, к сожалению, дальше цитат (впрочем, весьма удачно подобранных) из перечисленных статей Гильфердинга Н.И. Кареев не пошел. Во всяком случае, приводя слова Гильфердинга – «корень борьбы России и Польши теряется в глубине веков»⁷⁸¹, Кареев не счел необходимым развить данный тезис, хотя бы попытаться проанализировать, насколько он оригинален или нет, насколько, в конце концов, славянофильский автор шел в русле традиций отечественной историографии в целом и т.д.

В наши дни Л.П. Лаптева посвятила указанным статьям А.Ф. Гильфердинга специальную работу, сделав при этом далеко идущий вывод: Гильфердинг «в ряде случаев более глубоко и объективно оценивал историю и перспективу польско-русских отношений и возможность решения этого вопроса, чем, например, революционные демократы, безоговорочно поддерживающие борьбу поляков против России, подходившие к этому вопросу без учета многих важных факторов, т.е. односторонне»⁷⁸². Правда, Лаптева, к сожалению, не дает пояснений, *какие* именно важные факторы не были учтены демократами, и *что* входило в тот «ряд случаев», где проявилась поверхностность их суждений...

Эти три статьи, в самом деле, заслуживают того, чтобы быть специально отмеченными. Обращает на себя внимание уже одно то, что этот видный, можно сказать – классический, славянофил вовсе не чуждавшийся стереотипов, в данном случае заметно отходил от привычной славянофильской трактовки польских дел, хотя писавшие о Гильфердинге исследователи меньше всего были

⁷⁷⁹ На эту, как и на другие «польские» статьи, ссылки даются по изданию: Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1868.

⁷⁸⁰ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С.191–196.

⁷⁸¹ Там же. С. 191.

⁷⁸² Лаптева Л.П. Русский славист А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // Российско-польские связи в XIX–XX вв. М., 2003. С. 100. – Ср. Лаптева Л.П. Славянофильство как основа мировоззрения и научных концепций А.Ф. Гильфердинга // Славянский альманах. 2000. М., 2001. С. 100–101.

склонны комментировать эти особенности подхода автора-славянофила к изучаемому материалу.

Так, если в нашей литературе было принято подчеркивать захватнический характер политики Польши на востоке, начиная со времен Киевской Руси, то Гильфердинг мог выразить мнение, заметно расходившееся с устоявшейся традицией. Например, он мог заявить, что «Русская земля влеклась, так сказать, сама к свету цивилизации, к развитому общественному строю, с которым выступала Польша», больше того – эти «обширные русские области /.../ она (Польша. – Л.А.) в XIV и XV веках притянула к себе своим тогдашним нравственным и общественным перевесом над Русью»⁷⁸³. Здесь же Гильфердинг напоминал, что «сам Великий Новгород едва ли не присоединился к этим мирным завоеваниям, которые доставляло Польше превосходство ее образованности, ее аристократической организации над невежеством и бессознательностью Русской земли»⁷⁸⁴.

Кроме того, если в нашей литературе принято было безоговорочно противопоставлять шляхту Речи Посполитой всем прочим бесправным слоям польского общества⁷⁸⁵, то Гильфердинг, напротив, признавал, что городское сословие все же не было полностью отстранено от государственных дел. Но при этом он подчеркивал, опираясь, надо думать, на собственные изыскания: «...легко проследить в истории Польши, как /.../ крестьянское население с течением времени устранялось более и более от участия в жизни и судьбах польского государства и как государство это сделалось исключительно принадлежностью шляхты и примыкавших к ней классов, горожан (подчеркнуто нами. – Л.А.) и духовенства»⁷⁸⁶.

На свой лад, но и здесь также выступая вразрез с общепринятым мнением (и заметно утрируя ситуацию), истолковал Гильфердинг и направленность польских реформ конца XVIII века. Во всяком случае, по его словам, «неудав-

⁷⁸³ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. СПб., 1868. Т. 2. С. 300.

⁷⁸⁴ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 300.

⁷⁸⁵ Например, для И.С. Аксакова это, безусловно, топка: «Известно, что простой народ в Польше почти не выступает на сцену истории и что пресловутое польское равенство касалось только одной многочисленной шляхты». – Аксаков И.С. Польский вопрос... С. 61.

⁷⁸⁶ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 351.

шаяся конституция» 3 мая 1791 г., «как известно, хотела искупить грехи старой Польши относительно народа – открытием широкого доступа низшим классам в шляхетское сословие, постепенным ушляхтением всего польского народа»⁷⁸⁷.

Появившаяся в апреле 1863 г., в самый разгар польского восстания, статья «За что борются русские с поляками» способна дать известное представление о позиции А.Ф. Гильфердинга. На вопрос, «за что он борется с русскими?», поляк, по мнению публициста, ответит громко и смело: «я борюсь за свое отечество и его свободу, за свою народность и независимость»⁷⁸⁸. И здесь, специально подчеркнем, наш славянофил отходил от более распространенного мнения. Достаточно вспомнить довольно скептическое на сей счет мнение М.С. Лунина: «Спросите всех и каждого: какая была у них цель? Никто не сумеет отвечать вам»⁷⁸⁹.

Что касается Гильфердинга, то он, напротив, был готов признать: «он (поляк. – Л.А.) действительно борется за свое отечество и свою народность». Тем не менее, публицист, изначально заявив, что он – за «свободное развитие народных элементов» и за «безусловную равноправность народностей», все-таки доказывал историческую правоту России, поскольку «Польша совершила историческую измену славянскому духу»⁷⁹⁰.

Но в чем суть измены? В вину полякам ставилось, в частности, то, что они, «спасая /.../ свою славянскую народность, в то же время проникались всеми началами западной жизни» и «польский народ входил всем своим организмом в состав западноевропейского мира». «Польша, оставаясь славянскою, сделалась, – подчеркивает Гильфердинг, – /.../ не в силу материального завоевания, а добровольным принятием западноевропейских стихий /.../ вполне членом латиногерманской семьи народов, единственною славянскою странюю, вступившею в эту семью всецело и свободно»⁷⁹¹. Впрочем, это как раз то убеждение, какое разделяли очень многие в русском обществе, и, в первую очередь, придерживающиеся славянофильских взглядов. Например, Ю.Ф. Самарин, очень уверен-

⁷⁸⁷ Там же. С. 356.

⁷⁸⁸ Там же. С. 292.

⁷⁸⁹ Лунин М.С. Письма из Сибири // Лунин М.С. Сочинения... С. 104.

⁷⁹⁰ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 299.

⁷⁹¹ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 295.

но заявлял: «Ни одно из племен славянских не отдавало себя на службу латинству так беззаветно, как польское», и, в развитие своей мысли делал общий вывод: «Глубокая несовместимость и непримиримость латинства с славянством доказана историческим опытом веков, хотя у нас многие не решаются еще признать ее»⁷⁹².

Иными словами, говоря о противостоянии «Польша – Россия», Гильфердинг (впрочем, здесь он отнюдь не был оригинален) подразумевал более широкое, глобальное противостояние: «Россия – Запад». Западное влияние, считал он, губительно для славянства, и Польша на себе это испытала⁷⁹³. Впрочем, Россия, по убеждению Гильфердинга, должна была быть даже благодарна Польше, которая «заслоняла Русскую землю от непосредственного влияния латиногерманской Европы и тем самым способствовала тому, что на дальнем востоке нашем могли окрепнуть зародыши самобытной славянской жизни». С точки зрения Гильфердинга, именно в этом состоит «великая, хотя бессознательная, историческая для нас заслуга древней Польши, заслуга, которой мы не должны забывать»⁷⁹⁴.

Нельзя не заметить, что суждения А.Ф. Гильфердинга близки к тому, что несколько месяцев спустя напишет С.М. Соловьев. Думается, напрасно было бы здесь задаваться вопросом, кто – видный славянофил или знаменитый западник – первым пришел к выводам такого рода. Идея о губительности западного влияния давно имела хождение в русских как административных⁷⁹⁵, так и интеллектуальных кругах, и в дни Январского восстания только приобрела особую злободневность. Близкое сходство обнаруживается и в понимании этими авторами истоков так называемого польского вопроса. Если по Соловьеву, «польский во-

⁷⁹² Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М., 1877. С. 333.

⁷⁹³ Посыл выглядит, по крайней мере, сомнительно, если вспомнить, например, уже приводившиеся слова Д.В. Давыдова, какими он описывал мрачную для России перспективу – в случае восстановления независимой Польши, – именно потому, что тем самым «Россия сама бы себя изгоняла из среды европейских государств, поступая добровольно в состав азиатских государств; передав в руки Польши все отверстия, чрез которые проникает к нам просвещение, она должна была совершенно отказаться от многих хозяйственных, финансовых и торговых предначертаний своих» // Давыдов Д.В. Воспоминания о польской войне 1831 года // Давыдов Д. Собр. соч. Т. 2. СПб., 1895. С. 254–255.

⁷⁹⁴ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 296.

⁷⁹⁵ Об этом подробнее см., например, раздел «“Космополиты” и “ультрапатриоты”» в монографии А.А. Комзоловой. – Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 111–166.

прос /.../ родился вместе с Россией»⁷⁹⁶, то Гильфердинг писал: «Корень борьбы России и Польши теряется в глубине веков. Зародыш ее, можно сказать, существовал уже тогда, когда ни Россия, ни Польша еще не являлись на историческом поприще»⁷⁹⁷.

Характеризуя многовековое соперничество Руси и Польши, Гильфердинг признавал, что долгое время на стороне Польши оставалось «одно огромное преимущество, одно сильное орудие преобладания – образованность и наука, принятые Польшею от Западного мира вместе с его религиозными и общественными началами»⁷⁹⁸.

С его точки зрения, давний спор о том, «какой стороне принадлежит будущность в славянском мире: образованной ли славянской земле, но отказавшейся от внутренней самобытности, или земле, с задатками самобытного развития, но коснеющей в невежестве?»⁷⁹⁹, был решен при Петре Первом.: «Петр был первый из русских царей, который ни разу не воевал с Польшей, и первый, кто хозяйничал в ней, как у себя дома: так бессильна стала Польша перед Россией, как скоро Россия овладела сама последним орудием ее прежнего обаяния – западною образованностью»⁸⁰⁰.

Несмотря на все давние и новые польско-русские конфликты, Гильфердинг все же полагал, что еще существует возможность сближения – правда, тут же возникала оговорка: «только на почве славянства возможно примирение русских с поляками»⁸⁰¹. Такую надежду в Гильфердинге поддерживала вера в то, что «в поляках может возникнуть потребность новой деятельности, дружной с русским народом, направленной к общему благу славянства»⁸⁰².

Подобную надежду питали многие. В частности, И.С. Аксаков, отнюдь не склонный безоглядно разделять все идеи Гильфердинга, в данном случае, обнаруживал близкую позицию. Он, как и Гильфердинг, не исключал, что «рано или поздно последует теснейшее и полнейшее, искреннее соединение славянской

⁷⁹⁶ Соловьев С.М. Соч.: в 18 книгах. Кн. XXII. М., 1998. С. 200.

⁷⁹⁷ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 294.

⁷⁹⁸ Там же. С. 301.

⁷⁹⁹ Там же.

⁸⁰⁰ Там же.

⁸⁰¹ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 294.

⁸⁰² Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 302.

Польши с славянской же Россией, что к тому ведет непреложный ход истории»⁸⁰³. И.С. Аксаков проявлял при этом известную самокритичность русского гражданина, понимая цель такого соединения следующим образом: «...покаясь взаимно в исторических грехах своих, соединиться вместе братским, тесным союзом против общих врагов – наших и всего славянства»⁸⁰⁴.

Можно подумать, что здесь будто признается обоюдная (именно обоюдная) – русских и поляков – вина друг перед другом, только обоюдное признание которой способно помочь достижению общей цели, а именно: созданию общеславянского союза ради борьбы с общим врагом. Дело здесь, однако, не только в том, что И.С. Аксаков как-то не учитывал, что у поляков может быть совершенно иное мнение по поводу того, кто для поляков враг, не учитывал, что отнюдь не большая часть польского общества готова была разделить представления русской стороны⁸⁰⁵. Помимо прочего, полякам тут же было выдвинуто условие: «Если же поляки в состоянии переродиться, покаяться в своих исторических заблуждениях и стать славянским мирным народом, то, конечно, русский народ был бы рад видеть в них добрых родственных соседей»⁸⁰⁶. Получается, что каяться, по разумению И.С. Аксакова, следовало только польской стороне, а как же призыв покаяться «взаимно в исторических грехах своих»?

Схожего мнения, – говоря о возможностях примирения между поляками и русскими – придерживался и О.М. Бодянский. Перспективы подобного примирения он также рассматривал в контексте «светлого будущего» всех славян: «Пусть же они с русскими стремятся дружно и согласно к той великой цели, которая предназначена провидением в будущем славянскому миру. Только единение мыслей, желаний и действий ведет к величию и счастью; только с нами и при нас, /.../ возможны еще для поляков не только истинная государственная жизнь, но и вообще сохранение и развитие их народности, языка, словесности, быта и всего, чем дорожат существа разумные»⁸⁰⁷.

⁸⁰³ Аксаков И.С. Польский вопрос... С. 12.

⁸⁰⁴ Там же.

⁸⁰⁵ О том, в чем сходились и расходились польские и русские радикалы см., напр.: Борисенко Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы. М., 2001. С. 56–137.

⁸⁰⁶ Аксаков И.С. Польский вопрос... С. 11.

⁸⁰⁷ Бодянский О.М. Польское дело // ЧОИДР. Кн. 1. 1863. С. 186.

Гильфердинг в своих рассуждениях исходил из уверенности, что «славянское племя должно и действительно имеет силу стремиться не к подчинению стихиям латино-германской Европы, а, напротив – к внутренней самобытности». Он без тени сомнения воздавал хвалу России, которая «одна в состоянии, органическим развитием славянского духа, положить решительный конец старым преданиям и надеждам польской пропаганды, иезуитской и шляхетской»⁸⁰⁸.

По его словам, Россия, хоть и «влеклась, так сказать, сама к свету цивилизации, к развитому общественному строю, с которым выступала Польша», сумела, несмотря ни на что, сохранить себя: «Русская земля воспользовалась плодами западной цивилизации, и с этим не вошла, подобно Польше, в состав латино-германского мира, не потеряла начал своего самобытного славянского развития»⁸⁰⁹, – с нескрываемым удовлетворением констатировал автор.

В то же время, создается впечатление, что Гильфердинг не был уверен в завершенности процесса русско-польского противоборства в пользу России, и эта неуверенность бросала тень как историческую ретроспективу русско-польского противостояния, так и на соотношение сил в настоящем. Гильфердинг явно выражает обеспокоенность, когда пишет: «...всякое уклонение России от самобытной почвы славянской в область западных стихий давало и дает пищу старому польскому духу»⁸¹⁰. Но в этих словах слышится беспокойство не только одного Гильфердинга, здесь – пусть подспудно – сквозит признание тех самых западных стихий, которые были способны, по-видимому, поколебать русский дух, оторвать его самобытной почвы славянской.

Гильфердинг уверенно заявлял, что именно «таким образом, Россия, которая при Екатерине II окончательно развила у себя крепостное право и довела его до последних крайностей, Россия применила этот самый принцип, совершенно чуждый славянским понятиям, подарок Запада славянскому племени, к землям, приобретенным при разделах Польши»⁸¹¹. Нельзя сказать, что мало прикрытая укоризна по адресу российской императрицы, которую позволил себе автор, от-

⁸⁰⁸ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 299, 302.

⁸⁰⁹ Там же. С. 299, 301.

⁸¹⁰ Там же. С. 302.

⁸¹¹ Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 302.

вечала всегдашнему настрою российской исторической литературы. Деятельный поборник отмены крепостного права, Гильфердинг не стал вдаваться в особенности крепостной зависимости русского мужика и польского хлопа, а предпочел уверенно высказать свое мнение по поводу общего характера политики Екатерины II на присоединенных к империи землях: «Вместо того чтобы уничтожить там то насаждение Польши, она его признала и узаконила: она узаконила тем самым гражданское владычество польского шляхетского меньшинства над миллионами русского народа»⁸¹².

В качестве некоторого отступления от сочинений А.Ф. Гильфердинга отметим, что примерно о том же, разве несколько иначе расставляя акценты, писал, в частности, А.М. Лазаревский, проблематика книги которого «Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783)»⁸¹³ оказалась на волне развития полонистических студий как в 1860-е гг., так, судя по переизданию, востребована и в начале XX в.⁸¹⁴ На основании «источников, добытых из черниговских архивов», Лазаревский взялся написать «историю малороссийского крестьянства во время гетманщины»⁸¹⁵, что в результате позволило ему утверждать нечто отличное от того, что писал Гильфердинг. Так, повествуя о том, в каком положении оказались украинские земли в середине XVII в., Лазаревский писал: «С изгнания поляков в Малороссии не стало крупных поземельных собственников – польских панов, а вместе с ними не стало и привилегированного сословия; осталось одно *поспольство*, народ»⁸¹⁶. Тогда возникает вопрос, если «не стало поземельных собственников», т.е. того «польского шляхетского меньшинства», кого, по видимому, имел в виду Гильфердинг, то кому же досталась земля? Лазаревский поясняет: «Земля, принадлежавшая перед тем польским панам, теперь – известный момент – оставалась в фактическом владении тех, кто ее обрабатывал. Но такое положение продолжалось недолго»⁸¹⁷. Автор сразу давал понять, что «с

⁸¹² Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос. С. 302. – См. также: Лаптева Л.П. Славянофильство как основа мировоззрения... С. 101–102.

⁸¹³ Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783). Историко-юридический очерк по архивным источникам. Чернигов, 1866.

⁸¹⁴ Лазаревский А.М. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783). Историко-юридический очерк по архивным источникам. Киев, 1908.

⁸¹⁵ Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне. С. 2.

⁸¹⁶ Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне. С. 3.

⁸¹⁷ Там же.

изгнанием поляков» ситуация изменилась исключительно с точки зрения отношений «польский пан – крестьянин», но что касается земли, то «с этого времени, земля становится войсковою и все прежние поземельные акты польского владения *уничтожены были козацкою саблей* (курсив в оригинале. – Л.А.), по выражению того времени»⁸¹⁸. Что было делать несчастному крестьянину? По мнению А.М. Лазаревского, «лучший исход для крестьянина, желавшего избавиться от насилий державца, заключался в переходе в козацье сословие; из подневольного, он в таком случае, становился свободным, не теряя своего поземельного имущества. Но достижение этой цели – козачества было нелегко»⁸¹⁹.

Собственно это эпизодическое отступление от разбора позиции А.Ф. Гильфердинга понадобилось для того, чтобы показать, что в представлениях о положении западнорусских земель до окончательного (уже по итогам разделов) перехода под власть России в отечественных исторических сочинениях наблюдалось и сходство мнений, но и некоторые расхождения. Но важнее здесь, пожалуй, подчеркнуть то, что, возможно, стало толчком для А.М. Лазаревского написать свой «Историко-юридический очерк по архивным источникам». Первая фраза, открывающая очерк, позволяет предположить, что автор взялся за перо затем, чтобы внести ясность в ситуацию почти туманную: «Быт малороссийского крестьянства, со времени отделения Малороссии от Польши, так мало выяснен, что до сих пор господствует мнение – будто до конца XVIII в. крестьянство это пользовалось полною гражданскою свободой, которой лишилось по одному лишь указу 3 мая 1783 года»⁸²⁰. Иначе говоря, задача автора, похоже, состояла в том, чтобы – развенчать мифы, побороть заблуждения, но – исключительно «посредством ближайшего изучения предмета»⁸²¹.

Примечательно, на наш взгляд, и то, что А.Ф. Гильфердинг, отступив от свойственного как славянофилам, так и западникам обыкновения акцентировать специфику государственного устройства Речи Посполитой, стремился подчеркивать черты сходства в развитии всех славянских государств. Так, перечисляя

⁸¹⁸ Там же. С. 5.

⁸¹⁹ Там же. С. 69.

⁸²⁰ Там же. С. 1.

⁸²¹ Лазаревский А. Малороссийские посполитые крестьяне. С. 1.

разновидности форм правления, какие встречались у славян, он настаивал на том, что в основе любой из этих форм лежало единодержавие. На его взгляд, единодержавие «могло принять характер сословной конституционной монархии наподобие средневековых западноевропейских государств, как в Чехии; оно могло явиться аристократическо-республиканскою монархией, как в Польше, и смесью Византийского самодержавия с боярскою аристократией, как в древней Сербии, и, как в древней России, самодержавием с совещательным земским началом, уступившим затем место абсолютному самодержавию России Петровской»⁸²².

Гильфердинг, таким образом, отказывался использовать тот аргумент, к которому всегда охотно прибегали чуть ли не все русские историки и публицисты, писавшие о причинах падения Польши и снимавшие при этом всякую вину с России, а именно – тезис об уникальности (и, главное, нежизнеспособности⁸²³) государственного устройства шляхетской республики. По-видимому, здесь для Гильфердинга было важнее подчеркнуть ту мысль, что «одного только вида они (славяне. – Л.А.) до сих пор не выказали в своей истории, – это именно *федерация* (курсив в оригинале. – Л.А.)»⁸²⁴. Иначе говоря, ключевая мысль статьи сводилась к утверждению: «Эти две идеи, государство и федерация, насколько свидетельствует до сих пор история, оказывались несовместимыми в славянском мире»⁸²⁵, – как писал А.Ф. Гильфердинг в статье «Древний Новгород», также опубликованной в 1863 году.

Достаточно взвешенную позицию Гильфердинга в польском вопросе трудно назвать типичной для того времени. Не приходится недооценивать тот факт, что в русском обществе и до Январского восстания, и особенно после его начала крайне сильны были антипольские настроения. Не случайно даже пожары 1862 года в столице и ряде губернских городов общественное мнение с такой уверенностью отнесло на счет «польской интриги» (заодно обвинив в поджогах еще и нигилистов).

⁸²² Гильфердинг А.Ф. Древний Новгород // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. СПб., 1868. Т. 2. С. 428.

⁸²³ Как вопрошал, например, И.С. Аксаков: «...в силах ли были бы поляки создать что-либо стройное и прочное...»? – Аксаков И.С. Польский вопрос... С. 11.

⁸²⁴ Гильфердинг А.Ф. Древний Новгород. С. 429.

⁸²⁵ Там же.

Слепая вера в извечно-коварную польскую интригу, заставлявшая рассматривать под соответствующим углом зрения и события отдаленного или недавнего прошлого, была распространена даже в, казалось бы, просвещенных кругах общества. Свидетельством тому может служить историческое сочинение «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская», впервые опубликованное летом 1867 г. в издаваемом М.Н. Катковым журнале «Русский вестник» и вскоре вышедшее отдельным изданием (СПб., 1868).

Его автор, Павел Иванович Мельников (1818–1883), писавший под псевдонимом «Андрей Печерский», был довольно известным литератором. Выпускник Казанского университета, он в юности по подозрению в вольнодумстве попал в ссылку, но впоследствии, поступив на службу в министерство внутренних дел и проявив себя ревностным гонителем старообрядчества, сделал успешную карьеру. Выйдя в 1866 г. в отставку, он продолжил свои литературные опыты, из которых наиболее известна диалогия «В лесах» и «На горах», рисующая быт нижегородских староверов.

В своей книге 1868 г. Мельников не просто собрал все доступные ему сведения о княжне Таракановой, самозванке екатерининских времен, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы Петровны. Поставив своей задачей выяснить, кто же стоял за этой и иными авантюрами, целью которых, по его глубокому убеждению, было развалить Российскую империю, он пришел к твердому выводу, что все эти интриги – дело рук поляков.

Конечно, полонистом П.И. Мельникова никак не назовешь, но его представления о польской истории и о роли поляков в европейской политике по своему показательны: в его книге слышатся давно знакомые мотивы. Автор «Княжны Таракановой» ничуть не сомневается, что именно «магнаты и шляхта, составлявшие единственную причину всех злоключений Польского государства, /.../ считали единственной виновницей ослабления их отечества Екатерину II», и после разделов Речи Посполитой продолжали настраивать Западную Европу против России. Он напоминал читателям: «польская эмиграция свила в Париже

теплое для себя гнездо, существующее, как известно, и в настоящую пору»⁸²⁶. На счет польских интриг автором были записаны и внутрироссийские смуты.

С точки зрения того, в сколь значимой степени русское общество было пропитано антипольской риторикой, небезынтересен сам ход рассуждений Мельникова-Печерского о пугачевском бунте, который, по словам автора «Княжны Таракановой», – «явление доселе еще не разъясненное вполне и со всех сторон». Однако констатация неясности картины не помешала автору здесь же утверждать: «Пугачевский бунт был не просто мужицкий бунт, и руководителями его были не донской казак Зимовейской станицы с его пьяными и кроважидными сообщниками». По словам Мельникова, «мы не знаем, насколько в этом деле принимали участие поляки, но не можем и отрицать, чтоб они были совершенно непричастны этому делу. В шайках Пугачева было несколько людей, подвизавшихся до того в Барской конфедерации»⁸²⁷.

Сквозившая, казалось бы, здесь неуверенность была легко преодолена автором буквально через несколько строк. Мельников твердо объявлял и пугачевщину, и появление самозванки делом рук одних и тех же «враждебников России и Екатерины» – «кто бы они ни были». И, несмотря на отсутствие каких бы то ни было доказательств – ведь сам автор признает, что «дело о пугачевском бунте, которого не показали Пушкину, до сих пор запечатано и никто еще из исследователей русской истории вполне им не пользовался», – у него не было никаких сомнений, что «это дело – бесспорно польское дело»⁸²⁸. На этом основании, да еще с учетом того, что княжне Таракановой покровительствовал польско-литовский магнат Кароль Радзивилл, писатель приходил к логичному, на его взгляд, выводу, что и Пугачев – тоже креатура «польской партии, враждебной королю Понятовскому, а тем более еще императрице Екатерине»⁸²⁹.

Читателям внушалось, что «поляки – большие мастера готовить самозванцев; при этом они умеют так искусно хоронить концы, что ни современники, ни потомство не в состоянии сказать решительное слово об их происхожде-

⁸²⁶ Мельников П.И. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская. СПб., 1868. С. 32, 33.

⁸²⁷ Мельников П.И. Княжна Тараканова... С. 34.

⁸²⁸ Мельников П.И. Княжна Тараканова... С. 34, 35.

⁸²⁹ Мельников П.И. Княжна Тараканова.... С. 37.

нии»⁸³⁰. Потому, когда он говорил о Таракановой, которая, кроме всего прочего, «упоминала о документах, доказывавших будто бы права ее на корону», он без особого сомнения заявлял: «Документы эти были составлены, по всей вероятности, поляками»⁸³¹.

В то же время, рассуждения Мельникова по поводу участия поляков в деле самозванки лишней раз обнаруживали отнюдь не простые взаимоотношения между сторонниками так называемой русской партии (и примкнувшими к ней) в Польше и российской императрицей. Это, в частности, нашло проявление в ходе следственного дела самозванки (или, как ее называл Н.И. Панин, «побродяжки»), когда по всему было «видно, что князя Радзивилла и других поляков старались беречь, а всю тяжесть вины сложить на голову одной ”всклепавшей на себя имя”». В показаниях поляков было «заметно старание выгородить не только себя, но и все польское дело, дать всему такой вид, чтобы не было обнаружено участие конфедератов, особенно же князя Радзивилла и иезуитов в замыслах созданной польскою интригою претендентки на русскую корону»⁸³².

Автор был уверен в том, что «дело действительно и заведено, и продолжается польскою рукой»⁸³³, но, пытаясь объяснить (себе самому и читателям) бездействие властей, допускал, что «императрица, хотя и поручившая князю Голицыну обратить особенное внимание, не принадлежит ли пленница к польской интриге, приказала ограничиться допросами одной самозванки, когда убедилась, что если отыскивать польскую руку, выпустившую на политическую сцену мнимую дочь императрицы Елизаветы Петровны, то придется привлечь к делу и Радзивиллов, и Огинского, и Сангушко, и других польских магнатов, смирившихся пред нею и поладивших с королем Станиславом Августом»⁸³⁴.

Желал того Мельников или не желал, но он продемонстрировал осуществляющуюся Петербургом в отношении поляков, так сказать, политику двойных стандартов, ведь, по его словам, «привлечь их (Радзивиллов и пр. – Л.А.) к делу и даже к самой строгой ответственности для Екатерины было чрезвычайно лег-

⁸³⁰ Там же.

⁸³¹ Там же. С. 88.

⁸³² Там же. С. 213.

⁸³³ Там же. С. 250.

⁸³⁴ Там же. С. 250–251.

ко, ибо она властвовала в Польше почти также неограниченно, как и в России»⁸³⁵.

Будучи далек от мысли (тем более, от намерения) хоть как-то комментировать политику екатерининского двора, и, тем более, действия самой императрицы, Мельников, в то же время, оставался при своем мнении. «Княжна Тараканова» была не первым откликом писателя на злободневную тему. Под впечатлением польского восстания он в 1863 г. выпустил брошюру в псевдонародном стиле под выразительным названием «Русская правда и польская кривда». Выпустил анонимно, но его авторство большого секрета не составляло.

В понимании Мельникова, поляки представляли как некая губительная сила – наподобие охотно изобличаемых романистами иезуитов или масонов. С тем разве отличием, что поляки, по словам их обличителя, вредили избирательно – не западным странам, а исключительно России. Заметим, что все это вполне серьезно излагал известный писатель, а в недавнем прошлом – высокопоставленный чиновник (за пару лет до появления «Княжны Таракановой» Мельников вышел на пенсию в чине действительного статского советника, что по табели о рангах соответствовало в армии генерал-майору). Если он мог, дорожа, очевидно, своей репутацией, выступать, нимало не смущаясь, с такими, мягко говоря, сомнительными рассуждениями, то, надо полагать, был отнюдь не одинок в своей полонофобии и его книга отражала довольно распространенные умонастроения.

С другой стороны, можно думать, не оставался в одиночестве и Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин, который примерно в те же годы печатал свою «Историю одного города». В этой книге, помимо прочего, были спародированы и рассуждения о «польской интриге», каковую обитателям города Глупова «несравненно труднее было обнаружить, /.../ тем более что она действовала невидимыми подземными путями»⁸³⁶. Но, похоже, у Щедрина – отказывавшегося видеть пресловутую «польскую интригу» на каждом шагу, – сторонников все-

⁸³⁵ Мельников П.И. Княжна Тараканова... С. 251.

⁸³⁶ Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. В 20 т. Т. 8. М., 1969. С. 297.

таки было меньше, нежели у Мельникова: антипольские настроения и в обществе, и в литературе заметно брали верх.

Для публицистики тех лет, можно сказать, достаточно типична брошюра Николая Павловича Барсова⁸³⁷ (1839–1889) «Славянский вопрос и его отношение к России» (1867), в которой была предпринята попытка рассмотреть польский вопрос в контексте вопроса славянского (хотя, понятно, в такой постановке проблемы Барсов пионером не был). Автор этой брошюры, недавний выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, с 1864 г. учительствовал в Вильне, где отголоски Январского восстания и его разгрома долго еще давали себя знать. Этот прочувствованный памфлет, написанный под впечатлением недавних событий, не нес в себе никаких свежих идей, по большей части являя набор избитых славянофильских штампов. Собственно, тем-то он и интересен.

Одна из ключевых идей брошюры заключалась в том, чтобы внушить читателю: существует особая славянская цивилизация, в которой «связующая» всех славян «сила /.../ служит мощным залогом единения славян во всем, что составляет цивилизацию народа, – во всем том, что касается его нравственного, общественного и государственного развития»⁸³⁸. Будучи уверен, что «в череде славянских племен нашему великому отечеству предназначено занять первое место», Н.П. Барсов приводил доводы в пользу справедливости своего мнения, полагая, что на то «дают ему право самостоятельное политическое существование и сила народного духа, сказавшиеся во всех отраслях русского народного бытия»⁸³⁹.

Публицист признавал: «В тысячелетнем существовании своем Россия не могла не иметь отклонений от своего природного славянского характера», но это, в конечном счете, не помешало ему утверждать, что в настоящее время «Россия выступила на путь внутренних преобразований в духе и смысле народности, – больше того, как подчеркивал Барсов, – в духе и смысле коренного славянства». Для автора немаловажным оказывалось то обстоятельство, что

⁸³⁷ Славяноведение в дореволюционной России... М., 1979. С. 61.

⁸³⁸ Барсов Н.П. Славянский вопрос и его отношение к России. Вильна, 1867. С. 5.

⁸³⁹ Там же. С. 17.

«русское правительство, – по его убеждению, – во все время существования России, как единого политического тела, никогда не переставало быть народным в широком смысле этого последнего слова», и потому «только враги русского народа и славянства могут отвергать славянский характер России»⁸⁴⁰. Н.П. Барсов в этом вопросе сходил в мнении с С.М. Соловьевым, считавшим, что «правительственная форма есть результат народной жизни /.../ Она есть выражение народной воли, какова бы она ни была»⁸⁴¹.

Под таким углом зрения (предварительно подчеркнув ведущее место России в славянском мире) Барсов рассматривал и русско-польские взаимоотношения. Характерно, что Польша фактически выводилась им за рамки славянского мира: «Между западными и восточными славянами /.../ узкою полосой по течению Вислы и ее притоков врезалось враждебное общеславянской идее и главной политической представительнице ее – России – польское общество или сословие польской аристократии»⁸⁴². Общий ход событий рисовался следующим образом: «овладев западной Русью, Польское государство выступило на борьбу с захваченным врасплох народом. Но этот народ был русский». Поэтому, продолжал Барсов, «на помощь народу история привела русское правительство, – которое после долгих попыток, колебаний, ненужных уступок, неотвратимую силою вещей, приведено наконец к необходимости /.../ политически возратить русскому государству древнее его достояние»⁸⁴³.

Прибегнув к традиционной (можно сказать, ставшей уже стереотипной) мотивировке, автор не усмотрел ничего предосудительного в методах, которые были применены Петербургом для достижения желаемой цели: для этого – «надо было сломить государственную Польшу; пред этой целью должна была отступить Польша аристократическая /.../»⁸⁴⁴. Затем, в одной фразе соединив ретроспекцию с современностью («Польское государство и шляхетство пали, оставив по себе тяжелые следы в разоренном, невежественном и забитом народе,

⁸⁴⁰ Барсов Н.П. Славянский вопрос... С. 11–12.

⁸⁴¹ Цит. по: Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель // История и историки. Историографический ежегодник. 2002. М., 2002. С. 103.

⁸⁴² Барсов Н.П. Славянский вопрос... С. 11–12.

⁸⁴³ Барсов Н.П. Славянский вопрос... С. 24.

⁸⁴⁴ Там же. С. 25.

/.../ в жалкой и издыхающей эмиграции, с ее заговорами, пройдохеством авантюристов, ее подземным террором»), – Барсов, вместе с тем, не преминул выразить сожаление, что «эти бедные остатки былой Польши стоят пока еще стеной между восточным и западным славянством»⁸⁴⁵.

Обращает на себя внимание, что автор (по-видимому, без тени сомнения) утверждал, будто русское правительство именно «при сочувственных заявлениях народа, положило начало господству славянства на западе России, сломав гидру польского дворянства и неразрывного с ним католического преобладания». Но Барсов считал, что это – только начало, что «важная историческая задача славянского мира решится /.../ только в будущем». Тем не менее, он уже теперь выражал уверенность в том, что «нераздельное восстановление народных чувств общеславянских в польском племени, от которого осталось только освобожденное нашим Монархом хлопство, будет началом окончательного соединения всех славян в одно...»⁸⁴⁶.

Впрочем, более пристально взглядываясь в сложившуюся в Польше ситуацию, Барсов даже приходил к выводу, что «в славянском народе, входившем в состав Польского королевства, жива еще славянская национальность». Но она, был вынужден с сожалением констатировать автор, «замерла под роковым влиянием государственной и сословной Польши, которая не только исказила свою славянскую народность, не только пошла наперекор всем началам ее общественной жизни, но является преступницей перед всем славянским миром»⁸⁴⁷. В поисках причин такой аномалии, Барсов готов был присоединиться «к современному мнению о том, что польская шляхта не славянского происхождения, но возникла чисто завоевательным путем»⁸⁴⁸. В скобках заметим, что это, по выражению Н.П. Барсова, современное мнение, по крайней мере, следует отнести к 1830-м годам – достаточно вспомнить рассуждения по этому поводу М.П. Погодина в его «Исторических афоризмах» (1836). Конечно, на фоне писаний того времени брошюра Н.П. Барсова мало чем выделялась, потому не

⁸⁴⁵ Барсов Н.П. Славянский вопрос... С. 25.

⁸⁴⁶ Барсов Н.П. Славянский вопрос... С. 17, 25.

⁸⁴⁷ Барсов Н.П. Славянский вопрос... С. 18–19.

⁸⁴⁸ Барсов Н.П. Славянский вопрос... С. 20.

приходится удивляться, что большого внимания к себе она не привлекла. В то же время, можно полагать, что этот памфлет, убедительно доказывавший благонамеренность автора, в немалой мере способствовал ученой карьере будущего профессора Варшавского университета по кафедре русской истории.

Отразившееся в публицистике 1860-х – 1870-х гг. восприятие польского вопроса русским обществом, наложило свою печать и на развитие российской исторической полонистики, которая как раз в те годы добилась значительных успехов. Существенные сдвиги в общественной жизни страны, сочетавшиеся с прогрессом самой исторической науки, привели, в частности, к появлению ряда исследований, до сих пор не выпавших из научного оборота. Список увидевших тогда свет монографий открыл вышедший в 1862 г. труд Владимира Ивановича Герье (1837–1919)⁸⁴⁹ (интерес к творческой деятельности которого, по справедливому наблюдению Л.П. Лаптевой, в последние годы заметно вырос⁸⁵⁰), за четыре года до того окончившего историко-филологический факультет Московского университета (1858) и оставленного для подготовки к профессорскому званию. Его, основанная на архивных материалах, внушительного вида (600 с лишним страниц, где примерно четверть листажа была отведена публикации впервые вводимых в научный оборот документов) магистерская диссертация «Борьба за польский престол в 1733 г.» (М., 1862) заслуженно привлекла к себе внимание. Как выразился рецензент в «Отечественных записках», книга «принадлежит к числу тех капитальных сочинений, которые часто издаются в Гер-

⁸⁴⁹ Лаптева Л.П. Герье Владимир Иванович // СДР... словарь. М., 1979. С. 120–121; Цыганков Д.А. В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 2008.

⁸⁵⁰ Лаптева Л.П. В.И. Герье и его оценка университетов Германии // Диалог со временем. 2013. № 42. С. 223. Подтверждением чему служат также материалы конференций: Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва 18–19 мая 2007 г. М., 2007; История идей и воспитание историей. Владимир Иванович Герье. М., 2008. Можно отметить также: Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М., 2010; Малинов А.В., Погодин С.И. Владимир Иванович Герье. СПб., 2010; Иванова Т.Н. Владимир Иванович Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX в.). Дисс. ... д.и.н. Казань, 2011. Вместе с тем нельзя не заметить, что, например, Г.М. Мягков выступает противником «жестко сформулированного тезиса С.Н. Погодина», согласно которому, «изучение творчества В.И. Герье переживает только начальный этап», напоминая, что интерес к творчеству В.И. Герье демонстрировали еще его современники. – Мягков Г.П. В.И. Герье и его наследие в отечественной историографии: историко-научные и идейные интерпретации // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). С. 82.

мании и изредка в России»⁸⁵¹. В том же 1862 г. это исследование принесло автору искомую ученую степень.

Монография не забыта и поныне. Л.П. Лаптева даже считает, что «сочинением Герье была заложена основа для разработки русскими учеными истории Польши XVIII в.»⁸⁵². Подкрепляя свое мнение, исследовательница процитировала приведенную выше фразу из «Отечественных записок». Есть, правда, сомнения, достаточно ли журнальной оценки для такого вывода, да к тому же нет уверенности, следует ли воспринимать слова рецензента как безусловную похвалу. Не исключено, что он, одобряя исследование Герье, в то же самое время прозрачно намекнул на то, что книга рассчитана на очень терпеливого читателя⁸⁵³ – в русском сознании толстые ученые труды немцев привычно ассоциировались с невыносимой скукой.

В любом случае, отнесение книги Герье к числу основополагающих сочинений все-таки кажется преувеличением. Дело даже не в том, что в обширном и разнородном научном наследии историка магистерская диссертация стоит особняком – к политической истории Речи Посполитой он потом почти не обращался. Но нельзя не считаться с тем, что автору, тогда только еще начинавшему свой долгий и плодотворный путь в науке, заметно не хватало опыта. В определении темы, в отборе и подаче привлекаемых источников вполне ощутимо непосредственное влияние С.М. Соловьева⁸⁵⁴ (считавшего, что «всеобщие исторические должны брать себе темы для исследований, так или иначе соприкасавшиеся с русской историей»⁸⁵⁵), к советам которого Герье внимательно прислушивался. Книга 1862 г. излишне (если можно так выразиться в данном контексте) факто-

⁸⁵¹ Отечественные записки. 1862. № 7. Отд. 3. С. 81. – Цит. по: Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 338.

⁸⁵² Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 338.

⁸⁵³ См., напр. воспоминания о В.И. Герье-преподавателе: «...у Владимира Ивановича была особая манера читать, которая, по крайней мере, на меня действовала усыпляющее, и, я думаю, не на одного меня только». – Василенко С.Н. Из воспоминаний композитора // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 559.

⁸⁵⁴ См.: Кареев Н.И. Памяти двух историков (В.И. Герье и И.В. Лучицкий) // Анналы. 1922. Кн. 1. С. 156–157; Кирсанова Е.С. Владимир Иванович Герье // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 3. М., 2004. С. 317.

⁸⁵⁵ Лаптева Л.П. Профессор Московского университета В.И. Герье и его интерес к истории славян // Мир историка: Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва 18 – 19 мая 2007 г. М., 2007. С. 65.

графична и по одной уж этой причине мало чем могла вдохновить других исследователей.

Выраженная автором еще в предисловии уверенность в том, что «вследствие недостатков своего общественного быта – отсутствия сильной правительственной власти, разделения всего народа на два слоя, наконец, необузданного стремления шляхтичей к демократическому равенству, – Польша не была в состоянии поддержать свою самостоятельность»⁸⁵⁶, никак не могла притязать на новизну. На взгляд Герье, состояние Польши того времени было таково: «Еще один сильный толчок, еще одна операция дипломатов и больной организм ее должен был разрушиться»⁸⁵⁷... Влияние С.М. Соловьева ощутимо и в этом заключении – как известно, он не раз писал о «больной Польше» (и «больной Турции»).

Автор монографии, бесспорно, выказывает себя знатоком исторической литературы (предпринимая попытку разбора, пусть довольно беглого, ряда трудов своих предшественников – например, Массюэта или Аманд де Ла Шапеля), свободно ориентируется во французской и немецкой литературе о Станиславе Лещинском, в публицистике интересующего его периода. Достаточно обоснованно он дает нелестную оценку состояния литературы вопроса, констатируя (в Приложении), что «о междуцарствии 1733 года нет ни одной монографии, а писатели, излагавшие общую историю XVIII века, только мимоходом касаются этого события, насколько это им необходимо для объяснения европейских дел более их интересующих». Что касается собственно польской литературы, продолжает историк, то в ней «XVIII век менее обработан, чем предшествующие ему, а материал обнародованный относится или к началу или к концу столетия»⁸⁵⁸. Видимо, потому Герье счел необходимым (не без гордости) подчеркнуть, что его сочинение – составлено «по архивским источникам» (что и прописано на титульном листе).

При всем уважении к автору и его капитальному труду, трудно не заметить, что дальше описания событий (пусть детального) он не пошел. О позиции

⁸⁵⁶ Герье В.И. Предисловие // Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 г. М., 1862. С. IV.

⁸⁵⁷ Герье В.И. Предисловие // Герье В.И. Борьба... С. IV.

⁸⁵⁸ Герье В.И. Приложения // Герье В.И. Борьба... С. III.

Герье (и, в то же время, о тогдашнем уровне наших полонистических студий) свидетельствует бесхитростное признание автора: «В 1733 году вышло огромное множество брошюр и памфлетов, характеризующих взгляды различных партий, но они не заключают в себе исторического материала»⁸⁵⁹, – по сути, вполне сознательно абстрагировавшегося от значительного пласта одной из любопытнейших разновидностей источников (будучи очевидно не в состоянии по достоинству оценить их значение и должным образом использовать).

Зато Герье подробнейшим образом, опираясь преимущественно на архивные источники, реконструирует ход событий, предшествовавших восшествию на престол Августа III. Он охотно, и с увлечением, описывает перипетии судьбы Станислава Лещинского или «торговлю» соседних с Польшей дворов по поводу того или иного претендента на польский престол, охотно пересказывая появившиеся тогда брошюры, поддерживающие Станислава Лещинского или других кандидатов⁸⁶⁰.

Также обращает на себя внимание, что в подробном изложении переписки Вены с Петербургом у Герье практически отсутствует диссидентский вопрос. На первый план, как правило, выходит проблема Курляндии, Лифляндии, но не диссиденты, о которых он упоминает лишь однажды, да и то, лишь повторяя уже известное: «...в конце XVI ст., благодаря стараниям иезуитов и нетерпимости короля Сигизмунда Вазы, число диссидентов уменьшилось и католическое духовенство начало думать об том, как бы их лишить прав гражданских», и это при том что еще «в царствование последних Ягеллонов число диссидентов было очень велико в Польше, и они пользовались беспрепятственно всеми правами шляхетскими»⁸⁶¹.

Поэтому, если кому и можно приписать заслугу своего рода закладки основ для изучения русскими учеными польской истории XVIII в., если кто из отечественных историков пореформенного периода вообще может притязать на звание основоположника в области полонистики⁸⁶², так это именно Сергей Михай-

⁸⁵⁹ Герье В.И. Приложения // Герье В.И. Борьба... С. III.

⁸⁶⁰ Герье В.И. Борьба... С. 115–122; 43–69; 122–132; 189–211 и др.

⁸⁶¹ Герье В.И. Борьба... С. 221.

⁸⁶² Об этом писал, в частности, Г.П. Мягков, ссылаясь при этом на суждение Н.И. Кареева, который, по словам современного историка, рассматривал труд Герье «в контексте вышедших в те же годы и заслу-

лович Соловьев (1820–1879). Самая известная из его работ на польскую тему – «История падения Польши», – появится несколько позже, чем книга (магистерская диссертация) его ученика В.И. Герье, в конце 1863 г.

Но С.М. Соловьев, глубоко убежденный в том, что «польский вопрос /.../ родился вместе с Россией», имел дело с историей Польши уже не первый год⁸⁶³. Тема русско-польских взаимоотношений, как уже отмечалось в предшествующей главе, красной нитью проходит через все, регулярно публикуемые, начиная с 1851 г., тома его монументальной «Истории России с древнейших времен».

Что касается монографии 1863 г., – это исследование, о котором на исходе XX в. не без оснований будет сказано: «Вплоть до наших дней эта книга остается не только первым, но фактически единственным в отечественной историографии трудом по этой проблеме»⁸⁶⁴. В 2002 г. вышел труд П.В. Стегния⁸⁶⁵, где внешнеполитические аспекты темы, безусловно, получили освещение более полное и более объективное, чем у С.М. Соловьева. Но в том, что касается концептуальной стороны дела, положение, насколько можно судить, не очень изменилось⁸⁶⁶.

Заявление Стегния: «Мы ни в коей мере не пытаемся оправдать действия екатерининской дипломатии»⁸⁶⁷, несколько не помешало ему примкнуть к тому направлению в отечественной литературе вопроса, которое идет от С.М. Соловьева и его продолжателей, оправдывавших действия Екатерины сложившимися обстоятельствами. В теории признавая тезис о коллективной ответственности всех трех участников разделов за историческую трагедию Польши, Стегний еще в историографическом обзоре (предварявшем основную часть книги)

живающих “наибольшего внимания” сочинений С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, Д.И. Иловайского, де-Пуле». – Мягков Г.П. Кто Вы, профессор В.И. Герье? Наследие ученого в отечественной историографии // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. М., 2008. С. 43.

⁸⁶³ Например, читаемый в 1863/64 учебном году курс С.М. Соловьев завершил лекцией «Польша в 1830–1831 годах», в основу которой были положены до того неизвестные исследователям материалы Московского главного архива Министерства иностранных дел, которые и для самого Соловьева стали доступны совсем недавно, в 1862 году. – Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель... С. 105, 115.

⁸⁶⁴ Каменский А.Б. Комментарии к шестнадцатой книге «Сочинений» С.М. Соловьева // Соловьев С.М. Соч. в 18 книгах. Кн. XVI. М., 1995. С. 699

⁸⁶⁵ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795. М., 2002.

⁸⁶⁶ Arzakowa L. Rozbiory Polski – Рец. на кн.: Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002 // Arkana: Kultura – Historia – Polityka. Kraków. Nr. 64–65. (4–5 / 2005).

⁸⁶⁷ Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002. С. 414.

подчеркнуто выразил свое согласие с выводом об инициативной роли Австрии и Пруссии в расчленении Речи Посполитой⁸⁶⁸.

В то же время, П.В. Стегний – опять же подобно своим предшественникам, – не допускает мысли о том, что Российская империя покорно шла в фарватере прусской или австрийской политики. По его словам, Екатерина «уверенно „дирижировала” действиями своих союзников, видевших в ней как арбитра в их беспрестанных и предельно циничных препирательствах относительно размеров своих „долей”, так и гаранта необратимости всего процесса»⁸⁶⁹. Едва ли нужно пояснять, что, считая поведение, так сказать, оркестрантов циничным, в действиях самого этого «дирижера» автор ничего циничного, судя по всему, не усматривает.

Каким образом историку удастся примирить оба эти – трудно совместимые друг с другом – положения: виноваты, мол, в разделах Пруссия и Австрия, а «дирижировала» ими Екатерина? Помогает в этом Стегнию убеждение в «вынужденном вмешательстве [России] во внутренние дела Польши»⁸⁷⁰. Целиком в духе своих предшественников (например, Д.И. Иловайского) историк утверждает: «Второй раздел Польши произошел вследствие исключительно неблагоприятной для России обстановки /.../ Русская дипломатия была вынуждена...»⁸⁷¹. У читателя создается впечатление чуть ли не форс-мажора (разделы «становились неизбежными»⁸⁷²), хотя ситуацию можно свести к простой схеме: ради достижения других своих внешнеполитических целей – ради приобретений в Причерноморье, Екатерина пошла на сделку, расплатившись с правителями соседних держав польскими землями. Недвусмысленное подтверждение именно такого восприятия решения польских дел Петербургом демонстрирует сам автор: «Практическое осуществление договоренностей в двустороннем или трехстороннем (с участием Австрии) формате он [Н.И. Панин] жестко увязывал с окон-

⁸⁶⁸ Стегний П.В. Разделы Польши. С. 53.

⁸⁶⁹ Там же.

⁸⁷⁰ Там же. С. 252.

⁸⁷¹ Там же. С. 30.

⁸⁷² Там же. С. 411.

чанием Русско-турецкой войны, ангажируя тем самым Берлин и Вену в плане оказания реального давления на Турцию»⁸⁷³.

Стегний настойчиво внушает читателю мысль, что «к лету 1771 г. инициатива переговоров о разделе полностью перешла в руки Фридриха II. Панина он приучал к мысли о неизбежности раздела обещаниями снять противодействие Австрии мирному окончанию Русско-турецкой войны»⁸⁷⁴. Однако данный тезис тут же вступает в некоторое противоречие с тем, что Н.И. Панин, как подчеркивает сам автор, еще в мае, взял, что называется, на себя труд ввести членов Государственного совета в курс дела, касающегося участия России в разделе Польши⁸⁷⁵.

Но если смотреть с другой стороны, Стегний (как и его единомышленники) по-своему прав: Россия, судя по всему, инициатором разделов действительно не была, она предпочитала завладеть целиком всей Речью Посполитой. Успешные шаги в этом направлении делались уже давно, со времен Петра I. Цель, можно сказать, была почти достигнута к концу 1760-х годов, как это аргументировано показано в исследовании Б.В. Носова⁸⁷⁶. Когда автор характеризует, например, ситуацию, как она сложилась в 1767 г., в пору польских конфедераций в Слупске и Торуне, он констатирует, что «важнейшие решения о действиях в Польше уже были приняты в середине января 1767 г., когда прусский король только начинал переписку с Петербургом по поводу австрийских вооружений», что к этому времени «план действий России в Польше был определен практически без консультаций с прусским союзником»⁸⁷⁷. Носов не раз подчеркнул, что в проект «Секретной конвенции» Н.И. Паниным было внесено уточнение, согласно которому «военное выступление Пруссии осуществляется ”по требованию” России и только в случае действительного противодействия русским войскам со стороны австрийских войск»⁸⁷⁸. С точки зрения соотношения сил каждой из сторон русско-прусских переговоров, проходивших в январе – марте 1767 г., поводом для

⁸⁷³ Стегний П.В. Разделы Польши. С. 141.

⁸⁷⁴ Там же. С. 139–140.

⁸⁷⁵ Там же. С. 140.

⁸⁷⁶ Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. 1756–1768. М., 2004.

⁸⁷⁷ Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. С. 504.

⁸⁷⁸ Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой. С. 511.

которых стал диссидентский вопрос, показательны и то, что в ходе переговоров так и «не были затронуты ни конфессиональные проблемы, ни вопросы политического строя Речи Посполитой. Эти области рассматривались союзниками как сфера исключительно интересов России»⁸⁷⁹.

Более подробно остановиться на состоянии современной отечественной историографии этой проблемы понадобилось для того, чтобы показать, сколь не просто происходит отказ от устоявшихся на протяжении многих десятилетий установок в отношении эпохи разделов Польши, установок, ведущих свое начало с историографии XIX столетия.

Свидетельством продолжающегося пересмотра оценок отчасти может служить и монография М.Ю. Анисимова, где автор, не особенно выбирая выражения, пишет, что Речь Посполитая стала – вслед за Курляндией – «следующей жертвой Екатерины»⁸⁸⁰. Не новость, конечно, что императрица «видела в Речи Посполитой только свои интересы и не обращала внимания на собственно польские», что она «перестала считаться с Варшавой»⁸⁸¹, что, в общем-то, общеизвестно, писали об этом и раньше, но – преимущественно в контексте апологии имперской политики Екатерины II. Остается, правда, не вполне ясным, что имел в виду автор, когда констатировал, что «политика Екатерины II в польском вопросе привела не только к гибели Речи Посполитой», особенно непонятно, что подразумевал автор, говоря, что политика Екатерины «заставила российскую дипломатию на долгие годы завязнуть в Польше»⁸⁸². Тем более, если учитывать, как автор квалифицировал результаты разделов Польши: «XVIII век стал временем воссоединения Правобережной Украины и Белоруссии с Россией, случившимся в ходе разделов Речи Посполитой»⁸⁸³...

Что же касается «История падения Польши» С.М. Соловьева, во многом заложившей основы отечественной полонистики в изучении разделов Речи Посполитой, то, прежде всего надо сказать, что она явила собой оперативный от-

⁸⁷⁹ Там же. С. 512.

⁸⁸⁰ Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014. С. 536.

⁸⁸¹ Там же. С. 538, 540.

⁸⁸² Там же. С. 541.

⁸⁸³ Анисимов М.Ю. Правобережная Украина и Белоруссия во внешней политике Российской империи в 50-х – начале 60-х годов XVIII в. // Труды Института Российской истории. Вып. 8. М., 2009. С. 119.

клик ученого на злобу дня⁸⁸⁴. Старый, на протяжении уже почти столетия не терявший остроты вопрос о причинах гибели Речи Посполитой и о том, на какой из держав лежит главная вина за ее разделы, с началом Январского восстания поляков приобрел чрезвычайную актуальность⁸⁸⁵. Объемистая книга увидела свет, когда в Царстве Польском, Белоруссии, Литве еще сражались повстанцы, – цензурное разрешение датировано 3 декабря 1863 г.

Даже для предельно целеустремленного, трудившегося буквально не разгибая спины С.М. Соловьева, такой темп был малопривычен – тем более что ученый не прерывал и работу над своей «Историей России». Выработанный им график выхода томов не будет нарушен: тринадцатый том увидит свет в 1863 г., четырнадцатый – в 1864 г.

Правда, нужно учесть, во-первых, что для монографии в ход пошли заготовленные впрок материалы к, так сказать, „екатерининским” томам «Истории России» (непосредственно до «царствования императрицы Екатерины II Алексеевны» очередь там дойдет не скоро, только в 1876 году). Обширные выписки из архивов, недоступных простому смертному⁸⁸⁶, историк привез как раз в январе 1863 г. из Петербурга, где в течение полугода читал лекции по истории наследнику престола, – вскоре умершему цесаревичу Николаю, сочетая преподавание с архивными поисками. Во-вторых, если замысел монографии возник все же под влиянием варшавских потрясений, то часть текста будущей книги к тому времени была не только готова, но и опубликована.

Дело в том, что «Русском вестнике», начиная с четвертого номера за 1862 год, печатался цикл статей Соловьева под названием «Европа в конце XVIII века», посвященный восточному и польскому вопросам в екатерининскую эпоху. Шестая из статей, повествующая о событиях 1771–1772 годов, включая сюда

⁸⁸⁴ В свою очередь, на монографию С.М. Соловьева откликнулись поляки. См., напр.: Szujski J. Sołowjewa „Historia upadku Polski” // Przegląd polski. № I. 1866; Chyliński // Biblioteka Ossolińskich. T. 9. Lwów: W drukarni Zakładu Narod. Im. Ossolińskich. Lwów, 1866.

⁸⁸⁵ По мнению А.Н. Шаханова, включение С.М. Соловьевым лекции «Польша в 1830–1831 годах» в его лекционный курс 1863 / 64 учебного года – это «реакция на современные события в западных регионах Российской империи» (Цит. по: Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель... С. 105).

⁸⁸⁶ То, что С.М. Соловьев в своей «Истории падения Польши» опирался на архивные материалы, специально, и одобрительно, было отмечено в польской, в целом, однако, достаточно критической, рецензии на его труд. – См.: Chyliński J. Sołowjewa „Istoria padenija Polski”. Moskwa, 1863. str. 369 // Biblioteka Ossolińskich. T. 9. Lwów, 1866. S. 343–422.

первый раздел Речи Посполитой, появилась в мартовской тетради журнала за 1863 г. На том публикация и оборвалась. И напечатанные, и оставшиеся в рукописи фрагменты «Европы в конце XVIII в.» подверглись незначительной авторской редакции и вошли в «Историю падения Польши».

В процессе превращения цикла статей о политике России на ее юго-западных рубежах – в книгу о крахе Польского государства, кое-что было изъято, кое-что добавлено. В некоторых частях монографии явно видны следы спешки. Еще Н.И. Кареев в свое время обратил внимание на то, что только начало шестой главы книги касается событий в Польше после первого раздела, большая же часть главы – посвящена восточным делам до присоединения Крыма к России⁸⁸⁷. Нетрудно догадаться, что как раз эта глава – первая из тех, что не имеют прямого соответствия в журнальной публикации – все-таки писалась для «Русского вестника», где уклон в сторону турецкой проблематики был вполне естественен, и затем не подверглась заметной редакции.

С другой стороны, столь важные для судеб Речи Посполитой события конца 1780-х – первой половины 1790-х гг. изложены в книге не так подробно, как предшествующие. Бросается в глаза, что о восстании Тадеуша Костюшко рассказано бегло, на первый план больше выходят третьеразрядные мелочи, относящиеся к действиям последнего российского посла в Польше барона И.А. Игельстрома. Заключительные эпизоды и вовсе отрывочны. За сообщением, что «8 января 1795 года Станислав Август простился с главнокомандующим и был так тронут нежным прощанием Суворова, что растерялся и не припомнил всего, что хотел ему сказать», следует финальная фраза: «Станислав Август не возвратился в Варшаву; Польша исчезла с карты Европы»⁸⁸⁸.

Иными словами, третий раздел (как таковой) Речи Посполитой в книге вообще отсутствует. Впрочем, не исключено, что дело здесь было не столько в спешке, сколько в нежелании автора вдаваться в подробности, которые могли бы в какой-то степени представить в неблагоприятном свете внешнюю политику Петербурга.

⁸⁸⁷ Кареев Н. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 230.

⁸⁸⁸ Соловьев С.М. История падения Польши // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. XVI. М., 1995. С. 628.

Книга написана в привычной для Соловьева манере: в основу положены дипломатические источники, и именно дипломатическая деятельность находится в центре внимания историка. Происходящее чаще всего и видится глазами русских дипломатов – так, как это написано в их депешах. Движение сюжета – борьба за опустевший со смертью Августа III польский трон, избрание Станислава Понятовского и пр. – преломляется сквозь призму переписки императрицы либо ее сановников с русскими послами, берлинским и венским дворами. Текст – также по обыкновению для Соловьева – перенасыщен цитатами. На протяжении десятков страниц читателю предлагается нечто вроде коллажа из корреспонденции: Репнин пишет Панину, Панин отвечает Репнину и т.д. Безусловно, нельзя не отдать должного исследователю, как никто другой разбиравшемуся в закулисной дипломатической кухне XVIII века: депеши, многие из которых впервые входили в научный оборот, были скомпонованы и препарированы с присущим С.М. Соловьеву мастерством.

П.В. Стегний – автор монографии «Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795» – так оценит труд своего прямого предшественника: «Что касается фактологической стороны работы С.М. Соловьева, то она, как всегда, предельно добросовестна и объективна»⁸⁸⁹. Похвала, правда, несколько теряет в весе из-за неясности, что автор понимает под объективностью в фактологии. Остается неясным и то, как сочетать высокую оценку соловьевской объективности с готовностью признать приукрашивание ученым политики России – готовностью, которая тут же амортизируется странной оговоркой, что, мол, стремление приукрасить эту политику, «разумеется», вряд ли можно считать «проявлением националистических и великодержавных настроений»⁸⁹⁰.

В.Е. Иллерицкий, подсчитав, что извлечениям из дипломатической переписки в книге Соловьева отведена примерно треть всего листажа, объяснил это стремлением историка усилить таким образом доказательность оценок и выводов своей монографии⁸⁹¹. Возможно. Но складывается впечатление, что автор «Истории падения Польши» попросту не отделял свою позицию от позиции

⁸⁸⁹ Стегний П.В. Разделы Польши... С. 20.

⁸⁹⁰ Там же. С. 19.

⁸⁹¹ Иллерицкий В.Е. Сергей Михайлович Соловьев. М., 1980. С. 157.

екатерининских дипломатов. Дистанция между его собственным мнением и мнениями тех же Репнина либо Игельстрома если и существует, то касается частностей, и оттого развернутые пояснения к цитатам ему, судя по всему, казались излишними.

Констатировав, что авторский комментарий в книге минимален и что историк лишь изредка считал необходимым вмешиваться в повествование, А.Б. Каменский в то же время отметил изредка проскальзывающее у С.М. Соловьева неодобрение действий Петербурга. Так, тот прямо назвал ошибкой отзыв в июне 1769 г. князя Н.В. Репнина из Варшавы⁸⁹². Дальше Каменским выстраивается логическая цепочка: поскольку Репнин был сторонником более мягкой линии в отношении Польши, «то можно предположить, что Соловьев считал ошибкой не только замену Репнина в Варшаве, но и изменение самого курса польской политики Петербурга»⁸⁹³. Но насколько в данном случае пригодна формальная логика?

Знаменательная фраза: «Редкий государь восходит на престол с такими миролюбивыми намерениями, с какими взойшла на русский престол Екатерина II», – уже фигурировала в журнальной статье 1862 г.⁸⁹⁴ Но там она как-то терялась в контексте. В книжном же варианте она открывает первую главу⁸⁹⁵, придавая соответствующую тональность всей монографии, где апология порой теснит исследование. Вместе с тем, эта ключевая фраза четко обозначила тот угол зрения, под которым анализируется проблема: у Соловьева Речь Посполитая – это, можно сказать, тот объект, к которому императрица прилагала свои миролюбивые усилия, а поляки попадают в поле зрения историка постольку, поскольку они – или выступали послушным орудием петербургского двора, или, – не пожелав принять предлагаемые им правила игры, проявляли неблагодарность.

Следуя такой схеме, компоновались фрагменты из дипломатической корреспонденции. И, что любопытно, на следующей же странице после процитиро-

⁸⁹² Соловьев С.М. История падения Польши. С. 463.

⁸⁹³ Каменский А.Б. Комментарии к Шестнадцатой книге «Сочинений» С.М. Соловьева // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. М., 1995. С. 699.

⁸⁹⁴ Соловьев С.М. Европа в XVIII в. // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М., 1998. Кн. XXII (Дополнительная). С. 203.

⁸⁹⁵ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 412.

ванной выше фразы о высочайшем миролюбии императрицы историк как ни в чем ни бывало воспроизводит депешу, отправленную Екатериной первого апреля 1763 г. графу К. Кайзерлингу, своему послу при польском дворе. «Разгласите, – повелевала императрица, проявляя заботу о патронируемой ею тогда партии Чарторыйских, – что если осмелятся схватить /.../ кого-нибудь из друзей России, то я населю Сибирь моими врагами и спущу Запорожских казаков»⁸⁹⁶.

Если С.М. Соловьев не усматривал никакого противоречия между своим тезисом насчет миролюбия и подобными угрозами (и деяниями) Екатерины II, то едва ли стоит предполагать, что, осудив отставку Репнина, историк тем самым осудил и монарший курс на разделы Речи Посполитой. Да и, неизбежно возникает вопрос, чего ради он бы в таком случае стал так лукавить и маскировать свои истинные воззрения, одновременно от своего имени провозглашая, например, следующее: «Во второй половине XVIII века, волею-неволею, России надобно было свести старые счета с Польшею»⁸⁹⁷.

Данная цитата взята из введения, целью которого было поместить рассматриваемый в монографии период 1763–1795 гг. в общие рамки истории русско-польских отношений на фоне общеевропейской политики. Как раз этот краткий, занявший менее десятка страниц раздел, где ученый изложил свое понимание польского вопроса, с точки зрения рассматриваемой темы, пожалуй, наиболее интересен. Он к тому же напрямую перекликается с появившимся в том же 1863 г. тринадцатым томом «Истории России с древнейших времен». Том с программной для ученого первой главой («Россия перед эпохой преобразования»), как известно, занимает особое место в научном наследии С.М. Соловьева.

Не удивительно, что при анализе соловьевской концепции гибели Речи Посполитой именно введению к «Истории падения Польши» обычно отводится центральное место. Так, в частности, сделано в капитальных (русском и польском) обзорах литературы, посвященной разделам Польши, – и Н.И. Кареева⁸⁹⁸, и М.Х. Серейского⁸⁹⁹.

⁸⁹⁶ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 413.

⁸⁹⁷ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 403.

⁸⁹⁸ Кареев Н.И. «Падение Польши»... С. 227–238.

⁸⁹⁹ Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. S. 368–373.

Введение это построено довольно сложно. «В 1620 году, – издалека начинает Соловьев свое рассуждение, – католицизм праздновал великую победу: страна, в которой некогда было высоко поднято знамя восстания против него во имя славянской народности, – страна, которая и теперь вздумала было восстановить свою самостоятельность вследствие религиозного движения, – Богемия была залита кровью; иезуит мог на свободе жечь чешские книги и служить латинскую обедню»⁹⁰⁰. В скобках заметим, что некоторые авторы позволяли себе говорить о торжестве латинства в Чехии применительно гораздо к более ранним временам. Так, например, у А.В. Лонгинова (хорошо знавшего русские, чешские, польские источники и литературу⁹⁰¹) читаем: «Но и Чешское государство распалось около 999 г., по смерти Болеслава II, и вскоре (1002–1004 г.) навсегда (подчеркнуто нами. – Л.А.) подпало в вассальное подчинение немецко-латинской империи»⁹⁰².

Напоминание о чешских делах, о гуситах и Белогорской катастрофе, трактуемых в привычном для отечественной литературы этноконфессиональном духе, очевидно, должно было, с точки зрения С.М. Соловьева, подготовить читателей к принятию предлагаемой сразу же после этого альтернативы: «Теперь оставались только два самостоятельных славянских государства в Европе – Россия и Польша; но и между ними история уже поставила роковой вопрос, при решении которого одно из них должно было окончить свое политическое бытие»⁹⁰³.

По словам историка, при Алексее Михайловиче была надежда на то, что «Малороссия и Белороссия, Волынь, Подолия и Литва останутся навсегда за ним»⁹⁰⁴. Этого не произошло из-за шатости, изменчивости казаков, и после Андрусовского перемирия истощенное, по выражению историка, войной Московское государство почти на сто лет приостановило собирание православных земель, остававшихся под властью поляков⁹⁰⁵.

⁹⁰⁰ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 406

⁹⁰¹ Лонгинов А.В. Червенские города. Исторический очерк в связи с этнографией и топографией Червонной Руси. Варшава, 1885. С. 27–28, 59, 73, 57, 94.

⁹⁰² Лонгинов А.В. Червенские города. С. 38.

⁹⁰³ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 406.

⁹⁰⁴ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 406.

⁹⁰⁵ Там же. С. 407.

Очертив контур русско-польских контактов при первых царях из дома Романовых, Соловьев обратился к совсем далекому прошлому, к многовековым геополитическим сдвигам на просторах Восточной Европы. «С основания Русского государства, в продолжение восьми веков мы видим в нашей истории движение на восток или северо-восток. В XII–XIII вв. историческая жизнь видимо отливает с Юго-Запада на Северо-Восток, с берегов Днепра к берегам Волги; Западная Россия теряет свое самостоятельное существование»⁹⁰⁶. Московское государство затем дойдет до океана, но на западе к прежним территориальным утратам прибавляются в первой четверти XVII в. новые потери в пользу поляков и шведов.

За подробностями отослав читателя к первой главе тринадцатого тома своей «Истории России», Соловьев отмечает вредные последствия удаления русского народа на Северо-Восток – «застой, слабость общественного развития, банкротство экономическое и нравственное». Но положительные результаты, на его взгляд, решительно перевешивали: уход на далекий Северо-Восток был хорош уже тем, что благодаря нему Русское государство могло окрепнуть вдали от западных влияний. «Мы видим, – настаивал автор, – что те славянские народы, которые преждевременно, не окрепнув, вошли в столкновение с Западом, сильным своею цивилизациею, своим римским наследством, поникли перед ним, утратили свою самостоятельность, а некоторые даже и народность»⁹⁰⁷. Следует ли это понимать так, что западник-Соловьев отчасти признавал, что противостояние Восток – Запад заложено изначально (и неизбежно), практически как извечный польский вопрос?

Западничество С.М. Соловьева, как видно, черпало идеи и из арсенала славянофилов (сходство с тезисами А.Ф. Гильфердинга из его «польских» статей – тому подтверждением). Но все-таки он был уверен, что откат на восток был временным, и что для продолжения своей исторической жизни Русскому государству необходимо было сблизиться с Западом, приобрести его цивилизацию. Итак, в конце XVII века Россия поворачивает в эту сторону. Самостоятельности

⁹⁰⁶ Там же.

⁹⁰⁷ Там же.

того могущественного государства, каким была она теперь, такой поворот уже не мог повредить. Одним из следствий поворота, т.е. петровских преобразований, стало расширение государства в западном направлении – «наступательное, завоевательное движение». Из тех трех вопросов, которые с начала XVIII века господствовали в отношениях России и Западной Европы, один – шведский – был успешно решен, и при Петре страна получила доступ к Балтике. Остальные – турецкий (иначе говоря, восточный) и польский – достались в наследство второй половине столетия⁹⁰⁸.

Главные из факторов, которые позволили России свести старые счеты с Польшей и «привели дело к концу», были историком пронумерованы и рассмотрены один за другим⁹⁰⁹.

На первое место он поставил «русское национальное движение, совершавшееся, как прежде, под религиозным знаменем». Связь между диссидентским вопросом и падением Польши казалась ему настолько ясной, что в проблемном по своему характеру введении не было нужды о ней долго распространяться. В основных же главах о диссидентах, ущемлении их прав в Речи Посполитой и об акциях Петербурга в защиту единоверцев – опять же с опорой на дипломатическую корреспонденцию, повествуется подробно.

Подчеркивая – и одобряя – национальный характер политики Екатерины в польском вопросе, ученый в этом смысле не усматривал различия между первым и последующими разделами Речи Посполитой. Считая такой подход не совсем верным, и полагая, что национальная мотивация участия России в разделах появится только в 1790-х гг., П.В. Стегний констатировал общепризнанность этого, так сказать, унифицированного подхода «в работах отечественных историков как дооктябрьского, так и советского периодов»⁹¹⁰. С некоторыми оговорками (например, о том, что в советских работах долгое время превалировала отнюдь не позитивная оценка политики царизма в отношении Польши), констатацию можно было бы принять.

⁹⁰⁸ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 408–409.

⁹⁰⁹ Там же. С. 409.

⁹¹⁰ Стегний П.В. Разделы Польши. С. 20.

Но современный исследователь почему-то убежден, что тезис о национальном характере екатерининской внешней политики стал у нас общепризнанным как раз «в силу высокого авторитета Соловьева – историка»⁹¹¹. Не вернее ли будет сказать иначе, – что автор «Истории падения Польши» разделял более или менее общепризнанное в его времена официальное мнение, и что позднее, уже в советский период, все более ощутимый с конца 1930-х гг. имперский привкус в политике Советского Союза вновь сделал актуальной ту трактовку вопроса, какой придерживался Соловьев⁹¹².

Вторым пунктом в перечне причин гибели Речи Посполитой у С.М. Соловьева значились «завоевательные стремления Пруссии». Историографическая традиция, к которой принадлежал историк, всегда – до наших дней включительно – акцентирует внимание на пруссаках, вообще на немцах, поскольку на козни Берлина и Вены можно списать многие, если не все, негативные моменты в политической драме конца XVIII века. Правда, чрезмерное подчеркивание инициативы Пруссии в разделах тоже несет в себе некоторую опасность: оно способно создать неприятное для поклонников екатерининской политики впечатление, что Петербург был несамостоятелен в своих действиях и послушно шел в фарватере Берлина. Правда, Соловьеву, во всяком случае, антипруссские выпады нисколько не мешали воспевать заслуги императрицы, которую, как он считал, только стечение обстоятельств вынудило пойти навстречу стремлениям прусского короля.

К немецкой историографии у Соловьева, можно сказать, имелись серьезные претензии. В писавшемся, как уже говорилось, почти одновременно с «Историей падением Польши» тринадцатом томе «Истории России» С.М. Соловьев недобрым словом помянул «непомерное восхваление своей национальности, какое позволяют себе немецкие писатели», будучи убежден – едва ли основательно, – что такое самолюбование «не может увлечь русских последовать их при-

⁹¹¹ Там же.

⁹¹² См., напр.: Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия. М., 1945. Эта брошюра – есть не что иное, как первая глава единственной из незавершенных монографий Е.В. Тарле, («Внешняя политика России при Екатерине II»), в которой историк, по словам Б.С. Кагановича, сочтя неудовлетворительным все то, что писали о Екатерине II С.М. Соловьев или В.О. Ключевский, решил воздать должное «дипломатическим талантам и успехам императрицы». – Цит. по: Каганович Б.С. Е.В. Тарле и Петербургская школа историков. СПб., 1995. С. 86.

меру»⁹¹³. Тем не менее, и в статье 1862 года, и в монографии он, переходя ко второй причине краха Речи Посполитой, предпочел «за объяснениями обратиться к немецким историкам»⁹¹⁴, – вернее, к одному из них, Генриху Зибелю. Длинный, на пару страниц, фрагмент из его «Истории революционной эпохи», вышедшей незадолго до того, в 1859 г. (а в 1863 г. изданной в Петербурге в русском переводе), авторитетно свидетельствовал, что Прусское королевство было заклятым врагом Речи Посполитой и прилагало все силы, чтобы завладеть, прежде всего, польскими землями, отделявшими герцогство от Бранденбурга.

Вместе с тем Соловьева, по-видимому, привлекла та, весьма нелестная для поляков, историческая параллель, какую провел Зибель: «Шляхетская республика в XVI столетии взяла на себя относительно Восточной Европы ту же самую роль, какую относительно Запада взял на себя Филипп Испанский, то есть: стремление к всемирному владычеству во имя католицизма»⁹¹⁵. Автору «Истории падения Польши», по-видимому, импонировала мораль, какую его немецкий коллега вывел из сравнения завоевательных попыток Филиппа II и польских политиков: «...следствия были одни и те же, как на востоке, так и на западе: повсюду кончилось неудачей»⁹¹⁶.

Третьей причиной падения Польши были названы «преобразовательные движения XVIII века». В принципе историк их вовсе не осуждал. Напротив, о преобразованиях Петра Великого сказано, что вследствие них Восточная Европа приняла новый вид и соединилась с Западной. Вполне одобрительно был оценен историком отклик трех монархов – Екатерины II в России, Фридриха II в Пруссии, Иосифа II в Австрии – на новые движения в литературе и обществе. Порадания заслужило разве что французское правительство, но и то лишь потому, что оно «не сумело удержать в своих руках направление преобразовательного движения – и следствием был страшный переворот, взволновавший всю Европу»⁹¹⁷.

⁹¹³ Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. М., 1991. Кн. VII. С. 9.

⁹¹⁴ Соловьев С.М. Европа в XVIII в. // Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. XXII (Дополнительная). Работы разных лет. М., 1998. С. 201; Соловьев С.М. История падения Польши. С. 409.

⁹¹⁵ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 409.

⁹¹⁶ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 410.

⁹¹⁷ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 411.

В одной из своих записок на имя великого князя Александра Александровича С.М. Соловьев подчеркивал, что «реформаторство уместно лишь в том случае, если оно направлено на качественное улучшение государственного механизма»⁹¹⁸. Последовательный государственный деятель, он не приветствовал «злоупотребление “переменой форм”», которое, на его взгляд, «приучает народ к неуважению к общественным институтам и ведет к потере политической стабильности». Примечательно, что «примером подобных “мелочных реформ” С.М. Соловьев выставлял деятельность Станислава Понятовского и Иосифа II Австрийского»⁹¹⁹. Тем самым Соловьев входит в противоречие со своей собственной позицией, выраженной в монографии 1863 г., где преобразовательная деятельность Иосифа II всецело одобряется. Поэтому сравнение здесь австрийского императора с польским королем вызывает, по крайней мере, недоумение.

Что касается Польши, то ее, на взгляд Соловьева, преобразования не могли не затронуть – «тем более что в ней преобразования были нужнее, чем где-либо»⁹²⁰. В связи с этим упомянуты безобразно одностороннее развитие одного сословия, внутреннее беззаконие, вследствие чего независимость Польши была лишь номинальной⁹²¹. Естественно, что «некоторым полякам» преобразование государственных форм казалось единственным средством спасения их отечества. Станислав Понятовский, как полагал историк, именно с этой мыслью вступил на престол, собираясь подражать монархам России, Пруссии, Австрии. Но такая задача, считал Соловьев, «пришлась не по силам его как короля и не по силам его как человека»⁹²².

Обращает на себя внимание, что в этом кратком сравнительном обзоре преобразовательных движений XVIII в. акцент явно сдвинут на личные качества правителей. При этом на одну доску поставлены реформы Иосифа II и Екатерины II (в другом же месте, т.е. предполагая иной знак оценки, как было отмечено, Иосифа II и Станислава Августа). Язычительные строки А.К. Толстого

⁹¹⁸ Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 87.

⁹¹⁹ Шаханов А.Н. Русская историческая наука... С. 87.

⁹²⁰ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 411.

⁹²¹ Там же. С. 411.

⁹²² Соловьев С.М. История падения Польши. С. 411.

по адресу императрицы («...и тотчас прикрепила украинцев к земле»⁹²³) будут написаны только лет пять спустя, однако направление екатерининской внутренней политики и без того было достаточно известно, равно как и то, насколько различались между собой российский и австрийский варианты просвещенного абсолютизма.

Но любопытным образом историк, который на протяжении всей книги политику Екатерины в польском вопросе решительно противопоставлял политике ее венского и берлинского партнеров, теперь поступил иначе – не стал разграничивать реформаторскую деятельность трех монархов. Объяснение напрашивается только одно: если в первом случае противопоставление способствовало прославлению императрицы, то во втором оно могло бы бросить на нее нежелательную тень.

«Попытка преобразования, – уверенно писал историк, – только ускорила падение Польши». В пояснение была приведена эффектная, хоть и не слишком доказательная сентенция: «что бывает спасительно для крепких организмов, то губит слабые»⁹²⁴. Но если действительно так, то, значит, преобразовательное движение в Польше лишь приблизило и без того неизбежный финал и напрасно оно названо «третьей причиной» гибели республики?

Однако упрекать автора в непоследовательности было бы преждевременно. Все-таки диагностика (даже ретроспективная) применительно к государственным организмам – вещь тонкая и весьма условная. Хороший пример тому находим у самого С.М. Соловьева, который в одной из своих статей 1867 г. упомянул о «смертельно больной Польше»⁹²⁵. Но дело в том, что, во-первых, речь в ней шла о первой четверти XVIII в. и, выходит, с таким диагнозом государство может жить еще довольно долго. А, во-вторых, на равных правах с Польшей историком там была названа и «смертельно больная Турция», которая, как было хорошо известно автору и его читателям, худо-бедно, но продолжала существовать и в их эпоху.

⁹²³ Толстой А.К. История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева // Толстой А.К. Избранные сочинения. В 2 т. М., 1998. Т. 1. С. 202.

⁹²⁴ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 411.

⁹²⁵ Соловьев С.М. Восточный вопрос // Соловьев С.М. Соч. Кн. XVI. С. 633.

Не включая в перечень причин упадка то «внутреннее безнарядье», из-за которого независимость страны стала номинальной, Соловьев, тем не менее, отметил значимость этого фактора. Какой вес придавался ему историком, можно судить по вышедшей полтора десятилетия спустя монографии «Император Александр I. Политика. Дипломатия» (1877 г.). Там сказано безоговорочно и однозначно: «Польша погибла вследствие своих республиканских форм»⁹²⁶. Остается только строить догадки, отчего в книге 1863 г. «безнарядье» и «смертельная болезнь» не вышли на первый план вместо, допустим, «преобразовательной деятельности». Поскольку кончину смертельно больного государственного организма трудно было бы ставить в вину участникам разделов (недаром аргументация такого рода остается в ходу до нашего времени включительно), тогда попросту был бы снят целый ряд щекотливых для российского историка-государственника вопросов. Но автор выбрал другой ракурс, вероятно, подсказанный ему одной из главных тем исследования 1863 г. – темой противодействия императрицы любым шагам польских реформаторов.

Рассуждение по поводу губительных для поляков результатах преобразовательной деятельности в неприкосновенном виде перешло из статьи 1862 года. Правда, в книге С.М. Соловьев счел нужным его дополнить: «Чтобы понять преобразовательные попытки в Польше во второй половине XVIII века, мы должны обратиться к устройству республики, в каком застал ее Станислав Август»⁹²⁷.

Речь Посполитая, на взгляд историка, представляла собой «обширное военное государство». Погоду в нем делало «вооруженное сословие, шляхта. Она, имея у себя исключительно все права, кормилась на счет земледельческого населения»⁹²⁸. Город не поднимался, мещанство не могло уравновесить силу шляхты, «потому что промышленность и торговля были в руках иностранцев, немцев, жидов». Из всего этого Соловьевым сделан вывод: «Войско, следовательно, было единственною силою, могущею развиваться беспрепятственно и

⁹²⁶ Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия // Соловьев С.М. Соч. М., 1996. Кн. XVII. С. 213.

⁹²⁷ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 411.

⁹²⁸ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 411–412.

определить в свою пользу отношения к верховной власти»⁹²⁹. Историк подчеркивал, что королевская власть, в самом своем начале ограничиваемая, неуклонно никла «перед вельможеством и шляхтою». В сейме действовал принцип *liberum veto*, шляхетские конфедерации придавали вид законности восстаниям против правительства, короля избирала только одна шляхта (напрашивается вопрос, какие иные варианты, уж если речь идет о выборе, существовали, и могли существовать, в условиях XVI–XVII вв.?), высшие сановники были независимыми и несменяемыми. Иначе говоря, в Речи Посполитой отсутствовали какие-либо (государственного либо общественного плана) сдерживающие факторы, и «сознание своей силы, исключительной полноправности и независимости условливали в польской шляхте крайнее развитие личности, стремление к необузданной свободе, неумение сторониться с своим я перед требованиями общего блага»⁹³⁰, завершал свою краткую характеристику внутреннего состояния Польши Соловьев.

Добавленная в 1863 году к журнальному тексту страничка во введении сжато и, вместе с тем, наглядно показывает, как ученый сводил воедино, осмыслял, ранжировал почерпнутую из литературы и источников информацию о строе Речи Посполитой, о тех социальных язвах, которые свели ее в могилу или, по крайней мере, немало тому способствовали. В этом своего рода реестре прегрешений шляхетской республики перед историей кое-что было заведомо схематизировано, подано односторонне, – даже по меркам середины XIX века.

Общим местом в историографии того времени было утверждение о перманентной слабости польского города и ее объяснение засильем иноземцев. Интерпретировалось это явление по-разному. Зачастую вопрос поворачивали в этнокультурное русло, рассуждая о свойствах славянской души и о немецком культуртрегерстве. В трактовке школы Иоахима Лелевеля – и следовавшей за ней европейской демократической публицистике, – тезис о губительном влиянии немцев на развитие польского города работал, так сказать, в пользу Польши, рисуя ее жертвой тевтонского натиска (благодаря Энгельсу, формула «нем-

⁹²⁹ Там же. С. 411–412.

⁹³⁰ Там же. С. 412.

цы помешали созданию в Польше польских городов»⁹³¹ надолго станет аксиомой для советских полонистов).

Однако С.М. Соловьева эти аспекты интересовали меньше всего. Он просто, как говорится, подверстал констатацию слабости мещанства к прочим упрекам, адресованным шляхте. Причем, здесь (как и во всем добавлении 1863 года) Россия вообще не упоминалась. Между тем, стержневой сюжет книги – участь Речи Посполитой, в конечном счете, решаемая в российской столице – подсказывал, казалось бы, необходимость постоянного сравнения польских социальных параметров с российскими. Историк, однако, пренебрег этим без какого-либо объяснения причин.

По-видимому, такое сравнение, в любом случае, не укрепило бы его концепцию: не так уж сильно две страны различались по своим темпам урбанизации и по политическому весу мещанства. Примечательно, что в своем антишляхетском увлечении, историк в укор польским порядкам поставил даже то, что шляхта «кормилась за счет земледельческого народонаселения», – как будто в России (и не только в ней) дело обстояло по-другому.

Нетрудно заметить, что взгляды на польскую историю, развиваемые С.М. Соловьевым, своими корнями восходили к стереотипам, которые получили распространение еще в дореформенную пору⁹³². Но заслуга историка, безусловно, состоит в том, что он – отчасти углубил, отчасти верифицировал – прежние представления, и, больше того, свел их в систему, послужившую ему опорой при создании очерка дипломатической истории последних трех десятилетий существования Польского государства. Важно то (по крайней мере, для российской полонистики), что в итоге получился очерк, в котором по-своему логично гибель Речи Посполитой была представлена как нечто закономерное и предсказуемое.

Какой характер носила разработанная С.М. Соловьевым модель социально-политического устройства Речи Посполитой, и насколько эта модель учитывала происходившие в Республике структурные перемены, или, иначе говоря, на-

⁹³¹ Маркс К. и Ф. Энгельс. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте // Маркс К. и Ф. Энгельс. Сочинения. М., 1956. Т. 5. С. 338.

⁹³² Об этом подробнее: Главы 1, 2.

сколько модель была динамичной? «В «Истории падения Польши» Соловьев правильно наметил основную линию ее внутреннего развития, процесс разложения шляхетской Польши, определившийся в итоге банкротства ее внутренней и внешней политики XVI–XVII вв.», – авторитетно утверждал Н.Л. Рубинштейн⁹³³. При всем уважении к его фундаментальной «Русской историографии»⁹³⁴, напрасно в послевоенные годы обруганной за мнимые идеологические грехи, с подобной оценкой согласиться трудно. Разумеется, не стоит придавать большого значения лексике, пришедшей в книгу 1941 года издания из тогдашней официальной прессы. Но трудно безоговорочно согласиться с тем, что у С.М. Соловьева присутствовала основная линия – да, к тому же, линия правильно намеченная – внутреннего развития Речи Посполитой.

Кто спорит, в «Истории падения Польши» показан ход и результат многих закулисных и публичных акций, то есть событийная, так сказать, динамика налицо. При большом желании на счет развития можно записать констатации вроде той, что «войско», т.е. шляхта, беспрепятственно развивалось, а верховная власть «все никла более и более перед вельможеством и шляхтою»⁹³⁵. Но и только. С.М. Соловьев не ставил перед собой задачу подробно разбираться в метаморфозах, какие на протяжении веков переживало польское общество. По ходу дела он показывал роль, какую играли магнатские партии, их взаимные интриги и их связи – зачастую небескорыстные – с иностранными дворами.

Иногда, как в только что приведенной цитате, им отделялось «вельможество» от «шляхты». Хотя, стоит заметить, и на этот раз действие обоих компонентов подано лишь суммарно: принципиальное различие между XVI и XVII веками, когда в первом случае на политическую авансцену выходила, ущемляя королевскую власть, средняя шляхта, а во втором – когда уже торжествует магнатство (знаменуя произошедшие внутри Речи Посполитой перемены), оставлено незамеченным. Очень часто историк вовсе не проводил разграничения, и под «шляхтой» им разумелось все дворянство, начиная с захудалых загородных

⁹³³ Рубинштейн Н.Л. Русская историография. М., 1941. С. 340

⁹³⁴ См. также переиздание: Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008.

⁹³⁵ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 412.

шляхтичей и заканчивая Радзивиллами, Потоцкими и их ясновельможными со-
братьями.

Конечно, старая Польша, в отличие от Венгрии или Чехии, не знала члене-
ния нобилитета на сословия. В обиходе Речи Посполитой до конца ее дней оста-
валась горделивая (хоть и пустая) поговорка: «Шляхтич на загроде равен воево-
де». Магнаты и простые шляхтичи составляли, как известно, одно сословие. Так
что формальные основания для объединения этих двух понятий имелись.

Но формально-юридического довода все-таки недостаточно для того, что-
бы побудить знающего и опытного исследователя пройти мимо внутренней
трансформации той самой «золотой шляхетской вольности», которую он считал
виновницей многих бед Польского государства. Как объяснить, что С.М. Со-
ловьев, в свое время писавший, например, о бессилии Стефана Батория перед
лицом магнатской оппозиции, в своей книге 1863 г. по существу абстрагировал-
ся от свершившегося в XVII веке перерождения шляхетской республики в маг-
натскую олигархию, плоды которого столь болезненно дали о себе знать на за-
кате Речи Посполитой?

Здесь, надо думать, в первую очередь действовали политические реалии
XIX века. В польских событиях и 1830, и 1863 гг. официальные российские кру-
ги, а вместе с ними весьма значительная часть русского общества, винили всю
мятежную шляхту (опять же – в широком смысле этого слова). Однако корень
зла виделся именно в мелко- и среднешляхетской массе – сильно переменив-
шейся со времен расцвета Речи Посполитой, зачастую пауперизированной и не-
отличимой по быту от разночинцев, но, так или иначе, до конца не расставшей-
ся со своими былыми, старопольскими идеалами. При таком настрое у доста-
точно консервативно ориентированного русского историка, должно быть, и не
возникло внутреннего стимула углубляться в разбирательство того, каковы
были позиции давней мелкой и средней польской шляхты в период формирова-
ния Речи Посполитой, и как они деформировались на протяжении XVII–XVIII
вв. по мере политического усиления вельмож (преимущественно из среды лати-
фондистов).

Параллельно с этим не мог также не сказаться историографический фактор – своего рода отталкивание от лелевелевской концепции польской истории. Как известно, Иоахим Лелевель – не только выдающийся историк-романтик, но и видный идеолог демократического крыла польского национально-освободительного движения, «отец революции 1830 г.»⁹³⁶ – в своих трудах подчеркивая деструктивную роль магнатства в судьбах страны, идеализировал при этом гражданские доблести именно средней шляхты. Соответственно им строилась периодизация польского исторического процесса. Период «шляхетского гминовладства» историк относил к 1374–1607 гг., – это, по его словам, время «цветущей Польши»; на смену этому периоду приходит «вырождение» шляхетской демократии, датируемое 1697–1795 гг. и характеризующее господством аристократии.

Со временем отношение к польскому историку изменилось. В пореформенной России имя Лелевеля-историка уже принято произносить с почтением. Даже М.П. Погодин, которого никак не заподозрить в демократических пристрастиях, станет с удовольствием вспоминать о своих контактах с великим поляком. Правда, следует отметить, что признание ученых заслуг Иоахима Лелевеля никак не распространялось на погодинскую концепцию польской истории. Нужно ли говорить, что неприятие российскими консервативно настроенными историками этой, – по меркам второй половины XIX века действительно наивной схемы, – диктовалось в первую очередь ее политическим звучанием. Аполлогия шляхетской демократии тем более не импонировала С.М. Соловьеву (как и его коллегам по цеху) в период Январского восстания, когда писалась «История падения Польши»

Эти – внешние по отношению к проблематике XVIII века – моменты в известной мере коррелировали с самим материалом изучаемой Соловьевым екатерининской эпохи. Разграничение таких социальных категорий, как шляхта и магнатство, противопоставление их друг другу по ряду позиций, и, наконец, выявление стадийности исторического процесса по признаку доминирования той

⁹³⁶ Цит. по: Ратч В. Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. Вильна, 1867. Ч. 2. С. 690.

или иной из этих социальных групп, – все это нормальные, так сказать, исследовательские процедуры. Однако здесь историк имеет дело с довольно высокой степенью абстракции. Поэтому приходится учитывать, что между подобного рода абстракцией и исторической конкретикой в отдельных случаях возможны значительные расхождения. Даже если исходить не из (все-таки примитивной) лелевелевской схемы, а из более современных концептуальных построений, взаимозависимость между переходом лидерства от средней шляхты к магнатству, с одной стороны, и состоянием польского общества и государства, с другой, все равно оказывается весьма относительной. Не удивительно, что, к примеру, линия раздела между враждующими лагерями в годы Барской или Тарговицкой конфедераций, Четырехлетнего сейма или восстания Костюшко выглядит в исторических сочинениях крайне извилистой и подвижной. И при синхронном, и при диахронном анализе событий в Речи Посполитой строгое распределение социальных ролей в соответствии с положением человека в обществе, – скорее исключение, чем правило.

Следует также подчеркнуть, что в начале 1860-х годов, т.е. на раннем этапе изучения проблемы (поиска причин гибели Речи Посполитой), было вдвойне трудно, отыскивая в осложненном этноконфессиональными противоречиями политическом хаосе клонящегося к упадку Польского государства сколько-нибудь надежные ориентиры, связывать их с происходившими в обществе социальными изменениями. Поэтому, пожалуй, не приходится особо удивляться тому, что социально-политическая модель Речи Посполитой получалась у С.М. Соловьева статичной. Попросту, помимо субъективных причин, здесь действовали и объективные факторы. В этом смогут убедиться последующие поколения полонистов, бьющиеся над расшифровкой того кода, которому подчинялась социально-политическая динамика Польши Раннего нового времени.

В то же время, надо отметить, что современная польская историография, с опорой на С.М. Соловьева и А.С. Хомякова, подчеркнуто склоняется к толкованию причин гибели Речи Посполитой в плоскости сложных взаимоотношений внутри самого славянского мира, когда Польша – в силу своей слабости, оказалась не в состоянии исполнять историческую миссию. Поэтому «в новых усло-

виях, когда все обязанности сильного славянского государства приняла на себя Россия, для Польши уже не было места. Это стало естественной причиной ликвидации Польши с карты Европы XVIII века»⁹³⁷.

Так или иначе, нельзя не подчеркнуть, что даже односторонность, очевидная пристрастность в отборе материала и его интерпретации, дискуссионность ряда авторских утверждений не исключают того факта, что для российской исторической науки середины XIX века выход монографии С.М. Соловьева, безусловно, стал событием⁹³⁸. За автором монографии было закреплено первенство в обосновании ключевых для отечественной полонистики идей о необходимости «сведения счетов» с Польшей и о превалировании внутривосточных факторов в ряду тех причин, что привели Речь Посполитую к гибели. Больше того, книга С.М. Соловьева и поныне представляет не только историографический интерес (наглядным тому доказательством служат ее переиздания последних лет⁹³⁹).

Спустя десятилетие с лишним после выхода «Истории падения Польши» в соловьевской «Истории России...» очередь дойдет, наконец, до екатерининской эпохи, побудив историка в двадцать восьмом томе своего монументального труда вернуться к Барской конфедерации и первому разделу Речи Посполитой (до последующих разделов дело не дошло – историк успел довести свой труд лишь до середины 1770-х годов)⁹⁴⁰. Как отметит в свое время – вслед за польским историком Тадеушем Корзоном (видным представителем Варшавской исторической школы) – Н.И. Кареев, трактовка польских событий С.М. Соловьевым теперь отчасти изменилась. Самое важное отличие, на взгляд польского и русского авторов, состояло в том, что раньше «Соловьев право России на Белоруссию основывает на национальном и историческом принципах, а в «Истории

⁹³⁷ Włachowska K. Narodziny imperium... S. 191.

⁹³⁸ И не только для второй половины XIX в. Современники С.М. Соловьева и более молодое поколение русских историков признавало, что его «История падения Польши» остается основным исследованием в области изучения данной проблемы. См., напр.: Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 27.

⁹³⁹ См., напр.: Соловьев С.М. История падения Польши. Восточный вопрос. М., 2003; и др.

⁹⁴⁰ Заметим, видный польский историк Владислав Конопчиньский в своей монографии, посвященной первому разделу Польши (и недавно, по прошествии нескольких десятилетий после написания, изданной), многократно ссылался на С.М. Соловьева (но ни разу, например, на Н.И. Костомарова). – Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. Kraków, 2010. S. 52, 66, 97, 120, 127, и др.

России” – на праве завоевания»⁹⁴¹. Такая констатация, признаться, представляется не вполне точной.

Действительно, напомнив, что барские конфедераты воевали против России, а «польское правительство, не смея враждовать явно, враждовало тайно, оскорбляло своим поведением Россию больше, чем конфедераты», Соловьев заключил: «Известно, как война оканчивается для победителя и побежденных; Белоруссия была приобретена по праву войны, по праву победы»⁹⁴². Однако на той же, и предшествующей, страницах было сказано и о собирании русской земли, защите единоверцев, справедливости присоединения Белоруссии. «Нет никаких свидетельств, – подчеркивал автор, – чтоб кто-нибудь из русских современников смотрел неблагоприятно на это дело с политической или нравственной точки зрения»⁹⁴³. Соловьев признавал, что позднее «осуждения этому событию» появятся, но появятся они «под влиянием мнений, высказывавшихся на крайнем Западе, влиянием, которому с таким трудом противится русский человек»⁹⁴⁴.

Злободневное исследование С.М. Соловьева (став, не только с точки зрения современников, «прямым ответом на события современной действительности»⁹⁴⁵) было одобрительно воспринято в русском обществе. В 1864 г. последовали отклики в таких журналах, как «Русский вестник», «Отечественные записки», «Северная почта» и др. Не оставили без внимания появление в России монографии со столь характерным названием и поляки⁹⁴⁶. Но проблема падения Речи Посполитой, естественно, исчерпана не была (вряд ли можно говорить о ее исчерпании и теперь). Она, так или иначе, присутствовала практически во всех российских работах, касавшихся польской тематики⁹⁴⁷.

Среди них заметно выделялась большая монография Н.И. Костомарова «Последние годы Речи Посполитой». На протяжении 1869 года она печаталась

⁹⁴¹ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 232.

⁹⁴² Соловьев С.М. Соч. Кн. XIV. С. 581.

⁹⁴³ Там же. С. 580.

⁹⁴⁴ Там же.

⁹⁴⁵ Шаханов А.Н. Русская историческая наука... С. 82.

⁹⁴⁶ См., напр.: Chyliński S. Sołowjewa „Istoria padenija Polski” wobec dziejowej prawdy // Biblioteka Ossolińskich. T. 9. Lwów, 1866; Szujski J. Sołowjewa „Historia upadku Polski” // Przegląd polski. № I. 1866.

⁹⁴⁷ Как уже было сказано, многократно ссылался на С.М. Соловьева и В. Конопчинский. – Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski. Kraków, 2010

на страницах «Вестника Европы» и вскоре вышла отдельно, в виде двухтомника (СПб., 1870). В этом капитальном, увенчанном премией Академии наук, труде (к которому вплотную примыкает вскоре появившаяся его же большая статья «Костюшко и революция 1794 года» – «Вестник Европы», 1870, № 1–3) рассматривались те же драматические события, что и в труде С.М. Соловьева. Безусловно, в центре внимания обоих исследователей – виднейших представителей отечественной науки того времени – стоял вопрос о факторах, приведших в конце XVIII века Речь Посполитую к гибели. Но их подходы к проблеме, понимание первопричин краха Польского государства во многом были различны.

Николай Иванович Костомаров (1817–1885), некогда один из создателей Кирилло-Мефодиевского братства, с годами станет более умеренным в своих взглядах, но сохранит при этом верность демократическим идеалам. Не удивительно, что его ярко написанные книги на темы русской и украинской истории, где, как, например, в неоднократно переиздаваемом «Богдане Хмельницком», нередко присутствовала польская тема, пользовались (и по-прежнему пользуются) большой популярностью.

В отличие от Соловьева, высокая политика, публичные и закулисные маневры польской, российской и прочих дипломатий интересовали обратившегося к истории Речи Посполитой Костомарова в последнюю очередь. В центре его интересов находились люди той эпохи, даже, пожалуй, точнее – его привлекал менталитет (если выразиться современным нам языком) тех людей. Свои приоритеты он объяснял не раз, в частности, в своих «Лекциях по русской истории»: «Исследование развития народной духовной жизни – вот в чем состоит история народа. Тут основа и объяснение всякого политического события, тут проверка и суд всякого учреждения и закона»⁹⁴⁸.

Соответственно, взявшись за изучение первопричин падения Польши, ученый положил в основу своего исследования, наряду с хорошо ему знакомыми трудами польских авторов, также мемуары и прочие свидетельства современников, которые позволяли судить о мотивах поведения и эмоциях участников

⁹⁴⁸ Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Ч.1. СПб., 1861. С. 10–11; Киреева Р.А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России... С. 289.

польской драмы. Кое-что из привлеченных автором памятников было уже опубликовано, дополнительно к тому – немало информации историку принесли его разыскания в архивах Варшавы и Вильны.

Своему рассказу о временах Станислава Августа исследователь предпослал краткий обзор истории Польши с древнейших времен (в котором, вполне традиционно, было уделено внимание территориальным распрям между Польско-Литовским и Московским государствами⁹⁴⁹), где было охарактеризовано постепенное увеличение политического веса шляхты, достигаемое за счет все большего притеснения крестьян, а также горожан.

Любопытно пояснение, к которому прибег Костомаров, когда касался причин того, почему «Московское государство и Польско-литовская Речь Посполитая беспрестанно дрались между собой». Обе стороны, отмечал автор, «приостанавливали на время борьбу и снова ее возобновляли, а когда совещались, как бы им уладиться и помириться, то ни на чем не могли сойтись», главным образом потому, завершал свою мысль автор, «что, как те, так и другие, хотели захватить себе как можно более русских земель». Сразу затем последовавшее уточнение, что, мол, «Иван III, объявляя себя государем всей Руси, считал справедливым, чтобы все древние русские земли, захваченные прежде Литвою, подчинились бы Москве»⁹⁵⁰, не способно было изменить впечатление.

Костомаров, похоже, подспудно признавал (отдавая себе в этом отчет или нет), что обе стороны имели примерно равные права на так называемые «русские земли», которые в конфликте, так или иначе, олицетворяли собой третью сторону, с интересами которой мало кто считался. Каждая из противостоящих друг другу сторон, Краков (затем Варшава) и Москва (впоследствии Петербург), – что вполне понятно с точки зрения геополитики, попросту стремились включить спорные территории в сферу своего влияния.

Но, помимо, так сказать, территориального аспекта проблемы, какой здесь явственно присутствовал, введению к монографии были присущи также иные черты, демонстрировавшие отличие подхода автора к заявленной проблеме – от

⁹⁴⁹ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. Т. 1. СПб., 1870. С. 14–15.

⁹⁵⁰ Там же. С. 15.

подхода, свойственного ряду его коллег. Основную идею этого введения – как, впрочем, и всей книги Костомарова – точно сформулировал один из рецензентов, С.С. Окрейц: «Главный мотив его сочинения – показать угнетение кметей (земледельцев) шляхтой»⁹⁵¹, но одновременно с этим Костомаров подчеркивал отстранение шляхтой городов от политической жизни. Социально-политические конфликты XVI–XVII веков историка все же не очень интересовали и описаны были соответственно. Что касается польской Реформации, то она рисовалась Костомарову почти в опереточных тонах: «Была мода на вольнодумство – поляки поддались ей, шляхта бросалась в кальвинство, лютеранство, арианство, как будто играя своей свободой; явились иезуиты – и шляхта так же легко, поверхностно, необдуманно, бросилась в их объятия»⁹⁵².

С переходом к эпохе разделов Польши, изложение монографии Костомарова становится куда более основательным. Историк довольно подробно расскажет о работе Великого, или Четырехлетнего, сейма, что дало повод Б.В. Носову сказать, что эта книга «стала первой монографией на русском языке, посвященной Великому сейму Речи Посполитой»⁹⁵³. По ходу повествования Костомаровым – когда кратко, когда более детально – отмечались разнородные факторы, которые ослабляли, разрушали Речь Посполитую.

Общие рассуждения по поводу политического устройства Польши и царивших там нравов историк подкрепил развернутой характеристикой Станислава Понятовского, полагая, что «это, можно сказать, был тип поляка XVIII века, соединявший в себе коренные свойства национального характера со свойствами европейской знатной особы своего времени»⁹⁵⁴. Обширное, на пару страниц, перечисление достоинств и пороков королевской природы Костомаров дополнил развернутым сравнением Станислава Августа с его патронессой. Вернее даже будет назвать это не сравнением, а противопоставлением, ибо, по словам исследователя, «русская императрица составляла по характеру диаметрально противоположность с польским королем, ее подручником»⁹⁵⁵. Историк еще не раз

⁹⁵¹ Окр-ц. Журналистика 1869 года: Наши историки-беллетристы // Дело. № 10. 1869. С. 16.

⁹⁵² Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой... С. 43–44.

⁹⁵³ Носов Б.В. Разделы Речи Посполитой в трудах... С. 107–108.

⁹⁵⁴ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой... С. 76.

⁹⁵⁵ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 78.

будет возвращаться к этому сюжету, не меняя своей общей оценки и лишь добавляя колоритные детали. В итоге получился живой, запоминающийся читателям портрет последнего монарха Речи Посполитой, – пожалуй, самый детальный и самый выразительный в отечественной историографии. А к этой фигуре, надо сказать, российские авторы обращались не раз. Например, в 1871 г. выйдет вторым изданием труд М. Де-Пуле «Станислав Август Понятовский в Гродне и Литве в 1794–1797 гг.» (см. ниже), Ф.М. Уманец выступит со статьей «Понятовский и Репнин» (Древняя и новая Россия. 1875. № 7) и пр. Можно сказать, что для отечественной исторической литературы XIX века российская императрица и ее креатура, последний польский король, стали персонажами хрестоматийными.

Костомарова недаром называют «историком-художником». Художественность явственно присутствует и в монографии 1869 года. У знаменитого историка это понятие подразумевало не просто живость слога, образное мышление. Для него на первом месте стояли не отвлеченные понятия, среди каковых самыми важными принято было считать государственные институты, Государство с большой буквы, а человеческие свойства и поступки, в которых, как был уверен историк, черты национального характера преломляются прежде всего.

Забываясь о художественности (которая неизменно повлекла бы за собой популярность и читабельность книги), увлеченно живописуя людей и события прошлого, он порой пренебрегал нормами исследовательской техники и забывал о так называемой внутренней критике источников. Натолкнувшись в чьих-либо воспоминаниях на любопытный анекдот, он далеко не всегда затруднял себя проверкой его достоверности и репрезентативности – иначе говоря, по осторожному выражению А.Л. Шапиро, «не всегда был достаточно педантичен и корректен в пользовании источниками и их критике»⁹⁵⁶. И в созданном им портрете последнего монарха Речи Посполитой такие свойства творческой манеры историка проявили себя сполна.

Костомаров охотно признавал некоторые достоинства этого правителя: «От природы он получил счастливую память, живое воображение, блестящий, но

⁹⁵⁶ Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. [Б.м.] 1993. С. 462.

никак не глубокий ум» и т.д. «Не видно в нем было того самодурства, которым так часто отличались и даже чванились польские паны, избалованные своим богатством и раболепством перед собою других»⁹⁵⁷, – развивает свою мысль историк, не обращая внимания на то, что упрек насчет самодурства легко мог быть от польских магнатов и монархов переадресован их собратьям в России.

Но список недостатков Станислава Августа оказывается длиннее, чем перечень положительных черт: «поверхностность, лживость и слабодушие, – обычные качества охотников до женского естества, отражались в его поступках», и пр., и пр. Костомаров мог назвать Станислава Августа «двоедушным, хитрым, недоверчивым» и тут же, не заметив некоторого противоречия, добавить: «зато в затруднительных положениях для своего ума и воли он был даже чересчур доверчив». В перечень качеств Понятовского автор включил и довольно туманные характеристики – тот «с трудом мог возвыситься до общей идеи, под которую подходили бы его понятия и поступки; у него всегда на первом плане были частные отношения»⁹⁵⁸ и т.п.

Несмотря на то, что в глазах Костомарова Станислав Август олицетворял собой «тип поляка XVIII века, соединявший в себе коренные свойства национального характера со свойствами европейской знатной особы»⁹⁵⁹, однако столь разнородные слагаемые королевской натуры и их взаимодействие по существу так и не стали в книге предметом исследования.

Как не раз отмечалось в литературе, историк, в стиле романтической школы настойчиво ставя перед наукой задачу «уразумения народного духа» и полемизируя на этой почве с С.М. Соловьевым, в своей исследовательской практике – должно быть, незаметно для самого себя – порой переходил на позиции государственников. Это отчетливо заметно в монографии 1869 г., где, вопреки общим установкам Н.И. Костомарова, могущественное Российское государство времен Екатерины выступало едва ли не как абсолютная ценность.

Именно на этом построена антитеза «Станислав Август – Екатерина II». Императрица всячески восхваляется за то, что «она хотела сделать Россию

⁹⁵⁷ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 76–77.

⁹⁵⁸ Там же. С. 77–78.

⁹⁵⁹ Там же. 78.

сильнейшей державой в свете» и «величие и благосостояние России было ее идеалом». Даже отмечаемые автором ее недостатки котируются иначе, чем у Станислава Августа: «Политика ее была нередко двоедушна и коварна, но это было не то легкое двоедушие, которое почти никогда не покидало польского короля. Екатерина прибегала к нему только тогда, когда оно было необходимо для ее целей...»⁹⁶⁰.

Вообще политика двойных стандартов (если прибегать к современному политическому лексикону), которой не чуждался Костомаров, была не нова для российской (и не только российской) исторической науки и прежде. Если же говорить о российской, то достаточно вспомнить Н.М. Карамзина, у которого действовавшие на страницах его «Истории Государства Российского» польские политики, как правило, воплощали собой различные пороки, тем самым оттеняя добродетели и заслуги создателей Российской державы. К примеру, любимому герою Карамзина – Ивану III, «творцу величия России», был противопоставлен Казимир IV Ягеллончик, охарактеризованный им крайне нелестно: всегда малодушный, предававший своих союзников – как татар, так и новгородцев...

Рассуждая о причинах польской катастрофы, Костомаров, не сомневался в том, что в гибели Речи Посполитой виноваты сами поляки, поэтому напоминал: «внутренние условия, доведшие Польшу до разложения, сложны». Он критически отзывался об историках, которые «пытались поставить на первый план то одно, то другое явление, указывали на избирательное правление, на чрезмерную силу магнатов, на своеволие шляхты, на отсутствие среднего сословия, на религиозную рознь, на упадок и порабощение земледельческого класса». Но все эти «признаки польского политического строя», по мнению Костомарова, – «при своих дурных сторонах, не представляли еще стихий неизбежного падения и разложения государства»⁹⁶¹.

Важно при этом отметить, какие аргументы приводил историк. Костомаров прямо подчеркивал, что многие проблемы Речи Посполитой мало чем отличались от проблем в соседних странах: «Избирательное право существовало в

⁹⁶⁰ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 79.

⁹⁶¹ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 25.

Германии, /.../ и Германия не разложилась, и ее не завоевали другие; /.../ сельский класс не в одной Польше был предан произволу высшего, угнетен и забит; везде в Европе он мало чем был в лучших условиях, а иногда и ничуть не в лучших; в Польше были религиозные волнения и преследования: и в остальной Европе они проявлялись, и западная Европа представляет в этом отношении более картин раздоров, смут и кровопролитий». Напрашивается вопрос: в чем же тогда дело, в чем аномалия Польши? С полным основанием – правда, ограничиваясь аналогией со странами Западной Европы и предпочитая обходиться здесь без упоминаний о России, – историк подчеркивал, что «польское устройство не хуже было устройства других стран», и, больше того, на его взгляд, «выработкой свободных форм стояло выше многих»⁹⁶².

С точки зрения Костомарова, «причины падения Польши не столько в тех дурных сторонах, которые были в нравах нации, сколько в отсутствии хороших /.../ Корень падения Польши – в той деморализации шляхетского сословия, умственной и нравственной, которая лишала силы хорошие учреждения и увеличивала власть дурных». Впрочем, этим наблюдением он не удовлетворился. «Восходя далее к началу», в конечном счете, историк заключил: «Корень падения Польши в тех качествах народа, которые так легко увлекли его к деморализации и вообще делали поляков неспособными к самостоятельной государственной жизни»⁹⁶³.

Нельзя сказать, чтобы подобный вывод многое прояснял. Тем более что дальше, спустя три десятка страниц, автором будет безапелляционно заявлено: «Воспитание всему корень. Каково воспитание народа, такова и его деятельность»⁹⁶⁴. Из этого же тезиса вытекал и другой, более основополагающий вывод: «Спасти Польшу могло только перевоспитание народа, но такое перевоспитание, которое бы изменило с корнем весь народный характер, создало другого поляка: прежний уже никуда не годился». Без этого, был уверен автор, «никакая реформа учреждений, никакие улучшения в правлении, законодательстве,

⁹⁶² Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 25.

⁹⁶³ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 26.

⁹⁶⁴ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 49.

никакие способы к возвышению экономических сил, никакие средства внешней защиты не могли ей помочь»⁹⁶⁵.

Так, буквально походя, Н.И. Костомаров представлял лишенными какого-либо смысла все реформаторские предприятия эпохи польского Просвещения. Ничего не значили ни реформы в хозяйственной сфере, ни опыт выработки нового законодательства (приведший к провозглашению Конституции 3 мая), ни учреждение в 1765 г. в Варшаве по инициативе Станислава Августа Рыцарской школы, одним из выпускников которой был Тадеуш Костюшко? И разве подобные реформаторские шаги не способствовали, в том числе, процессу перевоспитания?

Костомаров выполнил свою задачу: книга стала популярна, но этой популярности она обязана не только богатству собранного в ней материала и колоритности зарисовок быта и нравов эпохи, но и явному преклонению историка перед Екатериной II, – тому, что на страницах монографии Российская империя екатерининских времен и ее политические интересы выступали чуть ли не как абсолютные ценности. Не менее, наверное, существенно и то, что такой подход к прошлому оказывается во многом созвучным и современным настроениям. Не случайно, скажем, тоже по-своему яркая, но не слишком почтительная по отношению к Екатерине II фраза А.И. Герцена – о «двух немцах и одной немке» – монархах, поделивших между собой Польшу, особой популярностью не пользуется.

Но, в конечном счете, и это, пожалуй, более существенно: все персональные характеристики исторических персонажей – Екатерины II и Станислава Августа в том числе – практически всегда (вне зависимости от того, отдавал сам создатель такой характеристики себе отчет в этом или нет) несут на себе печать политических и иных воззрений пишущего. За такими характеристиками неизбежно стоит соответствующее понимание их авторами тех или иных исторических процессов, причин и следствий этих процессов, обнаруживает приоритеты автора в государственно-политической сфере и т.д.

⁹⁶⁵ Там же. С. 75. – Об этом см. также: Якубский В.А. Фундаментальные идеи российской полонистики // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 2. СПб., 2000. С. 10–11.

Так или иначе, но в конце книги Н.И. Костомаров возвращает читателя к своей исходной идее: «Коренных причин падения Польши следует искать в том складе племенного характера, который производит эти явления или сообщает им вид и направление и которого раннее образование теряется во временах мало доступных для исторических исследований»⁹⁶⁶. Выдвигая на первый план чисто романтическую идею «национального характера» (с некоторой поправкой на всемогущество воспитания, заставляющей вспомнить о воззрениях просветителей XVIII века), ученый даже готов был признать определенные достоинства политического устройства Речи Посполитой, использовать которые помешала все та же деморализация шляхты. Надо сказать, что современники по-разному отреагировали на тезис о решающем влиянии национального характера на судьбы Польши.

Например, Д.И. Иловайскому, которому довелось рецензировать книгу Н.И. Костомарова, когда она была выдвинута на Малую Уваровскую премию, идея очень понравилась⁹⁶⁷. Зато С.С. Окрейц, напротив, решительно не согласился с Костомаровым, поскольку тот, мол, не только выдвигал на первый план своеобразие национального характера, но и, вопреки обыкновению большинства русских историков, довольно доброжелательно отзывался об изначальном государственном устройстве Речи Посполитой⁹⁶⁸ («не хуже было устройства других стран, а выработку свободных форм стояло выше многих»⁹⁶⁹).

Н.И. Костомаров, не без оснований скептически отозвавшись о попытках своих предшественников выяснить те причины, которыми был обусловлен крах Речи Посполитой, противопоставил им свою, еще более спорную, концепцию. Но российская публика охотно читала книгу, очевидно, не слишком обращая внимание на шаткость концептуальных построений. Ее привлекало не только живое, колоритное изображение польского быта, но и полное оправдание действий екатерининской России. В этом отношении между Соловьевым и Костома-

⁹⁶⁶ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. Т. 2. С. 657.

⁹⁶⁷ Иловайский Д.И. Рец. на: Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой // Киевская старина. 1874. № 5. С. 106–107.

⁹⁶⁸ Окр-ц. Журналистика 1869 г. // Дело. № 10. 1869. С. 28–30.

⁹⁶⁹ Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. С. 25.

ровым, при всем несходстве общественных позиций и творческих манер этих двух крупнейших историков той поры, существенного различия не было.

В период заметно возросшего в русском обществе интереса к польской истории был создан, среди прочего, пятитомный труд А.Н. Петрова «Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769–74 гг.», составленный, как было прописано на титульном листе, «преимущественно из неизвестных по сие время рукописных материалов». Материалы автором привлечены, действительно, самые обширные и разнообразные: печатные и рукописные, отечественные и иностранные (преимущественно, правда, французские).

Первые два тома (где изложены события с 1769 по 1770 гг., каждый том был посвящен одному году) вышли в 1866 г., три остальных – в 1874 г. (соответственно, с 1771 по 1774 г.). Как пояснял автор в предисловии к третьему тому, он завершил свой труд только спустя семь лет (после выхода первых томов), поскольку ему понадобилось время на сбор и последующую обработку материалов. Зато теперь, похоже, Петров был вполне удовлетворен: «Только разработав массу рукописных материалов, впервые тронутых мною при настоящем исследовании, я мог, насколько мне позволили средства, пополнить, встречавшиеся до сих пор пробелы в истории, при описании, доблестной для русского солдата, славной для Румянцева и возвеличившей Россию войны, в царствование Екатерины Великой»⁹⁷⁰.

Впрочем, создается впечатление, что как раз обилие привлеченного в работе материала не позволило автору должным образом его проработать. Стремление поделиться с читателями своими находками, либо попросту желание привести наиболее понравившуюся цитату (которая порой занимала не одну страницу) заслонило, – если не сказать, свело на нет – аналитическую составляющую пятитомного труда (снабженного к тому же приложениями). В первых двух томах, где речь идет о Станиславе Августе и требованиях Екатерины II, которая, что особо подчеркнуто автором, «по силе Оливского и Московского трактатов, не могла не принять участия в деле польских диссидентов и реши-

⁹⁷⁰ Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами в 1769 – 74 гг. Т. 3. СПб., 1874. С. III.

лась положить конец нетерпимости»⁹⁷¹, еще присутствует хоть какое-то авторское изложение, пусть и в русле привычных уже штампов и формулировок.

Использование – в своих целях – «ловкой политикой Екатерины II» избирательного образа правления Польши, который «был всегда причиною внутренних раздоров ее», с точки зрения автора, заслуживало исключительно одобрения. Он напоминал читателям, чем было продиктовано предпочтение Екатерины видеть на польском престоле Станислава Понятовского – «природного поляка, за которого действовала в Польше сильная партия». Расчет был прост, и автор не находил ничего предосудительного в предварительных расчетах Петербурга: «Слабый характер Станислава Понятовского, влияние, которое всегда имела на него Екатерина, давали ей право надеяться, что Понятовский, обязанный русскому двору своим избранием, всегда будет подчинен ее политике»⁹⁷². Противопоставляя двух монархов (польского короля и российскую императрицу), Петров, тем самым, прокладывает тот путь, по которому вскоре пройдут многие наши авторы, и, в том числе, Костомаров, оставивший наиболее яркие портреты Станислава Августа и Екатерины.

Подобно Костомарову, особенности исторических судеб любого народа из его национального характера выводил Д.И. Иловайский (1832–1920), воспитанник историко-филологического факультета Московского университета, со временем приобретший громкую, но несколько одиозную известность. Впрочем, репутацией ретрограда он был обязан своим примитивно верноподданническим учебникам по русской и всеобщей истории, которые набили оскомину поколениям российских гимназистов. Что же касается монографий Иловайского, то ряд их «сохраняет свое значение тщательностью обработки документального и фактического материала»⁹⁷³. Оценка эта вполне приложима к его докторской диссертации «Гродненский сейм 1793 г.: Последний сейм Речи Посполитой» (М., 1870, первоначально – «Русский вестник», 1870, № 1, 3, 4, 6; перевод на польский язык – Познань, 1872).

⁹⁷¹ Петров А.Н. Война России с Турцией... СПб., 1866. Т. 1. С. 13.

⁹⁷² Петров А.Н. Война России с Турцией... Т. 1. 1866. С. 1–2.

⁹⁷³ Рубинштейн Н.А. Русская историография. М., 1941. С. 414.

Солидная монография (около 300 страниц убористой печати) была посвящена «исследованию нескольких месяцев из истории Речи Посполитой в эпоху разделов»⁹⁷⁴. С не меньшим основанием можно было бы сказать, что это – книга о деятельности российского посла Я.Е. Сиверса: она открывается назначением в ноябре 1792 г. Сиверса полномочным и чрезвычайным посланником при Польской Республике и доходит до вынужденной его отставки в декабре 1793 г., когда этой Республики практически уже не существует.

Все события 1793 г. – и закат Тарговицкой конфедерации, и второй раздел Польши, и пр. – увидены исследователем именно глазами посла. Для него Сиверс – «главное действующее лицо гродненской драмы»⁹⁷⁵, и собранный в книге материал во многом подтверждает этот тезис, рисуя действия екатерининского вельможи, самовластно распоряжавшегося в Варшаве и Гродно.

Весьма основательная монография была построена на документах из Московского архива министерства иностранных дел – депешах Сиверса из Польши и препровождаемых ему из Петербурга рескриптах и инструкциях. К богатому архивному собранию историк присоединил разысканные им в петербургских хранилищах и у варшавских коллекционеров рукописные дневники последнего польского сейма, а также комплект за 1793 г. варшавской газеты «Korespondent krajowy...», мемуары Китовича, Козьмяна и др. «Широкую источниковую базу монографии Иловайского» по праву отмечает и М. Серейский⁹⁷⁶.

Продолжая традицию С.М. Соловьева (и, пожалуй, еще в большей степени Н.Г. Устрялова), автор стремился детально воссоздать ход дипломатических комбинаций (по его собственным словам, «монография /.../ главной своей задачей полагает разработку подробностей»⁹⁷⁷). Ради этого он насыщал свой текст многочисленными – порой даже огромными – цитатами, интервалы между которыми чаще всего заполнялись пересказом дипломатических документов.

Встречая в источниках противоречивую информацию, Иловайский сопоставлял и взвешивал различные версии, примером тому может служить критиче-

⁹⁷⁴ Иловайский Д.. Гродненский сейм 1793 г.: Последний сейм Речи Посполитой. М., 1870. С. XII.

⁹⁷⁵ Иловайский Д.. Гродненский сейм... С.253.

⁹⁷⁶ Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. S. 377.

⁹⁷⁷ Иловайский Д.. Гродненский сейм... С. III.

ский разбор суждений о том, когда именно Сиверс мог получить екатерининский рескрипт от 7 сентября 1793 г.⁹⁷⁸ По отношению к некоторым из используемых им памятников он бывал очень строг. Еще в обзоре источников историк предупреждал читателей, что привлекаемые им мемуары поляков «принадлежат к тем источникам, которыми надо пользоваться весьма осторожно»⁹⁷⁹. И неудивительно, что в дальнейшем, по ходу дела ссылаясь на воспоминания полковника Гонсяновского, он скажет, что «эти записки представляют образец польских мемуаров, наполненных неверностями и противоречиями»⁹⁸⁰. Но, похоже, подобные замечания были не столько итогом придирчивого анализа памятников, сколько производным от изначальной установки ученого.

Когда в монографии речь заходит о материалах, излагающих российскую версию событий, гиперкритицизм (преобладающий при разборе автором польских материалов) уступает место полному доверию. Письма Сиверса дочерям признаются автором ценным дополнением к официальной корреспонденции, так как там посол «откровенно высказывает свои впечатления, планы и суждения об окружающих его лицах», т.е. на этот раз одобрено то качество, которое в ином, касавшемся поляка случае (мемуаров Михала Огиньского), квалифицировалось как «недостаток добросовестности»⁹⁸¹.

«Покончив с историей Гродненского сейма, представим в нескольких словах те выводы, к которым привело нас изучение данной эпохи»⁹⁸², – декларирует Иловайский в конце книги. Изложенные в пяти пунктах, все они посвящены возвеличиванию Екатерины и ее политики. Первый из пунктов, вполне дающий представление о толковании ученым сути проблемы, таков: «Второй раздел Польши был прямым следствием обстоятельств и условий, сложившихся помимо воли русской императрицы. Как ни желала Екатерина обезопасить Речь Посполитую от дальнейших захватов со стороны ее немецких соседей и подчинить ее исключительно русскому влиянию, она принуждена была уступить настояниям Пруссии. Главным образом она уступила потому, что поляки не хотели или

⁹⁷⁸ Иловайский Д. Гродненский сейм... С. 200–201.

⁹⁷⁹ Там же. С. VI

⁹⁸⁰ Иловайский Д.И. Гродненский сейм... С. 235.

⁹⁸¹ Иловайский Д.И. Гродненский сейм... С. IV–VI.

⁹⁸² Там же. С. 263.

не могли понять своей полной несостоятельности посреди соседних держав, и вместо того, чтобы примкнуть к России для спасения своей цельности, при всяком удобном случае становились к ней во враждебные отношения»⁹⁸³.

При этом историк, по-видимому, не заметил, что в его последней фразе оказалось заложено сомнение в могуществе Российской империи времен Екатерины II. Ведь если «она уступила» (все-таки уступила), и вина за это возлагается на самих поляков (которые не пожелали «примкнуть к России для спасения своей цельности»), не значит ли это, что Россия попросту была не в состоянии эту «цельность» обеспечить, сохранить Польшу – для себя, и пенять надо было тоже – на себя. Так что логическая цепочка здесь явно рвется.

Собранные во многом из стандартных блоков официальной и официозной фразеологии, выводы историка любопытны именно своей явной апологетикой самодержавной России. С научной точки зрения наибольший интерес представляет пункт четвертый, где подчеркнута «непосредственная связь политики Екатерины II с политикой Александра I».

Из своего сугубо фактографического исследования Иловайский делал выводы принципиального порядка. Но они, насколько можно судить, вытекали не столько из рассмотренного архивного материала, сколько, как уже было сказано, из априорных установок ученого. Так, в предпосланном изложению событий 1793 г. введении автор поспешил заранее расставить все точки над *i*: «Всякому сколько-нибудь знакомому с ходом польской истории известно, что Польша пала жертвою своей анархии и что анархия эта была следствием крайнего ослабления центральной власти и чудовищного развития шляхетского сословия, в себе одном воплотившего все Польское государство и весь польский народ»⁹⁸⁴. Что касается польской анархии, ни Д.И. Иловайский, ни другие не сообщали своим читателям ничего нового по сравнению с тем, что было (или могло быть) им известно о характере правления в Речи Посполитой⁹⁸⁵.

⁹⁸³ Там же.

⁹⁸⁴ Иловайский Д.И. Гродненский сейм... С. XIV.

⁹⁸⁵ М.А. Алпатов, например, писал о том, что статейные списки XVII в. содержали сведения о междоусобной борьбе польской шляхты, а Петровские «Ведомости» рассказывали о феодальной анархии, как «национальной беде» Речи Посполитой. – Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII века). М., 1976. С. 244, 246.

Возникает вопрос, какую цель преследовал историк, берясь за перо, если ответ на главный вопрос ему был давно известен? Это, конечно, очень напоминает афористичные высказывания М.П. Погодина: «Прочитав внимательно начало и продолжение польской истории, предчувствуем окончание»⁹⁸⁶, или: «Здание должно было рухнуть, ибо подпоры были негодные, – вот содержание польской истории до кончины последнего короля»⁹⁸⁷, которые сформулированы автором отнюдь не в ходе долгих изысканий. Дело, однако, в том, что, в отличие от Иловайского, Погодин все-таки не брался за изучение конкретного сюжета польской истории...

Но это, по выражению историка, – «очевидные или ближние явления». Где искать первопричину? Краеугольным камнем прочно освоенной Иловайским философии истории оставался, как уже упоминалось, «народный тип, или народный характер». Что составляет принадлежность народов, завоевавших себе важное место в истории цивилизации, т.е. народов исторических? «Храбрость, энергия, предприимчивость, упругость и тому подобные качества»⁹⁸⁸, – отвечает автор, превыше всех качеств ставя творческую способность, или способность организаций, в тесной связи с которой находится народный инстинкт самосохранения.

Концептуально книга была очень близка к исследованиям Соловьева и Костомарова. Но в понимании роли национального характера Иловайский пошел даже дальше автора «Последних лет...», развивая «теорию государственных бытов», которую в литературе порой уподобляют учению Н.Я. Данилевского⁹⁸⁹, а также подчеркивая ту роль, какую сыграли евреи «в разложении польского организма»⁹⁹⁰. Сочетавший преклонение перед самодержавием с убеждениями славянофильского толка, историк полагал, что поляки именно по своему народному характеру не способны создать прочную государственность, и соб-

⁹⁸⁶ Погодин М.П. Исторические размышления... // Погодин М.П. Польский вопрос... С. 7.

⁹⁸⁷ Погодин М.П. Отрывок из донесения Министру народного просвещения о путешествии по славянским странам // Погодин М.П. Польский вопрос... С. 31.

⁹⁸⁸ Там же. С. XII.

⁹⁸⁹ СДР... словарь. М., 1979. С. 166.

⁹⁹⁰ Иловайский Д. Иловайский Д.И. Гродненский сейм... С. XIII.

ственно по этой причине разделы Речи Посполитой ему виделись вполне закономерным финалом.

В то же время, заявляя: «Мы никоим образом не можем порицать тех целей, которыми руководствовалась политика Екатерины II в отношении к Речи Посполитой: она была направлена на то, чтобы подготовить слияние Польши с Россией и прежде всего имела в виду не чужие, а собственные русские интересы», – Иловайский был далек от того, чтобы всецело одобрять предпринимавшиеся императрицей в Польше меры. Иловайский предъявляет целый перечень претензий к екатерининским дипломатам. Так, с его точки зрения, было недостаточно «полагаться главным образом на силу штыков и подкупы, вынуждать разного рода трактаты и конституции, издавать их от имени мнимого большинства нации», поскольку «все это представляло слишком ненадежные средства для скрепления связей между двумя соседними и родственными народами». Но, что, по мнению Иловайского, было еще хуже – «при первом удобном случае накопившееся раздражение производило взрыв, и дипломатические акты оказывались ни для кого не обязательными»⁹⁹¹.

Позволяя себе некоторые критические замечания по поводу екатерининской политики в Польше, автор в то же время признавал, что нельзя в полной мере «применять к ее действиям политические идеи и воззрения нашего времени». Он акцентировал сам факт, что тогда «не существовал почти и самый вопрос о национальностях и национальной политике», хотя «Екатерина все-таки многое угадывала с помощью своего сильного ума, и умела избегать тех крайностей, которые были допущены в эпоху за ней последовавшую»⁹⁹².

Работая, так сказать, на официальную версию (что касается вопроса, кто был инициатором разделов), Иловайский признал «более практичной» в Польше политику Пруссии, которая «предоставляла русской дипломатии играть самую видную роль в разложении Речи Посполитой и накапливать раздражение поляков против России; а потом, когда поднималось восстание и подавлялось русскими силами, Пруссия принимала деятельное участие в разделе»⁹⁹³.

⁹⁹¹ Иловайский Д.И. Гродненский сейм... С. 239.

⁹⁹² Иловайский Д.И. Гродненский сейм... С. 240.

⁹⁹³ Там же. С. 239–240.

Любопытно, каким образом автор «Гродненского сейма» отвечал на вопрос, «зачем императрица не удовольствовалась возвращением русскому народу того, что ему когда-то принадлежало, и не хотела предоставить остальную Польшу ее собственной участи?». Для самого Иловайского вопрос вообще-то носил риторический характер, но свой вариант ответа он все же читателям изложил. Напомнив, что в XVIII в. «вопрос о национальностях еще не был выяснен и недостаточно влиял на политику», автор, развивая свою мысль, не заметил, что, заявив – «не было достаточно ясно, где кончилось свое и начиналось чужое», – он ступил на зыбкую почву. Зато выражал он уверенность – здесь же, что «предоставить Польшу собственной участи было бы достаточно рискованным для русских интересов».

В то же время, допуская, что «если она (Польша. – Л.А.) оправится от анархии и усилится, то, конечно, будет домогаться возвращения отошедших провинций, будет возбуждать враждебное к нам настроение в нерусских элементах западной России и будет готовым союзником всякого внешнего врага Русской Империи»⁹⁹⁴, Иловайский косвенным образом (пусть сам того не желая) признал способность поляков к самоорганизации и созданию прочной государственности.

Другое дело, что мнение русского общества (как и мнение правительства) по вопросу возвращения былых владений Речи Посполитой оставалось неизменным, никто и мысли не допускал о восстановлении польской государственности. Как ни фрондировали наши славянофилы, но в данном вопросе их позиция мало чем отличалась от позиции властей. И пламенное заявление И.С. Аксакова – «В отношении к древним русским областям, населенным нашими кровными, единоверными братьями /.../ Россия опирается на несомненное из всех прав, – нравственное право, или, вернее сказать, на нравственные обязанности братства»⁹⁹⁵ – лишнее тому подтверждение. Еще более резко в 1863 г. ставил вопрос Ю.Ф. Самарин: «Польша была и перестала быть государством. /.../ Все /.../ утрачено. Спрашивается: о какой же Польше идет теперь речь и в

⁹⁹⁴ Там же. С. 241.

⁹⁹⁵ Аксаков И.С. Польский вопрос... С. 7.

каких границах требуется ее восстановление?»⁹⁹⁶. И наблюдения над историческими текстами (но с осязательной публицистической окраской), позволяет предполагать, что за неполные десять лет после поражения Январского восстания поляков общественные настроения в России заметно изменились.

Вообще, рубеж 1860-х–1870-х годов для отечественной полонистики был необычайно продуктивным. Наряду с книгами Костомарова и Иловайского одна за другой появлялись монографии, оставившие по большей части заметный след в истории науки.

Высоко оценил исследование Костомарова («классический труд», «капитальной приобретение для нашей исторической литературы» и т.п.), и одновременно не во всем согласился с его положениями, Михаил Федорович де-Пуле (1822–1885). Окончив Харьковский университет, он занимался преподаванием и журналистикой: печатался в изданиях самого разного направления – от «Современника» и «Вестника Европы» до «Московских ведомостей» и «Руси». Во второй половине 1860-х годов работая в Вильне, по материалам тамошнего архива опубликовал две большие статьи, которые потом составили книгу «Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг.» (СПб., 1871). Эта книга, понятно, не столь известна, как названные выше работы (не удивительно, что в библиографический словарь славистов де-Пуле не попал), но интересна хотя бы тем, что отразила поиск неких средних, непредвзятых путей при решении сложной, противоречивой проблемы.

Де-Пуле также исходил из того, что «ничего не могло быть противоположнее элементов польского и русского, польских и русских учреждений, польского и русского народного характера». Оттого «русские и поляки, при близком племенном родстве, не понимали друг друга, как граждане, даже просто как люди, друг другу они должны были казаться, по меньшей мере, странными»⁹⁹⁷. Но он решительно – и достаточно аргументировано – выступал против односторонности в освещении русско-польских взаимоотношений.

⁹⁹⁶ Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. Статьи различного содержания и по польскому вопросу. Издание Д. Самарина. М., 1877. С. 328.

⁹⁹⁷ Де-Пуле М. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг. СПб., 1871. С. 53.

Российская и польская литература страдает, по его выражению, «фаталистическим направлением». «Поляки во всем обвиняют судьбу, грубую физическую силу и коварство соседей: мы от негодности их государственного строя, от растленности высших, влиятельнейших классов польского общества делаем заключение о неизбежной смерти и всего польского, то есть опять приходим к тому же определению, которому противоречит осязательная живучесть польского духа и медленные успехи русификации. Ни крики о превосходстве польской гражданственности над русскою, просвещения над варварством (польская точка зрения), ни глумление над шляхетством и саркастическое подведение под него всей жизни соперника (наше воззрение) – отнюдь не научные приемы необходимые для исследования»⁹⁹⁸. Нестандартен был и его подход к церковной унии. Считая ее явлением непрочным, обреченным со временем на распад, он в то же время настаивал на том, что в белорусских землях уния не встретила такого сопротивления, как на Украине.

Помимо прочего, Де-Пуле сетовал на то, что историки преимущественно обращают свое внимание или на государственные формы, или на социальный строй, тогда как, на его взгляд, необходимо учитывать и «образовательную культуру». Декларации, главным образом, были адресованы коллегам по цеху, поскольку сам автор на деле пошел не намного дальше.

Параллельно с поистине неисчерпаемой (требующей дальнейшей, и тщательнейшей, разработки) проблемой гибели Речи Посполитой – и в теснейшем единстве с нею – в нашей полонистике формировался и другой проблемный узел, связанный с такими событиями, как Люблинский сейм 1569 года и вскоре за ним последовавшим бескорольем, увенчанным принятием знаменитых Генриховых статей. К решению этой задачи российская полонистика подошла в конце 1860-х гг.

Обращает на себя внимание, что «Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов» (М., 1869)⁹⁹⁹, – капитальное исследование (и одновременно магистерская диссертация) Александра Семеновича Трачевского (1838–1906)

⁹⁹⁸ Де-Пуле М. Станислав-Август Понятовский... С. 108.

⁹⁹⁹ Отдельные разделы монографии печатались в виде статей в «Московских университетских известиях» и «Русском вестнике» за 1867–1868 годы.

обнаруживало непосредственное влияние «Истории падения Польши» С.М. Соловьева. О бескорольеве после смерти последнего Ягеллона, которое завершилось избранием на престол Генриха Валуа и сопутствовавшим тому резким ограничением прерогатив монарха, писали (правда, обычно не идя дальше бесхитростного изложения событий, информация о которых черпалась из ограниченного числа памятников¹⁰⁰⁰) и до Трачевского. И потому, как подчеркивает В.А. Якубский¹⁰⁰¹, у автора были все основания сказать: «Предмет нашего труда не подвергался специальной обработке до нашего времени»¹⁰⁰².

Может вызывать удивление, но, действительно, первая в истории Речи Посполитой вольная элекция, при всей драматичности развернувшихся тогда событий, оказавших значительное влияние на все последующее развитие шляхетской республики, к тому времени, когда взялся за работу А.С. Трачевский, оставалась практически не исследованной¹⁰⁰³. Таким образом, Трачевский оказался фактически первым, кто с такой детальностью изучил перипетии драматической, открытой и закулисной, борьбы за польский трон¹⁰⁰⁴. В основу исследования им были положены впервые вводимые в научный оборот польские архивные материалы, которые в то время находились в Публичной библиотеке в Петербурге. Небольшую часть этих источников историк воспроизведет в приложении к своей книге.

Обращает на себя внимание, что Трачевскому, подобно многим другим отечественным историкам, писавшим о старопольских временах, было свойственно достаточно размытое представление о характерной для Речи Посполитой со-

¹⁰⁰⁰ Якубский В.А. «Польское бескорольеве» А.С. Трачевского и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3. СПб., 2001. С. 147.

¹⁰⁰¹ До В.А. Якубского монография А.С. Трачевского «Польское бескорольеве по пресечении династии Ягеллонов» практически не становилась предметом специального историографического исследования. Можно отметить разве что статью З.Е. Ивановой: Иванова З.Е. Трачевский – историк Польши // Актуальные проблемы развития общественных наук: тезисы докладов. Петрозаводск, 1986.

¹⁰⁰² Якубский В.А. «Польское бескорольеве»... С. 147.

¹⁰⁰³ Там же.

¹⁰⁰⁴ Работы профессора Варшавского университета Ф.Ф. Вержбовского, касающиеся польских событий середины 70-х гг. XVI появятся гораздо позже: Вержбовский Ф.Ф. 1) Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео // ЖМНП. 1882. № 8; 2) Две кандидатуры на польский престол Вильгельма из Розенберга и эрцгерцога Фердинанда, 1574–1575. Варшава, 1889; 3) Викентий Лаурео, Мондовский епископ, папский нунций в Польше, 1574–1578, и его неизданные донесения кардиналу Комскому, статс-секретарю папы Григория XIII, разъясняющие политику Римской курии в течение вышеуказанных лет по отношению к Польше, Франции, Австрии и России, собранные в Ватиканском архиве. Варшава, 1887.

словной картине, у него попросту отсутствует терминологическая четкость в том, что касалось шляхты. Трачевский пишет то о «шляхетско-панской анархии»¹⁰⁰⁵, разграничивая эти две социальные группы, то о шляхте – как о дворянском сословии в целом. Значения терминологическим тонкостям он, по видимому, не придавал. Гораздо существеннее для него было то, что, при любом варианте социально-сословной характеристики, шляхта – по выражению историка, «невежественная и фанатичная владычица Польши» – есть не что иное, как «главная язва Польши»¹⁰⁰⁶. Соответственно политический строй Речи Посполитой для Трачевского – не более как «уродливая историческая аномалия»¹⁰⁰⁷.

В то же время, нельзя не признать, что к такого рода безрадостным для поклонников шляхетского республиканизма (и в данном случае выпад был направлен и против сохранивших верность идеалам шляхетской демократии последователям лелевелевской школы) выводам историк пришел в ходе собственного изучения солидного массива источников. Это, бесспорно, придавало дополнительный вес тезисам Трачевского, поскольку в предшествующий период российская полонистика черпала аргументы для подтверждения нежизнеспособности государственно-политической устройства Речи Посполитой, в основном, опираясь на массив памятников XVIII столетия¹⁰⁰⁸.

Среди откликов на монографию А.С. Трачевского обращает на себя внимание рецензия М.О. Кояловича. Весьма одобрительная, она любопытна тем, что рецензент поделился некоторыми своими представлениями о польском историческом процессе – и при этом не побоялся четко сформулировать обскурантистский тезис, который в завуалированном, смягченном виде не раз встречался в консервативных по своему духу писаниях. Так, по утверждению Кояловича, польская шляхта в XVI в. «поторопилась просветиться по-западноевропейски», и как раз это ослабило страну, ибо «славянские народы почти все бывали до сих

¹⁰⁰⁵ Трачевский А.С. Польское бескорольеве по прекращении династии Ягеллонов 1572–1573. СПб., 1869. С. 189.

¹⁰⁰⁶ Там же. С. XIX, 319.

¹⁰⁰⁷ Там же. С. XXXVI.

¹⁰⁰⁸ Якубский В.А. «Польское бескорольеве» А.С. Трачевского и его историографический контекст // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 3. СПб., 2001. С. 162–163.

пор могущественны только при сильном невежестве»¹⁰⁰⁹. Похоже, автор не заметил двусмысленности сформулированного им тезиса, который не только не был привязан к историческим реалиям, но и вряд ли мог бы вдохновить активистов славянского Возрождения.

Хотя монография принесла молодому ученому А.С. Трачевскому искомую степень магистра (а, помимо этого, Уваровскую премию¹⁰¹⁰) и доброжелательные отзывы, в первом большом труде начинающего исследователя не обошлось без заметных слабостей. Будто сознавая это, суховатую информацию источников автор пытался оживить, местами прибегая к беллетризации изложения. Вместе с тем он был готов на основании одного-единственного рассмотренного им казуса вывести некую историческую закономерность, что как раз говорит о недостатке исследовательского опыта. Так, рассказ о неудаче на элекционном сейме проавстрийской партии сопровождался в монографии назидательным пояснением: «Так всегда бывает там, где действует интрига, слабая человеческая личность, а не народная сила, воспитанная временем»¹⁰¹¹.

Однако при этом историк не заметил, что его красивому афоризму решительно противоречит избрание на польский трон французского принца, которое как раз было результатом всякого рода интриг. В.А. Якубский, посвятивший монографии Трачевского большую статью и отметивший эти промахи, имел основания сказать, что исследователь, на материале событий 1572–1573 гг. обнаруживая, как ему представлялось, действие всеобщих исторических законов, все-таки больше полагался на свою интуицию и не проверял, насколько этот материал репрезентативен, а выводы, к которым он приходит, доказательны¹⁰¹². Отметим попутно, что польских дел в эпоху разделов Речи Посполитой Трачевский коснется в своей докторской диссертации «Союз князей и немецкая политика Екатерины II, Иосифа II, Фридриха II, 1780–1790 гг.» (СПб., 1877).

К тому же сюжету, что А.С. Трачевский в «Польском бескорольеве...», вскоре обратится Федор Михайлович Уманец (1841 – год смерти неизвестен).

¹⁰⁰⁹ Коялович М.О. Рец. на кн.: Трачевский А.С. Польское бескорольеве // ЖМНП. Ч. 146. 1869. С. 364–365.

¹⁰¹⁰ СДР... словарь. С. 331.

¹⁰¹¹ Трачевский А.С. Польское бескорольеве... С. 221–222.

¹⁰¹² Якубский В.А. «Польское бескорольеве» А.С. Трачевского... С. 146–164.

Питомец юридического факультета Московского университета, он участвовал в реализации крестьянской и иных реформ в украинских губерниях, работал в земстве (что всегда отмечается в литературе библиографического характера¹⁰¹³). В его творческом наследии преобладали статьи на современную тематику (начиная с напечатанной в 1862 г. в «Отечественных записках» кандидатской диссертации «Надел общины и дворовые люди»), но писал он и на исторические темы. Умеренное украинофильство не мешало ему быть поклонником российской великодержавной политики. В историю отечественной полонистики Уманец вошел, прежде всего, благодаря книге «Вырождение Польши» (СПб., 1872).

Книгу открывало большое вступление, озаглавленное «По поводу русско-польского вопроса». В свою очередь, главное место в нем было отведено занявшему полсотни страниц разделу «Россия и Польша». «Самой большой из наших ошибок» по отношению к полякам там объявлялись разделы Речи Посполитой – по выражению автора, «невыносимое польского раздела заключается именно в этом разделе»¹⁰¹⁴. Впрочем, поляки со своей стороны, рассуждал Уманец, тоже совершили ряд ошибок. В их число записано желание упразднить свой республиканский строй. По странной логике Уманца, этого-то им как раз и не следовало делать потому, что в то время Европа уже развивала республиканские идеи...

Этот небольшой очерк заставляет обратить на себя более пристальное внимание потому, что являет собой любопытную попытку взглянуть на польский вопрос – в его прошлом и настоящем. Правда, автор сразу предупреждает читателей (видимо, будучи не вполне уверен в собственных силах), что он оставляет «в стороне возможный выход из польского вопроса, то есть все попытки соглашения», и в большей степени касается «только его оснований, то есть тех источников, откуда он возник». Уманец будто не рискует брать на себя ответственность, когда говорит, что «ограничивается только постановкою фактов, предоставляя каждому русскому и поляку – буде пожелает – додуматься до результатов, то есть до соглашения по польскому вопросу»¹⁰¹⁵.

¹⁰¹³ СДР... Словарь. С. 387.

¹⁰¹⁴ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. СПб., 1872. С. XLIX.

¹⁰¹⁵ Там же. С. XXXV.

Хотя, казалось бы, сама проблема – как оценивает ее автор («в числе элементов, нарушающих государственную гармонию и спокойствие России, в настоящую минуту, первое место принадлежит польскому патриотизму») – требовала именно решения. Но Уманцу попросту не давала покоя мысль, что «при всей неотступности, польский вопрос отличается еще какой-то неприступностью»¹⁰¹⁶, – или, как в свое время отмечал Н.Н. Страхов, «в польском вопросе есть черта, которая дает ему страшную глубину и неразрешимую загадочность»¹⁰¹⁷.

Пытаясь разобраться в причинах сложившегося положения, автор критически отзывался о деятельности тех «многих начальниках», которые отправлялись «в западный край с благими намерениями произвести искреннее соединение польского и русского общества»¹⁰¹⁸, но на деле тамошние их действия сводились лишь к тому, что «соединение не простиралось дальше преферанса. Много циркуляров – печатных, писанных, явных, секретных и конфиденциальных – было разослано. Но польский патриотизм продолжает щетиниться, как ёж». Размышляя об истоках неудач подобного рода деятельности, автор приходил к выводу, что «великим делом» было бы «согласить два в такой степени нетерпящие друг друга патриотизма, как русский и польский»¹⁰¹⁹. Впрочем, особых иллюзий на сей счет он не питал, сознавая, что «необходимо помириться с мыслью о том, что всякий человек не свободен в своих искренних убеждениях, и что большинство польских патриотов искренно убеждено в правоте своего дела»¹⁰²⁰.

Толкуя «фактическую сторону польского вопроса» как «ошибки с нашей стороны и ошибки поляков», он отдавал себе отчет в том, что «именно противоречия и непоследовательность нашей политики по польскому вопросу составляет нашу первую ошибку». Но и это не все, поскольку всякого рода «противоречия и непоследовательность», что хуже, способствовали также «иллюзиям поль-

¹⁰¹⁶ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. XXXIV.

¹⁰¹⁷ [Русский]. Роковой вопрос (Заметка по поводу польского вопроса) // Время. 1863. № 4. С. 152.

¹⁰¹⁸ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. XXXIV.

¹⁰¹⁹ Там же.

¹⁰²⁰ Там же. С. XXXV.

ского патриотизма»¹⁰²¹. Впрочем, констатируя неудовлетворительное состояние дел в Западном крае, автор указывал на своего рода оправдывающие обстоятельства. По крайней мере, признав, что «напрасно объясняют эту непоследовательность одними только личными расчетами и наклонностями лиц высокопоставленных, напрасно вменяют ее только этим лицам»¹⁰²², Уманец делает вывод: «ошибки, происходящие от непоследовательности нашей политики, /.../ коренятся в природе русского человека, сложенной из крайностей и беспечности, энергии и апатии, силы и малодушия»¹⁰²³. Иначе говоря, Уманец в данном случае был склонен видеть истоки всех существующих между поляками и русскими неурядиц в особенностях народного характера – причем, характера русского: «причина польского патриотизма заключается не только в польском народе, но и в свойствах нашего народного характера»¹⁰²⁴.

Если русский народ «не способен ровно и систематически /.../ преследовать раз заданную цель, он действует порывами, поражает натиском»¹⁰²⁵, если «свойство русского ума» таково, что «он способен преследовать только крайний идеал, последнее выражение истины»¹⁰²⁶, польский народ – напротив. Польский народ, как это понимал Уманец, «очень часто ошибается в избранных им целях, он слишком склонен жить чужим умом, поклоняться раз принятому авторитету, но он гораздо систематичнее в своих ошибках, чем мы все в стремлении к великим и справедливым целям». Поэтому, выводит он своеобразную формулу, если «русский народ приспособлен к крайностям, польский – к медленному, но ровному давлению»¹⁰²⁷.

Признавая, что русскому народу не занимать «энергию, силу и самобытность», он здесь же отмечает, что подобного рода свойства «мы бережем только для событий, выходящих из ряда обыкновенных». «Весь объем русского народного характера» Уманец видел именно в «способности развернуться в критическую минуту и неспособности к мелочному постоянству и немецкой аккуратно-

¹⁰²¹ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. XXXV.

¹⁰²² Там же. С. XXXVI.

¹⁰²³ Там же.

¹⁰²⁴ Там же.

¹⁰²⁵ Там же. С. XLVI

¹⁰²⁶ Там же. С. XLIII.

¹⁰²⁷ Там же. С. XLVI.

сти». По разумению Уманца, свойство русского народа «все делать “запоем”» не в последнюю очередь было обусловлено «размерами нашего отечества», которые «произвели глубокое впечатление на народный характер». Когда автор пишет, что «надобны эпохи 612 года, 812 и, по крайней мере, польское восстание для того, чтобы сдвинуть эти части (государства. – Л.А.) с их уединенных пьедесталей и слить их в одно общее дело или желание»¹⁰²⁸, его логика не так элементарна, как может показаться на первый взгляд. Похоже, он не столько отождествляет сами эти события, сколько подразумевает, что такого рода потрясения требуют от народа сравнимых усилий для того, чтобы с ними справиться. Надо думать, что примерно то же самое имели в виду А.С. Пушкин, Д.В. Давыдов и другие, когда сравнивали Ноябрьское восстание с Отечественной войной 1812 года.

Восприятие Уманцом поляков, как видно, не было однозначным. Похоже, поляк, который «никогда не просит и не даст пощады», вызывает у него симпатии, и он будто даже сожалеет, что «польская вольность остановилась только на одном шляхетском сословии»¹⁰²⁹. Зато в авторской характеристике русского народа явно сквозит неудовольствие. Он прямо осуждает «непривычку к мелким, будничным проявлениям патриотизма», вследствие которой «каждое мировое событие застаёт наш патриотизм врасплох, каждая встреча с другой национальностью находит наше национально-государственное чувство неприготовленным»¹⁰³⁰. Будучи убежден, что «нормальное течение народной жизни слагается из мелочей, а не из великих дел», он – в качестве назидательного (и печального) примера – ссылается на Курбского. Уманца, как он сам признается, «неприятно поражает в портрете знаменитого эмигранта» как раз то, что, «бросая Иоанну столько “кусательных словес” за ее (“земли святорусской”. – Л.А.) мучение и гибель, он только один раз, и то мимоходом, упрекнул его в гибели своего собственного семейства. Вся его грусть ушла на народ-государство». Потому автор с грустью констатирует, что в этом-то и заключается «свойство русского ума – в великом деле забыть частное и довести искание истины, скорбь земского чело-

¹⁰²⁸ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. XXXVIII.

¹⁰²⁹ Там же. С. XLIII.

¹⁰³⁰ Там же.

века до ее последнего предела, до односторонности и парадокса»¹⁰³¹, – что как раз в корне, утверждал автор, отличает русского от поляка.

Но Уманец также прямо указывал на «предрассудки польского народа», которым, как он считал, тонко льстит поэзия Мицкевича, огромное обаяние которой он безусловно признавал¹⁰³². Сам же он видел обратное, как «в XVIII веке Польша /.../ по-прежнему утопала в веселой анархии своих магнатов, вассальных отношениях мелкого дворянства и рабстве народа. В это время /.../ “жил” не польский народ, но несколько сотен привилегированных семейств, исключительно преданных католицизму, правам польского шляхтича и тщеславному блеску своей фамилии». Не потому ли, признавая «самой большой из наших ошибок» раздел Польши, он пояснял: «Это не значит, чтобы уничтожение Польши было само по себе ошибкой»¹⁰³³.

На взгляд Уманца, похоже, настало время, так сказать, определиться. Поэтому он заявлял: «Дело не в недостатках, а в их свойстве. Этими-то свойствами и изобличается народный характер», и на сей раз делает акцент на пагубных свойствах польского народного характера. Как о бесспорном преимуществе русского характера Уманец пишет о том, что «наши герои олицетворяют народную самобытность и все /.../ проникнуты разьедающим скептицизмом», в то время как польский народ – и поэзия Мицкевича тому доказательство – «создает только апологию своего общества»¹⁰³⁴.

Наблюдения Уманца над характерами русского и польского народа не лишены остроты, а иногда – и оригинальности. Порой даже кажется, что автор забывает об осторожности и рискует навлечь на себя неудовольствие читателей, столь прямолинейна его критика русского народа. Объяснение тому состоит, пожалуй, в том, что в своем кратком очерке русско-польских отношений Уманец стремится, пусть на свой лад, сформулировать идею славянского единства. Рассматривая характерные черты двух народов – русского и польского (столь отличных друг от друга), он приходил к довольно оптимистическому выводу:

¹⁰³¹ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. XXXIX–XLIII.

¹⁰³² Там же. С. XLIV.

¹⁰³³ Там же. С. LI, XLVIII.

¹⁰³⁴ Там же. С. XLV.

«две струи славянского мира – русская и польская – взаимно дополняют друг друга»¹⁰³⁵.

По всему видно, что Уманец, размышляя о будущем русско-польских отношений, был настроен вполне оптимистично, исходя из убеждения, что вообще-то «соединение всей Польши с Россией было давно предначертано в умах русских и поляков XVI и XVII века», поскольку «лучшие люди обоих народов давно к нему стремились». Когда он говорит, что «ошибка русских политиков XVIII века заключается» как раз в том, что «мы завладели только частью ягеллонского наследства, а не целой Польшей», он по-своему проявляет заботу о польском народе, для которого «невыносимое польского раздела заключается именно в этом разделе», вследствие чего «польское племя заболело тяжелой нервной болезнью»¹⁰³⁶. Правда, сколь оригинальные, столь и голословные заявления не были подкреплены хоть каким-то конкретным материалом.

Неудивительно, что логика авторского рассуждения подводила его к тому, чтобы высказать свое мнение по кардинальной проблеме – разделам Речи Посполитой. И, коль скоро «соединение всей Польши с Россией было давно предначертано», то когда он писал: «Надо было или брать Польшу всю, до последнего сажня славянской земли, или, до поры до времени, управлять ею чрез Понятовского и Репнина»¹⁰³⁷, – он, по-видимому, рассчитывал на отклик и понимание с обеих сторон. Но, спрашивается, на каком основании? Хотя бы на том, был уверен Уманец, что «за нас были и польские историки, и голос наших летописцев». На свой лад развивая идею славянской взаимности, он выражал недовольство политикой Екатерины II, правительство которой «вдруг отбросило старый славянский идеал, одинаково дорогой обоим народам, и ограничилось жалким обрезком там, где надо было брать все»¹⁰³⁸. Ему глубоко чужда была мысль, что мотивы держав, разделивших Польшу, были схожи. Автор задавался вопросом: «Что имели мы общего с домогательствами Пруссии и Австрии?», и

¹⁰³⁵ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. XLVI.

¹⁰³⁶ Там же. С. XLVIII–XLIX.

¹⁰³⁷ Там же. С. XLIX.

¹⁰³⁸ Там же. С. L.

сам же отвечал на него: «У нас было историческое право, там опирались на житейскую истину – “не клади плохо”...»¹⁰³⁹.

Хотя постепенно его мысль все-таки входила в традиционное для нашей литературы русло, и он вставал на путь оправдания действий петербургского двора и, главное, самой императрицы. Отдавая должное дипломатическим и государственным способностям Екатерины II, он сам себе отвечал на вопрос, почему сначала «политика императрицы Екатерины шла совершенно верной славянской стезей до самого 1772 года», а затем была свернута. Будто мысленно окунувшись в омут сложнейших дипломатических хитросплетений времен разделов Польши, Уманец, наконец, понимал, что к чему: «Императрица долго колебалась». И уже одно это позволило ему сделать следующее заключение: «При решительности ее характера эта нерешительность всего верней указывает на то, что в разделе не было никакой надобности, и что в душе она ему не сочувствовала»¹⁰⁴⁰. Так или иначе, трудно не заметить, что логики нашему автору явно недоставало.

Рассуждая в духе излюбленной славянофильской идеи – извечного противостояния германского и славянского начал, он не сомневался, что «если бы вся Польша присоединилась к России, она принесла бы чрезвычайные выгоды разединенному и подавленному славянскому племени. Перевес славянской политики в Европе был бы неизбежен»¹⁰⁴¹. Иначе говоря, у автора здесь самым тесным образом переплетен сугубо геополитический аспект и довольно отвлеченная идея славянской взаимности (отнюдь не всегда ощущавшаяся в реальности). Но раз Польша не присоединилась, то ее «падение /.../ не было замечено славянским миром. В это время она была уже так слаба, что не могла играть сколько-нибудь самостоятельную роль». Очевидно, автор не заметил, что когда он поставил в зависимость присоединение Польши к России и выгоды от этого присоединения проистекавшие для всего славянского мира, а затем констатировал, что гибель Польши не была замечена по той причине, что она была уже слишком слаба, чтобы играть самостоятельную роль (не присоединившись к

¹⁰³⁹ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. XLIX.

¹⁰⁴⁰ Там же. С. L.

¹⁰⁴¹ Там же.

России) и, значит, отстаивать интересы братьев-славян, он в крайне невыгодном свете выставил весь славянский мир, по его логике, весьма своекорыстный. Выходит так, что именно на Польшу автором возлагалась ответственность (если не вина) за то, что она не пожелала «присоединиться» к России и, в результате этого присоединения, оказать помощь братьям-славянам. Так или иначе, но автор был вынужден с грустью констатировать: «/.../ мы купили ненависть там, где могли бы обрести – если не любовь, то славу»¹⁰⁴².

В конце концов, изложив, по выражению самого автора, «постановку фактов», он перенес читателей в «золотой» для Речи Посполитой XVI век. Основная часть книги носила название «Два года после Ягеллонов», т.е. сюжетно повторяла труд Трачевского. Отличие этой книги 1872 г. от «Польского бескоролья» заключалось, прежде всего, в том, что, во-первых, Уманец охватил еще и недолгое правление Генриха Валуа и, во-вторых, несколько иной была тональность изложения, где с особым рвением изобличалось католическое вероисповедание. Об идеях автора вполне можно составить представление по приводимым далее двум отрывкам.

«История Польши, – утверждал Уманец, – имеет то печальное преимущество перед историей других народов, что пружины, низвергшие польскую республику, с редкою ясностью выступают наружу. Механический состав того политического орудия, которое расшатало древний государственный строй и испортило древний народный характер, с редкою ясностью представляется глазам потомства. Пружинами падения служат католицизм и шляхетская демократия. Обе они одновременно начинают действовать в первое безкоролье по прекращении ягеллонской династии. /.../ Пока держались Ягеллоны, титаническая сила шляхетства и католицизма сдерживалась их нравственным обаянием»¹⁰⁴³.

Подводя итог своим социологическим наблюдениям, он писал, что «польская шляхта была похожа на демократию по своей способности увлекаться, недостатку определенного плана и шаткости мнений. В то же время она была похожа на аристократию по своему чрезмерному уважению расы, презрению к

¹⁰⁴² Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. L.

¹⁰⁴³ Там же. С. 97.

личным заслугам, к народу, труду, к инстинктам и желаниям масс. В одно и то же время это была бесформенная глыба, на которую более или менее похожа всякая демократия, и такая же эгоистичная, строго охраняющая свои привилегии корпорация, как и всякая аристократия»¹⁰⁴⁴.

Если сравнивать исследовательский уровень книг А.С. Трачевского и Ф.М. Уманца, то сравнение окажется не в пользу последнего, да и большого смысла в этом сравнении, скорее всего, нет. Уманца как автора отличало как раз то, что, по существу, он и не пытался исследовать им же избранный объект. Он предпочитал использовать яркие события первой половины 1570-х годов в качестве фона, на котором было удобно демонстрировать свои идеи. Не удивительно, что у автора сохранилась потребность продолжить свои эссеисы в области истории русско-польских взаимоотношений.

Когда спустя три года в статье «Понятовский и Репнин»¹⁰⁴⁵ он вновь обратился к этим сюжетам, в центре его внимания уже была Речь Посполитая, клонившаяся к упадку. В этой статье, характеризуя состояние польского общества, Уманец, в частности, подчеркивал, что «зло заключалось /.../ в нравственной испорченности высшего сословия Польши», акцентируя остроту противостояния внутри одного сословия (между магнатами и шляхтой) тогда, когда «отчаянное положение не было тайной для самих поляков»¹⁰⁴⁶.

Отдав дань традиции, и привычно провозгласив: «...невозможность самобытного существования слабого, деморализованного, подрываемого брожением народных масс государства была очевидна»¹⁰⁴⁷, Уманец сосредоточился на своей излюбленной идее – русско-польского сближения, прямо заявив, что «Россия и русский народ были единственным государством и единственным народом, которые чувствовали к полякам племенное тяготение»¹⁰⁴⁸.

Но все-таки главное внимание автора было сконцентрировано на портрете Станислава Августа, который он составил, опираясь на мемуары самого польского короля, его соотечественников (Китовича, Карпиньского и др.), отчасти на

¹⁰⁴⁴ Уманец Ф.М. Вырождение Польши. С. 168–169.

¹⁰⁴⁵ Уманец Ф.М. Понятовский и Репнин // Древняя и новая Россия. 1875. Май – Август.

¹⁰⁴⁶ Уманец Ф.М. Понятовский и Репнин // Древняя и новая Россия. 1875. Июль. С. 201.

¹⁰⁴⁷ Там же.

¹⁰⁴⁸ Там же. С. 207.

русскую (Соловьев, Коялович и пр.), отчасти иностранную (например, Рюльер) литературу. Соперничая с Костомаровым в образности выражений, Уманец не пожалел красок, чтобы описать всю противоречивость королевской особы: «Светский лоск и красота далеко не исчерпывали весь капитал будущего короля. Медаль, ученая книга, археологический обломок, нумизматика, политический трактат и художественное произведение – все это одинаково входило в его умственный обиход. До какой степени светская пустота переплелась в нем с ученым дилетантизмом, видно между прочим из того, что каждое утро, в то время, когда его завивал парикмахер, ех-иезуит Гавронский читал ему астрономические сочинения и старые польские хроники»¹⁰⁴⁹.

То ли с грустью, то с сарказмом Уманец констатировал, что «...в Польше этого времени не было ничего систематического»¹⁰⁵⁰, и, в том числе, поэтому не мог не отдать должного объективности взгляда короля, будучи убежден, что «Понятовский был слишком умен для того, чтобы не видеть глубокого разложения Польши» и потому его «политическая цель /.../, если он верно понимал интересы Польши, должна была заключаться в том, чтобы привести польское государство к полному соглашению с русскими государственными интересами и наоборот»¹⁰⁵¹. Сам Уманец, разумеется, также исходил из русских государственных интересов, и потому не пытался хотя бы усомниться в том, что польские государственные интересы могли с ними расходиться.

Отметив некоторые достоинства (или способности) Станислава Августа, наш автор отводит ему острохарактерную роль в заключительном спектакле, разыгрывавшемся в Речи Посполитой: «Понятовский не привык стоять за свои мнения, но он имел свое мнение по всем важнейшим вопросам жизни и политики», – твердо заявлял Уманец. Впрочем, сколь твердо, столь и голословно он продолжил свою характеристику Станислава Августа: «Как дилетант до мозга костей, он был не способен усидчиво посвятить себя государственным делам, но трудно отыскать человека, который так же хорошо, как он понимал бы теоретическую сторону большей части государственных вопросов. Как человек

¹⁰⁴⁹ Уманец Ф.М. Понятовский и Репнин // Древняя и новая Россия. 1875. Июль. С. 202.

¹⁰⁵⁰ Там же. С. 211.

¹⁰⁵¹ Там же. С. 207.

бесхарактерный и к тому же поставленный в крайне неблагоприятные условия, он не осуществил своих намерений, но никто не сомневался в том, что, вступая на престол, он имел самые честные намерения»¹⁰⁵².

Одновременно с последним актом польской драмы Уманец не оставлял своих занятий и в области русско-польских отношений золотого века польской государственности, в том же (1875) году напечатав в «Журнале Министерства народного просвещения» статью «Русско-литовская партия в Польше 1574–1576 гг.»¹⁰⁵³ ...

О слабости польских городов, об особенностях государственного строя Речи Посполитой говорили чуть ли не все из упоминаемых здесь авторов. Но социально-экономических или хотя бы социально-правовых основ наблюдаемых ими процессов они либо вовсе не затрагивали, либо касались мимоходом. Особенно в этом отношении стоит опубликованная в 1868 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» (был выпущен и отдельный оттиск) магистерская диссертация Михаила Флегонтовича Владимирского-Буданова (1838–1916) «Немецкое право в Польше и Литве», которая демонстрировала профессиональный, историко-сравнительный подход к юридическим памятникам.

Ученик профессора-юриста Н.Д. Иванищева, который в своих трудах также касался проблем старопольского права (и участвовал в разработке проекта судебной реформы в Царстве Польском), молодой исследователь – питомец Университета св. Владимира убедительно показал существенные отличия немецкого права, как оно сложилось в западнославянских землях, от германского образца¹⁰⁵⁴. Однако увлеченность автора славянофильскими идеями обусловила пренебрежение социально-экономическими предпосылками смены правовых норм. В конечном счете, Владимирский-Буданов утвердился в мысли, что немецкое право отрицательно повлияло на государственные институты и печальная судьба Речи Посполитой есть пример «пагубности усвоения чужого»¹⁰⁵⁵. Недостатки книги не помешали, однако, тому, что и в новейшее время в спорах

¹⁰⁵² Уманец Ф.М. Понятовский и Репнин. С. 215–216.

¹⁰⁵³ Уманец Ф.М. Русско-литовская партия в Польше 1574–1576 гг. // ЖМНП. 1875. № 12.

¹⁰⁵⁴ СДР... словарь. С. 104–106.

¹⁰⁵⁵ Владимирский-Буданов Н.Я. Немецкое право в Польше и Литве. СПб., 1868. С. 302.

о сущности так называемого немецкого права слависты будут апеллировать к этой работе 1868 года.

Проблемой генезиса польской и чешской государственности занялся в эти годы Федор Иванович Успенский (1845–1928)¹⁰⁵⁶, в будущем признанный патриарх отечественного византиноведения и академик, а в ту пору только начинавший свою ученую карьеру. В год окончания им Петербургского университета вышла в свет его монография «Первые славянские монархии на северо-западе»¹⁰⁵⁷, посвященная автором памяти Александра Федоровича Гильфердинга, председателя Санкт-Петербургского славянского благотворительного комитета. Примечательно, что работа, написанная студентом на третьем и четвертом курсах, удостоилась весьма благожелательных отзывов старших коллег по цеху (в частности, К.Н. Бестужева-Рюмина, Ф.И. Леонтовича и др.). Кроме того, по рекомендации К.Н. Бестужева-Рюмина книга молодого исследователя (в которой, кстати сказать, немало места отведено именно польским сюжетам, коими, точнее – сообщением Галла Анонима о смерти короля Болеслава I Храброго, книга и завершается в тональности, не только отчасти выдающей возраст автора, но и его политические предпочтения) получила первую премию имени Кирилла и Мефодия¹⁰⁵⁸. Несмотря на то, что монография «Первые славянские монархии на северо-западе» несет на себе, что не удивительно, некоторую печать ученичества (но ученичества, достойного всяческого подражания и поощрения), она по сей день – используемая по разным поводам – не выпала из научного оборота.

Рядом с такими исследованиями, как монографии Н.И. Костомарова или А.С. Трачевского, по всем статьям проигрывал одновременно с ними изданный «Очерк истории крестьян в Польше» И.Л. Горемыкина (СПб., 1869). Недавний выпускник Императорского училища правоведения (а в будущем – глава российского правительства), Иван Логгинович Горемыкин (1839–1917) с 1864 г. служил в Царстве Польском комиссаром по крестьянским делам (затем – товарищем председателя Комиссии по крестьянским делам). Реализация аграрной

¹⁰⁵⁶ СДР... словарь. С. 338–339.

¹⁰⁵⁷ Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе. СПб., 1872.

¹⁰⁵⁸ Bibliographia Uspenskiana // Византийский временник. Т. I (XXVI). М., 1947. С. 270.

реформы 1864 г. и возникавшие при этом сложности были ему, разумеется, хорошо знакомы, но в истории польского крестьянства он все-таки оставался не более чем дилетантом. Составленный Горемыкиным компилятивный (и весьма краткий, от давних времен вплоть до начала 1860-х гг.) обзор заслуживает упоминания разве только как показатель растущего внимания к крестьянской (аграрной) проблематике в российской полонистике. При написании собственного сочинения опираясь преимущественно на польскую литературу (А. Нарушевича, И. Лелевеля и др.), и сообщив, что из русских авторов им использованы лишь труды А.Ф. Гильфердинга «Историю балтийских славян» (М., 1855) и М.О. Кояловича «Лекции по истории Западной России» (М., 1864), И.Л. Горемыкин не избежал, тем не менее, трансляции тезисов, ставших для российской литературы уже едва ли не штампами. Так, например, характеризуя положение польских хлопков в XVII–XVIII вв., автор пишет, что «в отношении государства крестьянин был как бы вещью, принадлежавшею его гражданам-шляхте. Вещь эта принималась в расчет, когда была в том нужда...»¹⁰⁵⁹, решительно не желая проводить хотя бы поверхностное сравнение положения польского крестьянства раннего нового времени и русского крестьянства вплоть до XIX ст., лишь недавно (относительно выхода в свет книги Горемыкина) освобожденного от крепостной зависимости. Духу представлений русской исторической литературы в целом (и полонистики в частности) о состоянии внутренней жизни Речи Посполитой отвечает и другое заявление автора очерков, когда он твердо, без тени сомнений, зато с нескрываемым возмущением, сообщает читателям: «Время от конца XVI-го до конца XVIII-го в. прошло для польских крестьян в полном рабстве, не принося с собою никаких перемен в их судьбе. В течение этих двух веков крестьяне несли на себе все тягости своей неволи, если не безропотно, то по крайней мере без общего по всей Польше сопротивления угнетавшей их власти шляхты»¹⁰⁶⁰. Таким образом, даже демонстрируемая автором опора на польскую историографическую традицию (что вполне можно было бы записать на счет русско-польского диалога в сфере научных контактов), не позволила ему, тем не

¹⁰⁵⁹ Горемыкин И.Л. Очерки истории крестьян в Польше. СПб., 1872. С. 109.

¹⁰⁶⁰ Горемыкин И.Л. Очерки истории крестьян... С. 110.

менее, освободиться от давления устоявшихся в русском обществе стереотипов в отношении как давнего прошлого, так в известной мере и настоящего Польши, распространенность которых мало зависела от степени разработанности конкретной исторической проблематики.

Вместе с тем нельзя не подчеркнуть, что исследованиями по польской истории Соловьева, Трачевского и ряда других из числа упоминаемых здесь авторов в 1860–1870-е годы вводился в научный оборот солидный массив ранее неизвестных источников – главным образом, мемуаров и дипломатической переписки. Пополнялся и фонд изданий польских исторических памятников.

Говоря об этом, весьма значимом направлении развития российской полонистики, нельзя не отметить, что несколько публикаций увидело свет благодаря стараниям Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914)¹⁰⁶¹, под чьим руководством в студенческие годы вел свои западнославянские изыскания Ф.И. Успенский. Поборник идеи непримиримого противостояния греко-славянского мира и латинства, ревнитель православного вероучения, Ламанский вполне профессионально занимался польской историей. Тому способствовала недолгая, но продуктивная служба в Архиве министерства иностранных дел, где Ламанский обнаружил материалы эпохи падения Речи Посполитой. В итоге им были изданы такие важные, с точки зрения расширения наших представлений о драматичной эпохе польской истории памятники, как «Допросы Костюшке, Немцевичу и прочим и их показания» (ЧОИДР, 1866. Кн. 3, 4; 1867. Кн. 1), «По случаю слуха о прибытии Костюшки в русские владения в 1798 г.» (Там же. 1867. Кн. 2), «Бумаги К.С. Домбровского» (Там же), «Из архива гр. В.Н. Панина: Бумаги о первом разделе Польши» («Русский архив». 1871. №1).

К публикациям источников как таковым тесно примыкали и сочинения, которые являли собой не столько исследования, сколько сводки материала – сводки, разумеется, тенденциозно подобранные и таким же образом прокомментированные. Примером тому может служить хотя бы двухтомник В.Ф. Ратча «Сведения о польском мятеже 1863 г. в Северо-западной России» (Вильна, 1867–1868). Среди подобных изданий особо надо отметить целую серию книг (в

¹⁰⁶¹ СДР... словарь. С. 214–217; Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. С. 354–378.

переводе с немецкого) Фридриха Смита (1787–1865), остзейского немца, сделавшего успешную чиновную карьеру, а в 1863 г. избранного членом-корреспондентом Академии наук.

В России Фридриха (Федора Ивановича) Смита ценили: так, перевод его «Истории польского восстания и войны 1830 и 1831 гг.» (Т. 1–3. СПб., 1863–1864), уже упоминавшейся во второй главе, принес автору академическую Демидовскую премию. Также были изданы его «Отзывы и мнения военнопольских начальников о польской войне 1831 г.» (СПб., 1867), «Суворов и падение Польши» (ч. 1–2, СПб., 1866–1867). Ф. Смит, надо сказать, не чуждался и историко-софических сюжетов, о чем свидетельствует сочинение под длинным и выразительным заглавием «Ключ к разрешению польского вопроса, или почему Польша не могла и не может существовать как самостоятельное государство» (СПб., 1866).

Лишним подтверждением того, сколь популярна была в тогдашней России монография Ф. Смита «История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов»¹⁰⁶², первые два тома которой в переводе с немецкого вышли в Петербурге в 1863 г., а третий увидел свет в следующем, 1864 г., может служить упоминавшаяся ранее статья из «Отечественных записок», построенная, в основном, на пересказе содержания книги Смита. Что же касается самого Ф. Смита, то он, прежде чем перейти к изложению событийной канвы Ноябрьского восстания и последовавшего затем польско-русского военного противостояния (а именно в таком ключе решена монография), счел необходимым дать краткий обзор истории Польши в течение, как он выражался, «пятнадцатилетнего владычества России». Пойдя по пути сравнения помыслов и деяний двух императоров в контексте решения каждым из них польского вопроса – Наполеона и Александра – Ф. Смит явно склонялся в сторону последнего.

¹⁰⁶² Надо сказать, что и следующие поколения русских историков с неослабевающим вниманием вчитывались в это сочинение Ф. Смита. К примеру, А.А. Корнилов именно по Смигу приводил слова одного из активистов Ноябрьского восстания Мауриция Мохнацкого (о чем не преминул сообщить в примечании) в своей монографии «Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века» (Пг., 1915). – Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Пг., 1915. С. 25–26.

Русским читателям, наверное, было лестно читать о признании немецким автором заслуг императора Александра I. Если, писал Смит, «в глазах Наполеона обольстительная идея восстановления Польши была не более как приманка для того, чтобы привлечь поляков на свою сторону и сделать их орудием своих обширных замыслов», то «рыцарский характер» Александра «возмущался при мысли» заискивать перед поляками «в то время, когда он в них нуждается»¹⁰⁶³. Смит, похоже, был уверен в том, что российский император действительно «хотел удовлетворить их (поляков. – Л.А.) стремлениям не в минуту опасности, когда руководившие его виды могли быть ложно поняты, но в то время, когда он, как победитель, мог действовать с полною свободою», и при этом поступал бы так исключительно «по великодушным внушениям своего сердца, которые были в этом случае согласны с видами политики»¹⁰⁶⁴.

Нетрудно предположить, сколь широкий отклик в русском обществе должны были получить и приведенные Ф. Смитом слова просьбы поляков, обращенные к Александру I: «"Император может", – говорили они, – "впредь управлять нами по своему желанию, и мы только просим, чтобы он не допустил нас попасть под владычество немцев, потому что поляки составляют одно племя с русскими"»¹⁰⁶⁵. Противопоставление «немцев» и «единоплеменных» русским поляков пало, безусловно, на вполне подготовленную славянофилами почву. Кроме того, автор был не прочь лишней раз дать понять, сколь не просто складывались дела на Венском конгрессе, где решалась судьба Варшавского герцогства, созданного по воле Наполеона. Учитывая, что «представители первостепенных держав имели совершенно различные намерения» в решении польского вопроса, первостепенное значение должна была приобрести позиция императора Александра. Он же, несмотря на то, что «не хотел без своих союзников решить их (поляков. – Л.А.) судьбу», все-таки «принимал сторону поляков и требовал полного восстановления Польского королевства под своим скипетром, подобно тому, как соединена Венгрия с Австриею»¹⁰⁶⁶.

¹⁰⁶³ Смит Ф. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. СПб., 1863. Т. 1. С. 1, 4.

¹⁰⁶⁴ Смит Ф. История польского восстания... Т. 1. С. 4–5.

¹⁰⁶⁵ Там же.

¹⁰⁶⁶ Там же. С. 7–8.

С точки зрения Ф. Смита, сложившаяся на конгрессе ситуация (развивавшаяся в атмосфере недоверия) объяснялась тем, что тогда впервые проявилась «боязнь усиления России». Европейские державы «скорее соглашались вторично разделить Польшу и все пространство ее до Вислы отдать Пруссии, чем видеть ее восстановленную под влиянием России», и, подчеркивал Смит, в сложившихся условиях только «император Александр твердо сопротивлялся; он был тогда единственным защитником польского дела»¹⁰⁶⁷.

Правда, Ф. Смит будто не замечал противоречивости своих высказываний, не замечал, что у него не всегда, как говорится, сходились концы с концами. То он говорил о «всеобщем желании [поляков] соединиться с Россией», то вынужден был подчеркивать «доброжелательные намерения относительно Польши» российского императора, который «постоянно сохранял свое расположение к ним; даже в те минуты, когда их оружие наносило ему явный вред, его мысли были заняты их будущим благосостоянием. Ласково принимал он всех являвшихся к нему, даже тех, которые сражались в неприятельских рядах»¹⁰⁶⁸. Но, невольно возникает вопрос, разве это не означает, что желание «соединиться с Россией» отнюдь не было всеобщим?

Так или иначе, на протяжении не одного десятка страниц читатель имел возможность внимать гимну во славу императора Александра, который, по словам князя Адама Чарторыйского (произнесенным в речи 24 (12) декабря 1815 г.) «мог господствовать одною силою, но руководимый внушением добродетели, он отвергнул такое господство. Он основал свою власть не на одном праве, но на чувстве благодарности, на чувстве преданности и на том нравственном могуществе, которое порождает вместо трепета – обязанность, вместо принуждения – преданность и добровольные жертвы»¹⁰⁶⁹.

Правда, если «неприятель, на которого поляки напали вооруженною рукою, страну которого они опустошили, – продолжая воздавать хвалу императору Александру, писал Ф. Смит, – этот самый неприятель, когда победа обратилась на его сторону, великодушно даровал им свободу, законы и благосостояние

¹⁰⁶⁷ Смит Ф. История польского восстания... 8, 9.

¹⁰⁶⁸ Там же. С. 6, 7.

¹⁰⁶⁹ Там же. С. 17.

их отечества, бывшего так долго театром войн и волнений беспорядочных страстей», то сами поляки, вынужден был констатировать автор, оказались не способны «ценить эти дары». Объяснение тому он приводил самое простое, давно известное русскому читателю (всцело отвечающее его представлениям о поляках): «ни постоянство, ни благодарность не были отличительными чертами их характера», и, будто подготавливая внимательного читателя к переходу к основному сюжету, заявлял: «Это выказалось с самого начала. Уже в то время находились люди, недовольные приобретенными выгодами»¹⁰⁷⁰.

Поляки, выступившие в 1830 г. против «своего» государя, подчеркивал Смит, всеми своими действиями, «старались выставить дело так, как будто бы государь был вынужден и обязан Венским конгрессом восстановить Польшу и дать ей особенную конституцию, но, давши раз конституцию, он сделал это с тайною мыслью никогда не выполнять ее». Сам же автор, выступая своего рода добровольным адвокатом Александра I (но нуждался ли император в адвокате?), был уверен в обратном, да и напоминал читателям: «акты конгресса находятся перед глазами всего света; каждая страница их свидетельствует об усиленных стараниях государя в пользу Польши»¹⁰⁷¹.

Безудержное восхваление добрых намерений императора Александра I (который был готов восстановить Польшу, по словам самого автора, не только «по великодушным внушениям своего сердца», но и потому, что они «были в этом случае согласны с видами политики»¹⁰⁷²) не способствовало благожелательному восприятию Ф. Смитом требований польских повстанцев. Напротив. Жалобы поляков на «несчастную судьбу Польши», судя по всему, не производили на него впечатления. Признавая, что «манифест блестящим образом превозносит польскую нацию»¹⁰⁷³, он не согласен был с ним по существу. Ф. Смит с едва скрываемой иронией прокомментировал приведенные им слова из манифеста повстанцев. В этом манифесте, напоминал он читателям, поляки представляли себя как «спасители свободы, которой хотят нанести смертельный удар», и по-

¹⁰⁷⁰ Смит Ф. История польского восстания. Т. 1. С. 20.

¹⁰⁷¹ Там же. С. 21.

¹⁰⁷² Там же. С. 5.

¹⁰⁷³ Там же. С. 219.

тому они брали на себя обязательство – «оберегать и защищать цивилизацию и не допускать до Европы дикие орды севера, обязались служить только опорой, блюстителями и защитниками /.../ свободы; если бы даже они не были поддержаны»¹⁰⁷⁴, иначе говоря, в любом случае, поскольку они изначально «решились одни вести борьбу за всех, и если вынуждены будут пасть, то умрут с сладким чувством: что они защищали человеческие права европейских народов»¹⁰⁷⁵.

Но сердце Ф. Смита, многие страницы сочинения которого были отведены умилению над каждым «движением души» российского императора, теперь не дрогнуло. Слова польского манифеста стали для него лишь поводом подчеркнуть крайнюю самонадеянность поляков, «с которою 4 миллиона людей брали на себя покровительство 160 миллионами»¹⁰⁷⁶. Он довольно скептически отнесся и к уверениям повстанцев, которые будто бы «предприняли свою революцию за Австрию и Пруссию, дабы служить им оплотом против России; /.../ за всю Европу, дабы оберегать ее права и свободы»¹⁰⁷⁷. В стремлении указать на противоречие, допущенное создателями манифеста, Смит подчеркивал, что «они сознавались в конце манифеста, /.../ что они имеют целью не только независимость, но и завоевание прежде бывших польских провинций»¹⁰⁷⁸, хотя, с точки зрения польских интересов, противоречие здесь не было. Для поляков, как известно, восстановление независимости всегда означало восстановление прежних границ (и, к слову, примерно о том же помышлял, и, кстати, был не раз за это порицаем, император Александр I, столь высокой ценимый самим Смитом). Не приходится сомневаться, что именно подчеркнуто пророссийский настрой книги Ф. Смита обеспечил ей лидирующее место среди тех книжных новинок, которые должны были в первую очередь увидеть свет на русском языке.

Одним из свидетельств проявления польского вопроса в исторической литературе служит выход в свет нескольких общих очерков истории Польши. Так, в те же годы, что и монография Смита, была переведена с польского «История польского народа» Генрика Шмитта (Т. 1–3. СПб., 1864–1866). О трактовке ав-

¹⁰⁷⁴ Смит Ф. История польского восстания... С. 219.

¹⁰⁷⁵ Смит Ф. История польского восстания... С. 219.

¹⁰⁷⁶ Там же.

¹⁰⁷⁷ Там же. С. 220.

¹⁰⁷⁸ Смит Ф. История польского восстания... С. 220.

тором судеб своей родины дает некоторое представление принятая им периодизация польской истории, где, к примеру, на Раннее новое время пришлось два отрезка: «Польша в цветущем положении как шляхетско-общинная Речь Посполитая» (1496–1648) и «Польша, клонящаяся к падению» (1648–1733).

С этим солидным (правда, посвященным только политической истории) трудом абсолютно несопоставима «История Польши» И.Г. Кулжинского (Киев, 1863), небольшая по объему, а главное – представляющая собой дилетантски составленный очерк. Достаточно беззаботный в отношении исторической критики, автор, зато, упорно внушал читателям, что во всех своих бедах виноваты сами поляки – то же самое он провозглашал и в своей брошюре 1863 г. «Последнее пятидесятилетие Польши», где изложение было доведено до 1815 г. и завершалось восхвалением Александра I. Погружаясь в атмосферу «последнего пятидесятилетия», автор будто стремился оградить себя от неожиданных открытий. Ему самому было хорошо известно (и он спешил напомнить об этом читателям), что «давно уже существовало в Европе всеобщее убеждение о невозможности существовать Польше в таком беспокойном и буйном характере ее жителей»¹⁰⁷⁹. Как нельзя кстати оказались и самокритичные высказывания самих поляков, не забытые Кулжинским. Не без удовольствия автор приводил горькие констатации Адама Нарушевича: «Трудно обманывать себя: мы [поляки] никогда не имели правления, и никогда не были счастливы», которому на свой манер вторил его коллега по перу Георг Бандтке: «Расстройство и беспорядок были повсеместны, и Польша была похожа на заездную корчму, в которой всяк, что хотел, то и делал»¹⁰⁸⁰.

Кулжинского, как видно, вполне устраивали именно констатации, он просто не был склонен разбирать факты, доводы, причины, предпочитая отыскивать (благо – они почти на поверхности) уже готовые ответы. Как ни удивительно, но ему удалось «собрать в одном слове все те причины, которые погубили Польшу», и в итоге получилось, что «это слово было /.../ – *католи-*

¹⁰⁷⁹ Кулжинский И.Г. Последнее пятидесятилетие Польши, с 1764 по 1814 год. (Краткий исторический очерк). Киев, 1863. С. 7.

¹⁰⁸⁰ Цит. по: Кулжинский И.Г. Последнее пятидесятилетие Польши. С. 2–3

*цизм»*¹⁰⁸¹. Автор решил не придавать значения тому, что указанная им самим причина не совпала с тем, о чем толковали поляки, но, так или иначе, причина столь счастливо обнаружена, каков же, возникает вопрос, был механизм ее действия?

Поскольку «со всех сторон была чувствуема потребность решительных мер», подготавливал автор читателей к дальнейшему развитию событий (хотя, казалось бы, какие меры должны идти в ход, раз счастливо найденная причина уже ведет дело к гибели), «решительная мысль о разделе этой несчастной страны, *не умевшей существовать* (курсив в оригинале. – Л.А.), /.../ вышла из головы Фридриха II-го короля Прусского, который склонил к тому же и австрийскую императрицу Марию-Терезию»¹⁰⁸². Как известно, случилась загвоздка – «оставалось только склонить третьего соседа, российскую императрицу». Причем, Екатерина II у Кулжинского выходит на сцену последней, она – явно ведомая, хоть роль ей была отведена отнюдь не второстепенная, – как-никак, императрица «в вознаграждение военных издержек хотела присоединить к России Молдавию и Валахию»¹⁰⁸³. Ближайших соседей, понятно, подобное развитие событий устроить не могло. А уж «Австрийскому двору чрезвычайно неприятно было предстоящее присоединение дунайских княжеств к России», вот потому, считал автор, «немцы и начали стараться, чтоб Россия, вместо Молдавии и Валахии, согласилась присоединить к себе часть Польши»¹⁰⁸⁴.

Создается впечатление, что сколь хрестоматийное, столь и схематичное изложение событий понадобилось Кулжинскому только для того, чтобы лишний раз напомнить полякам об их собственных проступках. Когда автор брался перечислять: «Польша не умеет пользоваться благодеяниями мира и /.../ покровительства», она «вместо раскаяния в своих политических грехах и неустройствах пришла в отчаяние», а затем «всю ненависть свою обратила /.../ на Россию», – главным для него было напомнить, ведь Россия-то «менее всех виновна была в

¹⁰⁸¹ Кулжинский И.Г. Последнее пятидесятилетие Польши... С. 3.

¹⁰⁸² Там же. С. 8.

¹⁰⁸³ Кулжинский И.Г. Последнее пятидесятилетие Польши... С. 8.

¹⁰⁸⁴ Там же.

ее несчастью, и с 1775 по 1788 год искренне старалась поддержать самобытность ее»¹⁰⁸⁵.

Правда, Кулжинский был далек от того, чтобы вдаваться в разъяснения, каким именно образом Россия «искренне старалась поддержать самобытность» Польши, зато рекомендовал самим полякам «не /.../ забывать, что при разделении Польши Россия взяла у нее *не польские провинции, населенные польским народом*, но свои древние *русские области с русским народом, с русским языком и русской верой* (курсив в оригинале. – Л.А.)»¹⁰⁸⁶. Впрочем, ожидать большего от пропагандистской по духу брошюры (зато способной проиллюстрировать преломление польского вопроса в литературе такого рода), наверное, и не следовало.

Своеобразный и по-своему любопытный очерк польской истории включил в свою, сильно пострадавшую от цензуры, книгу «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (1868) Иван Гаврилович Прыжов (1827–1885). Приобщению И.Г. Прыжова к славянской (точнее, пожалуй, к южнорусской) тематике в немалой степени способствовало его пребывание в стенах Московского университета, где он, по выражению М. Альтмана, получил «окончательную шлифовку /.../ как историк и литературовед». «Своими обширными познаниями и глубокими симпатиями к Украине» Прыжов был обязан «щирому украинцу» О.М. Бодянскому, немалое влияние оказали на него Т.Н. Грановский и С.М. Соловьев¹⁰⁸⁷.

Как писал Прыжов в своей «Исповеди», «целью моих трудов было на основании законов исторического движения проследить все главные явления народной жизни, и каждое из них с первых следов их существования вплоть до нынешнего дня...»¹⁰⁸⁸. Подобное признание, что важно, находит прямое соответствие в его «Истории кабаков в России». В скором будущем – член «Народной расправы» и один из подсудимых на знаменитом процессе нечаевцев, Прыжов рассматривал прошлое Польши с леворадикальных позиций. Хотя и в данном

¹⁰⁸⁵ Кулжинский И.Г. Последнее пятидесятилетие Польши. С. 12–13.

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 13.

¹⁰⁸⁷ Альтман М. Иван Гаврилович Прыжов и его литературное наследие // Прыжов И.Г. История кабаков в России. М., 1992. С. 9–10.

¹⁰⁸⁸ Цит. по: Альтман М. Иван Гаврилович Прыжов... С. 17.

случае обращение к польской истории обернулось очередным для русской литературы антишляхтским выпадом.

Прыжов подчеркивал, что, начиная с середины XVII в., «Польша приходила “в конечную роспуту”, шляхта проплясывала последние свои дни, и с рокового 1659 года она уже прямо шла к своей гибели». При этом он акцентировал, что, став «передовым сословием Польши», шляхта «вечно была ненавистна народу, и шляхтич стал притчею во языцех». Любопытно, но в противовес шляхте, даже на королей польских автор, создается впечатление, взирает едва ли не с симпатией: «Несмотря на все усилия польских королей поддержать свободные права городов, свободу их попирала шляхта» или другой вариант – «собираясь на сеймы, шляхта начинала предъявлять королям самые алчные требования»¹⁰⁸⁹.

На особый манер, и очень четко, представлена у Прыжова проблема извечного российско-польского соперничества: «Русского человека, – считал он, – шляхте нужно было или охолопить или искоренить»¹⁰⁹⁰. Что касается кардинального вопроса (и для российской полонистики, и для русского общества, и для самих поляков) – о виновниках (причинах) гибели Речи Посполитой, – автору ответ был известен, и в данном случае его вариант не отличался оригинальностью: «Шляхта, по единодушному признанию всех историков, польских и русских, и сгубила Польское государство»¹⁰⁹¹. Больше того, ради усиления доказательности этого тезиса (хотя в русской среде он давно прослыл аксиомой) и, в то же время, демонстрируя знание польской литературы вопроса (доводилось ему ссылаться на Адама Нарушевича, по его словам, одного «из лучших поляков»), Прыжов приводил обширную цитату, правда, не давая точной отсылки, откуда она взята. Содержание цитаты вполне объясняет, почему Прыжов, вообще-то не злоупотреблявший цитированием (при очевидном, и широком, знакомстве с литературой), не смог отказать себе в том, чтобы не привести эти слова: «Шляхта, живя на счет хлопов, не знала ни физического, ни умственного труда. Где было этой продажной и разучившейся шляхте мыслить, чувствовать и чест-

¹⁰⁸⁹ Прыжов И.Г. История кабаков... С. 157, 162, 150, 153.

¹⁰⁹⁰ Там же. С. 162.

¹⁰⁹¹ Прыжов И.Г. История кабаков... С. 163.

но управлять страной? Неумение правительственных сословий осчастливить народ, деморализация высших классов – естественное последствие крепостного права, которое всегда лишает владетельные классы нравственной силы и упругости, а у низших отнимает последние качества человека – вот причины падения Польши»¹⁰⁹².

Разумеется, автора здесь, прежде всего, привлекло прямое, ясное указание причин гибели Речи Посполитой, и причины эти, что существенно, были поданы под углом зрения радикально мыслящего автора. Сожалея, что в свое время «татарщина, убив в Москве самобытную народную деятельность, ввела в жизнь рабство и деспотизм», Прыжов, в то же время, не принимал и «начала свободы», исходившие от «свободомыслящей Польши», поскольку, по его убеждению, «у ляхов не оказалось никакой свободы, кроме шляхетской»¹⁰⁹³.

К разряду такого рода общих очерков должен быть по праву отнесен польский раздел из «Обзора истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича (СПб., 1865), принадлежавший перу второго из соавторов. Но поскольку этот краткий раздел будет значительно расширен при переиздании книги в 1881 г., его характеристика будет дана в следующей главе.

Тематически близка к либеральному по своему духу сочинению В.Д. Спасовича, – и, в то же время, резко отлична от него по своей идейной направленности, – большая статья В.В. Макушева «Общественные и государственные вопросы в польской литературе XVI в.». Статья привлекает внимание и сама по себе, и поскольку она вышла из стен нового университетского центра, – открытого (точнее, восстановленного) с осени 1869 г. Варшавского университета. Воссоздаваемый на базе бывшей Главной школы (которая, в свою очередь, возникла на месте университета, учрежденного еще при Александре I в столице Царства Польского в 1816 г. и упраздненного, как рассадник вредных идей, в 1831 году), Варшавский университет¹⁰⁹⁴, по замыслу властей, должен был служить делу русификации так называемых Привислянских губерний. Хотя среди

¹⁰⁹² Там же. С. 163–164.

¹⁰⁹³ Там же. С. 161.

¹⁰⁹⁴ Иванов А.Е Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 23–33.

студентов преобладали поляки, преподавание велось на русском языке, соответственно подбирался преподавательский состав, соответственно строился учебный план, в котором не нашлось места для истории Польши¹⁰⁹⁵. Начальство строго пресекало любые проявления свободомыслия и – даже намеки – на полонифильство.

Викентию Васильевичу Макушеву (1837–1883), ученику И.И. Срезневского, довелось в 1871 г. стать первым профессором по тамошней кафедре славянской филологии (иначе именуемой «кафедрой славянских литератур, истории и древностей»). Основные его работы, в том числе обе диссертации – магистерская (1867) и докторская (1871), посвящены были балканистике¹⁰⁹⁶. Польские сюжеты в его ученых трудах стояли далеко не на первом плане¹⁰⁹⁷. Когда же Макушев обращался к польским сюжетам, то его больше интересовало литературоведение, и в еще большей степени – политическое звучание затрагиваемых вопросов. Сам наполовину поляк (мать его происходила из старинного шляхетского рода Михайловских), историк, убежденный сторонник русификации имперских окраин, вообще поляков не жаловал, а шляхту глубоко презирал.

Свое понимание собственных польских студий варшавский профессор В.В. Макушев изложил следующим образом: «Преследовать польскую интригу и разъяснять отношение поляков к русским в старину и ныне стало моей задачей. Кроме того, зная, как извращают поляки свою историю для возбуждения народного чувства, я изучал их литературу и их историю, и восстанавливал истину в университетских лекциях, из коих некоторые напечатал»¹⁰⁹⁸.

Названная статья (большая, занявшая сотню страниц) во многих отношениях показательна – как для самого автора, так и для российской полонистики тех лет. Помещена она была вместе с двумя другими его статьями, но уже на иную тему, в третьем томе «Славянского сборника» (СПб., 1876). Исследова-

¹⁰⁹⁵ Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 591–592; Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX – начале XX в. // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.) Варшава, 1995. С. 198–205; и др.

¹⁰⁹⁶ Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 604–606, 611–616.

¹⁰⁹⁷ Подробнее об этом см.: Лаптева Л.П. Профессор Варшавского университета Викентий Макушев и его работы о Польше // История и историография зарубежного мира в лицах. Вып. 1 [Самара]. 1996. С. 156–167.

¹⁰⁹⁸ РО ИРЛИ. Архив П.А. Кулаковского. Ф. 572. № 306. Макушев В.В. Автобиография его. Л. 6 об.

тель начинал с констатации того, что «ни одно из славянских племен не заслуживает столь тщательного с нашей стороны изучения, как соседнее нам польское племя, с которым мы находимся в непрерывных сношениях и столкновениях с древнейших времен и поныне»¹⁰⁹⁹. Поляки, на взгляд Макушева, выделялись среди славян еще и в ином отношении. На сакраментальный вопрос, сольются ли когда-нибудь славянские ручьи в русском море, Макушев, что следует подчеркнуть, отвечал отрицательно. По его словам, слияние «не представляется возможным и желанным ни славянским нашим братьям, ни нам самим». Однако для поляков он все-таки делал исключение, поскольку, как он писал, «польский ручей (по крайности, значительнейшая его часть) уже давно влился в наше море, и есть надежда, что в ближайшем будущем окончательно с ним сольется»¹¹⁰⁰. Вопрос, была ли подобная перспектива желанна полякам, в статье не рассматривался.

Здесь же автор не раз с грустью отмечал скудость сведений о ближайшем соседе: «поляков мы знаем меньше, чем, например, герцоговинцев или сербов-лужичан»¹¹⁰¹. На счет такой неосведомленности – «мы слишком мало знали и знаем поляков» – он записывал «непростительные промахи и ошибки», какие русская сторона делала «при всяком столкновении с ними»¹¹⁰², тем самым – вольно или невольно – подтверждая неразрывную связь между польским вопросом (в его общественно-политическом проявлении) и развитием отечественной полонистики. В то же время, как считал Макушев, полякам тоже было свойственно незнание (или нежелание знать) Россию, отчего те и действовали «безрассудно, бестактно и бестолково». Но они, признавал автор, свою ошибку осознали: по уверению Макушева, «даже самые ярые защитники польщизны» теперь советуют изучать Россию – «с целью эксплуатировать ее в свою пользу». Ради противодействия такому повороту событий историк настоятельно рекомендовал ближе знакомиться с прошлым и настоящим польского народа, а для этого нужно, чтобы «наши периодические издания почаще помещали на своих страницах

¹⁰⁹⁹ Макушев В.В. Общественные и государственные вопросы в польской литературе XVI в. // Славянский сборник. Т. 3. СПб., 1876. С. 27.

¹¹⁰⁰ Там же.

¹¹⁰¹ Макушев В.В. Общественные и государственные вопросы. С. 27.

¹¹⁰² Там же.

серьезные и беспристрастные статьи по польской этнографии и истории политической и литературной»¹¹⁰³.

Под таким, сугубо утилитарным, углом зрения Макушев и рассматривал в своей статье польскую литературу XVI века и преломление в ней общественных и политических вопросов, демонстрируя при этом как знание предмета, так и далеко не беспристрастное (в противовес своим же собственным призывам) отношение к нему.

Автор не замыкался в хронологических и тематических рамках, обозначенных заглавием. Казимиру III и Владиславу Ягайле в вину было поставлено насаждение католической веры в русских землях, а Витовт (хотя позднее он и перейдет «в лагерь поляков и католиков») признан защитником православия. «Сочувствие Литовской Руси к новому учению лютеран, кальвинистов и анабаптистов» истолковано автором как проявление ненависти населения к польскому католицизму. Люблинская уния представлена результатом опасений поляков, что «постоянно возрастающая в силе и могуществе православная Россия не только возвратит себе утраченные литовско-русские земли, но даже поглотит саму Польшу»¹¹⁰⁴.

Помимо прочего, В.В. Макушев отдал дань традиционным представлениям об отрицательной роли немецкой сельской и городской колонизации («немецкие общины составляли государство в государстве»). По его словам, в XVI в. «торговля и промышленность были в руках преимущественно немцев – этих паразитов Польши», причем тут же было добавлено, что «еще вреднее немцев для Польского государства были евреи»¹¹⁰⁵. Сельское хозяйство, как неоднократно подчеркнуто автором, пребывало в упадке: «Свободные земледельцы, кметы, уже в XV в. обратились в крепостных; между ними и хлопами исчезло всякое различие»¹¹⁰⁶. Нельзя не отметить, что российского историка – здесь, правда, Макушев был не первым и не последним – подвело созвучие польского слова «chłory», т.е. «мужики», и русского «холопы». По мнению Макушева, с конца

¹¹⁰³ Макушев В.В. Общественные и государственные вопросы. С. 27–28.

¹¹⁰⁴ Макушев В.В. Общественные и государственные вопросы. С. 30–31.

¹¹⁰⁵ Там же. С. 32–34.

¹¹⁰⁶ Там же. С. 35.

XV столетия в Польше закон и право существовали только для шляхты. Пресловутое шляхетское равенство им безоговорочно признано фикцией: «на деле всем заправляли сильные и богатые паны, мелкая же шляхта спасалась от их насилия и своеволия по деревням или находилась у них на службе»¹¹⁰⁷. Несмотря на то, что работа Макушева была написана с опорой на польскую историографию и источники, в своих суждениях о польской истории он почти не выходил за пределы расхожих представлений.

В основной части своей статьи он собрал немало сколь колоритных, столь и язвительных высказываний писателей XVI в. о положении дел в стране и о нравах ее обитателей. При этом Макушев – подобно Трачевскому и ряду других исследователей – меньше всего обращал внимание на жанровые особенности привлекаемых произведений, на обстоятельства появления того или иного памфлета и на те задачи, какие ставили перед собой Петр Скарга и его собратья по перу. В совокупности все эти, зачастую очень пристрастные, полемически заостренные суждения современников были призваны, по мысли исследователя, доказать полную моральную деградацию своенравной польской шляхты, погрязшей в тунеядстве, роскоши, обжорстве, пьянстве и разврате.

Впрочем, еще года за три до составления такой сводки, Макушев уже уверенно писал в газетной статье о том, что аморальность шляхты – главная причина падения Речи Посполитой: «История /.../ произнесла над ними (поляками. – Л.А.) приговор: она признала их независимое политическое существование невозможным /.../ и нашла нужным приставить к ней трех опекунов – Россию, Пруссию и Австрию»¹¹⁰⁸. И потому, провозглашалось историком несколько месяцев спустя в той же газете, – «падение Польши было исторически неизбежным явлением, Польша родилась с зачатками неизлечимой болезни, которая развивалась все более. Поляк живет сердцем, а не умом, действует постоянно под влиянием сердечных порывов, неспособен к холодному обсуждению и устойчивому труду. Из такого народного характера развилось безначалие в Польше, приведшее ее к падению»¹¹⁰⁹. Л.П. Лаптева приводит еще один выразитель-

¹¹⁰⁷ Там же. С. 35.

¹¹⁰⁸ Макушев В.В. Современное положение северо-западных славян // Голос. 1873. № 26.

¹¹⁰⁹ Макушев В.В. Поляки в России // Голос. 1873. № 160.

ный пассаж из этой серии газетных публикаций 1870-х гг.: «Вековые заблуждения и предрассудки до того отуманили польский ум, что он оказывается решительно неспособным к правильному и последовательному мышлению»¹¹¹⁰.

Если к пореформенным статьям Гильфердинга, не говоря уж о монографиях Соловьева или Костомарова, исследователи обращаются по сей день, то странным образом ими обойдены вниманием, а то и попросту забыты, появившиеся на исходе 1870-х годов большие монографии Н.И. Павлицева. Возможно, причина заключается в том, что мимо них по преимуществу прошли и современники.

Надо сказать, что школьным учебником 1843 г. (см. главу вторую) Павлицев не ограничился. Увлеченный мыслью создать целый цикл исследований по истории Польши, он в течение долгих лет своего пребывания в Варшаве, насколько ему это позволяла служба, собирал всякого рода информацию, делал заметки и наброски к будущим книгам. Однако после подавления Январского восстания служебные обязанности оставляли ему еще меньше свободного времени, чем прежде. «Человек высокообразованный, закаленный русский патриот и глубокий знаток края и его населения», как аттестует Павлицева его сослуживец по Варшаве¹¹¹¹, был в сентябре 1863 г. назначен «директором периодической печати», т.е. должен был контролировать всю печать Царства Польского. Год спустя, наместник назначил его также и редактором создаваемой новой русской газеты «Варшавский дневник».

Реализовать свои замыслы – пусть не полностью – ему удалось уже после возвращения в Петербург (1871)¹¹¹². Столичная служба по военному ведомству, очевидно, оставляла тайному советнику (что по армейскому счету соответствовало генерал-лейтенанту) больше времени для ученых занятий, и у него окончательно вызревает проект написания фундаментальной истории страны, которая не уступала бы лучшим польским образцам – трудам Г. Бандтке, И. Лелевеля, Ю. Шуйского. В ней, само собой разумеется, русско-польским взаимоотноше-

¹¹¹⁰ Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 628.

¹¹¹¹ Любарский И.В. «Варшавский дневник» и первый его редактор // Исторический вестник. Т. 54 1893. С. 150.

¹¹¹² Об этом подробнее см.: От издателя // Павлицев Н.И. Сочинения. Т. 1. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. Ч. 1. СПб., 1878. С. 7.

ниям на протяжении веков должно было быть уделено самое пристальное внимание.

В итоге «свод польской старины с древнейших времен до наших дней» обрел форму четырех тесно связанных между собой монографий: «Польша до Люблинской унии», «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину», «Последние три Августа в Польше» и «Седмицы польского мятежа 1861–1864 г.»¹¹¹³. Если в гимназическом учебнике третий раздел Речи Посполитой ставил точку в истории Польши, то теперь, как видим, она должна была получить развернутое продолжение.

Историк успел завершить и сдать в печать вторую и четвертую части тетралогии¹¹¹⁴. На них стоит остановиться, поскольку они достаточно наглядно отразили направленность научных интересов историка, особенности его исследовательской манеры.

Увидевшая свет в 1878 г. «Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину. 1592–1699» – это 700-страничный труд, дополненный занявшими еще две сотни страниц приложениями, куда входили документы, отрывки из исторических произведений и справочные материалы. Монография целиком заняла первых три тома «Сочинений Николая Ивановича Павлицева». Уже сами хронологические рамки, обозначенные в заглавии книги, намекали на то, что речь пойдет не только о двадцатилетнем правлении короля Яна Казимира (1648–1668). И действительно, первый том целиком был отведен предшествовавшим событиям, и отсчет шел даже не от 1592 (как обещано заглавием), а от 1569 года, т.е. от Люблинского сейма, ознаменовавшего рождение Речи Посполитой. Третий же том представлял собой обширный «Эпилог», который вместил в себя дела от бескоролья 1668 г. до избрания Августа II (1696) и подписания Карловицкого договора, каким успешно завершились польско-турецкие войны (1699).

В авторском предисловии перечислено четыре десятка использованных при написании книги разноязычных трудов XVII–XIX веков (в число которых попало и несколько публикаций источников), вдобавок к ним названа дюжина

¹¹¹³ Русский биографический словарь. Т. Павел, преподобный – Петр (Илейка). СПб., 1902. С. 80.

¹¹¹⁴ Предисловие // Павлицев Н.И. Сочинения. Т. 4. Седмицы Польского мятежа. 1861–1864. Ч. 1. СПб., 1887. С. VII.

авторов (Руссо, Карамзин, Мацеевский и др.), чьи произведения также были привлечены, затем автор назовет еще несколько работ¹¹¹⁵. Текст монографии подтвердит, что упомянутые в книге сочинения историком были изучены основательно. Павлицев сопоставлял изложение материала и суждения разных писателей, считал своей обязанностью отметить случаи, когда мнения авторов расходятся, – допустим, по Шуйскому, дело происходило так, а, согласно Костомарову, – иначе.

Эрудиция исследователя сомнений не вызывает. Однако несложно заметить, что опирался он преимущественно на старую (нередко – очень старую) литературу. Пореформенная же наша наука, полонистика в том числе, добилась, как знаем, заметных успехов. В польской историографии после неудачи Январского восстания тоже происходили серьезные сдвиги, начинался радикальный пересмотр привычных идейных ценностей. Однако у Павлицева 1860-е годы представлены, (если не считать переиздания «Исторического известия о возникшей в Польше унии» Н.Н. Бантыш-Каменского) всего лишь пятью именами. Из русских авторов это С.М. Соловьев («История падения Польши», тома «Истории России») и М.О. Коялович («Документы, объясняющие историю западно-русского края»). Из поляков – К. Шайноха, Г. Шмит, Ю. Шуйский. Последний особенно привлек Павлицева, поскольку в своей четырехтомной «Истории Польши» основоположник так наз. Краковской исторической школы основную вину за гибель Речи Посполитой возлагал не, как обычно, на ее соседей, а на самих поляков, на польское беззаконие. Новейшая российская литература исчерпывалась у Павлицева двумя книгами Н.И. Костомарова издания 1870 г. («Богдан Хмельницкий», «Последние годы Речи Посполитой»).

Похоже, книга Павлицева принадлежала уже безвозвратно ушедшей эпохе не только по своему научному аппарату. Автор при отборе материала и его осмыслении оставался в кругу представлений примерно той поры, когда им писался учебник. История страны для Павлицева – это главным образом история военных действий¹¹¹⁶. Они описаны подробно, с массой дат и деталей. На вто-

¹¹¹⁵ Предисловие // Павлицев Н.И. Сочинения. Т. 1. Польская анархия... С. 19–22.

¹¹¹⁶ В то время как, например, по мнению С.М. Соловьева, межгосударственные военные конфликты для историка должны представлять важность лишь с точки зрения их общеполитического значения, что же

ром месте стоит дипломатия, при этом описание событий заслоняло собой разбор их подоплеки. К примеру, значимость такого факта, как срыв сейма 1652 г. послом Владиславом Сицинским, автор вполне осознавал, уделив шесть страниц первому в истории Речи Посполитой случаю применения на практике ранее лишь признаваемого в теории права *liberum veto* (вместе с перечислением предшествовавших срыву сеймовых казусов). Для российской публики это могло представить известный интерес. Но все равно дать сколько-нибудь внятный анализ случившегося историк не пожелал или не сумел, а всю информацию позаимствовал у Юзефа Шуйского (о чем, надо отдать ему должное, добросовестно предупредил читателя)¹¹¹⁷.

Когда в начале 1830-х годов М.П. Погодин рецензировал русский перевод «Истории польского народа» Г. Бандтке, он поставил в вину польскому ученому то, что тот «принадлежит к старой школе историков, которые в истории обращали главное внимание на внешние сношения, то есть на войны, миры, приобретения и потери, и которые почти совершенно упускали из виду последовательность умственного личного образования, промышленности, нравственности, религиозных понятий»¹¹¹⁸. Сам Погодин, как видно из его собственных произведений, тоже не был готов выполнить такую сложную программу. Но знаменательно само осознание им необходимости выйти за тесные рамки событийной истории, не скользить по поверхности явлений, а постараться найти их корни. Почти полвека спустя Павлищев над такими вещами, по-видимому, даже не задумывался.

Параллельно с выпуском «Польской анархии...» в издательстве шла работа над следующими, четвертым и пятым, томами «Сочинений» Павлищева, куда вошла монография, посвященная восстанию 1863 г. Автор – или ради ускорения публикации, или, ощутив, что такая задача ему не вполне по силам, – отказался от своего, недавно прозвучавшего обещания (в предисловии к третьему тому

касается подробного изложения боевых действий – это уже предмет военной истории (См. подробнее об этом: Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель... С. 103).

¹¹¹⁷ Павлищев Н.И. Сочинения. Т. 2. Польская анархия... С. 78.

¹¹¹⁸ Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. М., 1868. С. 27.

«Сочинений»), предпослать описанию «мятежа 1863–1864 г.» обзор предшествовавших событий, начиная с 1795 г.¹¹¹⁹.

При жизни историка успели отпечатать почти весь труд. Задержка произошла из-за незавершенности подбора документов для «Приложений». После кончины Павлищева издатель (правда, не вполне уверенный, «настоит ли в данный момент надобность в появлении подобной книги», даже подумывая, а «не отодвинуть ли польский вопрос в прошедшее мирно протекшими двумя десятилетиями»¹¹²⁰), воспользовавшись его заметками, восполнил пробелы. Но в книге все же будут попадаться отсылки к материалам, которых в приложении на самом деле нет, остались и кое-какие другие недоработки. Из концовки замыкающего книгу «Эпилога» видно, что автор предполагал его еще несколько расширить.

Говоря о событиях 1861–1864 гг., Павлищев уловил даже некую историческую параллель. В «Эпилоге», подводя итог своему обзору, он напомнит о рассуждениях «старого воина Бидзинского», одного из польских политиков эпохи Яна Собеского. Тот «хорошо знал, что Польша, как больной человек, периодически впадала в бред, от которого лучшим лекарством считалось кровопускание. Это врачевание производилось теми же магнатами, которые напускали бред на бедного больного. Завязывались конфедерации, и кровь лилась...». На взгляд историка, эта схема вполне подходила к характеристике ситуации начала 1860-х годов: «После двух лет манифестационного бреда, воротилы подпольного жонда порешили, что пора пустить кровь, и верные своим традициям девяносто четвертого и тридцатого года, начали операцию...»¹¹²¹. Аналогия получилась довольно поверхностной и произвольной. Вообще историческая, так сказать, часть монографии была слабым местом книги, – которая представляла собой не более как хронику текущих событий. Но зато, что справедливо было подчеркнута Л.А. Обушенковой, при создании своего труда Н.И. Павлищев использовал, в

¹¹¹⁹ Предисловие // Павлищев Н.И. Сочинения. Т. 3. Польская анархия... С. VIII.

¹¹²⁰ Предисловие // Павлищев Н.И. Сочинения. Т. 4. Седмицы... С. VIII.

¹¹²¹ Павлищев Н.И. Седмицы польского мятежа. 1861–1864. Ч.2 // Павлищев Н.И. Соч. Т. 5. СПб., 1878. С.307–308.

том числе, рукописные журналы военных действий, в частности, «Журнал военных действий в Царстве Польском» 1863–1864 гг.¹¹²².

Павлищев не дождался выхода в свет второй своей монографии «Седмицы мятежа 1861–1864» (СПб., 1878). Труд выйдет посмертно, и содержащиеся в нем огрехи – отчасти на совести издателя. Эмоционально окрашенное повествование, охватившее развитие драматических событий в Царстве Польском с 1 января 1861 по начало мая 1864 г., строилось на информации из первых рук – на официальных актах, к которым историк имел широкий доступ, и на свидетельствах очевидцев с той и с другой стороны, включая сюда его собственные наблюдения. Заглавие книги точно отвечало ее построению: весь материал своей шестисотстраничной летописи автор расположил в хронологическом порядке, сгруппировав его по неделям («седмицам»).

В развернутом «Эпилоге» автор, окидывая взором «мятеж» 1863–1864 гг., которому предшествовали два года «манифестационного бреда», счел нужным подчеркнуть ту роль, какую в разжигании страстей сыграли «ксендзы светские и монашествующие». Много места он отвел полемике с писаниями польских радикалов на тему восстания, сделав категорический вывод, который относится, очевидно, не только к трудам о 1860-х годах: «На долю беспристрастного историка, пишущего о польской старине выпадет всегда скучная и горькая задача – чуть ли не на каждом шагу сбивать ложь или клевету и восстанавливать сущую правду»¹¹²³.

Надо ли объяснять, что относительно своего беспристрастия Павлищев глубоко заблуждался. Тенденциозность, пристрастность автора ощутима на каждой странице объемистой хроники. В лучшем случае можно говорить о том, что здесь запечатлелось столкновение, так сказать, двух правд: правды проникнутого верой в незыблемость имперских ценностей русского чиновника-патриота и правды патриотов-повстанцев, вовсе не свободных от националистических и иных предубеждений, но готовых отдать жизнь за независимость

¹¹²² Обушенкова Л.А. «Журнал военных действий штаба войск в Царстве Польском» за 1863–1864 гг. как исторический источник // Русско-польские революционные связи 69-х годов и восстание 1863 года. М., 1962. С. 180.

¹¹²³ Павлищев Н.И. Седмицы... С. 307, 312.

родины. Так как последовательный, достаточно подробный обзор событий по «седмицам» был доведен только до весны 1864 г., автор завершил свой «Эпилог» небольшим параграфом «Разрушение автономии и реформы после разгрома мятежа», где перечислил главные правительственные мероприятия 1864–1876 годов.

При всей своей политической ангажированности и односторонности, хроника, в какой-то мере это и памфлет, в основе которого лежат личные воспоминания и чувства, – произведение все-таки историческое. Известное представление о Павлицеве-историке она, безусловно, тоже дает. Но характерно, что аналитическая часть здесь была, даже по сравнению с первой монографией, сведена к минимуму. Строить догадки, искать первопричины мятежа и взвешивать доводы «за» и «против» предлагаемых решений Павлицеву не было никакой нужды. Все ответы, как ему представлялось, он знал заранее и по ходу дела только лишний раз утверждался в безошибочности своих исходных посылок.

Н.И. Павлицеву как историку-полонисту, можно сказать, не повезло, он сильно опоздал. Его монографии, можно не сомневаться, в свое время привлекли бы к себе внимание. Но к рубежу 1870–1880-х гг. «Седмицы...» утратили злободневность. Сменились декорации, шляхетское революционное движение фактически сошло со сцены, и русскому обществу, озабоченному новыми проблемами, не очень была интересна подробнейшая летопись событий, некогда всколыхнувших Россию. «Седмицы...» теперь выглядели произведением явно компилятивным, вторичным и по материалу, и по его интерпретации.

Павлицев в полонистике был и остался самоучкой-дилетантом. В ту пору, когда он начинал свои польские студии, в этом никакой беды не было. Как раз такие дилетанты по преимуществу и двигали нашу науку. Университетское образование распространялось в России не так быстро, да и университетская филологическая подготовка тех лет не так уж помогала в исторических разысканиях. Начинающие слависты-историки сами, как умели, методом проб и ошибок приобретали необходимые навыки. Российское славяноведение первой половины XIX века, как известно, дает тому сколько угодно примеров. Но ситуация сильно изменится к тому времени, когда стали выходить труды Н.И. Павлице-

ва. Пореформенные полонисты, как правило, уже были профессионалами в своем деле. Сознал это Павлицев или нет, но тягаться с ними ему было не под силу. Отсутствие школы сказывалось отчетливо. Судьба его монографий – наглядное доказательство того, как разительно изменились за эти десятилетия требования к уровню исторических сочинений.

С циклом появившихся в пореформенные годы исследований на темы польской истории, сопровождаемым изданиями научно-популярными, а то и попросту компилятивными, вплотную соприкасались статьи и книги, авторы которых, занимаясь иными проблемами, но при этом по ходу дела уделяя большее или меньшее внимание Польше, предлагали свои варианты понимания польского исторического процесса.

В ряду таких работ наиболее примечателен напечатанный в 1869 г. в почвенническом журнале «Заря» трактат Николая Яковлевича Данилевского (1822–1885) «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому». Два года спустя трактат вышел отдельной книгой, «в которой впервые была сделана попытка подвести под воздушный замок славянофильства более или менее солидный научный фундамент»¹¹²⁴.

Будучи злободневным и темпераментным откликом консервативно настроенного российского патриота-ученого на политические события в Европе, сочинение одновременно являло собой, как теперь всем известно, примечательную попытку философски осмыслить всемирный исторический процесс и место в нем славянских народов. Для рассматриваемой здесь проблематики существенно то, что как в одном, так и в другом своем качестве трактат постоянно возвращал внимание читателей к Польше, рельефно отражая свойственные автору представления о польском вопросе, о месте поляков в истории славянства и Европы¹¹²⁵. Представления эти, вполне созвучные традиционным воззрениям консервативных кругов русского общества, получали в книге новое историософи-

¹¹²⁴ Милюков П.Н. Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев. М., 1893. С. 8.

¹¹²⁵ Аржакова Л.М. Н.Я. Данилевский и его современники о месте поляков в славянском мире // Славянский альманах. 2008. М., 2009.

ческое обоснование, хотя ничего нового в саму разработку проблем польской истории Данилевский, конечно, не внес.

Отправной пункт теории «культурно-исторических типов» составили наблюдения над характером взаимоотношений славянства с Европой в XIX веке. Польское восстание 1863 г. и реакция на него западноевропейского общества, наряду с Крымской войной, дали непосредственный стимул к написанию этого трактата, поначалу не вызвавшего особого интереса, а впоследствии ставшего знаменитым и вызвавшего разноязычные отклики, переводы, переиздания.

Данилевского не переставало возмущать то, что европейские державы и европейское общество в 1863 г. оказались на стороне восставших поляков – точно так же, как в 1854 г., в пору Восточного кризиса, они были на стороне Турции, на целостность которой, по его утверждению, Россия и не посягала. При этом «общественное мнение Европы было гораздо враждебнее к России, нежели ее правительственные дипломатические сферы»¹¹²⁶. Обида и недоумение заставили искать ответа на вопрос, вынесенный в заголовок второй главы трактата: «Почему Европа враждебна России?». Автор обратился здесь к близкому и далекому прошлому. Не с Данилевского началось и не с ним прекратилось тиражирование тезиса, согласно которому Российская империя вмешивалась в европейские дела вполне бескорыстно, что ее армия, например, в наполеоновскую эпоху сражалась «не за русские, а за европейские интересы», за свободу Европы¹¹²⁷. Затем, в конце 1840-х гг., Россия, по мнению Данилевского, «едва ли не вопреки своим интересам, спасла от конечного распада Австрию»¹¹²⁸. В другом месте своего трактата он, впрочем, спишет это деяние, которым странно было бы гордиться многое унаследовавшему от славянофилов автору, на коварство австрийского канцлера Меттерниха¹¹²⁹.

В том же ключе характеризовалась перекройка польских территорий по Тильзитскому миру и решениям Венского конгресса. Первое пятнадцатилетие существования Царства Польского названо было «счастливейшим временем

¹¹²⁶ Данилевский Н. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. М., 2003. С. 30.

¹¹²⁷ Данилевский Н. Россия и Европа. С. 31.

¹¹²⁸ Там же. С. 51.

¹¹²⁹ Там же. С. 53–54.

польской истории /.../ и в материальном, и в нравственном отношениях»¹¹³⁰. При этом автор «России и Европы» деликатно упрекнул Александра I за то, что император, ослепленный желанием осуществить свою юношескую мечту и «восстановить польскую народность»¹¹³¹, во вред России создал Царство Польское в рамках Российской державы.

От событий XIX в. переходя к более отдаленным временам, автор подробно остановился на разделе Польши, который «считается во мнении Европы величайшим преступлением против народного права»¹¹³². Сложная, даже щекотливая проблема была им сведена к возвращению Россией восточнославянских земель, попавших под власть Речи Посполитой, и к защите утесненного «православного населения, взывавшего о помощи к родной России»¹¹³³. При таком понимании дела менялась даже датировка – первый раздел был отнесен к временам Алексея Михайловича, когда Москвой были отвоеваны Левобережная Украина, Киев и Смоленск. Данилевскому оставалось только сожалеть, что отцом Петра был упущен такой благоприятный случай. Будь Полоцк, Минск, Вильно возвращены России в XVII веке, когда «не бродили еще гуманитарные идеи в русских головах, и край был бы укреплен за православием и русской народностью прежде, чем успели бы явиться на пагубу русскому делу Чарторыйские с их многочисленными последователями и сторонниками»¹¹³⁴.

«Правление Екатерины, – писал Данилевский, переходя к последней трети XVIII в., – по справедливости считалось одним из самых передовых и прогрессивных». В том же духе характеризовались разделы Речи Посполитой. «Не очевидно ли, – восклицал Данилевский, считая согласие екатерининской дипломатии на переход этнических польских земель под власть Берлина и Вены вынужденным и неизбежным шагом, – что все, что было несправедливо в разделе Польши, – так сказать, убийство польской национальности, – лежит на совести Пруссии и Австрии, а вовсе не России»¹¹³⁵. Если при разделе Польши была не-

¹¹³⁰ Там же. С. 44.

¹¹³¹ Там же. С. 43.

¹¹³² Там же. С. 39.

¹¹³³ Там же.

¹¹³⁴ Данилевский Н. Россия и Европа. С. 39.

¹¹³⁵ Там же. С. 40.

справедливость со стороны России, – утверждалось далее, – то она заключалась единственно в том, что не был воссоединен Галич¹¹³⁶.

Увлеченный полемикой, автор не замечал, что его приглашенная, односторонне-упрощенная трактовка запутанных событий плохо согласовалась с реалиями рассматриваемой эпохи. Достаточно было бы задать себе, скажем, вопрос: кто же накануне второго раздела Польши взывал о помощи к России? И пришлось бы, прежде всего, назвать Тарговицкую конфедерацию, которая, мало того что была инспирирована самой Россией, но и, олицетворяя собой ту самую, избличаемую публицистом аристократическую Польшу, вообще никак не укладывалась в предлагаемую читателю схему.

Неуверенность делаемых Данилевским выводов, – причем, не только в отношении Польши, – отметил в свое время Н.И. Кареев, признавшийся: «Целью нашего разбора не было доказывать возможности общей теории общества: мы хотели только представить, на каких шатких и непродуманных положениях основан тезис Данилевского»¹¹³⁷, при этом совершенно разойдясь во мнении с К.Н. Бестужевым-Рюминым, убежденным, что «Россия и Европа» – «замечательнейшая из всех русских книг последнего времени, а, может быть, даже и не одного последнего...»¹¹³⁸.

Впрочем, Данилевский, по-видимому, и сам ощущал шаткость своих умозаключений, и потому он тут же поспешил оговориться, что правила христианской нравственности не распространяются на политику, резюмировав: «Раздел Польши, насколько в нем принимала участие Россия, был делом совершенно законным и справедливым, был исполнением священного долга перед ее собственными сынами, в котором ее не должны были смущать порывы сентиментальности и ложного великодушия»¹¹³⁹. Автором было категорически отвергнуто и обвинение, что царская Россия якобы – «гасительница света и свободы»¹¹⁴⁰.

¹¹³⁶ Там же. С. 40.

¹¹³⁷ Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов // Русская мысль. 1889. Кн. 9. С. 1, 5.

¹¹³⁸ Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов (Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к миру германо-романскому. Изд. 3-е с портретом и посмертными примечаниями (издание Н. Страхова). СПб., 1888) // Русский вестник. 1888. Кн. 5. С. 212.

¹¹³⁹ Данилевский Н. Россия и Европа... С. 42.

¹¹⁴⁰ Там же. С. 51.

Изложив свое понимание политических акций Петербурга, Данилевский заключил: «Правление Екатерины по справедливости считалось одним из самых передовых и прогрессивных»¹¹⁴¹. Вообще, обозрение польских и иных дел привело автора к безоговорочному выводу: «Если же разбирать дело по совести и чистой справедливости, то ни одно из владений России нельзя назвать завоеванием /.../ Россия не честолюбивая, не завоевательная держава»¹¹⁴².

Если, несмотря на российское миролюбие, Европа враждебна России, то в чем причина? «Дело в том, что Европа не признает нас своими»¹¹⁴³, – отвечал Данилевский. При этом он на свой лад даже защищал Европу от часто звучавших в русской прессе обвинений в измене и предательстве. Если Европа испытывает вражду к славянству и, в первую очередь, к России – вражду, в которой «даже нет ничего сознательного», то здесь, утверждалось в книге, не может быть речи об измене. Предать возможно только близкого, связанного узами родства или интереса, человека (а также народ, государство). «Причина явления лежит глубже, – считал автор, – она лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов»¹¹⁴⁴.

Поскольку Русь и славянство не принадлежат к Европе, «поприщу германо-романской цивилизации», автор делал категорический вывод: «Для всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словенца, болгара (желал бы прибавить и поляка) – после Бога и Его святой Церкви – идея Славянства должна быть высшею идеей, выше свободы, выше науки, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления, без духовно-, народно- и политически-самобытного Славянства; а напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности»¹¹⁴⁵. Авторская оговорка по поводу «поляка» многозначительна. Для Данилевского тот был славянином, предавшим славянский мир, а Польша – «исконной изменницей славянству». Польская шляхта, как не уставал

¹¹⁴¹ Там же. 52.

¹¹⁴² Там же. С. 47, 51.

¹¹⁴³ Там же. С. 57.

¹¹⁴⁴ Данилевский Н. Россия и Европа. С. 57, 58.

¹¹⁴⁵ Там же. С. 128.

повторять публицист на протяжении всего дискурса, изменила народным славянским началам. В свое время она хотела «принудить и русский народ к той же измене»¹¹⁴⁶. Речь Посполитую – «бывшую Польшу» – публицист ставил в один ряд с «турецкой ордой в Турции». Его вывод: «Несомненно, что польское шляхетство есть исконный, коренной и злейший враг русского народа»¹¹⁴⁷.

С болью констатировав, что напор мира германского на мир славянский, т.е. латинства на православие, ознаменовался более или менее полным успехом, Данилевский подчеркивал, что из всех западных славян только одна Польша сравнительно долго, до конца XVIII в., не уступала политическому натиску Европы, «осталась материально независимой от немецкого владычества». Сохранив свою государственную самостоятельность, она, зато, духовно подчинилась Западу. Польша «одна из всех славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоили их себе, – а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи». Теперь, в XIX веке, поляки действовали в унисон с Западом, во вред России, и Данилевского до глубины души возмущали «клеветы поляков и Европы»¹¹⁴⁸.

Он уважительно отзывался о Яне Собеском (правда, не упустив случая напомнить, что в 1683 г. Вену спасли «польские и русские войска»), с почтением произносил имена Коперника, Мицкевича, Костюшки. Стоит повторить, что свои обвинения по адресу Польши, «классической страны русобоязни и русоненавидения», публицист (подобно многим другим нашим авторам) адресовал только шляхте (с которой фактически отождествлял польскую интеллигенцию), утверждая, что польский «народ на нашей стороне»¹¹⁴⁹. Но даже произносимые Данилевским добрые слова по адресу поляков не меняли существа дела. Польский, выражаясь современным языком, менталитет был Данилевскому абсолютно чужд, если не сказать – вызывал отвращение.

¹¹⁴⁶ Там же. С. 310, 257 и др.

¹¹⁴⁷ Там же. С. 217, 281.

¹¹⁴⁸ Данилевский Н. Россия и Европа. С. 304, 392.

¹¹⁴⁹ Там же. С. 451.

Продолжая давнюю славянофильскую традицию, он рассуждал о глубоком различии славянского и романо-германского национального характера. Среди отличительных черт последнего Данилевский выделил насильственность, которая проявила себя в религиозных войнах, колониальной горячке и даже в торговле, а также в том, что общество сосредоточилось на вопросах гражданской и политической свободы. По отношению к славянам исследователь придерживался диаметрально противоположного взгляда: «Терпимость составляла отличительный характер России в самые грубые времена. /.../ Значит в самых их (славянских народов. – Л.А.) природных свойствах не было задатков для такого искажения»¹¹⁵⁰. Продолжая свою мысль, он писал: «Самый характер русских и вообще славян, чуждый насильственности, исполненный мягкости, покорности, почтительности, имеет наибольшую ответственность с христианским идеалом»¹¹⁵¹ и т.п.

Но, с сожалением констатировал Данилевский, «действительное и грустное исключение» составили одни лишь поляки – «насильственность и нетерпимость отметили характер их истории». Упрек, впрочем, и здесь адресовался только шляхте, которая усвоила европейскую насильственность, исказив тем самым весь свой славянский облик. «Высшим сословиям Польши» поставлено было в вину глубоко воспринятое – «вместе с католицизмом и разными немецкими порядками» – аристократическое начало, которое, в конце концов, и погубило Польшу»¹¹⁵². Под гибельным «аристократическим началом» автор понимал «безурядицы Польши», почти дословно передав мысль С.М. Соловьева¹¹⁵³. Тезис о «глубоко искажающем влиянии латинства на польский народный характер» также проходит через всю книгу¹¹⁵⁴.

Из провозглашенных Данилевским пяти постулатов чаще всего в литературе упоминают третий закон, который гласил: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя». Но при этом далеко не всегда воспроизводят ав-

¹¹⁵⁰ Там же. С. 184.

¹¹⁵¹ Там же. С. 229.

¹¹⁵² Данилевский Н. Россия и Европа. С. 193.

¹¹⁵³ Соловьев С.М. Соч. В 18 книгах. Кн. XVI. М., 1995. С. 411.

¹¹⁵⁴ Данилевский Н. Россия и Европа. С. 463.

торскую оговорку насчет того, что такая выработка цивилизационных начал может проходить и при большем или меньшем влиянии чуждых данному типу предшествующих или современных цивилизаций. Эта существенная оговорка непосредственно касалась Польши.

Задачи, которые ставил перед собой автор «России и Европы», особенности авторского подхода к рассматриваемым проблемам, очевидно, определили собой своеобразие той ниши, какую занял этот трактат в нашей полонистике, в отечественном славяноведении в целом. Появление трактата с его многочисленными польскими экскурсами естественно соотносить с общими успехами пореформенных студий, обусловленными как прогрессом самой науки, так и ростом общественного интереса к Польше и полякам.

Характер изложения материала в трактате не предполагал прямых отсылок к используемым трудам, поэтому сложно сказать, каков был круг его чтения. Из наших историков он, кажется, называет лишь Соловьева. Судя по всему, несмотря на то, что автор «России и Европы», будучи человеком бесспорно начитанным¹¹⁵⁵, тем не менее не испытывал особой нужды напрямую обращаться к исторической литературе вопроса – как отечественной, так и зарубежной. Зато его книга наглядно воспроизводила давно утвердившиеся (в первую очередь, с подачи славянофильских авторов) в русском общественном сознании клише по поводу поляков и российско-польских отношений. Нетрудно заметить, что тезисы А.Ф. Гильфердинга, Ю.Ф. Самарина, др. авторов буквально проглядывают сквозь все повествование Н.Я. Данилевского.

Конечно, стереотипы сплошь и рядом встречались в русских исторических трудах – достаточно сослаться на «Историю падения Польши» С.М. Соловьева с ее восхвалением миролюбия Екатерины II и пр. Но там их в какой-то мере заслонял собой анализ рассматриваемых процессов – или хотя бы подробное описание хода событий. У Данилевского же они выступали в оголенном виде и поэтому слишком бросались в глаза. Чем дальше развивалось отечественное славя-

¹¹⁵⁵ По словам К.Н. Бестужева-Рюмина, «"Россия и Европа" поражает читателя /.../ необыкновенной стройностью логической, убедительностью своих доводов, полной объективностью изложения /.../ массой знаний: экономических, политических, исторических. Данилевский /.../ в науку историческую /.../ вносит метод и объективность естествознания» (Цит. по: Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов // Русский вестник. 1888. Кн. 5. С. 216–217).

новедение, тем примитивнее и уязвимее должны были выглядеть в глазах читателей однозначные, лишённые нюансов формулировки трактата.

Не удивительно, что книга Данилевского, по своему настрою во многом совпадавшая с российской охранительной прессой тех лет, все же не пришлась ко двору в полонистике, где в последние десятилетия XIX в. постепенно приобретали популярность либеральные веяния¹¹⁵⁶. Всем этим, очевидно, объясняется ограниченный, выборочный интерес полонистов к «России и Европе» – как прежде, так и теперь.

Когда на первый план в историографических трудах выходит вопрос об общественно-политических факторах, влиявших на славистические исследования в пореформенную эпоху, без многократного обращения к Данилевскому и его теории трудно обойтись. Иллюстрацией здесь могут служить соответствующие разделы В.А. Дьякова, включенные им в коллективную монографию «Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян»¹¹⁵⁷. При характеристике же самого историографического процесса, при показе того, как развивалось пореформенное российское славяноведение, дело обстоит по-другому. Не напрасно в историографии истории южных и западных славян Данилевский даже не назван. Не менее показательны и то, что в капитальной монографии Л.П. Лаптевой «История славяноведения в России в XIX веке», имя Данилевского встречается только дважды. Собственно, оба раза речь идет не о самом авторе «России и Европы» и его концепции, а лишь о том, что эту книгу мимоходом упомянул в одном из своих писем М.П. Покровский и на нее кратко сослался Ф.Ф. Зигель в рецензии на сочинение К.Я. Грота¹¹⁵⁸.

В таком подходе наших историографов к трактату 1869 г. есть своя логика. Конечно, в более отдаленной перспективе разрабатываемый Данилевским цивилизационный подход к историческому материалу будет в той или иной мере

¹¹⁵⁶ Однако уже в наши дни в ходе обращения «к новым методологическим ключам познания» оказалось возможным «новое прочтение /.../ творчества Н.Я. Данилевского», введение «в научный оборот историко-философской теории /.../ об извечном противостоянии России и Европы, о российской цивилизации как особом историческом феномене». – Цит. по: Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке // История и историки. Историографический ежегодник. 2002. М., 2002. С. 6, 9.

¹¹⁵⁷ Славяноведение в дореволюционной России: Изучение южных и западных славян. М., 1988. С. 176–194

¹¹⁵⁸ Лаптева Л.П. История славяноведения... М., 2005. С. 587, 695.

славяноведением востребован. Однако в пределах своей эпохи книга Данилевского действительно стояла где-то в стороне от основной линии развития российской полонистики, хотя, повторим еще раз, польская тема (даже точнее – польский вопрос) в его трактате занимала значительное место.

В теории Данилевский не был приверженцем имперских идеалов. Уверенный, что для зарождения и развития самобытной цивилизации необходимое условие – политическая независимость народов, входящих в данный культурно-исторический тип, он, со ссылкой на судьбу Греции и ее культуры, выражал уверенность, что для уже сформировавшейся цивилизации утрата независимости не обязательно будет губительной. В первую очередь интересуясь состоянием славянского мира, он свои обобщения зачастую подкреплял польским материалом. Симпатий к мятежным полякам Данилевский не испытывал. На европейских политиков, потакавших польским амбициям, он был обижен, но еще больше его возмущало европейское общественное мнение, которое в польском вопросе заняло враждебную позицию по отношению к российской государственной политике. Размышления по этим поводам и побудили ученого разработать свою теорию культурно-исторических типов.

Для понимания позиции Данилевского в польском вопросе немаловажны его футурологические размышления. Свои надежды на будущее он связывал с объединением славянских народов – как в политическом, так и в культурном отношении, с созданием всеславянской федерации, во главе которой стояла бы Россия. Что касается Польши, то автор рассматривал разные варианты развития событий. Дурным для России поворотом дел исследователь считал реализацию польских мечтаний – воссоздание, в тех или иных размерах, независимого Польского государства, которое, уверял он, непременно стало бы центром революционных интриг. Польские притязания на Западную Русь, в чем публицист не сомневался, непременно вызовут военный конфликт с Россией, заставив поляков искать поддержки у Германии – и тогда они бы непременно разделили судьбу попавшей под власть немцев Силезии. Отсюда вывод: «Независимость Польского государства была бы гибелью польского народа, поглощением его

немецкой народностью»¹¹⁵⁹. Ничего хорошего не ожидал автор и от сохранения существующего в Царстве Польском «порядка вещей, болезненного как для России, так и для Польши». Желанный, единственно счастливый для поляков и всего славянства, выход виделся ему во вступлении Польши во всеславянскую федерацию: «В качестве члена союза, будучи самостоятельна и независима, в форме ли личного соединения с Россией или даже без оно, она была бы свободна только во благо, а не во вред общеславянскому делу»¹¹⁶⁰.

Характеризуя общее состояние отечественной полонистики в пореформенный период, следует заметить, что если в предшествующие десятилетия российские авторы, оперируя главным образом общими рассуждениями и широко прибегая к укоренившимся в общественном сознании стереотипам, по преимуществу еще только искали подступы к изучению польской проблематики¹¹⁶¹, то в пореформенную эпоху положение заметно изменилось. Как видим, 1860–1870 годы ознаменовались появлением ряда в полном смысле этого слова исследований на польскую тему, в том числе и нескольких капитальных трудов.

Но стереотипы, связанные как с разделами Речи Посполитой, так и с русско-польскими взаимоотношениями в целом, отнюдь не выпали из обращения. Помнили авторы той поры или нет формулу Н.М. Карамзина из его «Исторического похвального слова Екатерине Второй»: «монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние, и когда уже слабый дух ветхой республики не мог управлять ее пространством»¹¹⁶², но они руководствовались теми же идеями. Через абсолютное большинство крупных и малых трудов красной нитью отчет-

¹¹⁵⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа... С. 378.

¹¹⁶⁰ Там же. С. 382.

¹¹⁶¹ Образную характеристику бытовавших в первые годы восшествия на престол Александра II представлений о Польше и о поляках находим в «Записках...» Н.В. Берга: «Ошибка, ротозейность, объятия и крики увеличивались еще и оттого, что польское наше дело было для нас тогда очень плохо знакомо, было новостью, как бы только что родившеюся на свете. То, что теперь знает о Польше всякий гимназист, тогда знали немногие оракулы. Польша и Варшава представлялись нашему воображению чем-то далеким, каким-то заброшенным в неведомом море островом Буяном, где все иначе, и пусть иначе! О тамошней жизни мы получали кое-какие баснословные и сбивчивые сведения от заезжих оттуда офицеров, а они больше всего рассказывали о красивых варшавских женщинах и дешевых перчатках... Мы были равнодушны к вопросам, к которым нельзя быть равнодушну, считая себя европейским человеком». – Берг Н.В. Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях. М., 1873. С. 134. – См. также о том, какие препоны пришлось преодолеть автору при издании своего труда: Нилова В.А., Штакельберг Ю.И. «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н.В. Берга (Судьба одного труда) // Славянский альманах. 2007. М., 2008. С. 44–65.

¹¹⁶² Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй // Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002. С. 290.

ливо проходят эти два тезиса – о необходимости сведения старых счетов с Польшей и о нараставшей ее внутренней слабости, в конечном счете, и погубившей Речь Посполитую.

Сохранялась традиционная для российской историографии терминологическая неопределенность по отношению к нобилитету Речи Посполитой. Однако и тогда кое-кто из историков все же пытался разобраться в том, какая из социальных групп и в какой мере повинна в гибели Речи Посполитой. Такое стремление проявлял, к примеру, Петр Карлович Щебальский (1810–1886), подчеркивавший, что именно представители польской знати способствовали укреплению позиций русского правительства в Польше. Опираясь на переписку польских вельмож с Петром I, Щебальский утверждал, что «вмешательство Петра в дела Польши нельзя объяснять одним его честолюбием» и что русский царь в своих целях сполна смог использовать польских аристократов. «Правда, – продолжал московский историк, – это вмешательство простерлось впоследствии далее, нежели как желали Потоцкие, Поцеи, Огинские и другие». Применив к польским делам XVIII века старинную легенду «о колдуне, который настойчиво хотел вызвать духа, но, вызвав его, лишился жизни от страху»¹¹⁶³, Щебальский напоминал, что хотя было «произнесено много пламенных заявлений о любви к отечеству, много было потрачено красноречия, /.../ но дух был вызван и вызван самими поляками»¹¹⁶⁴.

В то же самое время, как видим, Щебальский без колебаний демонстрировал приверженность привычной для отечественной историографии трактовке причин гибели Речи Посполитой, возлагая всю вину за разделы на самих поляков. Но под последними он разумел, в этом как раз отступив от традиции российской полонистики, именно аристократическую верхушку.

Обращает на себя внимание еще одна черта, свойственная касающимся Польши и ее истории сочинениям, когда в них шла речь о шляхте: польское дворянское сословие подчеркнуто противопоставлялось польскому простонародью, – так, как будто подобная ситуация представляла собой явление исключи-

¹¹⁶³ Щебальский П.К. Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II. М., 1864. С. 11.

¹¹⁶⁴ Там же. С. 12–13.

тельное в европейской истории. Казалось бы, тут предполагалось, прежде всего, сравнение с российскими реалиями, но отечественные историки такое сопоставление упорно игнорировали.

К противопоставлению верхов низам польского общества отечественные авторы обыкновенно прибегали в своих рассуждениях, касающихся польских восстаний – или в самый разгар последних, или по горячим следам. Еще Д.В. Давыдов, когда писал о Ноябрьском восстании, неоднократно подчеркивал, что в нем приняли участие только шляхтичи, а не «многочисленный класс народонаселения, состоящий из хлебопашцев, мещан и ремесленников»¹¹⁶⁵. Три десятилетия спустя М.Н. Катков то же самое утверждал по поводу восстания Январского¹¹⁶⁶. На взгляд издателя «Московских ведомостей», «польское восстание – вовсе не народное восстание: восстал не народ, а шляхта и духовенство». Больше того, по выражению Каткова, это была «не борьба за свободу, а борьба за власть, желание слабого покорить себе сильного», – прозрачно намекая на посягательство шляхты на российские интересы. По этому поводу публицист, в частности, писал: «Властолюбивой шляхте, желающей властвовать над русским патриотизмом, подает руку властолюбивое римско-католическое духовенство, желающее поработить православную церковь». Катков не преминул заявить, что «не польский народ – враг наш. Не польскую национальность поражаем мы, подавляя восстание. Мы боремся с интригой, которую затеяло властолюбие шляхты и ксендзов»¹¹⁶⁷.

И по прошествии десятилетия после восстания 1863 г. тональность печатных выступлений Каткова по польскому вопросу в основном не претерпела изменений, даже если речь – как, к примеру, в 1872 году – шла о проведении судебной реформы в Царстве Польском. В одной из своих статей 1872 г. он приводит, в частности, выдержки из журнала комитета (утвержденного еще 24 февраля 1865 г.) по делам Царства Польского. Из этого журнала он предпочел в первую очередь привести выдержки, касающиеся «революционных и враждеб-

¹¹⁶⁵ Давыдов Д.В. Воспоминания о польской войне... С. 218.

¹¹⁶⁶ Об этом см., напр.: Левинсон К.А. Тема России и Польши в публицистике М.Н. Каткова // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Петрозаводск, 2001. С. 118–125.

¹¹⁶⁷ Московские ведомости. № 130. 1863 // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863. М., 1897. С. 310.

ных элементов», которые «легко могут найти себе убежище под покровительством судебных гарантий и даже обратить их в политическое орудие против законной власти». В то время как новые судебные установления должны «постоянно иметь в виду не одни общепринятые юридические начала, но преимущественно интересы государственные, также как интересы большинства народа, вызываемого правительством к новой жизни»¹¹⁶⁸.

Судя и по тому, что до сих пор Катков принужден был вспоминать, что в 1864 году «правительство приступило к пересозданию всего гражданского быта Царства Польского, и призвало к новой жизни его население», дела шли не слишком ладно. Впрочем, трудно было бы предположить, что даже введение в Царстве Польском новшеств по судебной части не будет отличать его положение от других губерний Российской империи. Поэтому в следующей своей статье на эту же тему Катков подчеркивает «особые политические условия, в которых находится Царство Польское», по причине чего «признано необходимым обеспечить за тамошнюю полицией независимость от новых судов, особенно на первое время»¹¹⁶⁹. Катков – верный приверженец правительственных указаний, с пониманием воспринимает и тот факт, что даже с учетом проведения судебной реформы, никто не спешит – видимо, как раз «ввиду “особых условий края”» – лишить «губернаторов и других лиц местной администрации» предоставленного им ранее «права наложения некоторых взысканий». Автора передовицы «Московских ведомостей», по-видимому, вполне устраивала та констатация, что, мол, «при той осторожности, с какою вырабатывалась эта реформы, проект не спешит разрешением помянутого вопроса»¹¹⁷⁰. Впрочем, некоторые сомнения ему не были чужды. Он, пусть осторожно, но задавался вопросом: «не следует ли сознаться, что в судебной реформе Царства Польского проглядывает уже теперь, пока она только в проекте, некоторое недоверие к будущим органам суда, побуждающее в некоторых случаях ограничить власть посредством полиции, как бы считается более надежною в государственном отношении?»¹¹⁷¹.

¹¹⁶⁸ Московские ведомости. № 84. 1872 // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1872. М., 1897. С. 225.

¹¹⁶⁹ Московские ведомости. № 96. 1872 // Катков М.Н. Собрание передовых статей... С. 258–259.

¹¹⁷⁰ Там же. С. 260.

¹¹⁷¹ Там же. № 112. 1872 // Там же.

Так или иначе, неизменным для Каткова оставалось одно – акцентирование внимания на том, что «необходимо иметь в виду интересы большинства народа, вызываемого правительством к новой гражданской жизни». При этом, правда, он не преминул выразить опасения, как бы суды, которые «должны действовать по закону /.../ были в самом деле орудием права, а не политических страстей или сословного властолюбия»¹¹⁷².

Катков, как известно, пристально следивший за всем ходом подготовки судебной реформы в Царстве Польском, придавал ей особое значение, осознавая, что «здесь, прежде всего, требовалось глубокое, всестороннее изучение юридических форм /.../ в праве нам чуждом, в праве, которое образовалось из пестрой амальгамы разнообразных систем права тех народов, от которых мы приняли Царство в состав Империи». Важность данной реформы была обусловлена и тем обстоятельством, что, как подчеркивал редактор «Московских ведомостей», «из прежних польских учреждений судебное ведомство далее всех хранило свою административную особность, польский язык в суде, польскую физиономию во всем своем строе». Зато теперь, «став последним звеном в цепи административных реформ в этом крае», осуществление этой реформы, без тени сомнения заявлял Катков, будет свидетельством того, что Царство «сходит с исторической сцены, оставляя после себя за титулом Царства Польского то же значение, какое имеют титулы царств Казанского или Астраханского»¹¹⁷³. Безапелляционность Каткова при определении статуса Королевства Польского, пожалуй, несколько неуместна. В конце концов, Королевство Польское, даже лишившись своей автономии после поражения восстания 1830 г., не утратило своего официального наименования, полученного им в 1815 г. согласно решению Венского конгресса.

В одной из своих статей Катков специально подчеркнул, что введение в Варшавском судебном округе русского языка означает окончательное одоление русского начала над польской народностью. Катков не преминул указать, что «эта мера логически вытекает из той системы отношений государственной власти к польской окраине, которая установилась после восстания, и что эта систе-

¹¹⁷² Московские ведомости. № 112. 1872 // Там же. С. 291.

¹¹⁷³ Московские ведомости. № 102. 1875 // Катков М.Н. Собрание передовых статей... 1875. С. 197.

ма отношений вызвана была безрассудною борьбой, затеянной с государством этой провинцией»¹¹⁷⁴. Правда, не слишком соотнося только что сказанное с реальным положением дел, Катков настаивал, что «до последней возможности наше правительство старалось не только сохранить, но развить и усилить автономические права Польши»¹¹⁷⁵. Катков будто балансировал – обращаясь то к русским, то к польским читателям. Он – то выражал даже нечто похожее на сочувствие полякам, и тут же, будучи не в силах отказать себе в том, чтобы в очередной раз не подчеркнуть беспочвенность их притязаний, раздражался тирадой, перечеркивавшей все прежние заявления. По сути, он всегда был не прочь пуститься в разъяснения, – десятки раз, и на разные лады, – разъяснения, растиражированные в пореформенной литературе.

Наверное, можно было бы здесь не останавливаться на передовых статьях М.Н. Каткова по польскому вопросу, учитывая, сколь широко они известны и активно используются в российской и польской историографии, если бы заявление редактора «Московских ведомостей» не касалось того же вопроса, на какой искала ответ отечественная полонистика XIX века. «Мы, – с явным удовлетворением писал Катков, – присутствуем при последнем явлении драмы многовековой борьбы польской государственности с русской»¹¹⁷⁶.

Хотя, казалось бы, сам факт того, что «последнее явление драмы» происходило в середине 1870-х гг. (спустя столетие после первого раздела Польши, и более полусотни лет после образования Царства Польского), косвенным образом свидетельствовало как раз о прочности тех основ, на которых базировалось государственное устройство былой – давно заклеянной, но по сей день охотно порицаемой Речи Посполитой. Катков, похоже, не придавал особого значения тому, что прежнее его утверждение, согласно которому Польша, не имевшая особых оснований «к самобытному существованию, увлекаясь живописностью исторических руин и апокалипсическими пророчествами событий в неизмеримом будущем, /.../ бросила перчатку вызова на неравную борьбу и поплатилась, потеряв и то, что имела своего, национального, признанного нашим правитель-

¹¹⁷⁴ Там же. № 110. 1875 // Там же. С. 219.

¹¹⁷⁵ Там же.

¹¹⁷⁶ Московские ведомости. № 102. 1875 // Катков М.Н. Собрание передовых статей.... 1875. С. 197.

ством»¹¹⁷⁷, – способно было заметно уменьшить значение одержанной в ходе «многовековой борьбы» победы.

В сложившихся обстоятельствах, когда «революционная вспышка /.../ указала и на систему отношений к нашим иноплеменным окраинам», Катков ни в коей мере не подвергал сомнению правильность курса на всемерную русификацию. Ему оставалось лишь информировать, информировать и констатировать: «Эта система состоит в исключительном господстве одной русской государственности на наших окраинах, в опоре не на привилегированные классы, которые крепко держатся своих нерусских исторических традиций, а на массу населения, привязанную к центральной русской государственной власти за ее постоянные неусыпные заботы об общенародном благосостоянии, и в прекращении привилегированного положения наших окраин сравнительно с ядром Русского государства, коренною Россией»¹¹⁷⁸.

Даже если не стремиться к тому, чтобы охватить все писания о Польше и поляках, созданные в России на протяжении XIX, тем более – так называемого долгого XIX века, трудно обойти вниманием суждения по польскому вопросу известного своими консервативными взглядами Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891), этого, по выражению В.П. Бузескула, «ревностного поклонника «“византизма”»»¹¹⁷⁹.

Леонтьев напрямую не занимался изысканиями в области польской истории, но его высказывания косвенным образом характеризуют представления определенной части русского общества как об основных чертах и особенностях развития польской истории, так и о трактовке польского вопроса. Его рассуждения о либерализме применительно к российской ситуации второй половины XIX ст. (преимущественно в контексте полемики с А.Д. Градовским) дают все основания судить, в частности, о восприятии Леонтьевым государственно-политического устройства Речи Посполитой. Во всяком случае, как видно, именно в ходе рассуждений о различных формах государственного устройства, он, в частности, признавался: «...для меня еще вопрос: может ли долго, более

¹¹⁷⁷ Там же. № 110. 1875 // Там же. С. 219.

¹¹⁷⁸ Там же. № 110. 1875 // Там же. С. 219.

¹¹⁷⁹ Бузескул В.П. Всеобщая история... С. 305.

каких-нибудь ста лет, простоять какое бы то ни было общество при равенстве и свободе?»¹¹⁸⁰. Вряд ли здесь найдется какая-либо более уместная, не польская, ассоциация. При этом Леонтьев не без сожаления констатировал, что русское дворянство, по его собственным наблюдениям, есть «прежде всего *русские европейцы*, выросшие на общеевропейских понятиях XIX века, то есть на понятиях смутных, на основах расшатанных»¹¹⁸¹. По-видимому, не одобряя такого рода пристрастия, К.Н. Леонтьев противопоставлял русскому дворянству (зараженному, по выражению Н.Я. Данилевского, болезнью «европейничанья») русских крестьян, которые, считал он, хоть «нравственно несравненно ниже дворян, /.../ но у них есть определенные *объективные идеи*, есть страх греха и любовь к самому *принципу власти*. Начальство смелое, твердое, блестящее и даже крутое *им нравится...*»¹¹⁸². О чем это свидетельствует? По крайней мере, о приоритетах Леонтьева-гражданина или, точнее, Леонтьева-подданного, подданного Государя императора. Действительно, поляку было бы трудно понять, что может представлять собой «любовь к самому *принципу власти*», утраченная, по мнению Леонтьева (понятно, не одобрявшего такую утрату), русским дворянством, но сохраненная русским крестьянством. Л.А. Тихомиров в свое время с горечью написал о К.Н. Леонтьеве: «Был у нас в публицистике /.../ блестящий ум, не признанный при жизни, почти забытый по смерти, а, между тем, обладавший несравненно более философской складкой, нежели другие...»¹¹⁸³.

Так или иначе, но в настоящее время в контексте истории русского консерватизма XIX века «разочарованного славянофила», как назвал его С.Н. Трубецкой, считавший, что «...по своей страсти к парадоксу, по цинической откровенности своей проповеди этот убежденный сотрудник “Гражданина“ и “Варшавского дневника” не совсем удобен для своих единомышленников»¹¹⁸⁴, не забывают. Пожалуй, как раз страстью к парадоксу можно объяснить не вполне типичное для консервативно настроенного русского патриота отношение к так на-

¹¹⁸⁰ Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. 2. М., 1886. С. 127.

¹¹⁸¹ Там же. С. 130.

¹¹⁸² Леонтьев К.Н. Чем и как либерализм наш вреден? С. 130.

¹¹⁸³ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. 324.

¹¹⁸⁴ Трубецкой С.Н. Разочарованный славянофил // Константин Леонтьев. Pro et contra. С. 123.

зываемым «нашим окраинам», выраженное им, в частности, в статье «Православие и католицизм в Польше». Впоследствии эта статья, а также «Отрывок из письма об Остзейском крае», под общим названием – «Наши окраины», вместе, в том числе, с передовыми статьями “Варшавского дневника”, были включены К.Н. Леонтьевым в книгу «Восток, Россия и славянство»¹¹⁸⁵.

К.Н. Леонтьев счел нужным напомнить читателям, что статья «Православие и католицизм в Польше» была им написана под впечатлением от статьи М.О. Кояловича в ”Холмско-Варшавском Епархиальном Вестнике“ по поводу примирения с поляками¹¹⁸⁶ еще за два года до того, как появилась в 1882 г. на страницах “Гражданина“. Отозвавшись о самом авторе статьи как о «весьма полезном и основательном русском человеке»¹¹⁸⁷, К.Н. Леонтьев поддался порыву откликнуться на его статью, с которой он был, по его признанию, «и согласен, и не согласен»¹¹⁸⁸.

Заметим попутно, что К.Н. Леонтьев в своем отзыве о М.О. Кояловиче как об «основательном русском человеке» акцентировал как раз те черты, так сказать, «русскости», которые спустя пару лет, после выхода в свет монографии М.О. Кояловича «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (1884) немало покоробили его рецензентов¹¹⁸⁹.

Что до К.Н. Леонтьева, то он в своей полемике с М.О. Кояловичем был сосредоточен на иных сюжетах. Если Коялович заявлял, что «главным препятствием искреннему и прочному примирению русских с поляками является “всегдашнее преобладание в поляках фанатического, ультрамонтанского направления”...»¹¹⁹⁰, то Леонтьев сразу, и несколько иронично, парировал: «Согласен, что борьба с католицизмом не легка, и что католики люди крепкие, убежденные, упрямые, *которые и нам могут служить добрым примером*. Слова только эти ”фанатизм“, “ультрамонтанство” и т.п. я что-то плохо понимаю». И затем, уже

¹¹⁸⁵ Леонтьев К.Н. Наши окраины // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. I–II. М., 1885–1886. Т. II. М., 1886. С. 176–190.

¹¹⁸⁶ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. II. М., 1886. С. 176, 177–178.

¹¹⁸⁷ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 177.

¹¹⁸⁸ Там же. С. 177.

¹¹⁸⁹ Вестник Европы. 1884. Кн. 12. С. 917–918, 924; Исторический вестник. 1885. Т. 19. С. 692.

¹¹⁹⁰ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 179.

без всякой иронии, добавлял: ведь «если человек не фанат своей веры, то это только личная слабость его и больше ничего»¹¹⁹¹.

Отчасти такая реакция К.Н. Леонтьева («несомненно, искреннего консерватора»¹¹⁹²) на упрек М.О. Кояловича, брошенный им полякам, схожа с реакцией либерально настроенного А.Н. Пыпина, парировавшего обвинения полякам со стороны русских литераторов-полонофобов: «Поляк виноват тем, что не может забыть своего прошлого, – но это та самая черта, которую у самих себя мы сочли бы высокой национальной добродетелью»¹¹⁹³.

К.Н. Леонтьев, что называется, соблюдая правила игры, предоставлял право голоса своему оппоненту – цитируя его статью (не слишком полагаясь на то, что читатель – дабы уяснить, что к чему в разногласиях сторон – бросится на поиски номера "Холмско-Варшавского Епархиального Вестника" со статьей М.О. Кояловича). К.Н. Леонтьев последовательно приводил все те доводы М.О. Кояловича, которые как раз и собирался опровергнуть, или, по крайней мере, подвергнуть сомнению. И только после этого он позволял себе, пусть осторожно, но внушать оппоненту, а заодно, и читателям: «...при всей правдивости его сообщений, при всей основательности его выводов существует еще другой круг мыслей, в котором те же самые факты принимают совсем иное освещение»¹¹⁹⁴.

И если Коялович исходил из уверенности, что «не может быть никакой серьезной речи о примирении между нами и поляками, и все попытки вести эту речь помимо религии окажутся пустою мечтою»¹¹⁹⁵, то Леонтьев решительно отвергал эту установку – похоже, не столько выработанную Кояловичем в ходе исследования, сколько воспринятую априори. Вместе с тем, Леонтьев был не готов и разделять, так сказать, «розовый *славизм*» Ф.И. Тютчева¹¹⁹⁶, и потому предлагал Кояловичу рассматривать примирение с поляками в сугубо практической плоскости, деликатно намекая (если не сказать, растолковывая), что предлагаемый им путь решения проблемы – прописная истина: «Это очень просто...

¹¹⁹¹ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 180. Здесь и далее – курсив в оригинале.

¹¹⁹² Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013. С. 451.

¹¹⁹³ Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Кн. 2. С. 707–708.

¹¹⁹⁴ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 179.

¹¹⁹⁵ Там же. С. 179.

¹¹⁹⁶ Леонтьев К.Н. Как надо понимать сближение с народом // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. 2. М., 1886. С. 170.

Старая теория *наименьшего зла* – и больше ничего»¹¹⁹⁷.

Приятие К.Н. Леонтьевым теории наименьшего зла во многом обнаруживает, с одной стороны, достаточно трезвую оценку им состояния русского общества, а, с другой, еще раз напоминает о проблемах, стоявших перед обществом. Вот хотя бы еще одно из свидетельств современника: «Оглянитесь на Россию. /.../ мы рассыпаны как песок морской, разбиты на сословия и классы, на города и сельские общества, на дворянство и духовенство, без всякого центра единения, без действительного понимания общественных целей и без умения вести какое бы то ни было общественное дело. Русская земля жаждет, как хлеба насущного, настоящих русских людей, которые умели и хотели бы говорить и действовать за всю землю»¹¹⁹⁸ ...

Не оттого ли, перманентно пребывая в процессе поиска решения внутри-российских (и прочих) проблем, К.Н. Леонтьев с воодушевлением восклицал: «Я считаю твердых католиков очень полезными для всей Европы, (Бог с ней – с Европой!) *но и для России*»¹¹⁹⁹, хотя, скорее всего, вполне сознавал, что ожидать особого сочувствия своей позиции почти не приходилось. Нельзя было не учитывать того, что после восстания 1863 г. все «стали *несколько* более славянофилы... Учение это в *раздробленном виде* приобрело себе больше прежнего поклонников. И если в наше время трудно найти славянофилов совершенно строгих и полных, то и *грубых европеистов* стало все-таки меньше»¹²⁰⁰.

Вместе с тем, исходя из существующего порядка вещей, и, считая, что «национальные свойства великорусского племени в последнее время стали если не окончательно дурны, то, по крайней мере, сомнительны»¹²⁰¹, К.Н. Леонтьев чувствовал себя обязанным перебирать все возможные варианты избавления от недуга. Будто бы отстаивавший (или, по крайней мере, учитывающий) интересы поляков, К.Н. Леонтьев, разумеется, на первый план всегда выдвигал интересы России. С тем, чтобы убедить соотечественников согласиться с ним, принять

¹¹⁹⁷ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 179.

¹¹⁹⁸ Градовский А.Д. Задача русской молодежи // Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 482.

¹¹⁹⁹ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 181.

¹²⁰⁰ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. 2. М., 1886. С. 12.

¹²⁰¹ Там же. С. 182.

единственно верный, на его взгляд, способ примирения с поляками, он предлагал им попросту «спуститься на почву *действительности нашей*, на почву минуты исторической»¹²⁰².

Конечно, К.Н. Леонтьеву и самому трудно было отрешиться от того, что не так давно «поляки хотели посягнуть на целостность нашего государства! Не довольствуясь мечтой о свободе собственно польской земли, они надеялись вырвать у нас Белоруссию и Украину...»¹²⁰³. И все-таки с учетом настоящего момента он считал более целесообразным сохранить нынешнее положение дел в «наших окраинах», полагая, что «для нашего, *слава Богу, еще нестрого* государства, полезны своеобразные окраины; полезно упрямое иноверчество», и, добавлял, что, казалось бы, совсем странно для записного консерватора, «слава Богу, что *нынешней русификации* дается отпор» (и пусть даже это сказано с оговоркой: «не *прямо* полезен этот отпор, а *косвенно*; католичество есть главная опора *полонизма*»)¹²⁰⁴.

На первый взгляд, позиция К.Н. Леонтьева по поводу примирения с поляками в его полемике с М.О. Кояловичем может показаться несколько неожиданной. Но это лишь на первый взгляд. В изложении своих суждений К.Н. Леонтьев всегда внутренне логичен, достаточно последователен, а главное, всеми помыслами своими подчинен главной цели, – укреплению переживавшей не лучшие времена российской государственности.

Все это вместе взятое лишний раз предостерегает от излишне прямолинейных оценок, излишне категоричных (и как раз поэтому ограниченных) определений. Так, например, есть все основания усомниться в справедливости тезиса, что «в вопросе об отношении к славянским народам, проживающим вне границ России, Данилевский и Леонтьев в рамках консервативного лагеря занимали крайние, прямо противоположные позиции. Первый был панславистом, второй полагал, /.../ что прославянская политика для России гибельна»¹²⁰⁵.

¹²⁰² Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 181.

¹²⁰³ Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. С. 12.

¹²⁰⁴ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше. С. 184.

¹²⁰⁵ Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль. Тверь, 1997. С. 103.

В заключение можно сказать, что, в целом, при всех имевших место издержках, сочетание целого ряда социально-политических и научных факторов обусловило в 1860-е – 1870-е гг., невиданный прежде всплеск историко-полонистических студий. Что особенно важно – этот всплеск был ознаменован не просто количественным ростом, появлением многих статей и книг, посвященных истории Польши (хотя, конечно, самого разного уровня). В эти годы резко возрастает удельный вес именно исследований в общей массе печатной продукции, и этот сдвиг служит добавочным аргументом в пользу того, чтобы с наступлением 1860-х годов связывать начало нового периода в развитии интересующей нас отрасли исторических знаний, периода, едва ли не в первую очередь связанного с изысканиями на ниве полонистики С.М. Соловьева.

Глава 4.

**Польский вопрос и польская тематика
в литературе 1880-х – 1890-х годов**

Уже много раз и по разным поводам писавший на польскую тему Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) в 1880 г. выступил с обширной статьей «Польский вопрос в русской литературе». Печатавшаяся в пяти номерах «Вестника Европы» (книги 2, 4, 5, 10, 11), статья занимает сравнительно небольшое место в огромном литературном наследии ученого. Вместе с тем она интересна во многих отношениях. Недаром ее обычно включают в число основных трудов А.Н. Пыпина¹²⁰⁶. Важность затронутой в ней темы, – по словам самого автора, одной «из самых трудных и неблагодарных тем, какие только есть в нашей литературе»¹²⁰⁷ – вряд ли требует доказательств.

Тесно примыкая к ряду других работ ученого по славяноведению и истории русской общественной мысли («Будущность славянства» – 1877 г., «Панславизм в прошлом и настоящем» – 1878 г., «Русское славяноведение в XIX ст.» – 1889 г. и др.), статья четко отразила позицию А.Н. Пыпина в польском вопросе. В то же время она по-своему характерна для отечественной публицистики рубежа 1870–1880 гг., – когда нараставшее социальное напряжение еще сочеталось с надеждами на продолжение либеральных реформ, чему первого марта 1881 года будет положен конец.

Свое мнение о русско-польских взаимоотношениях Пыпину уже доводилось высказывать. «Древняя историческая антипатия Польши и Руси в течение средних веков их истории возрастала больше и больше: первая никак не хотела признать притязаний Москвы на “Литву” и южную Русь, которые, конечно, не принадлежали Москве (подчеркнуто нами. – Л.А.), но которые тянуло к ней по

¹²⁰⁶ О нем см., напр.: СДР... словарь. М., 1979. С. 286–289; Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX в. М., 2008. С. 358–359; Аксенова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве. М., 2006.

¹²⁰⁷ Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. Кн. 2. С. 701.

единству народности и религии; средневековая Польша стояла выше Москвы по своей образованности, и с пренебрежением смотрела на ее дикость и невежество»¹²⁰⁸, – объяснял он в 1878 году. Признав, что «панславистские идеи у поляков были всего слабее»¹²⁰⁹, Пыпин, тем не менее, отвел анализу так называемой польской версии панславизма значительное место. Вызывает, однако, сожаление, что внимание к данному предмету Пыпин использовал преимущественно лишь затем, чтобы еще раз сообщить те сведения о поляках, которыми пестрела российская полонистика (в основном, понятно, публицистика) уже не одно десятилетие. Подчеркивая обособленность поляков от остальных славян – и южных, и западных (абсолютно славянофильская черта у либерально настроенного автора, будто противостоявшего славянофильской идеологии), Пыпин объяснял отсутствие сочувствия со стороны поляков южным славянам по религиозным причинам, почему-то в данном случае не вспомнив, и потому никак не прокомментировав тот факт, что на Юрия Крижанича – хорвата и католика «установился вообще взгляд как на первого по времени проповедника панславизма»¹²¹⁰, хотя в дальнейшем в своей книжке Пыпин и сам в двух словах скажет о знаменитом хорвате¹²¹¹.

Говоря о сильном национальном чувстве, развившемся в Польше, Пыпин в традиционном уже для отечественной полонистики духе писал о том, что в Польше «народом считалась собственно многочисленная шляхта и ее вельможные предводители», что «со времени первого раздела, в течение целого столетия польские патриоты мечтали о новом свободном бытии польского королевства не иначе, как в границах 1772 года»¹²¹², или – что в Польше «общее положение вещей было – страшная безурядица, которая, наконец, открыла в Польшу свободный путь иноземному господству»¹²¹³ и т.д. При этом историк (напомним, книжка вышла в свет в 1878 г.) не стремился ни к тому, чтобы разобраться в

¹²⁰⁸ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. М., 2002 (Репринтное воспроизведение издания 1913 г.). С. 39.

¹²⁰⁹ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. С. 38.

¹²¹⁰ Цит. из письма Н.А. Попова – А.А. Шахматову по: Воробьева И.Г. Юрий Крижанич и его трактат «Объяснение сводное о письме славянском» // Тверская рукопись Юрия Крижанича. Тверь, 2008. С. 18.

¹²¹¹ Пыпин А.Н. Панславизм... С. 74.

¹²¹² Пыпин А.Н. Панславизм... С. 38–39.

¹²¹³ Пыпин А.Н. Панславизм... С. 45.

мотивах требований тех самых польских патриотов, ни в том, чтобы попытаться разобраться в истоках и характере безурядицы, сделавшей Польшу уязвимой для соседей. Кроме того, несмотря на то, что миновало больше десяти лет после выхода «Истории падения Польши» С.М. Соловьева, посвященной, в том числе, разбору причин гибели Речи Посполитой, Пыпин предпочел констатировать лишь то, что уже известно, уходя и от полемики, и от анализа. Впрочем, было бы неверно понимать его отношение к полякам, как совершенно индифферентное, в чем убеждает как раз цикл его статей «Польский вопрос в русской литературе».

Теперь, два года спустя, ученый – не без иронии по адресу отечественных литераторов-полонофобов – писал о настроениях в Царстве Польском и реакции на них в России: «...Поляк виноват тем, что не может забыть своего прошлого, – но это та самая черта, которую у самих себя мы сочли бы высокой национальной добродетелью»¹²¹⁴. Вполне сознавая, что «в эпоху спора, вооруженной борьбы, отвлеченные аргументы, конечно, бессильны», он, тем не менее, настаивал: «Но когда кризис внешний кончен, надо, чтобы разумная оценка фактов нашла себе место – одинаково на той и на другой стороне»¹²¹⁵.

Однако приходится признать, что Пыпин здесь (и не только здесь) во многом оставался на уровне констатаций: он не конкретизировал, что имел в виду, и, главное, даже не давал понять, за счет чего, на его взгляд, должна была осуществиться так называемая разумная оценка фактов. Приходится признать и то, что подобного рода декларативность, на наш взгляд, является одной из характерных черт манеры Пыпина-писателя (при всех его достоинствах как плодovitого автора и исследователя). Эта его черта невольно, но, к сожалению, создает впечатление, только невольно, отмечается, между прочим, и в современной о нем литературе, как, в частности, в монографии Е.А. Аксеновой¹²¹⁶.

¹²¹⁴ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 2. С. 707–708

¹²¹⁵ Там же. С. 708.

¹²¹⁶ Так, идя вслед за А.Н. Пыпиным, Е.П. Аксенова пишет: «Ученый подчеркивал, что польский вопрос остается в России “далеко не выясненным”, русско-польские отношения зачастую представляются неверно. Поколение, действующее во время “кризиса“, не хочет видеть допущенных ошибок. Однако по прошествии времени, наблюдая исторический процесс, можно проанализировать события и объяснить причины». Значит, время еще не настало? Будто сознавая несвоевременность ответов на вопросы, в том числе и на вопрос польский, исследовательница по-своему сочувствует герою своей книги: «Пыпин пытался это сделать, насколько позволяли цензурные условия». – Аксенова Е.П. А.Н. Пыпин о славянстве.

Рассматривая польский вопрос как таковой, то есть вопрос о политических судьбах польского народа, о многовековых русско-польских взаимоотношениях и их перспективах, акцент в статье 1880 г. ставился на восприятии русским обществом польской проблемы в целом. Стоит обратить внимание на то, что в данном контексте у Пыпина отсутствует такое общее место русской литературы о Польше, как утверждение, что польский народ – это исключительно шляхта. Здесь, напротив, на первый план выходило стремление разобраться в том, каким образом польские сюжеты отражались в русской литературе – и каким образом это отражение влияло на восприятие русским обществом всего, что в той или иной степени имело отношение к польским делам в прошлом и настоящем. Собственно, обзор под таким углом зрения отечественной публицистики 1830–1870 гг. (то, что поименовано русской литературой) и составил основное содержание журнального цикла А.Н. Пыпина

Как уже отмечалось во Введении, Пыпин прямо утверждал, что: «в литературе нашей польский вопрос появился очень недавно». На первый взгляд, тезис, по меньшей мере, парадоксален. В таком случае, за рамками темы (польского вопроса) оставлялись многовековые сложные взаимоотношения России с Польшей, приведшие на склоне XVIII века к разделам Речи Посполитой, а затем, при Александре I, к появлению Королевства (Царства) Польского в составе Российской империи – взаимоотношения, которые многократно и ярко отразились, в том числе, в отечественной прозе и поэзии.

Вместе с тем, Пыпина никак не заподозрить в недостаточном знании прошлого – вспомнить хотя бы его книгу «Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки»¹²¹⁷. Дело здесь, скорее, в другом: он понимал польский вопрос «как предмет, о котором могут быть два разные мнения», тогда как ни при Екатерине, ни при ближайших ее преемниках расхождения в публично высказываемых мнениях не допускались: «Старая точка зрения была немногосложна. Она указывалась действиями правительства»¹²¹⁸.

М., 2006. С. 176.

¹²¹⁷ Пыпин А.Н. *Общественное движение в России при Александре I. Исторические очерки*. СПб., 1870.

¹²¹⁸ Пыпин А.Н. *Польский вопрос...* Кн. 2. С. 706.

С журналистской точки зрения следовавший за этими словами пассаж, где обыгрывались державинские строки, великолепен, – Пыпин умел эффектным сравнением оживить суховатую материю. Но, по сути, его подход к проблеме уязвим. Едва ли правомерно считать недоступность польского вопроса «для свободного суждения публицистического» таким уж точным признаком отсутствия самого этого вопроса. Достаточно вспомнить хотя бы «Мнение русского гражданина» – записку, которую Н.М. Карамзин представил Александру I в 1819 г., когда распространился встревоживший историографа слух о намерении царя «восстановить Польшу в ее целостности»¹²¹⁹.

Карамзинский протест – наглядный пример того, что отсутствие гласности совсем не равнозначно отсутствию общественного мнения, не совпадающего с видами властей – был хорошо известен А.Н. Пыпину, но при датировке появления польского вопроса он такими частностями пренебрег. Его, опытного публициста либерального толка, надо думать, прельщала возможность лишней раз противопоставить новую, различную эпоху с ее более или менее демократическими ценностями, прежним временам.

А.Н. Пыпин полагал, что «до /.../ восстаний /.../ польский вопрос очень мало занимал общество», что «политические отношения России и Польши после наполеоновских войн были в своем медовом месяце, на пути примирения и забвения прошлого; в среде политических людей высказывались стремления к тесному союзу с Россией»¹²²⁰. Он подчеркивал, что до восстаний 1830–1863 гг. польский вопрос для печати «был почти закрыт». С восстания же 1863 г. «он стал предметом толков – но только в одном известном тоне; это было почти обличение открываемой повсюду “польской интриги”»¹²²¹. Как видим, в своих рассуждениях А.Н. Пыпин был не вполне последователен. Настаивая на «совсем недавнем» возникновении польского вопроса в русском обществе, он в то же время говорил об этом самом вопросе как об уже наличествовавшем до восстаний (если для печати вопрос был «почти абсолютно закрыт», то фраза явно подразумевает, что в неподцензурном виде таковой присутствовал и т.д.). Как

¹²¹⁹ Карамзин Н.М. О древней и новой России. М., 2002. С. 436.

¹²²⁰ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 2 С. 701

¹²²¹ Там же. С. 704.

бы то ни было, сам материал заставлял ученого в своих рассуждениях о польском вопросе обращаться к людям и событиям первой половины XIX века, в частности – к откликам на восстание 1830–1831 гг. Так, в февральской части своей статьи Пыпин вспоминает стихотворения Пушкина, Жуковского, Вяземского, Тютчева начала 1830-х годов. Действительно, из контекста рассуждений о польском вопросе трудно изъять, скажем, оду «Клеветникам России».

Нельзя не подчеркнуть, что в характеристике позиции Пушкина лишний раз проявил себя аналитический дар Пыпина-историка, компенсирующий, можно сказать, изъяны его исходной идеи относительно позднего появления польского вопроса в русском обществе. «Пушкин высказал свое настроение, мысли своего круга и общества в известных стихотворениях 1831 года», – пишет он, очевидно, не считая, что «точка зрения» поэта «указывалась действиями правительства», и таким образом расходясь с собственной, нами уже цитируемой, общей формулой.

Персонажи пыпинской статьи, – а это М.П. Погодин, В.Г. Белинский, Н.И. Тургенев, Ю.Ф. Самарин, А.С. Хомяков, А.И. Герцен, А.Ф. Гильфердинг, Н.Я. Данилевский, А.С. Будилович и другие, – как бы сами собой группировались в два противостоящих лагеря. Отбор анализируемых произведений, равно как и избранный Пыпиным поворот темы показывали, что в центре авторского замысла стоит сюжет, давно не сходивший со страниц российской периодики, – идейная борьба между западниками и славянофилами. При этом последним – вместе с близкими к ним по духу М.П. Погодиным, Н.И. Костомаровым, П.А. Кулишом – уделялось заметно больше внимания. Объяснить это можно тем, что у автора были свои давние счеты со славянофильством и потому он не жалел места на полемику. Не исключено, учитывалось и соотношение сил в русской литературе, где западничество – и в особенности та его разновидность, что симпатизировала освободительному движению поляков, были представлены заметно слабее. Наконец, Пыпину, в ту пору фактическому руководителю «Вестника Европы», приходилось соблюдать осторожность и не дразнить цензуру – не удивительно, что о А.И. Герцене в статье сказано лишь несколько слов, зато,

как подчеркивает В.А. Китаев¹²²², это были слова о допущенных им «недоразумениях и ошибках» в польском вопросе. Вообще, по мнению современного исследователя, после выступления поляков в 1863 году «публицисты “Вестника Европы” были /.../ единодушны в осуждении повстанцев и их союзника Герцена», что же касается позиции журнала в целом, то в нем «выстраивалась аргументация, которая должна была развеять всякие сомнения относительно правоты России, решительно подавившей мятеж»¹²²³.

Появление статьи Пыпина возбудило едва ли не всеобщее волнение. Часть читателей восприняла статью как очередную атаку на славянофильство. Во всяком случае, так понял намерения автора Ф.М. Достоевский, прочтя первые две части «Польского вопроса». В августовском – единственном появившемся за весь 1880 год – выпуске «Дневника писателя» он, нелестно пройдясь по адресу отщепенцев-западников и распространяемых ими выдумок, привел пример: «Уже было заявлено в одном издании, со всем свойственным ему остроумием, что цель славянофилов – это перекрестить всю Европу в православие»¹²²⁴.

Комментаторам не составило труда установить, что выпад был адресован А.Н. Пыпину, в котором Достоевский с давних пор видел чуть ли не главного своего идейного противника. Поводом для выпада великому писателю на этот раз послужило довольно безобидное замечание во второй, апрельской части рассматриваемой здесь статьи, – замечание насчет Ю.Ф. Самарина. Тот в свое время, еще в 1863 г., заявлял в статье «Современный объем польского вопроса», что разрешение вопроса «немыслимо без коренного, духовного их (поляков. – Л.А.) возрождения», а Пыпин этой его фразе дал свое толкование: «другими словами – без обращения их в православие»¹²²⁵. Стоит добавить, что как раз к Самарину, убежденному в том, что «глубокая несовместимость и непримиримость латинства с славянством доказана историческим опытом веков», и потому воспринимавшему Польшу как «острый клин, вогнанный Латинством в са-

¹²²² Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.). Саратов, 2004. С. 231.

¹²²³ Там же.

¹²²⁴ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. Л., 1984. С. 136.

¹²²⁵ Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса... С. 344; Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 4. С. 702.

мую сердцевину славянского мира с целью расколоть его в щепы»¹²²⁶, ученый относился достаточно уважительно – в отличие, к примеру, от близкого к славянофильству М.П. Погодина, которому он в первой, февральской части статьи посвятил немало страниц, пестрящих уничижительным выпадами и замечаниями.

Разбирая предлагаемые публицистами варианты будущего Польши, А.Н. Пыпин подверг резкой критике позднеславянофильские по своему характеру рассуждения Н.Я. Данилевского. Тот, как известно, мечтая о всеславянском союзе, изначально оставлял поляков за его порогом и считал необходимым подвергнуть их своего рода «очистительной» процедуре, прежде чем допустить в союз. Данилевский в своей теории признавал возможность сохранения польской национальности как таковой, но, при условии, что она будет, – как передает его слова А.Н. Пыпин, – «очищенной продолжительным русским влиянием от приставших к ней зловердных, искажающих ее примесей»¹²²⁷. После этого Польша, по его мнению, якобы «станет, подобно всем славянам, дружественным товарищем и пособником русскому народу в великом общеславянском деле, приобретающая и для себя все большую и большую самостоятельность». Однако тут же подчеркивалось, что «эта счастливая судьба может открыться для Польши и поляков не иначе, как при посредстве всеславянской федерации»¹²²⁸. Понятно, что ни Данилевского, ни его единомышленников не интересовало отношение самих поляков к процессу предполагаемого «очищения».

Пыпин не без сарказма резюмировал, что Данилевский, очистив и исправив Польшу, – эту «исконную изменницу славянства, в конце концов желает ей благополучного национального существования в недрах всеславянского союза»¹²²⁹. Критиком было показано, что предлагаемое Польше вхождение в «содружество славян» по существу явилось бы со стороны России не чем иным, как превентивной мерой. В подтверждение тому Пыпин сослался на пояснения, какие дает сам Данилевский, рассуждая о месте и роли Польши в союзе: после вхождения

¹²²⁶ Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса... С. 333.

¹²²⁷ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 5. С. 257.

¹²²⁸ Цит. по: Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн.5. С. 257.

¹²²⁹ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 5. С. 257.

Польши в союз «всякое действие ее против России было бы действием не против нее только, а против всего славянства (одну из составных частей которого она сама бы и составляла)». Иными словами, такие действия, по мнению автора «России и Европы», квалифицировались бы как измена «против самой себя»¹²³⁰.

Известно, что во главе славянского союза Данилевский видел Россию, но, как подчеркивает Пыпин, также «было очень известно, что новейшая история России политическая и многие явления в ее внутреннем общественном развитии далеко не отвечали или совсем противоречили тому понятию о ней, как о сильнейшей представительнице славянства и неевропейского культурного типа»¹²³¹. В подтверждение своих слов А.Н. Пыпин сослался на А.С. Будиловича, ревностного панслависта и вообще человека отнюдь не либерального образа мыслей, который, тем не менее, признавал, что Россия «далеко не доразвилась» до того «политического водительства», которое она может «принять со временем»¹²³². По словам Пыпина, Данилевский, сам «очень хорошо это видит», но объяснение тому находит довольно неожиданное: «/.../ если Россия не исполнила своего назначения, то виновата была Европа и происшедшее от нее “европейничанье”»¹²³³.

По поводу столь увлекшего воображение Н.Я. Данилевского союза в статье было сказано довольно четко: «/.../ вопрос не об эфемерном, а о более существенном соединении, – за которое как раз ратовал Данилевский, – так еще темен, что приниматься прямо за “положительные средства” было бы чистым ребячеством, или нелепой и опасной затеей»¹²³⁴. С точки зрения состояния русско-польского диалога, такого рода уверенное заявление Пыпина не может радовать, зато, дает основание предположить, что заявление это более или менее адекватно отражало степень готовности обеих сторон налаживать этот диалог, вне зависимости от его форм.

Вообще-то А.Н. Пыпину приходилось отстаивать столь очевидную, казалось бы, мысль: «что “поляк” не есть непременно и не должен быть трактован

¹²³⁰ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 5. С. 257.

¹²³¹ Там же.

¹²³² Там же. С. 265

¹²³³ Там же. С. 257.

¹²³⁴ Там же. С. 258.

как “враг”; что наше отношение к полякам, так или иначе тягостно и ненормально, и что очень желательно было бы найти средства жить с ними в более мирных отношениях, чем нынешние; что это все-таки “славянские братья”; что система обрусения, ныне действующая, имеет много неудовлетворительного»¹²³⁵.

А.Н. Пыпин решительно осуждал проповедуемую В.И. Ламанским (с его, как выражается автор, «панславистским патриотизмом»¹²³⁶) идею обрусения как едва ли не единственное условие примирения между Польшей и Россией. И его позицию здесь, в конечном счете, определяла даже не принадлежность к лагерю славянофилов или лагерю западников. Ведь даже такой противник последних, как А.С. Будилович по данному поводу высказался в том смысле, что «лучше даже *потерять* (курсив в оригинале. – Л.А.) Польшу, чем *насильственно ее обрусить* (курсив в оригинале. – Л.А.)»¹²³⁷.

Но какие условия так называемого примирения, какое решение – пусть в будущем – польского вопроса виделось самому А.Н. Пыпину? Заявив, что «мы предпочитаем мнение, высказанное также славянофильским писателем (ранее нами упомянутое), что мы должны стараться сохранить польскую национальность» (вспомним, что именно так формулировал свою мысль Н.Я. Данилевский), он оговорил, что к старанию этому следует прибавить помощь «русской жизни и литературы», которые «при свободном действительно /.../ славянско-братском отношении к родственному племени – могли бы, по нашему глубокому убеждению, много помочь трудному делу их национального самосознания, и, в конце концов, могло бы основаться мирное и крепко утвержденное взаимным доверием сожителство (подчеркнуто нами. – Л.А.), которое могло бы стать великим фактором в истории славянства»¹²³⁸. Казалось бы, признание Пыпиным права поляков на борьбу за национальную независимость предполагает и признание ведения этой борьбы, как говорится, до победного конца. Однако,

¹²³⁵ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 11. С. 300.

¹²³⁶ Воистину, панславизм В.И. Ламанского не оставлял равнодушными ни его современников, ни нынешнее поколение историков. По поводу В.И. Ламанского, читаем, например, у М.Д. Долбилова лаконичную характеристику: «...в 1866 г. филолог и историк панславистского направления, доцент Петербургского университета...» – Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера... С. 135.

¹²³⁷ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 5. С. 268.

¹²³⁸ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 11. С. 306

похоже, что он не помышлял о Польше вне России – об этом как будто свидетельствует его заявление: «В славянстве подобное отношение России к Польше несомненно произвело бы могущественное впечатление: оно создало бы *первые* справедливое сознание единства, пробудило бы самобытную энергию в культурной и всякой другой борьбе с германством, в которой до сих пор славянство только уступало»¹²³⁹. Переключаясь таким образом с собственно польского вопроса на общие рассуждения о взаимоотношениях славянства с германским миром, Пыпин по существу поддерживает излюбленную славянофильскую идею.

Открывающиеся при этом перспективы для России он комментирует следующим образом: «Такая постановка вопроса была бы и нашим собственным интересом, гораздо более широким, нежели “обрусение”, и более достойным великого народа»¹²⁴⁰. Нельзя не обратить внимания на само притяжательное местоимение, каким автор сопровождает слово «Польша» в заключительных строках своей статьи: «Наша Польша» (подчеркнуто нами. – Л.А.) стала бы действительным центром польского племени»¹²⁴¹. Использование Пыпиным такого словосочетания лишний раз показывает, что восприятие польского вопроса в русской литературе (и, соответственно, в русском обществе) не так уж сильно изменилось с тех пор, когда суждения о нем стали более или менее свободными.

Однако степень этой свободы вскоре заметно пойдет на убыль. Это сполна ощутит не только А.Н. Пыпин. Наступившая с воцарением Александра III политическая реакция благоприятствовала появлению трудов, проникнутых великодержавным духом. Один из видных проводников правительственной политики в тогдашней прессе М.Н. Катков, на страницах «Московских ведомостей» которого (выходивших, как известно, как раз с января 1863 г.) широко освещался

¹²³⁹ Там же. С. 307. – То, о чем здесь пишет А.Н. Пыпин, отчасти напоминает ситуацию с отношениями, сложившимися между декабристами и членами Польского патриотического общества. Как известно, согласно «Русской правде» Пестеля, Польша должна была обрести независимость. Однако предоставление Польше (в будущем) независимости было оговорено рядом прописанных в «Русской Правде» условий (помимо само собой разумеющегося тесного русско-польского союза), – условий, одно из которых предусматривало, что «верховная власть должна быть устроена в Польше одинаковым образом как и в России». – Цит. по: Медведская Л.А. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество // Очерки из истории движения декабристов. М., 1954. С. 301–302.

¹²⁴⁰ Пыпин А.Н. Польский вопрос... Кн. 11. С. 306.

¹²⁴¹ Там же.

польский вопрос, за прошедшие десятилетия превратился поистине «в “идеолога самодержавия”, /.../ самодержавия прямолинейного, неуступчивого, диктаторского, /.../ самодержавия в той его форме, какую оно приняло при Александре III»¹²⁴². К тому же не дремала цензура, пресекая всякие попытки выйти за границы дозволенного. Обстановка в стране ощутимо сказывалась и на состоянии полонистики.

Среди новинок российской исторической литературы на польские темы, вышедших в 1880-е годы, было немало продиктованных политической конъюнктурой, – а нередко, к тому же, откровенно дилетантских – однодневок. Соответствующим образом освещались давно ставшие знаковыми события Ноябрьского и Январского восстаний. Тематику эту активно эксплуатировали поклонники самодержавия, восполнявшие нехватку профессионализма избытком ультрапатриотического пафоса. Встречались и солидные труды – к примеру, монография известного военного историка Александра Казимировича Пузыревского (1845–1904) «Польско-русская война 1831 г.» (СПб., 1886). Второе, как отмечено на титульном листе, «переработанное, исправленное и дополненное» издание выйдет в Петербурге в 1890 г., а за два года до того книга А.К. Пузыревского вышла в Варшаве¹²⁴³.

Монография, в основу которой был положен широкий круг источников (их краткую и четкую характеристику А.К. Пузыревский приводит в Предисловии к книге), представляет несомненный интерес с точки зрения понимания того, как воспринимался польский вопрос в военных кругах. Автор сразу предупреждал читателей, что его «труд в значительной степени приспособлен /.../ к требованиям /.../ академических слушателей», поскольку «кампания 1831 года включена в курс преподавания в Николаевской академии Генерального штаба», что же касается «политической стороны восстания», как выражался автор, то он обращался к ней «довольно кратко и /.../ то лишь настолько, насколько это необходимо для выяснения хода военных действий»¹²⁴⁴. К тому же, как считал Пузы-

¹²⁴² Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX века. Л., 1989. С. 152.

¹²⁴³ Puzyrewski A.K. Wojna polsko-rosyjska 1831 roku. Warszawa, 1888.

¹²⁴⁴ Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. Т. 1–2. СПб., 1890. Т. 1. С. II.

ревский, политическая история восстания имеет «свою обширную литературу и уже в достаточной степени выяснена»¹²⁴⁵.

Зато он прямо заявлял, что «Изучение “Польско-русской кампании 1831 года” поучительно для русского офицера как в теоретическом, так и в практическом отношении», поскольку, на его взгляд, «не многие войны отличаются таким необыкновенным разнообразием операций». Размышляя над вопросом, какие силы тогда, в 1831 году, столкнулись на поле боя, он констатировал, что, с одной стороны, находилось «обширное, могущественное государство, обладающее громадным запасом личных и материальных средств, и выдвигает на театр войны сильную, могучую, прекрасно организованную и с блистательными боевыми традициями армию», а, с другой, «относительно слабая, с небольшими средствами и вооруженной силой страна, в увлечении ложной, неосуществимой политической идеей, решается тоже взяться за меч и напрягает все усилия для достижения поставленной себе цели»¹²⁴⁶.

Что примечательно, автор лишь эпизодически, буквально мимоходом сказав: «в увлечении ложной, неосуществимой политической идеей», – воспользовался стереотипным, по сути, выражением, оценивая мотивы вступления поляков в борьбу с Россией. Он будто сам до конца не мог понять, как эта борьба, не только исход которой, «казалось бы, несомненен, но и самый ход кампании должен представляться в виде победоносного шествия несравненно сильнейшего», продолжалась на протяжении восьми (по счету автора) месяцев. Больше того, Пузыревский вынужден был признать, что поначалу удача поочередно улыбалась то одной, то другой стороне и успех «однажды как будто даже решительно склоняется в пользу слабейшего, не только наносящего чувствительные удары своему противнику, но даже решительно захватывающего инициативу в свои руки»¹²⁴⁷.

Отдавая должное русской армии – «сильная, могучая, прекрасно организованная и с блистательными боевыми традициями», – он не закрывал, что называется, глаза на причины не слишком удачной (по крайней мере, на первых по-

¹²⁴⁵ Пузыревский А.К. Польско-русская война... Т. 1. С. II.

¹²⁴⁶ Там же. С. I.

¹²⁴⁷ Там же. С. I.

рах) русской операции 1831 года. По-военному четко он перечисляет все эти причины: «разброска русской армии на обширной территории нашего отечества, внезапность для нее войны, плохое устройство продовольственной части, пренебрежительное отношение к врагу и некоторые стратегические ошибки русского главнокомандующего»¹²⁴⁸. Признав «пренебрежительное отношение к врагу» одной из причин начальных поражений русской армии, автор уже здесь – пусть косвенным образом – высоко оценивает действия поляков. И, надо сказать, Пузыревский, знаток военного дела и военной истории, вообще не поспешил на высокие оценки противника, оставив в стороне политические вопросы. Им безоговорочно признаны «прекрасные боевые качества польской армии, необыкновенное воодушевление, охватившее поляков, отдавших в распоряжение своего правительства огромные личные и материальные средства, и необычайная энергия революционного правления (особенно после Хлопицкого) в развитии вооруженной силы»¹²⁴⁹.

Заметим, что примерно в том же, – пожалуй, весьма благожелательном, – ключе в свое время отозвался о начальных действиях поляков-повстанцев в своих «Воспоминаниях о польской войне 1831 года» один из участников русской военной кампании, Д.В. Давыдов. Автор «Воспоминаний...», несмотря на то, что Пузыревский назвал его «ненадежным рассказчиком об этой войне»¹²⁵⁰, тем не менее, в своих оценках во многом совпал с автором монографического исследования «Польско-русская война...», так, в частности, сформулировав свое впечатление о первом этапе польско-русского противостояния: «И подлинно, нельзя не удивляться, как, немедленно по восстании Польши, 54-х миллионному народонаселению не покорить было четырех миллионное население, или армии, состоящей почти из миллиона воинов, не победить армию, состоявшую едва из тридцати тысяч человек. /.../ При внимательном и чуждом пристрастия рассмотрении, мы видим, что Царство Польское, заключенное в тесных пределах, имело все военные средства свои под рукою, следовательно было готово к военным действиям вскоре по выступлении войск наших из Царства».

¹²⁴⁸ Пузыревский А.К. Польско-русская война... Т. 1. С. I.

¹²⁴⁹ Там же.

¹²⁵⁰ Пузыревский А.К. Польско-русская война 1831 г. С. X.

Давыдов здесь принимает едва ли не оправдательный тон, когда разъясняет читателям, что «Россия же нуждалась по крайней мере в двухмесячном сроке, чтобы сосредоточить на границах царства небольшую часть своих военных сил и все необходимые для ведения войны принадлежности»¹²⁵¹...

Если сопоставить высказывания Пузыревского о поляках в Предисловии к его монографии (где автор говорил, в первую очередь, как человек военный) и чуть позже – в первой главе (которая называется «До начала военных действий»), получится любопытная картина. Дотоле свободный от принятых в нашей литературе штампов, он, когда речь заходила о Речи Посполитой, о русско-польских взаимоотношениях, предпочел идти по проторенной колее, в полной мере отдавая дань стереотипному восприятию истории Польши. Весьма показательны в этом смысле уже первые строки: «Тремя разделами Польши, в конце XVIII века, было прекращено ее самостоятельное существование; роковой приговор истории подвел итог вековой борьбы двух славянских народов, воспитанных на различных религиозных и государственных началах»¹²⁵².

В Предисловии к своему труду Пузыревскому уже доводилось констатировать, что политическая сторона дела имеет «свою обширную литературу и уже в достаточной степени выяснена» и потому он не собирается на ней останавливаться. Однако отказать себе в том, чтобы не повторить уже давно известные в литературе характеристики, касающиеся Польши, он не смог. Заявив, что «ближайшая соседка запада, Польша отчасти усвоила себе образованность и политические идеи своих соседей»¹²⁵³, автор напоминал читателям, что затем она отклонилась от того курса, которым пошли западные народы, когда они «от феодальных форм государственного устройства переходят к началам единодержавия и прочной организации центральной власти». После утверждения «прочной организации центральной власти» в западных странах «в общественном устройстве средний и низший классы общества выдвигаются постепенно на активное

¹²⁵¹ Давыдов Д.В. Воспоминания о польской войне 1831 года // Записки партизана Дениса Давыдова... С. 88. Заметим, что публикация «Записок...» в «Русской старине» начинается с иных рассуждений, что лишний раз может служить в пользу справедливости догадки о том, что лондонское издание либо сокращенное, либо осуществлено по иному, нежели журнальное издание, списку, каковых ходило немало (об этом говорится и в предисловии к журнальной публикации).

¹²⁵² Пузыревский А.К. Польско-русская война... Т. 1. С. 1.

¹²⁵³ Там же. С. 1.

историческое поприще, или, по крайней мере, уравниваются в гражданских правах с высшим слоем»¹²⁵⁴.

Но характерно, что автор и не пытался сопоставить происходившие социальные сдвиги на Западе с тем, что происходило в России, где было бы затруднительно обнаружить «уравнение в гражданских правах с высшим обществом среднего и низшего классов». Правда, чуть позже Пузыревский скажет, что Россию мы видим «развивающейся на началах демократических и монархических и воспитанной в религиозных верованиях православия»¹²⁵⁵, но читателям остается теряться в догадках, о каких демократических началах идет речь...

Так или иначе, в том, что касалось предыстории конфликта 1830-х годов, для Пузыревского главным был вывод: «Польша остается при старых формах государственного устройства и общественных отношений, и на этой почве вырабатывает себе беспримерные политические учреждения, будучи в одно время и королевством избирательным, во главе с королем, не пользующимся вовсе королевской властью, и республикой без республиканских учреждений»¹²⁵⁶. Он был убежден (и не был одинок в этом своем убеждении), что «Польша ко времени разделов представляется болезненным организмом, не заключавшим в себе достаточной энергии для борьбы со внешними неблагоприятиями, крайне тяжелыми условиями политической обстановки...». Он отдавал себе отчет в том, что «в коренных условиях исторического существования обоих народов, а равно в их взаимном территориальном положении, таились издавна элементы неизбежной борьбы», и также не мог не признать, что «последняя для России была далеко не легкой»¹²⁵⁷.

Итоги борьбы были им резюмированы следующим образом: «но русский народ оказался достаточно мощным в самом себе, чтобы отстоять свое политическое существование, а затем, направляемый единой волей своих государей, перешел уже, в видах прочнейшего своего обеспечения и национального объединения, к наступательным действиям, окончившимся по инициативе Фридриха

¹²⁵⁴ Пузыревский А.К. Польско-русская война... Т. 1. С. 2.

¹²⁵⁵ Там же.

¹²⁵⁶ Там же.

¹²⁵⁷ Там же.

Великого, разделом Польши»¹²⁵⁸. Обращает на себя внимание трактовка, какую дает А.К. Пузыревский происшедшей в конце XVIII столетия польской катастрофе. Ему было хорошо известно, что «Польша времен раздела, в поисках за иноземною помощью, в жалобах на коварство соседей, в проклятиях их алчности пала под ударами своих врагов, которых считала единственными виновниками своей трагической судьбы», но при этом он подчеркивает, что соседи «воспользовались лишь благоприятной для них политической обстановкой». И при этом добавляет – «подобно самой Польше более древних времен»¹²⁵⁹. Иными словами, автор отнюдь не склонен оставлять в тени трезвую геополитическую мотивацию разделов Речи Посполитой, даже предпочитая выдвигать ее на первый план. В то же время, отметив прегрешения Польши перед историей и перед самой собой, Пузыревский признавал, что «нельзя было рассчитывать уничтожить в умах поляков воспоминание об их некогда блестящем прошлом, о могуществе обширного, многолюдного государства, о национальной их славе»¹²⁶⁰ ...

Вообще в полонистике последних двух десятилетий XIX в. давние взаимоотношения России со своим западным соседом, события в средневековой Польше и Речи Посполитой не были обойдены вниманием – как любителей, так и специалистов. К числу содержательных, до сих пор не выпавших из научного оборота исследований, бесспорно, принадлежит магистерская диссертация «Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV в.: Ч. I – Русь и Польша до конца XII в.» (Киев, 1884) Ивана Андреевича Линниченко (1857–1926), в 1879 г. окончившего историко-филологический факультет Университета св. Владимира и оставленного для приготовления к профессорскому званию. Позже он занимался главным образом историей Украины, работая в архивах Москвы, Варшавы, Кракова и др. Но, случалось, касался и польской темы (Брачные разводы в древней Польше и Юго-Западной Руси // Юридический вестник, 1890, № 12). Со знанием дела, с привлечением ранее неизвестных материалов – и вместе с тем достаточно тенденциозно – разрабатывал этноконфессиональную пробле-

¹²⁵⁸ Пузыревский А.К. Польско-русская война... Т. 1. С. 2.

¹²⁵⁹ Там же.

¹²⁶⁰ Пузыревский А.К. Польско-русская война... Т. 1. С. 3.

матику профессор Петербургской духовной академии Илларион Алексеевич Чистович (1828–1898). К опубликованной им небольшой монографии «Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII в.» (СПб., 1880)¹²⁶¹ в известной степени примыкал вышедший вскоре его же «Очерк истории западно-русской церкви» (СПб., 1882–1884. Ч. 1–2).

Обостренный общественный интерес к предпосылкам и результатам крестьянской реформы в Царстве Польском и вообще к аграрной тематике – вместе с обыкновением поклонников екатерининской политики подчеркнуто ссылаться на бедственное положение простонародья под владычеством польских панов – способствовали появлению в те же 1880-е годы новых работ по истории польского крестьянства. Среди них выделяется исследование «Крестьянский вопрос в Польше в эпоху разделов» Вениамина Александровича Мякотина (1867–1937), опубликованное в виде четвертого выпуска издаваемой Н.И. Кареевым серии «Из истории европейских народов» (СПб., 1889).

Имеющуюся литературу по польской аграрной истории В.А. Мякотин не без оснований оценил невысоко, без обиняков назвав, например, сочинение И.Л. Горемыкина «Очерки истории крестьян в Польше» (1869) компиляцией. «Перед тем, кто захотел бы заняться историей польских крестьян, – считал молодой исследователь, – расстилается, таким образом, громадное почти необработанное поле, лишь в некоторых местах тронутое плугом научного исследования»¹²⁶². Однако предметом своей работы он избрал не само состояние польской деревни накануне падения Речи Посполитой, не положение кметей и других категорий крестьянства, а «крестьянский вопрос», – как он дебатировался, решался публицистами. Исследователя прельстило то обстоятельство, что накал политических страстей в последней трети XVIII в. породил обширную полемическую литературу. Обзор касавшихся крестьянской тематики памфлетов, открывавшийся разбором сочинений Мабли и Руссо, включал у Мякотина 84 позиции, не считая статей в варшавском журнале «Монитор» и других периодических изданиях.

¹²⁶¹ Примечательно, что, говоря о защите прав православных в Речи Посполитой и давней истории изучения этой проблемы в историографии, автор одной из новейших монографий отсылает читателя единственно к книге И.А. Чистовича. – См.: Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. М., 2014. С. 383.

¹²⁶² Мякотин В.А. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов. СПб., 1889. С. 5.

Правда, только чуть больше трети из названных в обзоре брошюр историк, по его собственному признанию, увидел собственными глазами; в большинстве случаев он поневоле полагался на сведения из старых и новых исторических трудов. В недалгом времени Мякотин приобретет известность как публицист либерально-народнического направления и историк Украины (Прикрепление крестьянства левобережной Малороссии в XVIII в. // Русское богатство. 1895. № 2–4 и др.). Если он впоследствии и обращался к польской проблематике, то главным образом под углом зрения украинско-польских контактов XVIII–XIX вв. Его научно-популярный очерк «Адам Мицкевич. Его жизнь и литературная деятельность» (СПб., 1891), написанный для «Биографической библиотеки» Ф. Павленкова, отличало настойчивое желание изобразить поэта мистиком, чуждым освободительному движению.

Тому, что 1880-е годы существенным образом пополнили отечественную полонистику, в немалой мере содействовало углубление связей между русской и польской исторической наукой. Одним из эпизодов такого сближения стал выход второго тома «Истории славянских литератур» А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича (СПб., 1881), где примерно половину объема занял написанный Спасовичем большой раздел, посвященный Польше.

О петербургском поляке Владимире Даниловиче Спасовиче (1829–1906)¹²⁶³ ранее уже упоминалось как о публикаторе – в переводе с латыни на польский – «Восьми книг бескоролья» Св. Ожельского (1856). В молодые годы он, помимо прочего, помогал Ю. Огрызко при переиздании восьмитомного свода польских законодательных актов (см. гл. 2). За прошедшую с тех пор четверть века он стал преуспевающим столичным адвокатом, приобрел известность как журналист либерального направления, активный деятель петербургской Полонии. Убеденный приверженец теории «органического труда» и *ugodowies*, т.е. сторонник примирения поляков с русскими, Спасович в своей общественно-политической и литературной деятельности исходил из того, что знакомство русского читателя с польской культурой поможет преодолеть взаимные предубеждения двух народов.

¹²⁶³ СДР... словарь. С. 316.

Еще в 1850-е годы он близко сошелся с А.П. Пыпиным. В 1865 г. они сообща выпустили уже упоминавшийся «Обзор истории славянских литератур», где на долю Спасовича пришлось польская часть. Написанный с либеральных позиций, по существу достаточно безобидный, краткий «Обзор...» вызвал нападки со стороны консерваторов славянофильского толка, которые усмотрели там подрыв устоев и полонофильскую пропаганду. Берясь за подготовку нового, сильно расширенного варианта книги, соавторы сознавали, что реакция будет еще более жесткой. Ожидания оправдались.

Показателен темпераментный отклик Михаила Осиповича Кояловича (1828–1891), профессора Петербургской духовной академии, знатока церковной истории западнорусских земель, пребывавших под властью Речи Посполитой¹²⁶⁴. В эрудиции ему никак не откажешь, но, свято веря в гибельность для славян западной цивилизации, он в своих исторических сочинениях и в злободневной публицистике почти с маниакальным упорством изобличал либералов, а особенно поляков – в коварных замыслах. Выход своим чувствам Коялович дал и в фундаментальной, во многом для него итоговой монографии «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям» (первое издание – СПб., 1884). Впрочем, реакция на выход самой «Истории русского самосознания» была также достаточно бурной, но уже с противоположной стороны. Рецензенты комментировали уже само название книги. Н.И. Костомаров, к примеру, не без сарказма писал, что «название /.../ книги до такой степени мудреное и простым смертным неудобовразумительное, что надобно пожалеть, зачем автор на заглавном листе не поместил комментария к измышленному им названию»¹²⁶⁵. Содержательная сторона труда также была воспринята скептически. Так, по мнению Д.А. Корсакова, «книга г. Кояловича является памфлетом, в котором автор пользуется трудами и воззрениями русских историков лишь как средством для доказательства своих собственных произвольных воззрений на прошлое и настоящее русского народа»¹²⁶⁶.

¹²⁶⁴ См., напр.: Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. СПб., 1873.

¹²⁶⁵ Костомаров Н.И. По поводу книги М.О. Кояловича: История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям // Вестник Европы. 1885. Кн. 4. С. 867.

¹²⁶⁶ Исторический вестник. 1885. Т. 19. С. 685.

Более нейтрально отозвался о труде Кояловича К.Н. Бестужев-Рюмин, признавший, что «известный своими почтенными трудами по истории Западной Руси и тщательным изданием памятников русской старины профессор М.О. Коялович предпринял замечательный труд»¹²⁶⁷. Хотя и этот рецензент, в конце концов, позволил себе отпустить шпильку – в частности, по поводу высказанного Кояловичем взгляда на до-татарскую Русь, сочтя, что «взгляд этот отличается некоторым чересчур розовым цветом, будто когда-либо было время, когда молочные реки текли в кисельных берегах»¹²⁶⁸.

Пожалуй, одна из самых едких рецензий появилась на страницах «Вестника Европы», где автор – «Л.С.», дал волю иронии и скепсису. По всему было видно, что ему претит книга автора, который «принадлежит к числу тех немногих людей, которые имеют исключительную привилегию на обладание “чисто русскими” чувствами, воззрениями и особенностями, и с первых же страниц книги рекомендует себя истинно русским человеком». Рецензент решительно не желал примириться с тем, «что настоящее русское самосознание живет только в людях, подобных г. Кояловичу, высказывается тут во всей своей наглядной простоте», у которых «критика чужих взглядов упрощается до небывалой еще степени; всякие возражения и доказательства становятся излишними /.../ Привычка смотреть на себя как на избранные сосуды благонамеренности, выражается у этих патриотов в огульном отрицании и заподозривании чувств людей, не согласных с ними»¹²⁶⁹.

Вообще, создается впечатление, что подобным ощущением – некоего, пусть не явного, размежевания в русском обществе на «чисто русских» и утративших (либо не содержащих в себе) эту «чистоту», – было проникнуто русское общество в целом, и литературная среда в частности. Во всяком случае, будто на это указывают хотя бы слова К.Н. Леонтьева о М.О. Кояловиче – как «об одном весьма полезном и основательном русском человеке»¹²⁷⁰. Разумеется, суждение Леонтьева – это лишь одно из суждений, одно из мнений. В скобках же

¹²⁶⁷ ЖМНП. 1885. № 1. С. 95.

¹²⁶⁸ Там же. С. 123.

¹²⁶⁹ Вестник Европы. 1884. Кн. 12. С. 917, 918.

¹²⁷⁰ Леонтьев К.Н. Православие и католицизм в Польше // Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. 2. М., 1886. С. 177.

отметим, сколь нелицеприятно о внутреннем состоянии русского общества отозвался – за пять лет до появления «Истории русского самосознания...» М.О. Кояловича – А.Д. Градовский в статье 1879 г.: «Оглянитесь на Россию. В ней "общества" довольно, интеллигенции же почти нет. От этого мы и рассыпаны как песок морской, разбиты на сословия и классы, на города и сельские общества, на дворянство и духовенство, без всякого центра единения, без действительного понимания общественных целей и без умения вести какое бы то ни было общественное дело. Русская земля жаждет, как хлеба насущного, настоящих русских людей, которые умели и хотели бы говорить и действовать за всю землю /.../»¹²⁷¹. И вот теперь, казалось бы, появляется человек, который выступает от имени «настоящих русских людей» и сам присваивает себе «привилегию на обладание "чисто русскими" чувствами». Пожалуй, такого рода восприятие российской действительности, какое обнаруживает Градовский, отчасти объясняет причины выпадов критиков против Кояловича – даже на уровне используемой им терминологии (кто есть «русский», «русские» и т.д.).

В полной мере демонстрируя остроту полемики между либералами и славянофилами, автор рецензии язвительно замечал, что «особенно интересно встретиться с притязаниями славянофильства, когда оно выступает в простой и отчасти грубой форме, без всяких туманных прикрас»¹²⁷². Но главное, в чем упрекал Кояловича рецензент «Л.С.», так это то, что: «Никаких самостоятельных воззрений не проводится в сочинении г. Кояловича, но в нем особенно наглядно отражается пустота и сбивчивость так называемых славянофильских теорий. Выдавая себя за усердного славянофила, автор вынужден ограничиваться лишь беспорядочными вылазками против иноземцев и либералов»¹²⁷³, да и, к тому же, «встречаясь с каким-либо мнением, он не разбирает его сущности, а заботится только о том, куда бы отнести его – к западничеству или славянофильству, к иноземщине или к российскому патриотизму. Некоторые исследования не подходят ни к одной из этих рубрик; тогда они помещаются "между славянофиль-

¹²⁷¹ Градовский А.Д. Задача русской молодежи // Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 482.

¹²⁷² Вестник Европы. 1884. Кн. 12. С. 918.

¹²⁷³ Там же. С. 924.

ством и западничеством” /.../ или же объявляются “странными по общим взглядам”, без всяких комментариев»¹²⁷⁴ ...

Что касается самого М.О. Кояловича, то он придал своему отзыву о труде коллег фундаментальный характер, поместив в самом начале своего капитального труда подробный, занявший несколько страниц разбор «Истории славянских литератур». Причем, разбор этот больше походил на политический донос: книга, на взгляд Кояловича, «производит самое тяжелое впечатление и способна порождать чудовищные понятия, которые в ней отчасти и прямо проповедаются»¹²⁷⁵ и т.д. По поводу этого выпада Кояловича против создателей «Истории славянских литератур» высказался и один из рецензентов «Истории русского самосознания». «Невольно удивляешься, – писал Д.А. Корсаков, – неуместной (чтобы не сказать больше) выходке против А.Н. Пыпина и В.Д. Спасовича за их историю славянских литератур. Г. Коялович упрекает их за якобы унижение ими русской и вообще славянской народности и упрекает их за то, что они, разрешая, между прочим, некоторые вопросы по русской историографии, разрешают их не в должном, по мнению г. Кояловича, смысле»¹²⁷⁶. Рецензент «Вестника Европы», оценивая ситуацию, был по обыкновению более лаконичен и определен: «Приемы дурной полемики, с полицейским оттенком, переносятся в литературу и даже в науку»¹²⁷⁷.

Так, Пыпину, помимо прочего, Кояловичем был брошен упрек в том, что, на словах выступая за равноправность всех славянских литератур, он на самом деле «стоит за всякое разделение славян и за самую эгоистическую их обособленность». Ему инкриминировалось «преклонение перед западнославянской литературой, в особенности перед польской»¹²⁷⁸. Для Кояловича, понятно, принцип равноправия непременно включал в себя и признание хотя бы культурного, если не политического, верховенства России.

Особое неудовольствие строгого критика вызвал раздел, посвященный польской литературе. О писаниях Спасовича без обиняков было сказано, что

¹²⁷⁴ Вестник Европы. 1884. Кн. 12. С. 923.

¹²⁷⁵ Коялович М.О. История русского самосознания. СПб., 1884. С. 5.

¹²⁷⁶ Исторический вестник. 1885. Т. 19. С. 692.

¹²⁷⁷ Вестник Европы. 1884. Кн. 12. С. 918.

¹²⁷⁸ Коялович М.О. История русского самосознания. С. 5–6.

они «отличаются обычными, свойственными этому автору качествами, – красотою общих мыслей и фраз и поражающею фальшью самого дела, притом с тою особенною окраскою видимой гуманности и действительного фанатизма ко всему русскому, какие возможны только в ополячившемся русском западной России»¹²⁷⁹. Этот автор, продолжал Коялович, «выставляет на вид народность и латинской иерархии в Польше, и польского шляхетства, /.../ постоянно показывает, как латинская культура Польши приобщала ее к мировой цивилизации Европы и как при этом развивалась польская народность нередко до всеславянского значения». Коялович был категорически не согласен с тем, что «латинство и польская народность кладутся как основы дальнейшего развития Польши». Длинная цитата из Спасовича: «Не примиримы (и, вероятно, долго еще не примирятся) старые вражды; но можно отметить хотя зачатки невиданного явления: попыток примирения, идущих с обеих сторон, между двумя братьями, двумя историческими врагами – русской и польской национальностью, попыток, которые нельзя не приветствовать», – понадобилась критику лишь для того, чтобы заключить: такое примирение между двумя братьями-народами, как его понимает Спасович, «приветствовать не приходится»¹²⁸⁰.

Что собой представлял вызвавший столь глубокое негодование текст Спасовича? Остановимся лишь на одном, краеугольном для полонистики, вопросе – а именно на том, как автор характеризовал особенности государственного строя Речи Посполитой. Основной материал для суждений об этом дают те краткие характеристики состояния польского общества и государства, какие предваряли каждый из разделов, посвященных ходу литературного процесса.

Центральное место в рассуждениях Спасовича по поводу польской истории заняла шляхта и ее роль в становлении и развитии польской государственности. Такой подход к проблеме не был чем-то новым, но в литературе преобладали крайности: или роль шляхты идеализировалась (что особенно ощутимо у И. Лелевеля), или, напротив, на шляхту возлагали вину за все свалившиеся на поляков беды, до разделов Речи Посполитой включительно – вторая тенденция была

¹²⁷⁹ Коялович М.О. История русского самосознания... С. 6.

¹²⁸⁰ Там же. С. 7–9.

свойственна русским историкам. Спасович же стремился как-то сбалансировать свет и тени «шляхетской республики». Нельзя сказать, что при этом он смог быть до конца объективным.

Не вступая в прямую полемику с С.М. Соловьевым и другими русскими историками, считавшими Речь Посполитую абсолютно нежизнеспособным политическим образованием, Спасович старался доказать, что в действительности дело обстояло далеко не так. Порядки в Речи Посполитой автору явно импонировали. Он не без гордости напоминал, что «сеймованием, системою парламентаризма, развернувшегося в Польше с особою полнотою и последовательностью», поляки опередили англичан. Но автор не забывал, что рост политического веса шляхты совершился «в ущерб всем другим составным частям общественного организма». По его словам, Польское государство – эта «монархия с аристократически-республиканскими учреждениями, с законами, в которых проведена была /.../ до последних крайностей идея почти беспредельной свободы гражданина», – было повинно в том, что Польша не сумела остановить натиск немцев на восток и «стать твердою ногою на море Балтийском», а искала распространения главным образом на востоке, в московско-русских землях¹²⁸¹.

Ранее, в «Обзоре...», автор ограничивался констатацией того факта, что в XVI столетии, «в так называемый период Сигизмундов /.../ шляхте удалось достигнуть преобладания, превратить наследственный престол королей в избирательный, вроде федеративной республики, имеющей во главе весьма ограниченного в правах своих монарха»¹²⁸². Полтора десятилетия спустя, в «Истории славянских литератур» Спасович счел нужным добавить, что «слабая сторона этого строя заключалась в том, что настоящим народом была только шляхта»¹²⁸³, что только «шляхта ворочает всем: она имеет в руках местное земское самоуправление; она превратила королевскую власть в учреждение от себя зависимое посредством избрания королей; она участвует во власти законодательной с королем и сенатом посредством своих земских нунциев»¹²⁸⁴. Впрочем, ос-

¹²⁸¹ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур. СПб., 1881. Т. 2. С. 449–450.

¹²⁸² Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865. С. 363.

¹²⁸³ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур... С. 450.

¹²⁸⁴ Там же. С. 477.

торожный упрек тут же был уравновешен напоминанием о том, что «главную силу Польши составляла владеющая землей шляхта», и что именно она утвердила то политическое устройство, которое «при всей своей односторонности, /.../ в высокой степени способствовало развитию личности и проявлению великих гражданских доблестей»¹²⁸⁵.

У Спасовича такого рода колебания в оценках шляхты и созданной ею формы государственности отнюдь не редкость. Если в одном месте он, как уже было отмечено, пишет, что в Польше «монархия, с аристократичеки-республиканскими учреждениями», по существу, оказалась несостоятельной в отстаивании как собственных интересов, так и интересов соседних славянских земель, то через несколько страниц будет заявлено, что в XVI столетии «шляхетство было в полном цвету, без колючек и терний», и «при таком благосостоянии материальном и при такой свободе политической»¹²⁸⁶.

Дальнейшая эволюция шляхетской республики, естественно, рисовалась автору не столь оптимистично: «осуществив вполне свой идеал “золотой свободы”, господствующий класс бросил якорь: ему не к чему было стремиться; неподвижный консерватизм сделался господствующим настроением; общество окаменело, чуждаясь, как посягательств на свободу, всяких преобразований. /.../ Единогласие, как условие законности постановлений, парализовало государственную власть»¹²⁸⁷ и пр.

Свойственная Спасовичу-историку известная непоследовательность в оценках людей, событий, государственных институтов ярче всего проявит себя, когда он перейдет к такой действительно противоречивой и до сих пор вызывающей споры фигуре, как Станислав Август Понятовский.

Должно быть, осознав, что излишне восславил «древнее испытанное знамя шляхетства и католицизма», Спасович во втором издании труда внес в образ Станислава Августа – и в общую характеристику Польши XVIII века – существенные коррективы. Здесь уже воздается должное достоинствам последнего польского короля: «Станислав Август Понятовский был бесспорно один из об-

¹²⁸⁵ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур ... С. 478.

¹²⁸⁶ Там же. С. 480.

¹²⁸⁷ Там же.

разованнейших философов XVIII в., притом человек несомненно благонамеренный, трудолюбивый и серьезно старавшийся сыграть с достоинством и наилучшим по возможности образом многотрудную роль польского короля». Хотя, в то же время, отмечено, что «деятельность его лишена была всяких нравственных устоев, нравственной подкладки; отсутствовала та сила воли, которая заставляет человека идти почти на невозможное»¹²⁸⁸.

С пониманием и даже сочувствием говорилось, что «идти во главе новаторов, навстречу последней катастрофе и призвать, в крайнем случае, даже революционные элементы на национальную войну против соседей – он не мог по недостатку энергии в характере, по отсутствию смелого почина»¹²⁸⁹. Больше того, действия Станислава Августа практически оправдываются: «Когда /.../ исчерпаны были средства отклонить неизбежное событие, Станислав Август мирился с ним, умывая руки, принимал предлагаемое, проходил под иго требований, как бы они для него унижительны ни были, и продолжал лицедействовать. /.../ Не будь этой уступчивости, очень может быть, что уже в 1772 г. Польша была бы окончательно разделена»¹²⁹⁰. Как любой пишущий об истории Польши, автор не прошел мимо вопроса о причинах гибели Речи Посполитой. Он, – и здесь расходясь с С.М. Соловьевым, – подчеркивал в 1865 г., что приписывать упадок Польши «стремлению шляхты к необузданной свободе, неумению сторониться с своим я перед требованиями общего блага»¹²⁹¹ – есть мнение крайне ошибочное и не выдерживающее «ни малейшей критики»¹²⁹². Этому своему убеждению историк не изменил и в книге 1881 г.

Бесспорно присутствующая в книге идеализация «шляхетской республики» естественно становилась поводом для критики со стороны Кояловича и его единомышленников. Они, похоже, не придавали значения тому обстоятельству, что в вопросах текущей политики объект их яростных нападок – В.Д. Спасович, придерживался весьма умеренных взглядов. Будучи убежденным сторонником так называемого органического труда, он прямо заявлял, что «на оба взрыва по-

¹²⁸⁸ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур ... С. 554.

¹²⁸⁹ Там же. С. 554–555.

¹²⁹⁰ Там же. С. 555.

¹²⁹¹ Соловьев С.М. История падения Польши. С. 412.

¹²⁹² Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор славянских литератур... С. 422.

трачено непроизводительно множество живых сил, которые пригодились бы на иное дело»¹²⁹³. Рискую навлечь на себя негодование своих соотечественников, среди которых, как он знал, многие сохранили веру в повстанческие идеалы, он не без восхищения писал о «необыкновенной живучести национальности», которая проявили себя в этих «вулканических взрывах». Тем не менее, взрывы эти представляют собой «весьма назидательный не только для народа польского, но и для всех других, пример того, как губительны могут быть увлечения одним исключительным и односторонним патриотизмом, если этому патриотизму приносятся в жертву общечеловеческие интересы, справедливость, истина, цивилизация»¹²⁹⁴. Иными словами, Спасович отстаивал позиции «угодовцев», принципы «органической работы», получившие широкое распространение в польском обществе после поражения Январского восстания¹²⁹⁵. Он, проникнувшись новыми идеями и явно стремясь учитывать русское общественное мнение, в то же самое время не раз на протяжении своего историко-литературоведческого труда – вольно или невольно – отдал дань традиционным польским воззрениям, не удержавшись от идеализации старошляхетских порядков.

В целом общественно-политическая и научная позиция В.Д. Спасовича заметно перекликалась с той, какую несколько лет спустя займет Н.И. Кареев, надевшийся с помощью исторической науки найти путь к примирению польского и русского народов. Заявление одного из авторов «Истории славянских литератур» о том, что «уразуметь роковую необходимость борьбы двух главнейших ветвей славянского племени может только тот, кто способен становиться мысленно на точку зрения каждой из двух враждебно одна к другой относящихся национальностей»¹²⁹⁶ – лишнее тому подтверждение. Либеральная пресса, само собой, восприняла труд Спасовича с пониманием. Интерес к нему проявили поляки. Год спустя его расширенный вариант выйдет по-польски под заглавием «История польской литературы». Затем эту книгу переиздадут еще дважды¹²⁹⁷.

¹²⁹³ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор славянских литератур... С. 456.

¹²⁹⁴ Там же.

¹²⁹⁵ Об этом см., напр.: Jaszczuk A. Spór pozytywistów z konserwatystami o przyszłość Polski. 1870–1903. Warszawa, 1986. S. 63–84, 273–283.

¹²⁹⁶ Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор славянских литератур... С. 456.

¹²⁹⁷ См., напр: Spasowicz Wł. Dzieje literatury polskiej. Wyd. trzecie. Kraków, 1891.

В укреплении российско-польских научных контактов важнейшую роль играл Варшавский университет. Властями он по-прежнему рассматривался как инструмент русификации. После первого марта 1881 г. политическая атмосфера в его стенах стала еще более душной. Но этим дело все же не исчерпывалось. В русской и польской литературе о Варшавском университете написано немало, насчет общей оценки его места в истории национальной культуры велись и ведутся споры¹²⁹⁸. Не вдаваясь в разбор аргументации спорящих сторон, можно уверенно констатировать, что именно с Варшавой были связаны – как наблюдаемая тогда активизация русско-польских ученых контактов., так и самые знаменательные явления в российской полонистике конца XIX века.

Не напрасно этому университету (возрожденному, напомним, российской администрацией в 1869 г.) в «Истории славяноведения...» Л.П. Лаптевой отведено полторы сотни страниц – больше, чем какому-либо другому из российских высших учебных заведений. Исследовательница собрала, обобщила массу сведений о ряде работавших в Варшаве российских славистов (хотя в это число, к сожалению, не попал Н.Н. Любович). Но при характеристике положения дел на историко-филологическом факультете она по какой-то причине сочла нужным опереться на суждения В.В. Макушева – историка, который, по ее же словам, к Польше относился резко отрицательно, и на некоторые другие, не менее пристрастные, свидетельства.

В результате оценка состояния дел в Варшавском университете приобрела в «Истории славяноведения» несколько односторонний, утрированный характер. Встречаемые в материалах упреки по адресу «высокомерной польско-шляхетской интеллигенции», в чьих традициях «была не только вражда к русским за участие России в разделах Польши и подавление антирусских восстаний, но и отголосок средневековой феодальной вольницы», исследовательница даже излагает от собственного имени¹²⁹⁹. Станным образом рисуемая при этом

¹²⁹⁸ См., напр: Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX вв.). Варшава, 1995; Михальченко С.И. 1) Юридический факультет Варшавского университета. 1869–1917.: Краткий исторический очерк. Брянск, 2000; 2) Кафедры русской и всеобщей истории в Варшавском университете (1869–1915) // Философский век. История университетского образования в России и международные традиции Просвещения. СПб., 2005; и др.

¹²⁹⁹ Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XX в. М., 2005. С. 593

картина взаимного отчуждения поляков и русских расходится с приводимой – в другом месте той же «Истории славяноведения...»¹³⁰⁰ – информацией Н.И. Кареева о его пребывании в Варшаве и о дружеских связях в польских ученых кругах. При этом Л.П. Лаптева сама же – с полным на то основанием – подчеркивает, что воспоминания Кареева – «очень достоверные (чем они отличаются от многих произведений мемуарного жанра) и подтверждающиеся по содержанию другими источниками»¹³⁰¹.

В 1883 г. со смертью Макушева кафедру славянской филологии Варшавского университета возглавил приглашенный из Петербурга Константин Яковлевич Грот (1853–1934), известный главным образом своими студиями из истории венгерско-моравских взаимоотношений в средние века¹³⁰², доцентом той же кафедры оставался Иосиф Иосифович Первольф, перебравшийся из Праги в Варшаву (1871 г.) по приглашению ректора тамошнего университета¹³⁰³. Кафедру истории славянских законодательств (единственную кафедру такого рода в российских университетах) с 1873 г. занимал Федор Федорович Зигель (1845–1921), также, как и Грот, ученик В.И. Ламанского, знаток правовых памятников южных славян. Проработал он там без малого полвека, вместе с Варшавским университетом перебравшись в 1915 г. в Ростов-на-Дону¹³⁰⁴.

Все они в своих трудах, так или иначе, касались польской проблематики. Больше других ею интересовался И.И. Первольф, отведя полякам значительное место в трехтомной монографии «Славяне: Их взаимные отношения и связи» (Варшава, 1886–1893, вторую часть третьего тома автор не успел завершить, она будет издана К.Я. Гротом посмертно)¹³⁰⁵. В ходе работы над книгой Первольф использовал архивные фонды Варшавы, Кракова, Познани, Львова, Вены и других городов. У А.Ф. Бычкова, директора Публичной библиотеки, были все ос-

¹³⁰⁰ Лаптева Л.П. История славяноведения. С. 483–484.

¹³⁰¹ Там же. С. 472.

¹³⁰² Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 676–699; Ср. Славяноведение в дореволюционной России... С. 136. С. 134–135.

¹³⁰³ Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 699–725; Ср. СДР... словарь. С. 263–264.

¹³⁰⁴ Лаптева Л.П. История славяноведения... С. 376, 535, 695 и др.; Ср. СДР... словарь. С. 160–161; Лаптева Л.П. К вопросу о русско-чешских научных контактах в конце XIX – начало XX вв. Ф.Ф. Зигель (1845–1921) и Я. Челаковский (1846–1914) // *Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиэвистики*. СПб., 2009. С. 256–258.

¹³⁰⁵ Первольф И.И. Славяне: Их взаимные отношения и связи. Т. 2. Варшава, 1888. С. 70–197.

нования еще до завершения работы варшавского ученого над своим капитальным исследованием отметить, что «Рукописное отделение Императорской Публичной библиотеки и Варшавский Главный архив доставили г. Первольфу богатые материалы для определения отношения Польши к Юго-Западной Руси»¹³⁰⁶.

Демонстрирующий колоссальную эрудицию И.И. Первольфа, польский раздел его капитального труда в концептуальном отношении, однако, особой новизной не отличался. В центре авторского внимания стоял треугольник политических сил, каковой составляли Германия, Польша и Россия, где каждая из участниц с большим или меньшим успехом и на свой лад разыгрывала «славянскую карту». Первольф не мог не признать, что в конфликте с Германией «”славянская политика” Польши кончилась плачевно для нее самой и для западного славянства». Не преуспели поляки и на востоке: там «явилась другая более сильная представительница славянской политики, Москва, которая со временем вытеснила из всей юго-западной Руси вторгнувшуюся туда Польшу и переняла от нее знамя освобождения южных славян»¹³⁰⁷. Не комментируя, как Польша пережила это «вытеснение» Москвой, Первольф, в то же время, отметил, что с немцами Польша помириться никак не могла: «Эта ненависть поляков к ”немецкой саранче”, поедающей чужое имущество, отражалась в публичной жизни, в литературе и пр. /.../ ненависть поляков к немцам обнаруживалась и впоследствии...»¹³⁰⁸.

Ученый (вполне в духе предшествующей традиции) исходил из того, что Польша и ее политика были «бессильными и нередко просто жалкими». Причина этого, на его взгляд, заключалась в том, что «Польша, несмотря на громадные свои размеры и средства, не развила у себя сильной государственной власти, необходимой для неуклонного преследования известной заветной мысли», виновниками чего были, на его взгляд, «короли и паны», которые «не сумели и не хотели ее (государственную власть. – Л.А.) поддержать и развивать»¹³⁰⁹.

¹³⁰⁶ Первольф И.И. Славяне... С. 73.

¹³⁰⁷ Там же. С. 73.

¹³⁰⁸ Там же. С. 74, 75.

¹³⁰⁹ Там же. С. 73.

Отдавая должное профессионализму И.И. Первольфа, едва ли можно сказать, что его построения были всегда в достаточной мере выверены. Это, в частности, касается рассуждений по поводу соперничества Польши и Москвы. По словам ученого: «Если бы Польше, польскому народу и польской культуре, удалось ассимилировать себе всю юго-западную Русь, а не только ее высшие слои, если бы вся эта Русь сделалась ляхами, то роль Польши в славянстве определилась бы вполне, и поляки стали бы первым славянским народом»¹³¹⁰.

Создается впечатление, что Первольф временами подпадал под обаяние польских политических сочинений, где не раз строились грандиозные планы объединения Польши, Литвы и Москвы в единое государство. Аналогичные призывы, как известно, звучали и со стороны москвитов. Но историк при этом как-то упускал из виду, что призывы «жить в мире и любви», и рассуждения о той громадной пользе, какую соединение сил всего восточного славянства принесло бы всему славянскому миру в его борьбе против немцев и турок¹³¹¹, каждая из сторон толковала по-своему, исключительно в собственных интересах. Продиктованные преимущественно злобой дня, призывы, естественно, оставались только словами...

Конечно, Первольф не преминул напомнить читателям что «важным препятствием, помешавшим добровольному соединению обоих славянских народов в одно политическое целое», явились «польский католицизм» и «русское православие». Но, не закрывая глаза на взаимное непонимание и неприятие соседями друг друга, автор все-таки делал акцент на нуждах всего славянства. По его словам, «все эти политические и культурно-религиозные планы Польши, это ее стремление на восток, эта ее тяжелая, непосильная и в конце концов неудачная борьба польского народа с более сильным и многочисленным русским народом, с Москвою, из-за политического и культурно-национального первенства на славянском востоке: все это не могло ни к чему другому повести, как только к ослаблению Польши». Особое сожаление вызывало у Первольфа то, что борьба и соперничество «Польши с восточным, русским славянством поглощали часть ее

¹³¹⁰ Первольф И.И. Славяне... С. 77.

¹³¹¹ Там же. С. 78.

сил, и были причиной, что Польша не могла надлежащим образом выступать в обороне славян западных и южных»¹³¹². В целом, рассмотрение Польши в контексте широко понимаемого славянского вопроса, попытка представить ее – пусть неудачливой – защитницей западного и южного славянства можно признать одной из характерных черт построений И.И. Первольфа, отличающей его труд от многих писаний на тему о взаимоотношениях Польши и других славянских народов.

В 1879 г. в Варшаву перебрался Николай Иванович Кареев (1850–1931), выпускник историко-филологического факультета Московского университета, только что защитивший магистерскую диссертацию «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.».

Как повествует Кареев в своих воспоминаниях «Прожитое и пережитое» (подготовкой к публикации которых занимался еще сам автор, но издание появится лишь на исходе XX века¹³¹³), вскоре после своей магистерской защиты он окончательно потерял надежду получить место штатного преподавателя в Московском университете. У него оставался выбор: либо «остаться учительствовать» в Москве, либо, приняв поступившее приглашение из Варшавы, покинуть Москву и занять должность экстраординарного профессора кафедры всеобщей истории в Варшавском университете¹³¹⁴. Н.И. Кареев предпочел второй из вариантов, и с лета 1879 г. для него наступает длившийся до начала 1885 г. период (по его собственному определению) «профессорства в Варшаве», который историк довольно подробно описал в мемуарах, поделившись своими впечатлениями от почти пятилетнего пребывания в столице Царства Польского.

В стенах русскоязычного Варшавского университета Н.И. Кареев поневоле окунулся в атмосферу «стихийной ненависти к полякам», поощряемую администрацией. Обстановка поэтому была достаточно напряженной, отношения складывались непросто. Но размежевание все же шло не столько по национальному, сколько по идейно-политическому признаку. Говоря о порядках, существовав-

¹³¹² Первольф И.И. Славяне... С. 81.

¹³¹³ Золотарев В.П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 37–40.

¹³¹⁴ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 156.

ших в университете (где, по словам историка, «"политики" /.../ было хоть отбавляй»), историк в своих воспоминаниях отмечал, что университетский Совет был разделен поровну, на две партии – русскую и польскую, примерно по тридцать человек в каждой. Кареев пишет, что сам он выступал одним из тройки профессоров, которая, «даже не сговариваясь, стояла на принципиальной точке зрения, вследствие чего мы подавали свои голоса в зависимости от сущности дела то с поляками, то с русскими. Первые за это были нам благодарны, а вторые негодовали»¹³¹⁵. Не желая прослыть «казенным обрусителем», молодой профессор предпочел сблизиться с польской средой.

Судя по всему, это было движение навстречу друг другу: поляки не могли не оценить того, что новый русский профессор ввел в свои лекционные курсы материалы о Польше, – ведь в Варшавском университете курса истории Польши учебным планом вообще не было предусмотрено. Годы спустя, в своей газетной статье «Мои отношения к полякам» Н.И. Кареев вспоминал: «Польская история в Варшавском университете не преподается, /.../ и таким образом о прошлом родной страны студенты-поляки слышали с университетской кафедры только в моей аудитории, если не считать того, что они слышали на лекциях русской истории, нередко, как жаловались многие, неприятно задевавших их национальное чувство»¹³¹⁶. Польские студенты, насколько можно судить, восприняли ново-прибывшего русского профессора весьма благожелательно.

Еще только готовясь к переезду в Варшаву, молодой ученый отдавал себе отчет в том, что ему придется изменить направление своих изысканий. «Займусь и я там, – расскажет он в воспоминаниях о своих тогдашних планах, – историей Польши, во многих отношениях интересной». При этом сам же Кареев признавался, что «кроме научного интереса, польские дела возбудили во мне интерес общественный», подчеркнув при этом, что «польский вопрос есть один из наших внутренних вопросов, постоянно нам о себе напоминающий»¹³¹⁷.

Похоже, что для Н.И. Кареева, на начальном этапе его полонистических изысканий, польский вопрос и польская история неразрывно связаны друг с

¹³¹⁵ Кареев Н.И. Прожитое... С. 162.

¹³¹⁶ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам // Русские ведомости. 1901. № 124.

¹³¹⁷ Кареев Н.И. Прожитое... С. 156.

другом, и, больше того, не будет большим преувеличением сказать, что, пожалуй, польскому вопросу в данном контексте отведено первенствующее место. Однако вплоть до настоящего времени полонистические работы Н.И. Кареева привлекают внимание исследователей в гораздо меньшей степени, чем его историко-философские, социологические труды либо сочинения, освещающие проблемы истории Западной Европы Нового времени. Например, Л.П. Лаптева сравнительно недавно – и совершенно справедливо – констатировала, что «не все еще стороны научной и общественной деятельности Н.И. Кареева изучены в полной мере. К числу вопросов недостаточно освещенных (в отечественной историографии. – Л.А.) относится интерес ученого к истории славян. Заслуживают большого внимания его труды по истории Польши»¹³¹⁸. В настоящей работе полонистическое наследие Н.И. Кареева также анализируется лишь фрагментарно, заслуживая не просто большего, но отдельного, специального внимания, здесь сочинения Н.И. Кареева рассмотрены под определенным, заданным в диссертации, углом зрения.

Как раз в год приезда Кареева в Варшаву польское общество вновь всколыхнул ожесточенный спор о причинах гибели Речи Посполитой¹³¹⁹. Поводом тому стал выход в свет книги М. Бобжиньского «Очерк истории Польши» (1879)¹³²⁰. К тому времени профессор Ягеллонского университета в Кракове Михал Бобжиньский (1849–1935)¹³²¹ был уже фигурой достаточно известной. Он принадлежал к консервативному направлению как в политике (сторонник проавстрийской ориентации, со временем, в 1908–1913 гг., он станет наместником Галиции), так и в науке. Будучи приверженцем, а затем и одним из лидеров, так называемой Краковской исторической школы¹³²², молодой историк уже с

¹³¹⁸ Лаптева Л.П. Контакты русских ученых с чешским ученым и политическим деятелем Т.Г. Масариком (до 1917 г.) // Мыслящие миры русского либерализма: Павел Милюков (1859–1943). М., 2010. С. 240.

¹³¹⁹ Об этом см., напр.: Korzon T. Błędy historiografii naszej w budowaniu dziejów Polski // Historycy o historii. Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego. 1775–1918. Warszawa, 1963. S. 357–371; Szujski J. O fałszywej historii jako mistrzyni fałszywej polityki // Historycy o historii. Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego. 1775–1918. Warszawa, 1963. S. 275–298.

¹³²⁰ Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. Kraków, 1879.

¹³²¹ Estreicher S. Bobrzyński Michał // Polski Słownik Biograficzny. T. II. Kraków: Polska Akademia Nauk, 1936. S. 165–168; Bernacki W. Wstęp // Bobrzyński M. Zasady i kompromisy. Wybór pism. Kraków, 2001. S. VII–XLII.

¹³²² Надо сказать, что в польской историографии до сих пор время от времени вспыхивает полемика по

1872 г. член-корреспондент, а с 1883 г. – действительный член Краковской Академии искусств. С 1878 г. становится директором Краковского архива, к этому времени он уже известен как автор целого ряда научных работ, нашедших отклик среди коллег-историков¹³²³.

Но имя ученого обретет небывалую популярность только после появления «Очерка истории Польши». Н.И. Кареев позднее писал об этом так: «Появление книги произвело сильную сенсацию и в обществе, и в прессе, что только способствовало оживлению полемики, которая возникла вследствие замечаний на книгу, сделанных компетентными критиками»¹³²⁴.

Что же в книге Бобжиньского так взволновало поляков? Сконцентрировав свое внимание на поиске причин падения Речи Посполитой¹³²⁵ (вопросе, который, как известно, начиная с последних десятилетий XVIII века, оставался ключевым для польского общественного движения и для польской исторической мысли), автор «Очерка...» недвусмысленно заявлял: «Не границы и не соседи, только наш внутренний разлад довел нас до потери государственного существования». И, развивая эту мысль, пояснял: «Везде /.../ существовало правительство, которое, усмотрев зло, раньше или позже поправляло или уменьшало его. У одних только нас не доставало этого оздоравливающего фактора, не доставало правительства, которое в решительную минуту сокупило бы около себя, хотя и разрозненные, общественные силы и придало им единое направление. Если поэтому, прожив победоносно столько веков, в конце XVIII столетия мы не могли противостоять опасности, то единственная причина этого заключалась в нашем внутреннем безнарядье»¹³²⁶.

поводу двух этих польских исторических школ XIX в. – Краковской и Варшавской, подтверждением чему может служить дискуссия между Хенриком Слочыньским и Анджеем Вежбицким, развернувшаяся на страницах старейшего польского исторического журнала «Kwartalnik Historyczny». Об этом подробнее см. статью Стефана Вжосека: Wrzosek S. O czarnej legendzie krakowskiej szkoły historycznej. *Spojrzenie z literackiego podwórka*. – <http://www publikacje.edu.pl/pdf/7748.pdf>

¹³²³ Grabski A.F., Serejski M.N. Michał Bobrzyński i jego „Dzieje Polski w zarysie” // Bobrzyński M. *Dzieje Polski w zarysie*. Warszawa, 1974. S. 12–13; Кареев Н.И. *Прожитое...* С. 329.

¹³²⁴ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 55.

¹³²⁵ О польской историографии XIX – начала XX в. см.: Grabski A.F. *Zarys historii historiografii polskiej*. Poznań, 2003. S. 122–153.

¹³²⁶ Цит. по: Кареев Н.И. Новейшая польская историография и переворот в ней // *Вестник Европы*. 1886. Декабрь. С.556.

Собственно, идея была не нова – особенно для русской литературы. В самой Польше она некогда тоже пользовалась популярностью. По наблюдениям М. Серейского, «непосредственно после первого раздела в польской исторической мысли возобладало мнение о собственной вине, о губительной форме правления, необузданной свободе»¹³²⁷. Но позднее, после Тарговицы, второго и третьего разделов Речи Посполитой, среди поляков прочно укоренилось представление о России, Пруссии и Австрии как виновниках польской драмы.

Не удивительно, что тот ответ, который дал авторитетный краковский ученый, поляк Михал Бобжиньский на один из фундаментальных, перманентно стоявших перед польской историографией на протяжении целого столетия щекотливых, задевавших, помимо прочего, национальное самолюбие вопрос: в чем заключались главные причины крушения некогда могущественной Речи Посполитой, – был воспринят многими крайне болезненно. Сделанные им выводы в буквальном смысле слова повергли многих польских патриотов в состояние шока. Не скажешь, чтобы тезис Бобжиньского был им в «Очерке...» в должной мере аргументирован, но тем обиднее он звучал для польского читателя. Град упреков, доходивших до обвинений в прямом предательстве интересов польского народа, посыпался на историка. Его книга – как годы спустя будет вспоминать Н.И. Кареев, – «за резко отрицательный взгляд на прошлое Польши вызвала массу нападок на автора как человека, “марающего родное гнездо” и чуть ли не подкупленного московскими рублями»¹³²⁸.

Такую, чрезвычайно эмоциональную, реакцию польского общества отчасти можно объяснить тем, что происходивший в польской публицистике и исторической литературе после поражения восстания 1863 г. активный пересмотр взглядов на прошлое своей родины, который, собственно, и положил начало формированию Краковской исторической школы, первое время почти не выходил за рамки академических кругов и ученых сочинений. Сочинения эти мало попадали в поле зрения публики. Тогда как рассчитанная на широкий круг читателей, живо написанная книга Михала Бобжиньского, где не только давались

¹³²⁷ Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski. Warszawa, 1970. S. 433.

¹³²⁸ Кареев Н.И. Прожитое... С. 170.

четкие ответы на злободневные вопросы, но и явно утрирован конечный вывод, сразу привлекла всеобщее – по преимуществу неодобрительное – внимание.

Как писал коллега и единомышленник Михала Бобжиньского Станислав Смолька, газетные нападки на автора «Очерка истории Польши» были вызваны тем, что тот «подвел общие итоги под результатами монографической разработки польской истории, произведшими коренной переворот во взглядах на прошлое Польши, но оставшимися неизвестными громадному большинству публики, которой Бобжинский и должен был показаться опасным новатором, не уважающим национальных традиций»¹³²⁹.

Нападки сыпались на Бобжиньского со всех сторон. На него, в частности, ополчились поклонники лелевелевской традиции, трагически переживавшие разгром восстания 1863 г., но не утратившие веры в величие Речи Посполитой и достоинства «шляхетской демократии». Но книгу не одобрили не только газетные критики и читающая публика. Ее основная идея не нашла поддержки и у большинства собратьев-историков. Против Бобжиньского темпераментно выступила так называемая Варшавская школа, представленная Владиславом Смоленским, Тадеушем Корзоном и рядом других видных ученых¹³³⁰. Эти исследователи с фактами в руках доказывали, что у Речи Посполитой в XVIII в. были реальные возможности оздоровить экономику и государственное устройство, и что возможности уже начинали претворяться в жизнь, когда вмешательство трех соседних держав насильственно оборвало этот процесс.

В привлечшей всеобщее внимание работе «Исторические школы в Польше: Главные направления взглядов на прошлое» (1886) Владислав Смоленский, полемизируя с автором «Очерка...», показал, что «в своей основе фальшив и для науки вреден» сам подход к истории Польши, когда за исходный пункт историк берет факт государственной катастрофы конца XVIII века и под таким уг-

¹³²⁹ Цит. по: Кареев Н.И. От редактора перевода // Бобжинский М. Очерк истории Польши / Перевод с 3-го польского издания под редакцией профессора С.-Петербургского университета Н.И. Кареева. Т. I. СПб., 1888. С. I.

¹³³⁰ О полемике по поводу вопроса о причинах разделов Речи Посполитой на страницах варшавского журнала «Атенеум», среди авторов которого были Т. Корзон, Ю. Крашевский, А. Рембовский и др., см., напр.: Ромек А. Историческая проблематика на страницах «Атенеума» (1876–1901) // Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000. С. 270–271.

лом зрения рассматривает всю предшествующую историю народа¹³³¹. Характерно, что Юзеф Шуйский и другие видные представители Краковской школы тоже не приняли крайне пессимистическую концепцию Бобжиньского.

Однако со временем «польская научная критика /.../, вступив в полемику с Бобржинским по некоторым частным вопросам, в общем признала за его трудом немалое значение», – отметит позднее Н.И. Кареев, намеренно или незаметно для самого себя ретушируя ситуацию и сглаживая острые углы. «Эта ученая защита, – по его словам, – возымела свое действие: нападки на него прекратились, и книга его сделалась одной из наиболее популярных. В ней, конечно, много лично принадлежащего Бобржинскому, т.е. такого, что не разделяется другими польскими историками, но, и по их отзывам, „Dzieje Polski w zarysie” ценны именно тем, что популяризируют результаты работы современных историков для большой публики»¹³³².

Н.И. Карееву, который, перебравшись в Варшаву, волею судеб оказался в самой гуще полемики, развернувшейся вокруг книги М. Бобжиньского, довелось, пожалуй, первым из российских ученых прочувствовать всю остроту этих словесных баталий. Чутко уловив смысл происходящего – и истолковав его несколько на свой лад, он сумел найти броское название для своей, вышедшей несколькими годами позже (1886) статьи, в которой основное место занял детальный разбор книги Михала Бобжиньского: «Новейшая польская историография и переворот в ней (1861–1886)»¹³³³.

Кареев сознавал, что переворот в польской историографии произошел не вдруг. Потому позднее, в своей монографии 1888 года, он счел необходимым подчеркнуть взаимосвязь между концепцией Михала Бобжиньского и научной позицией его предшественника Юзефа Шуйского: «За эпохой, /.../ в которую апология была главным знаменем польской историографии, наступает другая, когда среди серьезных работ, /.../ рушатся прежние апологетические системы /.../. В новом этом направлении могут быть увлечения и односторонность, по-

¹³³¹ Smoleński W. Szkoły historyczne w Polsce. Główne kierunki poglądów na przeszłość // Historycy o historii. Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego. 1775–1918. Warszawa, 1963. S. 355.

¹³³² Кареев Н.И. От редактора перевода // Бобржинский М. Очерк... С. II.

¹³³³ Кареев Н.И. Новейшая польская историография и переворот в ней // Вестник Европы. 1886. Декабрь.

являющиеся время от времени; оно однако имеет будущее и непоколебимое право на существование, ибо стремится дать обществу объективную истину. Направление это положило конец несчастному и столь долговременному заблуждению – защите и апофеозу анархичной Польши»¹³³⁴.

Впрочем, сказать, что именно Кареев познакомил русских читателей с концепцией Бобжиньского, было бы не совсем точно. Еще за пару лет до появления кареевской статьи «Новейшая польская историография и переворот в ней», которая положила начало циклу его трудов, так или иначе касающихся книги Михала Бобжиньского и развиваемой им концепции падения Речи Посполитой, на выход сочинения Бобжиньского откликнулся другой русский историк – профессор Московского университета Нил Александрович Попов¹³³⁵ (1833–1891). В 1884 г. в «Известиях Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества» он выступил со статьей «О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год»¹³³⁶. На этот, долго остававшийся незамеченным нашей историографией факт впервые обратила внимание И.Г. Воробьева¹³³⁷. В своей статье Н.А. Попов представил обзор значительных, на его взгляд, событий в польской исторической науке – причем, не только за вынесенный в заглавие 1883 год, но за ряд последних лет. Воздав дань памяти В. Мацеёвского, Ю. Шуйского и Г. Шмитта (кстати, двух последних Попов называет «самоучками в польской истории»¹³³⁸, почему-то не распространяя подобную оценку на не менее других ее заслуживающего Мацеёвского), русский историк в общих чертах охарактеризовал их творчество. Затем он перешел, что называется, к текущим делам, проинформировав читателей, к примеру, о замещении должностей в том или ином из польских университетов и проч.

Значительное место в обзоре было уделено Михалу Бобжиньскому – «важнейшему представителю польской историографии», как аттестовал его Н.А. По-

¹³³⁴ Цит. по: Кареев Н.И. «Падение Польши»... С. 61–62.

¹³³⁵ О нем подробнее: Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999.

¹³³⁶ Попов Н.А. О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. 1884. № 2. С. 22–27.

¹³³⁷ Воробьева И.Г. 1) Профессор-славист Нил Александрович Попов. Тверь, 1999. С. 71–75; 2) Зарубежная историография славянских народов в трудах Н.А. Попова // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 5. СПб., 2005. С. 33–37.

¹³³⁸ Попов Н.А. О важнейших явлениях... С. 24.

пов. Московский историк подчеркнул при этом, что его, Бобжиньского, «исследования сделали имя автора известным в ученом мире; но оно получило всеобщую известность не только в польской литературе, но и других, когда он издал свое интересное во многих отношениях сочинение: „История Польши в общем очерке”», которое «произвело сильное волнение между польскими историками, ибо ставило изучение польской истории на совершенно новые основания»¹³³⁹. Сверх того, по мнению Н.А. Попова, Бобжиньский являлся «наиболее близким к научной истине между современными польскими историками», поскольку он «первый с замечательной ясностью и без всяких недомолвок определил отношение нынешней польской историографии к предшествовавшим направлениям»¹³⁴⁰.

На примере главных представителей трех направлений в польской науке – Адама Нарушевича, Иоахима Лелевеля, Михала Бобжиньского – Н.А. Попов постарался на свой лад разъяснить читателям особенности каждого из направлений. При этом он одобрительно подчеркнул: «Теперь уже польские историки все менее и реже отдают свою науку на служение философским теориям, политическим учениям и клерикальным целям, и ищут оснований для своих выводов лишь в критически объясненном историческом материале, в сравнении польской истории с историей других народов и в более или менее беспристрастном отношении к слабым сторонам польской жизни»¹³⁴¹.

Надо сказать, что статья, посвященная польской историографии, не была первым опытом признанного специалиста по истории Сербии Нового времени Н.А. Попова в области полонистики. Интерес к ней у него пробудился давно – скорее всего, под влиянием С.М. Соловьева¹³⁴². С середины 1860-х годов одна за другой выходят его статьи на польскую тему: «Поляки в Пруссии» (1864), «Варшавское герцогство» (1866), «Познанские сеймы от 1827 по 1845 год»

¹³³⁹ Там же. С. 25. К слову заметим, что Н.А. Попов предлагает несколько иной, чем Н.И. Кареев, перевод названия книги Бобжиньского („Бобржинского”, как писали в XIX веке): «История Польши в общем очерке», а не «Очерк истории Польши».

¹³⁴⁰ Попов Н.А. О важнейших явлениях... С. 26.

¹³⁴¹ Попов Н.А. О важнейших явлениях... С. 26.

¹³⁴² См. статьи Н.А. Попова: Королева Варвара. Исторический рассказ из польской жизни // Русский вестник. 1857. № 1. С. 81–128; Из жизни Марины Мнишек // Московские ведомости. 1857. № 82, 86, 91, 98, 103, 106, 120. Ср. Воробьева И.Г. Профессор-славист... С. 155.

(1867). В 1875 г. на страницах «Вестника Европы» был напечатан цикл его статей, посвященный важному в истории давней столицы Польского королевства периоду – «Вольный город Краков с 1815 по 1846 г.».

И.Г. Воробьева, внимательнейшим образом изучившая научное наследие Нила Александровича Попова, справедливо отметила, что эти статьи еще не привлекли должного внимания со стороны нашей историографии. В то же время она признает, что работы историка, посвященные Польше, «носили описательный, реферативный характер», что автор их «редко анализировал документы, чаще пересказывая /.../ книги немецких, французских, австрийских и польских историков». Короче говоря, резюмировала исследовательница, они «не были самостоятельными»¹³⁴³. Правда, столь строгая оценка не очень согласуется с тем, что буквально страницей раньше было сказано по поводу статьи «Познанские сеймы...». Без каких-либо оговорок исследовательницей там было подчеркнuto, что в данном случае Н.А. Попов, тщательно проанализировавший протоколы и постановления познанских сеймов, «выступил как оригинальный исследователь, /.../ проявив способности к комментированию и толкованию трудного текста»¹³⁴⁴.

Так или иначе, но статьи Н.А. Попова на польскую тему, действительно, не несли в себе какой-либо свежей мысли или нового взгляда на историю Польши. Попов в них вполне традиционен. С одной стороны, у него присутствует подспудное противопоставление российского управления польскими землями – управлению немецкому (понятно, что сам автор, по умолчанию, считает первый из вариантов наилучшим). Например, когда он пишет о положении поляков в Пруссии, то стремится подчеркнуть их приниженное, в том числе в языковой сфере, положение: «что важнее всего, язык, на котором обращалась государственная власть к польскому населению Познанской провинции, был всегда немецкий: немецкий текст признавался единственно подлинным при толковании и объяснении законов»¹³⁴⁵. Но при этом историк не считал нужным сопоставлять статус польского языка в Великом Познанском княжестве и в Царстве Поль-

¹³⁴³ Воробьева И.Г. Профессор-славист... С. 157.

¹³⁴⁴ Воробьева И.Г. Профессор-славист... С. 156.

¹³⁴⁵ Попов Н.А. Поляки в Пруссии // Русский вестник. 1864. № 10. С. 764.

ском. Кроме всего прочего, обращает на себя внимание, что в своих статьях, посвященных тем или иным польским сюжетам, историк выступал убежденным сторонником позитивного сотрудничества поляков с русскими. Но как, собственно, он себе представлял русско-польское сотрудничество? Оставаясь, естественно, на пророссийских позициях, но, желая найти понимание с польской стороны, он – ради убедительности – сослался на авторитет известного польского публициста эпохи Просвещения Станислава Сташица, который в одном из своих памфлетов обратился к соотечественникам с призывом: «соединяйтесь с русскими и просвещайтесь»¹³⁴⁶.

Что касается причин гибели Речи Посполитой (как известно, это – проблема, которой так или иначе касался каждый, писавший о Польше), то и здесь Н.А. Попов не отступал от утвердившейся в отечественной исторической литературе традиции. Будучи радетелем идеи славянского единства, он, конечно, сожалел, что «в эпоху внутреннего расслабления Польши совершился неестественный, с общеславянской точки зрения, но неизбежный, по преданиям местной истории и по условиям времени, союз России с немецкими владетелями против Речи Посполитой. Возникла мысль о разделе Польши между союзниками»¹³⁴⁷. Но раз и навсегда усвоив, кто прав – кто виноват в печальной судьбе Речи Посполитой, он ни на шаг не отклонялся от общепринятых суждений: «участвуя в разделах Польши, Россия только возвращала под свою державу земли, издавна заселенные восточными славянами и некогда принадлежавшие Рюриковичам. /.../ Политическое падение польского народа совершилось не вследствие только внутренней слабости Речи Посполитой, но, с одной стороны – по закону исторического возмездия за его прежнюю политику на востоке славянского мира; с другой – в силу давнего стремления немецкого племени подчинить себе соседних с ним славян и переработать их в однородную с собой массу»¹³⁴⁸.

Таким образом, изрядно потрудившись, использовав обширную литературу (польскую, французскую, но – преимущественно – немецкую), Попов приходил к выводам, давно и хорошо известным как ему самому, так и всему русскому

¹³⁴⁶ Попов Н.А. Варшавское герцогство // Русский вестник. 1866. № 2. С. 590.

¹³⁴⁷ Попов Н.А. Вольный город Краков. 1815–1846 // Вестник Европы. 1875. № 1. С. 113.

¹³⁴⁸ Попов Н.А. Вольный город Краков. 1815–1846 // Вестник Европы. 1875. № 1. С. 113.

обществу. Вместе с тем, нельзя не отдать должного наблюдательности и, в известной степени, проницательности Н.А. Попова. По сути, он действительно первым открыл Бобжиньского для русской публики. Однако все же заметно, что историк, которому не раз доводилось писать на польские темы, специалистом по истории Польши не являлся, и ему было сложно разобраться в исторической концепции М. Бобжиньского и в мотивах, которыми тот руководствовался. Тем не менее, на взгляд И.Г. Воробьевой, сделать это ему удалось, и «работа Попова, – по ее словам, – оказалась глубокой и созвучной с оценкой позитивиста-либерала Кареева»¹³⁴⁹. Насколько бесспорно это наблюдение?

Уверенно можно говорить о том, что Н.А. Попов в книге Бобжиньского отметил те суждения о польских делах, которые представлялись ему давно знакомыми – прежде всего по российским сочинениям и всякого рода журнальным обзорам. Его собственное восприятие гибели Речи Посполитой вполне отвечало тому прочно устоявшемуся в русской историографической традиции пониманию причин польской катастрофы, какое находим у С.М. Соловьева и других русских историков задолго до него¹³⁵⁰, а Соловьев, как помним, безапелляционно заявлял: «Польша погибла вследствие своих республиканских форм»¹³⁵¹.

Если трудно согласиться с И.Г. Воробьевой относительно глубины разбора Н.А. Поповым «Очерка истории Польши» Бобжиньского, то исследовательница безусловно права, когда отмечает созвучие оценок этой книги, даваемых Поповым и Кареевым. Действительно, говоря о причинах гибели Речи Посполитой, Н.И. Кареев ничуть не сомневался в том, что «все спасение их [поляков] родины могло заключаться только в установлении крепкой правительственной власти»¹³⁵². Выход «Очерка...» Бобжиньского дал русскому историку повод с удовлетворением отметить, что – пусть и позднее других, – но поляки «стали понимать истинные причины падения старой Польши»¹³⁵³.

¹³⁴⁹ Воробьева И.Г. Профессор-славист... С.72.

¹³⁵⁰ См: Аржакова Л.М., Якубский В.А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. // *Albo dies notanda lapillo*. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С.173–193.

¹³⁵¹ Соловьев С.М. Собр. соч. в 18 книгах. Кн. XVII. М., 1996. С. 213.

¹³⁵² Кареев Н.И. Новейшая польская историография... С. 554.

¹³⁵³ Там же. С. 537.

И.Г. Воробьева с полным на то основанием обратила внимание на то обстоятельство, что в трактовке такой кардинальной для отечественной полонистики проблемы, как падение Речи Посполитой и его причины, практически совпали мнения Н.А. Попова и Н.И. Кареева. Констатируя это, на первый взгляд удивительное, даже парадоксальное совпадение, стоит, думается, сделать две оговорки. Во-первых, точнее, пожалуй, будет сказать, что не взгляды консерватора совпали с мнением позитивиста-либерала, а, наоборот: в данном случае именно Кареев фактически примкнул к традиционно-русскому пониманию вопроса. Во-вторых, все же не приходится упускать из виду существенных различий в подходе двух историков к истории Польши в целом и к польской историографии в частности.

Что касается Н.А. Попова, который и здесь шел по стопам своего тестя С.М. Соловьева, то он был озабочен в первую очередь тем, чтобы снять с Российской империи беспочвенные, как он считал, обвинения за разделы Речи Посполитой. Потому-то его так порадовало появление в польской исторической литературе (в основном, как ему было известно, недружелюбно и даже враждебно настроенной по отношению к официальному Петербургу) столь самокритичного заявления видного краковского ученого. Тезис Бобжиньского был им истолкован как еще одно подтверждение правильности проводимой как прежде, так и в его дни русской политики в польском вопросе.

Н.И. Кареев, напротив, отнюдь не был сторонником русификаторства. В смелой, заведомо обреченной на то, чтобы быть с негодованием принятой очень многими поляками, декларации Михала Бобжиньского он увидел прежде всего поступок, который, на его взгляд, помог бы преодолеть давнее взаимонепонимание, помог бы примирению русского и польского общества, – примирению, начало которого, к удовлетворению Н.И. Кареева, исходило бы из научной польской и русской среды.

Как бы то ни было, концепцию М. Бобжиньского Н.А. Попов и Н.И. Кареев, действительно, поняли в основном одинаково. Хотя, пожалуй, правильнее будет сказать, что они не столько поняли ее, сколько интерпретировали в привычном для них, как русских историков, смысле. В полемически заостренной

формуле краковского историка: «Не границы и не соседи, только наш внутренний разлад довел нас до потери государственного существования /.../ Если /.../ в конце XVIII в. мы не могли противостоять опасности, то единственная причина заключалась в нашем внутреннем безнарядье», – они с удовлетворением восприняли первую фразу, не придав значения второй (впрочем, примерно то же самое надо сказать и о возмущенных «Очерком...» поляках). Но что, спрашивается, представляла собой та опасность, которой была не в силах противостоять ослабленная внутренним безнарядьем Речь Посполитая, как не натиск трех соседних монархий? Иными словами, едва ли можно говорить, что Бобжиньский снимал всякую вину за разделы Речи Посполитой с держав, разорвавших ее на части, и в первую очередь с России, которой, как все знали, принадлежало здесь решающее слово.

Отдавая должное наблюдательности Попова и Кареева в том, что касается состояния польской историографии, нельзя не отметить, что кое-что они все-таки пропустили, и это упущение, вероятно, следовало бы в большей мере записать на счет Кареева, охват которым научной литературы вообще-то не может не поражать. Дело в том, что еще в 1874 г. на страницах «Вестника Европы» вышла статья (анонима, скрывшегося под псевдонимом «Е.Л.», расшифровать который с полной уверенностью пока не удастся), где как раз обращено внимание на то, что «в нашей литературе прошли почти незамеченными два весьма любопытные издания: “Барская конфедерация” и “Внутренняя корреспонденция Станислава Августа”»; – эти сборники подлинных и весьма важных исторических материалов проливают яркий свет на внутреннее состояние Польши, в последние минуты ее политического существования»¹³⁵⁴.

Издателем первого из сборников¹³⁵⁵, привлечших внимание нашего автора, был Людвик Гумплович, выпускник Краковского университета, судя по всему, воспитанный под влиянием тогда еще формировавшейся Краковской исторической школы¹³⁵⁶. Такое предположение кажется правомочным, поскольку нашего

¹³⁵⁴ Е.Л. Польша и поляки при Станиславе Понятовском. 1784–1792 // Вестник Европы. 1874. Кн. 7, 8.

¹³⁵⁵ Konfederacja Barska. Korespondencja między Stanisławem Augustem a Ksawerym Branickim, lowczym koronnym, w roku 1768. Kraków, 1872.

¹³⁵⁶ Polski Słownik biograficzny. Т. IX / 1. Wrocław – Kraków – Warszawa, 1960. S. 150–153.

Е.Л. не меньше, чем публикуемые Л. Гумпловичем материалы, привлекло его предисловие к публикации. Наш наблюдатель, прежде всего, делает акцент на том, что в своем кратком очерке, предварявшем публикацию источников, «автор нисколько не закрывает глаз перед безотрадной истиною: он смотрит на нее прямо, хотя и с глубокой грустью», и его «взгляд на историю своего отечества» можно оценить как «весьма трезвый». «Трезвость взгляда», с точки зрения Е.Л., была обусловлена как раз тем, что Л. Гумплович усматривал причины гибели Речи Посполитой «не столько в несправедливостях и насилии со стороны соседей и врагов, как это делают почти все польские историки, сколько в условиях социальной и гражданской организации самой страны». И далее он приходил к вполне справедливому заключению: «Такой взгляд составляет во многих отношениях новость в польской исторической науке и свидетельствует о замечательном повороте, возникающем в последнее время в ее направлении»¹³⁵⁷, — причем, гораздо раньше обратив на данное обстоятельство внимание, чем Попов и Кареев.

Русский автор не преминул высказать свое мнение по поводу «большинства польских писателей», под пером которых «все то, что перед судом мыслящего и беспристрастного человека должно возбуждать чувство глубокого сожаления, негодования и даже отвращения, /.../ превращается в нечто идеальное, в нечто высоко совершенное; самые мрачные и темные стороны прошлого обливаются розовым и ослепляющим светом». Эти польские историки, романисты, поэты и журналисты, на языке которых «подобное отношение к прошлому называется “уважением к традициям”»¹³⁵⁸, не вызывали ни малейшего сочувствия автора. Потому автор «Вестника Европы» с чувством глубокого удовлетворения приводит слова Гумпловича: «Мы пали, — писал Гумплович, — невзирая на всевозможные усилия подняться, помимо всяких попыток к возрождению, — попыток, полная история которых составляет вместе историю всего царствования Станислава Августа; мы пали вследствие внешних влияний, но еще более — скажем это с болью — вследствие причин внутренних, скрывающихся в недос-

¹³⁵⁷ Е.Л. Польша и поляки... С. 6.

¹³⁵⁸ Е.Л. Польша и поляки... С. 6.

татках народного характера, которые даже и ныне, несмотря на все несчастья наши, присущи нам и живут в наших чувствах и в нашем настроении». Не удивительно, что наш автор не мог сдержать восторженного восклицания: «Такое самопознание весьма знаменательно, и подобное самообличение очень характеристично и ново в польском писателе!»¹³⁵⁹.

Иначе говоря, тот переворот в польской историографии, который констатировал сначала Н.А. Попов (1884), а затем Н.И. Кареев (1886), произошел раньше, чем вышел в свет «Очерк...» М. Бобжиньского, и, что также не менее существенно, в русской исторической литературе был замечен ранее середины 1880-х годов (на десятилетие), но замечен по той же причине, – он самым непосредственным образом, как показалось нашему автору, вторил распространенной в российской полонистике трактовке причин гибели Речи Посполитой...

К тому времени, когда появится статья Н.И. Кареева о перевороте в новейшей польской историографии, ее автор уже был профессором Петербургского университета. При первой же возможности он покинул Варшаву, где обстановка в университете его сильно тяготила, к тому же там он остро ощущал свою оторванность от российских культурных центров. Но его интерес к польской истории не угас. Кареев продолжал внимательно следить за польской исторической литературой, поддерживал контакты с польскими коллегами. Несколько раз побывал в польских землях и, по его же словам, «в два-три кратких посещения Кракова и Львова /.../ приобрел среди польской интеллигенции гораздо больше знакомств, чем за все пятилетнее пребывание в Варшаве»¹³⁶⁰.

Вскоре после публикации названной кареевской статьи («Новейшая польская историография...»), в 1888 г. в Петербурге выходит первый том русского перевода книги Михала Бобжиньского¹³⁶¹. Перевод был выполнен под редакцией Н.И. Кареева – по третьему, дополненному изданию «Очерка истории Польши», увидевшему свет за два года до того. В следующем, 1889 году, заметим попутно, в Кракове состоится личное знакомство Н.И. Кареева с М. Бобжинь-

¹³⁵⁹ Е.Л. Польша и поляки... С. 8.

¹³⁶⁰ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам // Кареев Н. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905). СПб., 1905. С. 209.

¹³⁶¹ Бобжинский М. Очерк истории Польши / Перевод с 3-го польского издания под редакцией профессора С.-Петербургского университета Н.И. Кареева. Т. I. СПб., 1888.

ским¹³⁶². В том же году в Петербурге появляется второй том русского перевода книги Бобжиньского. Нельзя не подчеркнуть ту настойчивость, с какой Кареев стремился реализовать задуманную им еще в Варшаве публикацию русского перевода «Очерка...» Бобжиньского, особенно, если учитывать тогдашнюю занятость русского ученого. Он ведет занятия в Университете, в те же самые годы выходит ряд его книг, в том числе и на польскую тему¹³⁶³. Кроме того, еще с начала 1880-х годов Н.И. Кареев становится одним из наиболее активно пишущих о польских делах публицистов (в 1905 г. его газетные и журнальные статьи «по польским делам» будут собраны вместе¹³⁶⁴). Не удивительно поэтому, что в России труд Бобжиньского с тех пор прочно ассоциируется с именем Кареева, с его научной и публицистической деятельностью.

Исходя из того, что «правдивая наука – лучший путь для установления человеческих отношений между обеими национальностями»¹³⁶⁵, Кареев, чьим «самым искренним желанием было содействовать установлению между нами и поляками мирного сожительства в духе истины и справедливости»¹³⁶⁶, видел в концепции Бобжиньского, повторим это еще раз, оптимальный шанс для сближения поляков и русских. Ему чрезвычайно импонировало, что Бобжиньский в своей книге «с особенной настойчивостью» доказывал тот самый – как представлялось Карееву – тезис о причинах гибели Речи Посполитой, который для российских историков давно, по его же словам, не был новостью¹³⁶⁷.

Не только Попову и Карееву казалось, что взгляды М. Бобжиньского на причины падения Речи Посполитой совпадают с традиционной позицией русской науки, – это, по существу мнимое, совпадение сослужило автору «Очерка истории Польши» недобрую службу у него на родине. «Суровый суд проф. Бобжиньского о нашем прошлом /.../ не произвел бы, однако, такого впечатления, если бы его поспешно не подхватили российские историки и не истолкова-

¹³⁶² Кареев Н.И. Прожитое... С. 169.

¹³⁶³ Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007). Казань, 2008. С. 30–49.

¹³⁶⁴ Кареев Н.И. Polonica: Сб. статей по польским делам. СПб., 1905. Ср.: рецензия А.И. Яцимирского, где он называет Н.И. Кареева одним из «русских, знающих хорошо поляков», которых «у нас все еще довольно мало, – и г. Кареев составляет счастливое исключение». – Цит. по: Исторический вестник. 1906. Т. CIV.

¹³⁶⁵ Кареев Н.И. Мои отношения к полякам // Кареев Н.И. Polonica... С. 213.

¹³⁶⁶ Там же. С. 208.

¹³⁶⁷ Кареев Н.И. Новейшая польская историография. С. 554.

ли на свой манер», – убежденно и, по-видимому, справедливо писал в 1908 г. известный польский историк Вацлав Собеский, принадлежавший к так наз. Новой Краковской школе (которая во многом не разделяла воззрений Ю. Шуйского и его коллег)¹³⁶⁸. Но Кареев (как и Попов), конечно, был уверен в правильности своего изложения взглядов Бобжиньского. Хотя, например, утверждение, что тот едва ли не завидовал «Руси и Болгарии в том отношении, что они рано испытали на себе влияние автократической Византии»¹³⁶⁹, наглядно демонстрирует истолкование текста Бобжиньского в угодном для самого Кареева – и для русской исторической традиции – ключе, на что как раз и обратил внимание В. Собеский.

Должно быть, не случайно оба историка – М. Бобжиньский и Н.И. Кареев – натолкнулись на непонимание со стороны своих соотечественников. В Польше на Бобжиньского, как уже говорилось, обиделись и приверженцы романтических идей И. Лелевеля, и сторонники Варшавской исторической школы, а также далекие от всяких ученых споров люди, чьи патриотические чувства больно задевало возложение историком вины за беды Польши на самую многострадальную их родину. Многими из читателей не было замечено, что Бобжиньский, акцентируя роль безарядья в падении Польши, вовсе не оправдывал при этом политику Петербурга, Берлина и Вены. В России же Н.И. Карееву, многократно обруганному в консервативной печати за полонофильские настроения, ставили в вину, в частности, пропаганду книги поляка Бобжиньского. Редактора русского перевода обвиняли «в непатриотическом поступке и чуть ли не в подкупе поляками»¹³⁷⁰. Остроту такого рода обвинений отметил А.Н. Пыпин в своей – вполне, надо сказать, одобрительной¹³⁷¹ – рецензии на выход второго тома книги М. Бобжиньского на русском языке. Среди оппонентов им особо был выделен не-

¹³⁶⁸ Sobieski W. *Optymizm i pesymizm w historiografii polskiej // Historycy o historii*. Warszawa, 1963. S. 572.

¹³⁶⁹ Кареев Н.И. «Падение Польши»... С. 58.

¹³⁷⁰ Кареев Н.И. *Прожитое*... С. 170. – Ср. Кареев Н.И. *Мои отношения к полякам*... С. 212–213.

¹³⁷¹ Одобрение А.Н. Пыпиным (опубликовавшим рецензию под одним из своих криптонимов – А.В.), «одной из замечательнейших книг по истории Польши, какою является книга Бобжиньского», объяснялось прежде всего тем, – что «Бобжиньский не усомнился сказать прямо, что виной падения были сами поляки», тем, что в книге указывались причины «бедствий польского государства и народа вовсе не в одних насилиях хищных соседей, а гораздо больше во внутренней неурядице, которая была дело самих поляков». – [А.В.] *Литературное обозрение // Вестник Европы*. 1892. Кн. 4. С. 875, 876.

кий А.К., который на перевод первого тома «Очерка...» откликнулся рядом критических статей в газете «Правда», затем вышедших отдельной книжкой «Несколько замечаний на книгу проф. М. Бобжинского “Очерк истории Польши”, в переводе под редакцией профессора Н.И. Кареева. СПб., 1888»¹³⁷². Нашлись и другие критики, которые, подобно М.О. Кояловичу, считали, что Кареев «подкатывает бревно под ноги русских работников на нашей западной окраине»¹³⁷³.

Вскоре после отъезда ученого из Варшавы одна за другой выходят кареевские монографии, в основу которых легли собранные еще там материалы: «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» (М., 1886, первоначально – как историографический очерк – ЖМНП, 1885, № 11, остальное – «Вестник Европы», 1886, август – ноябрь), «Исторический очерк польского сейма» (М., 1888, первоначально – «Юридический вестник», 1888, № 5–9), «”Падение Польши” в исторической литературе» (СПб., 1888, до того в том же году части книги печатались в ЖМНП), «Польские реформы XVIII века» (СПб., 1890). Среди этой серии книг на польскую тематику особое внимание обращает на себя «”Падение Польши” в исторической литературе». Привлекая разноязычную, старую и новую литературу вопроса, Н.И. Кареев в этой работе суммировал огромный материал, касающийся того, как в европейской историографии рассматриваются гибель Польского государства и ее первопричины.

О хронологическом и пространственном охвате литературы можно составить некоторое представление даже по оглавлению этого труда. Первая глава посвящена польской публицистике XVIII века, вторая – польским историческим произведениям XIX в. (до работ Ю. Шуйского и М. Бобржиньского включительно). Следующие две главы таким же образом отведены западноевропейской публицистике и западноевропейским историческим сочинениям. Соответственно в главах V и VI рассматриваются русская публицистика и русская историче-

¹³⁷² Пыпин А.Н. Рец. на: Бобржинский М. Очерк истории Польши. СПб., 1888. Т. I. // Вестник Европы. Кн. 4. 1892. С. 879.

¹³⁷³ Цит. по рецензии А.Н. Пыпина на выход I-го тома «Очерка истории Польши» М. Бобржиньского. – Вестник Европы. Кн. 4. 1892. С. 879.

ская литература вопроса. В седьмой главе охарактеризованы «новейшие польские исторические труды». Поставив перед собой задачу «дать по возможности полный и подробный обзор историографии падения Польши»¹³⁷⁴, Н.И. Кареев добросовестно резюмировал содержание работ, охотно вдаваясь в детали и приводя обширные цитаты из рассматриваемых книг. Так, даже «Вырождению Польши» Ф.М. Уманца – книге, которая занимала скромное место в науке, да и больше касалась не XVIII, а XVI века – отведено около шести страниц (стр. 281–286). Как правило, во всех этих семи главах изложение взглядов того или иного историка либо публициста заслоняло собой их анализ. Аналитическая часть полнее была представлена в заключительной, восьмой главе, где автором продемонстрированы сделанные им «самые общие выводы из изучения литературы по истории падения Польши». На первой же странице восьмой главы утверждалось: «Главная мысль, проходящая через всю рассмотренную /.../ литературу, – та, что Польша пала вследствие своей внутренней безурядицы. /.../ Историки, как польские, так и иноземные – французы, немцы, русские, – писавшие о падении Речи Посполитой в XIX веке, указывают на то же политическое разложение, как на главную причину того, что Польское государство не могло удержаться в международной борьбе за существование»¹³⁷⁵. Кареев разделял эту всеобщую идею, соглашаясь и с тем, что реформа существовавшего в Речи Посполитой политического строя была необходима. Значимые различия в делаемых историками и публицистами выводах он усматривал только «в понимании того, в чем же заключался корень зла» и соответственно в вопросе о «тех лекарствах, какими нужно было лечиться Речи Посполитой»¹³⁷⁶.

По такому признаку историограф разнес всех привлекаемых им авторов по двум рубрикам. К «монархистам» были отнесены писатели от аббата Мабли до Валериана Калинки, которые говорили о порочности системы выборности королей, о предпочтительности наследственной монархии и т.п. В число же «республиканцев» попали те, кто, начиная с Жан-Жака Руссо и заканчивая Тадеушем Корзоном, отстаивал непреходящую ценность республиканских начал. По

¹³⁷⁴ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888. С. 397–398.

¹³⁷⁵ Кареев Н.И. «Падение Польши» в исторической литературе. С. 376.

¹³⁷⁶ Кареев Н.И. «Падение Польши»... С. 376–377.

наблюдениям историка, монархическая точка зрения в не-польской литературе преобладает. Свою собственную позицию в бесконечном споре о том, что спасло бы Польшу – республика или монархия – и что вообще послужило главной причиной падения Речи Посполитой, Н.И. Кареев, – напомнив, что «для чисто научного решения вопроса нужно отрешиться от предвзятых взглядов, нужно стать на точку зрения истории государственных учреждений в Польше», – обозначил так: «Польша пала потому, что в решительную пору, когда ей нужно было прежде всего являться единым государством с сильным правительством, дабы отстаивать свою независимость, она едва лишь приступала к реформе своего сейма и к созданию у себя настоящего правительства»¹³⁷⁷.

Негодное государственное устройство – это, согласно Карееву, все же не единственная причина польской трагедии. «Угнетение хлопа паном и утеснения диссидентов католиками» – это, как считал историк, явления, которым справедливо приписывают «более или менее значительную долю участия в причинах падения Речи Посполитой». Но и эти факторы Кареев рассматривал все под тем же, избранным им углом зрения. Будь в Польше, рассуждал он, более сильное правительство, которое было бы способно сдерживать эксцессы, то такие явления, наблюдаемые ведь и в других странах, не имели бы столь катастрофических последствий – «народные массы не были бы доведены до полного равнодушия к судьбам Речи Посполитой, даже до желанья ей скорейшей гибели»¹³⁷⁸.

Автор категорически отмежевывался от мнения, будто бы причина погубившего Польшу безнарядья коренилась во врожденном народном характере поляков, – мнения, которое гласили «некоторые историки (главным образом немецкие и русские)». Он не считал поляков в принципе неспособными к проведению реформ, к оздоровлению хозяйства и созданию крепкой центральной власти. Больше того, он отмечал, что «Польша перестала существовать, как государство, не тогда, когда находилась в наибольшем культурном и социальном упадке». Во второй половине XVIII века в ней наблюдались «улучшения в умственном и экономическом отношении»¹³⁷⁹. Поэтому, заключил историк, «во

¹³⁷⁷ Кареев Н.И. «Падение Польши»... С.378–379.

¹³⁷⁸ Там же. С. 380.

¹³⁷⁹ Там же.

всех исторических сочинениях о падении Польши на первый план выдвигается вопрос политический, хотя обращается внимание и на явления упадка Речи Посполитой в отношениях материальном и духовном»¹³⁸⁰.

В итоге разбора исторической литературы придя к убеждению, что «развитие безурядицы в ее [Польши] быте» – это главная из внутренних причин, Кареев, вместе с тем, не забывал о причинах внешних. Как он пишет, «внешние отношения Польши, игравшие важную роль в ее падении, поняты были в свое время весьма поверхностно как писателями западноевропейскими, так и польскими»¹³⁸¹. Они главным врагом считали Россию, а опасность со стороны Пруссии недооценивали. Из многовековых польско-русских отношений, в которых «лежал зародыш будущего падения Речи Посполитой»¹³⁸², ими рассматривались только поздние времена, начиная с Петра Великого. Оставался неизвестным «предыдущий спор между Москвою и Литвою, а потом и Польшей за обладание Русью». Поэтому «публицистам прошлого века и прежним историкам могло казаться, что Пруссия и Россия в силу чисто временных обстоятельств воспользовались слабостью Польши, чтобы поживиться на ее счет»¹³⁸³. Но Кареев был убежден, что подобный подход верен только в отношении Австрии.

Он солидаризировался с теми русскими публицистами и историками, которые «указали на то, что земли, отторгнутые от Речи Посполитой по трем разделам и присоединенные к России, составляли некогда русские княжества, подчиненные Литве, – на то, что из-за обладания ими между Москвою и Литвою, как двумя собирательницами Руси, велись войны, которые перешли в войны Московского государства с Речью Посполитой, когда последняя соединилась с Литвою, – на то, что само население спорных земель начало тяготеть к единоверному государству Московскому, когда православная вера стала подвергаться преследованиям со стороны католицизма, – и на то, наконец, что за сто лет до Екатерины II Россия была уже близка к осуществлению своей вековой задачи»¹³⁸⁴.

¹³⁸⁰ Кареев Н.И. «Падение Польши»... С. 380.

¹³⁸¹ Там же. С. 381.

¹³⁸² Там же.

¹³⁸³ Там же. С. 382.

¹³⁸⁴ Там же. С. 392–383.

Странным образом, исследователь знающий и опытный, не замечал наблюдаемой в его тексте элементарной подмены понятий: бесспорный, чуть ли не всеми признаваемый тезис о неспособности погрязшей в магнатских сварах Речи Посполитой отстоять свою независимость от набиравших силу абсолютистских монархий и в первую очередь от России, им фактически отождествлялся с выводом о политическом безнарядьи как главной причине гибели Польского государства. То есть, по сравнению со статьей 1886 г., подход Кареева к проблеме нисколько не изменился.

Увлеченный идеей насчет польской безурядицы как первопричины разделов – идеей, которая, вдобавок ко всему, снимала с Российской империи всякую вину за гибель Польского государства, Кареев как-то упускал из виду немало-важное и общеизвестное обстоятельство. Если реформы катастрофически запаздывали, и в эпоху Четырехлетнего сейма оставались на начальной стадии, то едва ли можно оставить в стороне первопричину такого, губительного для страны, состояния – тот факт, что на протяжении XVIII века, а при Екатерине II в особенности, Петербург всячески препятствовал польским реформаторам. Вернее, историк обо всем этом прекрасно помнил, сам говорил о том, что Россия давно уже распоряжалась в Варшаве, как дома и при желании могла бы без труда присоединить к себе всю Речь Посполитую. Но при выяснении причин падения Польши он почему-то оставлял в стороне причинно-следственную связь между сохранением в Польше так осуждаемого им безнарядья и политикой Российской империи.

Замечал это Кареев или нет, но, в конечном счете, он в своем рассуждении, замыкающем монографию 1888 г., фактически дал ответ не на тот вопрос, что был им самим же поставлен. Вместо выяснения причин падения Речи Посполитой, историк сосредоточил свое внимание на объяснении того, почему Польша не смогла устоять перед дипломатическим и военным натиском трех соседних абсолютистских держав, среди которых доминировала Россия. Историограф поразному характеризовал трех участников дележа земель Речи Посполитой. У Петербурга, в соответствии с давней российской традицией, он находил вполне веские основания для того, чтобы вести дело к разделам. Позиция Вены – что

тоже отвечало традиции, – напротив, осуждалась безоговорочно. Что менее характерно для русской литературы вопроса, где большинство авторов с готовностью признавало вину Берлина, считая Прусское королевство инициатором разделов и захватчиком исконных польских земель, Кареев с полным пониманием воспринимал прусскую мотивацию, ссылаясь на необходимость не только защитить притесняемых поляками диссидентов, но и территориально соединить до того разобщенные части государства Гогенцоллернов – Бранденбург и Восточную Пруссию.

Очевидно, дабы не нарушать стройность концепции, Кареев не обращал особого внимания на не соответствующие ей реалии. Как, скажем, на то, что, завладев Западным Поморьем и территориально воссоединив свои составные части, Пруссия на этом не остановилась и захватила ряд других польских земель, включая Варшаву – равно как и Россия, которая в рамках воссоединения Руси обзавелась еще и литовско-латышскими территориями. Не говоря уж о том, что при всех трех разделах окончательное решение оставалось за Петербургом, который за счет Речи Посполитой ублаговлял Берлин и Вену и тем обеспечивал их желаемую России позицию в отношении Османской империи и революционной Франции.

Чуть менее столетия спустя, в 1970 г., аналогичный обзор – заметно пополнившейся за прошедших восемь десятилетий – литературы о падении Речи Посполитой, предпримет известный польский историограф Мариан Серейский, на которого уже доводилось ссылаться. Естественно, что труд Кареева занял в новом обзоре надлежащее место. Назвав книги Кареева по истории Польши «солидными исследованиями» и подробно изложив взгляды русского ученого на причины, приведшие к разделам, Серейский не прошел мимо недостатков монографии 1888 года. Он, в частности, отметил, что, выступая «во имя исторической истины», Кареев фактически стремится оправдать политику Екатерины II и в результате «путается в противоречиях»¹³⁸⁵. Действительно, при всем своем либерализме и отвращении к русификаторской политике в Царстве Польском, Н.И. Кареев, как видно, в основном разделял официозную точку зрения на раз-

¹³⁸⁵ Serejski M. H. Europa a rozbiory.. S. 388.

делу Польши. В этой части нападки на него со стороны Кояловича и ему подобных были явно беспочвенными...

На ту же кафедру всеобщей истории Варшавского университета, где с 1879 по 1885 годы трудился Кареев, в 1880 г. на должность доцента был приглашен молодой киевлянин Николай Николаевич Любович (1855–1935). После окончания Университета св. Владимира (1877) проработав год в каменец-подольской гимназии, он с лета 1878 г. стал в *alma mater* «стипендиатом для приготовления к профессорскому званию»¹³⁸⁶. С переездом в Варшаву его ученая карьера развивалась ровно и успешно. По своим политическим воззрениям историк был достаточно консервативен, чтобы надолго прижиться в русском Варшавском университете. В Варшаве Любович проработает три с половиной десятилетия и покинет столицу Царства Польского вместе с университетом, когда в 1915 г. нависла угроза захвата города немцами. Однако не видно причин безоговорочно считать его, как это делал В.А. Дьяков, ссылаясь при этом на Кареева, одним из тех профессоров, «которых современники относили к числу непримиримых полонофобов»¹³⁸⁷.

Еще со студенческих лет Н.Н. Любович воспринял у В.И. Лучицкого, своего наставника по Университету св. Владимира, интерес к социальной проблематике и ее преломлению в реформационном движении Раннего нового времени. Занятия этой проблемой он решил продолжить и в магистратуре. Хотя научным руководителем магистранта назначили из-за внутриуниверситетских интриг профессора Ф.Я. Фортинского, а не Лучицкого, фактическое руководство оставалось за последним¹³⁸⁸. Для предполагаемой магистерской диссертации Любовичем совместно с Лучицким была избрана тема «Рационалисты в Польше и Литве в XVI в.: кальвинисты и антитринитарии».

Об антитринитариях (иначе – Польских братьях, арианах) слышали все, кто соприкасался с социально-политической и культурной историей Речи Посполитой XVI–XVII вв. Но характер и деятельность этого радикального течения, в на-

¹³⁸⁶ Иванов Ю.Ф. Жизнь и творчество Н.Н. Любовича // Вопросы истории славян. Вып. 18. Воронеж, 2007; СДР...словарь. С. 227–228.

¹³⁸⁷ Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX в. // История и историки: Историографический ежегодник. 1978. М., 1981. С. 153.

¹³⁸⁸ Иванов Ю.Ф. Жизнь и творчество Н.Н. Любовича. С. 171.

чале 1560-х годов обособившегося от кальвинизма, были почти не изучены. Об арианах судили главным образом по писаниям их врагов. Магистранту предстояло во всех отношениях трудное дело – разыскать распыленные по архивам нарративные и документальные материалы, изучить их, отделить реалии от легенд, разобраться в доктринальных тонкостях и выяснить соотношение теории и практики арианства.

Не убоившись трудностей, начинающий исследователь энергично взялся за дело. В 1879 г. он, получив четырехмесячную командировку, поработал в архивах Петербурга, Варшавы, Витебска и Слуцка (возможно, эта поездка и связанные тогда контакты с Варшавским университетом сыграла свою роль – наряду с рекомендацией Лучицкого – в грядущем приглашении)¹³⁸⁹. Перебравшись в Варшаву, Любович продолжит работу в избранном им направлении. Одним из самых первых его лекционных курсов в Варшаве будет курс по истории Реформации в Европе. Вводную, как полагалось новому лектору – открытую, лекцию «Общественная роль религиозных движений» Любович опубликует¹³⁹⁰.

В ходе работы над диссертационной темой первоначальный замысел был несколько скорректирован. Доктринальные моменты отошли в сторону, а на первый план выдвинулись вопросы, связанные с социальной обусловленностью учения антитринитариев, с местом арианства в общественно-политической и культурной жизни Речи Посполитой. Любович трудился увлеченно и плодотворно. В этом убеждают его отчеты¹³⁹¹, а особенно сама магистерская диссертация «История Реформации в Польше: Кальвинисты и антитринитариане», которая была опубликована в Варшаве в 1883 г. и с успехом защищена. У Кареева были все основания отметить в своей одобрительной рецензии на книгу, что у автора «оригинальный взгляд на реформацию, вынесенный им, очевидно, из специального изучения польского протестантизма»¹³⁹². Одобрительно откликнулись на книгу Любовича и поляки. Своей основательностью она действительно

¹³⁸⁹ Иванов Ю.Ф. Жизнь и творчество Н.Н. Любовича. С. 171–172, 174.

¹³⁹⁰ Варшавские Университетские Известия. 1881. № 1.

¹³⁹¹ Любович Н.Н. 1) Отчет о занятиях /.../ в архивах Варшавы, Петербурга, Вильны и Слуцка // Университетские известия. Киев, 1879. № 11; 2) Отчет о заграничной командировке /.../ // Варшавские университетские известия. 1892. № 6.

¹³⁹² Русская мысль. 1884. № 8. С. 25.

выделялась среди работ на близкую тематику, весьма привлекательную и для исследователей, занимавшихся отечественной историей – поскольку арианское вероучение нашло в свое время живой отклик в западнорусских и литовских землях. Достаточно сравнить монографию Любовича с появившейся годом ранее большой, на добрую сотню страниц, статьей О.И. Левицкого «Социнианство в Польше и Юго-Западной Руси».

Орест Иванович Левицкий (1848–1922), будущий академик и вице-президент Украинской Академии наук, к моменту публикации этой статьи уже приобрел известность как знаток южнорусской старины. В 1875 г. вышел его «Очерк внутренней истории Малороссии во второй половине XVII столетия». Свою эрудированность он продемонстрировал и в статье о социанстве (т.е. об антитринитаризме – Фауст Социн был видным идеологом арианства, и начиная с XVI в. арианское вероучение зачастую называли по его имени). Однако статья 1882 г., в отличие от монографии Любовича, была построена на давно известных печатных источниках, которые к тому же не всегда удачно были интерпретированы. Так, из того факта, что среди ариан встречались ревнители просвещения, Левицкий делал слишком далеко идущий вывод: «Социанство выступало всегда с характером просветительного движения, в союзе с наукой и образованием»¹³⁹³. Исследователь пытался выйти за рамки политических и этноконфессиональных мотивировок при объяснении причин, отчего шляхтичи-ариане – подобно своим врагам шляхтичам-католикам – бежали при приближении отрядов Богдана Хмельницкого. По его словам, «ясно, что в сознании и действиях тогдашней массы народной социально-экономический мотив преобладал над всеми другими»¹³⁹⁴. Но тезис автором не был раскрыт и аргументирован.

Одобрительные отклики на книгу ободрили Н.Н. Любовича, и он продолжил работу над темой, что позволило ему семь лет спустя издать свою вторую монографию – «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше» (Варшава, 1890), которая принесла автору степень доктора наук, а вскоре и место профессора. Как и книга 1883 г., она была построена на собственных архив-

¹³⁹³ Левицкий О.И. Социнианство в Польше и Юго-Западной Руси // Киевская старина. Июнь. 1882. С. 430.

¹³⁹⁴ Там же. С. 414.

ных разысканиях в хранилищах Варшавы, Петербурга, Кракова и ряда других городов. Новый труд получил полное одобрение со стороны И.В. Лучицкого¹³⁹⁵. Н.И. Кареев, чей «Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше» вышел двумя годами ранее, весьма положительно отзывался о новом труде своего бывшего сослуживца¹³⁹⁶. В ходе подготовки двух монографий Н.Н. Любовичем была опубликована серия статей, обзоров, рецензий на темы, преимущественно касавшиеся польской реформации. В частности, он откликнулся рецензией на вышедший по-русски труд польского историка Ф. Вежбовского «Христофор Варшевицкий (1543–1603) и его сочинения» (Варшава, 1885)¹³⁹⁷.

Само собой напрашивается сопоставление Любовича и Кареева, – двух историков, чьи труды представляют собой высшие достижения отечественной полонистики 1880-х годов. Такого рода сравнения предпринимались неоднократно¹³⁹⁸. Естественно, вопрос не сводится к выяснению того, кто из них двоих сделал для науки больше, а кто меньше. Эти два историка и по своим наклонностям, и по характеру научной продукции как бы олицетворяли собой две разновидности исследовательской работы.

Н.Н. Любович во главу угла ставил архивные источники, добытые им в ходе кропотливых разысканий и впервые вводимые в научный оборот. Тщательное изучение этих материалов выходило у него на первый план, не оставляя порой места для более широких обобщений. Если поначалу, только еще приступая к работе, он смело и свободно оперировал общими суждениями о социальной сути Реформации (что запечатлелось в его варшавской брошюре 1880 г. «Общественная роль религиозных движений»), то и почерпнутый из архивохранилищ фактический материал, и делаемые на его основе достаточно скупые выводы в

¹³⁹⁵ Лучицкий И.В. Рец. на: Любович Н.Н. Начало католической реакции... // Университетские известия. Киев, 1891. № 3.

¹³⁹⁶ Там же. 1890. № 4. С. 158–160; Кареев Н.И. Отзыв о сочинении проф. Любовича под заглавием «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше». СПб., 1892.

¹³⁹⁷ Варшавский дневник. 1886. № 116.

¹³⁹⁸ В частности, в 1986 г. в Ленинградском Государственном Университете была защищена кандидатская диссертация З.Е. Ивановой «Социальная история Польши XVI в. в трудах дореволюционных русских историков», где основными действующими лицами были как раз Н.И. Кареев и Н.Н. Любович.

его, ставших классическими, монографиях зачастую будут носить довольно ограниченный, даже локальный характер.

Н.И. Кареев, напротив, в своих книгах по польской истории, как и в других трудах, стремился как можно шире охватить рассматриваемые явления. При этом он, как правило, опирался прежде всего на историографию, заимствуя отсюда умело им отбираемую конкретную информацию, а нередко – и концептуальное ее осмысление. Иной раз русский историк выступал в роли знающего и опытного популяризатора достижений польской науки – примером тому его старания ознакомить русского читателя с идеями Михала Бобжиньского. Иной раз, обращаясь к кардинальным проблемам польской истории, он демонстрировал самостоятельность мысли и интуицию исследователя (что не исключало широкого использования им и здесь опыта предшественников). По широте кругозора, по охвату проблематики едва ли кто-либо из русских полонистов мог с ним сравниться. Вклад его в развитие отечественной науки, бесспорно, велик.

Странно было бы упрекать Любовича за узость круга изучаемых им вопросов, либо упрекать Кареева на том основании, что он не занимался самостоятельной, кропотливой разработкой каждой из освещаемых им проблем, не вел, подобно Любовичу, многолетних архивных разысканий. Такое различие между двумя выдающимися историками, в конечном счете, может рассматриваться как одно из проявлений своего рода разделения труда, присущего любой науке, когда та достигает необходимой степени зрелости. Никого, кажется, не смущает ситуация, скажем, у физиков, где уважением пользуются и экспериментаторы, и теоретики – лишь бы они были профессионалами в своем деле.

На конец века XIX в. пришлись знаменательные годовщины – столетия со времени второго и третьего разделов Польши, и такого рода юбилеи не могли не дать добавочного стимула к публикации работ на тему падения Польского государства и к подведению некоторых итогов пребывания земель бывшей Речи Посполитой под сенью империи Романовых. Так, «по случаю столетия воссоединения западнорусского края в 1793 г», как предуведомлялся читатель, вышла книжка А.П. Липранди «"Отторженная возвратих": Падение Польши и воссо-

единение западнорусского края» (СПб., 1893)¹³⁹⁹. Автор не ограничился традиционными напоминаниями о правомочности присоединения западнорусских земель к Российской империи в силу того, что «Западная Русь – древнейшая колыбель русского православия, /.../ край, где можно сказать, основалась Русь»¹⁴⁰⁰. Им с пафосом провозглашалось, что «ни крепостное право, ни татарское иго не могут даже сравниться с тем рабством, какое довелось перенести западнорусскому народу во время нахождения его под польским владычеством». Жизнь православного населения «под властью католической иезуитской Польши» была представлена им как «трехвековое страдание», и автор не забыл напомнить, что лишь «заботами и могуществом нашей великой императрицы /.../ западнорусский народ был освобожден от позора и унижения, вступил в новую жизнь и начал возрождаться духовно, нравственно, политически, экономически...»¹⁴⁰¹. Дабы показать, что даже долгое, не одно столетие продолжавшееся пребывание вне пределов Российского государства, не разорвало живую нить, связывавшую с ним западнорусский край (что предлагалось трактовать как еще один довод в пользу легитимности воссоединения восточных славян под сенью российского самодержавия), Липранди без тени сомнения декларировал: «Ни презрение и ненависть польских панов и шляхты, ни горячая проповедь ксендзов в защиту католицизма, ни притеснения и угрозы, – ничто не заставило западно-русский народ сделаться отступником от родной своей веры, ничто не принудило его изменить своей народности: он мужественно перенес все невзгоды, и к чести и славе своей, остался верным своей церкви и народности»¹⁴⁰². Решение диссидентской проблемы Петербургом, по мнению историка, стало для Речи Посполитой возмездием, поскольку, как он писал, «поляки не унимались. Тогда императрица Екатерина II решила отделить от Польши часть непольских земель ее»¹⁴⁰³.

¹³⁹⁹ См. также, напр.: Примирение русских с поляками. Воспоминания прошлого. Историческая брошюра, основанная на документах XVI века и составленная по поводу столетней годовщины первого раздела Польши в 1872 году Ф.А. Веселовским. СПб., 1881; Сидоров А. К столетней годовщине третьего раздела Польши. СПб., 1895.

¹⁴⁰⁰ Липранди А.П. «Отторженная возвратихъ»: Падение Польши и воссоединение западнорусского края. СПб., 1893. С. 3.

¹⁴⁰¹ Там же. С. 3–4.

¹⁴⁰² Липранди А.П. «Отторженная возвратихъ»... С. 5.

¹⁴⁰³ Там же.

В распространении таких, многим публицистам и ученым казавшихся совершенно бесспорными, казенных представлений особенно усердствовал и Павел Дмитриевич Брянцев¹⁴⁰⁴ (1845 – год смерти неизвестен), преподаватель истории и географии в Виленском реальном училище. В преддверии столетней годовщины второго раздела Речи Посполитой он счел нужным напомнить о восстании 1863 г., чтобы подчеркнуть неблагодарность поляков, не умеющих ценить блага, какие принесло им вхождение в Российскую империю. В 1891 г. в Вильне вышла его книга «Польский мятеж 1863 г.». Немалая по объему – около трехсот страниц – книга являла собой откровенную компиляцию. Ни новых материалов, ни оригинальных идей в ней не найти. С точки зрения нашей темы она представляет интерес только как достаточно типичный образец тех околонаучных сочинений на злободневную тему, каких немало появлялось в те годы.

Круг привлеченной Брянцевым литературы был достаточно широк, но подобрана она была тенденциозно. Автор предпочитал, не вдаваясь в полемику с инакомыслящими, опираться на хвалебные по отношению к Петербургу произведения. Польским языком он владел, однако по преимуществу обходился без ссылок на труды поляков. Лишь один раз Брянцев сошлется на «Историю Польши» Юзефа Шуйского, виднейшего представителя Краковской исторической школы. Однако, привлекая разноязычный газетный материал, он все же ссылался и на некоторые польские издания.

Всегда болезненно воспринимая реакцию Запада на действия России в польском вопросе, консервативно настроенные авторы, и Брянцев в том числе, тем не менее охотно апеллировали к мнению того же Запада, когда тот адекватно – с официальной российской точки зрения – реагировал на события в польских землях. Для писательской манеры Брянцева характерно, что больше всего его заботило то, в каком свете читателю будет представлена позиция России. На остальное он не слишком обращал внимание. Так, с чувством глубокого удовлетворения он приводит обширную – и вполне лестную для российской правительственной политики – цитату из английского журнала «The Quarterly», не замечая, по-видимому, что там одновременно, рядом друг с другом даны два

¹⁴⁰⁴ СДР... словарь. С. 86.

различных, трудно совместимых довода в пользу законности притязаний Петербурга на Царство Польское. Первый из доводов гласил: «Россия имеет право употреблять все свои усилия для восстановления своих древних владений», а второй сводился к утверждению: «Польские магнаты в 1812 г. изменили России, пристали к Наполеону I, с которым думали загнать Россию в Азию, но судьба побед осталась за Россией. Россия победила Наполеона и поляков, овладела землею последних, и никто в мире не имеет права оспаривать законных распоряжений России в Царстве Польском»¹⁴⁰⁵.

В основном же виленский учитель полагался на близких ему по духу российских авторов. Полными горстями он черпал у них сведения о событиях и их истолкование – нимало этим, по-видимому, не смущаясь. По меньшей мере треть всей содержащейся в книге информации была взята им из вышедшей за четыре года до того монографии Н.И. Павлищева «Седмицы польского мятежа». Многие также были почерпнуты из «Собрания статей по польскому вопросу, помещенных в “Московских ведомостях”, “Русском Вестнике” и “Современной Летописи” за 1863 г.» М.Н. Каткова (М., 1887). Две основные главы в книге Брянцева были посвящены «восстанию поляков в Царстве Польском» и «восстанию поляков в Литве и Белоруссии», представляя собой своего рода летопись событий Январского восстания. Третья, заключительная глава содержала очерк жизни и деятельности Михаила Николаевича Муравьева – понятно, что политика Муравьева всячески восхвалялась. Следом за этой книгой с малыми интервалами появлялись другие, также компилятивные, зато проникнутые верноподданническим чувством сочинения Брянцева: «Очерк падения Польши» (1895), «Очерк состояния Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г.» (1895), «Восстание поляков в 1830 и 1831 г.» (1896) и др. К научной разработке темы они имели мало отношения, но зато вполне соответствовали правительственному курсу тех лет.

Однако и в работах на подобную или близкую к ней тематику порой находилось место скепсису. Достаточно реалистичную трактовку екатерининской политики в диссидентском вопросе предлагал Н.Д. Чечулин в своей монографии

¹⁴⁰⁵ Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. Вильна, 1891. С. 109–110.

«Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774» (СПб., 1896), о которой, к слову сказать, Н.И. Кареев отозвался весьма критически (сочтя, что сочинение автора вряд ли можно в полной мере назвать исследованием¹⁴⁰⁶). Тем не менее, трудно не признать, что Чечулин аргументированно показал, что Н.И. Панин, глава Коллегии иностранных дел, рассматривавший вопрос «чисто с государственной точки зрения, как средство водворить в Польше влияние России»¹⁴⁰⁷, в своих не предназначенных для публики высказываниях был крайне циничен. Граф разъяснял Репнину, что «главное правило, которое как сначала было, так теперь есть», это – «чтобы совершить диссидентское дело не для распространения в Польше нашей и протестантской веры, но для приобретения себе /.../ единожды навсегда твердой и надежной партии, с законным правом участвовать во всех польских делах»¹⁴⁰⁸. Больше того, руководитель внешнеполитического ведомства Екатерины, как отмечал Чечулин, считал «невыгодным излишнее распространение прав диссидентов – православных, достижение для них слишком многих удобств и выгод, настолько, чтобы они не нуждались в помощи России и своими собственными силами могли бы совершенно хорошо устроиться в Польше», ибо это, по его мнению, непременно вызвало бы «значительное увеличение числа побегов в Польшу из соседственных русских губерний»¹⁴⁰⁹.

Видный русский историк В.О. Ключевский специально на эту тему не писал. Но примечательна сама позиция знаменитого ученого в этом вопросе. Вопреки распространенному представлению доказывая, что диссидентский и национальный вопросы были для Екатерины не более как предлогом для вмешательства в польские дела, он не упустил случая подчеркнуть: именно из России, от ее самодержавно-дворянского управления «издавна тысячи народа бежали в беззрядную Польшу, где на землях своевольной шляхты жилось сноснее»¹⁴¹⁰.

¹⁴⁰⁶ Кареев Н.И. О внешней политике Екатерины II (Рец. на кн.: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896) // Вестник Европы. № 1. 1897.

¹⁴⁰⁷ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774. СПб., 1896. С. 260.

¹⁴⁰⁸ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России... С. 260.

¹⁴⁰⁹ Там же. С. 262.

¹⁴¹⁰ Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 5. М., 1989. С. 51.

Односторонность официальной трактовки вопроса о положении православного населения под властью Речи Посполитой и раньше отмечалась в российской историографии, приводились документальные тому подтверждения. Еще в 1860 г. П.К. Щебальским – человеком, надо сказать, достаточно консервативных убеждений – была опубликована относящаяся к екатерининским временам «Записка об учреждении новоприобретенных земель», где строго предписывалось: «Бежавших пред сим из России крепостных людей и крестьян, поселившихся в сих новоприобретенных землях, написать в постановляемую перепись, оставив на нынешних их жилищах, во владении за теми, за кем в сию перепись по наличеству написаны будут, а впредь никому ни под каким предлогом беглых не принимать и у себя не держать; с преступниками же сего поступать на основании именного 1754 года указа»¹⁴¹¹.

Однако никому, и В.О. Ключевскому в том числе, так и не удавалось серьезно поколебать прочно укоренившиеся – и поощряемые свыше – представления о том, что в основе екатерининского подхода к польскому вопросу лежала человеколюбивая забота о диссидентах, о простом народе. Не помешает, говоря об этом, напомнить, что тиражируемые консервативной дореволюционной литературой стереотипы касательно внешней политики Екатерины II окажутся спустя десятилетия так или иначе востребованы в советской науке и пропаганде, особенно в 1940-х – начале 1950-х годов¹⁴¹².

Говоря о наиболее существенных пополнениях отечественной литературы по истории Польши на исходе XIX в., нельзя не назвать фундаментальное исследование петербургского скандинависта Георгия Васильевича Форстена (1857–1910) «Балтийский вопрос в XVI и XVII ст. (1544–1648)» (СПб., 1893–1894. Т. 1–2). Несмотря на то, что это исследование едва ли в полной мере может числиться по разряду полонистики, польские дела заняли в книге весьма значительное место. Исходя из того, что в Новое время «вся история северных государств, России, Польши, Швеции и Дании /.../ совпадает с историей балтийского вопроса», историк подробнейшим образом, опираясь как на опублико-

¹⁴¹¹ Щебальский П.К. Новые материалы из эпохи 1771–1773 гг. М., 1860. С. 658–659.

¹⁴¹² Наиболее ярким примером тому служит брошюра Е.В. Тарле «Внешняя политика Екатерины II» М., 1945.

ванные, так и на вводимые им в научный оборот архивные источники, рассмотрел то, как эти, «возвысившиеся теперь на степень европейских держав» четыре государства «наперерыв одна перед другою стремятся теперь присвоить себе богатое наследие Ганзы и ради этого начинают между собой продолжительную борьбу»¹⁴¹³. Правда, из-за незнания языка Форстен не привлек польские фонды (за что Н.И. Кареев, первый оппонент при защите «Балтийского вопроса...» в качестве докторской диссертации, не преминул его упрекнуть¹⁴¹⁴). Однако Польша, разумеется, часто фигурировала в использованных Г.В. Форстеном материалах других участников балтийского конфликта.

Нельзя также пройти мимо и трудов Платона Александровича Гейсмана (1853–1919). Генерал и военный историк, он неоднократно касался польской тематики в своем «Кратком курсе истории военного искусства в средние и новые века» (Ч. 1–3, СПб., 1893–1896). Среди прочего, ему принадлежит публикация «Проекта реорганизации польской армии 1789 г. К. фон Грисгейма» (СПб., 1894). По существу, стараниями того же П.А. Гейсмана был подготовлен капитальный труд А.К. Ильенко «Начало конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой (Материалы, извлеченные: 1) из Московского Отделения общего архива Главного штаба, 2) из Военно-Ученого архива того же Штаба и 3) из Московского Главного Архива Министерства иностранных дел) (СПб., 1898). Помимо прочего, объемное предисловие к нему и так называемая объяснительная записка были написаны «профессором Николаевской Академии Генерального штаба полковником П.А. Гейсманом», как значилось на титульном листе. Вообще, как пояснял Гейсман, сама «мысль извлечь материалы /.../ принадлежала мне, а исполнение – моему уважаемому коллеге»¹⁴¹⁵.

В контексте разнородной исторической литературы конца XIX в. по-своему выделяются сочинения А.И. Барбашева, увлеченно разрабатывавшего историю Великой войны (1409–1411) и деятельности ее главных персонажей. В итоге од-

¹⁴¹³ Форстен Г.В. Балтийский вопрос... Т. 1. СПб., 1893. С. X–XI.

¹⁴¹⁴ Канн А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 56.

¹⁴¹⁵ Ильенко А.К. Начало конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой. СПб., 1898. С. I.

на за другой вышли такие его работы, как «Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы» (1885), пара статей в «Журнале Министерства народного просвещения» – «Танненбергская битва» (1887) и «Горнский мир (1411 г.)» (1890), а также во многом итоговая, отчасти вобравшая в себя уже имевшиеся наработки, вышедшая в серии «Очерки литовско-русской истории XV века» книга – «Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410–1430» (1891)¹⁴¹⁶. Опираясь на широкий круг источников и литературы (русской, польской, немецкой) А.И. Барбашев, тем не менее, предпочитал трактовать исследуемую им проблематику в исключительно славянофильском духе, подчеркивая при этом, что «это не было столкновение двух народов; это была борьба германо-романского запада со славянским востоком»¹⁴¹⁷. Несмотря на широкое распространение подобных установок, автор считал необходимым перечислить, кто был на одной стороне – «русские, поляки, чехи, мораване, силезские славяне, литовцы, татары», и кто – на другой: «Тевтонский орден и рыцари из Германии, Англии, Франции, Италии»¹⁴¹⁸. Кроме того, автор также разъяснил своим читателям, что следует понимать под «славянским востоком».

На его взгляд, славянский восток в Куликовской битве (с которой, по своему масштабу, с точки зрения Барбашева, сопоставима Грюнвальдская битва) представляли «силы восточного центра русского племени – Москвы», отразившие «татар, грозивших с востока», а во время главного сражения Великой войны «силы западного центра русского племени – Вильны, вместе с поляками, отразили врагов, грозивших с запада»¹⁴¹⁹. Неполное соответствие со славянофильской доктриной проявилось лишь в том, что поляки – «изменники славянства» (едва ли не по общему мнению славянофилов) – в данном случае, по словам автора, «отразили врагов, грозивших с запада», в то время как в русской литературе именно в подпадании под влияние запада их принято было обвинять...

¹⁴¹⁶ Барбашев А.И. 1) Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.). СПб., 1885; 2) Танненбергская битва (1410 г.) // ЖМНП. 1887. Декабрь; 3) Горнский мир (1411 г.) // ЖМНП. 1890. Ноябрь; 4) Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430). СПб., 1891.

¹⁴¹⁷ Барбашев А.И. Танненбергская битва (1410 г.) // ЖМНП. 1887. Декабрь. С. 151.

¹⁴¹⁸ Там же. С. 151–152.

¹⁴¹⁹ Там же. С. 152.

Зато автор вполне в хрестоматийном духе спешил напомнить читателям, что: «Вражда немцев и славян началась очень давно. Уже в IX в. немцы сильно проявляли свой *Drang nach Osten*. После упорной и продолжительной борьбы исчезли с берегов Эльбы и Одера славянские государства бодричей и лютичей, и на их месте явились маркграфства Саксонское и Бранденбургское»¹⁴²⁰. Автору также показалось необходимым перечислить, как сложились судьбы других славянских земель, когда «место Великоморавской державы заняли маркграфства Австрийское и Каринтийское. Чехия вошла в состав немецких земель, и чешские князья обратились в немецких вассалов»¹⁴²¹ и т.д.

В начале 1890-х годов вышла содержательная монография петербургского юриста и историка Сергея Александровича Бершадского (1850–1896) «Литовский статут и Польские конституции: Историко-юридическое исследование» (СПб., 1893). Больше всего интересуясь судьбой еврейства в Восточной Европе и проводя соответствующие архивные разыскания, Бершадский в своих трудах касался Польши и в данном контексте, например, в своих статьях: «В изгнании: Очерк из истории литовских и польских евреев XV в.» («Восход». 1892), «Старинное средство: Обвинение евреев в убиении младенцев в Литве и Польше в XVI–XVIII в.» («Восход». 1894). Были, конечно, и другие авторы¹⁴²². Впрочем, надо еще раз подчеркнуть, что список рассматриваемых или хотя бы упоминаемых здесь работ 1890-х годов ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту (как и перечни в предшествующих главах), к нему всегда можно добавить новые названия¹⁴²³.

¹⁴²⁰ Барбашев А.И. Танненбергская битва. С. 154.

¹⁴²¹ Там же.

¹⁴²² Так, в частности, Григорий Александрович Воробьев (1860–1907) свои краеведческие и искусствоведческие студии дополнил публикацией записок двух участников восстания 1794 года – Яна Килянского (Русская Старина. 1895. Кн. 2–3) и Ю. Копця (Исторический вестник. 1896. № 11–12).

¹⁴²³ Например, статьи в «Русском вестнике» за 1894 г., составленные по воспоминаниям одного из активных участников подавления польского мятежа 1863 г. многоопытным Иваном Петровичем Корниловым (1811–1901), или, его же очерк «Князь Адам Чарторыйский» (Русское обозрение. 1896. № 2–3), как его характеризует М.Д. Долбилов – «„мурьевец“, попечитель Виленского учебного округа в 1864–1868 годов, один из творцов политики деполонизации в Северо-Западном крае после Январского восстания». – См. Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера... С. 134. Заметим, что в скором времени «Воспоминания о польском мятеже 1863 года» (в более полном, по сравнению с журнальным вариантом виде) были напечатаны отдельной книжкой, задача которой, как было сказано в примечании редакции, состояла в том, чтобы помочь «правильному освещению деятельности сподвижников незабвенного графа М.Н. Муравьева»¹⁴²³. Собственно рассказы И.С. Гонецкого (который «в 1863 году /.../ поступил в состав войск Виленского военного округа», где и оставался вплоть «до окончательного усмирения мя-

Помимо прочего, нельзя не отметить, что на последнее десятилетие XIX – первые годы XX в. приходится заметный рост полонистической литературы научно-популярного (а нередко подчеркнуто популярного) характера. Будто руководствуясь заявлением Александра II, что «счастье Польши заключается в полном слитии ее с народами моей империи»¹⁴²⁴, в свет выходит целая череда очерков о прошлом и настоящем польских земель. Это, в частности, и капитальное издание «Живописная Россия», в котором Царству Польскому посвящен один из томов¹⁴²⁵, где польской истории до разделов и во время разделов посвящены специальные главы, и более скромные (в том числе, по объему) издания, такие как «Русская земля. (Природа страны, население и его промыслы). Сборник для народного чтения»¹⁴²⁶ или брошюра «Из народоведения. Поляки. Чтение для народа»¹⁴²⁷, преследующие сугубо просветительские цели. Откровенная компилятивность подобного рода сборников не скрывалась. Например, составитель «Сборника для народного чтения» Л.И. Руднев поспешил сообщить читателям, что представленные в сборнике очерки скомпонованы по «"Этнографии России" Л. Весина и др. источникам»... По-своему примечательно, что аналогичные подборки-сочинения, содержащие в себе сведения историко-географического и историко-этнографического характера, продолжали выходить и в первое десятилетие XX века¹⁴²⁸. Пожалуй, отдельной строкой следовало бы отметить полонистические работы, в большей или меньшей мере созданные под влиянием думских дебатов по польскому вопросу в сугубо политиче-

тежа» и где «выказал блистательные военные способности, разбив шайки Сераковского и Кольшки, этих главных предводителей польских повстанцев»), оформленные стараниями И.П. Корнилова в «Воспоминания...», по-своему характерны и отражают настроения определенной части русского общества по отношению к полякам. В том же ряду – условно говоря, полонистической литературы последнего десятилетия XIX века – можно назвать и книгу Розы Люксембург «Промышленное развитие Польши» (которая, разумеется, не принадлежит российской науке, но ее перевод (СПб., 1899) в какой-то мере также характеризует состояние и направленность интересов отечественной полонистики).

¹⁴²⁴ Цит. по: Погодин А.Л. История польского народа в XIX веке. М., 1915. С. 176.

¹⁴²⁵ Царство Польское. Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петровская Плоцкая, Радомская, Сувалкская и Седлецкая губернии // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. М., 1896.

¹⁴²⁶ Привислинский край // Русская земля. (Природа страны, население и его промыслы). Сборник для народного чтения. Т. VI. СПб., 1898.

¹⁴²⁷ Из народоведения. Поляки. Чтение для народа. СПб., 1899.

¹⁴²⁸ Талько-Грынцевич Ю. Поляки. Антропологический очерк // Русский антропологический журнал. 1901. № 1; Терешкович Н. Польша и поляки. М., 1906; Водовозова Е.Н. Как люди на белом свете живут. Чехи – поляки – русины. СПб., 1905; Сно Е.Э. На западных окраинах. Поляки и литовцы (Серия «Рассказы о родной стране и ее обитателях»). СПб., 1904; и др.

ском контексте¹⁴²⁹.

Однако, несмотря на очевидный (с давних пор сохраняющийся) интерес в нашей литературе к польской тематике (если проблематике, то особого свойства – в зависимости от характера сочинения), трудно согласиться с утверждением М.В. Лескинен в том, что: «Российская историография и полемическая публицистика XIX в., посвященная Польше, полякам и польскому вопросу, исследована очень подробно»¹⁴³⁰. По крайней мере, как раз привлеченные в монографии М.В. Лескинен многочисленные сочинения, написанные, по словам исследовательницы, «в жанре историко-психологических изысканий», специальному анализу до сих не подвергались, не предпринимались и попытки определить их место в огромном массиве сочинений, который (пусть с некоторой долей условности) можно отнести к полонистике. Недостаточно освещен, в частности, и такой важный вопрос: чем было вызвано появление подобной литературы на рубеже XIX–XX вв., а не раньше, когда, по признанию многих отечественных авторов, ощущалась настоятельная необходимость понять, *что*, собственно, представляют собой поляки, волею судеб оказавшиеся в составе Российской империи, *что* есть Польша и т.д.

Так или иначе, при любых дополнениях общая констатация остается почти неизменной: характеризуя состояние научных полонистических студий в России, приходится признать, что появившиеся в 1890-е годы солидные исследования по истории Польши легко пересчитать по пальцам, и количественный спад по сравнению с предшествующим десятилетием бросается в глаза. И, что важно, различие здесь не только количественное. В 1890-х гг., по сравнению с восьмидесятыми годами, существенно сократится число оставивших заметный след в науке трудов по истории Польши. В 1890-е годы в русской полонистике можно отметить некоторое затишье. Такие корифеи, как Н. И. Кареев и Н. Н. Любавич, с чьими именами были связаны крупнейшие достижения отечественного славяноведения 1880-х гг., продолжали трудиться. Однако с начала 1890-х гг. они

¹⁴²⁹ Василевский Л. (Плохоцкий). Современная Польша и ее политические стремления. СПб., 1906; Есипов В.В. Автономия Польши, с точки зрения финансовых, экономических и других интересов России. Варшава, 1907; Пильц Э. Русская политика в Польше. Варшава, 1909; и др.

¹⁴³⁰ Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010. С. 236.

практически отходят от польской исторической проблематики¹⁴³¹.

Если ими и было кое-что опубликовано на исходе XIX и в начале XX веков, то это не шло ни в какое сравнение с их трудами 1880-х годов. Отголоском прежних студий Н.Н. Любовича явится лишь его брошюра «Люблинские вольнодумцы: Анабаптисты и антитринитариане» (Варшава, 1902). Помимо этого, можно назвать лишь пару работ сугубо информативного или научно-популярного характера: обзор «Польская историческая литература в 1896 г.» (Варшавский дневник. 1897. № 112, 113.), юбилейная брошюра «Грюнвальдская битва» (1911). Что касается Н.И. Кареева, то он выступил с «Отзывом о сочинении проф. Любовича “Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше”»¹⁴³², с рецензией на монографию Н.Д. Чечулина, и откликнулся на текущие польские события газетными статьями, которые составили книгу «Polońska: Сборник статей по польским делам (1881–1905)» (СПб., 1905). Польские студии Кареева этим и ограничивались, если не считать того, что о прошлом Польши ему не раз доводилось писать в своих обзорных трудах по истории Европы и мира. Например, в изданную в 1906 г. (и переизданную в 1909 и 1913 гг.) книгу «Поместье-государство и сословная монархия Средних веков» была включена сжатая характеристика польского сейма – но эти неполные две странички не содержали в себе ничего нового по сравнению с его же «Историческим очерком польского сейма» 1888 г.¹⁴³³.

О характере подобных экскурсов можно также судить по его книге «Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох», вышедшей в 1903 г. Кратко коснувшись давних событий («Отстояв в начале XVII в. свою национальную независимость от агрессивной политики Польши, Московское государство отняло у Польши в том же столетии восточные ее владения по Днепру» и пр.), Кареев следующим образом осветил падение Речи Посполитой: «Исчезновение Польши с политической карты Европы принадлежит к числу

¹⁴³¹ См., в частности: Аржакова Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века // Славяноведение. 2010. № 1. С. 44–53.

¹⁴³² Кареев Н.И. Отзыв о сочинении проф. Любовича «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше» // Отчет о IV присуждении Академией наук премии митрополита московского Макария. СПб., 1892.

¹⁴³³ Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков: Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в Средние века. СПб., 1913. С. 300–302.

особенно важных событий XVIII в. Это государство, достигшее наибольшего могущества в XV–XVI вв. при Ягеллонах и простиравшееся “от моря до моря”, в XVII в. стало клониться к упадку и вместе с тем утрачивать целые области». Сделав акцент на том, что Польша была ослаблена внутренними смутами, Кареев подчеркнул, что именно это обстоятельство позволило «России, в самом начале XVIII в., взять ее под свою опеку». В итоге, резюмировал Кареев: «Внешняя независимость Польши поддерживалась соперничеством ее соседок, но во второй половине XVIII в. по инициативе Пруссии они пришли к соглашению относительно дележа польских владений, и в три приема Польша была разделена между Россией, Пруссией и Австрией»¹⁴³⁴. Дело, понятно, не в том, что сюжет, которому прежде Кареев посвящал многие сотни страниц, теперь вполне уместился в одном абзаце. И по стилистике, и по смыслу этот достаточно примитивный конспект, вкратце освещавший драматичный период польской истории, имеет не так уж много общего с «Падением Польши» в исторической литературе» и другими монографиями Кареева 1880-х гг.

Между тем ни Н.И. Кареев, ни Н.Н. Любович вовсе не отошли от научной работы¹⁴³⁵. Это произойдет гораздо позже, когда обоим ученым не найдется места в советской науке. Н.И. Карева уже в 1923 г. удалят из Петроградского университета. Избрание его почетным академиком (1929) мало что меняло, скорее свидетельствуя лишь о тогда еще остававшейся некоторой независимости АН СССР от властей. Н.Н. Любович, обосновавшийся вместе с Варшавским университетом в Ростове-на-Дону и в 1924 г. по представлению В.П. Бузескула, Ф.И. Успенского и С.Ф. Платонова избранный членом-корреспондентом АН, свои исследования не продолжал. Их тематика была явно не созвучна эпохе, к тому же при поспешной эвакуации в Варшаве остались его библиотека и собранные за долгие годы материалы. С 1929 г. Любович на пенсии – неизвестно, по собственному желанию или вопреки ему. О последних годах его жизни све-

¹⁴³⁴ Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох. СПб., 1903. С. 297–298.

¹⁴³⁵ О Н.И. Карееве как представителе так называемой «русской исторической школы» см., например: Мягков Г.П. 1) «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции. Казань, 1988; 2) Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы». Казань, 2000; Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997; и др.

дений крайне мало (в основном они стали известны благодаря разысканиям Ю.Ф. Иванова). Ходили слухи, что старый ученый был репрессирован, однако эта информация не подтвердилась¹⁴³⁶.

На исходе XIX века этих крупнейших русских полонистов куда больше интересовали вопросы методики и методологии исторического исследования. Любович опубликовал статью «Вопрос о сущности исторического процесса». (Русская мысль. № 12. 1891). Позднее выйдет его брошюра «Статистический метод в приложении к истории» (Варшава, 1901). Кареев, еще до того издав капитальный труд «Основные вопросы философии истории» (Т. 1–3. М., 1883–1890), продолжал живо откликаться на новации в этой сфере. Но, создается впечатление, что они оба утратили всякий интерес к столь активно разрабатываемым еще совсем недавно проблемам польской истории.

Такие перемены можно было бы считать не более, как фактами творческих биографий двух видных ученых. Бесспорно, в выборе тем для книг и статей, в изменении направленности научных занятий и их интенсивности большую роль могли сыграть личные пристрастия того же Н.И. Кареева или Н.Н. Любовича. Не приходится сбрасывать со счетов и житейские обстоятельства, да и просто разного рода случайности.

Однако деятельность этих двух выдающихся историков следует, очевидно, рассматривать не изолированно, а в контексте общей ситуации, какая сложилась в отечественной полонистике конца XIX века, учитывая также и общее состояние гуманитарных наук в России на рубеже столетий. И при таком подходе появляются основания думать, что здесь – наряду со всякого рода случайными моментами – проявили себя и некие закономерности. Как известно, на исходе XIX – в начале XX веков в России, как и в других странах, отчетливо обнаруживают себя признаки кризиса традиционной методологии, идет усиленный поиск новых путей в развитии науки. Полонистика, можно полагать, не оставалась совсем в стороне от этого – естественного, даже необходимого, хотя трудного и болезненного – процесса. Рассматриваемые под таким углом зрения факты (в

¹⁴³⁶ См.: Иванов Ю.Ф. Жизнь и творчество Н.Н. Любовича // Вопросы истории славян. Вып. 18. Воронеж, 2007.

частности – отход Кареева и Любовича от конкретно-исторических исследований, их усиленный интерес к проблемам методологии) предстают в качестве симптомов переживаемого наукой кризисного состояния.

Наблюдения над развитием российской полонистики на грани столетий, в конечном счете, лишний раз убеждают в сложности, противоречивости историографического процесса. Как далеко зашла тогда дифференциация исследовательских подходов и методик, наглядно демонстрируют первые шаги в науке двух, в будущем весьма известных, историков младшего поколения, которые олицетворили собой разные, не будет большим преувеличением сказать – диаметрально противоположные, тенденции в развитии полонистических студий.

Матвей Кузьмич Любавский (1860–1936), со временем приобретет заслуженную репутацию знатока истории Великого княжества Литовского и Польши¹⁴³⁷. Его успешную ученую карьеру увенчает избрание в 1929 г. академиком. В интересующую же нас пору начинающий исследователь, в 1882 г. окончивший историко-филологический факультет Московского университета, успел лишь издать свою первую книгу – «Областное деление и областное управление Литовско-Русского государства ко времени издания первого Литовского статута» (М., 1892), и защитить ее как магистерскую диссертацию (1894)¹⁴³⁸.

Непосредственно Польше посвящались его статьи, помещенные в третьем томе «Книги для чтения по истории средних веков» под редакцией П.Г. Виноградова (М., 1899). «Немецкая колонизация и новое сельское и городское устройство в Польше», равно как и остальные два очерка из «Книги для чтения» («Польский король Казимир Великий» и «Нешавские статуты Казимира Ягеллончика»), демонстрировали хорошее знание литературы. Но исследованиями их не назовешь, да они на то и не притязали. Можно отметить разве что утверждение автора: «Благодетельным лекарством была для Польши немецкая колонизация»¹⁴³⁹. Как известно, в отечественных работах XIX–XX веков преоблада-

¹⁴³⁷ Лаптева Л.П. Изучение истории славян в Московском университете в конце XIX – начале XX в. (до 1917 г.) // Славяне в эпоху феодализма. М., 1978. С. 289, 292.

¹⁴³⁸ СДР... словарь С. 226–227.

¹⁴³⁹ Книга для чтения по истории средних веков. Под ред. П.Г. Виноградова. М., 1899. Вып. 3. С. 447.

ли негативные оценки как самой немецкой колонизации, так и ее последствий, трактуемых априорно как одно из проявлений немецкого «натиска на Восток».

Полонисты знают Любавского, прежде всего, как автора «Истории западных славян» (М., 1917, 2 изд. – 1918). Книга, к которой обращаются по сей день (репринт – М., 2004), выросла из курса, читаемого приват-доцентом, а затем профессором Московского университета на протяжении многих лет. Одним из его первых слушателей был В.И. Пичета, будущий основатель кафедры истории южных и западных славян в МГУ, академик¹⁴⁴⁰. Вспоминая в начале 1930-х годов свои студенческие времена (1897–1901), он отдал Любавскому должное: тот «был прекрасный преподаватель, и занятия под его руководством мне дали много в отношении метода работы над источником и его использования»¹⁴⁴¹. Вместе с тем, несмотря на признание того, что «все курсы Любавского были очень богато насыщены конкретным материалом»¹⁴⁴², по мнению Пичеты, «лектор Любавский был плохой и сухой. Это особенно чувствовалось в его лекциях по истории западных славян»¹⁴⁴³. Мемуарист делал поправку на общий уровень университетского преподавания тех лет и на то, что данный курс, «составленный по польским и чешским пособиям», был из всех читаемых в те годы «курсов по истории славян /.../ наиболее удовлетворяющий требованиям тогдашней истории», и, что подчеркнул Пичета, «в нем не было великорусского шовинизма»¹⁴⁴⁴. Но вывод Пичеты, тем не менее, был категоричен: «Дальше описания Любавский не шел, какой бы то ни было синтез был недоступен Любавскому»¹⁴⁴⁵. Позднейший печатный текст «Истории западных славян» вполне подтверждает справедливость оценки, какую дал читаемым на рубеже XIX–XX веков лекциям Любавского их давний слушатель.

М.К. Любавский, верный ученик Н.А. Попова, принадлежал к тому направлению в исторической науке, которое видело свою основную задачу в сборе

¹⁴⁴⁰ См.: Горяинов А.Н. В.И. Пичета, его убеждения и трагедия // Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX в. М., 2006.

¹⁴⁴¹ Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) // Московский университет в воспоминаниях современников. 1755–1917. М., 1989. С. 585.

¹⁴⁴² Там же. С. 586.

¹⁴⁴³ Там же. С. 585–586.

¹⁴⁴⁴ Там же. С. 586.

¹⁴⁴⁵ Там же.

эмпирического материала и его систематизации. Установка на эмпирику – не обязательно так четко выраженная, как у Любавского, – не исключала политической ангажированности трудов, использования в них априорных построений, ориентации на стереотипы. Работы такого рода, во все эпохи составляющие немалую часть научной продукции, могут быть полезными, даже интересными, но они меньше всего были способны двигать вперед историческую мысль. Вместе с тем, давно замечено, что в периоды методологических переориентаций, а также социально-политической нестабильности тяга к бесхитростной эмпирике вообще сильно возрастает.

Иной характер носила ученая деятельность Александра Александровича Корнилова (1862–1925)¹⁴⁴⁶. Даже в кратких биографических справках о нем обычно не упускают случая упомянуть, что, будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, он – вместе со своим другом детства В.И. Вернадским, а также С.Ф. и Ф.Ф. Ольденбургами, И.М. Гревсом и др. – входил в кружок, оставивший неизгладимый след в интеллектуальной жизни России. Многие из членов кружка – включая и самого А.А. Корнилова – станут позднее не только выдающимися учеными, но и видными деятелями партии конституционных демократов.

Как полонист-аграрник, Корнилов привлек к себе внимание публикацией в «Русской мысли» за 1894 г. цикла статей, которые затем составили книгу «Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском» (СПб., 1894); позднее она войдет в его труд «Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России» (СПб., 1905). Молодой автор не понаслышке знал предмет своего исследования. После защиты магистерской диссертации «О значении общинного землевладения в аграрном быту народов» (1886) он был назначен комиссаром по крестьянским делам в один из уездов Радомской губернии Царства Польского и прослужил там до весны 1892 г.

Для заявленной темы основной интерес представляют исторические разделы, предпосланные анализу состояния деревни Царства Польского в порефор-

¹⁴⁴⁶ СДР... словарь. С. 189; Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А. Корнилов. М., 1982.

менные десятилетия. Разделы эти заслуживают внимания сами по себе, а тем более – как своего рода общий показатель того состояния, в каком к исходу рассматриваемого нами периода находились отечественные социально-экономические изыскания по аграрной истории Польши.

Как без труда мог заметить читатель, первый раздел, охватывающий период от возникновения крепостного права до попыток ограничения его в Речи Посполитой, был целиком основан на русской и польской литературе вопроса, в ту пору все еще весьма небогатой. Точнее будет даже сказать, что проблема эта почти не была изучена. Главным образом Корнилов здесь опирался на книги Т. Любомирского и В.В. Мякотина. Вслед за предшественниками акцент был им поставлен на раннем возникновении крепостничества в Польше и на его близости к рабскому состоянию. Первые отмеченные документами ограничения передвижения крестьян отнесены автором к середине XIV в., а статуты первой половины XVI в., по его словам, устанавливают уже «полное господство помещика над личностью крестьянина»¹⁴⁴⁷. Молодой исследователь целиком присоединился к утверждению Тадеуша Любомирского: «С этого времени кметь, оседлый, как и неоседлый, порознь или вместе с семьею, мог быть продан, заложен, подарен или отказан духовным завещанием»¹⁴⁴⁸.

Вопросов о том, насколько были объективны критические суждения современников, на которые ссылались его предшественники, и как соотносилась практика XVI–XVII вв. с буквой закона, Корнилов себе не задавал. Собственно, такое легкое верие характерно практически для всей тогдашней российской и польской историографии. Кроме того, следует учитывать, что вообще в России сильно акцентировалась, нередко – преувеличивалась тяжесть крепостнического гнета в давнем Польском государстве. Этому содействовало укорененное в русском обществе представление о крепостном праве в России екатерининских времен как о некоем эталоне крестьянской зависимости в эпоху раннего Нового времени, – в таком ключе и трактовались аграрные порядки в Польше.

¹⁴⁴⁷ Корнилов А.А. Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском // Русская мысль. 1894. Февраль. С. 95.

¹⁴⁴⁸ Lubomirski. T. Rolnicza ludność w Polsce. Warszawa, 1862. S. 9.

Вероятно, сказывалось и всегдашнее сочувствие русского общества к простонародью Речи Посполитой – не только либералы, но и консервативно настроенные авторы с готовностью обличали угнетение народа польской шляхтой. В итоге и появлялись утверждения вроде не вызвавшей никаких сомнений у Корнилова приведенной выше цитаты из Любомирского, – хотя торговли крепостными «порознь или вместе с семьею» в Речи Посполитой, как убедится наука Новейшего времени, никогда не было (продавали землю вместе с сидящими на ней крестьянами).

Отмечая недостаточную осведомленность предшественников Корнилова и его самого в вопросе о правовом статусе крепостной деревни в Речи Посполитой и излишнее их доверие к публицистике, не приходится, однако, забывать о том, что бесхитростное доверие к явно тенденциозным суждениям Моджевского и других публицистов XVI в. сохранится в нашей полонистике в течение почти всего XX века. Лишь ближе к его концу пойдет пересмотр устоявшихся представлений о положении тогдашней деревни¹⁴⁴⁹.

Более подробно – и с большим знанием дела – Корнилов остановится на попытках аграрных преобразованиях второй половины XVIII в., когда в среде польского дворянства с трудом, постепенно, но проникало осознание необходимости и неизбежности широкой крестьянской реформы. Положительно оценивая проекты Анджея Замойского и других реформаторов, он вместе с тем подчеркивал их малую результативность. Любопытно, что к концепции Тадеуша Корзона, как она изложена в его классической «Внутренней истории Польши при Станиславе Августе» (1882–1886), Корнилов отнесся скептически, поскольку, по его словам, у того «более розовый взгляд на отношение шляхты к крестьянскому вопросу»¹⁴⁵⁰. Можно думать, русскому историку представлялось, что производимый Варшавской исторической школой, одним из лидеров которой был Корзон, коренной пересмотр традиционных представлений о полной деградации польского общества в XVIII в. был продиктован лишь злободневно-политическими мотивами.

¹⁴⁴⁹ См., в частности: Якубский В.А. Польское крестьянство в XVI – середине XIX в. // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. В 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 248–272.

¹⁴⁵⁰ Корнилов А.А. Судьба крестьянской реформы... С. 96.

Сказав о том, как решался аграрный вопрос в Конституции 3 мая 1791 г., Корнилов, тем не менее, настаивал на том, что «личная свобода крестьян и неприкосновенность занятой ими земли были в первый раз провозглашены в Польше накануне ее окончательного крушения Поланецким универсалом Костюшки 1794 года». Но поскольку универсал этот, изданный революционным правительством накануне окончательного крушения Польши, никогда не был применен на практике, «при переходе отдельных частей Польши под власть иностранных правительств крепостное право осталось в ней в полной силе»¹⁴⁵¹.

С переходом к XIX столетию – к временам Герцогства Варшавского и Царства Польского, автор, судя по всему, почувствовал себя гораздо увереннее. Здесь он уже выступает именно как исследователь, хорошо знающий законодательные акты этого периода, достаточно трезво оценивающий их результативность – и потому более критично воспринимающий те суждения, какие находил в литературе. В работе были проанализированы такие сложные, неоднозначные по своим последствиям явления, как перенос на польскую, можно сказать – вполне еще феодальную, – почву буржуазных правовых норм Кодекса Наполеона или издание декрета 1807 г. Основное ядро монографии составил детальный разбор этапов российской аграрной политики в Царстве Польском на протяжении примерно восьми десятилетий, насыщенных, как известно, резкими поворотами и драматическими событиями.

Примером авторского анализа способно служить рассмотрение указа 26 мая 1846 г., которым впервые вводилось в Царстве Польском понятие неприкосновенности крестьянской земли, – его предпосылки, соотношение с другими актами (в том числе с конституциями 1807 и 1815 гг.) и последствия. По мнению Корнилова, причиной того, что затем не последовали развивающие идею этого указа акты, заменяющие в частности барщину очиншеванием, явилось «сильное несочувствие» со стороны высшей администрации в крае в лице императорского наместника князя Паскевича. Тот полагал, «что крестьяне в Царстве Польском уже достаточно облагодетельствованы кодексом Наполеона и указом

¹⁴⁵¹ Корнилов А.А. Судьба крестьянской реформы... С. 97.

26 мая 1846 года, а что обязательное очиншевание – мера несправедливая относительно помещиков»¹⁴⁵².

Позицию Паскевича ученый никак не одобрял. Но для исследовательской манеры А.А. Корнилова весьма характерна делаемая им существенная оговорка, которая показывает, что формальный подход к правовым актам его уже не мог удовлетворить и он соотносил букву закона с житейскими реалиями. Он пишет: «В настоящее время можно, впрочем, думать, что неисполнение этого намерения оказалось, в конце концов, в пользу, а не во вред крестьянам. Несомненно, что обязательное очиншевание, если б эта мера была принята в то время, повела бы за собой уничтожение крестьянских сервитутов, подобно тому, как это случилось в Пруссии и в казенных имениях Царства Польского»¹⁴⁵³. Не меньшего внимания заслуживает и предлагаемая Корниловым трактовка целей аграрной реформы 1864 г. в Царстве Польском. Мотивы действий правительства были объяснены им так: «Интеллигенция страны скомпрометировала себя в его глазах открытым восстанием; естественно явилась мысль опереться на народную массу, которая, будучи еще в первобытном состоянии культуры, не проявляла никаких сознательных патриотических чувств и политических или национальных стремлений, а в силу социально-экономических условий, в которых находилась тогда, была враждебно настроена по отношению к высшим интеллигентным классам страны, служившим главным фактором только что усмирённого восстания»¹⁴⁵⁴.

Книга 1894 г., что нельзя не отметить, демонстрировала вкус автора к занятиям социально-экономической проблематикой и настойчивое стремление анализировать наблюдаемые им тенденции в развитии пореформенной польской деревни. Сухое перечисление фактов его не удовлетворяло, он искал каузальные связи между ними. Другими словами, труд А.А. Корнилова являл собой достаточно успешный опыт применения новой, перспективной исследовательской методики – абсолютно чуждой, скажем, тому же М.К. Любавскому.

¹⁴⁵² Корнилов А.А. Судьба крестьянской реформы... С. 106.

¹⁴⁵³ Там же.

¹⁴⁵⁴ Там же. С. 54.

А.А. Корнилов, сделавший себе имя¹⁴⁵⁵ в отечественной полонистике как автор «Судьбы крестьянской реформы в Царстве Польском», не оставил занятия наукой и в последующие годы – в период всероссийских и мировых потрясений. К этому времени относится его книга «Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века», вышедшая в Петрограде в 1915 г.

В контексте заявленной темы она представляет интерес не в последнюю очередь потому, что дает возможность проследить за эволюцией (если есть основания о таковой говорить) воззрений А.А. Корнилова на историю Польши и так называемый польский вопрос. Лишним доводом в пользу (пусть краткой) характеристики этой небольшой монографии может служить признание самого автора, что «в настоящем издании воспроизводится текст двух /.../ статей по польскому вопросу, напечатанных в "Русской мысли" за 1915 год: в январской и мартовской книжках», свидетельствующее, по крайней мере, о том, сколь большое значение А.А. Корнилов придавал рассмотрению данного вопроса. Тем более что здесь же присутствовало примечание: «текст этот перепечатывается почти без всякой переработки. Ему предпосылается лишь более подробный очерк истории разделов Польши в XVIII веке и переделов Польской земли в начале XIX столетия: в 1807, 1809 и 1815 гг.»¹⁴⁵⁶.

Нельзя не сказать, что в этой книге едва угадывается автор «Судьбы крестьянской реформы...» – строгий аналитик, склонный к скрупулезному, поэтапному разбору конституций, иных актов, имевших отношение к крестьянскому вопросу (Органического статута 1832 г. и др.). Корнилов в своей книге 1915 г. скорее следовал распространенной в России начала XX ст. практике создания сводных, обзорных трудов, но при этом, по своему обыкновению, демонстрируя превосходное знание литературы предмета. Здесь он выступает не столько как историк, сколько как политик, пропагандист, агитатор. Его задача – не только продемонстрировать свою позицию, но и склонить к ней своих читателей. Учитывая, что написано это было в 1915 году, когда участники войны разыгрывали

¹⁴⁵⁵ Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. С. 49–74.

¹⁴⁵⁶ Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Исторический очерк с тремя картами. Пг., 1915. С. б.п.

польскую карту каждый на свой лад, когда уже прозвучало (август 1914 г.¹⁴⁵⁷) воззвание верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича к полякам, содержащее в себе проект, который «в сущности воспроизводил давнишнюю мысль Александра I», и, как образно характеризует его один из чиновников российского внешнеполитического ведомства той поры, «знаменательно то, что русскому правительству пришлось подобрать вожжи в польском вопросе там, где они упали сто лет тому назад на Венском конгрессе»¹⁴⁵⁸. Так или иначе, но с началом войны польский вопрос в исторической литературе и публицистике действительно приобретает несколько иное звучание. В чем это выражается?

Похоже, что именно обновленная в связи с изменившейся в Европе военно-политической ситуацией подоплека польского вопроса вынуждала А.А. Корнилова многократно прибегать к повторам, напоминать не раз сказанное его предшественниками, иными словами – нередко передавать ставшую уже хрестоматийной информацию. Нельзя не заметить, что в данной своей книге Корнилов далек от того, чтобы заниматься собственными изысканиями, он не просто идет проторенным путем, на этом пути он зачастую предпочитает выдвигать на первый план мнения своих коллег по перу (надо полагать, совпадающие с его собственным мнением).

Почти в самом начале своей книги (опирающейся на довольно солидный пласт русской и польской литературы вопроса) Корнилов, нимало не смущаясь, пишет, например, следующее: «Достаточно прочесть у Костомарова коротенький, но ярко написанный обзор многовековой борьбы Руси и Польши, начавшейся еще в X веке, или на польском языке столь же сжатый очерк проф. М. Бобржинского о том, как складывались внешние границы и внешняя политика Польши в последние века ее самостоятельного существования, чтобы ясно представить себе те *внешние* (курсив в оригинале. – Л.А.) обстоятельства, которые подготовили раздел Речи Посполитой»¹⁴⁵⁹, что едва ли не освобождало его,

¹⁴⁵⁷ Воззвание, в котором, хоть и «возвещалось объединение всех трех частей Польши ”под русским скипетром” и с полной внутренней автономией», в действительности же, как особо подчеркивает Г.Н. Михайловский, «слово ”автономия” было произнесено только год спустя в правительственной декларации Горемыкина 19 июля ст. ст. 1915 г.» – Михайловский Г.Н. Записки. Из истории Российского внешнеполитического ведомства. 1914– 1920. В 2 кн. Кн. 1. М., 1993. С. 57.

¹⁴⁵⁸ Там же.

¹⁴⁵⁹ Корнилов А.А. Русская политика в Польше... С. 5.

как автора, от дальнейшего изложения событий. Но дело даже не в том, что Корнилов излагал «русскую политику в Польше со времени разделов до начала XX века», в очередной раз в нашей литературе воссоздавая событийную канву, важнее другое.

Важнее то, что в связи с трактовкой польского вопроса А.А. Корнилов, с одной стороны, остается в русле традиционных в нашей литературе заключений, а, с другой (похоже, не слишком заметно для себя самого и своих читателей) опрокидывает устоявшиеся представления. Приведем в качестве примера пару авторских рассуждений, касающихся истории вопроса.

Прежде всего, Корнилов считал необходимым напомнить, что: «Мысль о разделе Речи Посполитой возникала многократно задолго до ее осуществления. С особенной настойчивостью она стала предлагаться с тех пор, как сама польская республика начала впадать в состояние внутреннего расстройств и разложения. /.../ Участвовать в предположенных тогда разделах должны были, конечно, ближайшие соседи Польши и прежде всего те из них, которые издавна имели с ней самые серьезные счета (подчеркнуто нами. – Л.А.) – Россия и Пруссия». Уверенно излагая суть дела, Корнилов продолжал: «Для России вопрос об отвоевании от Польши старинных русских земель ставился вполне определенно, как первостепенная государственная задача, еще при Иване III, причем наряду со старинными русскими областями уже московские цари добивались отвоевать и все земли русско-литовского великого княжества (подчеркнуто нами. – Л.А.), соединившегося с Польшей окончательно лишь в XVI веке»¹⁴⁶⁰. Казалось бы, здесь не было ничего нового, в том числе, что касается акцентирования внутренних причин падения Польши. Однако чрезмерное подчеркивание издавна имевшихся «серьезных счетов» между соседями и особенно намерение не ограничиться только «старинными русскими областями», шло несколько вразрез со сложившейся схемой, согласно которой речь должна была идти не столько об участии России в разделах, сколько о возвращении исконно русских земель и отсутствии желания посягать на «чужое». В то же время, вполне в духе утвердившихся в России стереотипов восприятия польских политических реалий

¹⁴⁶⁰ Корнилов А.А. Русская политика в Польше... С. 6.

XVII–XVIII веков, Корнилов напоминал, что раздел Речи Посполитой стал практически неизбежен, когда «польская республика начала впадать в состояние внутреннего расстройств и разложения», что выступает как своего рода оправдание действий стран-участниц разделов.

Когда Корнилов писал, что «Польша, /.../ принявшая на себя "цивилизаторскую" миссию на востоке, стремилась овладеть не только литовскими и русскими землями до Западной Двины и Днепра, но и землями, входившими в состав московского государства, грозя при этом самому существованию последнего», а также напоминал, как «король прусский Фридрих I, /.../ и сам польский король Август II-ой /.../ делали /.../ Петру Великому соблазнительные предложения о разделе между ними частей польского государства»¹⁴⁶¹, – он, по сути, признавал, что еще в бытность первого русского императора Польша не слишком отличалась от поднимавшейся в начале XVIII столетия, коль скоро экспансионистские аппетиты поляков были способны, по его собственным словам, угрожать «самому [России] существованию».

Особого внимания к себе требует вопрос о том, как понимал ученый (и, что следует подчеркнуть, не только он один) часто фигурирующее и в польской, и в русской литературе применительно к Речи Посполитой выражение «демократичная (демократическая) Польша». На этом вопросе А.А. Корнилов специально остановился в одной из своих работ, относящихся к тому же периоду: «Русская политика в Царстве Польском после восстания 1863 г.» (Пг., 1915).

Дело в том, что еще в своем «крестьянском» цикле статей А.А. Корнилов вступил в полемику с В.Д. Спасовичем – как известно, ревностным угодником, и вместе с тем (и, прежде всего) убежденным польским патриотом. Так, петербургский поляк утверждал, что «несправедливо /.../ укорять современное общество польское в том, что оно не демократично, но оно демократично по-своему. Оно ближе стоит к европейскому Западу». Корнилов, процитировав эту тираду, констатировал: «Спасович говорит это с гордостью»¹⁴⁶². Сам же русский автор не разделял чувств своего коллеги по перу, поскольку, по словам Корнилова,

¹⁴⁶¹ Корнилов А.А. Русская политика в Польше... С. 6.

¹⁴⁶² Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. СПб., 1905. С. 434.

«мы повторяем это с горечью, в печальном раздумье о будущем польского народа. Конечно, можно и теперь сказать, что общество польское демократично, но оно буржуазно-демократично, если можно так выразиться, и вряд ли в этом можно видеть залог хорошего и счастливого будущего для него...»¹⁴⁶³. Судя по всему, Корнилова не устраивала перспектива для Польши идти проторенным путем западной буржуазной демократии.

Если, как видим, Корнилов все же считал современное ему польское общество демократичным, то, возникает вопрос, *что* он имел в виду, когда писал: «...на почве этой реформы [Н.А. Милютин] выросла современная демократическая Польша»? Не то ли, что «выросшая» демократическая Польша – это заслуга России? Похоже, что да. Больше того, это – по его логике, и есть цель России. Ибо, по словам Корнилова, «только с демократической Польшей Россия и может иметь надежду окончательно размежеваться на справедливых и приемлемых для обеих сторон условиях»¹⁴⁶⁴. Такая постановка вопроса была, по всей видимости, продиктована надеждой на то, что (если вновь цитировать работу 1915 г.), «с Польшей, демократизированной и освобожденной от клерикально-просветительных стремлений, но вовсе не лишенной самостоятельности, возможно будет заключить прочный договор, выгодный и для нее, и для России»¹⁴⁶⁵. Нельзя сказать, что Корнилов всегда в должной мере бывал так уж последователен. Он мог без особой симпатии, даже с налетом снисходительности, написать: «Позиция Герцена в то время была явно утопическая – сантиментально-романтическая – и притом с резко выраженными славянофильскими нотами», а затем, нимало не смущаясь, принять формулировку политической задачи России в Польше, предложенную классическими, так сказать, славянофилами – А.Ф. Гильфердингом и Ю.Ф. Самариним.

В итоге получалось, что политическая задача России в Царстве Польском «заключалась в том, чтобы, с одной стороны, перестроить социальный строй Польши – сделать ее страной демократической, а с другой – постараться уничтожить или, по крайней мере, ослабить в ней те миссионерские и культуртре-

¹⁴⁶³ Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения... С. 434.

¹⁴⁶⁴ Корнилов А.А. Русская политика в Царстве Польском после восстания 1863 г. Пг., 1915. С. 36.

¹⁴⁶⁵ Там же. С. 15.

герские тенденции, которыми она оправдывала свое стремление на Восток и на почве которых развивалась многовековая борьба ее с Русью»¹⁴⁶⁶. Оставляем без комментария избранную автором формулировку, согласно которой выходило, что Россия была в состоянии сделать Польшу «страной демократической». О какой России писал Корнилов?

Не меньшую активность на ниве отечественной полонистики в первой трети XX в. проявлял Александр Львович Погодин (1872–1947). Как справедливо подчеркнула С.М. Фалькович, А.Л. Погодин был среди тех русских историков (современной исследовательницей названы также Н.В. Берг, А.А. Сидоров), кто на рубеже XIX–XX вв. более объективно взглянул на польские восстания XIX столетия¹⁴⁶⁷. Славистическое наследие А.Л. Погодина получило освещение в ряде трудов Л.П. Лаптевой, в том числе, в упомянутой монографии¹⁴⁶⁸.

Вместе с тем, с точки зрения анализа отличавшего А.Л. Погодина от многих его коллег по перу отношения к полякам и польскому прошлому, заслуживали бы большего внимания его полонистические труды¹⁴⁶⁹. Коснемся здесь лишь двух из них: «Главные течения польской политической мысли (1863–1907)» (1907) и «Очерк истории Польши» (1909). Вышедшие с небольшим разрывом по времени, эти столь непохожие друг на друга работы способны дать известное представление о Погодине как исследователе и, одновременно, историке-популяризаторе прошлого Польши.

Автор «Главных течений...», убежденный, что основная причина неудачи русско-польского примирения заключалась «в полном взаимном незнакомстве и непонимании», решил познакомить «русское общество с главными течениями польской политической мысли (в Царстве Польском) после восстания 1863 го-

¹⁴⁶⁶ Корнилов А.А. Русская политика в Царстве Польском... С. 3, 15.

¹⁴⁶⁷ Falkowicz S. Polska problematyka w rosyjskiej historiografii // «O nas bez nas». Historia Polski w historiografiach obcojęzycznych. Poznań, 2007. S. 101–122.

¹⁴⁶⁸ Лаптева Л.П. 1) Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А.Л. Погодина // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. М., 2010; 2) Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011; 3) История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012.

¹⁴⁶⁹ Погодин А.Л. 1) Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907; 2) Очерк истории Польши. М., 1909; 3) Польша перед восстанием 1830 г. // Русское богатство. 1912. № 8 – 9; 4) Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. М., 1912; 5) Лекции по истории польской литературы. Ч. 1. Средние века и польско-латинский гуманизм первой половины XVI века. Харьков, 1913; 6) История польского народа в XIX веке. М., 1915.

да». Погодину, по его собственным словам, казалось, что «я, русский, стоящий вне польских партий, могу отнестись объективно ко всем им, снять с них те незаслуженные обвинения, которые слышатся в русском обществе»¹⁴⁷⁰. Цель книги была им сформулирована следующим образом: «дать возможно полный, беспристрастный и документальный обзор тех направлений, какие приняла польская политическая мысль от конца восстания до наших дней»¹⁴⁷¹.

Но, что обращает на себя внимание (и, вместе с тем, несколько удивляет): Погодину, известному своими полонофильскими настроениями, показалось уместным начать свое изложение с такой цитаты из «Воспоминаний о молодости» (Львов, 1895) одного из современников Январского восстания, некоего Стецкого: «Горсточка безумцев, в начале очень немногочисленная и даже в конце 1862 года не превышавшая нескольких десятков тысяч человек, навязала свою волю всему обществу, десяти с лишком миллионам, не желавшим начинать борьбу с Россией»¹⁴⁷². Кроме того, сам Погодин счел нужным тут же (и, пожалуй, слишком поспешно для серьезного исследователя) констатировать: «Можно сказать, что восстание 1863 года осуждено польским историческим сознанием»¹⁴⁷³.

В целом, несмотря на свой внушительный объем, как всегда – солидный научный аппарат, и бесспорную эрудицию автора, «Главные течения польской политической мысли» порой больше напоминают злободневный политический памфлет, появившийся на свет в ту пору, когда «выступили на сцену старые счеты, и всеми почувствовалось, что старые предубеждения, старые предрассудки, не так легко забываются»¹⁴⁷⁴. Примечательно, что А.Л. Погодин в своей книге констатирует, что польский вопрос, по его выражению, «вдруг оказался одним из самых жгучих вопросов нашей современности», но, что важнее, по мнению историка, он видел главную причину «неудачи русско-польского примирения /.../ в полном взаимном незнакомстве и непонимании»¹⁴⁷⁵. Показатель-

¹⁴⁷⁰ Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907. С. VI.

¹⁴⁷¹ Там же. С. VIII

¹⁴⁷² Там же. С. 1.

¹⁴⁷³ Там же. С. 2.

¹⁴⁷⁴ Там же. С. V.

¹⁴⁷⁵ Там же. С. V, VI.

но также, что аналогичным образом оценивали состояние русско-польских отношений и другие авторы¹⁴⁷⁶.

Понимание А.Л. Погодиным давних и современных польских дел особенно рельефно выступает в его появившемся вскоре, в 1908 г., «Очерке истории Польши». Книга, очевидно, имела успех, поскольку через год понадобилось ее второе издание, вышла она в серии «Библиотека для семьи и школы». И по отбору материала, и по манере изложения «Очерк...» – научно-популярная книга для юношества (уже в наши дни он будет вновь переиздан¹⁴⁷⁷ в сочетании с никак не рассчитанным на юного читателя «Очерком истории государственного и общественного строя Польши» Станислава Кутшебы, крупнейшего знатока истории польского права). Но, думается, это обстоятельство нисколько не мешает использовать книжку 1909 г. для характеристики воззрений А.Л. Погодина на польскую историю – и, в частности, его понимания тех причин, которые в свое время свели Речь Посполитую в могилу и обусловили дележ польских земель между тремя соседними державами. Скорее всего, именно такой характер повествования заставлял автора более четко (пусть и несколько упрощенно) излагать свои мысли по поводу судеб Польши (хотя, разумеется, этот исторический очерк не идет ни в какое сравнение с монографией А.Л. Погодина 1915 г. «История польского народа в XIX веке»).

Уже в первой главе, охватывающей период от легендарных времен до конца Средневековья, автор констатировал, что в XV в. «зрели и те внешние и внутренние силы, которые погубили Польшу»¹⁴⁷⁸. Здесь же отмечены неблагоприятные внешнеполитические обстоятельства. В самой же Польше «шли раздоры вельмож с низшим дворянством, дворянства с городами и их всех вместе с королем». По словам автора, подводящего итоги состоянию страны в период средневековья, «не то удивительно, что Польское государство падет в

¹⁴⁷⁶ Годом раньше книги А.Л. Погодина вышло сочинение Л. Василевского, где он, в частности, писал: «...нельзя сказать, чтобы русское общество отдавало себе отчет в том, что происходит в Польше. Большинство русских очень мало знакомо с польскими отношениями». – Василевский Л. (Плохоцкий). Современная Польша и ее политические стремления. СПб., 1906. С. V; Р. Дмовский в эти же годы пишет о так называемом «новом польском вопросе». – Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909. С. 14.

¹⁴⁷⁷ Погодин А.Л. История Польши // История Польши. М., 2002. Ср.: Кутшеба С. История государственного и общественного строя Польши // Там же.

¹⁴⁷⁸ Погодин А.Л. Очерк истории Польши. М., 1909. С. 73–74.

XVIII веке, а то, что оно смогло просуществовать еще триста лет»¹⁴⁷⁹.

Погодин вполне согласен с тем, что XVI столетие – действительно «золотой век» в истории Польши. Но все же и тогда дела, на его взгляд, развивались не лучшим образом. Он считал, что Генриховы статьи «окончательно вводили Польшу в период смут и анархии, в стране «водворилась самая вредная форма правления, *олигархия*»¹⁴⁸⁰, – констатацию последнего трудно оставить без комментария, поскольку с заявлением о водворении олигархии, если речь идет о XVI в., Погодин явно поспешил. Хотя о «мудром, мужественном» Батории Погодиным сказаны добрые слова, в конечном счете, королю поставлено в вину приглашение в страну ордена иезуитов, что, по утверждению историка, было «гибелью для Польши»¹⁴⁸¹.

Двум последним столетиям существования Речи Посполитой автор отвел всего около двадцати страниц, из которых драматическим событиям второй половины XVIII в. вместе с информацией о XIX в. досталось всего две. Проводимые поляками реформы и Конституцию 3 мая 1791 г. в том числе, Погодин одобрял, считая даже, что «будь эти реформы произведены на сто лет раньше /.../ и Польша была бы спасена»¹⁴⁸². Невольно возникает вопрос, как, в таком случае, согласовать данную гипотезу с авторскими же утверждениями о гибельных для страны явлениях еще в период XV–XVI вв.? Но историк пояснений на сей счет не давал. Зато достаточно симптоматично, что ситуация после первого раздела охарактеризована автором следующим образом: «После этого Польша пользовалась в продолжение 20 лет внутренним спокойствием, под покровительством России»¹⁴⁸³.

В контексте заявленной темы еще раз отметим лишь то, что историю российской дореволюционной полонистики фактически замкнет упоминавшаяся ранее «История западных славян» М.К. Любавского. Любавский, будучи (в отличие от Погодина) убежден, что причины падения Польши «коренились в осо-

¹⁴⁷⁹ Погодин А.Л. Очерк истории Польши. С. 72.

¹⁴⁸⁰ Там же. С. 104–105.

¹⁴⁸¹ Там же. С. 116.

¹⁴⁸² Там же. С. 138.

¹⁴⁸³ Там же.

бенностях ее организации и историческом воспитании польского общества»¹⁴⁸⁴, похоже, исходил из того, что у Речи Посполитой вовсе не было никаких шансов уцелеть. Лекционному курсу М.К. Любавского, на протяжении долгих послереволюционных лет пренебрежительно третируемому, а то и попросту изымаемому из обихода, однако, будет суждено стать своего рода связующим звеном между нашей старой наукой и возрождаемыми с конца 1930-х годов, прежде всего, стараниями Владимира Ивановича Пичеты и его молодых коллег полонистическими студиями.

Не будет большим преувеличением сказать, что одним из ключевых событий в первой трети XX века и для Российской империи в целом, и для отечественной исторической науки в частности, стало празднование юбилея Отечественной войны 1812 г. Не осталась в стороне от юбилейных торжеств и отечественная полонистика. Достаточно сказать, что в капитальном семитомном юбилейном издании «Отечественная война и русское общество. 1812–1912» вышли статьи М.К. Любавского («Александр I и Польша»¹⁴⁸⁵), В.И. Пичеты («Международная политика России в начале царствования Александра I (до 1807)»¹⁴⁸⁶, «Александр I и Европа»¹⁴⁸⁷, «Польская конфедерация в 1812 г.»¹⁴⁸⁸), И.С. Рябина («Великое Герцогство Варшавское»¹⁴⁸⁹), А.Л. Погодина («Занятие Польши» и «Наполеон и Литва»¹⁴⁹⁰).

Тогда же под редакцией К. Военского были изданы «Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года» (СПб., 1909–1912). Значимость данного свода источников для расширения и углубления наших представлений об этом периоде польской (и русской) истории, истории русско-польских отношений трудно переоценить. Но нельзя сказать, что он в должной мере используется историками. Возникает вопрос, почему? Один из возможных вариантов ответа сводится к тому, что при всей ценности источниковой базы

¹⁴⁸⁴ Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков). М., 1918. С. 354.

¹⁴⁸⁵ Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. VII. М., 1911–1912. С. 88–104.

¹⁴⁸⁶ Там же. Т. I. С. 152–173.

¹⁴⁸⁷ Там же. Т. VII. С. 57–87.

¹⁴⁸⁸ Там же. Т. III. С. 154–161.

¹⁴⁸⁹ Там же. Т. I. М., 1911. С. 189–197.

¹⁴⁹⁰ Там же. Т. III. С. 148–153, 162–169.

«Актов...» они нередко освещают русско-польские отношения в наполеоновскую эпоху в не самом приглядном для русской исторической традиции ракурсе. Уже сам факт организации поляками Генеральной конфедерации летом 1812 г. способен был поколебать (если не опровергнуть) устойчивые представления об органической неспособности поляков к самоорганизации, сложившиеся в XIX в. в отечественной полонистике.

С другой стороны, содержание воззваний, распространявшихся в те летние 1812 г. месяцы в литовских землях бывлой Речи Посполитой, не оставляло сомнений в том, кого обитатели этих земель считали своим главным противником. В докладе Комиссии, выработавшей акт Конфедерации, в частности, читаем: «Россия – виновница всех несчастий наших. Уже полвека гигантскими шагами надвигается она к народам, раньше даже не знавшим ее имени. Польша первая испытала опасность нарождающейся мощи России, – России, которая, будучи ее соседкой, нанесла ей первый и последний удар»¹⁴⁹¹. Но каково было отношение конфедератов к православному люду? Отношение это было выражено совершенно недвусмысленно: «Несмотря на продолжительную отторгнутость, жители Литвы, Белой Руси, Украйны, Подолии и Волыни – наши братья. Они поляки, как и мы; они имеют право показать себя поляками»¹⁴⁹².

Не исключено, что как раз то обстоятельство, что сведения многих источников, содержащихся в «Актах...», были способны разрушить – или хотя бы поколебать – ставшие привычными историографические конструкции, во многом отвечавшие духу восприятия польского вопроса русским обществом, «Акты...» К. Военского оставались долгое время мало востребованными. Насколько можно судить, в недостаточной степени они используются историками и в настоящее время.

В целом, наблюдения над полонистическими трудами в данной главе убеждают, что российская полонистика в последние десятилетия XIX века, достигнув существенных успехов, вступила в полосу определенного кризиса, вызванного как изменениями в сфере методологии исследований, так и социально-

¹⁴⁹¹ Акты, документы и материалы... Т. I. СПб., 1909. С. 25.

¹⁴⁹² Там же. С. 26.

политическими обстоятельствами внутри империи и осложнениями международных отношений накануне Первой мировой войны. Все это вместе взятое выдвигало на первый план польский вопрос не столько в контексте исторической полонистики, сколько (как это было столетие назад, в ходе Венского конгресса) в контексте внешней политики отнюдь не одной только Российской империи. Как раньше, так и теперь дипломатии стран-соседей готовы были вновь разыграть польскую карту.

Заключение

Судя по наблюдениям над давней российской исторической полонистикой, у С.М. Соловьева были все основания сказать, что «польский вопрос /.../ родился вместе с Россией». На протяжении многих столетий вопрос этот бесспорно играл заметную роль в общественной жизни нашей страны. Особую же остроту он приобретает в XIX веке, которому и посвящена данная диссертация.

Рассмотренные выше материалы убеждают в том, что состояние болезненного для России польского вопроса самым непосредственным образом влияло как на восприятие Польши (в том числе как составной части империи) и поляков в целом, так и на характер и направленность занятий польской историей, на процесс становления и развития российской исторической полонистики. Со всей очевидностью это продемонстрировала резкая интенсификация полонистических студий под впечатлением от Январского восстания.

Наиболее существенным, однако, следует считать то, что обратное влияние также имело место. Другое дело, что оно было не столь очевидным, – и, как раз это, обратное влияние остается недостаточно изученным. К отечественной полонистике XIX в. вполне приложимо грустное наблюдение: «воздействие исторической науки и исторической мысли на массовое историческое сознание представляется тем аспектом историографии, на который не обращалось достаточно внимания»¹⁴⁹³. Разумеется, по силе своего воздействия на общественное мнение мало что сравнится с эмоционально насыщенной художественной литературой, хрестоматийным тому примером могут служить пушкинские стихи 1831 г. и его же «Борис Годунов».

Насколько можно судить, именно из уверенности в том, что как публицистика, так и ученые труды воздействуют на отношение русского общества к полякам, исходили чуть ли не все авторы, в большей или меньшей степени касав-

¹⁴⁹³Мезин С.А. Н.М. Карамзин и историческое сознание русского общества второй половины XVIII – первой четверти XIX века // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Ч. 2. Саратов, 1995. С. 45.

шиеся польской истории. В одних случаях это воздействие подразумевалось, в других – о нем прямо говорится. В его эффективности был, как уже было сказано, глубоко убежден переводчик и издатель вышедшей осенью 1863 г. брошюры И. Лелевеля «Польша и Испания», на взгляд которого причинами неуспешности решения польского вопроса в России, были «наше общественное бессилие, безучастие, наша бездеятельность, а главное – наше незнание»¹⁴⁹⁴. Понятно, что это достаточно расхожее заявление, склонность винить во всех случившихся бедах собственное незнание – отнюдь не новость. Но для состояния, если угодно – ощущения, самооценки отечественной полонистики, такого рода признание имело характер принципиальный, тем более, что уже в начале XX столетия примерно то же самое был вынужден констатировать А.Л. Погодин, полагавший, что «причины неудачи русско-польского примирения» кроются «в полном взаимном незнакомстве и непонимании»¹⁴⁹⁵. Справедливости ради надо заметить, что и сам А.Л. Погодин, и Н.И. Кареев уже имели некоторый (и достаточно позитивный) опыт в налаживании русско-польского диалога.

Вообще, взаимодействие польского вопроса и полонистики (в первом из этих компонентов решительно преобладали стереотипы в сочетании с эмоциями, а во втором – не без труда, но прокладывало себе дорогу позитивное знание) было достаточно тесным. Оперативно реагирующая на злобу дня отечественная полонистика, движение которой само по себе представляет интерес для историка, даже способна служить своего рода индикатором отношения общества к польскому вопросу. Поэтому в Заключении, думается, есть смысл сосредоточиться именно на состоянии полонистических студий и переменах в них.

К началу XX века отечественная историческая полонистика успела пройти достаточно сложный путь своего становления и развития. Подводя итоги рассмотрению этого непростого процесса, обобщая сделанные в главах наблюдения и выводы, прежде всего, необходимо подчеркнуть, что давно практикуемые на Руси студии, посвященные русско-польским взаимоотношениям, и связанные с

¹⁴⁹⁴ Каширин Ф. От переводчика // Лелевель И. Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях М., 1863. С. II.

¹⁴⁹⁵ Погодин А.Л. Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли (1863–1907). СПб., 1907. С. VI.

этим выходы в историю собственно Польши не сразу, не без затруднений и издержек, постепенно, но набирали темп и размах. За долгие годы был накоплен и осмыслен обширный фактический материал, касавшийся Польши и поляков, существенно обогащен приобретенный ранее исследовательский опыт, создан значительный фонд исследований, не говоря уж о массе работ – пусть скорее публицистического характера. Что касается последнего, то это как раз говорит в пользу воздействия польского вопроса как на потребность выразить собственное мнение, так и на стремление сформулировать собственное видение проблемы и методов ее решения.

Но важно отметить и то, что – как бы ни отражались на тональности и направленности наших исторических сочинений острые политические конфликты, осложняемые, в том числе, этноконфессиональными противоречиями, – все равно сохранялась тесная взаимосвязь, взаимодействие русской и польской исторической (если шире – общественной) мысли. На первоначальном этапе это найдет выражение в переплетении русской и польской летописных традиций, в Новое время – даже в условиях внутривосточного противостояния (когда дело дойдет до разделов Речи Посполитой и вхождения Королевства Польского в состав Российской империи) – русско-польские культурные и научные связи не только не порвутся, но заметно окрепнут.

В XIX веке появляются основательные, до сих пор не выпавшие из научного оборота исследования по истории Польши и русско-польских контактов – труды Н.М. Карамзина, В.И. Герье, С.М. Соловьева. Труды этих и ряда других ученых являли собой не только отклик на злобу дня, но и весомый вклад в науку. По отношению к пореформенной эпохе можно уже с уверенностью утверждать, что российская историческая полонистика вырастает в достаточно авторитетную академическую и университетскую дисциплину.

При этом, несмотря на бесспорно сильную политизацию появлявшихся тогда трудов на польскую тему, их эволюция, в конечном счете, все же подчинялась логике нормального, если можно так выразиться, движения исторической мысли. Вполне ощутимые в рассматриваемых выше трудах этнические и конфессиональные пристрастия, политическая ангажированность авторов, все же не

исключали – по крайней мере, в работах, которые делали погоду в российской полонистике – критического подхода к бытовавшим представлениям.

Наглядным примером такого подхода может служить интерпретация предания о подвиге Ивана Сусанина С.М. Соловьевым и Н.И. Костомаровым. Оба маститых ученых, разумеется, не пренебрегали исторической памятью народа, но считали нужным верифицировать даже ту информацию, которая была освящена традицией и приобрела значение национального символа. Не вдаваясь в детали полемики 1862 года между Соловьевым и Костомаровым по поводу Ивана Сусанина¹⁴⁹⁶, скажем только, что для нашей темы наиболее существенно. Существенно то, что оба историка одинаково интерпретировали содержащееся в пожалованной в 1619 г. Богдану Сабинину, зятю Сусанина, царской обельной грамоте сообщение о тех «польских и литовских людях», которые хотели захватить новоизбранного царя. Поскольку у обоих участников полемики имелись все основания считать, что в описываемую пору «поляков не было тогда более в этих местах», они пришли к выводу, что «польские и литовские люди», замучившие Сусанина, – это лишь «воровские козаки», «воровской отряд»¹⁴⁹⁷. Вывод не бесспорен. Но характерно, что авторитетные, олицетворявшие собой целые направления в отечественной науке, ученые пошли наперекор традиции, пренебрегли давним стереотипом – ведь предание об Иване Сусанине принято было трактовать в подчеркнуто антипольском духе.

Однако, говоря о попытке Костомарова и Соловьева по-новому подойти к костромским событиям весны 1613 г., приходится констатировать и то, что полемика 1862 г. не поколебала сложившегося в русском обществе представления. Ярким подтверждением тому может служить сборник статей М.П. Погодина

¹⁴⁹⁶ Тем не менее, нельзя не отметить, сколь сильное воздействие на соотечественников оказала позиция в этом вопросе Н.И. Костомарова. Это видно, например, по двухтомнику Д. Щеглова («История социальных систем от древности до наших дней». Т. I. СПб., 1870. Т. II. СПб., 1889), где он, в частности писал, что: «Костомаров подверг истинному поруганию все, что в русской истории имеет неоспоримое право на уважение истинно русских людей», что для него «самопожертвование Сусанина – миф, т.е. факт, никогда не существовавший». Но Н.Н. Страхов, делавший разбор этих книг Д. Щеглова, справедливо отметил: «Костомаров, по убеждению автора, делал “детски легкомысленные характеристики” и выставлял “противо-научные” положения; но автор, к сожалению, ничем этого не доказывает. /.../ по его мнению, все, несогласное с чувством патриотов, уже поэтому непременно есть противо-научное» (Цит. по: Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Кн. 3. СПб., 1896. С. 263–264).

¹⁴⁹⁷ Соловьев С.М. Соч. Кн. V. М., 1990. С. 11, 343.

«Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями»¹⁴⁹⁸, где, среди прочего, автором была помещена статья 1873 г. «За Сусанина». В этой статье патриарх русской исторической науки энергично выступил против позиции Н.И. Костомарова по поводу Ивана Сусанина, противясь самой мысли, что «Сусанин – миф»¹⁴⁹⁹, а также задался вопросом, так «кто прогнал поляков?»¹⁵⁰⁰.

Отойти от привычной версии и признать, что поляки, официальные инстанции Речи Посполитой не причастны к драме, было тем труднее, что в России как раз в это время заметно усиливались антипольские настроения. Восстание 1863 г. тем более вызвало новую волну подобных настроений, и накал страстей не скоро пойдет на убыль.

Знакомство с отечественной литературой убеждает в том, что если в XIX веке историей Польши у нас интересовались и занимались многие, если массив трудов, посвященных польским проблемам, был достаточно велик, то затруднительно назвать исследователей, для которых польская тематика была главной в их ученой деятельности. Больше других под такое определение подойдет Н.Н. Любавич, – да и то с оговорками. Русские полонисты – это (если допустимо такое выражение) скорее совместители¹⁵⁰¹. Центр тяжести в их разысканиях, как правило, лежал в области русской истории (Н.М. Карамзин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев и другие). В иных случаях на первый план выходила история Западной Европы (Н.И. Кареев), Балкан (В.В. Макушев), Литвы (М.К. Любавский). Такого рода комбинации, с одной стороны, способствовали историко-сравнительному подходу к польскому материалу, с другой – в той или иной степени вели к переносу на польскую почву шаблонов, сложившихся при занятиях историей других стран.

Собственно, чем бы отечественные полонисты ни занимались, они, вполне естественно, ориентировались, прежде всего, на историю России, прилагая к польским сюжетам российские мерки, если точнее – рассматривая польские дела

¹⁴⁹⁸ Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями. М., 1874.

¹⁴⁹⁹ Там же. С. 103

¹⁵⁰⁰ Там же. С. 106.

¹⁵⁰¹ Аналогичное наблюдение обнаруживаем у В.П. Бузескула по поводу русских славистов в целом, хоть и выражено это у него несколько двусмысленно: «...особенно трудно провести границу между славистами, изучающими историю славян, и собственно историками (подчеркнуто нами. – Л.А.). – Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России... С. 392.

под привычным для российской полонистики углом зрения. Российская история, задумывались они над этим или нет, выступала для них эталоном (это и М.П. Погодин, и К.Н. Леонтьев и др.). По адресу графа С.С. Уварова в литературе высказываются разные мнения, зачастую весьма негативные, но следует признать, что его триада включила в себя именно те ценности, какие высоко котировались в русском обществе XIX века¹⁵⁰². Польша же, напротив, в глазах как отечественных историков, так и русской читающей публики являла собой полное отрицание всех трех составных частей триады. Российские историки и публицисты могли по-разному расставлять акценты в уваровском конструкте, но в любом случае итог для поляков (в прошлом и настоящем) всегда оказывался неблагоприятным.

На Польшу отечественные авторы – сознавая это или нет – переносили усвоенные ими чуть ли не с колыбели представления о том, каким должен быть нормальный, так сказать, исторический процесс, и соответствующим образом оценивали явления польского прошлого и настоящего, даже когда эти явления для многих оставались едва знакомыми. Такие сравнения наблюдались многократно, и в центре внимания касавшихся данной проблематики исследователей и любителей были именно различия между российской и польской моделями исторического развития.

Сходства, как правило, при таких сопоставлениях наши авторы не находили, точнее – им по существу изначально был известен результат, и результат отнюдь не в пользу польской стороны. Напротив, нормой было и оставалось подчеркнутое противопоставление России и Польши. Государственные и прочие институты Речи Посполитой, да и вообще чуть ли не вся польская история воспринимались как гибельное отклонение от российского образца. Пожалуй, единственным заметным исключением здесь была тема борьбы поляков против немецкого натиска. Полякам выражалось сочувствие, как объекту германизации

¹⁵⁰² И это вне зависимости от того, что сравнительно недавно В.А. Дьяков писал о «печально знаменитой триаде православие, самодержавие и народность», которой, по его вполне справедливой оценке, «во многом были созвучны ученые труды М.П. Погодина, М.О. Бодянского /.../ и других русских славистов». – Дьяков В.А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) // Методологические проблемы истории славистики. М, 1978. С. 240.

(одновременно, правда, и упреки в том, что они не смогли отстаивать интересы всего славянства), но в остальном их обычно воспринимали как антиподов. Нечего и говорить, что при этом даже у классиков – Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева – нередко обнаруживались двойные стандарты при сопоставлении, скажем, деяний королей Речи Посполитой и российских самодержцев.

Дело, впрочем, обычно не ограничивалось антитезой: «Польша – Россия». Многие воспринимали Польшу как изгоя всего славянского мира, а Речь Посполитую – вообще как уникальное, и нежизнеспособное, явление, что, помимо прочего, снимало с восточного соседа Речи Посполитой всякую вину за ликвидацию польской государственности. Ликвидацию эту воспринимали как дело неизбежное, исторически предопределенное. Априори признаваемая нежизнеспособность Речи Посполитой практически исключала необходимость изучения этого государственно-политического образования из числа вопросов, подлежащих углубленной разработке в отечественной полонистике.

Такой подход почти обязательно предусматривал акцентирование также и этноконфессиональных различий. Латинство поляков расценивалось как черта, которая губительным образом сказалась на судьбе народа и отгородила поляков от прочих славян, даже католиков чехов, словаков или хорватов.

Тенденция подчеркивать, нередко – утрировать отличия социально-политического развития Польши от соседних монархий будет прочно держаться в XIX веке, и перейдет в век XX. Писавшие об этом профессионалы и любители не склонны были замечать сохранения в Речи Посполитой достаточно сильной династической тенденции, в то же самое время не принимая в расчет (или, по крайней мере, стараясь не акцентировать) потрясения, переживаемые Русским государством после смерти Ивана Грозного, или ситуацию во второй четверти XVIII века, вдохновившую в 1860-е годы М.Е. Салтыкова-Щедрина на включение в «Историю одного города» главы, которая носит название «Сказание о шести градоначальницах» и снабжена красноречивым подзаголовком: «Картина глуповского междоусобия».

С одной стороны, открытая или подспудная ориентация на отечественную историю при занятиях историей польской в известной мере даже усиливала ис-

следовательский потенциал, стимулируя сравнительно-исторические изыскания. С другой, автор зачастую брался за польские сюжеты во многом с уже готовым, и нередко весьма предвзятым мнением, и в силу этой предвзятости ему фактически оставалось лишь подбирать соответствующий иллюстративный материал для подтверждения заранее данного тезиса.

Иными словами, априорные установки, примерка польских реалий к хорошо знакомой, прежде всего – «своей» исторической ситуации, выливались по преимуществу в подчеркнутое противопоставление польского варианта исторического процесса тому, что наблюдалось в России, хотя нередко – в ход шли примеры других стран. И, что важно подчеркнуть, в известной мере эти априорные установки способны были ощутимо осложнять развитие исторической мысли в сфере полонистики.

Впрочем, представление об уникальности государственного строя Речи Посполитой и эффектное противопоставление «шляхетской демократии» государственному устройству других европейских держав прочно вошло, как известно, и в самую польскую историографию. При этом такая исключительность истолковывалась по-разному. Если для Иоахима Лелевеля и его последователей такого рода противопоставление являлось предметом известной гордости, то для историков Краковской школы именно в этом крылась первопричина падения Речи Посполитой. Что же касается российской исторической публицистики и науки XIX в., то они оценивали своеобразие польских государственных институтов однозначно отрицательно. В глазах наших полонистов – и, очевидно, их читателей – Речь Посполитая выглядела аномалией, которая была обречена на гибель. На противопоставлении «самодержавие – шляхетское беззаконие» базировалось большинство российских исторических построений.

Нельзя не заметить, что для такой, лестной российским государственным, антитезы известные основания имелись. Но здесь многое надо отнести и на счет исторической аберрации. Собственно, подход к истории Польши – в особенности к истории Речи Посполитой – как к явлению уникальному, отклонению от некой нормы, трагической аномалии, будет унаследован и последующей исто-

риографической традицией. В особенности это относится к освещению истории государства и права.

Априорная убежденность в том, что едва ли не все беды Речи Посполитой проистекали из особенностей ее государственно-правового устройства (каковое, в свою очередь, нередко объявлялось производным от национального характера), толкала российских профессионалов-историков, а тем более дилетантов на пренебрежение хронологией явлений. Однако если обращаться к реалиям XVI–XVII вв., которые были в основном хорошо известны и полтора столетия тому назад, то вырисовывается несколько иная картина. Как известно, максимум политического усиления Польского государства пришелся как раз на время торжества «шляхетской демократии».

Если еще Н.М. Карамзин, касаясь событий польской истории, в основном придерживался канонов, сложившихся в литературе XVIII в., то постепенно в историописание будут проникать более современные идеи и методы. При обращении к пореформенной полонистике, гораздо более зрелой в научном отношении и потому требующей к себе более пристального внимания, на первый план выходят показатели, тесно связанные с теми переменами, что происходили как в общественно-политической сфере, так и в недрах самой науки.

Соотнесение, сбалансирование этих двух показателей – общественно-политических и собственно научных начал – как известно, реализуется по-разному. Как уже говорилось во Введении, попытки разработать периодизацию, опирающуюся на методологические показатели, используя при этом общую стадияльно-типологическую схему движения исторической мысли XIX века, тем более – длинного XIX века (идейное наследие эпохи Просвещения – романтизм – позитивизм – неокантианские веяния), наталкиваются на значительные трудности.

Прежде всего, нельзя не считаться с недостаточной разработанностью понятийного аппарата, с нередким использованием вневременных либо второстепенных характеристик в качестве классообразующих признаков, понятия «романтик», «позитивист» зачастую толкуются в литературе слишком растяжимо и неопределенно. Этому в немалой степени способствует то обстоятельство, что

среди славяноведческих трудов позапрошлого века трудно отыскать рафинированные образчики той или иной методологии: решительно преобладали авторы и книги, чье разнесение по методологическим рубрикам требует массы уточнений и оговорок. Причисление историка к тому или иному методологическому направлению затруднено еще и тем, что его собственные декларации на этот счет не всегда подтверждались исследовательской практикой.

В таких условиях неудивительно, что по поводу методологии (да и иных характеристик) пореформенных работ на темы из польской истории можно встретить в литературе самые разные, нередко полемически заостренные утверждения. При этом заметна тенденция подчеркивать (порой – и несколько преувеличивать) черты, унаследованные пореформенными полонистами от своих предшественников. Так, по словам В.А. Якубского, полонистика 1860-х годов есть «прямое, органичное продолжение традиций, сложившихся в первой половине XIX в.», и «по направленности своего внимания, по духу и стилистике книги 1860-х годов сродни выходившим в дореформенную пору писаниям на польскую тему М.П. Погодина, А.С. Хомякова и др.»¹⁵⁰³. Родство, бесспорно, ощутимо, направленность и дух (если понимать под ними, прежде всего, осуждение польской безурядицы и возложение вины за падение Речи Посполитой на самих поляков) остаются прежними. Но столь же бесспорно, что исследования Соловьева, Костомарова, Трачевского по своему уровню не имели себе аналогов в дореформенную пору, и акцент, думается, должен быть поставлен именно на этом.

Рассматривая состояние отечественной полонистики последней трети XIX в., когда взаимодействие российской и польской исторической науки становится все более тесным, едва ли можно абстрагироваться от того, как поляки характеризуют методологические сдвиги в своей историографии тех лет. Польскую историческую продукцию, увидевшую свет после неудачи восстания 1863 года, они уверенно записывают за позитивизмом. Оплотом позитивизма признана Варшавская школа – не даром за Тадеушем Корзоном, Владиславом Смоленским и их сподвижниками еще у современников утвердилось прозвание «вар-

¹⁵⁰³ Якубский В.А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып.2. СПб., 2000. С. 3–4.

шавские позитивисты». Однако и их идейных противников – Валериана Калинку, Юзефа Шуйского, Михала Бобжиньского, представлявших Краковскую школу, – тоже причисляют к позитивистам. В широко известной антологии М.Х. Серейского «Историки об истории» все вышеназванные ученые фигурируют в рубрике «История под знаком позитивизма»¹⁵⁰⁴.

Российские полонисты с такой постановкой вопроса, насколько известно, чаще всего согласны. Что касается российской полонистики, Л.П. Лаптева в свое время констатировала, что хотя в конце XIX – начале XX вв. позитивисты обратились к экономическим и социальным проблемам, «их исследования составляют лишь незначительную часть русских трудов по истории Польши»¹⁵⁰⁵. Даже если пропорция была именно такова и в начале XX века «значительная часть обзорных работ носила публицистический характер и была призвана решать скорее политические, чем научные задачи»¹⁵⁰⁶, есть ли основания для столь безоговорочного приговора российской полонистике рубежа XIX–XX вв.?

Вообще новаторские исследования – это все же штучный товар. Трудно вообразить себе ситуацию, при которой они численно превосходили бы работы традиционного направления. Монографии Н.Н. Любовича, Н.И. Кареева, а затем А.А. Корнилова, А.Л. Погодина и других наших ученых, в самом деле, можно пересчитать по пальцам и они составляли небольшую долю всей отечественной продукции такого рода. Но значит ли это, что не они делали погоду в отечественной полонистике, не они определяли ее место в отечественной и европейской науке? Не оттого ли полонистическое наследие Н.И. Кареева до сих пор остается недостаточно изученным, не оттого ли творчество А.Л. Погодина лишь недавно стало предметом специального исследования (и детального исследования ожидают его полонистические труды)?

В капитальной «Истории славяноведения в России» Л.П. Лаптева отнесла к 1890-м годам процесс «смены научных направлений, когда, например, в области изучения истории славян наступает заметный отход от романтических теорий и

¹⁵⁰⁴ Serejski M.X. Historycy o historii. Warszawa, 1963. S. 127–400.

¹⁵⁰⁵ Там же. С. 190

¹⁵⁰⁶ Там же. С. 189.

переход к позитивизму и иным методологическим течениям»¹⁵⁰⁷. Наблюдение, возможно, справедливо для некоторых славистических отраслей. Но к полонистике оно едва ли подходит – можно ли отнести, допустим, Н.Н. Любовича – автора «Кальвинистов и антитринитариев» (1883) или Н.И. Кареева с его «”Падением Польши” в исторической литературе» (1888) по их методологическим установкам к числу романтиков? На долю романтизма разве что следует записать сохранявшееся в 1890-е годы (но тут уж виной всему, пожалуй, юбилеи – второго и третьего разделов) убеждение, что особенности государственно-политического устройство Речи Посполитой есть свойство национального характера поляков.

Впрочем, Л.П. Лаптева прекрасно понимает особенности отечественной полонистики. По ее словам, «уже на раннем этапе развития /.../ позитивисты в своих конкретно-исторических исследованиях отводили главную роль источникам и стремились на основе их анализа к максимальной объективности освещения исторических явлений и процессов. С таких позиций подходил к истории вообще и истории славян в частности Н.И. Кареев». Здесь же в монографии идет речь об авангардной роли русской науки в европейском славяноведении второй половины XIX века¹⁵⁰⁸.

Ни в коей мере не оспаривая достоинства Н.И. Кареева-полониста, хотелось бы сделать уточнения. Труды Н.И. Кареева по польской истории, как известно, меньше всего строились на самостоятельном анализе источников, касающихся Реформации или разделов Речи Посполитой. В том, что касается самостоятельных изысканий в области польской истории, больше оснований говорить об успехах А.С. Трачевского или Н.Н. Любовича. Кроме того, еще в начале монографии Л.П. Лаптевой, во вступительном разделе «От автора», выход русского славяноведения «на мировой уровень, а в некоторых областях и на авангардные позиции»¹⁵⁰⁹ датирован несколько по-другому – он сдвинут на начало XX века. Во

¹⁵⁰⁷ Лаптева Л.П. История славяноведения... М., 2005. С.10.

¹⁵⁰⁸ Там же. С. 494, 830.

¹⁵⁰⁹ Примерно тот же тезис, что логично, нашел место в новейшей монографии Л.П. Лаптевой: «...с 90-х гг. XIX в. в науке о славянах наступает новый этап. /.../ Славянофильство уходило в прошлое, все более прочные позиции завоевывал позитивизм. Однако историография славянофильского направления все еще существовала». – Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. М., 2012. С. 9.

введении содержится фраза, часть которой уже цитировалась выше: «Конечные хронологические рамки исследования (доведенного до конца XIX в. – Л.А.) обусловлены процессом смены научных направлений, когда, например, в области изучения истории славян наступает заметный отход от романтических теорий и переход к позитивизму и иным методологическим течениям»¹⁵¹⁰.

Как видно, не без колебаний, но Л.П. Лаптева все-таки отдала предпочтение поздней датировке позитивистского периода, относя его начало лишь к рубежу XIX–XX столетий. Колебания при датировке смены методологий, думается, вполне естественны. Понятно, что граница здесь прочерчивается достаточно условно. Перемены методологического свойства вообще плохо поддаются сколько-нибудь точной диагностике, а используемые при этом критерии не могут притязать на точность. Вообще нет уверенности, следует ли для последней трети XIX века так уж жестко придерживаться альтернативы: или романтизм, или позитивизм. Помимо всего прочего, среди сочинений последней трети XIX века (и не только там) находится немало таких работ, к которым высокие методологические критерии попросту неприменимы, поскольку текст являет собой бесхитрое, – хотя при этом чаще всего еще и откровенно тенденциозное, – описание событий.

И все-таки, не рискуя судить о славяноведении в целом, применительно к исторической полонистике (которая среди дисциплин славяноведческого цикла стояла, как известно, далеко не на последнем месте), думается, есть основание отнести начало позитивистского периода к 1880-м годам, при этом подчеркнув, что влияние позитивизма уже заметно сказывалось и десятилетиями раньше (труды С.М. Соловьева тому примером). Качественные перемены зримо дадут о себе знать с появлением работ Н.Н. Любовича и выходом цикла статей и книг Н.И. Кареева, посвященных польской тематике.

О происходивших в пореформенную пору методологических сдвигах уже немало писалось в литературе¹⁵¹¹, речь об этом заходила и в данной работе. Вдо-

¹⁵¹⁰ Лаптева Л.П. История славяноведения... М., 2005. С. 10–11.

¹⁵¹¹ См.: Иванов Ю.Ф. Научная деятельность Н.Н. Любовича // Советское славяноведение. 1980. № 4; Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX вв. // История и историки. историографический ежегодник. 1978. М., 1981.

бавок к приводимым выше доводам (см. главу 3), сошлемся на авторитетное мнение А.Л. Шапиро, который, утверждал, что «основания говорить о господстве позитивизма в русской историографии 1870-90-х годов, безусловно, есть»¹⁵¹².

Касаясь состояния отечественной исторической полонистики на подступах к Новейшему времени, не уйти от вопроса о наблюдаемых тогда в российской науке неокантианских тенденциях. В советские годы сложная проблема решалась предельно просто – путем восхваления любых, даже самых дилетантских, попыток приложить к историческому материалу положения марксизма. Историки, слависты в том числе, третировали так называемую буржуазную (вариант: буржуазно-дворянскую) историографию как науку второго сорта, к тому же в предреволюционные годы переживавшую глубокий методологический кризис.

Отечественные ученые, кто по доброй воле, кто вынужденно руководствовались в своих трудах официальной установкой, согласно которой кризис в методологии воспринимался как «идейный перелом, отмеченный усиленной работой буржуазных историков, активными поисками выхода из создавшегося идеалистического тупика, идейной дифференциацией историков, из которых часть скатывается на реакционные позиции и идет назад, часть мечется в поисках иных решений»¹⁵¹³. Так, говоря о российской славистике «примерно с 1890-х годов до 1917 г.», А.С. Мыльников – в полном соответствии с принятыми в ту пору канонами – ставил акцент на «усилении в ней идеологической борьбы, нарастания кризиса старой, буржуазно-дворянской методологии и первых признаков проникновения в изучение славянских народов марксизма»¹⁵¹⁴. Вместе с тем, надо отметить, что и в эти годы далеко не все российские историки разделяли эту точку зрения на состояние отечественного славяноведения в начале XX века¹⁵¹⁵.

¹⁵¹² Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. Б.м. 1993. С. 686.

¹⁵¹³ Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1963. Т. 3. С. 6.

¹⁵¹⁴ Мыльников А.С. Проблемы периодизации... С. 53.

¹⁵¹⁵ Особую позицию в этом отношении всегда занимала Л.П. Лаптева, с полным на то правом и теперь напоминая о том, что никогда не разделяла господствующей в советские времена концепции глубокого упадка, кризиса, будто бы переживаемого отечественным славяноведением в начале XX в. (см.: Лаптева Л.П. История славяноведения...С. 10).

Возникает, однако, вопрос, отказываясь (в угоду навязываемой сверху искусственной схеме) домысливать признаки безысходного упадка буржуазно-дворянской славистики, не рискуем ли мы впасть в другую крайность, – неосторожно пренебречь действительно имевшими место в предреволюционную пору кризисными явлениями. Не приведет ли это к некоторой односторонности в подходе к предмету? Ведь нельзя не заметить, что, скажем, применительно к исторической полонистике остается недоказанным тезис о таком уж отчетливом, неустанном поступательном движении нашей отрасли. Сопоставление научной продукции 1880-х – начала 1890-х гг. – с трудами, появившимися на рубеже XIX–XX вв., не дает, как нам представляется, достаточных оснований для категорического вывода о неуклонном росте и прогрессе. Даже обратившись к трудам А.Л. Погодина (как одному из высших достижений в сфере полонистики этих десятилетий), трудно не признать, что их содержание говорит скорее о том, что в них весьма сильна публицистическая, даже пропагандистская струя («Главные течения польской политической мысли (1863–1907)» – лишнее тому подтверждение). Характерно и признание самого А.Л. Погодина, сделанное им в вышедшей в 1915 г. «Истории польского народа в XIX веке», где автор прямо предупреждал читателей, что эта «книга /.../ не представляет /.../ глубокого исследования по первоисточникам и архивным материалам»¹⁵¹⁶. Примечательно, что здесь же (не скрывая своей симпатии к полякам) автор выражал надежду, что «его преемники будут располагать возможностью дать достойные темы многотомные сочинения, раскроют подробности несчастных заговоров, печальных исканий и сменившей их организации плодотворного народного труда в борьбе за лучшее будущее своего народа»¹⁵¹⁷.

Разного рода комментарии напрашиваются и в связи с восприятием Погодиным мирового военного конфликта в сугубо славянофильском духе – как противостояния двух миров, германо-романского и славянского. Хотя, с другой стороны, есть ли серьезные основания – с оглядкой на одного автора, делать

¹⁵¹⁶ Погодин А.Л. История польского народа в XIX веке. М., 1915. С. I.

¹⁵¹⁷ Погодин А.Л. История польского народа... С. I.

выводы о состоянии полонистической составляющей нашей славистики в целом?

Кроме того, необязательно воспринимать кризис только как полное исчерпание творческого потенциала и неуклонную деградацию. Не следует ли рассматривать его под иным углом зрения – как своего рода «болезнь роста». Насколько понимаем, кризис в методологии – это, прежде всего, неудовлетворенность имеющимся исследовательским инструментарием, поиск новых путей в науке. И полонистические студии на рубеже XIX–XX вв., похоже, вовсе не оставались в стороне от подобных забот. Возможно, историческая полонистика – вместе со всем славяноведением – была меньше, чем ряд других отраслей отечественной исторической науки затронута методологическими исканиями. Однако считать ли это таким уж неоспоримым достоинством – еще большой вопрос.

На темпе и характере движения отечественной полонистики XIX века самым ощутимым образом сказывались факторы, лежавшие вне поля самой науки. Отзвуками давних русско-польских столкновений, а тем более таких событий Нового времени, как разделы Речи Посполитой, наполеоновская эпопея, восстания 1830 и 1863 годов, поддерживались старые и порождались новые взаимные фобии и подозрения. Фобии эти зачастую носили откровенно иррациональный характер, что не мешало им бытовать и в просвещенных кругах общества, среди литераторов и ученых.

Многие из предубеждений и предрассудков самым непосредственным образом связаны были с польским вопросом. Причем, касаясь в первую очередь статуса Королевства Польского в рамках Российской империи, польский вопрос в XIX веке, в конечном счете, охватывал весь комплекс взаимоотношений россиян и поляков в прошлом, настоящем и будущем.

Казалось бы, если не для всего русского общества в целом, то хотя бы для его интеллектуальных верхов, равно как и для властных структур, важнее всего здесь должны были быть реалии и вытекающие из них, по возможности, трезвые, свободные от предрассудков соображения. Однако, судя по всему, и в публицистике, и в научной литературе (а также в правительственных актах) на пер-

вый план обычно выходили (и по сей день нередко выходят) все те же укорененные в общественном сознании стереотипы. Они осложняли научные изыскания и менее всего были способны помочь поиску взаимоприемлемых для русской и польской стороны решений как в политике, так и в науке, вместе с тем обогащая, накапливая опыт – пусть непростого – взаимного русско-польского диалога.

Как показывает проведенное исследование, отечественная историческая полонистика, в основном разделяя преобладавшие в обществе настроения, при очередных русско-польских конфликтах, как правило, занимала негативную позицию по отношению к полякам. Вообще польский вопрос и польские студии составляли тандем, в котором первенствующую роль играл, пожалуй, первый из компонентов. Польский вопрос, его состояние и порождаемые им стереотипы, как уже говорилось, самым наглядным образом воздействовали на интенсивность, тематику, тональность посвящаемых Польше исторических студий. Не будет большим преувеличением сказать, что чуть ли не все появившиеся на продолжении XIX столетия российские работы о Польше носили на себе зримый отпечаток польского вопроса и связанных с ним эмоций.

После революции, в условиях советской власти, в отношении Польши станут действовать совсем иные, не этноконфессиональные, а классовые критерии, но объект ненависти останется прежний – шляхта. Пик пропагандистской активности по поводу «панской Польши» придется на осень 1939 г. С тех пор много воды утекло, но и в современной литературе на историческую тематику находят себе место предрассудки, восходящие, по меньшей мере, еще к Н.Я. Данилевскому.

Один (можно сказать – самый безобидный) пример. При переиздании в 1991 году «России и Европы» – первом после почти столетнего перерыва – сочли нужным разъяснить читателям, какую правовую норму олицетворяло упоминаемое Данилевским польское «не позвалям». Комментатор пояснил, что норма, требующая полного единогласия при принятии постановлений сеймом, действовала «во времена Речи Посполитой»¹⁵¹⁸. Когда спустя двенадцать лет

¹⁵¹⁸ Вайгачев С.А. Комментарии // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 534.

трактат вышел в другом издательстве, новые комментаторы другими словами повторили буквально ту же информацию¹⁵¹⁹.

Излишне пояснять, что в обоих случаях толкование грешит, по крайней мере, неточностью. Принцип *liberum veto* (о чем уже шла ранее речь) был впервые реализован в Речи Посполитой только в 1652 г., в ту пору, когда шляхетская демократия уже переродилась в магнатскую олигархию (если не вдаваться здесь в дискуссию по поводу модели устройства Речи Посполитой как «смешанной монархии»), а с 1764 г. норма практически перестала действовать, Конституция же 1791 г. ее вовсе отменила. Иными словами, на протяжении более половины того срока, который Речи Посполитой был отпущен историей, принцип «не позволяем» не функционировал. Данилевский, не исключено, об этом просто не знал; хотя, также может быть, что, всей душой ненавидя те принципы, которые были положены в основание шляхетской республики, он просто не пожелал нарушать традиционное отождествление Речи Посполитой с вечной безурядией, воплощением которой привыкли считать *liberum veto*. Очевидно, одно из этих двух объяснений действует и в случае с современными нам комментаторами.

Рецидив безнадежно устарелых, романтических воззрений содержит, к примеру, «Русский полонез»¹⁵²⁰ Станислава Куняева (почти прямой аналог трактату Н.Я. Данилевского – если, понятно, иметь в виду не историософическую абстракцию высокого порядка, а занимающее в трактате столь важное место темпераментное обличение Европы и поляков). Все это вместе взятое, помимо прочего, лишний раз убеждает в том, что изучение истории польского вопроса и его преломления в российской полонистике XIX – начала XX века в их неразрывном единстве, взаимосвязи и взаимообусловленности – является актуальным и общественно-востребованным направлением научной деятельности.

¹⁵¹⁹ См.: Ефремова А.В., Галактионов А.А. Комментарии // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003. С. 579.

¹⁵²⁰ Куняев С. Русский полонез. М., 2006.

Список источников и литературы

Неопубликованные источники

ОР РНБ. Ф. 86. Ед. хр. 2. Бодянский О.М. Польская история

РО ИРЛИ. Архив П.А. Кулаковского. Ф. 572. № 306. Макушев В.В. Автобиография его.

РО ИРЛИ. Архив Н.И. и Д.Н. Павлицевых. Ф. 221. Ед. хр. 31172.

Источники

Агинский Б.Р. Смутное время в Московском государстве: Кн. 1: Борис Годунов и Лжедмитрий I / Б.Р. Агинский. – СПб.: Изд-во: М.Н. Слещова, 1912. – 75 с.

Аксаков И.С. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос / И.С. Аксаков // Аксаков И.С. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. – 844 с.

Акты, документы и материалы для политической и бытовой истории 1812 года, собранные и изданные по поручению Его Императорского Высочества великого князя Михаила Александровича, под редакцией К. Военского. Т. I–III. – СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1909–1912. – Т. I. Литва и Западные губернии. СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1909. – 582 с.; Т. III. Белоруссия в 1812 году. СПб.: Тип. А.Ф. Штольценбурга, 1912. – 498 с.

Бальцер О. К истории общественно-государственного строя Польши / О. Бальцер / Под ред. Н.В. Ястребова. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1908. – 252 с.

Бандтке Г.С. История государства Польского / Г.С. Бандтке. – СПб.: В Тип. Императорской Российской Академии, 1830. – Т.1. – 342 с.; Т. 2. – 519 с.

Бантыш-Каменский Н.Н. Историческое известие о возникшей в Польше униии, с показанием начала и важнейших, в продолжение оной чрез два века, приключений, паче же о бывшем от римлян и униатов на благочестивых тамошних жителей гонении, по высочайшему блаженной памяти императрицы Екатерины II повелению, из хранящихся государственной Коллегии иностранных дел в Московском Архиве и разных исторических книг, действительным статским совет-

- ником Николаем Бантышем-Каменским 1795 года собранное (с издания 1805 года) / Н.Н. Бантыш-Каменский. – Вильно: Тип. А. Сыркина, 1864. – 399 с.
- Барбашев А.И. Витовт и его политика до Грюнвальдской битвы (1410 г.) / А.И. Барбашев. – СПб., Типография И.Н. Скороходова, 1885. – 165 с.
- Барбашев А.И. Витовт. Последние двадцать лет княжения (1410–1430) / А.И. Барбашев. – СПб., Типография И.Н. Скороходова, 1891. – 340 с.
- Барбашев А.И. Танненбергская битва (1410 г.) / А.И. Барбашев // ЖМНП. – 1887. – Декабрь. – С. 151–193.
- Барбашев А.И. Торнский мир (1411 г.) / А.И. Барбашев // ЖМНП. – 1890. – Ноябрь. – С. 80–104.
- Барсов Н.П. Славянский вопрос и его отношение к России (Посвящается друзьям славянства) / Н.П. Барсов. – Вильна: В типографии А. Сыркина, 1867. – 25 с.
- Берг Н.В. Записки Н.В. Берга о польских заговорах и восстаниях / Н.В. Берг. – М.: Типография Грачева и К., 1873. – 385 с.
- Берг Н.В. Записки о польских заговорах и восстаниях / Н.В. Берг. – М.: Кучково поле, 2008. – 400 с.
- Бершадский С.А. Литовский статут и Польские конституции: Историко-юридическое исследование / С.А. Бершадский. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1893. – 114 с.
- Бестужев-Рюмин К.Н. Теория культурно-исторических типов (Н.Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к миру германо-романскому. Издание 3-е с портретом и посмертными примечаниями (издание Н. Страхова). СПб., 1888) / К.Н. Бестужев-Рюмин // Русский вестник. – 1888. – Кн. 5. – С. 210–270.
- Бестужев-Рюмин К.Н. Рец. на кн.: Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884 / К.Н. Бестужев-Рюмин // ЖМНП. – 1885. – № 1. – С. 95–140.
- Бишинг А. Королевство Польское и Великое Герцогство Литовское с присоединенными к оному землями из Бишинговой географии / А. Бишинг. – СПб., 1775. – 269 с.
- Бобржинский М. Очерк истории Польши / Перевод с 3-го польского издания

- под редакцией профессора С.-Петербургского университета Н.И. Кареева / М. Бобржинский. – СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева, 1888. Т. I. – 291 с.
- Болтин И.Н. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка / И.Н. Болтин. – СПб., 1788. Т. 1–2.
- [Бодянский О.М.] Польское дело / О.М. Бодянский // Чтения ОИДР. – 1863. – Кн. 1. – С. 185–200.
- Броневский В.Б. Путешествие от Триеста до Санкт-Петербурга в 1810 г. / В.Б. Броневский. – М.: Университетская типография, 1828. – Т. II. – 403 с.
- Брянцев П.Д. Польский мятеж 1863 г. / П.Д. Брянцев. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1891. – 263 с.
- Брянцев П.Д. Очерк падения Польши / П.Д. Брянцев. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1895. – 50 с.
- Брянцев П.Д. Очерк. Состояние Польши под владычеством русских императоров после падения ее до 1830 г., или до первого восстания поляков / П.Д. Брянцев. – Вильна: Тип. Вилен. Правл. Св.-Дух. Братства, 1895. – 51 с.
- Брянцев П.Д. Восстание поляков в 1830 и 1831 г. / П.Д. Брянцев. – Вильна: Типография Вил. Св.-Дух. Братства, 1896. – 31 с.
- Будилович А.С. Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства / А.С. Будилович // Беседа. – 1871. – Кн. VI. – С. 146–164.
- Василевский Л. (Плохоцкий). Современная Польша и ее политические стремления / Л. Василевский. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза». 1906. – 220 с.
- Вержбовский Ф.Ф. Отношения России и Польши в 1574–1578 годах, по донесениям папского нунция В. Лаурео / Ф.Ф. Вержбовский // ЖМНП. – 1882. – № 8. – С. 208–242.
- Вержбовский Ф.Ф. Две кандидатуры на польский престол Вильгельма из Розенберга и эрцгерцога Фердинанда, 1574–1575 / Ф.Ф. Вержбовский. – Варшава: Типография К. Ковалевского, 1889. – 321 с.
- [Веселовский Ф.А.] Примирение русских с поляками. Воспоминания прошлого. Историческая брошюра, основанная на документах XVI века и составленная по поводу столетней годовщины первого раздела Польши в 1872 году Ф.А. Веселовским / Ф.А. Веселовский. – СПб.: Тип. газеты «Новости», 1881. – 89 с.

- Владимирский-Буданов Н.Я. Немецкое право в Польше и Литве / Н.Я. Владимирский-Буданов. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – 302 с.
- Водовозова Е. Как люди на белом свете живут. Чехи – поляки – русины / Е. Водовозова. – СПб.: Коммерческая скоропечатня А. Гольдберга, 1905. – 188 с.
- Воспоминания Колзакова. 1815–1830 // Русская старина. – 1873. – Т. IV. – С. 423–455.
- Воспоминания Колзакова. 1815–1830 // Русская старина. – 1873. – Т. V. – С. 587–611.
- Речь императора Александра I на сейме в Варшаве. 1818 г. // Русская старина. – 1873. – Т. V. – С. 612–615.
- [Военский К.] Император Николай и Польша в 1830 году / К. Военский. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1905. – 154 с.
- Вылежинский Ф. Император Николай Первый и Польша в 1830 году. Новые материалы для истории польского восстания 1830–1831 гг. / Ф. Вылежинский. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1903. – 62 с.
- [Военский К.] Перевод с рукописи Фаддея Вылежинского. Император Николай и Польша в 1830 году. Материалы для истории польского восстания 1830 – 1831 гг. / К. Военский. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1905. – 154 с.
- Вяземский П.А. Старая записная книжка / П.А. Вяземский. – М.: Захаров, 2003. – 960 с.
- Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика / П.А. Вяземский. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.
- Вяземский П.А. Мицкевич о Пушкине / П.А. Вяземский // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. – М.: Искусство, 1984. – С. 277–296.
- [Г.] Польша в 1830 и 1831 годах // Отечественные записки. – 1863. – Т. 151. – С. 510–546.
- Герье В.И. Борьба за польский престол в 1733 г. / В.И. Герье. – М.: В Тип. В. Грачева и Ко, 1862. – 471 с.
- Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. / А.Ф. Гильфердинг. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – 494 с.
- Гильфердинг А.Ф. Развитие народности у западных славян / А.Ф. Гильфердинг

- // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – С. 53–106.
- Гильфердинг А.Ф. Венгрия и славяне / А.Ф. Гильфердинг // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. Т. 2. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – С. 113–150.
- Гильфердинг А.Ф. Взгляд западных славян на Россию / А.Ф. Гильфердинг // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. Т. 2. – С. 265–279.
- Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян / А.Ф. Гильфердинг. – М.: Университетская типография, 1855. – 242 с.
- Гильфердинг А.Ф. Письмо к г. Ригеру в Прагу о русско-польских делах / А.Ф. Гильфердинг // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – С. 279–288.
- Гильфердинг А.Ф. Польский вопрос / А.Ф. Гильфердинг // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч.– СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – С. 291–363.
- Гильфердинг А.Ф. Древний Новгород / А.Ф. Гильфердинг // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч.– СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – С. 407–449.
- Гильфердинг А.Ф. Из переписки с И.С. Аксаковым / А.Ф. Гильфердинг // Голос минувшего. – 1916. – № 2. – С. 201–214.
- Гильфердинг А.Ф. Россия и ее инородческие окраины на западе / А.Ф. Гильфердинг // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – С. 389–406.
- Гильфердинг А.Ф. Сельская община / А.Ф. Гильфердинг // Гильфердинг А.Ф. Собр. соч.– СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – Т. 2. – С. 449–480.
- Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. / А.И. Герцен. – М.: Изд-во Академии наук, 1956. – Т. VIII. – 517 с.
- Глинка С.Н. Русская история / С.Н. Глинка. – М.: В Университетской типографии, 1823. – Ч. 2–10; 1824. – Ч. 11–13; 1825. – Ч. 1, 14.
- Глинка С.Н. Записки / С.Н. Глинка. – М.: Захаров, 2004. – 457 с.
- Глинский Б.Б. Борьба за конституцию. 1612–1861 гг. / Б.Б. Глинский. – СПб.: Издание Н.П. Карбасникова, 1908. – 619 с.
- Гогель Н.В. Иосафат Огрызко и Петербургский ржонд в деле последнего мяте-

- жа / Н.В. Гоголь. – Вильна: В Тип. Р.М. Ромма, 1866. – 79 с.
- Гоголь Н.В. План преподавания всеобщей истории / Н.В. Гоголь // ЖМНП. – 1834. – Ч. 1. – С. 189–209.
- Гоголь Н.В. Собр. соч. В 9 т. / Н.В. Гоголь. – М.: Русская книга, 1994. – Т. 8. – 864 с.; – Т. 1–2. – 496 с.; – Т. 7. – 624 с.
- Горемыкин И.Л. Очерки истории крестьян в Польше / И.Л. Горемыкин. – СПб.: Тип. В. Демакова, 1869. – 159 с.
- Давыдов Д.В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова <Автобиография> / Д.В. Давыдов // Давыдов Д.В. Военные записки / Д.В. Давыдов. – М.: Гослитиздат, 1940. – 478 с.
- Давыдов Д. О России в военном отношении / Д.В. Давыдов // Давыдов Д. Военные записки. – М.: Гослитиздат, 1940. – С. 412–418.
- Давыдов Д.В. Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова. Стихотворения. Военные записки / Д.В. Давыдов. – М.: Художественная литература. 1962. – 611 с.
- Давыдов Д. Воспоминания о польской войне 1831 года / Д.В. Давыдов // Давыдов Д. Собр. соч. В 3 т. СПб., 1893. – Т. 2. – С. 200–328.
- [Давыдов Д.В.] Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою не пропущенные / Д.В. Давыдов. – London: S. Tchorzewski; Bruxelles: S. Gerstmann, 1863. – 153 с.
- Давыдов Д.В. Записки / Д.В. Давыдов // Русская Старина. – 1872. – Т. VI. – С. 1–38, 309–403.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Книга, 1991. – 573 с.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому / Н.Я. Данилевский. – М.: Алгоритм, 2003. – 638 с.
- Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1880. Август / Ф.М. Достоевский // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 26. – Л.: Наука, 1984. – 519 с.

Драгоманов М.П. Историческая Польша и великорусская демократия / М.П. Драгоманов // Драгоманов М.П. Собрание политических сочинений.– Париж: Изд-во ред. Освобождение, 1905. – Т. 1. – 376 с.

Дубровин Н. Накануне первого раздела. 1770 г. По рукописным донесениям князя М.Н. Волконского / Н. Дубровин // Вестник Европы. – 1870. – Кн. 7. – С. 191–251.

[Е.Л.] Польша и поляки при Станиславе Понятовском. 1784–1792 / [Е.Л.] // Вестник Европы. – Кн. 7. – С. 5–72.

Есипов Г.В. Тушинский вор / Г.В. Есипов. М.: Типография Бахметева, 1863. – 30 с.

Есипов В.В. Автономия Польши, с точки зрения финансовых, экономических и других интересов России / В.В. Есипов. – Варшава, Тип. Варшавского Учебного округа, 1907. – 45 с.

Иловайский Д.И. Рец. на: Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой / Д.И. Иловайский // Киевская старина. – 1874. – № 5.

Иловайский Д.И. Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой / Д.И. Иловайский. – М.: В Университетской тип. (Катков и Ко), 1870. – 271 с.

Ильенко А.К. Начало конца Польши. Введение в историю борьбы за объединение России при императрице Екатерине Великой / А.К. Ильенко. – СПб.: Тип. Военно-книжн. магаз. Н.В. Васильева, 1898. – 286 с.

Карамзин Н.М. Историческое похвальное слово Екатерине Второй / Н.М. Карамзин // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – С. 284–332.

Карамзин Н.М. Мнение русского гражданина / Н.М. Карамзин // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. М.: Жизнь и мысль, 2002. – С. 436–438.

Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н.М. Карамзин // Карамзин Н.М. О древней и новой России: Избранная проза и публицистика. – М.: Жизнь и мысль, 2002. – С. 378–435.

Карамзин Н.М. История Государства Российского (Репринтное воспроизведение 5-го издания 1824–1844 гг. в 3 кн.) / Н.М. Карамзин. – М.: Книга, 1989.

- Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т. / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1989. – Т. I. – 640 с.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т. / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – Т. II–III. – 832 с.
- Карамзин Н.М. История Государства Российского. В 12 т. / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1999. – Т. VI. – 468 с.
- Кареев Н.И. Книга проф. Любовича «История Реформации в Польше: Кальвинисты и антитринитариане». Варшава, 1883 / Н.И. Кареев // Русская мысль. – 1884. – № 2. – С. 1–30.
- Кареев Н.И. Отзыв о сочинении проф. Любовича «Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше» / Н.И. Кареев // Отчет о IV присуждении Академией наук премии митрополита московского Макария. – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1892. – С. 126–148.
- [Кареев Н.И.] [Рец. на кн.:] Любович Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н.И. Кареев // Русская мысль. – 1890. – № 4. – С. 158–160.
- Кареев Н.И. Заметка об «исследовании» г-на Чечулина (Чечулин Н.Д. «Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774)»). СПб., 1896) / Н.И. Кареев // Вестник Европы. – 1897. – № 1. – С. 427–435.
- Кареев Н.И. “Падение Польши” в исторической литературе / Н.И. Кареев. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. – 407 с.
- Кареев Н.И. Новейшая польская историография и переворот в ней / Н.И. Кареев // Вестник Европы. – 1886. – № 12. – С. 340–432.
- Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше / Н.И. Кареев. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1886. – 192 с.
- Кареев Н.И. Исторический очерк польского сейма / Н.И. Кареев. – М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1888. – 162 с.
- Кареев Н.И. Польские реформы XVIII века / Н.И. Кареев. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1890. – 184 с.
- Кареев Н.И. От редактора перевода / Н.И. Кареев // Бобржинский М. Очерк истории Польши / Перевод с 3-го польского издания под редакцией профессора

- С.-Петербургского университета Н.И. Кареева. Т. I. – СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1888. – С. I–II.
- Кареев Н.И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905) / Н.И. Кареев. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – 268 с.
- Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов (О «России и Европе» Данилевского) / Н.И. Кареев // Русская мысль. – 1889. – Кн. 9. – С. 1–32.
- Кареев Н.И. Мои отношения к полякам / Н.И. Кареев // Русские ведомости. – 1901. – № 124. – 18 мая. = Кареев Н.И. Polonica. Сборник статей по польским делам (1881–1905). – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. – С. 207–222.
- Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох / Н.И. Кареев. – СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. – 303 с.
- Кареев Н.И. Памяти двух историков (В.И. Герье и И.В. Лучицкий) / Н.И. Кареев // Анналы. Кн. 1. Петербург, 5-я Государственная типография, 1922. – С. 155 – 175.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, автор. вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. – 384 с.
- Катков М.Н. 1863 год. Сборник статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи / М.Н. Катков. – М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1887. – Вып. 1. – 662 с.
- Катков М.Н. 1863 год. Сборник статей по польскому вопросу, помещавшихся в Московских Ведомостях, Русском Вестнике и Современной Летописи / М.Н. Катков. – М.: В Университетской типографии (М. Катков), 1887. – Вып. 2. – 765 с.
- Катков М.Н. Сборник передовых статей «Московских ведомостей». 1863 / М.Н. Катков. – М.: Издание С.П. Катковой, 1897. – 785 с.
- Катков М.Н. Сборник передовых статей «Московских ведомостей». 1872 / М.Н. Катков. – М.: Издание С.П. Катковой, 1897. – 838 с.
- Катков М.Н. Сборник передовых статей «Московских ведомостей». 1875 / М.Н. Катков. – М.: Издание С.П. Катковой, 1897. – 702 с.

Каширин Ф. От переводчика / Ф. Каширин // Лелевель И. Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях. – М.: Типография Бахметева, 1863. – С. I–IV.

Киреевский И.С. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России / И.С. Киреевский // Киреевский И.С., Киреевский П.В. Полн. Собр. соч. – Калуга: Издательский педагогический центр «Гриф», 2006. – Т. 1.– С. 71–126.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч.V / В.О. Ключевский // Ключевский В.О. Соч. в 9 т. – М.: Мысль, 1989. – Т. 5. – 476 с.

Корнилов А.А. Судьба крестьянской реформы в Царстве Польском / А.А. Корнилов // Русская мысль. – 1894. – Февраль – Март. С. 1–26; 1–29; 1–32.

Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России / А.А. Корнилова. – СПб.: Тип. «Общественная польза», 1905. – 473 с.

Корнилов А.А. Русская политика в Царстве Польском после восстания 1863 г. / А.А. Корнилов. – Пг.: Изд-во «Огни», 1915. – 35 с.

Корнилов А.А. Русская политика в Польше со времени разделов до начала XX века. Исторический очерк с тремя картами / А.А. Корнилов. – Пг.: Изд-во «Огни», 1915. – 93 с.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX века / А.А. Корнилов. – М.: Высшая школа, 1993. – 445 с.

Корнилов И.П. Воспоминания о польском мятеже 1863 года в Северо-Западном крае (по рассказам генерал-адъютанта Гонецкого) / И.П. Корнилов. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1900. – 52 с.

Корнилов И.П. Князь Адам Чарторыйский / И.П. Корнилов. – М.: Университетская типография, 1896. – 102 с.

Корсаков Д.А. Рец. на кн.: Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884 / Д.А. Корсаков // Исторический вестник. 1885. – Т. 19.

Костомаров Н.И. Лекции по русской истории. Ч.1. Источники русской истории / Сост. по записям слушателей П. Гайдебуровым. – СПб.: В тип. В. Безобразова и

Ко, 1861. – 100 с.

Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой / Н.И. Костомаров. – СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского, 1870. – Т. 1–2. – 870 с.

Костомаров Н.И. Рец. на кн.: Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884 / Н.И. Костомаров // Вестник Европы. – 1885. – Кн. 4.

Коялович М.О. Рец. на кн.: Трачевский А.С. Польское бескоролье / М.О. Коялович // ЖМНП. – 1869. – Ч. 146.

Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О. Коялович. – СПб.: В Тип. Второго Отделения Собственной Е.И. В. Канцелярии, 1873. – 400 с.

Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М.О. Коялович / Изд. третье, без перемен. – СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1901. – 593 с.

Коялович М. Люблинская уния или последнее соединение Литовского княжества с Польским королевством на Люблинском сейме в 1569 году. Издание редакции газеты Русский Инвалид / М. Коялович. – СПб.: Печатано в Военной типографии, 1863. – 87 с.

Краткое начертание истории государства Польского. – СПб.: В Тип. И. Фишона, 1847. – 71 с.

Кудринский Ф.А. Императрица Екатерина II и разделы Польши / Ф.А. Кудринский. – Вильно: Типография А.Г. Сыркина, 1895. – 204 с.

Кулжинский И.Г. Последнее пятидесятилетие Польши, с 1764 по 1814 год. (Краткий исторический очерк) / И.Г. Кулжинский. – Киев: Тип. Губернского управления, 1863. – 22 с.

Кутшеба С. Очерк истории общественно-государственного строя Польши / С. Кутшеба. – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1907. – 231 с.

Лазаревский Ал. Малороссийские посполитые крестьяне (1648–1783). Историко-юридический очерк по архивным источникам / А. Лазаревский. – Чернигов: В Губернской типографии, 1866. – 152 с.

- Левицкий О.И. Социнианство в Польше и Юго-Западной Руси. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1882. – 95 с.
- Лелевель И. Краткие очерки польского народа / пер. Якова Ивановского. – СПб.: В типографии В. Безобразова и К. 1862. – 228 с.
- Лелевель И. Польша и Испания. Историческая между ними параллель в XVI, XVII и XVIII столетиях – М.: Типография Бахметева, 1863. – 52 с.
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. 1–2 / К.Н. Леонтьев. – М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева, 1885–1886. – Т. 1. – 312 с.
- Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. Т. 1–2 / К.Н. Леонтьев. – М.: Типо-литография И.Н. Кушнерева, 1885–1886. – Т. 2. – 420 с.
- Липранди А.П. «Отторженная возвратихъ»: Падение Польши и воссоединение западнорусского края / А.П. Липранди. – СПб., 1893. – 81 с.
- Липранди А.П. (А. Волынец). Польша и польский вопрос / А.П. Липранди. – СПб.: Тип. Э.Е. Киттельбергер, 1901. – 181 с.
- Липранди А.П. (Волынцев). Польский вопрос в Западной Руси / А.П. Липранди. – Харьков: Типография «Мирный Труд», 1914. – 215 с.
- Ломоносов М.В. Древняя российская история / М.В. Ломоносов. – М.: Алгоритм, 2011. – 272 с.
- Ломоносов М.В. Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым, статским советником, профессором химии и членом Санктпетербургской императорской и Шведской Академии наук / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2 т. – М.: Наука, 1986. – Т. 2. – С. 47–130.
- Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» / М.В. Ломоносов // Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2 т. – М.: Наука, 1986. – Т. 2. – С. 18–22.
- Ломоносов М.В. О сохранении и размножении российского народа // Ломоносов М.В. Избранные произведения. В 2 т. – М.: Наука, 1986. – Т. 2. – С. 130–144.
- Лонгинов А.В. Червенские города. Исторический очерк в связи с этнографией и топографией Червонной Руси / А.В. Лонгинов. – Варшава: В типографии Вар-

шавского учебного округа, 1885. – 368 с.

[Л.С.] Рец. на кн.: Коялович М.О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб., 1884 // Вестник Европы. – 1884. – Кн. 12.

Лунин М.С. Письма из Сибири / М.С. Лунин. – М.: Наука, 1988. – 495 с.

Лунин М.С. Сочинения, письма, документы / М.С. Лунин / Вступ. ст. Н.Я. Эйдельмана. – Иркутск: Восточ.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 566 с.

Лучицкий И.В. Рец. на: Любович Н.Н. Начало католической реакции и упадок Реформации в Польше» (1890) / И.В. Лучицкий // Университетские известия. – Киев, 1891. – № 3. – С. 1–6.

Лучицкий И.В. Рец. на: Вержбовский Х. Христофор Варшевицкий (1543–1603) и его сочинения. Варшава, 1885 / И.В. Лучицкий // Варшавский дневник. – 1886. – № 116.

Лызлов А.И. Скифская история / А.И. Лызлов. – М.: Наука, 1990. – 518 с.

Любавский М.К. Польский король Казимир Великий / М.К. Любавский // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружков преподавателей / Под ред. П.Г. Виноградова / 4-е изд. – М.: [б.и.], 1914. – Вып. 3. – С. 466–488.

Любавский М.К. Нешавские статуты Казимира Ягеллончика, их место и значение в истории государственного развития Польши / М.К. Любавский // Книга для чтения по истории средних веков, составленная кружков преподавателей / Под ред. П.Г. Виноградова / 4-е изд. – М.: [б.и.], 1914. – Вып. 3. – С. 489–515.

Любавский М.К. История западных славян (прибалтийских, чехов и поляков) / М.К. Любавский. – М.: Фотолитографировано Т/Д Г.А. Леман и П.С. Филиппов, 1918. – 458 с.

Любавский М.К. Александр I и Польша / М.К. Любавский // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. В 7 т. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. VII. – С. 88–104.

Любарский И.В. «Варшавский дневник» и первый его редактор / И.В. Любарский // Исторический вестник. – 1893. – Т. 54. – С. 148–159.

Любович Н.Н. Отчет о занятиях в архивах Варшавы, Петербурга, Вильны и Слуцка / Н.Н. Любович // Киевские Университетские известия. – 1879. – № 11.

Любович Н.Н. Отчет о заграничной командировке / Н.Н. Любович // Варшавские университетские известия. – 1892. – № 6.

Любович Н.Н. Общественная роль религиозных движений / Н.Н. Любович // Варшавские Университетские Известия. – 1881. – № 1.

Любович Н.Н. История Реформации в Польше: Кальвинисты и антитринитарии / Н.Н. Любович. – Варшава: В Типографии Земкевича и Ноаковского, 1883. – 347 с.

Любович Н.Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше / Н.Н. Любович. – Варшава: Типография К. Ковалевского, 1890. – 400 с.

Максимович М. Воспоминания о польском восстании 1830 г. / М. Максимович // Военный сборник. – 1875. – № 4.

Макушев В.В. Общественные и государственные вопросы в польской литературе XVI в. / В.В. Макушев // Славянский сборник. – 1876. – Т. 3. – С. 27–121.

Макушев В.В. Следы русского влияния на старо-польскую письменность / В.В. Макушев // Славянский сборник. – 1876. – Т. 3. – С. 166–182.

Макушев В.В. Современное положение северо-западных славян / В.В. Макушев // Голос. – 1873. – № 26.

Макушев В.В. Поляки в России / В.В. Макушев // Голос. – 1873. – № 160.

Малиновский А. Исторические доказательства о давнем желании польского народа присоединиться к России. Сочинены из подлинных бумаг Московского Главного архива Министерства иностранных дел / А. Малиновский // Труды и летописи общества истории и древностей российских, учрежденного при Императорском Московском университете. – Ч. VI. – М.: В Университетской типографии. 1833. – 275 с.

Мельников П. Княжна Тараканова и принцесса Владимирская / П. Мельников. – СПб.: В типографии К.Вульфа, 1868. – 298 с.

Мечта о русском единстве: Киевский синопсис (1674) / Предисл. И подготовка текста О.Я. Сапожникова и И.Ю. Сапожниковой. – М.: Изд-во «Европа», 2006. – 248 с.

Михайловский Г.Н. Записки. Из истории Российского внешнеполитического ведомства. 1914– 1920. В 2 кн. – М.: Международные отношения, 1993. – Кн. 1. –

518 с.

[М.Л.] Три раздела Польши // Отечественные записки. – 1863. – Т. 151. – С. 439 – 486.

Муханов П.А. Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев / П.А. Муханов. – М.: W Drukarni Seliwanowskiego, 1834. – 274 с.

[Муханов П.А.] Сборник Муханова / Издание второе, дополненное. – М.: Типография Эд. Праца, 1866. – 621 с.

Муханов П.А. Что желательно для русской истории / П.А. Муханов. – СПб.: Типография Эд. Праца, 1870. – 150 с.

Мякотин В.А. Крестьянский вопрос в Польше в эпоху ее разделов / В.А. Мякотин. – М.: Типография В.В. Комарова, 1889. – 229 с.

Мякотин В.А. [В.Н.] К вопросу о падении Польши (Н. Кареев. «Падение Польши» в исторической литературе. СПб., 1888) / В.А. Мякотин // Русская мысль. – 1889. – Кн. 5. – С. 125–132.

Мякотин В.А. А. Мицкевич. Его жизнь и литературная деятельность / В.А. Мякотин. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1891. – 93 с.

На взятие Варшавы: Три стихотворения В. Жуковского и А. Пушкина / В. Жуковский, А. Пушкин. – СПб.: Военная типография, 1831. – 15 с.

Неелов Н.Д. Воспоминания о польской войне 1830 г. / Неелов Н.Д. – СПб.: Тип. В.А. Полетики, 1878. – 292 с.

Окр-ц. Журналистика 1869 года: Наши историки-беллетристы / Окр-ц // Дело. – 1869. – № 10.

Отзывы и мнения военачальников о польской войне 1831 г. / В. Квитницкий. – СПб.: В типографии Э. Веймара, 1867. – 182 с.

Павлищев Н.И. Польская история. В виде учебника / Н.И. Павлищев. – Варшава: В казенной типографии, 1843. – 272 с.

Павлищев Н.И. Польская анархия при Яне Казимире и война за Украину / Н.И. Павлищев // Павлищев Н.И. Сочинения. Т. 1–3. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1878. – Т. 1. – 262 с.; Т. 2. – 376 с.; Т. 3. – 243 с.

Павлищев Н.И. Седмицы Польского мятежа. 1861–1864 / Н.И. Павлищев // Пав-

лищев Н.И. Соч. Т. 4–5. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1887. – Т. 4. – 258 с.; Т. 2. – 400 с.

Первольф И.И. Славяне: Их взаимные отношения и связи / И.И. Первольф. – Варшава: Тип. К. Ковалевского, 1888. – Т. 2. – 616 с.

Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 гг. / А.Н. Петров. В 3 т. – Т. 1. 1769 год. – СПб.: В Тип. Эдуарда Веймара, 1866. – 332 с.; Т. 2. 1770 год. – СПб.: В Тип. Эдуарда Веймара, 1866. – 485 с.; Т. 3. 1771 год. – СПб.: Тип. К.В. Трубникова, 1874. – 322 с.

Пильц Э. Русская политика в Польше / Э. Пильц. – Варшава: Тов-во Н.П. Карбасникова, 1909. – 143 с.

Письма О.М. Бодянского / [О.М. Бодянский] // Письма к М.П. Погодину из славянских земель (1835–1861). В 3 вып. – Вып. I. – М.: В Университетской типографии, 1879. – 136 с.

Пичета В.И. Международная политика России в начале царствования Александра I (до 1807) / В.И. Пичета // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. В 7 т. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. I. – С. 152–173.

Пичета В.И. Польская конфедерация в 1812 г. / В.И. Пичета // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. В 7 т. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. Т. III. – С. 154–161.

Пичета В.И. Александр I и Европа / В.И. Пичета // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. Т. VII. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1912. – С. 57–87.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку // ПСРЛ. – М.: Языки русской культуры, 1997. – Т. 1. – 733 с.

Погодин А.Л. Адам Мицкевич. Жизнь и творчество. – М.: Издание В.М. Саблина, 1912. – Т. 1–2. – Т. 1. – 404 с.; Т. 2. – 350 с.

Погодин А.Л. Главные течения польской политической мысли (1863–1907) / А.Л. Погодин. – СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1907. – 662 с.

Погодин А.Л. Занятие Польши / А.Л. Погодин // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. В 7 т. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. III. – С. 148–153.

Погодин А.Л. История польского народа в XIX веке / А.Л. Погодин. – М.: Издание Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1915. – 297 с.

Погодин А.Л. Лекции по истории польской литературы. Ч. 1. Средние века и польско-латинский гуманизм первой половины XVI века / А.Л. Погодин. – Харьков: Типография «Печатное дело», 1913. – 263 с.

Погодин А.Л. Наполеон и Литва / А.Л. Погодин // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. В 7 т. – М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. III. – С. 162–169.

Погодин А.Л. Очерк истории Польши / А.Л. Погодин. – М.: Типография К.Л. Меньшова, 1909. – 139 с.

Погодин А.Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. / А.Л. Погодин. – М.: Типография Т-ва И.Д. Сытина, 1915. – 420 с.

Погодин М.П. Борьба не на живот, а на смерть с новыми историческими ересями / М.П. Погодин. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1874. – 392 с.

Погодин М.П. Взгляд на русскую историю / М.П. Погодин // Погодин М.П. Историко-критические отрывки. – М.: В типографии Августа Семена, 1846. – С. 1–18.

Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856 / М.П. Погодин. – М.: Типография В.М. Фриш, 1874. – 358 с.

Погодин М.П. Исторические афоризмы / М.П. Погодин. – М.: В Университетской типографии, 1836. – 128 с.

Погодин М.П. Исторические размышления об отношении Польши к России / М.П. Погодин // Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: В типографии газеты «Русский», 1868. – С. 1–10.

Погодин М.П. Записка о Польше / М.П. Погодин // Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: В типографии газеты «Русский», 1868. – С. 49–60.

Погодин М.П. Отрывок из донесения Министру народного просвещения о пу-

тешествии по славянским странам / М.П. Погодин // Погодин М.П. Польский вопрос Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: В типографии газеты «Русский», 1868. – С. 29–35.

Погодин М.П. Письмо о Польше / М.П. Погодин // Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: В типографии газеты «Русский», 1868. – С. 36–42.

Погодин М.П. Польский вопрос / М.П. Погодин // Погодин М.П. Польский вопрос Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: В типографии газеты «Русский», 1868. – С. 77–98.

Погодин М.П. Послание к полякам / М.П. Погодин // Погодин М.П. Польский вопрос Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: В типографии газеты «Русский», 1868. – С. 43–48.

Погодин М.П. Рецензия Польской истории Бандтке / М.П. Погодин // Погодин М.П. Польский вопрос: Собрание рассуждений, записок и замечаний. 1831–1867. – М.: В типографии газеты «Русский», 1868. – С. 11–28.

Погодин М.П. Статьи политические и польский вопрос (1856–1867) / М.П. Погодин. – М.: Типография Ф.Б. Миллера, 1876. – 546 с.

Попов Н.А. О важнейших явлениях в польской исторической литературе за прошлый год / Н.А. Попов // Известия Санкт-Петербургского Славянского Благотворительного Общества. – 1884. – № 2. – С. 22–27.

Попов Н.А. Королева Варвара. Исторический рассказ из польской жизни / Н.А. Попов // Русский вестник. – 1857. – № 1.

Попов Н.А. Из жизни Марины Мнишек / Н.А. Попов // Московские ведомости. – 1857. – № 82, 86, 91, 98, 103, 106, 120.

Попов Н.А. Поляки в Пруссии / Н.А. Попов // Русский вестник. – 1864. – № 10. – С. 728–766.

Попов Н.А. Варшавское герцогство / Н.А. Попов // Русский вестник. – 1866. – № 1. – С. 5–33; № 2. – С. 575–610.

Попов Н.А. Вольный город Краков. 1815–1846 / Н.А. Попов // Вестник Европы. – 1875. – № 1. – С. 107–156; № 2. – С. 461–512.

Привислинский край // Русская земля. (Природа страны, население и его про-

мыслы). Сборник для народного чтения / Сост. Я.И. Руднев. – СПб.: Типо-литография М.П. Фроловой, 1899. – Т. VI. – 146 с.

Прыжов И.Г. История кабаков в России / И.Г. Прыжов. – М.: Изд-во «Дружба народов», 1992. – 378 с.

Де Пуле М. Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 гг. / М. Де Пуле. – СПб.: Типография Майкова, 1871. – 255 с.

Пузыревский К.А. Польско-русская война 1831 г. / К.А. Пузыревский. – СПб.: Тип. штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, 1886. – 446 с.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. в 10 тт. / А.С. Пушкин. – М.: Художественная ли-тература, 1963–1965. – Т. III. – Т. VII. – Т. X.

Пыпин А.Н. Исторические очерки: Общественное движение в России при Алек-сандре I / А.Н. Пыпин. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. – 576 с.

Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем / А.Н. Пыпин. – М.: Изда-тельский дом Граница, 2002 (Репринтное воспроизведение издания 1913 г.). – 189 с.

Пыпин А.Н. Польский вопрос в русской литературе / А.Н. Пыпин // Вестник Ев-ропы. – 1880. – Кн. 2, Кн. 4, Кн. 5, Кн. 10, Кн. 11

Пыпин А.Н. Русское славяноведение в XIX столетии / А.Н. Пыпин // Вестник Европы. – 1889. – Кн. 7, 8.

[А.В.] / Пыпин А.Н. / Рец. на кн.: Бобржинский М. Очерк истории Польши. СПб., 1888. Т. I // Вестник Европы. – 1892. – Кн. 4. – С. 874–880.

Пыпин А.Н., Спасович В.Д. Обзор истории славянских литератур / А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович. – СПб.: В тип. О.И. Бакста, 1865. – 536 с.

Пыпин А.Н., Спасович В.Д. История славянских литератур / А.Н. Пыпин, В.Д. Спасович. Т. 1–2. – СПб.: Изд. тип. М.М. Стасюлевича, 1879–1881. Т. 2. – С. 449–1120 с.

[Ратч В.] Сведения о польском мятеже 1863 года в Северо-Западной России. – Вильна: В типографии Губернского Правления, 1867. – Ч. 2. – 260 с.

Рябинин И.С. Великое Герцогство Варшавское / И.С. Рябинин // Отечественная война и русское общество. 1812–1912. В 7 т. – М.: Издание Тов-ва И.Д. Сытина, 1911. – Т. I. – С. 189–197.

Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города / М.Е. Салтыков-Щедрин //

Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. В 20 т. / М.Е. Салтыков-Щедрин. – М.: Изд-во «Художественная литература», 1969. – Т. 8. – 612 с.

Самарин Ю.Ф. Современный объем польского вопроса / Ю.Ф. Самарин // Самарин Ю.Ф. Сочинения. Т. 1. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. – М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1877. – С. 325–350.

Сборник статей, разъясняющих польское дело по отношению к Западной России. Вып. 1. Сост. и издал С. Шолкович / С. Шолкович. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1885. – 325 с.

Сидоров А. К столетней годовщине третьего раздела Польши / А. Сидоров. – СПб., 1895. – 39 с.

Сидоров А.А. Русские и русская жизнь в Варшаве (1815–1895). Исторический очерк / А.А. Сидоров. – Варшава: Типография Губернского правления, 1899. – Вып. 1. – 82 с.

Смит Ф. Ключ к разрешению польского вопроса или почему Польша не могла и не может существовать как самостоятельное государство / Ф. Смит. – СПб.: Печатано в Военной Типографии (В здании Главного штаба), 1866. – 82 с.

Смит Ф. Суворов и падение Польши / Ф. Смит. – Ч. 1. – СПб.: В Тип. Эдуарда Веймара, 1866. – 362 с.; Ч. 2. – СПб.: В Тип. Эдуарда Веймара, 1867. – 355 с.

Смит Ф. История польского восстания и войны 1830 и 1831 годов. В 3 т. / Ф. Смит. – СПб.: Тип. В. Спиридонова и Ко, 1863–1864, – Т. 1. – 497 с.

Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других / С.М. Соловьев / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVIII. Дополнительная. – М.: Наука, 1995. – С. 529–660.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. I. – М.: Мысль, 1988. – 797 с.; Кн. IV. – М.: Мысль, 1989. 751 с; Кн. V. – М.: Мысль, 1990. – 718 с.; Кн. VII. – М.: Мысль, 1991. – 701 с.

Соловьев С.М. Европа в конце XVIII века / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XXII. Дополнительная. Работы разных лет. – М.: Наука. 1998. – С. 198–319.

Соловьев С.М. История падения Польши / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. Со-

- чинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. – М.: Мысль, 1995. – С. 406–628.
- Соловьев С.М. Восточный вопрос / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVI. Работы разных лет. – М.: Мысль, 1995. – С. 630–672.
- Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия / С.М. Соловьев // Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XVII. Работы разных лет. – М.: Мысль, 1996. – С. 203–704.
- Спасович В.Д. Князь Петр Андреевич Вяземский и его польские отношения и знакомства / В.Д. Спасович // Спасович В.Д. Сочинения.– СПб.: Типография Н. Финдейзена. 1896. – Т. VIII. – С. 1–51.
- Спасович В.Д. Пушкин в польской новейшей литературной критике / В.Д. Спасович// Спасович В.Д. Сочинения.– СПб.: Типография Н. Финдейзена, 1896. – Т. VIII. – С. 55–94.
- Старчевский А.В. Очерк литературы русской истории до Карамзина / А.В. старчевский. – СПб.: В типографии К. Жернакова, 1845. – 292 с.
- Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. Кн. 3 / Н.Н. Страхов. – СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1896. – 384 с.
- Страхов Н.Н. Борьба с Западом / Н.Н. Страхов. – М.: Институт русской цивилизации. 2010. – 571 с.
- Русский [Страхов Н.Н.]. Роковой вопрос (Заметка по поводу польского вопроса) // Время. – 1863. – № 4. – С. 152–163.
- Страхов Н.Н. Роковой вопрос / Н.Н. Страхов // Страхов Н.Н. Борьба с Западом. – М.: Институт русской цивилизации. 2010. – С. 37–50.
- Страхов Н.Н. Роковой вопрос / Н.Н. Страхов // Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки. – СПб.: Изд. 2-е. СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1890. – Кн. 2. – С. 111–128.
- Талько-Грынцевич Ю. Поляки. Антропологический очерк / Ю. Талько-Грынцевич // Русский антропологический журнал. – 1901. – № 1.
- Татищев В.Н. История Российская / В.Н. Татищев. М.: Напечатано при Императорском Московском университете, 1768. – Кн. I. Ч. I. – 224 с.
- Терешкович Н. Польша и поляки / Н. Терешкович. – М., 1906.

- Трачевский А.С. Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов 1572–1573 / А.С. Трачевский. – СПб.: Тип. Грачева и Компании, 1869. – 511 с.
- Три раздела Польши // Северная почта. – 1864. – № 120–143.
- Уманец Ф.М. Вырождение Польши / Ф.М. Уманец. – СПб., 1872.
- Уманец Ф.М. Понятовский и Репнин / Ф.М. Уманец // Древняя и новая Россия. – 1875. – Май – Август.
- Уманец Ф.М. Русско-литовская партия в Польше 1574–1576 гг. / Ф.М. Уманец // ЖМНП. – 1875. – № 12.
- Уманец Ф.М. Станислав Лещинский / Ф.М. Уманец // Древняя и новая Россия. – 1875. – Апрель. – С. 322–348.
- Успенский Ф.И. Первые славянские монархии на северо-западе / Ф.И. Успенский. – СПб.: В тип. Ф.С. Сущинского, 1872. – 266 с.
- Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI – XVII ст. (1544–1648). Т. 1–2. / Г.В. Форстен. – СПб.: Тип. В.С. Балашева и Ко, 1893–1894. – Т. 1. – 717 с.; Т. 2. – 630 с.
- Царство Польское. Варшавская, Калишская, Келецкая, Ломжинская, Люблинская, Петрковская Плоцкая, Радомская, Сувалкская и Седлецкая губернии. Т. 4. Ч. 1. // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб.– М.: Издание тов. М.О. Вольф, 1896. – 500 с.
- Чаадаев П.Я. – А.С. Пушкину от 18 сентября 1831 г. / П.Я. Чаадаев // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. – М.: Наука, 1991. Т. 2. – С. 72–73.
- Чаадаев П.Я. Несколько слов о польском вопросе / П.Я. Чаадаев // Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2 т. – М.: Наука, 1991. Т. 1. – С. 512–515.
- Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762–1774 / Н.Д. Чечулин. – СПб.: Тип. Главного Управления Уделов, 1896. – 468 с.
- Чистович И.А. Диссидентский вопрос в Польше в первой половине XVIII столетия / И.А. Чистович. – СПб., Типография Императорской АН, 1880. – 82 с.

- Чистович И.А. Очерк истории западно-русской церкви / И.А. Чистович. – СПб.: Типография Департамента уделов, 1882. – Ч. 1. – 220 с.
- Чичерин Б.Н. Воспоминания. В 2-х тт. / Б.Н. Чичерин; прим. С.В. Бахрушин. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 2010. – Т. 1. – 496 с. – Т. 2. – 528 с.
- Щебальский П.К. Русская политика и русская партия в Польше до Екатерины II / П.К. Щебальский. – М.: Университетская тип., 1864. – 47 с.
- Щебальский П.К. Новые материалы из эпохи 1771–1773 гг. / П.К. Щебальский // Русский вестник. – 1860. – Кн. 20. – С. 639–664.
- Щербатов М.М. История Российская от древнейших времен. В 7 т. – Т. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1770. – 325 с.
- Щербатов М.М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю, в оправдание на некоторыя сокрытыя и явныя охуления, учиненныя его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца Примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка / М.М. Щербатов. – М.: В Университетской типографии, 1789. – 149 с.
- Яцимирский А.И. Новейшая польская литература от восстания 1863 года до наших дней / А.И. Яцимирский. Т. I – II. СПб.: Тип. О.Н. Попова, 1908. – Т. I. – 420 с. Т. II. – 494 с.
- Яцимирский А.И. Рец. на кн.: Кареев Н.И. Polonica: Сб. статей по польским делам. СПб., 1905 / А.И. Яцимирский // Исторический вестник. – 1906. – Т. CIV. – С. 296–297.
- Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie / M. Bobrzyński. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. – 496 s.
- Spasowicz Wł. Dzieje literatury polskiej. Wyd. trzecie / Wł. Spasowicz. – Kraków; Warszawa: Gebethner i Wolff, 1891. – 440 с.

Литература

- Айзеншток И.Я. Н.В. Гоголь и Петербургский университет / И.Я. Айзеншток // Вестник Ленинградского университета. – 1952. – № 3. – С. 17–38.
- Акимова Н.Н. Ф.В. Булгарин в литературном контексте первой половины XIX века. Автореф. ... д.филол.н. – СПб., 2003.

- Аксенова Е.П. А. Н. Пыпин о славянстве / Е.П. Аксенова. – М.: Индрик, 2006. – 504 с.
- Акульшин П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России / П.В. Акульшин. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 238 с.
- Алешковский М.Х. Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси / М.Х. Алешковский. – М.: Наука, 1971. – 133 с.
- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XII–XVII вв. / М.А. Алпатов. – М.: Наука, 1973. – 480 с.
- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XVII – первая четверть XVIII века / М.А. Алпатов. – М.: Наука, 1976. – 456 с.
- Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.) / М.А. Алпатов. – М.: Наука, 1985. – 272 с.
- Альтман М. Иван Гаврилович Прыжов и его литературное наследие // Прыжов И.Г. История кабаков в России. – М.: Изд-во «Дружба народов», 1992.
- Ананьев С.В. Политическая борьба в правящих кругах Российской империи в связи с польским восстанием 1863–1864 гг. / С.В. Ананьев // Российско-польский исторический альманах. Выпуск V. Ставрополь–Волгоград, 2011. – С. 123–132.
- Ананьева Н.Е. Польские мотивы и польско-украинские языковые элементы в творчестве Н.В. Гоголя / Н.Е. Ананьева // Н.В. Гоголь и славянские литературы. – М.: Индрик, 2012. – С. 108–125.
- Анисимов М.Ю. Правобережная Украина и Белоруссия во внешней политике Российской империи в 50-х – начале 60-х годов XVIII в. / М.Ю. Анисимов // Труды Института Российской истории. – Вып. 8. – М.: Наука, 2009. – С. 119–153.
- Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756–1763 гг. / М.Ю. Анисимов М.Ю. – М.: Тов-во научных изданий КМК, 2014. – 571 с.
- Анненкова Е.И. Гоголь и русское общество / Е.И. Анненкова. – СПб.: Росток, 2012. – 752 с.
- Аржакова Л.М., Якубский В.А. Польский вопрос в русской историографии и публицистике первой трети XIX в. / Л.М. Аржакова, В.А. Якубский // *Albo dies*

notanda lapillo. Коллеги и ученики – Г.Е. Лебедевой (Византийская библиотека). – СПб.: Алетейя, 2005. – С. 173–193.

Аржакова Л.М. О.М. Бодянский и польская проблематика / Л.М. Аржакова // О.М. Бодянский и проблемы истории славяноведения (К 200-летию со дня рождения ученого). – М.; Ставрополь: 2009. – С. 158–165.

Аржакова Л.М. «Польские» статьи М.П. Погодина 1830-х гг. / Л.М. Аржакова // Славянский альманах. 2007. – М.: Индрик, 2008.

Аржакова Л. М. Долгая пауза после блистательных успехов: русская историческая полонистика на исходе XIX века // Славяноведение. – 2010. – № 1. – С. 44–53.

Arżakowa L. Rozbiory Polski – Рец. на кн.: Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М., 2002 / L. Arżakowa // Arkana: Kultura – Historia – Polityka. Kraków. Nr. 64–65. (4–5 / 2005).

А.С. Пушкин и мир славянской культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2000. – 275 с.

Афиани В.Ю., Козлов В.П. От замысла к изданию «Истории государства Российского» / В.Ю. Афиани, В.П. Козлов // Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1989. – Т. 1. – С. 514–551.

Бадалян Д.А. Понятие *конституция* в России XVIII – XIX веков: от постановления сейма и узаконения к венчанию здания и правовому порядку / Д.А. Бадалян // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. В 2 т. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 1. – С. 151–174.

Басевич А.М. Иоахим Лелевель. Польский революционер, демократ, ученый / А.М. Басевич. – М.: Соцэкиз, 1961. – 190 с.

Бахтурина А.Ю. П.Н. Милюков и польский вопрос / А.Ю. Бахтурина // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. – М.: РОССПЭН, 2009. – С. 334–342.

Бачинин А.Н. Россия и Польша в историко-политической публицистике М.П. Погодина / А.Н. Бачинин // Балканские исследования. – М.: Институт славяноведения и балканистики, 1992. – Вып. 16. – С. 167–179.

Бачинин А.Н. М.П. Погодин в отечественной историографии: заметки / А.Н. Бачинин // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки». Историография, источ-

никоведение, методы исторических исследований. – 2010. – № 7 (50) /10. – С. 28–42.

Безродный М.В. О польской речи в «Борисе Годунове» / М.В. Безродный // Пушкин и его современники. – СПб.: Академический проект, 2000. – Вып. 2 (41). – С. 222–224.

Беляев М.Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е.М. Хитрово / М.Д. Беляев // Письма Пушкина к Е.М. Хитрово. 1827–1832 / Труды Пушкинского Дома. – Л.: Изд-во АН СССР, 1927. Вып. XLVIII. – 400 с.

Белявская И.А. А.И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века / И.А. Белявская. – М.: Изд-во МГУ, 1954. – 195 с.

Берков П.Н. Пушкин и Петербургский университет / П.Н. Берков // Вестник Ленинградского университета. – 1949. – № 6. – С. 121–132.

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (Татищев, Шлецер, Карамзин, Погодин, Соловьев, Ешевский, Гильфердинг) / К.Н. Бестужев-Рюмин. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1882. – 358 с.

Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики (Летописцы России) / К.Н. Бестужев-Рюмин. – М.: Век, 1997. – 318 с.

Благой Д.Д. Пушкин в неизданной переписке современников (1815–1837) / Д.Д. Благой // Литературное наследство. – М.: Наука, 1952. – Т. 58. – С. 3–28.

Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914) / Д. Бовуа. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 995 с.

Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки истории исторической мысли «переходного периода» / А.П. Богданов. – М.: Гос. пуб. ист. библиотека, 1994. – 144 с.

Богданов А.П. От летописания к исследованию: русские историки последней четверти XVII века / А.П. Богданов. – М.: Российский Институт социальных коммуникаций, 1995. – 552 с.

Борисенок Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы / Ю.А. Борисенок. – М.: РОССПЭН, 2001. – 304 с.

- Браиловский С.Н. К истории русско-польских литературных отношений: Мицкевич и Пушкин: (По поводу книги: Tretjak J. Studia i szkice. Warszawa, 1906) [Электронный ресурс] / С.Н. Браиловский // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. / Комиссия для изд. соч. Пушкина при Отд-нии русского языка и словесности Имп. акад. наук. Вып. 7. – СПб., 1908. – С. 79–109. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/ps7/ps72079-.htm>
- Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века / В.П. Бузескул. – М.: Индрик, 2008. – 831 с.
- Бухарин С.Н., Ракитянский Н.М. Россия и Польша: Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации / С.Н. Бухарин, Н.М. Ракитянский. – М., 2011.
- Бэлза С.И. Польские связи П.А. Вяземского / С.И. Бэлза // Польско-русские литературные связи. – М.: Наука, 1970.
- Вайгачев С.А. Послесловие / С.А. Вайгачев // Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – С. 556–567.
- Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в советской историографии / С.Н. Валк // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. – СПб.: Наука, 2000. – С. 412–451.
- Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в трудах отечественных исследователей XIX – начала XX века. Подготовительные фрагменты / С.Н. Валк // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. – СПб.: Наука, 2000. – С. 462–515.
- Валк С.Н. «История Российская» В.Н. Татищева в трудах Н.М. Карамзина / С.Н. Валк // Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. – СПб.: Наука, 2000. – С. 452–461.
- Васильев А.Г. Мемориализация травмы в культурной памяти: «падение Польши» в польской историографии XIX века // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: Круг, 2010. – С. 813–843.
- Вацуру В.Э. Мицкевич и русская литературная среда 1820-х годов (Разыскания) / В.Э. Вацуру // Вацуру В.Э. Избранные труды. – М.: Языки славянской культу-

ры. 2004. – С. 672–714.

Велижев М.Б. Цивилизация и средний класс / М.Б. Велижев // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 1. – С. 249–292.

Великодная И.Л. Петр Вяземский и Франтишек Моравский. Эпизод из истории русско-польских литературных отношений / И.Л. Великодная // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. М.: Индрик, 2000. – С. 120–125.

Верт П. Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи / П. Верт. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 280 с.

Вернадский Г.В. Русская историография / Г.П. Вернадский. – М.: Аграф, 1998. – 448 с.

Волкова И.В. Сергей Михайлович Соловьев. Очерк жизни и творчества // Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории / И.В. Волкова. – М.: Республика, 1992. – С. 23–186.

Волкогонова О.Д. Константин Леонтьев / О. Волкогонова. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 453 с.

Володина Т.А. «Русская история» С.Н. Глинки и общественные настроения в России в начале XIX века / Т.А. Володина // Вопросы истории. – 2002. – № 4. – С. 147–161.

Вольная русская поэзия второй половины XVIII – первой половины XIX в. Л.: 1970.

Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов. – М.: Изд-во Академии наук СССР. 1960. – 727 с.

Воробьева И.Г. Профессор-славист Нил Александрович Попов / И.Г. Воробьева. – Тверь: Тверской государственный университет, 1999. – 191 с.

Воробьева И.Г. Зарубежная историография славянских народов в трудах Н.А. Попова / И.Г. Воробьева // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – СПб.: Алетейя, 2005. – Вып. 5. – С. 21–41.

Воробьева И.Г. Университетский устав 1863 г. и российское славяноведение / И.Г. Воробьева // Мир историка. Историографический сборник. – Омск: Изд-во

- Омского государственного университета, 2014. – Вып. 9. – С. 103–110.
- Воробьева И.Г. Юрий Крижанич и его трактат «Объяснение сводное о письме славянском» / И.Г. Воробьева // Тверская рукопись Юрия Крижанича. Тверь: Издательство Сатори, 2008. – С. 7–23.
- Глушковский П. Ф.В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений / П. Глушковский. – СПб.: Алетейя, 2013. – 232 с.
- Ганус С.А. Рецепция истории церкви в восточнославянских историографиях эпохи романтизма конца XVIII – первой половины XIX в.: этнокультурные контексты и познавательные модели (на примере творчества М.М. Лучкая, Н.Н. Бантыш-Каменского и Д.И. Зубрицкого) / С.А. Ганус // Межконфессиональные, культурные и общественные связи России с зарубежными славянками. – М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 282–301.
- Гольдберг А.Л. Идея "Москва — Третий Рим" в цикле сочинений первой половины XVI века / А.Л. Гольдберг // Труды Отдела древнерусской литературы. — М.; Л., 1983. – Т. XXXVII. – С. 139–143.
- Гольдберг А.Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси / А.Л. Горбачевский И.И. Записки / И.И. Горбачевский // Мемуары декабристов. – М.: Правда, 1988. – С. 165–312.
- Горизонтов Л.Е. Изучение истории Польши в Великобритании: организация исследований и научные кадры / Л.Е. Горизонтов // Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и США / Отв. ред. А.С. Мыльников. – М.: Наука, 1989. – С. 39–55.
- Горизонтов Л.Е. Споры по польскому вопросу в России в 40-80-х гг. XIX в. / Л.Е. Горизонтов // Вопросы истории. – 1987. – № 7. – С. 158–160.
- Горизонтов Л.Е. Славянофильство и политика самодержавия в Польше в первой половине 60-х гг. XIX в. / Л.Е. Горизонтов // Россия и славяне: политика и дипломатия. – М.: Институт славяноведения РАН, 1992. – С. 99–107.
- Горизонтов Л.Е. Помещик или мужик? Русское землевладение в стратегии решения польского вопроса // Имперский строй России в региональном измерении (XIX начало XX века) / Сб. ст. под ред. П.И. Савельева. – М.: МОНФ. 1997. – С.

86–129.

Горизонтов Л.Е. Раскольнический клин. Польский вопрос и старообрядцы / Л.Е. Горизонтов // Славянский альманах. 1997. – М.: Индрик. 1998. – С. 140–167.

Горизонтов Л.Е. Поляки и нигилизм в России. Споры о национальной природе «разрушительных сил» / Л.Е. Горизонтов // Автопортрет славянина. – М.: Индрик. 1999. – С. 143–167.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше / Л.Е. Горизонтов. – М.: Индрик. 1999. – 272 с.

Горизонтов Л.Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи. 1831 г. – начало XX в.: Ключевые проблемы. Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 1999. – 40 с.

Горизонтов Л.Е. «Польская цивилизованность» и «русское варварство»: основания для стереотипов и автостереотипов / Л.Е. Горизонтов // Миф Европы в литературе и культуре Польши и России. М.: 2004. – С. 62–75.

Горяинов А.Н. В.И. Пичета, его убеждения и трагедия / А.Н. Горяинов // Горяинов А.Н. В России и эмиграции: Очерки о славяноведении и славистах первой половины XX в. – М.: Индрик, 2006. – С. 116–153.

Градовский А.Д. Национальный вопрос в истории и в литературе / А.Д. Градовский. – М.: Государственная Публичная историческая библиотека России. 2009. – 284 с.

Градовский А. Национальный вопрос в истории и в литературе / А. Градовский. – СПб., Тип. и лит. А. Траншеля, 1873. – 309 с.

Градовский А.Д. Задача русской молодежи / А.Д. Градовский // Градовский А.Д. Сочинения. – СПб.: Наука, 2001. – С. 474–484.

Григорьева И.Л., Салоников Н.В. «Хроника» Матвея Стрыйковского из библиотеки А.И. Лызлова / И.Л. Григорьева, Н.В. Салоников // Старая Европа: Очерки истории общества и культуры. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007. – С. 250–257.

Гросул В.Я. Истоки трех революций / В.Я. Гросул // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 34–54.

Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века / В.Я. Гросул. – М.:

АИРО – XXI. 2013. – 560 с.

Гросул В.Я. Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков / В.Я. Гросул // Труды Института Российской истории. – Вып. 5. – М.: Наука, 2005. – С. 118–165.

Гусев В.А. Консервативная русская политическая мысль / В. А. Гусев. – Тверь: Риф, 1997. – 148 с.

Гусев В. А. Русский консерватизм: основные направления и этапы Развития / В. А. Гусев. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2001. – 235 с.

Дворский А. Пушкин и польская культура / А. Дворский. – СПб.: Визер, 1999. – 246 с.

Дмитриев М.В. Киево-Могилянская Академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) / М.В. Дмитриев // Київська Академія. Киев, 2006. – Вып. 2–3. – С. 14–31.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера. Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение. 2010. – 999 с.

Долбилов М.Д. Поляк в имперском политическом лексиконе / М.Д. Долбилов // «Понятия о России». К исторической семантике имперского периода. – М.: Новое литературное обозрение. 2012. – Т. 2. – С. 292–339.

Досталь М.Ю. Становление славистики в Московском университете в свете архивных находок. Избранные очерки / М.Ю. Досталь. – М.: Компания Спутник+, 2005. – 96 с.

Дудзинская Е.А. Славянофилы в общественной борьбе / Е.А. Дудзинская. – М.: Мысль, 1983. – 271 с.

Дурновцев В.А., Бачинин А.Н. Разъяснить явления русской жизни из нее самой: Михаил Петрович Погодин / В.А. Дурновцев, А.Н. Бачинин // Историки России. XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Скрипторий, 1996. – С. 194–214

Дьяков В.А. Польская тематика в русской историографии конца XIX – начала XX века (Н.И. Кареев, А.А. Корнилов, А.Л. Погодин, В.А. Францев) / В.А. Дьяков // История и историки. Историографический ежегодник. 1978. – М.: Наука,

1981. – С. 147–161.

Дьяков В.А. Политические интерпретации идеи славянской солидарности и развитие славяноведения (с конца XVIII в. до 1939 г.) / В.А. Дьяков // Методологические проблемы истории славистики. – М.: Наука, 1978. – С. 232–260.

Дьяков В.А. Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов: библиографический словарь / В.А. Дьяков. – М.: Наука. 1967. – 255 с.

Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России / В.А. Дьяков. – М.: Наука, 1993. – 205 с.

Дьяков В.А., Королюк В.Д., Миллер И.С. Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года: сборник статей и материалов / В.А. Дьяков, В.Д. Королюк, И.С. Миллер. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 609 с.

Дьяков В.А., Миллер И.С. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. / В.А. Дьяков, И.С. Миллер. – М.: Наука, 1964. – 446 с.

Дьяков В.А., Мыльников А.С. Об основных этапах развития славяноведения в дореволюционной России / В.А. Дьяков, А.С. Мыльников // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – С. 11–46.

Егерова Т.А. Русские консерваторы в социокультурном контексте эпохи конца XVIII – первой четверти XIX вв. / Т.А. Егерова. – М: Новый Хронограф, 2014. – 416 с.

Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана / Б.Ф. Егоров. – М.: Языки славянских культур, 2003. – 368 с.

Ефремов А.В. «Россия и Европа»: ретроспектива и перспектива / А.В. Ефремов // Данилевский Н.Я. Россия и Европа / А.В. Ефремов. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 640 с.

Ермашов Д.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века. У истоков российского консерватизма: Н.М. Карамзин / Д.В. Ермашов, А.А. Ширинянц. – Изд-во Московского Университета, 1999. – 240 с.

Жуковская Т.Н. Польский вопрос и русское общество в 1815–1825 гг. / Т.Н. Жуковская // Памяти Ю.Д. Марголиса: письма, документы, научные работы, вос-

- поминания. СПб.: Серебряный век. Контрфорс, 2000. – С. 612–629.
- Жуковская Т.Н. Правительство и общество при Александре I / Т.Н. Жуковская. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. университет, 2002. – 217 с.
- Жуковская Т.Н. Дворянский либерализм при Александре I. Споры о конституциях и «Рабстве» в русских журналах 1800–1810 годов / Т.Н. Жуковская. – Петрозаводск: Петрозаводский гос. университет, 2002. – 40 с.
- Западные окраины Российской империи / Ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 605 с.
- Запольская Н.Н. «Объяснение сводное о письме славянском»: графико-орфографические опыты Крижанича / Н.Н. Запольская // Тверская рукопись Юрия Крижанича. – Тверь: Изд-во Сатори, 2008. – С. 181–197
- Захарова М.М. К вопросу о биографии В.Б. Броневского / М.М. Захарова // Вестник РГГУ. Серия Журналистика. Литературная критика. – 2008. – № 11/08. – С. 58–74.
- Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева / В.П. Золотарев. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1988. – 155 с.
- Золотарев В.П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» / В.П. Золотарев // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. С. 5–40.
- Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.
- Иванов А.Е. Варшавский университет в конце XIX – начале XX в. / А.Е. Иванов // Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX в.) Варшава: Изд-во Urowstzechnianie Nauki – Oświata „UN-O”, 1995. – С. 198–205.
- Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект / А.Е. Иванов // Отечественная история. – 1997. – № 6. – С. 23–33.
- Иванов Ю.Ф. Жизнь и творчество Н.Н. Любовича / Ю.Ф. Иванов // Вопросы истории славян. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2007. – Вып. 18. С.

168–190.

Иванова З.Е. Трачевский – историк Польши / З.Е. Иванова // Актуальные проблемы развития общественных наук: тезисы докладов. – Петрозаводск, 1986.

Иванова С.И. Идентичность сквозь призму «рокового вопроса» в философской концепции Н.Н. Страбова (по материалам публицистики 1860-х годов) / С.И. Иванова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 19–27.

Ивинский Д.П. Пушкин и Мицкевич. История литературных отношений / Д.П. Ивинский. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 432 с.

Иллерицкий В. Е. Сергей Михайлович Соловьев / В.Е. Иллерицкий. – М.: Наука, 1980. – 193 с.

Иннокентий Гизель // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. – Вып. 3 (XVII в.). Часть 2. И–О. – С. 43–46.

История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. – М.: ИВИ РАН, 2008. – 352 с.

Историки России. XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Скрипторий, 1996. – 685 с.

Ишутин В.В. Славянская проблематика в научных заседаниях Общества истории и древностей российских при Московском университете в первой половине XIX в. (1804–1848 гг.) / В.В. Ишутин // Историографические исследования по славяноведению и балканистике. – М.: Наука, 1984. – С. 97–115.

Каганович Б.В. Е.В. Тарле и Петербургская школа историков / Б.В. Каганович / Отв. ред. А.А. Фурсенко. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. – 135 с.

Каганович Б.В. Евгений Викторович Тарле. Историк и время / Б.С. Каганович. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2014. – 357 с.

Казаков Р.Б. Из истории источниковедения в России XIX в. Н.М. Карамзин как историописатель / Р.Б. Казаков // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М.: ИВИ РАН, 2013. – № 44. – С. 127–142.

Калашников М.В. Понятие либерализм в русском общественном сознании XIX века / М.В. Калашников // «Понятия о России». К исторической семантике им-

- перского периода. Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – С. 464–513.
- Каменский А.Б. Судьба и труды Герарда Фридриха Миллера (1705–1783) // Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России: Избранное / А.Б. Каменский. – М.: Наука, 1996. – С. 374–416.
- Каменский А.Б. У истоков русской исторической науки: Г.Ф. Миллер / А.Б. Каменский // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – С. 33–52.
- Каменский А.Б. Комментарии к шестнадцатой книге «Сочинений» С.М. Соловьева / А.Б. Каменский // Соловьев С.М. Соч. в 18 книгах. – М.: Мысль, 1995. – Кн. XVI.
- Канн А.С. Историк Г.В. Форстен и наука его времени / А.С. Канн. – М.: Наука, 1979. – 152 с.
- Карнаухов Д.В. Проблема русских летописных источников Яна Длугоша и Мачея Стрыйковского в отечественной и зарубежной историографии / Д.В. Карнаухов // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 346. – С. 69–73.
- Карнаухов Д.В. Русские известия Хроники Яна Длугоша в отечественной и польской историографии / Д.В. Карнаухов // Российско-польский исторический альманах. Выпуск VI. – Ставрополь–Волгоград, 2012. – С. 3–19.
- Карнаухов Д.В. История русских земель в польской хронографии конца XV – начала XVII вв. / Д.В. Карнаухов. – Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2009. – 232 с.
- Карнаухов Д.В. Концепции истории средневековой Руси в польской хронографии эпохи Возрождения / Д.В. Карнаухов. – Новосибирск: НГПУ, 2010. – 291 с.
- Кацис Л.Ф., Одесский М.П. «Славянская взаимность»: Модель и топика. Очерки / Л.Ф. Кацис, М.П. Одесский. – М.: Издательский Дом «Регнум», 2011. – 314 с.
- Киреева Р.А. Не мог жить и не писать: Николай Иванович Костомаров // Историки России. XVIII – начало XX века. М.: Скрипторий, 1996. – С. 268–314.
- Кирсанова Е.С. Консервативно-либеральная идея синтеза истории и политики и русская историография второй половины XIX века / Е.С. Кирсанова // Вестник

- Томского университета. – № 281. – 2004. – С. 155–161.
- Киреева Р.А. К.Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. / Р.А. Киреева. – М.: Наука, 1990. – 264 с.
- Китаев В.А. Русские либералы и польское восстание 1863 года / В.А. Китаев // Славяноведение. – 1998. – № 1. – С. 54 – 61.
- Китаев В.А. Славянофильство и либерализм / В.А. Китаев // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 133–143.
- Китаев В.А. «Историческая мысль» как понятие историографии / В.А. Китаев // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Ч. 1. Саратов: Саратовский государственный технический университет, 1995. – С. 23–30.
- Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860-1880 гг.) / В.А. Китаев. – Саратов, Изд-во Саратовского университета, 2004. – 377 с.
- Китаев В.А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50-60-х годов XIX века / В.А. Китаев. – М.: Мысль, 1972. – 287 с.
- Ключевский В.О. Н.М. Карамзин / В.О. Ключевский // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М.: Наука, 1983. – С. 133–137.
- Ключевский В.О. М.П. Погодин / В.О. Ключевский // Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. – М.: Наука, 1983. – С. 138–152.
- Ковальченко И.Д., С.С. Дмитриев. Историк Сергей Михайлович Соловьев. Его жизнь, труды, научное наследие / И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев // Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М.: Мысль, 1988. Кн. 1. – С. 6–48.
- Козлов В.П. «История Государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников / В.П. Козлов. – М.: Наука, 1989. – 224 с.
- Козлов В.П. «Примечания» Н.М. Карамзина к «Истории Государства Российского» / В.П. Козлов // Карамзин Н.М. История государства Российского / В.П. Козлов. В 12 т. – М.: Наука, 1989. – Т. I. – С. 551–574.
- Козлова Н.А. Труды Н.Н. Бантыш-Кааменского по истории России / Н.А. Козлова // Россия на путях централизации / Отв. ред. В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1982. – С. 287–293.
- Койре А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века / А.

Койре; перевод с французского А.М. Руткевича. – М.: Модест Колеров, 2003. – 304 с.

Колесник И.И. Историографическая мысль в России: от Татищева до Карамзина / И.И. Колесник. – Днепропетровск, Изд-во Днепропетровского государственного университета, 1993. – 206 с.

Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ / А.А. Комзолова. – М.: Наука, 2005. – 383 с.

Космолинская Г.А. Об иностранных источниках «Истории Государства Российского» / Г.А. Космолинская // Вопросы истории. – 1986. - № 3. – С. 172–178.

Кошелев В.А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е годы) / В.А. Кошелев. – Л.: Наука, 1984. – 196 с.

Кручковский Т.Т. Интерпретация польского вопроса в России Н.И. Кареевым в «Польских письмах» / Т.Т. Кручковский // Белорусская политология: многообразие в единстве. Политическое знание в современном социальном и образовательном пространстве: Тезисы докладов на V международной научно-практической конференции. Гродно, 17 – 18 мая 2012 г. В 2 ч. Ч. 1. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. – С. 288–291.

Кручковский Т.Т. История России первого периода и польско-российские отношения этого периода в интерпретации В.О Ключевского [Электронный ресурс] / Т.Т. Кручковский // С. 27–35. – Режим доступа: <http://www.elib.psunbrb.by/bitstream/112/7892/1/5.pdf>

Кручковский Т.Т. Н.М. Карамзин о религиозном факторе в отношениях Москвы и ВКЛ в XIV – начале XVI века [Электронный ресурс] / Т.Т. Кручковский. – Крыніца: Хрысціянства у гістарычным лёсе беларускага народа. Частка 1. 2009. Гродно: ГрДУ им. Я. Купалы, 2009. – С. 18–24. – Режим доступа: http://pawet.net/library/history/bel_history/marozava/82/02/%D0%93%D0%BB%D0%B0%D0%B2%D0%B0_1.html#_Toc251763404

Кручковский Т.Т. Падение Речи Посполитой в оценке Н.М. Карамзина / Т.Т. Кручковский // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. – С. 225–232.

Кручковский Т.Т. Проблемы разделов Речи Посполитой в русской историографии второй половины XIX – начала XX века / Т.Т. Кручковский // Славяноведение. – 1993. – № 5. – С. 76–85.

Кручковский Т.Т. Российско-польское соперничество конца XVI – начала XVII веков в оценке Н.М. Карамзина [Электронный ресурс] / Т.Т. Кручковский. – С. 37–46. – Режим доступа: <http://www.elib.psunbrb.by/bitstream/112/1956/1/6.pdf>

Кручковский Т.Т., Хилюта В.А. Польские источники в историческом творчестве Н.М. Карамзина // Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. – С. 232–246.

Кузовкина Т. Феномен Булгарина: проблема литературной тактики / Т.Д. Кузовкина. – Тарту: Тартуский университет, 2007. – 161 с.

Куняев С. Русский полонез / С. Куняев. – М.: Алгоритм, 2006. – 352 с.

Кушаков А.В. Пушкин и Польша / А.В. Кушаков. – Тула: Приокское книжное изд-во, 1990. – 127 с.

Де Лазари А. Польская и русская душа // Европа. Журнал Польского института международных дел. 2003. Т. 3. № 1 (6).

Де Лазари А. Поляки и русские глазами друг друга (Постановка проблемы на материалах политической карикатуры) / А. Де Лазари [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://srch.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no17_ses/06lazari.pdf

Де Лазари А., Рябов О. Русские и поляки глазами друг друга: Сатирическая графика. Иваново, 2007.

Де Лазари А., Рябов О.В. «Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) / А. де Лазари, О.В. Рябов // Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований Ивановского государственного университета. Вып. 2: Визуализация нации. Иваново, 2008. – С. 162–182.

Лаптева Л.П. Русский историк-славист Александр Львович Погодин. Жизнь и творчество (1872–1947) / Л.П. Лаптева. – М.: Дом русского зарубежья им. А.И. Солженицына, 2011. – 148 с.

Лаптева Л.П. История западных и южных славян в освещении русской историо-

- графии XIX – XX вв. / Л.П. Лаптева. – СПб.: Алетейя. 2013. – 527 с.
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке / Л.П. Лаптева. – М.: Индрик, 2005. – 848 с.
- Лаптева Л.П. История славяноведения в России в конце XIX – первой трети XX в. / Л.П. Лаптева. – М.: Индрик, 2012. – 840 с.
- Лаптева Л.П. Варшавский университет / Л.П. Лаптева // Лаптева Л.П. Преподавание истории зарубежных славян в российских Университетах во второй половине XIX – начале XX вв. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – С. 103–112.
- Лаптева Л.П. В.И. Герье и его оценка университетов Германии // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН. – 2013. – № 42. – С. 223–236.
- Лаптева Л.П. Два века славяноведения в России (к 170-летию создания славистических кафедр в российских университетах) / Л.П. Лаптева // Славяноведение в России в XIX–XXI веках. – М.: Институт славяноведения РАН, 2007. – С. 9–35.
- Лаптева Л.П. Изучение истории славян в Московском университете в конце XIX – начале XX в. (до 1917 г.) / Л.П. Лаптева // Славяне в эпоху феодализма. – М.: Наука, 1978. – С. 286–293.
- Лаптева Л.П. К вопросу о русско-чешских научных контактах в конце XIX – начале XX вв. Ф.Ф. Зигель (1845–1921) и Я. Челаковский (1846–1914) / Л.П. Лаптева // *Prospice sed respice: Проблемы славяноведения и медиевистики*. СПб.: Исторический факультет СПбГУ, 2009. – С. 252–278.
- Лаптева Л.П. Контакты русских ученых с чешским ученым и политическим деятелем Т.Г. Масариком (до 1917 г.) / Л.П. Лаптева // Мыслящие миры русского либерализма: Павел Миллюков (1859–1943). – М.: Изд-во «Любавич», 2010. – С. 237–248.
- Лаптева Л.П. Научная и педагогическая деятельность русского историка права, слависта Ф.Ф. Зигеля (1845–1921) / Л.П. Лаптева // История и историки. 2006. Историографический ежегодник. – М.: Наука, 2007. – С. 257–303.
- Лаптева Л.П. Профессор Варшавского университета Викентий Макушев и его

работы о Польше / Л.П. Лаптева // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара: Изд-во Самарского гос. университета, 1996. – Вып. 1. – С. 156–167.

Лаптева Л.П. Профессор Императорского Варшавского университета Константин Яковлевич Грот (1853–1934) / Л.П. Лаптева // Российские университеты в XVIII–XX веках. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. – Вып. 7. – С. 158 – 185.

Лаптева Л.П. Русский славист А.Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос / Л.П. Лаптева // Российско-польские связи в XIX–XX вв. – М.: Индрик, 2003. – С. 91–102.

Лаптева Л.П. Славянофильство как основа мировоззрения и научных концепций А.Ф. Гильфердинга / Л.П. Лаптева // Славянский альманах. 2000. – М.: Индрик, 2001. – С. 96–105.

Лаптева Л.П. Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX в. / Л.П. Лаптева. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 296 с.

Лаптева Л.П. Славяноведческие исследования русских ученых-эмигрантов в славянских странах (20 – 40-е гг. XX в.) / Л.П. Лаптева // На рубеже культур: Русская эмиграция в межвоенной Чехословакии. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. – С. 97–123.

Лаптева Л.П. Социально-экономическое положение и политическая ситуация славянских народов перед Первой мировой войной в освещении А.Л. Погодина / Л.П. Лаптева // Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянские народы: векторы взаимодействия в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе. – М.: Институт славяноведения РАН, 2010. – С. 266–278.

Лаптева Л.П. Чешско-русские научные связи в XIX в.: переписка П.Й. Шафарика и М.П. Погодина / Л.П. Лаптева // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. – 2003. – № 2. – С. 72–74.

Ларионова Е.О. «Борис Годунов»: проблема критического текста / Е.О. Ларионова // Пушкин и его современники. Вып. 4 (43). СПб.: Нестор – История, 2005. – С. 279–303.

Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной исто-

риографии. А.А. Корнилов / А.А. Левандовский. – М.: Изд-во Московского университета, 1982. – 182 с.

Левинсон К.А. Тема России и Польши в публицистике М.Н Каткова / К.А. Левинсон // Образы России в научном, художественном и политическом дискурсах. Петрозаводск, 2001. – С. 118–125.

Лескинен М.В. Концепт «национальный характер/нрав народа» в языке российской науки второй половины XIX века / М.В. Лескинен // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. В потемках души: путешествие, характерологии, идентичность. – М.: ИВИ РАН, 2012. – № 39. – С. 148–169.

Лескинен М.В. Сарматский патриотизм в контексте формирования польской национальной мифологии в XVII веке / М.В. Лескинен // Польская культура в зеркале веков. – М.: Материк, 2007. – С. 104–130.

Лескинен М.В. Рец. на: Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / М.В. Лескинен // Славяноведение. – 2009. – № 1. – С. 111–116.

Лескинен М.В. Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2010. – 368 с.

Лескинен М.В. «Отечество» и «Родина» в российских учебниках географии последней трети XIX в. Конструирование территориальной идентичности / М.В. Лескинен // Культура сквозь призму идентичности. – М.: Индрик, 2006. – С. 126–152.

Лимонов Ю.А. Русские летописи и русская историография XV–XVI вв. / Ю.А. Лимонов // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. – М.: Наука, 1976. – С. 157–165.

Лимонов Ю.А. Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. / Ю.А. Лимонов. – Л.: Наука, 1978. – 272 с.

Лимонов Ю.А. Ян Длугош и русские летописи // Культурные связи России с европейскими странами в XV–XVII вв. – Л.: Наука, 1978.

Лимонов Ю.А. Польский хронист Ян Длугош о России / Ю.А. Лимонов // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. – М.: Наука, 1972. – 439 с.

Лимонов Ю.А. Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси /

Ю.А. Лимонов // Проблемы истории феодальной России. – Л.: Наука, 1971. Лимонов Ю.А. Летописания Владимиро-Суздальской Руси / Ю.А. Лимонов. – Л.: Наука, 1967. – 204 с.

Липатов А.В. Стереотипы национального восприятия: специфика национальной истории, особенности национальной культуры и адекватная оптика научного рассмотрения / А.В. Липатов // *Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева*. – М.: Индрик, 2002. – С. 361–371.

Липатов А.В. В кругу вопросов польского понимания России / А.В. Липатов // *Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды*. М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 39–56.

Липатов А.В. Польскость в русскости: разнонаправленный параллелизм восприятия культуры западного соседа (Государство и гражданское общество) / А.В. Липатов // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. М.: Индрик, 2002. – С. 134–155.

Липатов А.В. *Polska Puszkina i Rosja Mickiewicza (konflikt mentalności narodowych w sferze wysokiej kultury)* / А.В. Липатов // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000. – S. 189–199.

Липатов А.В. Пушкин и Мицкевич: личная дружба или творческое содружество? / А.В. Липатов // *А.С. Пушкин и мир славянской культуры*. – М.: Институт славяноведения РАН, 2000. – С. 112–130.

Липатов А.В. Пушкин и Мицкевич: Два типа национальной проекции европеизма / А.В. Липатов // *Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре*. – М.: Наука, 2007. – С. 108–117.

Липатов А.В. Универсальное и национальное. Казус Гоголя / А.В. Липатов // *Н.В. Гоголь и славянские литературы*. – М.: Индрик, 2012. – С. 25–43.

Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение / Д.С. Лихачев. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1947. – 479 с.

Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом / Н.И. Лорер // *Мемуары декабристов*. – М.: Правда, 1988. – С. 313–545.

Малинов А.В., Погодин С.И. Владимир Иванович Герье / А.В. Малинов, С.И. Погодин. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. –

400 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Дебаты по польскому вопросу во Франкфурте / К. Маркс, Ф. Энгельс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1956. – Т. 5. – С. 335–388.

Матвеева Л.В. Владислав Бузескул: историк своего времени / Л.В. Матвеева. – Киев, ИД «Стилос», 2008. – 713 с.

Медведская Л.А. Южное общество декабристов и Польское патриотическое общество / Л.А. Медведская // Очерки из истории движения декабристов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – С. 276–319.

Мезин С.А. Н.М. Карамзин и историческое сознание русского общества второй половины XVIII – первой четверти XIX века / С.А. Мезин // Исторические воззрения как форма общественного сознания. Ч. 2. – Саратов: Саратовский государственный технический университет, 1995. – С. 43–51.

Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования / А.И. Миллер. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.

Миллер А.И. История понятия *нация* в России // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода. Т. 2. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–49.

Милош Ч. Родная Европа / Ч. Милош. – М. – Вроцлав: Летний сад; Коллегиум Восточной Европы им. Яна Новака Езёранского, 2011. – 288 с.

Милош Ч. Взгляд польского литератора на отношения двух славянских народов / Ч. Милош // Родина. – 1994. – № 12. – С. 10–15.

Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли / П.Н. Милюков. – М.: Государственная публичная историческая библиотека, 2006. – 400 с.

Милюков П.Н. Разложение славянофильства: Данилевский, Леонтьев, Вл. Соловьев / П.Н. Милюков. – М.: Типо-Литография Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1893. – 53 с.

Милюков П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков. – М.: Политиздат, 1991. – 528 с.

Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). Материалы научной конференции. Москва 18 – 19 мая 2007 г. – М.: ИВИ РАН, 2007. – 132 с.

- Миско М.В. Польское восстание 1863 г. / М.В. Миско. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 336 с.
- Митина Н.П. Изучение истории Польши в Великобритании / Н.П. Митина // Славяноведение и балканистика за рубежом / Отв. ред. А.С. Мыльников. – М.: Наука, 1980. – С. 131–144.
- Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / Редакторы-составители И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. – М.: Новое издательство, 2010. – 428 с.
- Михайловский Г.Н. Записки. Из истории Российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. Кн. 1–2. – М.: Международные отношения, 1993. – Кн. 1. – 519 с. Кн. 2. – 687 с.
- Михальченко С.И. Юридический факультет Варшавского университета. 1869–1917: Краткий исторический очерк / С.И. Михальченко. – Брянск: Изд-во Брянск. Гос. пед. Ун-та, 2000. – 155 с.
- Михальченко С.И. Кафедры русской и всеобщей истории в Варшавском университете (1869–1915) // С.И. Михальченко / Философский век. История университетского образования в России и международные традиции Просвещения. СПб.: Санкт-Петербургский центр истории идей, 2005. – С. 11–18.
- Моисеева Г.Н. Русская историческая проза первой половины XVIII в. и польские историки // Польско-русские литературные связи. М., 1970.
- Моисеева Г.Н. Соловецкий сборник в исторических и литературных сочинениях М.В. Ломоносова // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969.
- Мочалова В.В. Образ Марины Мнишек в историографии и литературе / В.В. Мочалова // Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева. – М.: Индрик. – С. 372–397.
- Мочалова В.В. Славянская тема у Гоголя / В.В. Мочалова // Н.В. Гоголь и славянские литературы. – М.: Индрик, 2012. – С. 44–63.
- Мочалова В.В. Петербургские поляки (Сенковский, Булгарин) и Мицкевич // Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре. – М.: Наука, 2007. С. 118–135.
- Мочалова В.В. Польская тема у Пушкина / В.В. Мочалова // А.С. Пушкин и мир

- славянской культуры. – М.: Институт славяноведения РАН, 2000. – С. 131–152.
- Мочалова В.В. Представления о России и их верификация в Польше XVI–XVII вв. / В.В. Мочалова // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. – С. 44–64.
- Мочалова В.В. Литература и политика: из истории русско-польских отношений в XVII в. / В.В. Мочалова // *Studia polonogossica*. К 80-летию Елены Захаровны Цыбенко. М.: Изд-во Московского университета, 2003. – С. 45–54.
- Мочалова В.В. Польская тема в русских памятниках XVI века / В.В. Мочалова // Поляки и русские в глазах друг друга. – М.: Индрик, 2000. – С. 45–72.
- Мочалова В.В. *Polska i Polacy oczyma Rosjan w wieku XVII // Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000. – С. 67–81.
- Муравьева О.С. «Бродячие метафоры» в текстах Пушкина / О.С. Муравьева // Пушкин и его современники. Вып. 4 (43) / Под ред. Е.О. Ларионовой. – СПб.: Нестор-История, 2005. – С. 420–432.
- Муравьева О.С. «Вражды бессмысленной позор...» Ода «Клеветникам России» в оценках современников / О.С. Муравьева // *Новый мир*. – 1994. – № 6. – С. 198–204.
- Мыльников А.С. Об истоках становления славяноведения в России (К вопросу об изучении ”предыстории” славистики) / А.С. Мыльников // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике*. – М.: Наука, 1984. – С. 5–42.
- Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начала XVIII века / А.С. Мыльников. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 320 с.
- Мыльников А.С. Об истоках становления славяноведения в России. (К вопросу об изучении «предыстории» славистики) / А.С. Мыльников // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике*. – М.: Наука, 1984. – С. 5–42.
- Мыльников А.С. Проблемы периодизации истории мировой славистики: цели и принципы / А.С. Мыльников // *Методологические проблемы истории славистики*. – М.: Наука, 1978. – С. 40–55.

Мыльников А. С. Славянская тема в трудах Татищева и Ломоносова: Опыт сравнительной характеристики / А.С. Мыльников // Ломоносов: Сб. статей и материалов / Отв. ред. Э.П. Карпеев. – СПб., 1991. Т. 9. – С. 28–38.

Мыльников А.С. Становление истории славистики в России / А.С. Мыльников // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1981. – С. 113–136.

Мягков Г.П. В.И. Герье и его наследие в отечественной историографии: историко-научные и идейные интерпретации // Мир историка. Владимир Иванович Герье (1837–1919). – С. 82–91.

Мягков Г.П. Кто Вы, профессор В.И. Герье? Наследие ученого в отечественной историографии / Г.П. Мягков // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье. – М.: ИВИ РАН, 2008. – С. 21–62.

Мягков Г.П. «Русская историческая школа». Методологические и идейно-политические позиции / Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1988. – 198 с.

Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке. Опыт «русской исторической школы» / Г.П. Мягков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 2000. – 295 с.

Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «досуговый дискурс» историка / Г.П. Мягков, В.А. Филимонов // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. – 2010. – Т. 152. – Кн. 3. – Ч. 1. – С. 166–178.

Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев и «толстые журналы» его времени: в поисках «своего» издания / Г.П. Мягков, В.А. Филимонов // Мир историка: историографический сборник. Вып. 6. – Омск, 2010. – С. 347–353.

Наливайко Р.А. О русско-литовских источниках XV в. “Annales Poloniae” Яна Длугоша / Р.А. Наливайко // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2007. – Сер. 2. История. – Вып. 3. – С. 55–62.

Нечухрин А.Н. Формирование Центра историографических исследований в Гродненском государственном университете шимени Янки Купалы / А.Н. Нечухрин // Развитие методологических исследований и подготовка кадров истори-

ков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша. – Гродно: ГрГУ им. Я. Купалы, 2012. – С. 76–84.

Нечухрин А.Н. Теоретико-методологические основы российской позитивистской историографии (80-е гг. XIX в. – 1917 г.) / А.Н. Нечухрин. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 349 с.

Николаев С.И. От составителя // Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв. Библиографические материалы / С.И. Николаев. – СПб.: Нестор-История, 2008. – С. 3–9.

Нилова В.А., Штакельберг Ю.И. «Записки о польских заговорах и восстаниях» Н.В. Берга (Судьба одного труда) / В.А. Нилова, Ю.И. Штакельберг // Славянский альманах. 2007. – М.: Индрик, 2008. – С. 44–65.

Носов Б.В. Планы заключения русско-польского союза в 1764 году: к обсуждению проблемы / Б.В. Носов // Славяноведение. – 2001. – № 2. – С. 45–59.

Носов Б.В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764–1766 гг. / Б.В. Носов // Славянские народы: общность истории и культуры. – М.: Индрик. 2001. – С. 100–140.

Носов Б.В. Разделы Речи Посполитой и русско-польские отношения второй половины XVIII века в зарубежной историографии (1970-е – начало 1990-х годов) / Б.В. Носов // Славяноведение. – 1993. – № 5. – С. 86–100.

Носов Б.В. Разделы Речи Посполитой в трудах польских и российских историков второй половины XIX – начала XX вв. и становление современной историографии / Б.В. Носов // Российско-польские научные связи в XIX – XX вв. – М.: Индрик, 2003. – С. 103–116.

Носов Б.В. «Упадок Речи Посполитой» и разделы Польши в общественной и исторической мысли европейских стран XVIII – начала XIX вв. / Б.В. Носов // Россия. Польша. Германия: История и современность европейского единства в идеологии, политике, культуре. – М.: Индрик, 2009. – С. 231–251.

Носов Б.В. Установление российского господства в Речи Посполитой / Б.В. Носов. – М.: Индрик. 2004. – 727 с.

Обушенкова Л.А. «Журнал военных действий штаба войск в Царстве Польском» за 1863–1864 гг. как исторический источник / Л.А. Обушенкова // Русско-

польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года. М.: Наука, 1962. – С. 179–215.

Обушенкова Л.А. Королевство Польское в 1815–1830 гг. Экономическое и социальное развитие / Л.А. Обушенкова. – М.: Наука, 1979. – 293 с.

Окунь С.Б. Декабрист М.С. Лунин / С.Б. Окунь. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. – 279 с.

Орлов Вл. Денис Давыдов и его «Записки» / В. Орлов // Давыдов Д.В. Военные записки. – М.: Воениздат, 1940. – С. 3–28.

Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815–1917 / Под ред. В.А. Дьякова, А.Я. Манусевича, И.С. Миллера. – М.: Наука, 1976. – 602 с.

Очерки истории исторической науки в СССР / Под ред. М.В. Нечкиной. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – Т. 3. – 831 с.

Павленко Н.И. Михаил Погодин / Н.И. Павленко. – М.: Памятники исторической мысли, 2003. – 360 с.

Парсамов В.С. Пути развития русской общественной мысли первой четверти XIX века / В.С. Парсамов // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 2011. – С. 180–197.

Парсамов В.С. Польский вопрос и русское общество между Венским конгрессом и польским восстанием 1830–1831 годов / В.С. Парсамов // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2003. – Вып. 1. – С. 119–144.

Пештич С.Л. «Синописис» как историческое произведение // ТОДРЛ. – 1958. – Кн. XV. – С. 284–298.

Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. 1. / С.Л. Пештич. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1961. – 275 с.

Пештич С.Л. Русская историография XVIII в. Ч. III. / С.Л. Пештич. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1971. – 172 с.

Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) / В.И. Пичета // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.И. Пичеты. – М.: Наука, 1978. С. 52–65.

Пичета В.И. Воспоминания о Московском университете (1897–1901) / В.И. Пи-

чета // Московский университет в воспоминаниях современников. – М.: Современник, 1989. – С. 583–595.

Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI – XVII вв. / С.Ф. Платонов. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. – 518 с.

Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб.: 1997.

Погодин С.Н., Малинов А.В. Владимир Иванович Герье / С.Н. Погодин, А.В. Малинов. – СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. – 400 с.

Польские профессора и студенты в университетах России (XIX – начало XX вв.). – Варшава: Изд-во Urowszechnianie Nauki – Oświata, 1995. – 205 с.

Польша и Россия в первой трети XIX века. Из истории автономного Королевства Польского. 1815–1830. – М.: Индрик, 2010. – 584 с.

Поляки и русские в глазах друг друга / Отв. ред. В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2000. – 271 с.

Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание / Сост. А.В. Липатов, И.О. Шайтанов. – М.: Индрик, 2000. – 240 с.

Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние конфликты разделов Речи Посполитой / Отв. ред. Б.В. Носов. – М.: Институт славяноведения РАН, 1999. – 226 с.

Попков Б.С. Иоахим Лелевель о национально-освободительной борьбе польского народа и путях возрождения Польши / Б.С. Попков // Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. – М.: Наука, 1970. – С. 272–290.

Попков Б.С. Польский ученый и революционер Иоахим Лелевель. Русская проблематика и контакты / Б.С. Попков. – М.: Наука, 1974. – 209 с.

Проскурина В. Мифы империи. Литература и власть в эпоху Екатерины II / В. Проскурина. – М.: НЛЮ, 2006. – 328 с.

Пушкарев А.С. «Вы грозны на словах – попробуйте на деле»: А.С.Пушкин как выразитель русского общественного мнения о Польском восстании 1830–1831 гг. / А.С. Пушкарев // Наш современник. – 2001. – № 6. – С. 246–253.

Революционная Россия и революционная Польша (Вторая половина XIX в.) /

- Под ред. В.А. Дьякова. – М.: Наука. 1967. – 464 с.
- Ревуненков В.Г. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия / В.Г. Ревуненков. – Л.: Изд-во ЛГУ. 1957. – 357 с.
- Робинсон М.А. Теоретические основы трудов русских историков-славяноведов начала XX в. / М.А. Робинсон // *Историографические исследования по славяноведению и балканистике* / Отв. ред. В.А. Дьяков. – М.: Наука, 1984. – С. 216–239.
- Рейтблат А.И. Рец. на: Кузовкина Т. Феномен Булгарина: проблема литературной тактики. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 161 с. [Электронный ресурс] / А.И. Рейтблат // *Новое литературное обозрение*. – 2007. – № 88. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/re18.html>
- Репина Л.П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л.П. Репина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2009. – 320 с.
- Рогов А.И. Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его Хроника) / А.И. Рогов. – М.: Наука, 1966. – 311 с.
- Рогов А.И. Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. / А.И. Рогов // *Источники и историография славянского средневековья*. – М.: Наука, 1967. – С. 145–157.
- Ромек З. Историческая проблематика на страницах «Атенеума» (1876–1901 гг.) / З. Ромек // *Славянские народы: общность истории и культуры*. – М.: Индрик. 2001. – С. 256–285.
- Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В.К. Волков. – М.: Индрик, 2003. – 288 с.
- Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре / Отв. Ред. В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2002. – 344 с.
- Рубинштейн. Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – М.: «ОГИЗ, Госполитиздат». 1941. – 659 с.
- Рубинштейн. Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. – 938 с.
- Рудницкая Е.Л. Русская революционная мысль. Демократическая печать / Е.Л. Рудницкая. – М.: Наука, 1984. – 328 с.

Русский сборник. Вып. XV. Польское восстание 1863 года / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, Мирослав Йованович и др. – М.: Модест Колеров, 2013. – 536 с.

Русское историческое повествование XVI–XVII веков / Сост., предисловие, подготовка древнерусских текстов, перевод и примечания Ю.А. Лабынцева. –

Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года / Под. Ред. В.А. Дьякова, В.Д. Королюка, И.С. Миллера. – М.: Изд-во Академии наук СССР. 1962. – 609 с.

Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты / Отв. ред. С. Гжибовский, В.А. Хореев, М. Волос. – М.: Квадрига, 2011. – 336 с.

Савран Е.В. В.И. Григорович и М.П. Погодин (по данным переписки) / Е.В. Савран // Славистика в университетах России. Тверь, 1993. – С. 68–81.

Сахаров А.Н. Бессмертный историограф: Николай Михайлович Карамзин // Историки России. XVIII – начало XX века / Отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Скрипторий, 1996. – С. 78–123.

Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке / А.Н. Сахаров // История и историки. Историографический ежегодник. – М.: Наука, 2002. – С. 3–28.

Сахаров А.Н. Уроки «бессмертного историографа» / А.Н. Сахаров // Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. – Т. I. – С. 415–460.

Сахаров А.Н., Свердлов М.Б. Послесловие. Начальный период отечественной истории в освещении Н.М. Карамзина / А.Н. Сахаров, М.Б. Свердлов // Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Наука, 1989. – Т. I. – С. 383–399.

Сахаров В.И. Военная муза Дениса Давыдова // Давыдов Д. Стихотворения. Военные записки. М.: Олма-Пресс, 1999. – С. 3–18.

Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания / . М.: Изд-во МГУ. 1995. – 271 с.

Свердлов М.Б. Василий Никитич Татищев – автор и редактор «Истории Российской» / М.Б. Свердлов. – СПб.: Европейский Дом, 2009. – 341 с.

Свердлов М.Б. М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России / М.Б. Свердлов. – СПб.: Нестор-История, 2011. – 916 с.

- Свирида И.И. Между Петербургом, Варшавой и Вильно. Художник в культурном пространстве / И.И. Свирида. – М.: ОГИ, 1999. – 360 с.
- Свирида И.И. О гедонистической ипостаси топоса Варшавы / И.И. Свирида // *Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева*. – М.: Индрик, 2002. – С. 398–408.
- Свирида И.И. Историческая рефлексия в искусстве эпохи Просвещения / И.И. Свирида // *История и культура*. – М.: Институт славяноведения РАН, 1991. – С. 53–55.
- Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь / Отв. ред. В.А. Дьяков. – М.: Наука, 1979. – 409 с.
- Славяноведение в дореволюционной России. Изучение южных и западных славян / Отв. Ред. Д.Ф. Марков, В.А. Дьяков. – М.: Наука, 1988. – 400 с.
- Сладкевич Н.Г. Очерки истории общественной мысли России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX века (Борьба общественных течений в годы первой революционной ситуации). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. – 286 с.
- Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 127 с.
- Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: Сб. научных статей / Под науч. ред. проф. А.Н. Нечухрина. – Гродно: Гродненский государственный университет, 2013. – 403 с.
- Смирнов А.Ф. Революционные связи народов России и Польши: 30 – 60-е годы XIX в. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 427 с.
- Смирнов А.Ф. Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии / А.Ф. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 392 с.
- Софронова Л.А. «Отрывок III части Дзядов»: русские и Россия / Л.А. Софронова // *Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева*. М., Индрик. М.: Индрик, 2002. – С. 409–422.
- Софронова Л.А. «Чужие» и «свои» на страницах ранних гоголевских повестей / Л.А. Софронова // *Н.В. Гоголь и славянские литературы*. – М.: Индрик, 2012. – С. 64–78.
- Стайцов Р.Е. М.П. Погодин и польское восстание 1830–1831 гг. / Р.Е. Стайцов //

Платоновские чтения: материалы и доклады XIV Всероссийской конференции молодых историков. – Самара: Издательство «Самарский университет». 2008. – С. 124–127.

Стайцов Р.Е. Тема Польши в публицистике М.П. Погодина (50-е годы XIX в.) / Р.Е. Стайцов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. История. – 2010. – № 6. – С. 222–228.

Старчевский А.В. Очерк литературы русской истории до Карамзина. – СПб.: В Типографии К. Жернакова, 1845. – 292 с.

Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II: 1772, 1793, 1795 / П.В. Стегний. – М.: Международные отношения, 2002. – 692 с.

Стецкевич С.М., Якубский В.А. Фридрих Энгельс о внутренних причинах падения Речи Посполитой (К вопросу об истоках марксистской концепции) / С.М. Стецкевич, В.А. Якубский // Центральная и Юго-Восточная Европа в Новое время. – М.: Наука, 1974. С. 218–231.

Стецкевич С.М., Якубский В.А. Становление и развитие советской исторической полонистики / С.М. Стецкевич, В.А. Якубский // Исследования по историографии славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1981. – С. 22–54.

Тарле Е.В. Екатерина II и ее дипломатия / Е.В. Тарле. – М.: [б.и.] 1945. – Ч. 1, 2.

Тихомиров М.Н. О русских источниках «Истории Российской» / М.Н. Тихомиров // Татищев В.Н. История Российская. – М.; Л.: Наука, 1962. – Т. 1. – С. 39–53.

Толочко А. «История Российская» Василия Татищева. Источники и известия / А. Толочко. – М.: Новое литературное обозрение; Киев: Критика, 2005. – 541 с.

Тихомиров М.Н. Труды В.Н. Татищева / М.Н. Тихомиров // Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. (1955–1985). – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1.

Толстой А.К. История Государства Российского от Гостомысла до Тимашева / А.К. Толстой // Толстой А.К. Избранные сочинения. – В 2 т. – М.: Литература, 1998. – Т. 1. – С. 193–205.

Топоров В.Н. Ответ русской литературы на первый раздел Польши // Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева. – М.: Индрик, 2002. – С.

183 – 197.

Турилов А.А. Возникновение древнерусского государства в восточнославянской «легендарной» историографии XVII в. / А.А. Турилов // Древняя Русь и Средневековая Европа: Возникновение государств. – М.: ИВИ РАН, 2012. – С. 289–292.

Умбрашко К.Б. М.П. Погодин: Человек. Историк. Публицист К.Б. Умбрашко / К.Б. Умбрашко. – М.: Институт Российской истории РАН, 1999. – 293 с.

Фалькович С.М. Идеино-политическая борьба в польском освободительном движении 50–60-х гг. XIX в. / С.М. Фалькович. – М.: Наука, 1966. – 332 с.

Фалькович С.М. Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50-60-е гг. XIX в. / С.М. Фалькович // *Studia Polonica: К 70-летию Виктора Александровича Хорева*. – М.: Индрик, 2002. – С. 49 – 59.

Фалькович С.М. Концепции славянского единства в польской и русской общественной мысли (Эпоха польских национально-освободительных восстаний) / С.М. Фалькович // *Славянский вопрос: Вехи истории*. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. – С. 107–117.

Фалькович С.М. Польский вопрос в трех российских революциях / С.М. Фалькович // *Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды*. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 20–27.

Фалькович С.М. Представления русских о религиозности поляков и его роль в создании национального польского стереотипа / С.М. Фалькович // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. – М.: Индрик, 2002. – С. 99–109.

Фалькович С.М. Значение фактора Европы для истории, культуры, общественного сознания и менталитета поляков / С.М. Фалькович // *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. – М.: Индрик, 2004. – С. 55–61.

Фалькович С.М. Основные черты польского национального характера в представлениях русских (Эволюция стереотипа) // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. – Warszawa, 2000. – С. 115–140.

Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – начало XX вв. / Сост. Р.А. Гальцева. – М.: Книга, 1990. – 528 с.

Филатова Н. Польша в синтезах российской историографии (Карамзин – Соловьев – Ключевский) / Н. Филатова // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2000. – С. 141–150.

Филатова Н.М. Русские и поляки в Королевстве Польском (1815–1830): стереотипы взаимного восприятия / Н.М. Филатова // *Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре*. – М.: Индрик, 2002. – С. 110–118. Филатова Н.М. Образ врага в польской повстанческой поэзии 1830–1831 гг. / Н.М. Филатова // *Культура сквозь призму идентичности*. М.: Индрик, 2006. – С. 85–102.

Филатова Н. Эпоха конституционного Королевства Польского (1815–1830) в зеркале романтизма / Н. Филатова // *Польская культура в зеркале веков*. М.: Материк, 2007. – С. 209–225.

Филатова Н.М. Император Александр I в отражении польской литературы / Н.М. Филатова // *Русско-польские языковые, литературные и культурные контакты*. – М.: Квадрига, 2011. – С. 115–138.

Флоря Б.Н. У истоков религиозного раскола славянского мира / Б.Н. Флоря. – СПб.: Алетейя, 2004. – 221 с.

Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество / Б.Н. Флоря. – М.: Индрик, 2005. – 416 с.

Флоря Б.Н. Приложение. Образ поляка в древнерусских памятниках о Смутном времени / Б.Н. Флоря // *Флоря Б.Н. Польско-литовская интервенция в России и русское общество*. – М.: Индрик, 2005. – С. 381–414.

Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1665–1661 гг.) / Б.Н. Флоря. – М.: Индрик, 2010. – 656 с.

Францев В.А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.: Опыт исторического комментария к стихотворениям «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» / В.А. Францев // *Пушкинский сборник*. – Прага: Тип. «Политика», 1929. – 144 с.

Фризман Л. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. / Л. Фризман // *Вопро-*

сы литературы. – 1992. – Вып. 3. – С. 209–237.

Хорев В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки / В.А. Хорев. – М.: Индрик, 2005. – 231 с.

Хорев В.А. А. Мицкевич и польский канон восприятия России / В.А. Хорев // Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. – М.: Индрик, 2012. – С. 23–36.

Хорев В.А. «Тарас Бульба» в Польше // Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., Индрик, 2012. – С. 51–58.

Хорев В.А. Варшавские позитивисты о России и русской литературе / В.А. Хорев // Хорев В.А. Восприятие России и русской литературы польскими писателями. – М.: Индрик, 2012. – С. 59–70.

Хорев В.А. Роль польского восстания 1830 г. в утверждении негативного образа Польши в русской литературе / В.А. Хорев // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. – М.: Индрик, 2000. – С. 100–119.

Хорев В.А. О живучести стереотипов / В.А. Хорев // Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. – М.: Индрик, 2002. С. 17–26.

Хорошкевич А.Л. К истории создания повести «Тарас Бульба» Н.В. Гоголя в контексте русско-славянских отношений 1830-х гг. и мифа эпохи романтизма о славянском единстве / А.Л. Хорошкевич // Н.В. Гоголь и славянские литературы. – М.: Индрик, 2012. – С. 79–107.

Хроника Мацея Стрыйковского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). – Ч. 4. Т – Я. Дополнения. – СПб.: Наука, 2004. – С. 215–218.

Хроника Александра Гваньини // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т – Я. Дополнения. – СПб.: Наука, 2004. – С. 205–207.

Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4. Т–Я. Дополнения. – СПб.: 2004. – С. 219–220.

Цамутали А.Н. Борьба течений в русской историографии во второй половине XIX века / А.Н. Цамутали. – Л.: Наука, 1977. – 256 с.

Цамутали А.Н. Я родился историком: Сергей Михайлович Соловьев / А.Н. Цамутали // Историки России. XVIII – начало XX века. – М.: Скрипторий, 1996. –

С. 215–243.

Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во Московского университета, 1978. – 264 с.

Цимбаев Н.И. Сергей Соловьев / Н.И. Цимбаев. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 366 с.

Цимбаев Н.И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во Московского университета, 1986. – 269 с.

Цимбаев Н.И. Славянофильство и западничество. Поиски пути общественного развития / Н.И. Цимбаев // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. – С. 198–216.

Цыбенко О.В. Польша и поляки в русской литературе конца XIX – начала XX века / О.В. Цыбенко // *Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków*. Warszawa, 2000. – С. 263–273.

Цыбенко Е.З. Гоголь и польская литературы (XIX век) / Е.З. Цыбенко // Н.В. Гоголь и славянские литературы. – М.: Индрик, 2012. – С. 227–238.

Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики / Д.А. Цыганков. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 503 с.

Черепнин Л.В. Исторические взгляды классиков русской литературы / Л.В. Черепнин. – М.: Мысль, 1968. – 384 с.

Черепнин Л.В. С.М. Соловьев как историк / Л.В. Черепнин // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. М.: Наука, 1984. – С. 9–44.

Черепнин Л.В. А.Л. Шлецер и его место в развитии русской исторической науки / Л.В. Черепнин // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1984. – С. 45–73.

Черепнин Л.В. В.О. Ключевский / Л.В. Черепнин // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1984. – С. 74–91.

Черепнин Л.В. Отзыв о докторской диссертации С.Л. Пештича «Русская историография XVIII века» (Л., 1961–1963, ч. 1–2) // Черепнин Л.В. Отечественные историки XVIII–XX вв. – М.: Наука, 1984. – С. 326–328.

- Чернуха В.Г. Правительственная политика в отношении печати 60–70-е годы XIX века / В.Г. Чернуха. – Л.: Наука, 1989. – 207 с.
- Чистякова Е.В. Андрей Иванович Лызлов и его книга «Скифская история» / Е.В. Чистякова // Лызлов А.И. Скифская история. – М.: Наука, 1990. – С. 360–390.
- Чистякова Е.В. «Скифская история» А.И. Лызлова и труды польских историков XVII–XVIII вв. / Е.В. Чистякова // ТОДРЛ. – М.; Л., 1963. – Т. XIX. – С. 348–357.
- Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». Очерки о русских историках второй половины XVII века / Е.В. Чистякова, А.П. Богданов. – М.: Изд-во Университета Дружбы народов, 1988. – 133 с.
- Чубарова В.В. Стереотип поляка в польском и русском восприятии: опыт антропологического исследования / В.В. Чубарова // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2008. – Вып. 206. – С. 3–30.
- Шайтанов И.О. Пушкин и польский вопрос в контексте идеи всемирной истории / И.О. Шайтанов // Поляки и русские: взаимопонимание и взаимонепонимание. – М.: Индрик, 2000. – С. 76–84.
- Шапино А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г. / А.Л. Шапино. – М.: Изд-во «Культура», 1993. – 761 с.
- Шаханов А.Н. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский // Вопросы истории. – 2000. – № 3. – С. 146–155.
- Шаханов А.Н. С.М. Соловьев как преподаватель / А.Н. Шаханов // История и историки. 2002. – М.: Наука, 2002. – С. 96–137.
- Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты / А.Н. Шаханов. – М.: Наука, 2003. – 419 с.
- Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях / А.А. Шахматов. – М.: Академический проект; Жуковский: Кучково поле, 2001. – 381 с.
- Шахматов А.А. «Повесть временных лет» и ее источники / А.А. Шахматов // ТОДРЛ. – 1940. – Т. IV. – С. 9–150.
- Шмидт С.О. Памятники письменности в культуре познания истории России / С.О. Шмидт. – М.: Языки славянских культур, 2009. – Т. 2. – Кн. 1. – 576 с.

Шперлинг В. «Спящая красавица»: что делать? Империя как понятие, метафора и сеть взаимодействий / В. Шперлинг // Понятия о России. К исторической семантике имперского периода. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 2. – С. 71 – 98.

Штакельберг Ю.Н. Материалы по истории восстания 1863 г. в архиве Н.И. Павлицева / Ю.Н. Штакельберг // Революционная Россия и революционная Польша (вторая половина XIX века). – М.: Наука, 1967. – С. 429–441.

Штакельберг Ю.Н. Павлицев Николай Иванович / Ю.Н. Штакельберг // Русские писатели. 1800–1917. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. – Т. 4. М–П. – С. 478–479.

Щавелева Н.И. Древняя Русь в «Польской истории Яна Длугоша» (книги I – VI): Текст, перевод, комментарий / Н.И. Щавелева. – М.: Памятники исторической мысли, 2004. – 495 с.

Эйдельман Н.Я. Последний летописец / Н.Я. Эйдельман. – М.: Книга, 1983. – 174 с.

Эйдельман Н.Я. Лунин и его сочинения / Н.Я. Эйдельман // Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. – Иркутск, 1988. – С. 3–78.

Эйдельман Н.Я. М.С. Лунин и его сибирские сочинения / Н.Я. Эйдельман // Лунин М.С. Письма из Сибири. – М.: Наука, 1988. – С. 301 – 352.

Ягич И.В. История славянской филологии / И.В. Ягич. – М.: Индрик, 2003. – 976 с.

Яжборовская И.С. У истоков польского освободительного движения / И.С. Яжборовская. – М.: Наука, 1976. – 412 с.

Яжборовская И.С. Идеиное развитие польского революционного рабочего движения (конец XIX – первая треть XX вв.) / И.С. Яжборовская. – М.: Наука, 1973. – 415 с.

Яжборовская И.С. Россия и Польша: на исторических переломах XX века // Революционная Россия 1917 года и польский вопрос: новые источники, новые взгляды. – М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – С. 28–38.

Якубский В.А. Республиканские и монархические тенденции в Речи Посполитой накануне ее падения и их освещение в историографии / В.А. Якубский //

Развитие капитализма и национальные движения в славянских странах. – М.: Наука, 1970. – С. 253–272.

Якубский В.А. Польское крестьянство в XVI – середине XIX в. / В.А. Якубский // История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма. В 3 т. – Т. 3. – М.: Наука, 1986. – С. 248–272.

Якубский В.А. Фундаментальные идеи российской полонистики XIX в. / В.А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 2. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. – С. 3–15.

Якубский В.А. «Польское бескоролье» А.С. Трачевского и его историографический контекст / В.А. Якубский // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2001. – Вып. 3. – С. 146–164.

Barycz H. Jerzy Samuel Bandtkie założyciel studium historycznego w Krarowie / H. Barycz // Barycz H. Wśród gawedziarzy, pamiętnikarzy i uczynych galicyjskich. – Т. 2. – Kraków, 1963. – S. 35–50.

Bieńkowski W. Gumplowicz Ludwik (1838–1909) // Polski Słownik biograficzny. Т. IX / 1. Wrocław – Kraków – Warszawa, 1960. – S. 150–153.

Borkowska G. Pozytywiści i inni / G. Borkowska. – Warszawa: Polskie Wydawnictwo Naukowe, 1996. – 214 s.

Błachowska K. Narodziny Imperium: Rozwój terytorialny państwa carów w ujęciu historyków rosyjskich XVIII i XIX wieku / K. Błachowska. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2001. – 350 s.

Błachowska K. Wiele historii jednego państwa: Obraz Wielkiego Księstwa Litewskiego do 1569 roku w ujęciu historyków polskich, rosyjskich, ukraińskich, litewskich i białoruskich w XIX wieku / K. Błachowska. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2009. – 408 s.

Bobrzyński M., Smolka S. Jan Długosz: Jego życie i stanowisko w piśmiennictwie / M. Bobrzyński, S. Smolka. – Kraków: Księgarnia Spółki Wydawniczej Polskiej, 1893. – 336 s.

Bortnowski W. Aleksander Pogodin jako popularyzator historii Polski i „spraw

- polских” w Rosji w latach 1901–1905 / W. Bortnowski // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Łódź. – 1963. – Ser. 1. – Zeszyt 30. – S. 139–156.
- Bortnowski W. Powstanie listopadowe w oczach Rosjan / W. Bortnowski. – Warszawa: Zakł. Graf. Politechniki Warsz., 1964. – 241 s.
- Cegelski T., Kądziela Ł. Rozbiory Polski. 1772 – 1793 – 1795 / T. Cegelski, Ł. Kądziela. – Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1990. – 351 s.
- Chyliński J. Sołowjewa „Istoria padenija Polshi”. Moskwa, 1863. str. 369 / J. Chyliński // Biblioteka Ossolińskich. – T. 9. – Lwów: W drukarni Zakładu Narod. Im. Ossolińskich, 1866. – S. 343–422.
- Dusza polska i rosyjska (od Adama Mickiewicza i Aleksandra Puszkina do Czesława Miłosza i Aleksandra Sołżenicyna). Materiały do ”katalogu“ wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan / Red. A. De Lazari. – Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2004. – 445 s.
- Falkowicz S. Polska problematyka w rosyjskiej historiografii / S. Falkowicz // «O nas bez nas». Historia Polski w historiografiach obcojęzykowych. – Poznań, 2007. – S. 101–122.
- Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866) / H. Głębocki. – Kraków: Arkana, 2000. – 581 s.
- Głębocki H. „Diabeł Asmodeusz” w niebieskich binoklach i kraj przyszłości. Hr. Adam Gurowski i Rosja / H. Głębocki. – Kraków: Arkana, 2012. – 812 s.
- Grabski A.F. Zarys historii historiografii polskiej / A.F. Grabski. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2003. – 277 s.
- Grabski A.F., Serejski M.H. Michał Bobrzyński i jego „Dzieje Polski w zarysie” / A.F. Grabski, M.H. Serejski // Bobrzyński M. Dzieje Polski w zarysie. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1974. – S. 5–34.
- Jaszczuk A. Spór pozytywistów z konserwatystami o przyszłość Polski (1870–1903) / A. Jaszczuk. – Warszawa, Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 1986. – 292 s.
- Kądziela Ł. Od Konstytucji do insurekcji. Studia nad dziejami Rzeczypospolitej w latach 1791–1794 / Ł. Kądziela. – Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2011. – 321 s.
- Kępiński A. Lach i Moskal. Z dziejów stereotypu / A. Kępiński. Warszawa – Kraków, 1990. – 221 s.

- Kieniewicz S. Powstanie styczniowe / S. Kieniewicz / Wyd. trzecie. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2009. – 816 s.
- Kieniewicz S., Zachorski A., Zajewski W. Trzy powstania narodowe: kościuszkowskie, listopadowe i styczniowe. – Warszawa: Książka i Wiedza, 2000. – 428 s.
- Kłak Cz. Romantyczne tematy i dylematy. Echa powstania listopadowego w literaturze, historiografii i publicystyce / Cz. Kłak. – Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1992. – 207 s.
- Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej / W. Konopczyński. – Warszawa: Instytut Wydawniczy PAX, 1986. – T. II. – 339 s.
- Konopczyński W. Pierwszy rozbiór Polski / W. Konopczyński. – Kraków: Arkana, 2010. – 342 s.
- De Lazari A., Riabow O. Polacy i Rosjanie we wzajemnej karykaturze. Warszawa, 2008.
- Korzon T. Błędy historiografii naszej w budowaniu dziejów Polski / T. Korzon // Historycy o historii. Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego. 1775–1918. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. – S. 357–371.
- Kutiawin W. Polska i Polacy w historiografii rosyjskiej / W. Kutiawin // Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. – Warszawa, 2006. – S. 411–440.
- Kutiawin W. Pamięć historyczna Rosjan: między dziejopisarstwem akademickim a historiografią „ludową” / W. Kutiawin // Pamięć i politika historyczna: Doświadczenia Polski i jej sąsiadów. – Łódź, 2008. – S. 35–43.
- Lubomirski. J.T. Rolnicza ludność w Polsce od XVI do XVIII wieku / T. Lubomirski. – Warszawa: W Drukarni Gazety Polskiej, 1862. – 84 s.
- Łukawski Z. Ludność Polska w Rosji. 1863–1914 / Z. Łukawski. – Wrocław – Warszawa – Kraków – Gdańsk, 1978. – 229 s.
- Mochnacki M. Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831 / M. Mochnacki. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1984. T. 1. – 378 s.; T. 2. – 535 s.
- Nowak A. Od Imperium do Imperium: Spojrzenia na historię Europy Wschodniej / A. Nowak. – Kraków: Arkana, 2004. – 399 s.
- Nowak A. Między carem i rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw

- Wielkiej Emigracji wobec Rosji 1831–1849 / A. Nowak. – Warszawa: Gryf, Instytut Historii PAN, 1994. – 369 s.
- Nowak A. Jak rozbić Rosyjskie imperium? Idee polskiej polityki wschodniej (1733–1921) / A. Nowak. – Kraków: Arcana, 1999. – 372 s.
- Nowak A. Historie politycznych tradycji. Piłsudski, Putin i inni / A. Nowak. – Kraków: Arkana, 2007. – 403 s.
- Nowak A. Od Polski do post-polityki. Intelktualna historia zapaści Rzeczypospolitej / A. Nowak. – Kraków: Arkana, 2011. – 342 s.
- Opacki Z. [Рец.] на: Leonid Gorizontow, Paradoksy imperskoj politiki poliakii w Rossii i russkije w Polsce, Izdatelstwo „Indrik”, Moskwa, 1999. s. 270 / Z. Opacki // Przegląd Historyczny. – T. XCI. – Zesz. 3. – Warszawa, 2000. – S. 484–488.
- Orłowski J. Z dziejów antypolskich obsesji w literaturze rosyjskiej: Od wieku XVIII do roku 1917 / J. Orłowski. – Warszawa, 1992. – 228 s.
- Polacy w oczach Rosjan – Rosjanie w oczach Polaków = Поляки глазами Русских – Русские глазами Поляков: zbiór studiów / Red. R. Bobryk, J. Faryno. – Warszawa: Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2000. – 430 s.
- Rzegocki A. Wstęp / A. Rzegocki // Tarnowski S. Z doświadczeń i rozmyślań. – Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2002. – S. VII–XXXI.
- Serejski M.H. Europa a rozbiory Polski / M.H. Serejski. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. – 515 s.
- Smoleński W. Szkoły historyczne w Polsce. Główne kierunki poglądów na przeszłość / Smoleński W. // Historycy o historii. Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego. 1775–1918. – Warszawa, 1963. – S. 345–356.
- Sobieski W. Optymizm i pesymizm w historiografii polskiej / W. Sobieski // Historycy o historii. Od Adama Naruszewicza do Stanisława Kętrzyńskiego. 1775–1918. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1963. – S. 560–579.
- Szwarc A. Pod obcą władzą. 1795 – 1864 / A. Szwarc. – Warszawa, 1997. – 133 s.
- Szwarc A. Od Wielopolskiego do stronnictwa polityki realnej: zwolennicy ugody z Rosją, ich poglądy i próby działalności politycznej (1864–1905) / A. Szwarc. – Warszawa: Gryf, 1996. – 331 s.
- Śliwowska W. Petersburg i społeczeństwo rosyjskie wobec kwestii polskiej w

- przededniu i w czasie powstania styczniowego / W. Śliwowska // Powstanie Styczniowe. 1863–1864. Wrzenie. Bój. Europa. Wizje. – Warszawa, 1990. – S. 541–571.
- Tarnowski S. Nasze położenie polityczne / S. Tarnowski // Tarnowski S. Z doświadczeń i rozmyślań. – Kraków: Ośrodek Myśli Politycznej, 2002. – S. 9–78.
- Tokarz W. Sprzysiężenie Wysockiego i noc Listopadowa / W. Tokarz. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1980. – 273 s.
- Tuszyńska A. Rosjanie w Warszawie / A. Tuszyńska. – Warszawa: Interim, 1992.
- Walicki A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska / A. Walicki. – Warszawa, 2002.
- Walicki A. Zarys myśli Rosyjskiej. Od Oświecenia do Renesansu religijno-filozoficznego / A. Walicki. – Kraków, 2005. – 862 s.
- Wierzbicki A. Europa w polskiej myśli historycznej i politycznej XIX i XX wieku / A. Wierzbicki. – Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2009. – 259 s.
- Wierzbicki A. Groźni i wielcy. Polska myśl historyczna XIX i XX wieku wobec rosyjskiej despotii / A. Wierzbicki. – Warszawa: Wydawnictwo Sic!, 2001. – 249 s.
- Wojtkowiak Z. Maciej Strykowski, dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: kalendarium życia i działalności / Z. Wojtkowiak. – Poznań: Wydawnictwo Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza 1990. – 246 s.
- Wołczuk J. Rosja i Rosjanie w szkołach Królestwa Polskiego. 1833–1862. / J. Wołczuk. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2005. – 395 s.
- Zajewski W. Europejskie konflikty dyplomatyczne. Wiek XIX / W. Zajewski. – Kraków: Wydawnictwo Arkana, 2012. – 249 s.
- Zajewski W. Powstanie listopadowe. 1830–1831. Polityka – Wojna – Dyplomacja / W. Zajewski. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2003. – 333 s.
- Zielińska M. Polacy. Rosjanie. Romantyzm / M. Zielińska. – Warszawa: Wydawnictwo IBL PAN, 1998. – 186 s.

